

XVII Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. В четырех книгах. Книга 4. Отв. ред. Е. Ясин. М.: НИУ ВШЭ, 2017

ISBN 978-5-7598-1636-2 (кн. 4)

ISBN 978-5-7598-1568-6

Настоящий материал содержит упоминание о лицах, признанных в Российской Федерации иностранными агентами. Лица, признанные иностранными агентами:

Автономная Некоммерческая Организация «Аналитический Центр Юрия Левады», 05.09.2016, страницы 234, 235, 239, 268.

ВЫСШАЯ ШКОЛА
ЭКОНОМИКИ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ПРИ УЧАСТИИ
ВСЕМИРНОГО БАНКА

XVII

**АПРЕЛЬСКАЯ
МЕЖДУНАРОДНАЯ
НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ**
по проблемам развития
экономики и общества

4

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПРИ УЧАСТИИ ВСЕМИРНОГО БАНКА

XVII АПРЕЛЬСКАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ПРОБЛЕМАМ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ И ОБЩЕСТВА

В четырех книгах

*Ответственный редактор
Е.Г. Ясин*

4

Издательский дом
Высшей школы экономики
Москва, 2017

УДК 330.101.5(063)
ББК 65.012
С30

*Идеи и выводы авторов не обязательно отражают
позиции представляемых ими организаций*

Опубликовано Издательским домом Высшей школы экономики
<<http://id.hse.ru>>

ISBN 978-5-7598-1572-3 (кн. 4: в обл.)
ISBN 978-5-7598-1636-2 (кн. 4: e-book)
ISBN 978-5-7598-1568-6

© Национальный исследовательский
университет «Высшая школа
экономики», 2017

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Г.А. Монусова

Объективная и субъективная социальная мобильность:
межстрановые сопоставления 11

Е.В. Пруцкова

Связь религиозности и базовых ценностей в России
(по данным Европейского социального исследования
и всероссийского исследования «Ортодокс Монитор») 23

М.С. Фабрикант, В.С. Магун

Гордость за страну и базовые ценности россиян 31

ОБЩЕСТВО И СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

В.Н. Бобков

Неустойчивость занятости —
глобальная проблема современности 41

О.И. Бородкина, М.М. Иванова

Миграция и социальная политика:
пример социального обслуживания мигрантов
в Санкт-Петербурге 50

Т.А. Гасс

Бедность и неравенство
населения России в жилищной сфере 58

В.В. Карачаровский, Е.Н. Гасюкова

Прекариат как новая зона риска
в российском обществе:
опыт эмпирического анализа 67

А.В. Марченко, А.Л. Абаев, В.Р. Пратусевич

Восприятие социальной рекламы, посвященной
вопросам потребительского поведения москвичей
на финансовом рынке 79

Т.Ю. Сидорина

Место и роль России
в системе трендов мирового развития 91

Е.А. Тарасенко, В.А. Козлов, Т.Б. Рыжкова	
Социальная политика в области повышения финансовой грамотности социально незащищенных и малоресурсных групп населения: зарубежный опыт и уроки для России	100

СОЦИОЛОГИЯ

Р.Н. Акифьева	
Структурированная активность детей в контексте стратегий их воспитания русскоязычными женщинами в Мадриде	111
Е.Я. Варшавская	
Российская НЕЕТ-молодежь: характеристики и география.....	122
Ю.Л. Войнилов, Д.В. Мальцева	
Из города в село: потенциал переселения горожан в сельскую местность.....	133
Н.В. Гончарова, Я.Н. Крупец	
Молодежь и ее карьерные пути на сельском рынке труда	146
Д.В. Мальцева, Л.В. Шубина, Ю.Л. Войнилов	
Уровень медиаграмотности населения РФ: текущее состояние и перспективы изменения (на основе всероссийского мониторинга медиаповедения)	154
О.В. Майорова, Е.В. Артюхова	
Российский рынок труда: эволюция формальных и неформальных механизмов поиска работы	173
Е.Л. Омельченко, Г.А. Сабирова	
К вопросу о молодежных культурах в современной России	183
Е.С. Петренко, Е.Г. Галицкая, Е.В. Богомолова, Ю.А. Кот	
Действующие лица российского социума и их антикризисные стратегии	192
М.О. Спирина	
Факторы оппортунистического поведения заказчиков на русскоязычном электронном рынке удаленной работы: парадокс укорененности.....	201

Е. Kovaleva, M. Spirina

Visual Representation of the Female Body in Yoga:
New Femininity, Power Technology
and Technology of the Self.....222

РАЗВИТИЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

М.А. Канева, Н.А. Авксентьев, В.М. Байдин

Регрессионный анализ факторов,
влияющих на готовность платить
за кооперативное медицинское страхование.....233

Е.В. Селезнева

Добровольное медицинское страхование
как фактор доступности медицинской помощи
для жителей г. Москвы.....245

Е.А. Тарасенко

Интеграция медицинских услуг и услуг по социальному
обслуживанию для людей с хроническими заболеваниями:
западный опыт и уроки для России259

А.Л. Темницкий

Структура и динамика определяющих мотивов труда врачей.....268

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТРАЕКТОРИИ И СОЦИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ

И.П. Попова

Профессиональное соответствие
в трудовых карьерах работников279

Ф.Г. Сулейманова, И.И. Харченко

Рост возможностей для непрерывного образования
городского и сельского населения региона
как ресурс развития человеческого потенциала289

РОЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ В ВОСПРОИЗВОДСТВЕ/УМЕНЬШЕНИИ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА

Е. Tovar-García, A. Kamaev

Educational Achievements
of Migrant Schoolchildren in Moscow303

ФАКТОРЫ КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАНИЯ

М.В. Шеина

Взгляд российского учительства — «отличники», показатель успеваемости и средний балл.....	313
--	-----

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

А.Р. Андреева, Н.В. Родина

Взгляд различных участников системы образования на реформу оплаты труда педагогов и его влияние на результаты этой реформы.....	331
--	-----

О.Н. Волкова

Прозрачность в российском академическом сообществе: доверие или «общество спектакля»?	339
---	-----

Е.А. Смирнова, Е.С. Гордеева, М.В. Шеина

Эффекты сообучения в университете при изучении английского языка	350
---	-----

М.М. Степанова, А.Р. Денисов

Анализ возможности внедрения методологии Lean в управление образовательными процессами	359
--	-----

РУССКИЙ ЯЗЫК В МНОГОЯЗЫЧНОМ МИРЕ

В.Ю. Апресян

Псевдосинонимичные русские конструкции у <i>X-a</i> <i>Y</i> и у <i>X-a есть Y</i> в контексте изучения русского языка.....	369
---	-----

А. Бергманн, У. Яжинова

Работа с корпусом в развитии профессиональной компетенции преподавателя русского языка как иностранного: предпосылки и факторы успешного применения ресурса.....	380
--	-----

Ф. Бьяджини	
Выражение уступительного межфразового отношения на продвинутом этапе обучения русскому языку как иностранному при помощи Русско-итальянского параллельного корпуса.....	390
О.С. Еремина	
Об особенностях обучения эритажников высокого уровня владения языком в смешанных группах.....	399
О.Н. Ляшевская	
К определению сложности русских текстов.....	408
Е. Протасова, Е. Хейсканен	
Особенности сохранения русского языка в Финляндии	419
С. Славкова	
Использование данных Национального корпуса русского языка в преподавании современного русского языка в иностранной аудитории	427
Е.Л. Шнитке, З.Д. Иванова	
Особенности употребления союзов в речи эритажных носителей русского языка и изучающих русский язык как иностранный	437
А. Vyrenkova, E. Rakhilina	
Learner Corpora Supporting Lexical Typology	450

ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЕ МЕТОДЫ

А.Л. Бекларян, А.С. Акопов	
К вопросу об алгоритмах кластеризации толпы в условиях чрезвычайных ситуаций	463
Т.К. Богданова, А.С. Есаулова	
Анализ и прогнозирование расторжения договоров накопительного страхования жизни.....	476
Д.В. Думский, В.В. Корнилов, С.В. Соловьёва, Е.А. Исаев	
Построение рейтинговой системы для оценки инновационной активности регионов Российской Федерации	488

А.А. Иванов, В.И. Якуба	
Быстрый алгоритм оценки манипулируемости правил коллективного выбора.....	495
Д.В. Исаев	
Имитационное моделирование результатов внедрения систем управления эффективностью.....	502
П.А. Колданов, В.А. Калягин, А.П. Колданов	
Устойчивые процедуры построения сетевых структур фондовых рынков.....	510
А.А. Рубчинский	
Новая схема применения автоматической классификации для анализа социально-экономических систем	517
М. Komarov, A. Nemeth	
Customer Behavior Management Using Big Data and Location Data.....	527

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Г.А. Монусова

Институт мировой экономики
и международных отношений
РАН; Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа экономики»

ОБЪЕКТИВНАЯ И СУБЪЕКТИВНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ: МЕЖСТРАНОВЫЕ СОПОСТАВЛЕНИЯ¹

Тема мобильности — одна из центральных в социальной науке. О мобильности судят на основании того, как меняется социальное положение индивида в обществе. Например, индивид был промышленным рабочим с определенным уровнем образования и дохода, а стал инженером, при этом повысив и уровень дохода, и уровень образования. Движение по каждой из возможных осей (профессия, образование, доход, власть, престиж) обозначает одно из проявлений социальной мобильности.

Перемещения по названным осям можно зафиксировать с помощью объективных показателей, которые не зависят от сознания индивида. Однако одинаковые изменения могут по-разному восприниматься и оцениваться различными индивидами. Кто-то посчитает, что достиг существенного продвижения, другой решит, что мог бы достичь большего, но ему помешали, а третий не заметит никаких реальных изменений. В этом случае мы имеем дело с представлениями людей о социальной мобильности, или с субъективной мобильностью.

Возникает вопрос: как соотносятся между собой объективная и субъективная мобильность? От чего это соотношение зависит? Различается ли оно в межстрановой перспективе?

Исследования показывают, что существуют несоответствия между социальными перемещениями по вертикали и тем, как они отражаются в сознании индивидов. Этот разрыв можно объяснить тем, что у объективных и субъективных оценок мобильности разные детерминанты [Kelley S., Kelley C., 2009; Duru-Bellat, Kieffer, 2008; Řeháková, Vlachová, 1995].

Анализ межпоколенной социальной мобильности особо подчеркивает ключевую роль урбанизации и индустриализации в восходящей фактиче-

¹ Данное исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

ской мобильности [Bendix, Lipset, 1959; Goldthorpe et al., 1980; Россияне и китайцы в эпоху перемен..., 2012]. В настоящее время в странах с развитой экономикой эти процессы завершены, экономики имеют постиндустриальную структуру. Соответственно возможности восходящей мобильности, связанные с этим каналом, сокращаются. Если исходить из того, что развитые страны развиваются схожим образом и структуры их экономик «выравниваются», то мы будем наблюдать слабую межстрановую вариацию между ними по показателям фактической мобильности. В то же время страны с незавершенным структурным переходом (с незавершенными урбанизацией и индустриализацией) будут демонстрировать высокие показатели социальной мобильности.

Однако восприятие мобильности индивидом может зависеть не только от объективных процессов в обществе и того, что с ним происходит. Существенную роль здесь играют ожидания, представления о справедливости своих и чужих перемещений, ощущение равенства (или неравенства) возможностей, функционирование системы образования и средств массовой информации и многое другое. В конечном счете качество институциональной среды влияет не только на объективные возможности, но и на то, как они оцениваются.

Методология и описание данных

Мы анализируем межпоколенную социальную мобильность. Исследование соотношения объективной и субъективной мобильности предполагает наличие данных как о фактических изменениях социально-экономических статусов индивидов, так и о восприятии изменений этими же индивидами. Таким источником информации являются данные социологических опросов в странах, участвовавших в Международной программе социальных обследований с модулем «Social Inequality» (ISSP 2009).

Модуль ISSP 2009, с одной стороны, содержит информацию о профессиях отца и матери на момент, когда респонденту было 14–16 лет, и о профессии респондента на момент опроса. С другой стороны, анкета модуля включает оценку респондентом социального статуса родительской семьи, где он рос, и собственного социального статуса на момент опроса.

На основе имеющихся данных можно рассчитать два индекса социальной мобильности.

Индекс объективной (фактической) социальной мобильности (ИОСМ) ориентируется на изменения в профессиональной деятельности детей по

сравнению с деятельностью родителей. Сравнивая позиции респондента и его отца², мы можем построить ИОСМ.

ИОСМ рассчитывается по методике Р. Эриксона, Дж. Голдторпа и Л. Портокареро, названной по первым буквам фамилий авторов EGP [Erikson et al., 1979]. Г. Ганзебум, П. де Грааф и Д. Трейман перевели классификацию профессий по схеме ISCO³ в категории схемы EGP, исключив группы самозанятых [Ganzeboom et al., 1992]. В итоге было выделено семь статусных групп: 1) физический труд в сельском хозяйстве; 2) неквалифицированный физический труд; 3) квалифицированный физический труд; 4) работники, занятые в обслуживании и торговле (нефизический труд); 5) квалифицированные специалисты, занятые рутинным нефизическим трудом; 6) профессионалы средней квалификации и руководители более низкого ранга; 7) высококвалифицированные профессионалы и высокостатусные руководители, чиновники и топ-менеджеры.

Социальные группы построены иерархически: седьмая группа имеет самый высокий статус, первая — самый низкий. Вычитая из статусной группы респондента статусную группу отца, мы получаем индекс социальной мобильности респондента (mob_1), который может варьировать от -6 до $+6$. Если $mob_1 > 0$, то мы говорим о восходящей межпоколенной социальной мобильности, если же индекс принимает отрицательные значения — о нисходящей.

Индекс субъективной социальной мобильности (ИССМ). Анкета также содержит два вопроса, фиксирующих восприятие социального положения респондента и его родителей. Первый вопрос звучит так: «*В нашем обществе есть люди, которые занимают более высокое общественное положение, а есть которые — более низкое. Ниже дана шкала... Не могли бы Вы показать свое положение по этой шкале?*». Второй вопрос сформулирован следующим образом: «*А где на этой шкале находилась семья, в которой Вы выросли?..*». В ответах на оба вопроса используется 10-балльная шкала, где «10» означает самое высокое положение, а «1» — самое низкое. Разница в ответах на них (mob_2) характеризует изменение в социальном положении респондента по отношению к своим родителям. Если $mob_2 > 0$, то мы можем говорить о восходящей межпоколенной социальной мобильности, если этот индекс отрицательный — о нисходящей. Масштаб мобильности зависит от абсолютной величины mob_2 , которая может меняться в диапазоне от -9 до $+9$.

² Если информация об отце отсутствовала, то статус респондента сравнивался со статусом матери.

³ International Standard Classification of Occupations (ISCO-88). URL: <http://www.ilo.org/public/english/bureau/stat/isco/>.

В работе используется многоуровневый линейный регрессионный анализ. Он позволяет проверять влияние отдельных страновых характеристик, одновременно контролируя индивидуальные переменные. К страновым характеристикам я отношу переменные, характеризующие уровень развития и структуру экономики, а также качество институциональной среды.

ВВП на душу населения свидетельствует об уровне развития страны. Социальную структуру населения страны характеризуют уровни образования и урбанизации, которые показывают соотношение городского и сельского населения и, косвенно, — роль сельского хозяйства в экономике страны. Из всех перечисленных показателей только уровень урбанизации имеет тесную статистически значимую связь с ИОСМ ($R = -0,54$), остальные показатели не связаны с объективной мобильностью.

Для охарактеризования качества институциональной среды я использую различные показатели качества государства, рассчитываемые Всемирным банком (*World Governance Indicators*) и подробно описанные в работе Кауфмана с соавторами [Kaufmann et al., 2010]. Всего этих показателей шесть⁴, их значения лежат в интервале от $-2,5$ до $+2,5$. ИССМ имеет тесную положительную связь с тремя индикаторами качества государства: «эффективностью управления», «верховенством права» и «контролем коррупции». Для регрессионного анализа я оставила только показатель восприятия населением степени коррумпированности государственной власти.

Распределение стран по показателям социальной мобильности

На первом этапе я анализирую ИОСМ, построенный по схеме EGP. Дистанции мобильности варьируют в зависимости от страны (рис. 1). Во всех странах средние значения индекса лежат в положительной зоне, фиксируя восходящую мобильность. Максимальная мобильность (1,3–1,4 п.) наблюдается на Кипре и Филиппинах, минимальная (0,6 п.) — в Израиле.

Свои фактические перемещения индивиды могут воспринимать по-разному, и зачастую субъективное восприятие слабо коррелирует с объективными фактами. Например, индивид может не заметить фактического продвижения вверх, так как считает его недостаточным — то ли в силу того, что рассчитывал на большее, то ли потому, что считает социальную систему несправедливой. В то же время даже незначительная по дистанции нисходящая мобильность может казаться очень значительной, так как потери пере-

⁴ Все шесть индикаторов сильно коррелируют между собой.

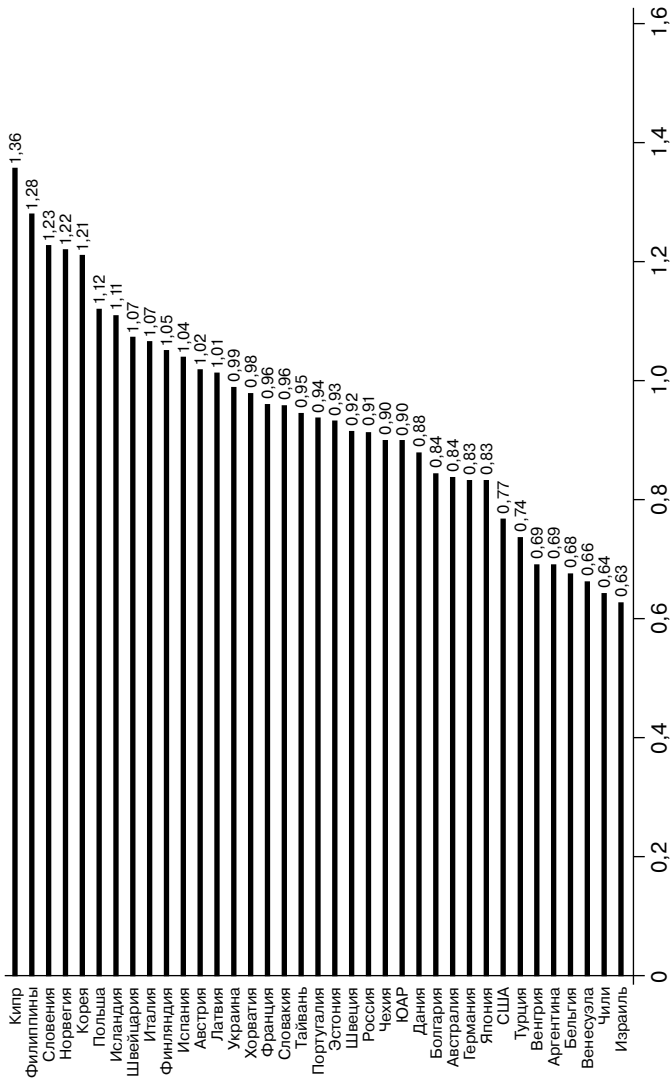

Рис. 1. Средние значения ИОСМ по странам, рассчитанные по схеме EGR

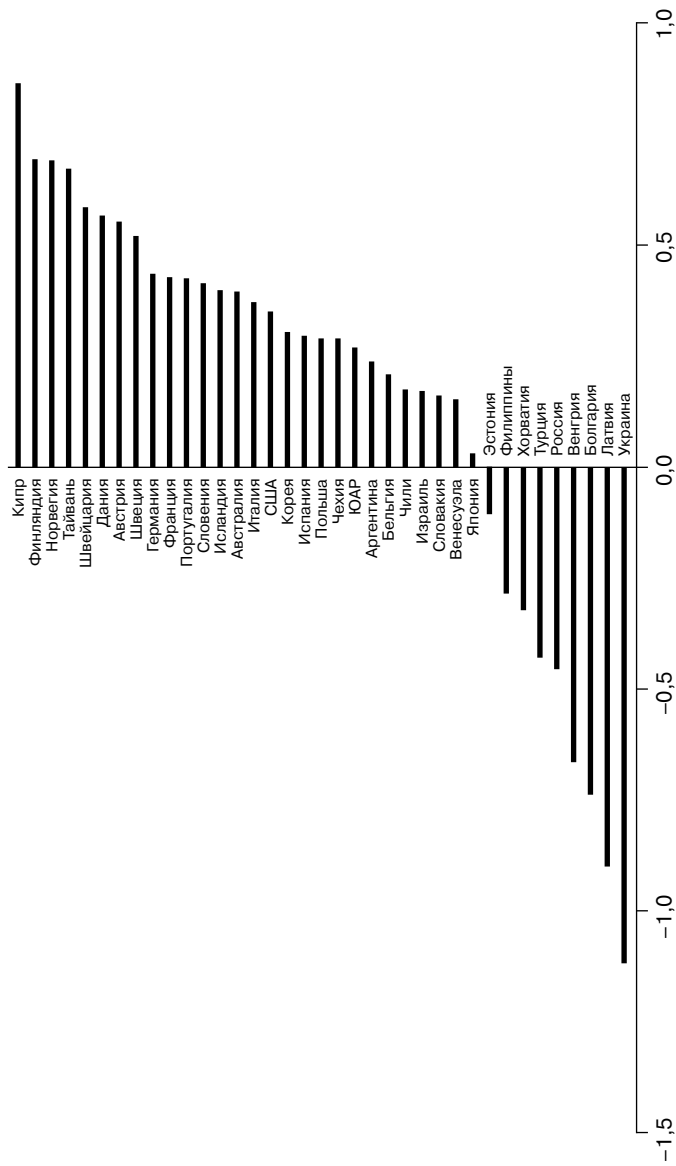

Рис. 2. ИКСМ в разных странах

живаются особенно остро. Возможны и иные несоответствия между объективными и субъективными оценками.

На рис. 2 демонстрируется распределение стран в зависимости от средних значений ИССМ.

Наиболее высоко свою мобильность оценивают респонденты на Кипре, Тайване, в Финляндии и Норвегии. Респонденты большинства стран выборки оценивают свою мобильность как восходящую.

На нижнем конце распределения расположились постсоциалистические страны, а также Турция и Филиппины, в которых межпоколенная мобильность воспринимается как нисходящая. Оценки россиян не показывают статистической значимости различий с оценками населения Турции, Хорватии и Филиппин.

Детерминанты объективных и субъективных оценок социальной мобильности

Почему фактическая межпоколенная мобильность и ее восприятие различаются в разных странах? Это может объясняться характеристиками как стран, так и индивидов. Например, лица с высшим образованием могут оценивать мобильность иначе, чем лица, такого образования не получившие, молодые — иначе, чем пожилые, и т.п. В итоге структура населения страны может влиять на межстрановые различия. Чтобы учесть и страновые, и индивидуальные характеристики, я использую многоуровневый линейный регрессионный анализ. Зависимыми переменными являются индексы объективной и субъективной социальной мобильности. Независимые переменные *на индивидуальном уровне* характеризуют каждого из респондентов, *на уровне стран* — каждую из рассматриваемых стран. *На индивидуальном уровне* рассматриваются три группы переменных: демографические характеристики, место работы респондента и характеристики родительской семьи (место работы отца, количество книг в семье родителей). *На страновом уровне* в регрессии включаются две характеристики: уровень урбанизации и контроль коррупции.

Результаты представлены в табл. 1. По каждой зависимой переменной приводится нулевая модель (M0) и модель 1 (M1), включающая в качестве зависимых переменных и индивидуальные, и страновые показатели.

ИОСМ повышается по мере взросления, роста уровня образованности и дохода индивида. Женщины демонстрируют более высокую объективную мобильность, чем мужчины.

Таблица 1. Коэффициенты многоуровневых линейных регрессий; зависимые переменные — индексы объективной (ИОСМ) и субъективной (ИССМ) социальной мобильности

	Зависимая переменная			
	ИОСМ (шкала от -6 до +6)		ИССМ (шкала от -9 до +9)	
	М0	М1	М0	М1
<i>Эффекты индивидуального уровня</i>				
<i>Пол (1 — мужской, 0 — женский)</i>		-0,30***		0,1***
<i>Возраст, лет</i>		до 30 лет — референтная группа		
30–49		0,11***		0,1***
50 и выше		0,24***		0,27***
<i>Наличие семьи</i>		0,05		0,16***
<i>Наличие третьего образования</i>		0,76***		0,21***
Занятость в частном секторе — референтная группа				
<i>Занятость респондента</i>		0,40***		0,01
государственный сектор		-0,07		0,03
самозанятость				
Занятость отца				
Занятость в частном секторе — референтная группа				
государственный сектор		-0,40***		-0,20***
самозанятость		0,47***		-0,10***
Доход				
1-квантиль — референтная группа				
2-квантиль		0,27***		0,30***
3-квантиль		0,50***		0,46***
4-квантиль		0,76***		0,58***
5-квантиль		0,91***		0,95***

<i>Наличие книги в родительской семье</i>			0,33***			0,31***
<i>Доступ к образованию (восприятие респондента)</i>			-0,03			0,06**
<i>Объективная мобильность (ИОСМ)</i>						0,12***
Эффекты странового уровня						
<i>Контроль коррупции</i>			0,03			0,32***
<i>Доля городского населения, %</i>			-0,01***			-0,001
<i>Константа</i>		0,91***	2,29***	0,14*		-0,40
<i>Остаточная страновая дисперсия</i>		0,03	0,02	0,24		0,11
<i>Остаточная индивидуальная дисперсия</i>		4,71	4,36	3,25		3,03
<i>ICSS</i>		0,006		0,07		
<i>N (респондентов)</i>		27 800	27 800	27 800		27 800
<i>N (стран)</i>		37	37	37		37

* $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

Наличие собственной семьи у респондента не влияет на изменение его объективных социальных позиций. В то же время характеристики родительской семьи воздействуют заметно: занятость отца в частном секторе и самозанятость способствуют восходящей мобильности респондента, а взросление среди большого количества книг существенно увеличивает шансы индивида на статусный рост.

Межстрановая вариация ИОСМ выражена очень слабо. На страновом уровне только 0,6% ($ICC = 0,006$) дисперсии приходится на межстрановой разброс, соответственно все независимые переменные странового уровня будут иметь еще меньшую объяснительную силу. Тем не менее уровень урбанизации значимо снижает объективную социальную мобильность, а индекс контроля коррупции не оказывает на нее значимого влияния.

Детерминанты субъективной мобильности несколько отличаются от предикторов объективной. Мужчины, имеющие семью, оценивают свою мобильность выше, чем одинокие женщины. Существенно также, что объективная межпоколенная мобильность имеет значимый положительный коэффициент, т.е. в целом субъективные представления человека о его мобильности соответствуют его реальной жизненной динамике.

Восприятие социальной мобильности в большей мере различается между странами, чем восприятие фактической мобильности. Более высокий индекс контроля коррупции в стране значимо повышает индекс субъективной мобильности ее населения, а уровень урбанизации не оказывает на субъективную социальную мобильность значимого влияния.

Сравнение детерминант объективной и субъективной мобильности показало, что *на индивидуальном уровне* возраст, образование, уровень дохода, характеристики родительской семьи одинаково воздействуют на реальные статусные изменения и их восприятие. Наличие семьи у респондента не влияет на восходящую объективную мобильность, однако способствует ее восприятию респондентом. Примечательно, что женщины в большей степени продвигаются вверх в сравнении с родителями, но при этом субъективно воспринимают себя в этом плане менее успешными, чем мужчины. *На страновом уровне* объективная восходящая мобильность и ее восприятие различаются. Во-первых, субъективная мобильность в большей степени, чем фактическая, варьирует между странами, а во-вторых, объективная и воспринимаемая мобильности формируются под воздействием разных страновых характеристик. Восходящая объективная мобильность повышается с уровнем урбанизации, а восходящая субъективная мобильность тем выше, чем выше качество государственного управления (показатель «контроль коррупции»).

Выводы

Объективная межпоколенная мобильность во многом определяется макродвижениями в социально-профессиональной структуре, происходящими в ходе социально-экономического развития той или иной страны. Поступательное развитие общества требует более совершенных навыков и образовательного потенциала, рождает новые профессии, тем самым увеличивая долю качественных рабочих мест и соответственно возможности для статусного роста [Радаев, Шкаратан, 1996].

Структурная мобильность является неизбежным следствием социальных и технико-технологических сдвигов. Постиндустриальное общество, повсеместная компьютеризация качественно меняют профессиональную структуру занятости и социальные позиции населения, вследствие этого в разных странах сходным образом меняются социально-экономические позиции поколений детей относительно поколений родителей. Восходящая мобильность может быть больше или меньше, в определенные периоды — замедляться или ускоряться, но во всех странах восходящая межпоколенная мобильность опережает нисходящую.

Субъективные же оценки статусных изменений могут не учитывать этих макроструктурных сдвигов, считая их естественным фоном, и в большей мере определяться личными достижениями респондента и качеством институтов государственного управления.

В результате субъективно оцениваемая мобильность включает не только восприятие реальных межпоколенных сдвигов, но и оценку потенциальных возможностей, доступных механизмов продвижения, сравнение собственных достижений с успехами людей из своего окружения. В свою очередь, все эти оценки связаны в сознании индивида с представлениями о том, как устроена и функционирует государственная система управления, в какой мере она справедлива и прозрачна для граждан.

Источники

Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. М.: Аспект Пресс, 1996.

Россияне и китайцы в эпоху перемен. Сравнительное исследование в Санкт-Петербурге и Шанхае начала XXI века / под общ. ред. Е.Н. Даниловой, В.А. Ядова, Пан Давэя. М.: Логос, 2012.

Bendix R., Lipset S. Class, Status and Power: Social Stratification in Comparative Perspective. N.Y.: The Free Press, 1959.

Duru-Bellat M., Kieffer A. Objective/subjective: The Two Facets of Social Mobility // *Sociologie du travail*. 50s. 2008. P. e1–e18.

Erikson R., Goldthorpe J., Portocarero L. Intergenerational Class Mobility in Three Western European Societies // *British J. of Sociology*. 1979. Vol. 30. No. 4. P. 415–441.

Ganzeboom H., De Graaf P., Treiman D. A Standard International Socio-Economic Index of Occupational Status // *Social Sci. Research*. 1992. Vol. 21. Iss. 1. P. 1–56.

GDP per capita (current US\$) // The Worldwide Governance Indicators (WGI). URL: <http://info.worldbank.org/governance/wgi/> (date of access: 01.08.2016).

Goldthorpe J.H., Llewellyn C., Payne C. Social Mobility and Class Structure in Modern Britain. Oxford: Clarendon Press, 1980.

Kaufmann D., Kraay A., Mastruzzi M. The Worldwide Governance Indicators: Methodology and Analytical Issues [Electronic resource]: World Bank Policy Research Working Paper. 2010. No. 5430. URL: dspace.khazar.org/jspui/bitstream/123456789/2844/1/theworld_widegovernanceindicators_WP.pdf (date of access: 01.02.2017).

Kelley S., Kelley C. Subjective Social Mobility: Data from 30 Nations // *Charting the Globe: The Intern. Social Survey Progr. 1984–2009* / ed. by M. Haller, R. Jowell, T. Smith. L.: Routledge, 2009. P. 106–124.

Řeháková B., Vlachová K. Subjective Mobility after 1989. Do People Feel a Social and Economic Improvement or Relative Deprivation? // *Czech Sociological Rev.* 1995. Vol. 3. No. 2. P. 137–156.

World Bank Data. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD> (date of access: 01.08.2016).

Е. В. Пруцкова

Православный
Свято-Тихоновский
гуманитарный университет

СВЯЗЬ РЕЛИГИОЗНОСТИ И БАЗОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ В РОССИИ (по данным Европейского социального исследования и всероссийского исследования «Ортодокс Монитор»)¹

В докладе рассматривается связь между религиозностью и базовыми ценностями в России. С одной стороны, религия может способствовать формированию определенных ценностей, подчеркивая их важность. С другой стороны, связь может быть обратной: люди с определенными ценностями могут именно благодаря им становиться последователями той или иной религии либо, наоборот, отказываться от какой-либо религии [Rokeach, 1969; Schwartz, Huismans, 1995].

Метаанализ исследований связи религиозности и базовых ценностей проводят В. Сароглоу, В. Дельпьер и Р. Дернелл [Saroglou et al., 2004]. Кроме того, этот вопрос рассматривается в работах С. Роккас и Ш. Шварца [Roccas, Schwartz, 1997], Дж. Фонтена и соавторов [Fontaine et al., 2005], К. Геннериха и Ш. Хубера [Gennerich, Huber, 2006], Б. Мюллемана и Ж. Билье [Meuleman, Billiet, 2011], Е. Пруцковой [2014] и др.

В настоящее время научные знания о связи религиозности и базовых ценностей в России крайне ограничены. Большинство российских социологических исследований, направленных на изучение религиозности, не рассматривает связи религиозности с базовыми ценностями. В то же время исследователи, изучающие базовые ценности, практически не уделяют

¹ Статья подготовлена в рамках Программы научных исследований Фонда развития ПСТГУ в 2016 г.

внимания вопросам влияния религиозности. Одна из причин этого состоит в том, что фиксируемая по результатам массовых опросов связь базовых ценностей с религиозностью в России — очень слабая вследствие низкого уровня первичной религиозной социализации в стране [Пруцкова, 2014]; другая причина может заключаться в том, что доступные массивы данных обычно включают лишь самые общие вопросы о религиозности, не позволяющие проводить различия между воцерковленными и невоцерковленными православными. Так, например, Европейское социальное исследование, позволяющее проводить анализ базовых ценностей (по методике Ш. Шварца), содержит только вопросы о вероисповедании, частоте посещения религиозных служб и частоте молитвы, в то время как при изучении влияния православной религиозности в России ключевой переменной является частота причастия.

В работе используется методика изучения базовых ценностей, разработанная Ш. Шварцем [Schwartz, 1992, 2003a]. Согласно этой методике респондентам предъявляется набор описаний некоего человека (всего 21 описание) и предлагается оценить, насколько этот человек похож на респондента. Измеряемые таким образом базовые ценности образуют круговую структуру и могут быть объединены в ценностные индексы более высокого уровня обобщения: на втором уровне могут быть выделены 10 (или 7) ценностей: ценности безопасности, конформности-традиции, самостоятельности, риска-новизны, гедонизма, достижения и власти-богатства, а также заботы о людях и природе (благожелательность и универсализм). В настоящее время Шварцем и соавторами была предложена пересмотренная версия методики, включающая 19 ценностей второго уровня и 57 исходных высказываний (описаний), которые, тем не менее, могут быть сведены к исходным 10 ценностным индексам [Шварц и др., 2012; Schwartz et al., 2012]. Ценности второго уровня, в свою очередь, образуют четыре ценностных индекса третьего уровня: открытость изменениям, сохранение, забота о людях и природе², самоутверждение. Мотивационный круг, в который объединяются указанные ценности, отражает взаимоотношения ценностей (согласованность либо конфликт). Этот круг может быть поделен на разное число секторов в зависимости от того, насколько тонкие различия, или, наоборот, широкие ценностные конструкции интересуют исследователя: «Чем ближе располагаются две ценности в любом направлении круга, тем более схожи лежащие в их основе мотива-

² Также название данного ценностного индекса (self-transcendence) может быть переведено как «самопреодоление» (в частности, такой перевод используется в статье Ш. Шварца с соавторами [Шварц и др., 2012]), однако перевод «забота о людях и природе» точнее отражает заложенный в факторе смысл.

ции. Разделение ценностного пространства (domain of value items) на 10 отдельных ценностей является условным. Круговое расположение ценностей представляет собой скорее континуум связанных мотивов, больше похожий на континуум цветового круга, чем на набор отдельных мотиваций» [Davidov et al., 2008, p. 424].

Обычно базовые ценности анализируются по осям: открытость изменениям противопоставляется ценностям сохранения, а забота о людях и природе — ценностям самоутверждения, хотя возможен и другой подход — выделение нескольких гомогенных по базовым ценностям групп, каждая из которых может быть в разной степени представлена в различных обществах. Такое деление может проводиться при помощи кластерного анализа либо анализа латентных классов. В частности, такой подход к анализу базовых ценностей представлен в работах В. Магуна с соавторами [Магун, Руднев, 2008; Магун и др., 2015; Magun et al., 2015]. Один из новейших результатов их анализа состоит в том, что население европейских стран делится на пять ценностных классов, каждый состоит из людей, разделяющих схожие ценности: это ценностные классы с сильной и слабой социальной ориентацией, с сильной и слабой индивидуалистической ориентацией, а также ценностный класс, характеризующийся «ценностями роста».

Шварц и Гуйсманс [Schwartz, Huismans, 1995] сформулировали и проверили гипотезу о том, что по мере движения по ценностному кругу сила связи между религиозностью и ценностями изменяется по синусоиде. Так, наиболее тесная положительная связь наблюдается с ценностью традиции, наиболее сильная отрицательная — с гедонизмом, умеренные положительные корреляции — с конформностью, благожелательностью и безопасностью, умеренные отрицательные — с риском-новизной и самостоятельностью. Связь с универсализмом, властью-богатством и достижением подвержена воздействию разнонаправленных факторов — теоретически связь может быть как отрицательной, так и положительной, а может отсутствовать в случае, когда разнонаправленные силы уравнивают друг друга.

В. Сароглоу, В. Дельпьер и Р. Дернелл провели метаанализ исследований, в которых рассматривается связь между религиозностью и ценностями, опубликованных в течение десятилетия после выхода вышеупомянутой статьи Шварца и Гуйсманса [Saroglou et al., 2004]. Во всех выборках религиозность была связана с повышенной важностью консервативных ценностей (в основном с традицией и конформностью) и более низкой значимостью ценностей самостоятельности, гедонизма и риска-новизны. Слабая связь фиксировалась с ценностями безопасности. Также в целом религиозность была положительно связана с благожелательностью, хотя корреляции были во многих случаях близки к нулю.

Основываясь на Европейском социальном исследовании, ряд ученых также приходит к выводу, что более религиозные люди являются более консервативными, для них более значимы ценности заботы о людях и природе [Herk van, Poortinga, 2012; Meuleman, Billiet, 2011].

В настоящей работе мы рассматриваем ценностные индексы третьего уровня: открытость изменениям, сохранение, забота о людях и природе, самоутверждение. Для расчетов ценностных индексов применялось центрирование: после усреднения отдельных показателей, входящих в состав того или иного индекса, из полученного результата вычиталось индивидуальное среднее по всем (21) ценностным показателям. Такая процедура рекомендуется при использовании методики Шварца для коррекции систематического смещения, вызываемого индивидуальными различиями в восприятии и использовании оценочных шкал [Schwartz, 2003b]. Более высокое значение индекса соответствует большей важности ценности.

В качестве информационной базы данной работы выступают всероссийское исследование «Ортодокс Монитор»³ и Европейское социальное исследование. Исследуемой совокупностью в опросе «Ортодокс Монитор» (декабрь 2012 г.) было воцерковленное православное население РФ — люди в возрасте от 18 лет и старше, которые относят себя к православному вероисповеданию, исповедуются и причащаются не реже 3 раз в год. Методология исследования разработана в рамках Исследовательского семинара «Социология религии» ПСТГУ, всероссийский опрос проводился Институтом Фонда «Общественное мнение». Опрос проходил на территории 64 субъектов РФ в 192 населенных пунктах, всего опрошены 806 человек. Данные этого проекта позволяют делать выводы о категории населения, которая в обычных массовых социологических опросах представлена лишь небольшим количеством респондентов. Для анализа были отобраны люди, ответившие на вопросы о базовых ценностях (794 респондента). Для того чтобы сравнить базовые ценности воцерковленных россиян и населения в целом, мы обращаемся к результатам Европейского социального исследования 2010 г. (данные по России, 2509 респондентов).

Средние значения ценностных индексов существенно отличаются для воцерковленных россиян и населения в целом ($p \leq 0,001$). Так, по открытости изменениям среднее по выборке воцерковленных россиян составило $-0,8$ (по населению в целом — $-0,4$), по ценностям сохранения — $0,8$ ($0,2$),

³ Более подробная информация о проекте представлена на сайте Исследовательского семинара «Социология религии» ПСТГУ. URL: <http://socrel.pstgu.ru/RU/orthodoxmonitor>.

по заботе о людях и природе — 0,9 (0,4), по самоутверждению — -0,7 (-0,2)⁴.

На первый взгляд отличия существенные, однако они могут оказаться лишь следствием заметно различающегося социально-демографического состава опрошенных. Так, среди опрошенных воцерковленных православных существенно больше женщин (85%), что, по результатам предыдущих исследований, приблизительно соответствует распределению по полу в этой группе. По всем остальным параметрам отличия от Европейского социального исследования не такие кардинальные. Кроме того, в массиве этого исследования также есть некоторое количество воцерковленных россиян, и важные различия могут в определенной степени затеняться таким смешением. Для того чтобы проконтролировать воздействие указанных факторов, мы проводим линейный регрессионный анализ, включая в качестве контрольных переменных вопрос о частоте посещения религиозных служб и социально-демографические параметры (пол, возраст, образование) — см. табл. 1.

Анализ проводится на основании объединенного массива данных двух исследований — всероссийского опроса «Ортодокс Монитор» и Европейского социального исследования. Принадлежность респондента к выборке воцерковленного населения была обозначена дихотомической переменной (1/0).

Результаты анализа показали, что даже при контроле социально-демографических показателей и частоты посещения религиозных служб различия между выборкой воцерковленных православных и выборкой населения в целом остаются существенными. Коэффициент линейной регрессии (нестандартизированный) для указанной дихотомической переменной остается значимым на уровне $p \leq 0,001$ в моделях, построенных для всех четырех ценностных индексов, и составляет: в модели, где зависимой переменной является индекс открытости изменениям, — -0,12 ($R^2 = 0,23$), сохранения — 0,36 ($R^2 = 0,33$), заботы о людях и природе — 0,39 ($R^2 = 0,25$), самоутверждения — -0,37 ($R^2 = 0,19$). Воцерковленные православные россияне значительно больше привержены ценностям сохранения и заботы о людях и природе и меньше — ценностям открытости изменениям и самоутверждения.

Регулярное⁵ посещение религиозных служб также является важным фактором, связанным с базовыми ценностями. За исключением модели

⁴ Тест Стьюдента (для неравных дисперсий) показал, что все различия средних статистически значимы на уровне $p \leq 0,001$.

⁵ В нашем анализе в качестве границы, отделяющей респондентов, регулярно посещающих религиозные службы, было выбрано не реже чем ежемесячное их посещение.

Таблица 1. Коэффициенты линейной регрессии (нестандартизированные)

Показатель	Сохранение	Открытость изменениям	Самоутверждение	Забота о людях и природе
Константа	-0,19***	0,05 (n.s.)	0,15*	0,11**
Принадлежность к целевой выборке воцерковленного населения (воцерковленное население = 1, общероссийская выборка проекта ESS = 0)	0,36***	-0,12***	-0,37***	0,39***
Посещение религиозных служб 1 раз в месяц и чаще (да = 1, нет = 0)	0,05*	-0,05 (n.s.)	-0,09**	0,06*
Пол (м = 1, ж = 0)	-0,14***	0,16***	0,09***	-0,09***
Возраст (от 15 до 94 лет)	0,01***	-0,01***	-0,01***	0,01***
Образование (ниже среднего = 1, высшее = 6)	-0,05***	0,03***	0,04***	-0,03***
R^2	0,33	0,23	0,19	0,25

Примечание. (n.s.) — не значимо; * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

ценностного индекса открытости изменениям (где регрессионный коэффициент для посещения служб оказался статистически незначимым), влияние этого фактора совпадает по направленности с воздействием предыдущего (отражающего регулярное причащение).

Социально-демографические факторы также существенно влияют на базовые ценности. Так, ценности открытости изменениям и самоутверждения оказались более важны для мужчин, более высокообразованных и более молодых респондентов. В то же время ценности сохранения и заботы о людях и природе, находящиеся на противоположных полюсах ценностного круга, более важны для женщин, представителей старших возрастов, а также респондентов с более низким уровнем образования.

Полученный результат может быть следствием двух причин. Первая из них заключается в том, что воцерковленность, индикатором которой является частота причастия, даже при контроле частоты посещения религиозных служб, — существенный фактор, связанный с базовыми ценностями. Конечно, разница в социально-демографических характеристиках опрошенных при проведении исследования «Ортодокс Монитор», по сравнению с Европей-

ским социальным исследованием, очень существенная (особенно по полу и уровню религиозности), в значительной степени это обусловлено характеристиками группы воцерковленных православных. Однако даже если выделить в Европейском социальном исследовании группу религиозных верующих (посещающих службы раз в месяц и чаще), что приближает их к нашей целевой выборке, и проконтролировать в линейной регрессии основные социально-демографические показатели (согласно результатам предыдущих исследований воздействующие на ценности), то базовые ценности в выборке опроса «Ортодокс Монитор», тем не менее, будут отличаться очень существенно.

Помимо прямой связи воцерковленности с базовыми ценностями этот результат может быть отчасти связан с причинами методического характера. Можно предположить, что по ряду причин воцерковленные православные россияне часто не попадают в выборки массовых социологических опросов, а те, кто оказываются в выборках этих опросов наиболее воцерковленными, на самом деле представляют собой группу, довольно близкую по ценностям и установкам к светской части общества. Поэтому в результате анализа большинства имеющихся данных исследователи приходят к выводу, что религиозность слабо связана с базовыми ценностями.

Источники

Магун В.С., Руднев М.Г. Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами // Вестн. обществ. мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2008. № 1 (93). С. 33–58.

Магун В.С., Руднев М.Г., Шмидт П. Европейская ценностная типология и базовые ценности россиян // Там же. 2015. Т. 121. № 3–4. С. 74–93.

Пруцкова Е.В. Влияние религиозности на базовые ценности населения европейских стран: эффект первичной религиозной социализации // XIV Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и о-ва: в 4 кн. / отв. ред. Е. Ясин. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. Кн. 3. С. 527–536.

Шварц Ш. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России / Шварц Ш., Бутенко Т.П., Седова Д.С., Липатова А.С. // Психология. Журн. Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 2. С. 43–70.

Davidov E., Schmidt P., Schwartz S.H. Bringing Values Back in: The Adequacy of the European Social Survey to Measure Values in 20 Countries // Public Opinion Quart. 2008. Vol. 72. No. 3. P. 420–445.

Fontaine J.R.J. et al. Consequences of a Multidimensional Approach to Religion for the Relationship between Religiosity and Value Priorities / Fontaine J.R.J., Duriez B., Luyten P., Corveleyn J., Hutsebaut D. // Intern. J. for the Psychology of Religion. 2005. Vol. 15. No. 2. P. 123–143.

Gennerich C., Huber S. Value Priorities and Content of Religiosity — New Research Perspectives // Arch. for the Psychology of Religion = Arch. für Religionspsychologie. 2006. Vol. 28. No. 1. P. 253–267.

Herk H. van, Poortinga Y.H. Current and Historical Antecedents of Individual Value Differences across 195 Regions in Europe // J. of Cross-Cultural Psychology. 2012. Vol. 43. No. 8. P. 1229–1248.

Magun V., Rudnev M., Schmidt P. Within- and between-Country Value Diversity in Europe: A Typological Approach // European Sociological Rev. 2015. Vol. 32. No. 2. P. 189–202. First publ. online: Aug. 24, 2015. URL: <https://esr.oxfordjournals.org/content/early/2015/08/20/esr.jcv080.abstract?sid=fd49e5a4-fd48-4724-b7be-61cf63515c67> (date of access: 01.08.2016).

Meuleman B., Billiet J. Religious Involvement: Its Relation to Values and Social Attitudes // Cross-Cultural Analysis: Methods a. Applications / E. Davidov, P. Schmidt, J. Billiet (eds). N.Y.: Taylor a. Francis, 2011. P. 173–206.

Roccas S., Schwartz S.H. Church-State Relations and the Association of Religiosity with Values: A Study of Catholics in Six Countries // Cross-Cultural Research. 1997. Vol. 31. No. 4. P. 356–375.

Rokeach M. Part I: Value Systems in Religion // Rev. of Religious Research. 1969. Vol. 11. No. 1. P. 3–23.

Saroglou V., Delpierre V., Dernelle R. Values and Religiosity: A Meta-Analysis of Studies Using Schwartz's Model // Personality a. Individual Differences. 2004. Vol. 37. No. 4. P. 721–734.

Schwartz S.H. A Proposal for Measuring Value Orientations across Nations [Electronic resource] // Questionnaire Development Package of the European Social Survey. 2003a. Chap. 7. P. 259–319. URL: http://www.europeansocialsurvey.org/index.php?option=com_docman&task=doc_view&gid=126&Itemid=80 (date of access: 28.01.2013).

Schwartz S.H. Computing Scores for the 10 Human Values [Electronic resource] // Documentation for ESS-1. 2003b. URL: http://ess.nsd.uib.no/ess/doc/ess1_human_values_scale.pdf (date of access: 28.01.2013).

Schwartz S.H. Universals in the Content and Structure of Values: Theoretical Advances and Empirical Tests in 20 Countries // Advances in Experimental Social Psychology / M.P. Zanna (ed.). San Diego, CA: Acad. Press, 1992. Vol. 25. P. 1–65.

Schwartz S.H. et al. Refining the Theory of Basic Individual Values // J. of Personality a. Social Psychology. 2012. Vol. 103. No. 4. P. 663–688.

Schwartz S.H., Huismans S. Value Priorities and Religiosity in Four Western Religions // Social Psychology Quart. 1995. Vol. 58. No. 2. P. 88–107.

М.С. Фабрикант

Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа экономики»

В.С. Магун

Институт социологии РАН,
Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа экономики»

ГОРДОСТЬ ЗА СТРАНУ И БАЗОВЫЕ ЦЕННОСТИ РОССИЯН¹

Введение

Наблюдающийся в последние годы рост гордости россиян за свою страну делает актуальным вопрос о его ценностных предпосылках. В поиске этих предпосылок часто предполагают, что в основе роста гордости и активизации других форм национального самосознания лежат эгоистические ценности, и индивидуальный эгоизм просто переносится человеком на уровень страны (феномен группового эгоизма).

В литературе нет консенсуса относительно связи национальной гордости с ценностным параметром эгоизма-альтруизма. Теория Г. Тэджфела и Дж. Тернера утверждает, что национальная идентичность, как и любая другая социальная идентичность, порождает поведенческие эффекты внутригруппового фаворитизма и межгрупповой дискриминации — безусловного предпочтения человеком интересов членов своей группы интересам тех, кто в ней не состоит [Tajfel, Turner, 1979; Tajfel, 2010]. Как следствие, человек может рассчитывать и на ответные выгоды со стороны членов своей группы. В последнее время эта позиция стала особенно популярной благодаря тому, что Р. Брубейкер назвал «возвращением биологии» в социальные науки [Brubaker, 2015]. Согласно эволюционистским теориям национальная идентичность возникает как средство реализации эволюционной необходимости передачи своего генофонда, чему и служит преимущественная готовность отстаивать интересы похожих на себя, т.е. генетически близких, индивидов [Gat, 2012]. Иными словами, согласно этой позиции национальная идентичность представляет собой разновидность коллективного эгоизма и, значит,

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

скорее всего положительно связана и с эгоистическими ценностями отдельных людей.

Однако преобладает в исследованиях национальной идентичности иная позиция, идущая от Э. Ренана [Renan, 2012] и продолжающаяся вплоть до Б. Андерсона [Anderson, 2006]. Согласно ей национальная идентичность рассматривается как чувство солидарности и акцентируется готовность жертвовать не интересами других наций во имя своей собственной, а собственными индивидуальными интересами — во имя соотечественников. Исторический опыт тоже свидетельствует, что национальная идентичность способна мотивировать людей на самопожертвование более эффективно, чем любая другая коллективная принадлежность или политическая идеология. Кроме того, исследования современных кейсов указывают на распространение постнационалистических, гибридных национальных идентичностей, которые способны сочетаться с космополитизмом. Мы тоже предполагаем, что применительно к гордости за страну справедлива позиция, связывающая национальную идентичность с выходом за пределы эгоистических устремлений, и выдвигаем гипотезу о том, что гордость за страну положительно связана с альтруистическими и негативно — с эгоистическими ценностями (гипотеза 1).

Итак, *основная задача* данной работы — выяснить, какое из двух возможных направлений связи ценностей эгоизма-альтруизма с гордостью россиян за свою страну имеется в действительности. Ш. Шварц [Schwartz, 1992, 2007] выделяет в структуре ценностей два основных измерения (две оси), и эгоизм-альтруизм (самоутверждение — забота) как раз и является одной из них.

Вторая задача данной работы — рассмотреть, как влияют на гордость россиян за свою страну ценности, принадлежащие ко второй ценностной оси, структурирующей базовые ценности, — оси «сохранение — открытость изменениям». В этом отношении в литературе существует относительный консенсус. Например, в современных теориях национализма преобладают взгляды, из которых следует, что идеологическое утверждение гордости за страну связано с общей консервативной направленностью соответствующего идеологического дискурса [Smith, 2013]. Применительно к индивидуальному уровню Р. Инглхарт и У. Бейкер [Inglehart, Baker, 2000] тоже показали, что национальная гордость связана с традиционалистскими ценностями и противостоит ценностям секулярного рационализма. Исходя из этого, мы предполагаем, что гордость за достижения своей страны сильнее выражена у индивидов, приверженных ценностям сохранения, и, наоборот, слабее — у тех, кто более открыт переменам (гипотеза 2).

Данные и метод

Для проверки этих гипотез мы использовали данные о ценностях россиян, полученные в рамках 7-й волны Европейского социального исследования (ESS) 2014 г. В дополнение к основной анкете ESS половине респондентов был задан также блок вопросов о гордости за страну, в итоге объем выборки, для которой имелись данные по обеим группам вопросов, составил 1173 человека. Гордость за страну измерялась с помощью 12 вопросов, один из них касался общей гордости респондента тем, что он является гражданином России, и еще 11 вопросов — гордости за конкретные достижения своей страны в каждой из следующих сфер: «положение дел с демократией», «политическое влияние страны в мире», «экономические достижения», «социальная защита населения», «научные и технические достижения», «достижения в спорте», «достижения в литературе и искусстве», «вооруженные силы», «российская история», «положение дел с социальной справедливостью и равноправием всех групп населения», «возможности для каждого гражданина России проявить и развивать свои способности» (сокращенно: «возможности для самореализации»). Все оценки гордости респонденты давали по 4-балльным шкалам («очень горжусь», «скорее горжусь», «не очень горжусь», «совсем не горжусь»), причем на основе 11 конкретных видов гордости с помощью факторного анализа был сформирован единый суммарный индекс гордости за достижения страны. Вопросы о гордости взяты из Международной программы социальных исследований (ISSP), три тематических волны которой — за 1995, 2003 и 2013 гг. — посвящены национальной идентичности [Гудков, 1999; Магун А., Магун В., 2009; Магун, Фабрикант, 2016; Fabrykant, Magun, 2016].

Базовые ценности в анкете ESS измеряются с помощью ценностных портретов Опросника Ш. Шварца PVQ-21. Посредством 21 вопроса, составляющего этот опросник, было измерено 10 базовых ценностей, которые далее были укрупнены в четыре ценностные категории, являющиеся полюсами ценностных осей «самоутверждение — забота о людях и природе» и «сохранение — открытость изменениям»; как уже отмечалось, первая ось соответствует противопоставлению ценностного эгоизма и альтруизма, вторая — противопоставлению консерватизма и открытости.

Для проверки гипотез были построены две серии линейных регрессионных моделей по четыре модели в каждой. Зависимыми переменными выступали суммарный индикатор гордости за конкретные достижения страны и общая гордость за российское гражданство. В качестве предикторов высту-

пали по очереди значимость для респондента каждой из четырех ценностных категорий — самоуверждения, заботы, сохранения и открытости изменениям (различные ценностные категории не могли быть включены в модель одновременно из-за высокой мультиколлинеарности) и контрольные переменные по основным социально-демографическим параметрам.

Результаты и обсуждение

Регрессионные модели, в которых отражены направление и сила влияния базовых ценностей на гордость россиянина за конкретные достижения страны и общую гордость за то, что он является гражданином России, представлены в табл. 1 и 2. Модели объясняют лишь небольшую долю дисперсии зависимых переменных, но позволяют проследить значимость и направление интересующих нас связей.

Полученные регрессионные модели в целом подтверждают выдвинутые гипотезы. В регрессионных моделях (с контролем возраста, пола, уровня образования, уровня дохода и религиозности респондентов) ценность заботы о людях и природе оказывает значимое положительное влияние на общую оценку гордости за гражданство России, а ценность самоуверждения — значимое отрицательное влияние и на общую гордость за российское гражданство, и на суммарный индекс гордости за конкретные достижения страны. Таким образом, в моделях, построенных с целью проверки гипотезы 1, три из четырех коэффициентов подтверждают гипотезу и лишь один, будучи статистически незначимым, ее не подтверждает (но и не противоречит ей).

При проверке гипотезы 2 ценность сохранения, вопреки ожиданиям, не продемонстрировала значимого положительного влияния ни на один из показателей национальной гордости. Зато ее антипод, ценность открытости изменениям, как и предполагалось, дает значимый отрицательный эффект в отношении и общей оценки гордости за российское гражданство, и суммарной оценки гордости за конкретные достижения страны. Таким образом, хотя связь консервативных ценностей с национальной гордостью оказалась незначимой, отрицательная связь с противоположными консерватизму ценностями открытости изменениям наблюдается для обоих видов гордости, что подтверждает гипотезу 2.

Отметим, что связь гордости с противостоящими ей ценностями проступает более последовательно, чем связь с ценностями, ее поддерживающими. Это особенно справедливо для консерватизма: гордость за страну оказывается обусловленной не столько поддержкой со стороны

Таблица 1. Линейные регрессионные модели, демонстрирующие влияние базовых ценностей на суммарный индекс гордости за конкретные достижения России ($N = 987$)

Показатель	Модель 1.1	Модель 1.2	Модель 1.3	Модель 1.4
Возраст	0,000 (0,003)	0,001 (0,003)	0,001 (0,002)	0,001 (0,002)
Пол (мужчины — контрольная группа)	-0,126 (0,075)	-0,119 (0,076)	-0,080 (0,062)	-0,087 (0,062)
Уровень образования (11-балльная шкала от «1» — «вообще не учился в школе» до «11» — «научная степень»)	0,013 (0,016)	0,008 (0,016)	0,015 (0,012)	0,016 (0,012)
Уровень дохода (среднемесячный доход семьи, 11-балльная шкала от «1» — менее 9 тыс. руб. до «11» — более 100 тыс. руб.)	-0,003 (0,002)	-0,004 (0,002)	-0,003 (0,001)*	-0,003 (0,001)*
Религиозность («Насколько религиозным человеком Вы себя считаете?», 11-балльная шкала от «0» — «совсем не религиозным» до «10» — «очень религиозным»)	0,006 (0,004)	0,006 (0,004)	0,004 (0,003)	0,004 (0,003)
Значимость ценностной категории «самоутверждение»	-0,108 (0,054)*	—	—	—
Значимость ценностной категории «забота о людях и природе»	—	0,065 (0,075)	—	—
Значимость ценностной категории «сохранение»	—	—	0,075 (0,065)	—
Значимость ценностной категории «открытость изменениям»	—	—	—	-0,127 (0,053)*
Скорректированный R^2 , %	1,0	0,5	0,4	0,8

* $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

ценностей сохранения, сколько отрицанием ориентации на открытость изменениям.

Итак, в противоположность предположениям о групповом эгоизме как факторе гордости в российской выборке гордость людей за свою страну является антиподом эгоистических ценностей, а также (в меньшей степени) проявлением альтруистических ценностей. Что касается более широкого вопроса о связи значимости национальной идентичности с индивидуальным эгоизмом или же со стремлением людей к солидарности, то полученные

Таблица 2. Линейные регрессионные модели, демонстрирующие влияние базовых ценностей на общую оценку гордости за российское гражданство ($N = 1173$)

Показатель	Модель 2.1	Модель 2.2	Модель 2.3	Модель 2.4
Возраст	0,002 (0,002)	0,002 (0,002)	0,003 (0,002)*	0,002 (0,001)*
Пол (мужчины — контрольная группа)	0,024 (0,049)	0,024 (0,049)	0,022 (0,040)	0,020 (0,040)
Уровень образования (11-балльная шкала от «1» — «вообще не учился в школе» до «11» — «научная степень»)	0,010 (0,010)	0,006 (0,010)	0,005 (0,008)	0,005 (0,008)
Уровень дохода (среднемесячный доход семьи, 11-балльная шкала от «1» — менее 9 тыс. руб. до «11» — более 100 тыс. руб.)	-0,002 (0,001)	-0,002 (0,001)	-0,001 (0,001)	-0,001 (0,001)
Религиозность («Насколько религиозным человеком Вы себя считаете?», 11-балльная шкала от «0» — «совсем не религиозным» до «10» — «очень религиозным»)	0,000 (0,003)	0,000 (0,003)	0,001 (0,002)	0,001 (0,002)
Значимость ценностной категории «самоутверждение»	-0,098 (0,003)**	—	—	—
Значимость ценностной категории «забота о людях и природе»	—	0,139 (0,048)**	—	—
Значимость ценностной категории «сохранение»	—	—	-0,002 (0,038)	—
Значимость ценностной категории «открытость изменениям»	—	—	—	-0,011 (0,033)
N	1173	1173	1173	1173
Скорректированный R^2 , %	2,5	2,4	0,5	0,5

* $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

результаты свидетельствуют в пользу солидаристского объяснения. Альтернативное объяснение, предполагающее трактовку национальной идентичности как проявления группового эгоизма и соответственно перенос индивидуального эгоизма на уровень группы (т.е. страны), в данном случае не срабатывает. Причина, возможно, в том, что «другие», фигурирующие в ценностных высказываниях на тему эгоизма-альтруизма, рассматриваются респондентами преимущественно как люди, живущие в одной с ними

стране, т.е. те, кого в логике «воображаемых сообществ» [Anderson, 2006] проще всего представить себе как обобщенного «другого», а не «чужого», иностранца.

Ограничение

В приводимом анализе базовые ценности рассматриваются в регрессиях как независимые переменные, а гордость — в качестве зависимой, что является, конечно, слишком сильным допущением: правильнее было бы говорить о *взаимосвязях* двух групп феноменов.

Источники

Гудков Л. Россия в ряду других стран: к проблеме национальной идентичности // Мониторинг обществ. мнения: экон. и социальные перемены. 1999. № 1 (39). С. 39–47.

Магун А.В., Магун В.С. Связь со страной и гордость за ее достижения (Российские данные в контексте международных сравнений) // Обществ. науки и современность. 2009. № 2. С. 103–113; № 3. С. 32–44.

Магун В.С., Фабрикант М.С. Гордость человека за свою страну: индивидуальные и страновые детерминанты // XVI Апр. междунар. науч. конф. «Модернизация экономики и общества»: в 4 кн. / отв. ред. Е.Г. Ясин. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. Кн. 4. С. 53–62.

Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. L., N.Y.: Verso Books, 2006.

Brubaker R. Grounds for Difference. Harvard Univ. Press, 2015.

Fabrykant M., Magun V. Grounded and Normative Dimensions of National Pride in Comparative Perspective // Dynamics of Nat. Identity: Media a. Societal Factors of What We Are / J. Grimm et al. (eds). L.: Routledge, 2016. P. 83–112.

Gat A. Nations: The Long History and Deep Roots of Political Ethnicity and Nationalism. Cambridge Univ. Press, 2012.

Inglehart R., Baker W.E. Modernization, Cultural Change, and the Persistence of Traditional Values // American Sociological Rev. 2000. Vol. 65. Febr. P. 19–51.

Renan E. Qu'est-ce qu'une nation? République des Lettres, 2012.

Schwartz S.H. Universals in the Content and Structure of Values: Theoretical Advances and Empirical Tests in 20 Countries // Advances in Experimental Social Psychology. 1992. Vol. 25. No. 1. P. 1–65.

Schwartz S.H. Value Orientations: Measurement, Antecedents and Consequences across Nations // Measuring Attitudes Cross-Nationally: Lessons from the European

Social Survey / R. Jowell, C. Roberts, R. Fitzgerald, G. Eva (eds). L.: Sage, 2007. P. 161–193.

Smith A. Nations and Nationalism in a Global Era. John Wiley & Sons, 2013.

Tajfel H. Social Identity and Intergroup Relations. Cambridge Univ. Press, 2010.

Tajfel H., Turner J.C. An Integrative Theory of Intergroup Conflict // The Social Psychology of Intergroup Relations / W.G. Austin, S. Worchel (eds). Monterey, CA: Brooks/Cole, 1979. P. 33–47.

ОБЩЕСТВО
И СОЦИАЛЬНАЯ
ПОЛИТИКА

В.Н. Бобков

ОАО «Всероссийский центр
уровня жизни», г. Москва

НЕУСТОЙЧИВОСТЬ ЗАНЯТОСТИ — ГЛОБАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОСТИ¹

Введение

Неустойчивость (ненадежность) занятости (*precarity employment*) вызвана тем, что в условиях объективного расширения гибкости рынков труда (*labour market flexibility*) и появления все новых и новых форм занятости не найдены адекватные механизмы компенсации экономических потерь государства от скрытого производства, неуплаты налогов и предотвращения экономической и социальной защищенности работников. Прекаризация занятости имеет как общероссийский, так и международный контекст. Ее огромные масштабы и многообразие форм являются одним из источников роста неустойчивости развития современных обществ.

В качестве общей методологии выявления и оценивания неустойчивости занятости применяется подход, предложенный Международной организацией труда (МОТ). Согласно ему неустойчивость занятости рассматривается сквозь призму двух категорий контрактного соглашения, характеризующихся четырьмя неустойчивыми условиями труда [*From Precarious Work...*, 2012, p. 86]. К существенным контрактным соглашениям МОТ подход относит: 1) *ограниченный срок контракта* (контракт на фиксированный срок, контракт на короткий срок, временный, сезонный, поденный и случайный труд); 2) *природу трудового взаимоотношения* (многосторонние и скрытые отношения найма, фиктивная (ложная) самозанятость, субподряды и агентские контракты). Среди неустойчивых условий труда выделяются: 1) низкая заработная плата; 2) слабая защищенность от прекращения трудовых отношений; 3) отсутствие доступа к механизмам социальной защиты и благам, традиционно ассоциирующимся со стандартной занятостью; 4) отсутствие или ограничение доступа для работников к реализации своих прав на рабочем

¹ Статья опубликована при поддержке гранта РФФ, проект «Неустойчивая занятость в РФ: состояние и направления снижения» № 16-18-10140.

месте. Данная методология выявления и исследования прекаризации занятости отражает не только экономические, но и социально-гуманистические основы трудовых отношений. Это, в свою очередь, означает, что изменения не должны снижать достигнутых социальных стандартов занятости и уровня жизни населения.

Сущность неустойчивости занятости и ее масштабы и последствия

Понятие «прекаризация занятости» означает неустойчивость, нестабильность занятости. В процессе такой занятости и воспроизводства рабочей силы между работником, работодателем и государством складываются вынужденные и неблагоприятные для работника социально-трудовые отношения. Неустойчивость занятости — следствие объективных противоречий между развитием гибкости занятости (flexibility of employment) и ее ненадежностью по отношению к работнику (precarious for employee). Повышение гибкости занятости является ответом на вызовы ускоряющихся структурных изменений в экономике и требований к повышению экономической эффективности на уровне ее первичных звеньев. Гибкость занятости характеризует новые экономические и организационно-технические условия занятости, предъявляемые работодателем. Но этот процесс одновременно сопровождается снижением эффективности национальной экономики, поскольку влечет за собой рост скрытого производства, выплат неучтенной (теневой) заработной платы, снижение налоговых взносов в бюджеты всех уровней и страховых взносов в государственные внебюджетные фонды обязательного социального страхования. Ненадежность, неустойчивость и нестабильность занятости является социально-экономической ценой, которую государству и работнику приходится платить за повышение ее гибкости. Это проблема экономических противоречий между национальными и частными интересами и социальной несправедливости современной занятости по отношению к работнику.

Прекаризация предстает как социальная болезнь, разрушающая работу и условия жизни возрастающего числа социально незащищенных граждан. Она является объективным следствием причин, заложенных в современных социальных системах. Социальная исключенность (social exclusion) как действие особого рода заключается в том, что исключаящая сторона (excluding part) препятствует исключаемой стороне (excluded part) добиваться успеха через достижение поставленных целей. Например, работодатель, недооценивающий труд работника, исключает, таким образом, последнего из про-

цесса выстраивания карьеры и др. В отличие от социальной включенности (inclusion) прекарнизация занятости представляет собой социальную исключенность (exclusion), которая подчиняет индивидов социальному давлению и механизму контроля. Противоречие заключается в том, что прекарнизация все больше становится формой типичной занятости, а прежние типичные контракты как форма контрактов в трудовом праве устаревают вслед за изменением условий занятости.

Исследователи отмечают, что феномен прекарнизации все больше проявляется как структурная характеристика современного исторического периода. Это явление глубоко изменяет жизнь людей, оказывая, как минимум, следующее влияние: 1) негативный эффект от роста безработицы, разрушающей человеческие ресурсы; 2) культурный и политический эффект, выражающийся в невозможности планировать жизнь (сложность ответов на вопросы: где жить, как планировать жизнь и др.). Социальная дезинтеграция усиливается в том числе из-за дефицита адекватных политических решений.

Вследствие прекарнизации занятости формируется социальная уязвимость и неустойчивость общества. Все это означает, что неустойчивость занятости является частью неустойчивости и нестабильности в современном мире, которая проявляется в прекарнизации всех сфер повседневной жизни современных обществ в контексте ее влияния на увеличение степени неопределенности и беспокойства людей за свое будущее. Таким образом, **прекарнизация занятости с учетом всех ее негативных проявлений, по сути, — одна из наиболее острых глобальных проблем современности.**

Прекарнизация занятости в современных условиях приобрела огромные масштабы, что подтверждается многочисленными исследованиями этого феномена. В большинстве стран Восточной Европы исследования показали невыгодность официальной занятости для неквалифицированных работников, поскольку их заработная плата в этом случае очень низкая. Для них более выгодна теневая занятость. В 2012 г. лидирующий профсоюз Италии (CGIL) и журнал *Internazionale* выявили прекарнизованных не только среди неконкурентоспособных, но и среди высококвалифицированных работников. Было установлено, что *стабильная прекарнизация* характерна для 48,4% таких работников, *нестабильная* — для 19,8% (фрагментированная история работы, разные функции, переход от одного работодателя к другому). *Переходная прекарнизация занятости* была зафиксирована у 31,8% респондентов: это временно занятые с нечеткой историей работы, работающие на одного или разных работодателей. Было выявлено ущемление пенсионных прав, выходных дней, оплаты больничных, а также откладывание рождения детей и др. Исследование позволило идентифицировать существование таких страхов, как невозможность отказать работодателю, отсутствие выбора, необходимость

начинать заново с каждым новым контрактом. Наиболее распространенными ответами на вопрос, что каждый из респондентов ожидает от политиков, стали «усиление регулирования бизнеса» (28,7%) и «больше контроля нарушений прав человека» (17%) [Бобков, Вередюк, 2013].

В России исследования выявили следующие масштабы неустойчивости занятости в формальном секторе экономики:

- *в первой группе работников с наиболее высокой неустойчивостью занятости* выявлено примерно 6,8% от общего числа наемных работников в формальном секторе экономики, с которыми не оформлены трудовые отношения. Они составляют **ядро прекаризации** работников в этом секторе;

- *во второй группе работников с высокой неустойчивостью занятости*, характеризующихся такими признаками неустойчивости занятости, как неадекватный уровень заработной платы (ниже двух третей от средней по экономике), низкие социальные права и гарантии, а также социальная исключенность, — от 50 до 60% от общей численности наемных работников. Эти работники часто сталкиваются с такими проявлениями неустойчивости занятости, как нестандартная продолжительность рабочей недели, нестандартная форма трудового договора, нестабильность и ненадежность занятости;

- *третья группа работников с периферийными проявлениями неустойчивости занятости* включает до 87,5% наемных работников с ограниченными (до нуля) возможностями средне- и долгосрочного планирования и инвестирования со стороны наемного работника и его семьи. Масштаб этой группы работников является сигналом о высокой степени неустойчивости российского общества [Там же].

Установлено, что неустойчивость занятости оказывает значимое негативное влияние на удовлетворенность трудом и трудовые доходы. У работников первой группы удовлетворенность трудом оказалась на 8,2% ниже, чем у работников, имеющих официальный трудовой договор. При этом их доходы были ниже на 12,8%, чем у тех, с кем трудовые отношения оформлены официально. Отсутствие возможности инвестировать в недвижимость у третьей группы работников (87,5%) выразилось в снижении у них удовлетворенности трудом на 7,2% по сравнению с респондентами, имеющими такую возможность. Доход третьей группы при этом был ниже на 32,7%. Среди других факторов неустойчивости занятости наиболее сильное негативное влияние на удовлетворенность трудом оказывали низкий уровень социальных прав/гарантий, отсутствие официально заключенного контракта, задолженность предприятия по заработной плате [Матвеева, 2014].

Наибольшее распространение в нашей стране получила неформальная занятость. Согласно официальной статистике неформальная занятость в Рос-

сии — примерно 20 млн человек (26% экономически активного населения страны) [Пресс-конференция..., 2013]. Только 10% неформально занятых работают в формальной экономике, а большая часть (90%) — в неформальной (теневой) экономике страны. Неформальная занятость ведет к сокращению налоговой базы государства и источников страховых выплат из государственных внебюджетных фондов, а также к существенному снижению социальных гарантий для работников.

Ниже представлены некоторые результаты исследования неформальной занятости в г. Москве, выполненные под руководством автора в июне — августе 2015 г. Опрос проводился на электронном портале Superjob, в нем приняли участие 10 тыс. жителей и 700 работодателей. Обработанные результаты позволили выявить следующие проблемы и возможные пути их решения [Отчет по НИР..., 2015].

1. *Наиболее распространенными формами неформальной занятости в зарегистрированных организациях (организациях формальной экономики) являются (% от общей численности респондентов):*

1.1) получение теневой заработной платы, т.е. выплаты всей суммы заработной платы наличными деньгами без их оформления в соответствии с законодательством (21%);

1.2) постоянная работа без оформления трудовых отношений (16%);

1.3) временная работа без оформления трудовых отношений (17%).

Все эти наемные работники получали заработную плату, на которую работодателями не начислялись и с которой не уплачивались страховые взносы и налоги. Среди неформально занятых были представлены преимущественно работники в возрасте от 26 до 30 лет.

2. *Респондентами были предложены следующие эффективные направления уменьшения количества незарегистрированных организаций и индивидуальных предпринимателей (оценки представлены в порядке убывания эффективности в баллах — от «5» до «1»):*

2.1) уменьшение (легализация) количества незарегистрированных организаций и предпринимателей в сфере самозанятости (3,3 балла);

2.2) легализация таких сфер деятельности, как строительство, торговля и транспорт, широко представленных в структуре занятости г. Москвы (2,9 балла);

2.3) проверка информации о трудоустройстве или учебе при получении трудоспособными гражданами государственных услуг (2,7 балла).

3. *Респондентами были предложены следующие группы эффективных мер борьбы с нелегальной занятостью и теневой зарплатой (% от общей численности респондентов):*

3.1) изменения в налоговой системе (54%);

3.2) ужесточение штрафов и проверок (22%);

3.3) экономические меры (5%).

12% респондентов посчитали, что никакие меры не помогут преодолеть неформальную занятость.

Исследования показывают высокую степень неустойчивости занятости среди молодежи. Так, например, из результатов социологического опроса, проведенного в 2012 г. в Германии, следует, что молодое поколение в возрасте 14–34 лет чаще, чем люди зрелого возраста (35 лет и старше), находится в состоянии прекаризации занятости. Среди опрошенных в возрасте 14–34 лет временная занятость составляла: в группе 20–24 лет — 16%, в группе 14–34 лет — 10%, в то время как среди старших возрастных групп — всего 2%. Срочная занятость среди вышеназванных групп составляла 35, 24 и 11% соответственно. Большинство молодых людей в Германии отрицательно относятся к атипичной занятости и прекаризации. По их мнению, она приводит к увеличению социального неравенства. В то же время каждый второй респондент видит в прекаризации занятости положительные стороны для конкурентоспособности экономики. Так, 83% лиц в возрасте 35 лет и старше и 96% лиц моложе 35 лет считают, что политика бессильна, что рынок управляет экономикой [Бобков, Вередок, 2013].

В Российской Федерации формы, масштабы и социальные последствия неустойчивости молодежной занятости и ее влияния на неравенство возможностей молодежи в реализации своего потенциала также выше неустойчивости занятости в целом по всем категориям трудоспособного населения. Обработка данных School-to-Work Transition Survey (SWTS), выполненного по заказу МОТ (2012 г.), о молодежной занятости в России дает возможность получить следующие результаты в отношении типа контрактных соглашений, неустойчивых условий труда, форм, количественных оценок и социальных последствий неустойчивости молодежной занятости в России. По типу контрактных соглашений 8,1% молодых людей, работающих по найму, оформлены по устному соглашению (т.е. не имеют контракта), 2,3% — по гражданско-правовому контракту, 89,5% молодежи — по письменному трудовому договору. Следовательно, каждый десятый молодой человек работает без оформления трудовых отношений с работодателем. Для сравнения: официально (т.е. по трудовому соглашению/контракту) оформлено, не оформлены официально 6,8%, а письменный трудовой договор заключили 93% наемных работников. Еще у 9,5% занятой молодежи письменный договор является нестандартным (4,7% в целом по наемным работникам Российской Федерации). Все это свидетельствует о том, что примерно 20% молодежи, работающей по найму, уязвимы в своих трудовых правах — это значительно больше, чем в целом среди данной категории работников.

По природе трудовых взаимоотношений 50,9% от всей молодежной занятости в экономике — неформальная занятость. При этом занятость в неформальном секторе — 26,9%, занятость на неформальных работах в формальном секторе — 24% от всей занятой молодежи. Для сравнения: неформальная занятость в формальном секторе в целом среди наемных работников составила 6,8%. Самозанятыми являются 7,9% занятой молодежи — это выше, чем в целом среди занятого населения (5,6% в 2012 г., по данным Росстата). Молодые люди легче соглашаются работать на непрестижных рабочих местах, не привлекательных для работников на официально предлагаемых условиях занятости и (особенно) оплаты труда. Все это делает занятость большей части молодежи экономически и социально незащищенной. Таким образом, более половины экономически активных молодых людей находятся в неустойчивой занятости. Одним из основных индикаторов неустойчивости условий труда молодежи является низкая средняя заработная плата, которая значительно отстает от средней заработной платы по стране (15 тыс. руб. против 26 тыс. руб., 2011 г.). Это свидетельствует о том, что многие молодые люди работают на неудовлетворительных и нестабильных рабочих местах. У значительной части занятой молодежи отсутствует доступ к социальной защите — оплате больничных листов, предоставлению отпусков, начислению страховых взносов и др. [Бобков, Черных, 2014].

Выводы

1. Эффективно решать глобальную проблему неустойчивости занятости можно, только координируя усилия с международным сообществом, с учетом связанности национальных рынков труда, особенно с учетом международной трудовой миграции. Это требует взаимодействия по линии международного сотрудничества: а) ООН и ее специализированных институтов, таких как МОТ, ПРООН и др.; б) международного научного сотрудничества; в) международных общественных объединений профсоюзов и работодателей и др.

2. Переход от неустойчивости занятости к ее социальному качеству требует пересмотра индикаторов экономического роста и общественного прогресса, введения в число статистических индикаторов устойчивого развития и благосостояния рекомендаций доклада нобелевских лауреатов Дж. Стиглица, А. Сена и Ж.-П. Фитусси «Об измерении экономического развития и социального прогресса» (2009–2010 г.), рекомендаций экспертов Европейского и Азиатского фондов социального качества (П. Ван дер Маесен, Ка Лин и др.), Европейской сетевой группы «Социальная неопределенность,

прекаризация и неравенство» (S.U.P.I. Network — Social Uncertainty Precarity Inequality, Р. Непп, М. Ричерри, П. Херрманн и др.), разработок российской ноосферной научной школы (В.И. Вернадский, Н.Н. Моисеев, В.П. Казначеев, А.И. Субетто, А.Д. Урсул, Б.Е. Большаков и др.).

3. В целях предотвращения причин расширения прекаризации занятости развитие национальных систем профессиональных компетенций должно адекватно отражать потребности опережающего развития человека по сравнению с ростом сложности духовной, экономической, социальной и политической систем общества; ориентировать образовательные организации на опережающее развитие знаний, умений и навыков обучающихся через систему профессиональных образовательных стандартов; обеспечивать взаимное признание компетенций на международных рынках труда.

4. Национальные стратегии выхода людей из состояния прекаризации занятости не могут эффективно реализоваться без реформ национальных рынков труда. Баланс между гибкостью рынков труда и неустойчивостью занятости должен быть найден через государственное регулирование занятости, реализацию мер государственной экономической и социальной политики. Принятие любых решений необходимо сопровождать анализом их социального эффекта, а также анализом динамики национальной экономической эффективности, а не только экономической эффективности на уровне организаций.

5. Необходимо развивать национальные системы обязательного социального страхования от прекаризованных форм занятости, облагая дополнительными страховыми взносами прибыли работодателей в целях компенсации ущерба, наносимого работникам, находящимся в прекаризованных формах занятости.

6. Законодательство РФ, включая Гражданский и Уголовный кодексы, и особенно Трудовой кодекс РФ и иное трудовое законодательство, необходимо постоянно актуализировать с целью введения в правовое поле регулирования прекаризованных форм занятости. Иначе появляющиеся в России прекаризованные формы занятости, не попадая под государственное регулирование, автоматически усиливают неустойчивость развития государства и делают работников уязвимыми.

Источники

Бобков В.Н., Вередюк О.В. Социальная уязвимость работников и общества как результат неустойчивости занятости // *Уровень жизни населения регионов России.* 2013. № 6 (184). С. 7–11.

Бобков В.Н., Черных Е.А. Влияние неустойчивой занятости на переходы молодежи на рынке труда // Там же. 2014. № 3 (193). С. 23–55.

Матвеева Т.А. Влияние неустойчивости занятости на трудовые доходы российских работников и на их удовлетворенность трудом // Там же. С. 56–68.

Отчет по НИР. Тема «Разработка рекомендаций по созданию на региональном уровне благоприятных условий для снижения уровня неформальной занятости, выявления “теневой” заработной платы и повышения уровня охвата и собираемости налогов». Заказчик: Комитет по труду и занятости г. Москвы, руководитель В.Н. Бобков. М., 2015.

Пресс-конференция зампреда Правительства РФ Голодец О.В. на встрече министров труда и занятости стран «Большой двадцатки». 2013. Июль.

From Precarious Work to Decent Work: Outcome Document to the Workers' Symposium on Policies and Regulations to Combat Precarious Employment [Electronic resource] / Intern. Labour Office, Bureau for Workers' Activities. Geneva: ILO, 2012. P. 86. URL: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_dialogue/---actrav/documents/meetingdocument/wcms_179787.pdf (date of access: 07.05.2013).

О.И. Бородкина
М.М. Иванова

Санкт-Петербургский
государственный университет

МИГРАЦИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА: ПРИМЕР СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ МИГРАНТОВ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ¹

Миграция является закономерным социальным процессом и фактором благоприятного влияния как на принимающее общество (увеличение объемов производства, повышение конкурентной трудовой среды, стабилизация демографических показателей), так и на самих мигрантов (реализация своего человеческого потенциала, улучшение жизненных условий). Россия, несомненно, заинтересована в мигрантах, прежде всего для обеспечения трудовыми ресурсами и решения демографических проблем. Согласно данным Федеральной миграционной службы России в настоящее время на территории Российской Федерации находятся 1 755 781 гражданин Узбекистана, 588 811 гражданин Казахстана, 574 194 гражданина Кыргызстана, 878 536 граждан Таджикистана и 24 363 гражданина Туркменистана (см. данные на сайте ГУВМ МВД РФ). Основными центрами притяжения международных мигрантов в РФ являются крупные города, и в первую очередь Москва и Санкт-Петербург.

Санкт-Петербург на сегодня остается самым крупным центром миграционного притока в Северо-Западном федеральном округе. По данным УФМС России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, в 2015 г. на миграционный учет было поставлено более 1563 тыс. иностранных граждан, снято с миграционного учета около 1135 тыс. человек. Необходимо отметить, что по сравнению с 2014 г. количество вставших на миграционный учет в Санкт-Петербурге иностранных граждан сократилось на 16%. Основными причинами такого снижения стали: нестабильная экономическая ситуация,

¹ Статья подготовлена в ходе реализации проекта «Социальные риски международной молодежной миграции в современной России», финансируемого РНФ (соглашение № 16-18-10092).

в частности падение курса рубля, и изменение законодательства в сфере трудовой миграции, а именно то обстоятельство, что порядок квотирования рабочей силы в отношении иностранных граждан государств, с которыми у России установлен безвизовый режим въезда, был заменен патентной системой.

В Санкт-Петербурге отмечается один из самых высоких показателей миграционного прироста населения, который до 2012 г. полностью компенсировал естественную убыль населения, в частности, по данным Федеральной службы государственной статистики, с января по август 2014 г. составил 23 094 человека. По результатам исследований треть мигрантов из стран СНГ приезжают в Санкт-Петербург с семьями и детьми [Женщины — мигранты из стран СНГ..., 2011, с. 184]. Только в 2013 г. зарегистрировано 2037 актов гражданского состояния о рождении детей, где единственный родитель или оба родителя — иностранцы (ок. 3% от всех зарегистрированных в Санкт-Петербурге рождений) [Положение детей и семей..., 2014]. Разнообразие и сложность социальных проблем мигрантов и их семей требуют внимания со стороны не только миграционных служб, но и социально-политических структур, в том числе учреждений социального обслуживания.

Система социальной помощи мигрантам в Санкт-Петербурге

Вопросы социальной помощи мигрантам становятся все более актуальными, так как от их решения зависит социальное благополучие не только мигрантов и их семей, но и принимающего общества. К сожалению, в настоящее время говорить о создании широкой сети социальной помощи мигрантам пока не приходится, вместе с тем в этом направлении предпринимаются значительные усилия, в частности, в Санкт-Петербурге развиваются и апробируются различные формы социальной поддержки мигрантов.

В рамках реализации государственной программы социального обслуживания специальные службы по оказанию социальной помощи семьям мигрантов, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, были организованы в центрах социальной помощи семье и детям в шести районах Санкт-Петербурга: Красногвардейском, Калининском, Приморском, Колпинском, Адмиралтейском и Выборгском. Помимо этого, в структурах комплексных центров социального обслуживания населения Санкт-Петербурга действуют отделения по работе с членами семей, имеющих в своем составе иностранных граждан. Согласно существующему законодательству основанием для оказания государственной социальной помощи мигрантам служит на-

личие у них постоянной регистрации в Санкт-Петербурге. По этой причине значительная часть мигрантов, в том числе и наиболее уязвимая (бездомные, иностранные граждане, не имеющие всех необходимых документов, часто женщины и дети), оказывается в ситуации невозможности получения помощи в государственных социальных учреждениях. Не развита также и система специализированной социальной помощи семьям мигрантов. В настоящее время только в Центре социальной помощи семье и детям Адмиралтейского района Санкт-Петербурга создано специализированное отделение помощи мигрантам (как внутренним, так и внешним) — отделение социального сопровождения семей мигрантов с детьми, единственное в своем роде среди учреждений данного типа. Целями отделения является защита прав и интересов семей иностранных граждан с детьми, содействие им в решении психологических, правовых и иных социальных вопросов. Приоритетным методом оказания услуг является консультирование, направленное на разъяснение юридических вопросов (постановка на миграционный учет; сбор и оформление документов для получения разрешения на временное проживание, вида на жительство, гражданства РФ, разрешения на работу, составление документов правового характера, необходимых для защиты прав иностранных граждан. Важно отметить, что специалисты Центра социальной помощи семье и детям Адмиралтейского района в своей работе выступают посредником между мигрантом и государственными структурами (ФМС, образовательные учреждения, суды, полиция) при решении проблем клиента. Другим направлением деятельности Центра является организация досуговой деятельности как для родителей (встречи с земляками), так и для несовершеннолетних (бесплатное посещение музеев, театров, выставок, литературные вечера, празднование государственных праздников).

Говоря о системе социальной помощи в Санкт-Петербурге, необходимо также упомянуть СПб ГБУ «Приют-Транзит» — единственную службу в городе, оказывающую комплексную медико-психологическую и социально-правовую помощь всем категориям мигрантов. СПб ГБУ «Приют-Транзит» предоставляет временное убежище безнадзорным несовершеннолетним, не имеющим регистрации в Санкт-Петербурге и подлежащим возвращению к месту проживания родителей или законных представителей. В приют поступают несовершеннолетние в возрасте от 3 до 18 лет, оказавшиеся в трудной жизненной ситуации (дети, самовольно ушедшие из семей или воспитательных учреждений Российской Федерации и других стран, оказавшиеся без попечения родителей, не имеющие средств к существованию и постоянного места жительства, утратившие семейные, родственные связи, подвергшиеся насилию, подкинутые или заблудившиеся).

Согласно данным Комитета по социальной политике Санкт-Петербурга в прошлом году социальные услуги были предоставлены почти 1 тыс. иностранных граждан, а 699 человек получили материальную помощь в виде денежных выплат на детей. Таким образом, в Санкт-Петербурге государственное социальное обслуживание иностранных граждан осуществляется на равных условиях с обслуживанием граждан Российской Федерации, однако базовое условие предоставления социальных услуг — постоянная регистрация в Санкт-Петербурге — оставляет основной миграционный приток за пределами государственной социальной поддержки со стороны города.

Методы социологического исследования «Социальное обслуживание мигрантов в Санкт-Петербурге»

Исследование социального обслуживания мигрантов было проведено в 2015 г. на базе учреждений социального обслуживания, работающих с данной целевой группой, а именно в центрах социальной помощи семье и детям Кировского, Красносельского и Адмиралтейского районов Санкт-Петербурга. В качестве основных методов сбора информации были выбраны экспертный опрос сотрудников социальных служб и анкетирование клиентов, являющихся мигрантами. Экспертами выступили 10 сотрудников социальных служб; заведующие отделением приема и консультации граждан, заведующая отделением социального сопровождения семей мигрантов, заведующая отделением социальной помощи семьям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, специалисты по социальной работе, юристы и психологи. В анкетировании приняло участие 50 респондентов, находящихся в статусе мигрантов и состоящих на социальном обслуживании.

Результаты опроса мигрантов — клиентов социальных служб

В ходе исследования было опрошено 50 человек — клиентов Центра социальной помощи семье и детям Адмиралтейского района, получающих социальные услуги в отделении социального сопровождения семей мигрантов с детьми. Несмотря на небольшое число респондентов выборка охватила всех клиентов-мигрантов данного социального учреждения, и поэтому полученные данные, безусловно, отражают ситуацию с социальным обслуживанием мигрантов в городе. Немногим более половины респондентов (27 человек) —

женщины, соответственно 23 респондента — мужчины. Средний возраст респондентов — 39 лет. Многие респонденты (23 человека) не состояли в браке, 18 человек были женаты или замужем, 9 человек были вдовцами или вдовами. Важно отметить, что 46% респондентов (23 человека) имели среднее (общее) образование, 36% (18 человек) — высшее. Однако большинство мигрантов, в нашем случае — 64% респондентов (32 человека), имеют род занятий, требующий низкой квалификации.

Средняя продолжительность пребывания респондентов на территории Санкт-Петербурга составила 3,5 года. Основные причины приезда в Санкт-Петербург были следующие: отсутствие возможности устроиться на работу на родине (32 человека), неустроенность быта (18 человек), обострение на родине криминогенной обстановки (9 человек). Важно отметить, что Интернетом как источником информации пользуется очень незначительное число мигрантов; в частности, на вопрос «Из какого информационного источника Вы узнали о существовании услуг, предоставляемых Центром социальной помощи семье и детям Адмиралтейского района?» только один респондент отметил вариант «Интернет» (сайт УФМС), остальные 49 человек узнали о возможности получения социальной помощи от знакомых и друзей.

Среди проблем, с которыми приходится сталкиваться мигрантам, лидируют «материальные трудности», «проблемы с жильем» и «проблемы с регистрацией». Основной причиной обращения мигрантов в Центр социальной помощи семье и детям является их правовая безграмотность и, как следствие, невозможность самостоятельно решить возникающие проблемы. 81% респондентов (40 человек) обращались к юристу за консультацией по вопросам сбора и оформления документов, касающихся получения разрешения на временное проживание, разрешения на работу, вида на жительство гражданина РФ. 63% (31 человек) консультировались по вопросам трудового, семейного, жилищного и другого законодательства, связанного с правами и законными интересами мигрантов. Что касается психологической помощи, то, несмотря на трудности социальной адаптации в мегаполисе, большинство мигрантов не чувствуют потребности в психологическом консультировании. Из всех клиентов центра только 5 человек сообщили, что нуждаются в психологической помощи в вопросах детско-родительских отношений, и 2 человека отметили необходимость в получении консультации психолога для несовершеннолетнего ребенка в связи с проблемами взаимоотношений в школьном коллективе.

Отвечая на вопрос «Интересны ли Вам досуговые мероприятия, проводимые Центром (если “да”, то что именно)?», респонденты назвали следующие варианты досуговой деятельности: 1) встречи с земляками; 2) ли-

тературные вечера для детей; 3) экскурсии в музеи Санкт-Петербурга; 4) мероприятия, приуроченные к государственным праздникам. Но значительная часть респондентов не проявила заинтересованности в досуговой деятельности отделения социального сопровождения семей мигрантов. Эти данные косвенно говорят о нежелании некоторых мигрантов интегрироваться в принимающее общество и о склонности к поддержанию отношений преимущественно внутри своей этнической группы.

Длительность обслуживания респондентов в Центре социальной помощи семье и детям варьировала от 15 дней до 2 лет. Основными недостатками социального обслуживания мигрантов, по мнению респондентов, являются прежде всего информационная недоступность социального обслуживания (47 человек) и отсутствие четкого порядка предоставления социальных услуг (10 человек). Кроме того, в качестве негативных характеристик обслуживания клиенты отметили большой объем бумажной работы и недостаток сотрудников. Вместе с тем почти все клиенты утверждали, что специалисты учреждения проявляют заботу и отличаются высокой квалификацией, и за время обслуживания в Центре социальной помощи семье и детям их положение значительно улучшилось.

Результаты экспертных интервью

Анализ интервью с сотрудниками государственных социальных служб показал, что наибольшую трудность при работе с мигрантами представляет языковой барьер; большинство мигрантов плохо владеют русским языком, и требования, связанные с получением языкового сертификата, значительно не улучшили ситуацию. Кроме того, многие трудовые мигранты приезжают с семьями (или привозят их позднее), и члены их семей, которые могут обращаться за помощью, также часто не владеют русским языком в необходимой мере. Поэтому вопрос языковой адаптации мигрантов является первоочередным и не может быть решен исключительно в стенах социальных учреждений. Формирование широкой сети межсекторного взаимодействия по вопросам социальной адаптации мигрантов, прежде всего между государственными социальными и образовательными организациями, землячествами, а также НКО, работающими с мигрантами, позволило бы частично решить языковую проблему, в том числе путем открытия бесплатных языковых центров при поддержке местных диаспор. Кроме того, по мнению специалистов, существует потребность в развитии центров досуга, на базе которых можно было бы реализовать программы, способствующие культурной адаптации мигрантов, повышению уровня их правовой грамотности.

В настоящее время основным методом в работе с мигрантами в государственных социальных службах является консультирование, в том числе психологическое. Психолог проводит беседы по вопросам детско-родительских отношений, а также поведения и соотношения ролей мужчины и женщины в смешанных и мусульманских семьях, помогает снять эмоциональное напряжение, снизить уровень агрессии в отношении близких. Необходимо отметить, что психологическая помощь семьям мигрантов оказывается преимущественно по заявлениям субъектов профилактики (например школ). Добровольно мигранты редко обращаются за психологической поддержкой, так как либо не ощущают в ней потребности, либо не рассчитывают получить ее в организации.

В юридических консультациях (а мигранты, как было отмечено выше, обращаются в социальные центры преимущественно за правовой поддержкой) мигрантов в основном интересуют следующие вопросы: оформление необходимых для регистрации документов, оформление детей в образовательные учреждения, правовая помощь в вопросах трудоустройства.

Все социальные услуги, которые носят систематический характер и требуют использования материальных ресурсов учреждения, оказываются при наличии регистрации на территории Санкт-Петербурга, однако необходимо отметить, что несовершеннолетние обслуживаются в любом случае по заявлениям субъектов профилактики. В ходе экспертных интервью выяснялось, что социальная работа с мигрантами очень формализована и требует большого объема бумажной работы, однако при этом границы компетенций различных специалистов чрезвычайно размыты.

Выводы

По результатам проведенного исследования представляется важным выделить несколько основных направлений развития социальной помощи мигрантам в государственных организациях. Во-первых, необходимо организационное реформирование социальных служб с точки зрения административно-правовой регламентации деятельности специалистов, с учетом потребности клиентов и облегчения их доступа к услугам. Во-вторых, в государственных социальных службах необходимо внедрять новые методы работы с клиентами, прежде всего способствующие активизации самого клиента и ресурсов его семьи. В-третьих, необходимо развивать взаимодействие с негосударственными некоммерческими организациями, многие из которых оказывают помощь мигрантам на протяжении долгих лет и готовы к совместной работе, что особенно важно в ситуации, когда специалисты государ-

ственных социальных служб еще не имеют достаточного опыта и знаний для работы с семьями мигрантов. И наконец, следует развивать правовую базу для работы с мигрантами. В частности, создание единой информационной базы организаций, оказывающих помощь семьям мигрантов, значительно способствовало бы повышению эффективности социальной помощи международным мигрантам и их семьям.

Источники

Доклад Уполномоченного по правам человека в Санкт-Петербурге за 2015 год [Электронный ресурс]. СПб., 2016. URL: http://ombudsmanspb.ru/files/files/doklad_2015/DOKLAD_2015_site.pdf.

Женщины — мигранты из стран СНГ в России / под ред. Е.В. Тюрюкановой. М.: МАКС Пресс, 2011.

Комитет по социальной политике Санкт-Петербурга [Электронный ресурс]: офиц. сайт. URL: <http://gov.spb.ru/gov/otrasl/trud>.

Официальные статистические данные ГУВМ МВД РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://гувм.мвд.рф/about/activity/stats/Statistics> (дата обращения: 17.05.2016).

Положение детей и семей, имеющих детей, в Санкт-Петербурге [Электронный ресурс] // Аналит. материалы о положении детей и семей, имеющих детей, в Санкт-Петербурге / С.-Петерб. гос. бюджет. учреждение «Городской информационно-методический центр «Семья»». СПб., 2014. URL: <http://www.homekid.ru/analiticheskie-materialyi-o-polozhonii-detej-i-semej-v-sankt-peterburge.html> (дата обращения: 10.05.2015).

Федеральная служба государственной статистики // Демограф. ситуация в Санкт-Петербурге [Электронный ресурс]. URL: <http://www.petrostat.gks.ru> (дата обращения: 24.05.2015).

Т.А. Гасс

Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа экономики»

БЕДНОСТЬ И НЕРАВЕНСТВО НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ В ЖИЛИЩНОЙ СФЕРЕ

Материальное неравенство естественно для любой экономики, оно способно стимулировать население прикладывать усилия к улучшению условий жизни. Само по себе неравенство в обществе не представляет собой проблему, когда население обладает равными стартовыми возможностями или уровень бедности в обществе невелик. Однако чрезмерное неравенство может стать препятствием к экономическому росту и основой для социальных конфликтов. Чаще всего измеряют материальное неравенство населения, однако и нематериальным аспектам уделено большое внимание. В данной работе исследуется один из аспектов материального неравенства населения — жильё, наиболее дорогостоящий актив домохозяйств в большинстве стран мира.

Р. Яо и Х. Жанг [Yao, Zhang, 2005, p. 197] отмечают, что в 2001 г. примерно для двух третей американских семей их жильё составляло 55% их совокупного богатства; А. Хенли [Henley, 1998, p. 364] пишет, что жильё является самой большой частью всех активов для малообеспеченных слоев населения и семей со средним достатком. От наличия жилья зависит не только уровень удовлетворенности жизнью, но и прожиточный минимум домохозяйства. В условиях кризиса и снижения зарплат значимость собственного жилья повышается. Обладание жильём для российских домохозяйств представляется более важным, чем для домохозяйств в других странах, так как в России слабо развит рынок арендного жилья (за исключением некоторых городов), в том числе и теневой, а приобретение собственной недвижимости мало доступно для населения из-за высоких цен на нее. В.Н. Бобков отмечает, что «формально права на жилище социального найма провозглашены были, но фактически его строительство так и не развернуто. ... Рыночные прозрачные арендные отношения в жилищном секторе также не созданы, ипотечное кредитование остается недоступным для большинства нуждающихся в жильё, а покупка жилья — не обеспечена доходами у основной части нуждающегося в нем населения» [Бобков, 2012, с. 15]. Только 15% российских семей имеет возможность приобрести жильё или построить его за счет собственных или заемных средств [Горшков, Дикарева, 2010, с. 22].

В данной работе проанализировано неравенство и бедность населения в жилищной сфере на основе базы данных РЛМЗ. Обеспеченность домо-

хозяйств жильем была оценена как общая площадь жилья, в котором в настоящее время проживает домохозяйство, измеренная в квадратных метрах. Оценка стоимости жилья в рамках этого исследования проведена не была, так как оценка домохозяйством стоимости своего жилья в базе данных встречается недостаточно часто и существенно сокращает выборку, приводя к смещению результатов. Адекватность самооценок такого рода также оказывается под вопросом. А поскольку «применение в анализе единой для региона стоимости квадратного метра жилья... аналогично сопоставлению домохозяйств внутри одного региона по размеру занимаемой площади» [Бурдяк, 2008, с. 6], анализ внутрироссийского неравенства при таком подходе скорее всего покажет только различия в стоимости жизни между регионами, но не само неравенство населения в жилье.

Статус жилья не учитывался, так как примерно у 90% опрошенных семей жилье было своим (остальные снимали жилье или проживали в общежитии). Таким образом, погрешность измерения небольшая, и учет статуса жилья не может существенно повлиять на картину неравенства. Влияние статуса жилья на бедность заслуживает отдельного исследования, так как на основании сведений, имеющихся в базах данных, невозможно определить причину проживания не в своем жилье (например, переезд в другой город на заработки и съем жилья в нем не влияет на наличие или отсутствие собственного жилья в городе, где семья проживала до этого).

В исследовании сравнивался уровень неравенства, рассчитанный по разным базам данных (РМЭЗ НИУ ВШЭ, ОБДХ). В итоге был сделан вывод о незначительном расхождении результатов расчетов. Ситуация с неравенством с 1996 по 2014 г. (РМЭЗ НИУ ВШЭ) изменилась незначительно, индекс Джини вырос менее чем на 10% (с 0,300 до 0,324) (рис. 1).

Для расчета уровней бедности использовалась общая площадь жилья, так как она была представлена у большего количества респондентов. В качестве абсолютной границы бедности использовались два показателя: 7^1 и 9^2 м² общей площади жилого помещения на одного члена домохозяйства. В качестве относительной границы бедности использовались показатели в 40 и 60% от средней жилищной обеспеченности по стране (рассчитанной по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ; округление с точностью до метра).

¹ Первый стандарт качества жилья: размер общей площади жилого помещения на одного члена домохозяйства составляет не менее 7 м², имеются централизованное водоснабжение и канализация, а также центральное отопление [Бобков, 2011, с. 1].

² Наиболее часто встречающийся размер учетной нормы по регионам России для признания семьи нуждающейся в улучшении (расширении) жилищных условий.

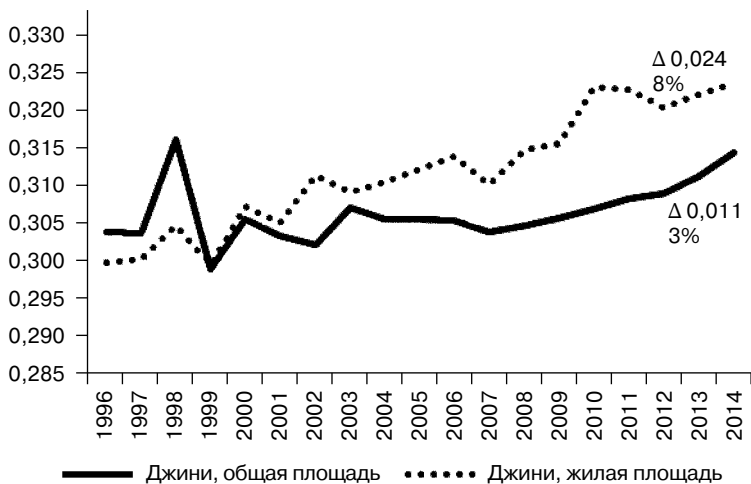

Рис. 1. Индекс Джини, 1996–2014 гг.

В результате расчетов были получены следующие выводы (рис. 2)³:

- абсолютная бедность населения в жилье сократилась примерно на половину за этот период (с 4 до 2% или с 10 до 5% в зависимости от применяемого подхода);
- относительная бедность выросла. Если брать в качестве границы бедности 40% от средней обеспеченности жильем на человека, то бедность почти не изменилась, а если 60% — она вырастет с 23 до 25%.

Одной из причин такого роста относительной бедности стало увеличение средней общей площади, приходящейся на каждого члена домохозяйства, с 20 до 26 м² за период наблюдения.

Из рис. 2 видно, что разрыв между абсолютной и относительной бедностью в жилье большой и колеблется от 2 до 5 раз, т.е. даже устранив абсолютную бедность (именно об этом и идет речь во всех государственных программах), сократить относительную бедность будет не просто.

Кроме различных уровней бедности, была рассчитана и ее глубина для каждого показателя, что позволило полнее представить ситуацию (рис. 3). В качестве границы бедности было взято значение площади жилья, при котором домохозяйство переходит эту границу. В таких условиях дефицит жилья

³ С 1998 по 2004 г. 40% средней площади жилья совпадали с абсолютной границей бедности согласно учетной норме.

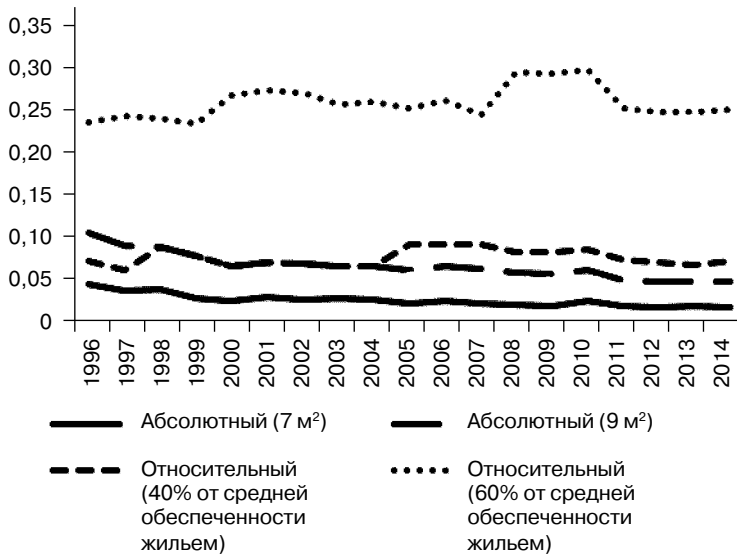

Рис. 2. Уровень бедности населения, 1996–2014 гг.

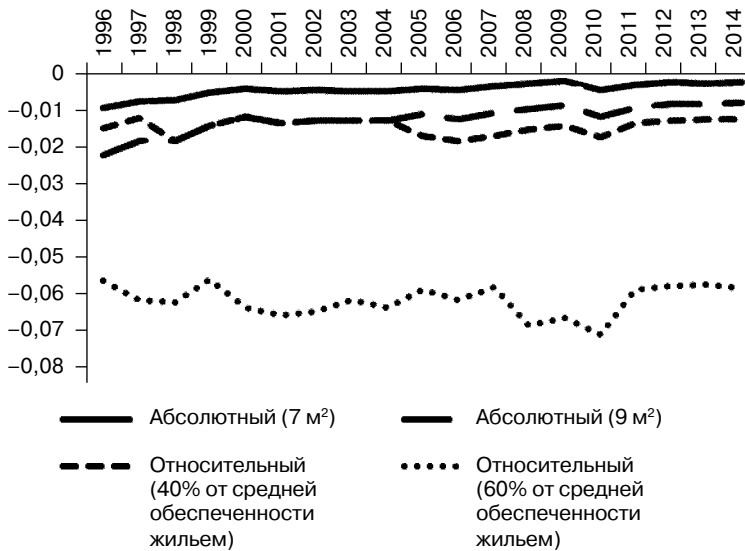

Рис. 3. Глубина бедности (дефицит жилья), 1996–2014 гг.

не превышает 7,2%. В работе А.Я. Бурдяк дефицит посчитан от нормы предоставления жилья, в результате дефицит жилья получается гораздо больше, и «на очередников, которых в выборке около 7% домохозяйств, приходится примерно 69% дефицита жилищной обеспеченности и более чем половина остроты бедности. Большая часть семей (38%), которые не могут быть признаны очередниками, но тоже обеспечены ниже социальной нормы — на их долю выпадает около 30% дефицита обеспеченности, — это сигнал о необходимости форсированного жилищного строительства и развития сопутствующих отраслей» [Бурдяк, 2008, с. 12]. Таким образом, рассчитанный дефицит получается заниженным, но позволяет оценить, насколько необходимо увеличить жилой фонд страны, чтобы крайне бедных в жилье (при оценке по абсолютному уровню бедности) семей не осталось. Однако это будет только первым шагом к решению проблемы обеспечения жителей страны достойным жильем.

Устранить относительный дефицит жилья невозможно — он будет существовать всегда. В настоящее время значение в 60% от средней площади жилья близко к норме предоставления жилья в большинстве регионов (18 м²), т.е. для обеспечения населения достойным жильем сегодня нужно выделить в 7–8 раз больше жилья, чем для устранения абсолютной бедности.

Анализируя индексы неравенства и уровни бедности, можно сказать, что ситуация в жилищной сфере без учета качества жилья не критична: при относительно высоком уровне неравенства уровень абсолютной бедности небольшой и может стимулировать граждан прикладывать усилия к повышению своего благосостояния в этой сфере, однако в связи с низкой доступностью жилья эти усилия не всегда будут результативными.

Например, В.Н. Бобков пишет, что «для богатых россиян вложения в жилище стали одним из способов накопления капитала; для бедных россиян видимость улучшения — следствие снижения за этот период времени общей численности населения со 148,3 млн чел. до 142,9 млн чел. В результате за счет этого фактора возник статистический парадокс — в ряде регионов и отдельных городов, лишившихся действующих производственных мощностей, обеспеченность жильем существенно выросла при практически полном отсутствии строительства новых жилых помещений» [Бобков, 2012, с. 15].

В работе Р. Баклей и Е. Гуренко [Buckley, Gurenko, 1997, p. 23] подчеркивается, что жилье никак не связано с доходами населения России и распределено случайным образом между разными доходными группами; демографические решения домохозяйств (например, о браке или рождении детей) также не влияют на их жилищные условия и не связаны с ними. В настоящее время появление детей в домохозяйстве ухудшает его положение в жилищной сфере почти в 2 раза [Гасс, 2013, с. 74].

Расчеты подтверждают отсутствие связи между доходами населения и жильем. Расчет по данным Росстата показывает, что неравенство в жилье при группировке домохозяйств по доходным группам не превышает 0,121 (табл. 1). В работе А.Я. Бурдяк этот вывод находит свое подтверждение: «Проведенный анализ жилищной обеспеченности семей с разным уровнем доходов позволяет утверждать, что дефицит жилья в равной степени испытывают как богатые, так и бедные семьи» [Бурдяк, 2008, с. 13].

В.Н. Бобков, характеризуя структуру российского общества, пишет: «в благоприятном варианте 1,4–2,0% населения являются бедными и по жилью, и по доходу, а еще 30,1–35,6% — бедные по одному из двух признаков или близкие к ним по доходу и жилищным условиям. В неблагоприятном варианте наиболее нуждающийся слой уже составляет 16,4–20,7%» [Бобков, 2011, с. 4]. Он также считает, что реальная структура населения России — ближе к неблагоприятному варианту.

Е.С. Шомина пишет, что при решении проблемы нехватки жилья и обеспечения жильем всех жителей страны встает вопрос о его качестве. И жилищная политика переориентируется с обеспечения населения любым жильем (крышей над головой) на обеспечение качественным жильем [Шомина, 2010]. И если с задачей обеспечения нуждающегося (в жилье) населения жильем можно справиться на уровне государства, то задача обеспечения населения качественным жильем гораздо сложнее, как из-за отсутствия необходимой инфраструктуры на местах, так и из-за других особенностей жилого фонда. Например, незаселенный (освободившийся) жилой фонд представлен в достаточном количестве в малых городах и селах, где нет действующих производств, однако при выделении жилья в этом фонде очередники скорее всего откажутся от такого решения их жилищного вопроса.

К тому же «наш жилищный фонд состоит преимущественно из одно- и двухкомнатных квартир, рассчитанных на удовлетворение минимальных потребностей населения в жилье. В условиях недостатка доходов у покупателей жилья основная часть жилья в новостройках также приходится на одно- и двухкомнатные квартиры. Такая структура жилищного фонда не соответствует рациональным потребностям населения, которые, среди прочего, выражаются формулой “число комнат в квартире должно быть как минимум на единицу больше числа членов семьи”. В будущем это приведет к резкому несоответствию потребностей населения в жилье и возможности его удовлетворения за счет имеющегося в наличии жилищного фонда» [Бобков, 2012, с. 15]. Таким образом, даже за свои деньги найти жилье, которое удовлетворило бы запросам конкретной семьи, не всегда возможно. С появлением детей доля семей, желающих улучшить жилищные условия, вырастает в 4 раза,

Таблица 1.

Сравнение жилищных индексов Джини при формировании групп по наделенности жильем и по располагаемому доходу домохозяйств

	Год												
	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Индекс Джини по доходам	0,091	0,095	0,086	0,092	0,097	0,080	0,090	0,085	0,101	0,121	0,118	0,101	0,102
Индекс Джини по общей площади	0,303	0,302	0,307	0,305	0,305	0,305	0,304	0,304	0,306	0,307	0,308	0,309	0,311

и в 6 раз возрастает доля семей, обращающихся за помощью в решении своего жилищного вопроса к государству⁴.

Таким образом, несмотря на невысокие показатели бедности в жилье, ситуация с жильем для большинства населения страны оставляет желать лучшего: самостоятельное улучшение жилищных условий реально только для малой части населения страны, а на помощь от государства может рассчитывать лишь небольшая часть населения; однако сроки этой помощи могут сильно растягиваться, например: «“законные” московские очередники... ждут улучшения жилищных условий в течение 20–25 лет» [Альтшулер, 2011, с. 3].

Основными проблемами исследования являются ограниченность распространения результатов анализа на генеральную совокупность и применимость индексов неравенства к ситуации в жилищной сфере. Проведенное исследование показало необходимость специальных регулярных статистических наблюдений с использованием панельных данных. РМЭЗ НИУ ВШЭ позволяет использовать панельные данные, но не позволяет исследовать ситуацию на уровне регионов. Комплексное наблюдение условий жизни населения (КОУЖ), которое начато в 2011 г. и с 2014 г. будет репрезентативно на уровне субъектов Федерации, в настоящий момент доступно только для 2 лет. Использование КОУЖ позволит в дальнейшем расширить анализ жилищного неравенства и бедности в России и углубить его до уровня регионов.

Источники

Альтшулер Б.Л. «Детское измерение» бедности и неравенства: питание, жилье, досуг. О первоочередных мерах по решению проблем: пояснит. записка по мотивам обсуждения на заседании эксперт. группы № 9 «Сокращение неравенства и преодоление бедности» «Распределение населения по уровню доходов и жилищной обеспеченности: неравенство материальных условий жизни». 2011. 31 мая.

Бобков В.Н. 20 лет капиталистических трансформаций в России: влияние на уровень и качество жизни // Мир России. Социология. Этнология. 2012. Т. 21. Вып. 2. С. 3–26.

⁴ «Доля семей, желающих улучшить свои жилищные условия, растет с 5 до 20% (2009 год) при увеличении числа детей в них, что объясняется как более высокой стесненностью жилья в этих семьях, так и общей неудовлетворенностью граждан России своими жилищными условиями. Государство помогает определенным категориям граждан улучшать свои жилищные условия, в том числе и многодетным семьям. Среди семей без детей 1,0% состоит на учете в качестве нуждающихся в улучшении жилищных условий, а среди семей с четырьмя и более детьми таких уже 6,0%» [Гасс, 2013, с. 71].

Бобков В.Н. Неравенство материальных условий жизни населения: тез. докл. на заседании эксперт. группы № 9 «Сокращение неравенства и преодоление бедности» «Распределение населения по уровню доходов и жилищной обеспеченности: неравенство материальных условий жизни». 2011. 31 мая.

Бурдяк А.Я. Обеспеченность населения России жильем: региональные и социально-демографические особенности // Вестн. НГУ. Сер.: Социально-экономические науки. 2008. Т. 8. Вып. 4. С. 3–17.

Гасс Т.А. Жилищные условия семей с детьми: динамика неравенства // Вопр. статистики. 2013. № 3. С. 70–75.

Горшков Р.К., Дикарева В.А. Формирование рынка доступного жилья в России. М.: Изд-во АСВ, 2010.

Шомина Е.С. Квартирсоъемщики — наше «жилищное меньшинство»: российский и зарубежный опыт развития арендного жилья. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2010.

Buckley R.M., Gurenko E.N. Housing and Income Distribution in Russia: Zhivago's Legacy // The World Bank Research Observer. 1997. Vol. 12. No. 1. P. 19–32.

Henley A. Changes in the Distribution of Housing Wealth in Great Britain, 1985–91 // *Economica*. New Series. 1998. Vol. 6. No. 259. P. 363–380.

Yao R., Zhang H.H. Optimal Consumption and Portfolio Choices with Risky Housing and Borrowing Constraints // *The Rev. of Financial Studies*. 2005. Vol. 18. No. 1. P. 197–238.

В.В. Карачаровский
Е.Н. Гасюкова

Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа экономики»

ПРЕКАРИАТ КАК НОВАЯ ЗОНА РИСКА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА¹

Введение

Доклад посвящен результатам исследования прекариата² и процессов прекаризации в российском обществе. Раскрыты условия возникновения прекариата в России, предложена система критериев идентификации прекариата в социальной структуре. Впервые на системной критериальной основе даны оценка численности прекариата в российском обществе, его сравнение с другими социальными группами российского общества, построена вероятностная модель, предсказывающая попадание в группу прекариата в зависимости от уровня личностных ресурсов индивида. Анализ базируется на данных четырех представительных опросов населения России, проводившихся под руководством профессора О.И. Шкаратана в 1994, 2002, 2006 и 2013 гг.³

Ряд российских исследований 2000-х годов был посвящен описанию и систематизации нетрадиционных форм занятости на российском рынке труда⁴, но в социологическом ключе, в привязке к проблемам социального благополучия и формирования зон риска в социальной структуре, проблема прекаризации до сих пор не рассматривалась в российской литературе.

¹ Работа подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-03-00720 и с использованием средств Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» (проект № 15-09-0260) в 2015 г.

² Термин впервые введен Г. Стэндингом [Standing, 2011].

³ Подробное изложение результатов исследования см. в ст.: [Шкаратан и др., 2015].

⁴ См.: [Нестандартная занятость..., 2006].

В докладе обосновывается следующая система критериев идентификации прекариата в социальной структуре общества:

- нестабильность занятости;
- нестабильность содержания труда;
- нестабильность дохода, среднемесячный размер которого может варьировать от минимального до медианного уровня в данной территориальной общности;
- отсутствие подушки безопасности в виде крупного имущества и финансовых активов;
- низкий уровень социального капитала;
- невозможность воспроизводить привычный стиль жизни;
- низкие позиции во властной иерархии (общества / компании / организации);
- самоидентификация по прекариальному типу;
- длительность нестабильности индивидуального социально-экономического положения от 7 лет и более.

На этой основе проанализирована динамика российского общества с 1994 по 2013 г. с оценкой выраженности свойственной прекариату совокупности характеристик у работающего населения.

Прекаризация как макросоциальное явление

Прекаризация — опасный процесс распространения социальной ситуации прекариата на все более широкие слои общества, меняющий его облик как целого. Показано, что при наличии определенных признаков прекаризации у отдельных групп населения на макроуровне с 2000-х годов наметилось ослабевание этого процесса (табл. 1). Важно подчеркнуть, что анализ не охватывает процессы, спровоцированные системным кризисом 2014 г.

Так, среднее значение ответов на вопрос «Опасаетесь ли Вы потерять работу?» (5-балльная шкала) снизилось за исследуемый период с 2,95 до 2,42 ($t = -10,055$), сохранив, однако, промежуточное положение между вариантами ответов «Скорее нет, чем да» (2 балла) и «Трудно сказать» (3 балла). При этом заметно вырос уровень благосостояния, социального капитала и субъективная самооценка благополучия.

Среднее значение величины социального капитала (шкала от 0 до 3 баллов) за период 2006–2013 гг. заметно выросло — с 1,19 до 2,02 оценочного балла ($t = 35,537$). Показатель представляет собой сумму следующих возможностей за счет знакомств: найти работу, найти финансовую помощь или жилье, занять деньги. В течение всего периода плавно росла оценка благосостояния семей. В 1994 г. в среднем благосостояние оценивалось как промежуточное между по-

Таблица 1. Оценка выраженности процессов прекаризации в российском обществе, 1994—2013 гг.*

Показатель	Шкала**	Год опроса				Тест***
		1994 (N = 1418)	2002 (N = 1930)	2006 (N = 2274)	2013 (N = 1550)	
<i>Нестабильность занятости</i>	(+) 1..5	2,95(1,53)	—	—	2,42(1,34)	-10,055† (t _{1994,2013})
Уровень опасений потерять работу	(+) 1..3	2,79(0,61)	2,78(0,50)	2,72(0,55)	2,73(0,54)	-3,015* (t _{1994,2013})
Нестабильность дополнительного заработка в свободное время	(+) 1..3	1,69(0,75)	—	—	1,70(0,73)	0,525 (t _{1994,2013})
Безработные в ближайшем окружении						
<i>Организационный ресурс****</i>						
Возможность:						
• определять цели и задачи своего отдела	(-) 1..3	2,48(0,71)	2,48(0,74)	2,44(0,71)	—	0,462 (F)
• определять цели и задачи своей организации	(-) 1..3	1,44(0,82)	1,66(0,82)	1,86(0,84)	—	8,803† (F)
• получать полную информацию о своей организации	(-) 1..3	2,28(0,81)	2,29(0,81)	2,29(0,76)	—	0,101 (t _{1994,2006})
• нанимать и увольнять людей в своей организации	(-) 1..3	1,73(0,85)	1,83(0,89)	1,88(0,87)	—	2,923† (F)
• определять зарплаты в своей организации	(-) 1..3	2,46(0,70)	1,90(0,84)	1,93(0,86)	—	-10,022† (t _{1994,2006})
Участие в работе в НКО, в том числе профсоюзов	(-) 1..5	—	1,24(0,78)	1,23(0,73)	1,30(0,78)	2,295* (t _{2002,2013})
<i>Социальный ресурс</i>						
Способность решать проблемы за счет социальных связей	(-) 0..3	—	—	1,19(0,58)	2,02(0,72)	35,537† (t _{2006,2013})
<i>Финансовые ресурсы</i>						
Доля тех, кто владеет акциями или облигациями компаний		25,4%	7,4%	6,9%	2,5%	
Доля тех, кто имеет доленое участие в капитале компаний		9,0%	5,0%	5,8%	4,4%	

Показатель	Шкала**	Год опроса				Тест***
		1994 (N = 1418)	2002 (N = 1930)	2006 (N = 2274)	2013 (N = 1550)	
Отношение средней заработной платы за последние 3 месяца к прожиточному минимуму по стране****		—	0,90(0,57) 6,9%	2,03(1,10) 11,6%	2,33(1,00) 13,3%	30,470 [†] (F)
Доля тех, у кого данное отношение ≥ 5 раз		—	1,16(0,81) 2,7%	1,60(0,98) 3,3%	—	8,500 [†] (t _{2002,2006})
Отношение доходов за последний месяц на одного члена семьи к прожиточному минимуму по стране*****	(-) 1..5	—	2,52(0,85)	2,49(0,84)	3,33(0,90)	28,752 [†] (t _{2006,2013})
Доля тех, у кого данное отношение ≥ 5 раз		—	—	—	—	—
Оценка благосостояния семьи		1,71(0,81)	—	—	—	—
<i>Социальная самооценка</i>	(-) 1..5	2,77(0,85)	—	—	3,53(0,76)	25,536 [†] (t _{1994,2013})
Собственная жизнь сегодня	(-) 1..5	3,49(0,78)	—	—	3,50(0,77)	0,271 (t _{1994,2013})
Собственная жизнь 5–10 лет назад		—	—	—	—	—

* Исключены из анализа все категории неработающих респондентов, в том числе: студенты, домохозяйки и занятые в подсобном и домашнем хозяйстве, неработающие по иным причинам; крестьяне, фермеры, члены фермерских коллективов.

** Символами «+» и «-» показано соответствие направления шкалы и возрастания искомого признака: плюс — чем выше балл, тем сильнее выражена прекарнизация; минус — чем выше балл, тем слабее выражена прекарнизация.

*** Отмечен уровень значимости статистического теста: $\sim p < 0,1$; $^* p < 0,05$; $^{**} p < 0,01$; $^{***} p < 0,005$; $^{****} p < 0,001$; $^{\dagger} p < 0,0001$.

**** Количество респондентов, ответивших на данный вопрос, не превышает 25–30% выборки.

***** Исключены респонденты с доходами и зарплатой, в 5 и более раз превышающими прожиточный минимум, установленный в соответствующем году.

зиями «едва сводим концы с концами» и «денег хватает только на еду» (среднее — 1,71 балла). К 2013 г. оценка выросла до 3,33 балла ($t = 28,752$), что соответствует промежуточному положению между позициями «денег хватает на продукты и одежду» и «не без труда, но можем приобретать вещи длительного пользования». Рост уровня благосостояния заметен и по показателю отношения заработной платы к прожиточному минимуму. Если в 2002 г. это отношение в среднем составляло 0,9 раза, то в 2013 г. — 2,33 раза, при этом доля тех, у кого зарплата превышала прожиточный минимум в 5 раз и более, выросла с 6,9 до 13,3%⁵. Наконец, оценка респондентами качества собственной жизни по шкале от 1 до 5 баллов («очень плохо» — «очень хорошо») выросла с 2,77 до 3,53 балла ($t = 25,536$). Интересно, что эта оценка статистически сопоставима с оценкой, которую давали респонденты в 1994 г., отвечая на вопрос о качестве своей жизни 5–10 лет назад (т.е. оценивая свою жизнь в середине 1980-х годов), и даже несколько превышает ее. Люди приравнивали качество жизни, достигнутое в 2000-е годы, к качеству жизни в позднем советском периоде.

Таким образом, мы не можем говорить о сколько-нибудь прогрессирующих процессах прекаризации в российском обществе первой декады 2000-х годов, скорее, в этот период можно было наблюдать обратный процесс.

Идентификация прекариата в социальной структуре общества

Вместе с тем нельзя не отметить и тот факт, что слой прекариата в России существует, причем в зоне риска оказываются большие слои населения (в стране к прекариату можно отнести порядка 27% работающего населения). Для идентификации слоя населения с признаками прекариата был использован кластерный анализ, которому предшествовала процедура снижения размерности признакового пространства. Наилучшим признан вариант с тремя факторами, объясняющими 55,2% дисперсии: «фактор благосостояния» (23,7%), «риск потери работы» (16,7%), «фактор дефицита ресурсов» (14,8%). В табл. 2 приведены основные характеристики социальных групп, выявленных в признаковом пространстве прекариата. Собственно прекариат представлен группой 1⁶.

⁵ Использовалась величина прожиточного минимума по стране в целом (без учета различий по регионам), установленная на IV квартал в соответствующем году. В качестве меры заработной платы использовалась оценка респондентом ее средней величины за последние 3 месяца к моменту опроса.

⁶ Полученные результаты позволяют провести сопоставление ситуации в России и странах ЕС. См., в частности: [McKay et al., 2012].

Таблица 2. Социальные группы с различным риском прекаризации*

	Группа 1 (N = 258)	Группа 2 (N = 262)	Группа 3** (N = 225)	Группа 4 (N = 192)	Парные сравнения*** $t_{1,2}$ $t_{1,3}$ $t_{1,4}$
Доля в выборке, %	27,5	28,0	24,0	36,5	20,5
Социально-демографические характеристики					
Возраст, лет	40,5 (11,0)	40,9 (11,2)	38,0 (9,7)	37,7 (9,4)	-0,478 2,599** 2,664*
Мужчины, %	46,1	45,0	51,1	53,7	53,1
Высшее образование, %	27,1	33,6	35,1	36,6	28,3
Некоторые показатели социального самочувствия					
Уровень опасений потерять работу	3,38 (1,20)	1,64 (0,90)	2,88 (1,34)	4,40 (0,49)	1,85 (1,00)
Нестабильность дополнительного заработка	2,91 (0,29)	2,96 (0,20)	2,87 (0,34)	2,79 (0,41)	1,98 (0,57)
Социальный капитал	1,98 (0,54)	1,58 (0,74)	2,34 (0,62)	2,24 (5,78)	6,979† -6,822† -7,243†
Безработные в ближайшем окружении	2,15 (0,66)	1,27 (0,49)	1,86 (0,74)	1,76 (0,71)	17,233† 4,469† 9,086†

Властный ресурс в организации	1,21 (0,534)	1,31 (0,602)	1,64 (0,908)	1,63 (0,86)	1,27 (0,589)	-2,064* -6,176† -1,133
Зарплата к прожиточному минимуму	2,29 (1,25)	2,93 (1,93)	5,46 (5,14)	4,62 (0,36)	2,83 (1,67)	-4,506† -9,020† -3,769†
Благосостояние семьи	2,71 (0,74)	3,41 (0,74)	4,05 (0,56)	3,96 (0,51)	3,46 (0,81)	-10,793† -22,798† -10,144†
Социальная самооценка сегодня	3,09 (0,66)	3,59 (0,66)	4,19 (0,55)	4,18 (0,61)	3,56 (0,65)	-8,713† -19,878† -7,549†
Социальная самооценка в период 5–10 лет назад	3,37 (0,75)	3,55 (0,71)	3,85 (0,70)	3,72 (0,79)	3,55 (0,71)	-2,863** -7,285† -2,629**

* Использованы данные за 2013 г.

** В колонке слева указаны социальные характеристики всей группы; в колонке справа — доля в группе и социальные характеристики подгруппы с особо высоким риском потери работы.

*** Отмечен уровень значимости статистического теста: ~ $p < 0,1$; * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,005$; **** $p < 0,001$; † $p < 0,0001$.

Специфика прекариата и характерная для его представителей нестабильность положения хорошо проявляется при сравнении групп 1 и 2. Уровень опасений потери работы в группе 1 значительно выше (3,38 против 1,64, $t = 18,612$), однако различие в зарплатах между группами гораздо менее выражено ($t = -4,506$), чем различие в оценках собственной жизни ($t = -8,713$) и благосостояния семьи ($t = -10,793$). Это показывает, что в группе 1 колебания зарплаты более критичны для выживания, а в группе 2 эти колебания могут компенсироваться более высоким благосостоянием семьи. Таким образом, наряду с прекариатом можно выделить социальные слои с сопоставимым уровнем оплаты труда и положением в организационной иерархии, однако с более низким уровнем опасений потерять работу.

Выявлено, что в группах с относительно высоким благосостоянием и положением в организационной иерархии уровень опасений потерять работу в среднем выше, чем в низкодоходных группах. По этому показателю высокодоходная группа 3 ближе к прекариату (3,38 и 2,88, $t = 4,245$), чем группы со средним достатком ($t = 18,612$ для группы 2 и $t = 14,643$ для группы 4). Нестабильность занятости охватывает две разделенные зоны в социальной структуре — «естественной» нестабильности (низкодоходные слои населения, погруженные в «культуру безработицы») и «аномальной» нестабильности (материально благополучные слои общества).

Вероятность попадания в прекариат

Следующим шагом анализа является построение модели, предсказывающей вероятность попадания индивидов в группу прекариата. Этому предшествовала процедура факторного анализа. Его задача состояла в получении набора независимых факторов, позволяющих оценить профиль индивида по его социальному происхождению, образованию и характеру внепроизводственной деятельности. Наилучшим был признан вариант с двумя факторами, позволяющими объяснить 61,3% дисперсии⁷.

Фактор 1 (33,9%) — «социального происхождения и культурного капитала». Шкала фактора образована тремя основными переменными: образование отца и матери (0,775), тип населенного пункта, в котором индивид пошел в школу (0,733), и индекс характера внепроизводственной деятельности (0,653). Ограниченный вклад в данный фактор имеет также уровень образования индивида (0,349).

⁷ Факторный анализ методом главных компонент, метод вращения: варимакс с нормализацией Кайзера.

Фактор 2 (27,4%) — «образования и повышения квалификации». Образован двумя основными переменными: уровень образования (0,719) и повышение уровня образования с момента входа на рынок труда (0,849). С данным фактором положительно связан индекс характера внепроизводственной деятельности (0,358).

Наряду с двумя указанными факторами в модель был включен социально-демографический блок, дамми-переменная региона проживания и индекс власти, измеренный как количество подчиненных на работе. Модель оценивает вероятность попадания индивида в группу 1 (прекариат) из базовой группы. Было использовано три спецификации модели с различным выбором базы сравнения (1 — все прочие слои общества, 2 — группы, находящиеся в сходной с прекариатом социальной ситуации, но при этом с низкими опасениями потери работы, 3 — высокодоходные группы с высокими опасениями потери работы). В модель были включены работающие респонденты в возрасте от 20 до 60 лет (табл. 3).

Модель показывает, что основными дифференцирующими факторами, отличающими прекариат от прочих социальных групп, являются социальное происхождение, задающее уровень культурного капитала, и властный ресурс. Наличие обоих факторов (более высокого культурного капитала и властного ресурса) уменьшают вероятность попадания индивида в группу прекариата. Властный ресурс наиболее сильно проявляет себя, когда в качестве базы сравнения выступают высокодоходные группы общества (спецификация модели 3). Если высокодоходные группы исключены из анализа (например, спецификация 2), то этот ресурс перестает быть значимым фактором, если же они выступают в составе групп с меньшим благосостоянием (спецификация 1), его влияние сохраняется, но ослабевает. Напротив, влияние факторов социального происхождения и культурного капитала сохраняется во всех спецификациях модели.

Интересно, что уровень образования и повышение квалификации индивида значимо не проявили себя ни в одной спецификации модели как самостоятельные факторы. Опосредованно уровень образования входит в факторы происхождения и культурного капитала (уровень образования индивида в среднем выше, если выше уровень образования его родителей и ближе к уровню крупных городов место, где прошла его первичная и вторичная социализация).

В спецификациях модели 2 и 3 значимым фактором выступает также возраст респондента, с увеличением которого вероятность попадания в прекариат возрастает. Регион проживания (в модели этот фактор включен в качестве дихотомической переменной «Москва и Санкт-Петербург vs. другие регионы РФ») предсказуемо оказывает отрицательное влияние на эту вероятность — в столичных городах прекариат как явление выражен слабее.

Таблица 3. Оценка вероятности попадания в прекариат в зависимости от личностных ресурсов индивида (логит-модель)*

	Спецификация модели 1. База сравнения — все слои общества, исключая прекариат			Спецификация модели 2. База сравнения — группа со средним доходом и устойчивой занятостью (группа 4)			Спецификация модели 3. База сравнения — высокодоходные группы (группа 3)		
	Коэффициент В	Exp(B)	Тест Вальда**	Коэффициент В	Exp(B)	Тест Вальда**	Коэффициент В	Exp(B)	Тест Вальда**
Независимые переменные									
пол (1 — муж., 2 — жен.)	0,164	1,179	0,910	0,373	1,453	2,693~	0,053	1,054	0,053
возраст	0,010	1,010	1,664	0,018	1,018	2,979~	0,035	1,035	9,356***
регион (1 — Москва и Санкт-Петербург, 0 — проч.)	-0,176	0,838	0,431	-0,115	0,891	0,114	-0,862	0,422	7,599**
властный ресурс	-0,335	0,715	4,877*	0,037	1,038	0,031	-0,644	0,525	13,249*
происхождение (культурный капитал)	-0,329	0,720	11,191****	-0,339	0,713	7,073**	-0,373	0,689	7,871***
образование и повышение квалификации	0,021	1,021	0,052	-0,062	0,940	0,273	-0,088	0,916	0,510
Константа	-1,214	0,297	7,705**	-1,060	0,346	3,703*	-0,235	0,791	0,175

Тест χ^2 для коэффициентов	29,900 [†]	18,146 ^{**}	64,808 [†]
Качество модели –2 Log правдоподобия доля верных предсказаний χ^2 Хосмера — Лемешева	841,212 73,4% 4,337 (d.f. = 8, $p = 0,825$)	469,922 61,8% 12,664 (d.f. = 8, $p = 0,124$)	462,422 65,9% 3,126 (d.f. = 8, $p = 0,926$)

* Зависимая переменная — отношение вероятности попадания индивида в группу прекарната (кластер 1) к вероятности попадания в группу, являющуюся базой сравнения. В обучающей выборке попадание респондента в группу прекарната кодировалось как 1, попадание в группу, являющуюся базой сравнения, — как 0.

** Уровень значимости: $\sim p < 0,1$; * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,005$; **** $p < 0,001$; † $p < 0,0001$.

Выводы

Несмотря на наличие в российском обществе социального слоя, который по своим характеристикам близок к прекариату, нельзя сказать, что его границы заметно растут. Напротив, отчетливо наблюдается постепенное ослабление условий, которые могли бы стимулировать процессы прекаризации. Важно отметить, что анализ не охватывает процессов, спровоцированных системным кризисом 2014 г. Вместе с тем нельзя говорить об отсутствии прекариата в России. К зоне риска можно отнести порядка 27% работающего населения.

Наряду с прекариатом можно выделить социальные слои с сопоставимым уровнем оплаты труда и положением в организационной иерархии, однако с более низким уровнем опасений потерять работу. Для таких групп характерно более высокое благосостояние семей и совершенно иной тип социального окружения с меньшим числом безработных среди знакомых.

В группах с высоким благосостоянием и положением в организационной иерархии уровень опасений потерять работу нередко может быть выше, чем в низкодоходных, и более близким к соответствующим оценкам для прекариата. Таким образом, нестабильность занятости охватывает две разделенные зоны в социальной структуре — «естественной» нестабильности (низкодоходные слои населения, погруженные в «культуру безработицы») и «аномальной» нестабильности (материально благополучные слои общества).

Риск попадания в прекариат определяется не столько уровнем образования, сколько социальным происхождением индивида, связанным с ним культурным капиталом, а также властным ресурсом. По мере увеличения двух этих показателей риск прекаризации снижается.

Источники

Нестандартная занятость в российской экономике / под общ. ред. Р.И. Капелюшниковой, В.Е. Гимпельсона. М.: ИД ГУ ВШЭ, 2006.

Шкартан О.И., Карачаровский В.В., Гасюкова Е.Н. Прекариат: теория и эмпирический анализ (на материалах опросов России, 1994–2013) // Социолог. исследования. 2015. № 12. С. 99–110.

McKay S. et al. Study on Precarious Work and Social Rights / McKay S., Jefferys S., Parakevopoulou A., Keles J. L.: Working Lives Research Inst.: London Metropolitan Univ., 2012.

Standing G. The Precariat: The New Dangerous Class. L.; N.Y.: Bloomsbury Academic, 2011.

А.В. Марченко
А.Л. Абаев
В.Р. Пратусевич

Российский государственный
гуманитарный университет

ВОСПРИЯТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ, ПОСВЯЩЕННОЙ ВОПРОСАМ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ПОВЕДЕНИЯ МОСКВИЧЕЙ НА ФИНАНСОВОМ РЫНКЕ

Вопросы исследования финансовой грамотности населения и выявления оптимальных путей ее повышения — актуальная задача и предмет ряда научных исследований последних лет [Белехова, 2012; Герауф, 2014]. Особенностью настоящей работы является проведение в ноябре 2015 г. исследовательского проекта, посвященного данной тематике, в рамках НИР студентов, специализирующихся на маркетинге и рекламе и получающих в процессе выполнения данной работы ценные компетенции и практические навыки профессиональной работы маркетолога-исследователя [Международный маркетинг..., 2016; Шевченко, 2012].

Объем работ данного исследования:

- уличный опрос — 507 респондентов;
- телефонный опрос — 494 респондента;
- интернет-опрос — 340 респондентов;
- экспертный опрос — 56 экспертов;
- фокус-группы — три группы, смешанные по полу и разделенные по возрастным категориям (18–25 лет — 10 человек; 26–45 лет — 8 человек; 46–65 лет — 10 человек).

В результате приведения параметров выборочной совокупности в соответствие с параметрами генеральной совокупности (жители Москвы от 18 до 85 лет) из анализа было исключено большое количество анкет и принято решение анализировать *360 анкет уличного и 354 анкеты телефонного опроса*. Это позволяет говорить о мягких границах репрезентативности данных (по полу и возрасту), т.е. делать выводы об основных тенденциях в отношении

ях москвичей к вопросам финансовой грамотности, непротиворечиво проявившихся в результатах всех видов исследований.

Восприятие рекламы, связанной с финансовой тематикой, можно разделить на три смысловых блока:

1) оценка *актуальности* на данный момент девяти тем по финансовой грамотности;

2) уровень *доверия* к разным источникам информации по данным темам;

3) восприятие рекламы, связанной с финансовой тематикой, и рекомендации респондентов разработчикам *социальной рекламы*, направленной на повышение финансовой грамотности населения.

Использование на фокус-группах разработанной А.В. Марченко проективной методики «Сказка» (участникам предлагалось на одной стороне листа написать сказку по предложенной схеме, а на обратной стороне нарисовать к ней иллюстрацию) позволило сделать следующие выводы.

1. Были выявлены *два основных вида личной мотивации* в отношении к финансовым вопросам — *достижение цели и безопасность*. Из 28 участников фокус-групп каждый из этих видов мотивации проявили по 10 человек. При этом почти все 18–25-летние ориентируются на достижение цели, а ведущим мотивом большинства 46–65-летних является безопасность. Немногие остальные по отношению к финансовым вопросам продемонстрировали позицию отстраненных наблюдателей или какое-либо реагирование на случайное стечение обстоятельств.

2. Сказка большинства участников имеет счастливый конец (таковы сказки почти всех молодых респондентов), примерно треть участников описала неопределенный финал — туманную перспективу, и лишь у двоих сказки заканчиваются печально — это свидетельствует о преобладании оптимистичного восприятия своих возможностей в решении финансовых вопросов, особенно свойственного молодым людям.

3. То, что злые силы описывались в сказках более абстрактно, чем добрые (которые чаще ассоциировались с узнаваемыми субъектами), может говорить об относительно слабой продуманности угроз, встречающихся при решении финансовых проблем.

4. При этом образы банков в сказках разных возрастных групп чаще оказывались отрицательными, что говорит о преобладании негативного имиджа банков в сознании респондентов. Этот вывод подтверждается относительно высокими показателями недоверия к банковской рекламе кредитования, выявленными в ходе количественных опросов (65% опрошенных склонны не доверять такого рода уличной рекламе и 46% — банковским буклетам по кредитованию).

5. При этом ассоциации, связанные с рекламой как таковой, не выявили какой-то однозначной направленности, т.е. реклама в восприятии участников фокус-групп может играть как положительную, так и отрицательную роль в решении финансовых вопросов.

Актуальность тем по финансовой грамотности

Участникам опроса были заданы вопросы об актуальности для них девяти тем по проблемам финансовой грамотности (рис. 1) в настоящее время и в ближайшем будущем (этот вопрос задавался и в остальных видах исследования: экспертных интервью и на фокус-группах).

Как видно, более половины опрошенных считают актуальными на данный момент и в будущем три темы: 1) сбережения и их сохранение; 2) семейный (личный) бюджет и его оптимальное ведение; 3) финансовое мошенничество

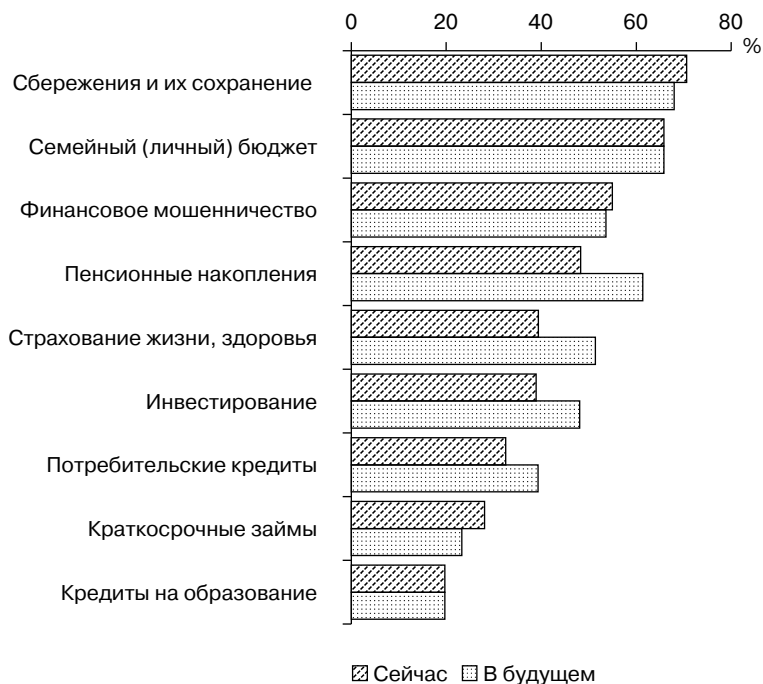

Рис. 1. Уровень актуальности девяти основных финансовых тем

чество и способы защиты от него. Потенциал роста актуальности отмечается у четырех тем, демонстрирующих актуальность в диапазоне от трети до половины опрошенных: 1) пенсионные накопления; 2) страхование жизни и здоровья; 3) инвестирование; 4) потребительские кредиты. При разбросе средних показателей актуальности выбранных тем от 20 до 75% респондентов склонны оценивать будущую актуальность чуть выше, чем воспринимаемую ими на данный момент. Это значит, что усиление пропаганды финансовой грамотности не противоречит ожиданиям москвичей.

Сравнение ответов респондентов с разным уровнем их образования и доходов позволяет прийти к выводу, что более образованные и более материально обеспеченные люди склонны выше оценивать актуальность большинства предложенных тем. Следовательно, именно эти категории населения в данный момент могут быть более восприимчивы к информации, направленной на повышение финансовой грамотности.

Обсуждение этих же тем на фокус-группах дополняет выводы количественных исследований такими наблюдениями.

На всех фокус-группах было высказано мнение, что каждая из тем этого списка в какой-то степени актуальна для каждого из участников. При этом сомнения, связанные с вопросами пенсионных накоплений, были вызваны неуверенностью в жизнеспособности пенсионной политики государства в целом и звучали тем отчетливее, чем моложе были участники фокус-групп. Что касается инвестирования, было отмечено, что многие не видят для себя возможности найти для этого средства. И если актуальность вопросов пенсионных накоплений увеличивается по мере увеличения возраста участников, то инвестициями больше интересуются люди, ориентирующиеся на достижение целей; те же, кто больше озабочен безопасностью, считают инвестиции неактуальными.

Общий тон обсуждения этих тем на фокус-группах был достаточно спокойным, и многие участники по ряду вопросов занимали почти отстраненную позицию. При высказывании противоположных точек зрения споров не возникало — это говорит о том, что позиции и аргументацию участников обсуждения нельзя назвать хорошо продуманными и сформировавшимися. Интерес к названным темам тоже нельзя назвать острым, что наводит на мысль о восприятии этой тематики как значимой, но не первостепенной, а следовательно, поддающейся дальнейшей проработке.

Доверие и недоверие к источникам информации по данным темам

Уровень доверия к различным источникам информации по вопросам кредитования может проиллюстрировать табл. 1. Как видно, максимальные проценты ответов почти по всем позициям (выделены полужирным) находятся на уровне максимального недоверия. Максимального доверия нет ни по одной из позиций. Также отчетливо видно, во-первых, явное преобладание негативного отношения к источникам информации о кредитах; во-вторых, позитивное отношение слегка преобладает только по отношению к мнению своих знакомых; в-третьих, наибольшим относительным доверием пользуется информация из источников, представляющих личность коммуникатора (знакомые или эксперты) или четко воспринимаемое место организации (конкретный банк с его буклетами или сайт конкретной кредитной организации). Соответственно негативное восприятие источников информации о кредитах тем сильнее, чем сложнее установить непосредственную связь между местом расположения рекламного сообщения и источником рекламной информации. Поэтому понятно, что наибольшее недоверие вызывают частные объявления о кредитах, расклеенные на видных местах.

На всех фокус-группах к наиболее предпочтительным источникам информации по финансовой проблематике чаще всего относили книги, рекомендации независимых экспертов, авторитетных знакомых, имеющих личный положительный опыт в обсуждаемых вопросах, солидные сайты в Интернете (лучше государственные, с хорошими информационными и аналитическими материалами) и рекламные материалы известных, хорошо зарекомендовавших себя организаций, желательно не имеющих прямой коммерческой заинтересованности в том или ином решении человека. При этом неоднократно подчеркивалось, что необходимо серьезно вникать в суть вопросов, собирать достаточный объем информации, сравнивать и анализировать источники — только тогда можно минимизировать риск стать жертвой манипуляции или случайной ошибки.

Среди источников информации, вызывающих однозначно негативную реакцию, на фокус-группах были названы расклеенные всюду самодельные объявления, навязчивая реклама в любом виде, телефонные звонки и эсэмэски с предложениями финансовых продуктов, советы знакомых, не имеющих положительного опыта в данной теме, и официальная реклама банков, в которой предлагаются нереально выгодные условия.

Ответы участников фокус-групп на вопрос о предпочтительности государственных или частных источников информации показали, что явного

Таблица 1. Ответы на вопрос: «В какой мере вы доверяете или не доверяете информации по кредитованию из перечисленных источников?» (оценки от «1» до «5», где «1» — абсолютно не доверяют, «5» — полностью доверяют)

№ п/п	Источники информации по кредитованию	Затруднились ответить, %	Оценка, %				
			«1»	«2»	«3»	«4»	«5»
1	Банковские буклеты по разным видам кредитов	4	28	18	19	19	13
2	Банковская реклама на уличных рекламных щитах	6	41	24	14	11	5
3	Реклама кредитных организаций, размещенная в транспорте	10	45	20	10	9	6
4	Публикации экспертов в газетах и популярных журналах	5	25	16	23	23	7
5	Мнения экспертов, высказанные в эфире радио или ТВ	4	22	15	26	23	11
6	Частные объявления о кредитах, расклеенные на видных местах	16	51	16	8	6	3
7	Мнения знакомых	5	17	16	20	25	17
8	Рекламные объявления в Интернете (баннеры и др.)	8	42	20	21	6	3
9	Сайты кредитных организаций	8	24	18	23	14	13

предпочтения здесь нет. Но при этом аргументы в пользу государственных источников информации содержали указания на меньшую непосредственную заинтересованность государственных служащих в коммерческих результатах манипулирования сознанием граждан и предоставление государственными организациями более приемлемых условий оказания финансовых услуг. Кроме того, доверие государственным организациям чаще связывалось с темой надежности. Доверие же частным организациям чаще связывалось с темой выгоды и удобства. Аргументы в пользу частных компаний как источников финансовой информации состояли в их большей заинтересованности в предоставлении конкурентоспособных услуг, что заставляет их максимально учитывать интересы клиентов. Также на фокус-группах высказывалось мнение о том, что нужно смотреть не на государственный или частный характер источника, а на его компетентность и заинтересованность в манипуляциях.

Некоторые участники высказали пожелание, чтобы реклама представляла солидные организации — известные, крупные, с большим стажем. В этом высказывании прослеживается желание обезопасить себя от выбора ненадежных финансовых структур. Но в противовес такой позиции было высказано мнение о том, что в ряде случаев небольшая, недавно созданная, но перспективная компания может оказаться более выгодным партнером, чем солидные, но неповоротливые организации. И наилучшей рекомендацией в этом случае будет мнение компетентного знакомого.

Следует отметить, что небольшая часть участников каждой фокус-группы явно склонна передоверять оценку источников информации своим знакомым, целиком полагаясь на их мнения и советы. При этом другая небольшая часть опрошенных настаивала на необходимости сравнивать информацию, собранную из разных источников. Мнение же об особой значимости советов авторитетных знакомых не оспаривал никто.

Восприятие наружной рекламы и рекламы на транспортных средствах, советы и пожелания создателям социальной рекламы, направленной на повышение финансовой грамотности населения

В ходе телефонного опроса респондентам был задан вопрос: «На какую рекламу внутри пассажирского транспорта вы больше обращаете внимание?». Ответы распределились следующим образом (рис. 2).

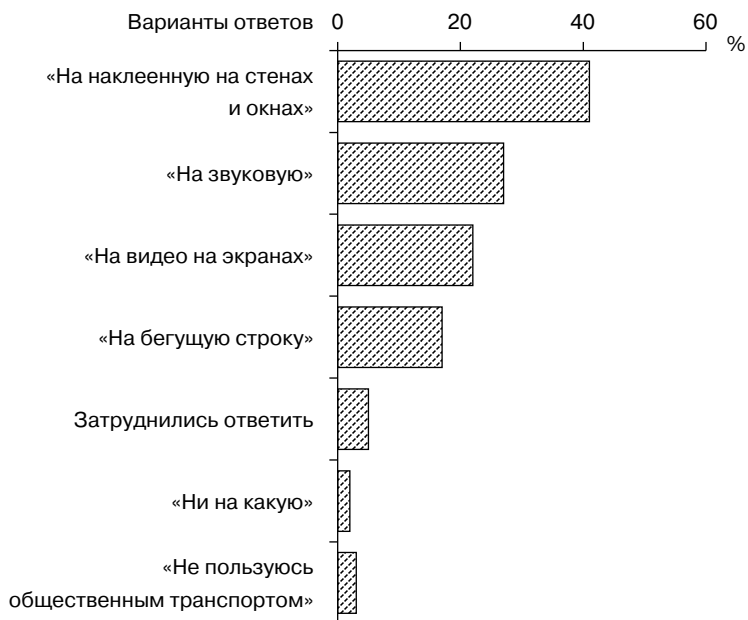

Рис. 2. Ответы респондентов на вопрос о рекламе в пассажирском транспорте

Мы видим, что, во-первых, ни один из видов рекламы не был назван большинством опрошенных; во-вторых, максимальное количество упоминаний относится к печатной рекламе, наклеенной на стены и окна транспорта; в-третьих, и звуковая, и видеореклама, и бегущая строка обращают на себя внимание какой-то части пассажиров. При этом, анализируя ответы разных категорий опрошенных, мы видим, что среди затруднившихся ответить явно преобладают лица среднего возраста с высшим образованием; звуковую и видеорекламу чаще замечает молодежь, а печатная реклама, наклеенная на стены и окна транспорта, привлекает практически одинаковое внимание разных категорий пассажиров.

Ответы респондентов о содержании уличной рекламы и рекламы, расположенной внутри общественного транспорта, посвященной финансовой тематике, представлены на рис. 3.

Из рисунка ясно, что, во-первых, финансовая реклама внутри транспортных средств запоминается несколько больше, чем аналогичная уличная реклама; во-вторых, половина опрошенных вообще не смогла вспом-

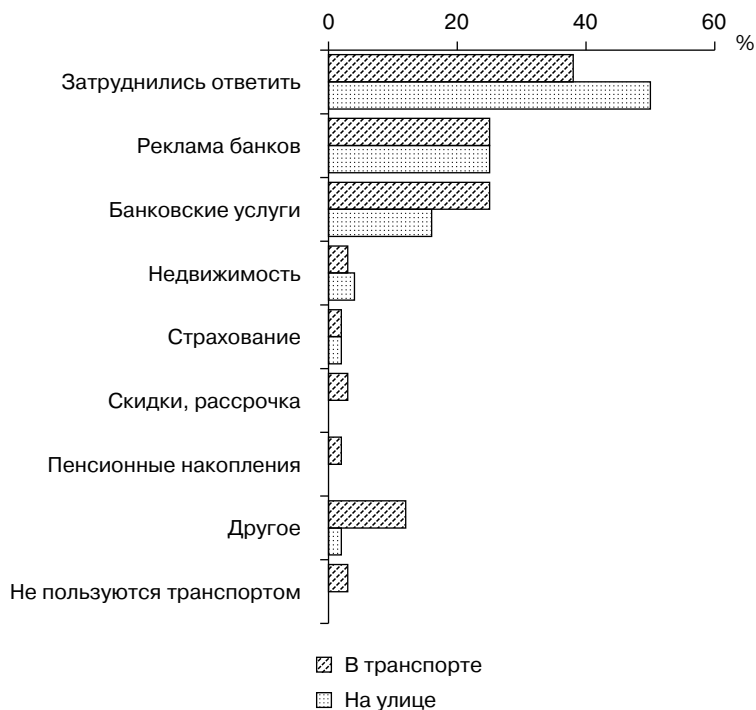

Рис. 3. Ответы респондентов на вопрос о содержании рекламы

нить уличную рекламу по финансовой тематике и почти 40% затруднились вспомнить, видели ли такую рекламу внутри транспорта; в-третьих, почти вся финансовая реклама, которую удалось вспомнить, относится к банкам или банковским услугам.

По единодушному мнению участников фокус-групп, любая реклама может восприниматься негативно, если она навязчива по форме или представлена избыточно, что тоже воспринимается как навязчивость. Кроме того, обилие наружной рекламы вызывает эстетическое отторжение, поскольку, по словам опрошенных, «портит внешний вид города».

Много негативных замечаний было высказано и в адрес звуковой рекламы в транспорте, поскольку «от нее некуда деться» (на визуальную рекламу можно не смотреть, а звуковая реклама в транспорте лишает пассажиров права выбора, поскольку выключить ее невозможно).

Участники фокус-групп с явным недоверием отнеслись к самодельной рекламе, самовольно расклеенной на видных местах, а также к любой рекламе финансовых услуг, предлагающей невероятно выгодные условия.

Интересное предостережение по поводу наружной рекламы было высказано участниками молодежной фокус-группы, отметившими, что яркая, привлекающая внимание реклама не должна быть там, где она может отвлекать водителей — в местах, требующих от них особого внимания (это могут быть перекрестки, пешеходные переходы и другие сложные участки дороги).

Советы и пожелания создателям социальной рекламы, направленной на повышение финансовой грамотности населения, были разнообразны, но не содержали принципиальных различий в разных возрастных группах. Так, рекомендации по активному использованию для этих целей Интернета прозвучали в каждой группе.

При этом оригинальность видения молодежи проявилась в следующих предложениях по разработке социальной рекламы:

1) запустить приложение для смартфонов наподобие интерактивной программы «Активный гражданин» с возможностью голосовать, с вопросами и ответами;

2) использовать смартфоны и компьютеры для знакомства и развития интереса к вопросам финансовой грамотности через игровые формы и обучающие программы.

В средней возрастной группе было предложено использовать публикации успешных людей, авторитетных в финансовых вопросах, в «Фейсбуке» в качестве рекламных и информационных материалов. Участники группы предложили также размещать такие материалы на сайтах, посредством которых граждане могут платить налоги.

В старшей возрастной группе было предложено разместить социальную рекламу по финансовым вопросам в МФЦ и других учреждениях, посещаемых разными возрастными группами, и организовать «горячую линию», с помощью которой можно было бы бесплатно получать элементарные консультации, а также рекомендации о том, на каких сайтах можно найти достоверную и более подробную информацию по различным финансовым вопросам.

Участники фокус-групп советовали разработчикам социальной рекламы размещать ее на разных носителях, включая:

- бесплатные газеты;
- листовки;
- проездные билеты;
- внешние и внутренние поверхности транспорта;

- бегущую строку в транспорте;
- дисплеи в автобусах и маршрутках (без звука);
- стены по бокам от эскалаторов;
- конструкции на остановках;
- информационные стенды в подъездах домов (этот пункт вызвал возмущения и был воспринят неоднозначно).

Ни в одной группе не предлагали размещать рекламу на зданиях, а в старшей группе такая практика подверглась критике.

Что касается содержания социальной рекламы, способствующей повышению финансовой грамотности, были высказаны следующие рекомендации. В зависимости от рекламного носителя и условий, в которых население контактирует с разными видами рекламы, необходимо различать рекламу, направленную на пробуждение интереса к повышению финансовой грамотности, и рекламно-информационные материалы, призванные в какой-то мере удовлетворить такой интерес. При этом и в привлекающих внимание, и в информационных материалах участники фокус-групп хотели бы видеть телефоны, адреса сайтов и (где это возможно) более подробную информацию об организациях, оказывающих консультационные услуги. Было высказано пожелание относиться к созданию рекламы как к искусству, утверждающему позитивные ценности. В этом отношении предлагалось переместить акцент с потребления на просвещение, использовать больше красивых, вдохновляющих образов, избегая негативных эмоций, в ряде случаев отказываясь от ярких, эмоционально раздражающих материалов, вызывающих нервное напряжение. Предлагалось также использовать в рекламе мультипликацию и образы киногероев советских времен.

Выводы

Ответы на вопросы о финансовой грамотности показали, с одной стороны, актуальность всех предложенных тем, поскольку по каждой из них были высказаны замечания и даны различные оценки. Более того, при сравнении оценок актуальности рассматриваемых тем в настоящее время и в будущем будущая актуальность в среднем оказалась несколько важнее, что говорит о потенциале роста актуальности финансовой тематики. В то же время ответы респондентов об их личном опыте решения обсуждаемых финансовых вопросов показал слабую вовлеченность большинства москвичей в эту проблематику и относительно невысокий процент тех, кто имеет положительный опыт инвестирования и продуманные подходы к увеличению своих пенсионных накоплений.

Характер обсуждения вопросов финансовой грамотности побуждает согласиться с общим мнением экспертов: эти вопросы в целом слабо освоены населением даже в Москве. По некоторым темам у многих жителей столицы вообще нет никаких знаний, о большинстве тем — лишь общие представления, и только понимание отдельных тем сопровождается наличием собственного опыта и навыков практических действий на рынке финансовых услуг.

Согласно теории диффузии инноваций Эверетта Роджерса освоение тематики, самостоятельной деятельности на рынке финансовых услуг находится у москвичей где-то на уровне начала освоения данных вопросов «ранним большинством», что предполагает соответствующую этому этапу разработку коммуникационной стратегии.

Источники

Белехова Г.В. Оценка финансовой грамотности населения и пути ее повышения // Проблемы развития территории. 2012. № 4. С. 96–109.

Геруф Ю.В. Развитие финансового потенциала населения региона // Вестн. Алтай. гос. аграр. ун-та. 2014. № 3. С. 171–175.

Международный маркетинг: учеб. и практикум для бакалавриата и магистратуры / под ред. А.Л. Абаева, В.А. Алексунина. М.: Юрайт, 2016.

Шевченко Д.А. Реклама, маркетинг, PR: учеб.-справ. пособие. М., 2012.

Т.Ю. Сидорина

Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа экономики»

МЕСТО И РОЛЬ РОССИИ В СИСТЕМЕ ТРЕНДОВ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ¹

В XX столетии была сформирована система теоретических подходов к трактовке происходящих социальных процессов. Созданию этих теорий предшествовала длинная череда попыток понять, что представляет собой развитие общества.

Взяв за основу корпус известных подходов к объяснению общественно-го развития, а также концепции, предложенные социальными теоретиками и экономистами в XX столетии, мы обращаемся к рассмотрению основных тенденций мирового развития.

В центре нашего внимания следующие вопросы: эффективны ли научные теории мирового развития для описания процессов, протекающих в современном мире (первые десятилетия XXI в.); как, согласно основным концепциям мирового развития, можно оценить последствия этих процессов; вписывается ли Россия в траектории мирового цивилизационного развития и в чем специфика ее пути; приложимы ли научные теории мирового развития к процессам, происходящим в современной России; обусловлены ли изменения в социальной структуре первых десятилетий XXI в. трендами мирового развития и насколько они соответствуют современным научным теориям.

Актуальность предпринятого анализа обусловлена кризисным характером современного исторического момента. Начавшись под знаком кризиса, XX в. передал кризисную эстафету веку нынешнему, который уже существует в непрерывной череде кризисов, в том числе кризисов социальных, политических, экономических, идеологии и проч.

Среди основных научных теорий мирового развития — теория постиндустриального общества, теория глобализации, миросистемный анализ, теория общества риска, зависимости от предшествовавшего развития.

¹ В докладе использованы результаты проекта «20 лет спустя. Перемены в социальной структуре общества и социальном воспроизводстве россиян (по материалам повторных представительных опросов. Январь 1994 г. — декабрь 2013 г.)», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2015 г.

В XX столетии доктрина постиндустриализма обрела статус определяющей концепции развития, основополагающего методологического принципа. Оправдались ли надежды, связанные с постиндустриальной перспективой развития, глобализацией, неолиберальной экономической политикой?

В работах зарубежных и российских исследователей мы встречаем амбивалентное отношение к последствиям постиндустриального перехода, глобализации, тенденциям неолиберального развития экономики. Среди них — кризис капитализма, либерализма и демократии, демонтаж государства всеобщего благосостояния, деградация основных социальных институтов, кризис рабочего движения и профсоюзов, деградация среднего класса, рост неравенства и изменение его качества, появление новых социальных образований — отбракованных (в терминологии У. Бека — людей риска в обществе риска и неопределенности) [Бек, 2001, 2007]. Перечисленное не исчерпывает всего спектра последствий трансформаций, кардинально перекроивших социальный и политический ландшафт европейского и североатлантического континентов во второй половине XX — начале XXI столетия.

Россия в силу особенностей исторического развития если и не сразу, но оказалась вовлеченной на путь постиндустриального развития, и вместе с тем (опять же в силу исторических особенностей и, собственно, зависимости от предшествовавшего развития) этот путь обрел для России свои ограничения.

В результате предпринятого социально-экономического перехода Россия оказалась в переломной ситуации. В то же время страна достаточно активно задействована в событиях мирового масштаба и, возможно, является причиной обострения кризисной ситуации в целом.

Что происходит и как изменяется Россия в контексте происходящих в мире глобальных процессов, какую роль в них играет происходящее в стране?

Россия и модернизационный процесс

Широко распространена исследовательская позиция, согласно которой процесс модернизации рассматривается как строго линейный. В то же время ряд исследователей придерживается иного мнения. Так, В.И. Пантин при рассмотрении вопросов социального развития опирается на теорию ритмов и волн: «Собственные ритмы, присущие модернизационному процессу, его “приливы” и “отливы”, связанные с внутренними механизмами эволюции модернизирующегося социума, как правило, не принимаются во внимание <...> речь идет о том, что находящийся в процессе модернизации (уже не традиционный, но еще не современный) социум в соответствии с внутренними

закономерностями и подчиняясь определенным ритмам переходит из одного нестабильного состояния в другое» [Пантин, 2004, с. 8].

Россия «спустя 300 лет после Петра» снова стоит перед выбором путей и средств модернизации. Однако при всех сомнениях в оправданности модернизационного процесса в России, излишней его вестернизации и проч. этот процесс не может быть повернут вспять, Россия «не может ни вернуться в исходное самобытно-традиционное состояние, изолировавшись от всего мира, ни остаться в нынешнем... положении, ей необходим переход к более устойчивому развитию» [Там же, с. 10].

О России как особой уникальной цивилизации более 100 лет назад писал Н.Я. Данилевский в работе «Россия и Европа» [1991]. По мысли Данилевского, России суждена роль творчески-созидающего, отличающегося от Европы, культурно-исторического типа.

В контексте теории модернизационного развития Пантин также обращается к особенностям России как отдельной цивилизации, отличающейся «как от западноевропейской или североамериканской цивилизаций, так и от цивилизаций Востока. Особое, промежуточное положение российской цивилизации во многом определяет сам ход процессов модернизации в России и их противоречивые результаты... <...> Россия является абсолютно “самобытной” страной...» [Пантин, 2004, с. 170]. Что же касается ритмов и закономерностей российской модернизации, то они в целом взаимодействуют с ритмами и закономерностями развития России.

В связи с этим исследователь делает вывод, что для России в силу ее исключительной самобытности абсолютно неприемлемы институты западной модернизации: рынка, правового государства и проч., поскольку они игнорируют сложную, противоречивую цивилизационную и культурную специфику России.

С этим трудно согласиться, за исключением того, что, возможно, перечисленные институты обретут в России свою специфику. Вряд ли современное российское общество решится противостоять утвердившим свою жизнеспособность институтам и примется за строительство неких новых институтов или предпримет прямой возврат к прошлому. Скорее можно предположить, что в условиях глобализации традиционные институты российского прошлого, как и западноевропейские социальные институты, претерпят некую деформацию и будут адаптированы к современным условиям.

Так или иначе, одна из важных закономерностей модернизационного процесса в России состоит в присущей ему нелинейности и волнообразности [Пантин, 2004]. Этим, в частности, объясняется, почему России не удастся завершить модернизационный процесс, обрести стабильность, став по-настоящему современным государством.

В работах российских исследователей все чаще встречается обращение к теме обратного хода истории. В этом ключе Н.И. Лапин задается вопросом: «правомерно ли вообще говорить о российской цивилизации, существует ли она?» [Лапин, 2015, с. 6].

Н.И. Лапин пишет, что «в результате многовекового взаимодействия с иными культурами, в том числе иных конфессий, возник уникальный феномен русской, затем многоэтнической российской культуры. С середины XIX в. феномен российской культуры развился... в современный российско-европейский тип. Многие факты позволяют заключить, что еще продолжается становление российской цивилизации как социокультурного мегасообщества» [Там же].

В чем же особенность этой цивилизации и что препятствует ее поступательному развитию? «Социум этого мегасообщества как совокупность экономических, политических и иных отношений между его членами испытал воздействие российско-европейской культуры, но в целом сложился далеко не адекватным ей. Процессы становления государственности и характер отношений государства и народа, общества сформировались в значительной мере под влиянием российско-азиатских практик этатизма, которые обрели характер вседозволенной авторитарности и распространились не только на отношения власти-собственности, но на всю совокупность общественных отношений, на всех уровнях.

...В конце XX в. началась новая... трансформация (российского социума. — Т. С.) сверху. Основным ее содержанием стало новое воссоздание вседозволенной авторитарности прежде всего в ходе приватизации государственной собственности» [Там же].

Так где же сейчас Россия? На задворках истории или в авангарде мирового развития?

Более 10 лет прошло после выхода в свет работы Дж. Стиглица «Глобализация: тревожные тенденции». Сегодня мы можем говорить не только о тревожных тенденциях развития российского общества, но и о тревожных результатах, которых становится все больше. «Редко бывает такое несоответствие между ожиданиями и реальностью, как это случилось при переходе от коммунизма к рыночной экономике, — пишет Стиглиц. — Предполагалось, что комбинация приватизации, либерализации и децентрализации быстро, в крайнем случае после короткой переходной рецессии, приведет к значительному подъему производства.

...ожидания экономического роста не осуществились... По данным Всемирного банка, на 2000 г. ВВП России составлял менее двух третей от уровня 1989 г.

...За этими данными стоят истинные симптомы российской болезни. Россия быстро трансформировалась из промышленного гиганта... — в экс-

портера природных ресурсов, в особенности нефти и газа, которые составляют сегодня половину ее экспорта» [Стиглиц, 2003, с. 196]. «Странный характер российских реформ продемонстрировал, что... тот эрзац-капитализм, который возник в России, не обеспечивает стимулов к созданию богатства и экономического роста, скорее он стимулирует обдирание активов. Вместо безукоризненно работающего рыночного механизма быстрые реформы привели к Дикому Востоку, где царит хаос» [Там же, с. 185].

Стиглиц анализирует социальный контекст происходящих в России перемен. Среди последствий: рост социального неравенства, эрозия социального капитала. «Не только по бедным ударяет инфляция, — пишет он. — Следствие курса российских реформ и методов их проведения — чрезвычайно возросшее расслоение российского общества и постепенная деградация среднего класса как наиболее креативной части общества.

...Россия обрела самое худшее из всех возможных состояний общества — колоссальный упадок, сопровождаемый столь же огромным ростом неравенства. И прогноз на будущее мрачен: крайнее неравенство препятствует росту, особенно когда оно ведет к социальной и политической нестабильности» [Там же, с. 188].

Россия в плену у path dependence: имитация как тупик

Еще одной чертой происходящего в России является, как отмечают исследователи, зависимость от предшествовавшего развития. Эта зависимость сдерживает темпы модернизации в России. В ответ, как отмечает Ю. Гранин, «имеет место стремление насильственного уподобления России странам “идеального Запада”, опыт которых надо заимствовать» [Гранин, 2014, с. 190].

Почему это произошло и продолжает быть? Ю. Гранин пишет, что властные структуры России «находятся под обаянием унаследованных теоретических клише, опирающихся на парадигму одновекторного “линейного прогресса”, с характерным для нее использованием традиционного понятийного аппарата и устремленностью в “общее будущее” — идеальное состояние, которого будто бы достигли “цивилизованные страны”.

Но “догнать и перегнать” Запад не получается. В том числе и потому, что... курс [России] на “модернизацию”... во многом имеет имитационный характер, специфика которого, кроме нежелания Кремля проводить системную модернизацию, заключается в некритическом использовании и насильственном насаждении западных моделей организации образования и науки

при полном игнорировании мнения специалистов и общественности» [Гранин, 2014, с. 190].

Рассуждая об ограничениях проекта модернизации, Гранин обращает внимание на феодальные черты власти в России, стоящие на пути перемен. «Но скорее всего наши федеральная и региональные элиты, в практиках которых все больше проступают феодальные черты, — пишет исследователь, — особенно опасаются потери привилегий, а руководство страны — ослабления “властной вертикали”, скрепляющей асимметричную РФ. Последняя действительно до сих пор не застрахована от распада вследствие внутренних и внешних вызовов. Судя по всему, именно этого больше всего боится власть, из года в год увеличивая финансирование армии и силовых ведомств. Поэтому в обозримом будущем вряд ли стоит ждать изменения курса. Россия, как и прежде, пойдет по пути догоняющего развития при авторитарной форме правления» [Там же].

Принятая в России ставка на авторитаризм, согласно Гранину, способна дать позитивные результаты при условии, что этот авторитаризм будет «авторитаризмом развития, отдающим доходы нефтегазового комплекса на индустриализацию страны, развитие образования и науки. Но именно этого и не происходит. Что же делать? Думается, прежде всего следует взглянуть правде в глаза и признать, что огромная по масштабам и сложнейшая по структуре научно-техническая система России, непрерывно создававшаяся на протяжении 300 лет, уже более двух десятилетий остается почти без средств развития и без социальной поддержки... начиная с 1991 г. Россия не только не приумножила свой промышленный ресурс, но в значительной степени его растеряла...

В то время как, невзирая на кризисы, страны НИС (“азиатские тигры”), Бразилия, Индия, Китай и другие продолжали неуклонно двигаться по пути догоняющего развития, модернизируясь на собственной культурной основе, Россия за последние двадцать лет пережила деиндустриализацию и еще больше отстала от них» [Там же, с. 198].

Прошлое становится альтернативой

Российские исследователи в вопросе о перспективах развития страны проявляют явную солидарность. «На наших глазах и с нашим участием, — отмечает М. Хазин, — восстанавливается ситуация, которая была в начале XX века, — причем даже в худшем виде, потому что в Российской империи и в государствах Центральной Европы (Германии и Австро-Венгрии) было достаточно многочисленным крестьянство, которое могло само себя кормить.

Сегодня этого нет, и мы видим, что в обозримой перспективе 50–70% населения этих стран лишаются источников существования. Они живут в городах, поэтому им нужно жилье — а у них нет денег, чтобы за это жилье платить. Им нужна еда — а у них нет денег, чтобы эту еду покупать. Выращивать ее они не могут — потому что, во-первых, не умеют, а во-вторых, земля частная» [Хазин, 2015]. Что ожидает Россию? А.В. Бузгалин отмечает: несмотря на то что идеи социальной справедливости повсеместно используются в официальной политической риторике, «реальная политика осуществляется однозначно правая... с элементами феодального господства. Пресловутое “ручное управление”, военно-промышленный комплекс, иерархии, клановые структуры, вассалитет в связях государства и бизнеса — все это черты позднефеодальной структуры» [Бузгалин, 2015].

Итак, во многих направлениях социально-экономического, демографического, культурного развития Россия переживает серьезный кризис. В то же время развитие социально-экономической ситуации в России демонстрирует основные тенденции неофеодализма.

Но эти же черты общественного развития (или отставания, возвращения в прошлое) мы наблюдаем сегодня в мире в целом.

У России свой путь и своя судьба, следует определиться — идти своим путем или подражать

Россия, пойдя более 20 лет назад по пути перемен, оказалась вовлечена в процессы, описанные западными теоретическими моделями и концепциями. Выбор этого пути — на совести идеологов рыночного пути развития и мировых экономических структур (МВФ и др.).

Стал ли навязанный Западом путь собственным путем России, или это всего лишь подражание, имитация?

Итоги прошедших 20 с лишним лет показывают, что развал СССР не только не способствовал успеху включения России в мировые процессы экономического развития, но и усугубил противоречия, сопровождавшие эти процессы в странах Запада. С развалом СССР исчезла угроза мировой пролетаризации. Отсутствие противостояния при упадке основных ценностей (последствие кризиса рубежа XIX–XX вв.) способствовало деградации капиталистической системы (основанной на принципах рынка и конкуренции), которая также разрушалась государством благосостояния, провоцировавшим социальное иждивенчество, ослаблявшим конкурентоспособность населения капиталистических стран.

Есть ли альтернативы этим тенденциям? Исследователи констатируют элементы регресса, тенденцию к построению капиталистического феодализма, архаизацию сознания.

Особенно явно эти тенденции проявляют себя в России, в которой феодальные устои сохранялись вплоть до второй половины XIX столетия, а в первые десятилетия XX в. в ставшей советской России на 70 лет устанавливается режим тоталитарного правления. С переходом к рыночной экономической политике демократия так и не прижилась, вследствие чего возвращение или актуализация феодализма в какой-либо из его ипостасей имеет в России очевидные предпосылки и условия.

Н.Я. Данилевский предрекал российской (русско-славянской) цивилизации роль творчески созидающего культурно-исторического типа. Причем главным образом творческий прогресс следовало ожидать, по мысли Данилевского, в социально-экономической области при создании нового и справедливого социально-экономического порядка [Пантин, 2004, с. 234–235].

Всему свое время и своя судьба. Предсказывая ведущую историческую миссию России и славянства, Данилевский отнюдь не утверждал, что эта миссия должна осуществиться с какой-то фатальной необходимостью. Напротив, русско-славянский тип может развиваться и достичь необычайно высоких результатов, но в равной мере и не реализовать себя, превратившись в простой «этнографический материал» [Сербиненко, 2016, с. 363].

Всему свое время и своя судьба. Один из волнующих вопросов современности: как отвечает Россия на вызовы современной постиндустриальной цивилизации, вызовы неолиберальной экономической политики? Стал ли предложенный Западом путь собственным путем России, или это всего лишь подражание, имитация?

Источники

Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия. М.: Прогресс-Традиция, 2007.

Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма — ответы на глобализацию. М.: Прогресс-Традиция, 2001.

Бузгалин А.В. Выступление на 8-м заседании интеллектуального клуба «Свободная мысль» на тему «Перспективы левой идеи в постиндустриальном мире. Почему усиление несправедливости не повышает влияния левой идеи?». 2015. 28 авг.

Гранин Ю. Меняем «бусы» на нефть [Электронный ресурс] // Свобод. мысль. 2014. № 1. URL: svom.info/entry/432-menyuem-busy-na-neft/.

Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991.

Лапин Н.И. Фундаментальные ценности цивилизационного выбора в XXI столетии. Ч. 2: Аксиологические предпосылки цивилизационного выбора России // *Вопр. философии*. 2015. № 6. С. 3–17.

Пантин В.И. Волны и циклы социального развития. М.: Наука, 2004.

Перспективы левой идеи в постиндустриальном мире. Почему усиление несправедливости не повышает влияния левой идеи? // *Свобод. мысль*. 2015. № 2.

Сербиненко В.В. Русская философия XIX в. // *Философия* / под ред. В.Д. Губина, Т.Ю. Сидориной. 5-е изд., перераб. и доп. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2016.

Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции. М.: Мысль, 2003.

Хазин М. Самым главным является хорошая левая теория: выступление на заседании интеллектуал. клуба «Свободная мысль» на тему «Перспективы левой идеи в постиндустриальном мире. Почему усиление несправедливости не повышает влияния левой идеи?». 2015. 28 авг.

Е.А. Тарасенко

В.А. Козлов

Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа экономики»

Т.Б. Рыжкова

Российский государственный
гуманитарный университет

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ ПОВЫШЕНИЯ ФИНАНСОВОЙ ГРАМОТНОСТИ СОЦИАЛЬНО НЕЗАЩИЩЕННЫХ И МАЛОРЕСУРСНЫХ ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ И УРОКИ ДЛЯ РОССИИ

Социальную защиту социально незащищенных и малоресурсных групп населения имеет смысл понимать как *базовую функцию* российского государства по обеспечению социально-экономического положения пенсионеров, людей с инвалидностью, мигрантов и молодежи, соответствующую условиям, вытекающим из их неотъемлемых и общепризнанных социальных прав, а также по обеспечению их поддержки. Все больше становится стран, правительства которых понимают долгосрочные последствия низкого уровня финансовой грамотности большинства населения и считают нужным принять необходимые меры.

В качестве последствий безответственного кредитования можно привести следующие статистические данные. По состоянию на август 2014 г., по данным организации «Объединенное кредитное бюро» (ОКБ), портрет российского должника по кредитам выглядел следующим образом: ипотеку все платят более или менее аккуратно (просроченная задолженность — ок. 3%, причем показатель от возраста должника не зависит). С другими же кредитами — потребительским, автокредитом, кредитными картами — ситуация следующая:

- среди молодых людей в возрасте до 26 лет наблюдается самый большой процент накопленной в портфеле задолженности — 23% кредитов просрочены (у населения в возрасте 60 лет и старше — 8,7%, в целом по населению — ок. 15%);

- мужчины допускают просрочку чаще (более 16,5% мужчин имеет просроченную задолженность), у женщин показатель почти на 3 п.п. ниже;
- просрочка распределена неравномерно по регионам: самая высокая — в национальных республиках Сибири (Тыва, Хакасия) и Северного Кавказа (Ингушетия, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия). В Москве доля просроченных кредитов слегка превышала 10%.

По состоянию на конец 2015 г. (1 октября) ситуация несколько изменилась в сторону ужесточения режима выдачи кредитов. В результате с начала 2015 г. заемщиков с тремя и более кредитами стало меньше почти на 1,8 млн, а с двумя кредитами — почти на 1,2 млн (всего, по данным Национального бюро кредитных историй (НБКИ), кредиты были у 35,4 млн россиян).

По данным ОКБ, за октябрь 2015 г. доля просроченных кредитов снизилась на 52 п.п. и составила 17,3% от общего числа (12,6% составляет просрочка более 90 дней). Просрочка снижается в сегменте кредитных карт и ипотеке, а в автокредитах и кредитах наличными растет.

Совокупная кредитная задолженность за 2015 г. сократилась на 5,8% и составила 10,63 трлн руб. (показатель 2014 г. — 11,29 трлн). Однако кризисные явления сказываются на финансовых возможностях россиян, поэтому просроченная задолженность выросла за 2015 г. на 29,4% и составила 861,4 млрд руб. (годом ранее — 665,6 млрд). Средняя кредитная задолженность российского домохозяйства достигла 188,8 тыс. руб. (сократилась со 190,7 тыс. руб. по сравнению с III кварталом 2015 г.), в том числе просроченная — 15,3 тыс. руб. (8,1% от суммы долга).

Наибольшая кредитная задолженность в расчете на одно домохозяйство наблюдается в Ямало-Ненецком автономном округе (493 тыс.), Ханты-Мансийском автономном округе (458 тыс.) и Республике Саха (Якутия) (337 тыс.). Однако и доходы домохозяйств в данных субъектах Федерации очень высоки.

Лидерами по доле просроченной задолженности стали северокавказские республики: Ингушетия (32,8%), Карачаево-Черкесия (14,7%), Кабардино-Балкария (12,7%), а также регионы Сибири: Республика Бурятия и Кемеровская область (по 11,7%).

Отношение кредитной задолженности к годовому доходу в среднем по России составило 22%. Лидером в последние годы считается Калмыкия (51%). Во всех остальных регионах уровень закредитованности сохраняется ниже 40%, при этом наиболее высокие показатели (более 35%) наблюдаются в Иркутской области (38%), Курганской области и Республике Тыва (по 36%) [Просроченный долг..., 2015].

В России наблюдается один из самых низких среди развитых стран уровней финансовой грамотности среди социально незащищенных групп населения, включая бывших заключенных и членов их семей, пенсионеров

и инвалидов. В своем выступлении 5 августа 2014 г. на заседании президиума Госсовета по вопросам развития системы социальной защиты пожилых людей президент РФ Владимир Путин отметил: «...Подчеркну и важность повышения финансовой грамотности. Пенсионеры — активные клиенты кредитных организаций, однако уверенными пользователями различных банковских продуктов их назвать пока нельзя. Причины понятны: эта сфера претерпела кардинальные изменения. О ее современных возможностях, доступности и безопасности людям старшего возраста пока еще, наверное, мало что известно. Во всяком случае, это требует постоянного внимания...».

Сейчас в России в местах лишения свободы содержится около 650 тыс. заключенных, включая 52 тыс. женщин, более 7 тыс. пенсионеров и 2 тыс. несовершеннолетних¹. При этом из учреждений Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН) ежегодно освобождаются до 200 тыс. человек, которые, как правило, сразу после освобождения сталкиваются с финансовыми проблемами и, не обладая основами финансовой грамотности, слабо ориентируясь в существующих льготах, возможностях получения пособий и субсидий, испытывают большие сложности с поиском работы и социальной интеграцией в целом.

В настоящий момент в РФ реализуется программа Министерства финансов «Содействие повышению уровня финансовой грамотности населения и развитию финансового образования в Российской Федерации». На сегодня в России начали реализовываться инициативы в области финансовой грамотности населения, ориентированные прежде всего на школьников и молодежь, но практически отсутствуют просветительские и информационные мероприятия в области защиты прав потребителей финансовых услуг для слабозащищенных слоев населения, включая бывших заключенных и членов их семей, инвалидов и пенсионеров.

В связи с этим имеет смысл проанализировать зарубежный и российский опыт повышения финансовой грамотности социально незащищенных и малоресурсных групп населения: бывших заключенных и членов их семей, пенсионеров и инвалидов. В задачи исследования также входило выявление основных предубеждений, прояснение личных стратегий, установок и убеждений бывших заключенных, людей с инвалидностью и пенсионеров, связанных с деньгами, управлением личными финансами, и запросов в сфере финансовой безопасности и повышения финансовой грамотности.

Финансовую грамотность имеет смысл рассматривать как сложное и многоуровневое явление, включающее многие аспекты экономической жизни — понимание целевой аудиторией того, как работает институт денег [Vitt,

¹ Данные ФСИН на конец 2015 г.

2005], как зарабатывать и правильно тратить, каким образом планировать будущие доходы и вести учет расходов, а также наличие широкого спектра компетенций [Financial Capability, 2007] начиная от базового умения встать в очередь в Службе занятости для поиска работы и получения пособия по безработице и заканчивая продвинутыми навыками в области инвестиционной деятельности и игры на бирже. Надо понимать, что для развития способностей в финансовой сфере [Sherraden, 2010] у социально уязвимых групп населения необходимо сформировать, с одной стороны, определенный пул знаний, а с другой — возможность плодотворно действовать, которая зависит, в том числе, и от наличия и доступности в стране адекватных финансовых механизмов (доступность и надежность банков / финансовых услуг и разумные ставки по кредитным продуктам).

Если рассматривать зарубежный опыт защиты прав потребителей финансовых услуг — инвалидов, то имеет смысл перенять содержательные аспекты и технологию проведения общественных кампаний для инвалидов по финансовой грамотности и безопасности в США. Прежде всего это общественные кампании «Умный старт» («Smart Start») и «Знай свои доходы» («Know Your Money») для молодых людей с инвалидностью, Программа планирования финансового будущего (организатор — NEFE High School Financial Planning Program) и опыт лучших университетов в этом направлении, например Гарвардской школы бизнеса.

Что касается повышения финансовой грамотности в среде бывших заключенных и членов их семей, то зарубежные исследователи акцентируют внимание на том, что самыми сложными для лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы, оказались проблемы, связанные с накоплением сбережений, выходом на пенсию и процентным доходом [Koenig, 2007]. Наиболее сложными барьерами на пути к получению базовых знаний в финансовой сфере и финансовой стабильности у людей с погашенной судимостью и членов их семей зарубежные исследователи называют их свойства характера (высокую склонность к риску) и внутренние убеждения: недоверие к институту государства, системе образования и социального обеспечения, системе правосудия, а также к банковской системе.

Важно отметить, что общественные кампании и программы по повышению финансовой грамотности, направленные на лиц с погашенной судимостью, не только влияют на улучшение качества жизни бывших заключенных и членов их семей, но и косвенно снижают уровень повторной преступности — способствуют сокращению рецидивизма [Call et al., 2013].

В Национальной стратегии повышения финансовой грамотности Великобритании делается акцент на том, что успешная общественная кампания по повышению финансовой грамотности и приобретению компетенций

должна содержать различные способы и технологии помощи социально уязвимым группам населения в получении знаний. Это могут быть различные образовательные программы, информирование, консалтинг и индивидуальный коучинг [The National Reducing Re-Offending Delivery Plan..., 2009]. Освоению финансовых знаний и навыков могут способствовать различные форматы — классические лекции, интерактивные коллоквиумы, круглые столы, деловые и ролевые игры, моделирующие реальные ситуации, которые могут возникнуть в жизни бывшего заключенного и членов его семьи.

Для сбора и анализа информации об уровне финансовой грамотности, практике и паттернах финансового поведения бывших заключенных и членов их семей было осуществлено качественное социологическое исследование с использованием методов глубинного интервью. В марте 2016 г. было проведено 14 глубинных интервью: 10 — с бывшими заключенными, освободившимися в последние 3 года (7 с мужчинами и 3 с женщинами), а также 4 — с матерями бывших заключенных.

Две третьих опрошенных матерей можно охарактеризовать как основных кормильцев в семье и одиноких матерей (незамужних) уже выросших детей. Никто из них не указал на своих детей, имеющих погашенную судимость, как на основных кормильцев в семье или же людей, способных финансово существовать без поддержки. Совокупные доходы семей заключенных находятся в диапазоне 60–100 тыс. руб. в месяц. Как правило, негласно матери считают себя ответственными за предоставление крова и питания своим детям, а также за бремя финансовых расходов на эти цели.

Большинство опрошенных респонденток-матерей отметило, что в их семьях не ведется четкого учета будущих финансовых поступлений и трат. Примерная сумма уже заранее известна, и им этого достаточно. Учет текущих и будущих поступлений, как и планирование трат, осуществляется в основном «в голове». Учет текущих и будущих расходов никак не фиксируется. Все отмечают, что считают вполне достаточным такой способ учета и расчета. Никто не использует для этой цели специализированные программы (на телефоне / компьютере / планшете и проч.).

Горизонт финансового планирования у большинства респонденток весьма короткий (1 месяц — полгода, максимум — год). Уровень финансового планирования при этом можно охарактеризовать скорее как оперативный и тактический. Наибольшие траты — на отпуск/отдых. Стратегические финансовые цели ставятся исходя из уже имеющихся накоплений. Действия по повышению в будущем доходов в семье планирует только одна из трех опрошенных респонденток, чья семья готова эмигрировать. Две из трех матерей отметили, что накоплений у них нет. Отсутствие сбережений все объясняют недостаточными финансовыми доходами, не позволяющими откладывать

деньги. Все деньги, которые поступают в семью, сразу тратятся на жизнь, отдачу долгов-кредитов, какие-либо дополнительные покупки, развлечения и отдых. Все матери при этом склоняются к тому, что уровень жизни и финансовой обеспеченности зависит как от самого человека, так и от внешних обстоятельств, текущей экономической и политической ситуации в стране.

Если бы были возможности, матери бы делали сбережения на покупку недвижимости, автомобиля, на образование. Никто из них не упомянул о сбережениях на старость. Из этого можно сделать вывод, что риски, связанные с выходом на пенсию, ухудшением финансового положения и собственного состояния здоровья, либо не осознаются, либо подсознательно игнорируются респондентами.

Уровень осведомленности членов семей бывших заключенных о существующих льготах, пособиях, пенсиях и страховых инструментах можно охарактеризовать как поверхностный: имеются пробелы в знаниях о пенсиях, технологиях их расчета и назначения. Респонденты обладают не всей информацией о льготах, субсидиях и пособиях. Информацию, связанную с банковскими услугами и продуктами, оценивают как лишнюю.

Все бывшие заключенные — мужчины и женщины в возрасте 21–60 лет — испытывают сложности с трудоустройством и не имеют постоянного официально оформленного места работы. Большинство опрошенных мужчин работают фрилансерами и (или) имеют разовые подработки и проекты, которые получают, используя каналы социальной поддержки бывших осужденных (НКО и неформальные связи). Женщины — бывшие заключенные используют несколько иные стратегии, проживая на ренту от сдачи в аренду инвестиционной квартиры или пользуясь помощью родных.

Только у одного мужчины — бывшего заключенного нет системы родственной поддержки в лице семьи, он снимает жилье в Москве и имеет разовые подработки и уровень дохода в 30 тыс. руб. в месяц. Накоплений у него нет. Ввиду этого его материальное положение можно расценивать как потенциально самое тяжелое, поскольку в случае непредвиденных обстоятельств он будет уязвим.

Большинство опрошенных респондентов — бывших заключенных отметило, что в их семьях не ведется точного учета будущих финансовых поступлений и трат. Среди респондентов было два человека, которые, не имея собственной недвижимости в Москве, вынуждены снимать жилье, соответственно оплату жилья они называют в качестве основного расхода. Основные траты — питание, услуги ЖКХ, транспорт. Деньги копят на бюджетный отпуск.

Большинство респондентов не имеет серьезных накоплений, которых хватило бы, чтобы прожить с семьей в течение года. Отсутствие вкладов и на-

коплений они объясняют, с одной стороны, слишком малыми для этого доходами, а с другой — неразумностью делать сбережения в условиях инфляции и экономического кризиса. Есть недоверие к банковской системе в целом и «Сбербанку» в частности.

В качестве имеющихся инвестиций респонденты-мужчины рассматривают банковский вклад. При наличии свободных ресурсов они вложили бы их в недвижимость, бизнес, образование; инвестиции в старость/пенсию вызывают у них усмешку.

Горизонт финансового планирования у большинства респондентов весьма короткий (1 месяц — полгода, максимум — год). Уровень финансового планирования — оперативный и тактический. Наибольшие траты — на отпуск/отдых. Стратегические мечты — покупка автомобиля, образование; мечты, которые находятся на стадии планирования, — строительство дома на дачном участке.

Бывшие заключенные — мужчины отмечают, что серьезные траты у них были сразу после выхода из мест заключения (необходимость купить одежду и обувь, ноутбук/компьютер). Как правило, у большинства заключенных в семьях на это находились деньги, два человека указали на то, что были вынуждены взять в долг.

Все опрошенные женщины — бывшие заключенные имеют опыт взятия долговых обязательств и кредитов. Одна из женщин — бывшая заключенная имеет непогашенный потребительский кредит в размере нескольких миллионов рублей, в анамнезе — общение с коллекторами, отказ его платить, ждет судебного решения. Взята стратегия на неуплату кредита ввиду отсутствия финансов и собственного имущества. Процедуру личного банкротства даже не рассматривает, поскольку после этого при улучшении финансовой ситуации кредит надо будет выплачивать все равно, а такого желания нет.

Женщина в возрастной категории 51–60 лет также имеет непогашенный потребительский кредит и задолженности по кредитной карте, судится по поводу пересмотра суммы долга.

Можно сделать вывод, что мужчины в большинстве своем более осторожно берут кредиты и воспринимают их как опасность. Их родственники берут кредиты, в том числе на нужды этих мужчин, но сами они пока такие шаги делать опасаются.

У всех бывших заключенных уровень осведомленности о составе пенсии (из каких частей она состоит или будет состоять), методологии ее расчета очень низкий, знаний практически нет. Большинство опрошенных респондентов не знают, есть у них накопительная часть пенсии или нет, какая сумма была или есть на страховом счете, в каком фонде она находится. Респонденты испытывают тотальное недоверие к пенсионной системе, считают, что на

пенсию нереально будет прожить. Тем не менее у них отсутствуют долгосрочные финансовые стратегии на пенсионный период. Только один из респондентов отметил, что купить, например, недвижимость и ее сдавать — лучшая стратегия. Вторая респондентка в возрастной категории 51–60 лет отметила, что уже успешно реализовала план и живет сейчас на доходы от сдачи внаем квартиры в Подмоскowie.

Как рассчитывается заработная плата (какая часть заработной платы выплачивается работодателем в качестве обязательных взносов и налоговых выплат, в каком объеме из нее удерживается налог на доходы физических лиц (НДФЛ) и проч.), практически никто полностью не осведомлен. Правда, большинство вспоминает 13% — подоходный налог. Желания подробнее узнать ни у кого не возникло, расценивают эту информацию как ненужную и избыточную. Все слышали о пособиях, которые могут получать безработные от Центра занятости, однако информацией владеют лишь частично, четко не могут назвать сумму пособия и условия его назначения. Убеждены, что сумма маленькая, работу предлагают не по специальности, «грязную» и в случае отказа снимают пособие. Общий вывод — «игра не стоит свеч».

Большинство опрошенных респондентов-мужчин рассказали о своем интересе в области инвестиций, каким образом разбогатеть, как экономить, делать сбережения и стратегически планировать будущие доходы.

По итогам анализа полученной информации можно предположить, что всем респондентам необходим персональный коучинг, деловые игры и тренинги в области финансовой грамотности, структуры *модели личных финансов*, целевых сбережений и личной эффективности. Бывшие заключенные и члены их семей как социально уязвимая группа с низким уровнем доходов оказываются в большей степени пострадавшими в условиях как финансового кризиса и безработицы, так и каких-либо форс-мажорных обстоятельств личного плана.

Основа финансовой грамотности — это сформированные прежде всего в семье, а потом и в социальном окружении правильные установки, направленные на экологичное самосохранительное поведение в финансовых вопросах, усвоение культуры финансового поведения.

Культура финансового поведения должна включать грамотные навыки планирования семейного бюджета, расходов и доходов, семейных ресурсов и накоплений на стратегическую перспективу, грамотное использование финансовых инструментов (сбережений, кредитов и инвестиций) при создании семьи, покупке недвижимости, рождении, воспитании детей и выборе для них образования, выходе на пенсию и создании пенсионных накоплений.

Источники

Просроченный долг россиян по кредитам вырос до 861 млрд в 2015 году [Электронный ресурс] // АН «Доступ»: сайт. 2016. 1 марта. URL: http://dostup1.ru/finance/Prosrochennyy-dolg-rossiyan-po-kreditam-vyros-do-861-mlrd-v-2015-godu_84138.html#ixzz49jKcfrN (дата обращения: 20.05.2016).

Building Financial Capability in UK. The Role of Advice, Financial Capability Team the Financial Services Authority. L., 2004.

Call L.L. et al. Inmate Perceptions of Financial Education Needs: Suggestions for Financial Educators / Call L.L., Dyer W.J., Willey A.R., Day R.D. // J. of Financial Counseling a. Planning. 2013. Vol. 24. No. 1. P. 45–59.

Financial Capability: The Government's Long-Term Approach [Electronic resource] / HM Treasury // UCL: site. 2007. Jan. URL: dera.ioe.ac.uk/7551/1/fincap_150107.pdf.

Koenig L.A. Financial Literacy Curriculum: The Effect on Offender Money Management Skills // J. of Correctional Education. 2007. Vol. 58. No. 1. P. 43–56.

Sherraden M.S. Financial Capability: What Is It, and How Can It Be Created: Center for Social Development Working Papers. 2010. No. 10–17.

The National Reducing Re-Offending Delivery Plan. Nat. Offender Management Service, 2009.

Vitt L.A. Goodbye to Complacency: Financial Literacy Education in the U.S. 2000–2005. AARP, 2005.

СОЦИОЛОГИЯ

Р.Н. Акифьева

Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург

СТРУКТУРИРОВАННАЯ АКТИВНОСТЬ ДЕТЕЙ В КОНТЕКСТЕ СТРАТЕГИЙ ИХ ВОСПИТАНИЯ РУССКОЯЗЫЧНЫМИ ЖЕНЩИНАМИ В МАДРИДЕ¹

Участие детей в структурированной активности может влиять на их образовательные достижения и притязания, поэтому в некоторых случаях она рассматривается в качестве механизма воспроизводства социального неравенства. Исследователи задаются вопросом о том, что лежит в основе наблюдаемых различий в досуговых практиках детей, в посещении разнообразных спортивных занятий, занятий искусством, религиозных мероприятий и др., но отвечают на него по-разному.

Одно из ведущих направлений исследований изучает включенность детей в структурированную активность в контексте стратегий воспитания, которых придерживаются родители из разных социальных классов [Pari, 2013; Lareau, 2002, 2003, 2011; Yamamoto, 2016]. Одними из основных работ в рамках этого направления являются исследования Аннет Ларо [Lareau, 2003, 2011], которые показывают, как люди из разных классов используют различные стратегии воспитания, определяющие досуг детей и его эффективность в решении задач развития ребенка. А. Ларо концептуализирует стиль воспитания, свойственный родителям из среднего класса, как «организованное развитие» (concerted cultivation), а родителям из рабочего класса и бедных — как «естественное развитие» (accomplishment of natural growth).

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Центра изучения Германии и Европы (Санкт-Петербургский государственный университет — Университета Билефельда), а также в ходе проведения исследования № 116-02-0010 в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2016 г. и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

Родители из среднего класса больше взаимодействуют с образовательными институтами и обеспечивают детям структурированную активность (дети посещают кружки, секции и т.п.). Родители из бедных семей и рабочего класса заботятся о безопасности своих детей, но меньше внимания, чем родители из среднего класса, уделяют качественному наполнению досуга детей, не структурируют их внешкольную активность и иначе взаимодействуют с образовательными институтами. Важным индикатором стратегий воспитания детей являются представления родителей о том, *что* участие в организованной активности дает ребенку, какие цели они преследуют, вовлекая детей в такую активность. С точки зрения А. Ларо, родители из среднего класса поощряют различные таланты и навыки своих детей и разделяют представления о пользе организованной активности для их общего развития.

Основываясь на работах А. Ларо, М. Нельсон и Р. Шутц проводят этнографическое исследование в центрах внешкольного содержания детей, которые посещают дошкольники и дети школьного возраста, и убедительно демонстрируют то, как воспитатели по-разному общаются и взаимодействуют с детьми, способствуя процессу классового воспроизводства [Nelson, Schutz, 2007]. Согласно этому исследованию, внешкольные институции не способны компенсировать классовые различия, а воспроизводят их, хотя и отвечают высоким стандартам качества.

Результаты ряда исследований показали, что вариативность стратегий воспитания и внешкольной активности зависит не только от класса, но и от «расы», и от миграционного статуса [Archer, 2010; Bodovski, 2010; Lee, Kao, 2009]. Исследование родителей из среднего класса в Италии и США демонстрируют важность кросскультурной перспективы для объяснения особенностей стратегий воспитания, реализуемых родителями из разных стран, в том числе их установок на организованную активность [Kremer-Sadlik, Fatigante, 2015; Kremer-Sadlik et al., 2010].

Ряд исследований фокусируется больше не на культурных особенностях семей, а на структурных ограничениях, с которыми те сталкиваются, а также ресурсах, которыми семьи обладают [Bennett et al., 2012; Chin, Phillips, 2004]. Так, Памела Беннетт и коллеги объясняют различия в структурированной активности детей тем, какие кружки предоставляет школа и какие доступны в районе, а не установками и желаниями родителей, которые сходны у родителей из рабочего и среднего класса. Исследования турок-мигрантов из второго поколения в разных странах Европы показало, как образовательные траектории предопределены различиями в образовательных системах, а не культурными особенностями мигрантов [The European Second Generation..., 2012; Crul, Vermeulen, 2003].

Данное исследование предполагает внести вклад в эту дискуссию посредством изучения особенностей стратегий воспитания, которых придерживаются русскоязычные женщины, проживающие в Испании, на примере включения детей в структурированные формы активности. Исследование отвечает на следующие вопросы: Какие установки к организации досуга ребенка артикулируют женщины? Чем обусловлен выбор структурированной активности? Существуют ли различия между семьями, обладающими различными ресурсами?

Под структурированной, или организованной, активностью понимается активность, которая контролируется взрослым, происходит на регулярной основе и имеет институциональную аффилиацию [Bennett et al., 2012]. В измерении класса выбран подход, используемый в исследованиях родительских практик и учитывающий образование, профессию, доход родителей (см., например: [Archer, 2010; Bennett et al., 2012; Шпаковская, 2015]).

Данные и методы

Эмпирической базой данного исследования являются: интервью с русскоязычными женщинами (24 интервью), дети которых посещают русскоязычные площадки Мадрида, и с педагогами и (или) организаторами этих площадок (4 интервью). Пять семей отнесены к рабочему классу на основании профессиональной принадлежности и с учетом образования, полученного родителями.

В ходе интервью родители описывали все программы, в которых участвуют их дети, а также типичный будний и выходной дни. Эта группа вопросов нужна для получения информации о структурированной активности детей. Кроме того, был использован метод «сценарий участия в структурированной активности» — описание расписания внеучебной занятости вымышленного ребенка, которое зачитывается родителям [Bennett et al., 2012]. Родителей спрашивали, что они думают о количестве и содержании занятий, которые ребенок посещает. Этот метод позволяет оценить установки родителей и их ценности в отношении включения детей в структурированную активность.

Описание кейса

Образовательные системы Испании и России очень сильно отличаются, на уровне как школьного, так и дошкольного образования, если ориентироваться на критерии, предложенные в рамках теории интеграционного

контекста (integration context theory) [The European Second Generation..., 2012; Crul, Vermeulen, 2003]. В частности, в Испании ребенок начинает обучаться в школе с 4 лет, тогда как в России — с 6 лет. Есть также отличия в том, какие внеучебные занятия предлагают школы в России и Испании, в ступенях образования, в барьерах попадания в ту или иную школу, в типах школ, в стоимости школьного обучения и дополнительных занятий. Мадрид характеризуется низкой концентрацией русскоязычных мигрантов и именно по этой причине был выбран для проведения исследования. В городе немного возможностей для родителей, которые заинтересованы в поддержании знания русского языка у своих детей или которые хотят, чтобы ребенок иногда находился в русскоязычном окружении. Функционирует всего несколько русскоязычных программ, как коммерческих, так и бесплатных, которые реализуются на базе отдельных организаций (православная церковь Московского патриархата, НКО, российское посольство, несколько коммерческих организаций) или созданы родителями на формальной или неформальной основе.

Такие площадки могут быть единственными доступными досуговыми программами для родителей, которые не знают испанского языка или приехали относительно недавно и не имеют достаточного социального капитала и языковых ресурсов, кроме помощи и информации, получаемых от русскоязычных мигрантов. Из-за отсутствия большого количества программ, связанных с изучением русского языка или культуры, существующие программы могут выступать в качестве площадок, на которых встречаются родители с разным бэкграундом в терминах класса и мотивации. Таким образом, эти программы, в отличие от программ, описанных М. Нельсон и Р. Шутц [Nelson, Schutz, 2007], не могут воспроизводить практики воспитания, свойственные различным классам, так как ориентированы на всех русскоязычных родителей и их детей. Были случаи, когда курсы закрывались из-за недобора группы, так как предложений больше, чем потенциальных потребителей.

Выбор активности — цели и желания родителей

Все информанты, независимо от структурированной загруженности их ребенка, считали занятия важной частью общей социализации детей.

В нашем исследовании все родители разделяли представления о том, что участие в структурированной активности развивает ребенка. Занятия, с точки зрения родителей, могут развивать те качества, которых ребенку недостает, или корректировать недостатки ребенка, могут, напротив, развивать

индивидуальные способности и таланты, проявляемые ребенком, содействовать развитию определенных навыков и способностей независимо от особенностей ребенка, которые как связаны, так и не связаны со спецификой занятий.

Некоторые родители считают, что посредством посещения занятий можно также приобрести навыки, необходимые для интеграции в принимающую страну, а также интериоризировать нормативные гендерные модели поведения. Для девочек гендерная социализация предполагает приобретение качеств, ассоциирующихся с феминностью, для мальчиков — с маскулинностью. В словах Вероники, мамы шестилетнего мальчика, отражаются оба аспекта, как гендерный, так и культурный: *«Ну как бы спорт немножко больше, т.е. ...мальчикам в Испании нужно играть в футбол, им нужно хорошо бегать, им нужно хорошо плавать, поэтому... наверное, футбол и плавание».*

Менее распространенными причинами выбора программ были желание родителей реализовать свои мечты и посредством занятий повлиять на успеваемость ребенка. В ряде случаев выбирал ребенок, а родители соглашались, но часто это соотносится с представлениями родителей о пользе выбранных видов активности. Занятия по русскому языку для большинства родителей — специфический вид занятий, способствующий культурному трансферу.

Не всегда выбор программ обусловлен целями, связанными с социализацией ребенка или удовлетворением его потребностей. В некоторых случаях такие программы отражают потребности и желания родителей.

Программы организованного досуга выполняют функцию заботы о детях в случаях, когда мамы хотят провести время без ребенка. Женщины могут пойти в магазины, заняться домашними делами, посвятить время хобби и проч. Александра переехала в Мадрид с русскоязычным мужем и трехлетним сыном за несколько месяцев до интервью. Через два месяца после переезда она записала сына в лагерь, организованный на базе школы русского языка: *«Две цели было — развлечь ребенка и развлечь маму. Потому что мне уже, как бы Вам сказать, не очень интересно круглые сутки на протяжении нескольких лет сидеть дома с ребенком, вот. Поэтому я очень сильно обрадовалась, что там можно ребенка сдать на 4 часа...».*

Большинство программ, связанных с изучением русского языка и русской культуры, ценятся многими женщинами в качестве не только программ развития ребенка, но и площадок, позволяющих сформировать новый круг общения и разнообразить досуг. Для неработающих женщин с детьми из смешанных семей организация досуга ребенка в русскоязычном окружении является механизмом наращивания социального капитала, особенно если женщины не владеют испанским языком свободно. Женщины могут не только проводить время вместе, пока дети находятся на занятиях, но и неформально

встречаться семьями, с мужем и ребенком, и без семей, оставляя чаще всего ребенка с мужем. Организатор развивающих курсов для русскоязычных детей столкнулась с необходимостью проводить мероприятия и разрабатывать программу развлечений для мам, не только когда дети находятся на занятиях, но и когда мамы хотят встретиться без детей:

«Р.: последняя встреча у нас проходила с таким мотивом, что ну да, хорошо с детьми, да, но мы, может быть, соберемся с девочками? То есть... такой момент, что они... согласны собраться с детьми, но если с детьми кто-то будет. То есть если детей кто-то... заберет и будет где-то там. Когда они [дети] далеко (смех), то есть им удобно. И такой получается... диссонанс... Мы пока вот решаем, что с этим делать...»

И.: То есть это противоречит целям.

Р.: Да, да. То есть мы собирались что-то делать для детей, а получилось, что мы делаем для мам».

Если определять иммигрантские сообщества в классическом понимании Р. Парка как собрание институтов [Парк, 2002], то в Мадриде основными структурообразующими институтами русскоязычных сообществ выступают церковь, а также досуговые площадки для детей и группы в «Фейсбуке» и «Вконтакте». Институционализация малочисленных сообществ со слабыми связями продолжается за счет формирования новых досуговых центров для детей, которые вначале носят неформальный характер, а потом формализуются. Так, например, в период полевого исследования как раз одна из неформальных групп, организованная в «Фейсбуке», приобрела статус ассоциации и объявила о проведении регулярных занятий с начала учебного года, а другой неформальный центр для детей, организованный мамой по воскресеньям в офисе мужа, должен был переехать и стать частью внеучебных программ испанской частной школы, находящейся неподалеку. Институционализация сообщества происходит через формирование досуговых центров для русскоязычных детей.

Выбор активности — структурные причины

Некоторые родители не имеют возможности забирать ребенка из школы после окончания занятий, так как работают. Поэтому единственная возможная стратегия в этом случае — посещение ребенком программ, предлагаемых школой. Выбора может не быть, и востребованными оказываются все программы, которые позволят загрузить ребенка после основных занятий. Здесь мы видим аналогию со стратегиями, проявляемыми трудовыми мигрантами из рабочего класса в России [Акифьева, 2015]. Отсутствие возмож-

ности занять и проконтролировать ребенка после уроков приводили к тому, что многие дети мигрантов во время обучения в начальной школе посещали предлагаемые школами кружки и секции. Например, дочка мигранта из Узбекистана ходила на занятия русским народным фольклором, так как только этот кружок предложила школа для детей ее возраста. Аналогично девятилетний Коля начал в испанской школе посещать занятия фламенко. Ему не хотелось ходить на фламенко, который не популярен среди мальчиков из его школы:

Р.: А так он у меня ходил... в этом году... на танцы, я его отдала. Он не хотел в школе. Да, испанские, знаешь, с кастангетами... которыми мужчины махали так... Как вот называется этот танец?

И.: Фламенко.

Р.: Да, фламенко. Не хотел... а там один мальчик только был, и все девочки ходят».

О такой стратегии выбора кружков «по необходимости» знают учителя, у которых мы брали интервью, и многие родители, некоторые из них тоже частично ее используют. Но, по всей видимости, родители из рабочего класса, чей доход не позволяет находить альтернативные варианты, используют эту стратегию как единственную при выборе программ для ребенка.

Валентина, мама Коли, считает, что организованная активность детей способствует их развитию. Она с большим сожалением говорит о сложившейся ситуации, в которой выбор обусловлен внешними причинами. Некоторое время назад, когда условия ее труда были другими, она использовала иную стратегию выбора занятий, ориентируясь на свои представления о том, что будет способствовать развитию ребенка: *«Да, да, но когда он был поменьше, т.е. не из-за того, что я не успевала (позволяло время приехать), он у меня ходил учиться плавать... платно. Потом одно время я хотела, чтобы он хорошо знал английский — помимо этого была три раза в неделю платная школа английского, очень хорошая. <...> Из-за того, что я по работе не могла уже успевать, отменила эту школу. Вот 2 года нет, он “сехал” по английскому».*

Этот пример хорошо иллюстрирует один из выводов, сделанный П. Беннетт: выбор структурированной активности может отражать не классовую культуру, а связанные с классом условия, в которых оказываются семьи [Bennett et al., 2012]. В наших примерах отличие от результатов А. Ларо заключается не только в том, что родители из рабочего класса осознают ценность структурированной активности, но и в том, что дети оказываются в нее вовлечены. Как ясно из примеров с мигрантами в России и Испании, дети из рабочего класса не могут быть включены в неструктурированные формы досуга до достижения определенного возраста, пока родители находятся на работе. Возможно, отличие этих примеров от примеров семей у

Ларо лежит в миграционных историях семей, которые мы изучали. Одной из характеристик стиля родительского воспитания «естественное развитие» являются сильные родственные связи — в отличие от слабых связей в семьях, ориентированных на «организованное развитие». Семьи рабочего класса и бедные семьи с большей вероятностью живут рядом с родственниками и вовлечены в расширенные семейные сети [Lareau, 2002, 2003]. Семьи мигрантов из наших примеров, даже если были включены в эти родственные сети, утрачивают их после переезда и не приобретают новых, так как сообщество русскоязычных мигрантов Мадрида обладает слабыми связями, в первую очередь из-за своей малочисленности. Согласно А. Ларо, основной характеристикой организованной повседневной жизни в рамках «организованного развития» является включение в различные виды активности под руководством взрослых, тогда как в рамках «естественного развития» дети преимущественно общаются с родственниками. Дети мигрантов лишены такой возможности и оказываются включенными в различные формы организованного досуга, чтобы находиться под присмотром, когда родители не могут быть рядом. Многие мигранты с невысоким заработком проживают на юге Мадрида или в его южных пригородах — районах с низкой арендной платой и стоимостью жилья. Отсутствие достаточного количества институтов мигрантского сообщества приводит к тому, что мигранты интегрируются в институты принимающего общества, даже если ориентированы на мигрантское сообщество, которое может осуществлять функцию присмотра за детьми. Таким образом, программы, предоставляемые школой, могут быть единственной формой организованной активности, доступной некоторым семьям.

Для многих родителей независимо от их семейных ресурсов и занятости оказываются востребованными кружки и секции, предлагаемые в школе во время большого перерыва между занятиями и обедом. В испанских школах перерыв на обед может быть таким длинным, что родители имеют возможность забрать ребенка домой. Все мамы, которые упоминали о таких перерывах, отдавали детей на занятия, так как рассматривали данный досуг как более предпочтительный неструктурированному. Неработающая мама четырехлетней девочки описывает, какие занятия посещает дочь во время обеденного перерыва в школе и почему:

Р.: Ну, вот она ходит... два раза у них английский, два раза музыка и один раз моторика. <...>

Р.: Можно отказать, они будут там во дворе играть или еще что-то... но я предпочитаю, чтобы она чем-то занималась. <...>

И.: Был выбор, или только это?

Р.: Нет. Только это».

Для большинства матерей независимо от уровня их дохода и других ресурсов расстояние является ключевым фактором, определяющим выбор организованной активности для детей. Расстояние играет роль не только из-за отсутствия времени, которое требуется потратить на его преодоление, но и из-за сопутствующих сложностей, например, наличия других детей в семье, особенно младших, за которыми необходимо присматривать.

Женщины ориентируются на испанскую систему дошкольного и школьного образования: например, ребенок начинает посещать школу с 4 лет, хотя среднее образование обязательно с 6 лет. Неработающие матери, которые объясняют свою незанятость тем, что хотят посвятить себя ребенку, предпочитают отправлять детей в детские сады, разделяя высокий уровень доверия к дошкольной системе образования и полагая, что такой опыт будет полезнее для ребенка, чем взаимодействие только с родителями.

Выводы

Изучение женщин, чьи дети посещают русскоязычные образовательные площадки, позволило внести вклад в дискуссию о том, что лежит в основе различий в досуговой структурированной практике детей. Мы развивали методологические идеи рассмотрения этого вопроса, предложенные П. Беннетт и коллегами, согласно которым понять классовые различия в участии детей в организованной активности можно только выйдя за рамки рассмотрения культурных логик родителей (cultural logics) и включив в анализ структурные позиции семей, определяющие их различия в доступе к ресурсам [Bennett et al., 2012]. Результаты исследования позволяют сделать сходные выводы: различия в активности детей во многом определяются структурными причинами.

Все родители считают, что организованная активность благоприятно влияет на развитие ребенка, хотя имеют разные представления о пользе от этих занятий. Кроме того, включение детей в структурированную форму активности может быть сопряжено с желанием родителей освободить для себя время, в этом случае содержательному наполнению программы может уделяться меньше внимания.

Некоторые родители, преимущественно из рабочего класса, не имеют возможности забирать ребенка после школьных занятий и организовывать его досуг из-за своей профессиональной занятости. Это приводит к тому, что ребенок посещает кружки и секции, предлагаемые школой, которые могут не соответствовать его интересам и представлениям родителей о том, какие занятия и формы активности более предпочтительные. В примерах А. Ларо

сообщество соседей и родственников могло осуществлять функцию заботы о детях. Родители-мигранты из первого поколения не включены в подобные родственные и соседские сети, а сообщество русскоязычных мигрантов Мадрида обладает слабыми связями и тоже не осуществляет функцию присмотра за детьми.

Возможности сопровождать ребенка после занятий ограничены у большинства семей независимо от семейных ресурсов разного рода — на это влияют и занятость родителей, и наличие других детей, и ограниченные возможности перемещения, связанные с возрастом ребенка, и др. Это приводит к тому, что для большинства семей наиболее предпочтительными площадками оказываются программы дополнительного образования, предлагаемые школами и детскими садами, которые посещают их дети, а также находящиеся близко к дому. Таким образом, выбор и количество в большинстве случаев зависит не только от желаний и предпочтений родителей, но и от возможностей локальных инфраструктур.

Источники

Акифьева Р. Дети и родители-мигранты в Санкт-Петербурге: несогласованные линии поведения // Этнограф. обозрение. 2015. № 5. С. 117–134.

Парк Р. Организация сообщества и романтический характер // Социолог. обозрение. 2002. № 3. С. 13–18.

Шпаковская Л. Образовательные притязания родителей как механизм воспроизводства социальных неравенств // J. of Social Policy Studies. 2015. Vol. 13. No. 2. P. 211–224.

Archer L. “We Raised It with the Head”: The Educational Practices of Minority Ethnic, Middle-Class Families // British J. of Sociology of Education. 2010. Vol. 31. No. 4. P. 449–469.

Bennett P.R., Lutz A.C., Jayaram L. Beyond the Schoolyard: The Role of Parenting Logics, Financial Resources, and Social Institutions in the Social Class Gap in Structured Activity Participation // Sociology of Education. 2012. Vol. 85. No. 2. P. 131–157.

Bodovski K. Parental Practices and Educational Achievement: Social Class, Race, and Habitus // British J. of Sociology of Education. 2010. Vol. 31. No. 2. P. 139–156.

Chin T., Phillips M. Social Reproduction and Child-Rearing Practices: Social Class, Children’s Agency, and the Summer Activity Gap // Sociology of Education. 2004. Vol. 77. July. P. 185–210.

Crul M., Vermeulen H. The Future of the Second Generation: The Integration of Migrant Youth in Six European Countries // Intern. Migration Rev. 2003. Vol. 37. No. 4. P. 965–986.

Ilari B. Concerted Cultivation and Music Learning: Global Issues and Local Variations // Research Studies in Music Education. 2013. Vol. 35. No. 2. P. 179–196.

Kremer-Sadlik T., Fatigante M. Investing in Children's Future: Cross-Cultural Perspectives and Ideologies on Parental Involvement in Education // *Childhood*. 2015. Vol. 22. No. 1. P. 67–84.

Kremer-Sadlik T., Izquierdo C., Fatigante M. Making Meaning of Everyday Practices: Parents' Attitudes toward Children's Extracurricular Activities in the United States and in Italy // *Anthropology & Education Quart.* 2010. Vol. 41. No. 1. P. 35–54.

Lareau A. Invisible Inequality: Social Class and Childrearing in Black Families and White Families // *American Sociological Rev.* 2002. Vol. 67. No. 5. P. 747–776.

Lareau A. *Unequal Childhoods: Class, Race, and Family Life.* Berkeley: Univ. of California Press, 2003; 2nd ed. Berkeley: Univ. of California Press, 2011.

Lee E.M., Kao G. Less Bang for the Buck? Cultural Capital and Immigrant Status Effects on Kindergarten Academic Outcomes // *Poetics*. 2009. Vol. 37. No. 3. P. 201–226.

Nelson M.K., Schutz R. Day Care Differences and the Reproduction of Social Class // *J. of Contemporary Ethnography*. 2007. Vol. 36. No. 3. P. 281–317.

The European Second Generation Compared: Does the Integration Context Matter? / M. Crul, J. Schneider, F. Lelie (eds); IMISCOE Research, Amsterdam. Amsterdam Univ. Press, 2012.

Yamamoto Y. Gender and Social Class Differences in Japanese Mothers' Beliefs about Children's Education and Socialisation // *Gender a. Education*. 2016. Vol. 28. No. 1. P. 72–88.

Е.Я. Варшавская

Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа экономики»

РОССИЙСКАЯ НЕЕТ-МОЛОДЕЖЬ: ХАРАКТЕРИСТИКИ И ГЕОГРАФИЯ

К группе NEET (NEET — *англ.* Not in Employment, Education or Training) относятся молодые люди в возрасте 15–24 лет, которые являются безработными или экономически неактивными и при этом не учатся и не охвачены профессиональной подготовкой/переподготовкой [Youth Neither in Employment..., 2011, р. 2–3]. Такая молодежь образует особую группу риска, поскольку имеет повышенные риски маргинализации, бедности, отчуждения и социальной эксклюзии. Впервые эта социальная группа стала объектом специального изучения английских исследователей в конце 1980-х годов, когда в Великобритании в связи с пересмотром условий получения пособия по безработице многие неработающие молодые люди, отказавшиеся участвовать в программах профессионального обучения, потеряли права на регистрацию в качестве безработного и получение соответствующего пособия. В результате они оказались исключены как из занятости, так и из обучения и переподготовки. С 2000-х годов понятие «NEET» широко используется в научной литературе, а также в аналитических и программных документах международных организаций (ЕС, ОЭСР, МОТ) для анализа и характеристики социально-экономического положения молодежи.

Цель работы — оценить уровень NEET в РФ, выявить основные характеристики российской NEET-молодежи, показать ее региональную дифференциацию. Эмпирической основой исследования выступают данные Обследования населения по проблемам занятости (ОНПЗ) за 2014 г. Уровень NEET рассчитывается как доля NEET-молодежи в общей численности молодых людей в возрасте 15–24 лет. Для более детального анализа этот показатель определяется по половым, возрастным и образовательным группам, а также по группам в зависимости от статуса на рынке труда (показатели NEET-безработицы и NEET-экономической неактивности). Необходимо подчеркнуть, что эти показатели отличаются от показателей, используемых для измерения уровней безработицы и экономической неактивности по методологии МОТ. Уровень NEET-безработицы — это отношение численности безработных в возрасте 15–24 лет к численности всего населения данного возраста, а не к численности экономического активного населения (как в случае с уровнем безработицы по методологии МОТ). При расчетах уровня NEET-экономиче-

ской неактивности учитывается не все экономически неактивное население (как при определении традиционного показателя), а только те, кто не участвует в обучении и переподготовке.

Уровень NEET

По данным ОНПЗ, в 2014 г. в России численность молодежи в возрасте 15–24 лет составила 18,0 млн человек. Из них более половины (9,6 млн, или 53,6%) были учащимися или студентами, треть (6,0 млн, или 33,4%) являлись занятыми, 2,3 млн (13,0%) относились к категории NEET. Иначе говоря, каждый восьмой россиянин в возрасте 15–24 лет находится вне сфер занятости и образования, т.е. не работает и не учится.

Уровень NEET имеет существенную дифференциацию по половозрастным группам молодежи (табл. 1). Доля тех, кто не работает и не учится, среди девушек в 1,5 раза выше, чем среди юношей (15,5 и 10,4% соответственно). Различия между юношами и девушками определяются исключительно дифференциацией показателей NEET в группе 20–24-летних, в то время как в «младшей» возрастной группе показатели NEET совпадают. Уровень NEET среди 20–24-летних почти в 3 раза превышает этот показатель среди 15–19-летних (17,4 и 6,3% соответственно).

В России уровень NEET-безработицы составил в 2014 г. 5,3%, NEET-экономической неактивности — 7,7%, т.е. около 40% молодого населения в

Таблица 1. Уровень NEET по половозрастным группам молодежи, %

Пол	Возраст, лет	Уровень NEET общий	Уровень NEET-безработицы	Уровень NEET-экономической неактивности
Мужчины	15–19	6,2	2,3	3,9
	20–24	13,2	8,0	5,2
	15–24	10,4	5,7	4,7
Женщины	15–19	6,2	2,2	4,0
	20–24	21,7	6,6	15,1
	15–24	15,5	4,8	10,7
Итого	15–19	6,3	2,3	4,0
	20–24	17,4	7,3	10,1
	15–24	13,0	5,3	7,7

возрасте 15–24 лет, включенного в группу NEET, — безработные, 60% относятся к экономически неактивным и не участвуют ни в каких формах обучения. Безработица имеет выраженную возрастную окраску: она свойственна главным образом более «взрослой» молодежи в возрасте 20–24 лет, среди которых 7,3% не имеют работы, что почти в 3,5 раза больше аналогичного показателя для 15–19-летних. Уровни же безработицы среди юношей и девушек практически совпадают. В отличие от безработицы NEET-экономическую неактивность отличает выраженная гендерная специфика: это преимущественно «женский» феномен. Уровень NEET-неактивности для женщин составляет 10,7%, для мужчин он в 2,3 раза меньше — 4,7%. Подчеркнем, что ярко выраженная гендерная окраска экономической неактивности проявляется только в старшей возрастной группе. Если среди юношей и девушек 15–19 лет уровни NEET-неактивности равны, то среди 20–24-летних разрыв достигает почти 10 п.п. (5,2 и 15,1% соответственно). В целом именно в группе 20–24-летних женщин уровень NEET является максимальным, составляя 21,7%, т.е. каждая пятая молодая россиянка 20–24 лет не работает и не учится.

Социально-демографические характеристики NEET-молодежи

В табл. 2 представлены данные об основных социально-демографических характеристиках работающей, учащейся и NEET-молодежи в возрасте 15–24 лет.

Большая часть (80,9%) NEET-молодежи относится к группе 20–24-летних. Треть состоит в браке. Две трети проживает в городских поселениях. Более половины (55,9%) NEET-молодежи окончили только среднюю (полную или неполную) школу и не имеют профессионального образования. По сравнению с занятыми и учащимися среди NEET-молодежи выше доля женщин и проживающих в сельской местности. NEET-молодежь чаще состоит в браке, чем ее работающие сверстники.

Особое внимание следует обратить на то, что уровень образования молодых людей из анализируемой группы существенно ниже, чем у работающих молодых людей¹. Доля имеющих какое-либо профессиональное образование среди NEET-молодежи в 1,5 раза ниже, чем среди ее работающих

¹ Считаем корректным сравнивать уровень образования NEET-молодежи только с уровнем образования ее работающих сверстников, поскольку в отличие от учащихся и студентов эти две группы уже завершили процесс обучения.

Таблица 2. Социально-демографические характеристики работающей, обучающейся и NEET-молодежи, %

Социально-демографическая характеристика	Занятые	Учащиеся/студенты	NEET
<i>Пол</i>			
Мужчина	56,8	49,7	41,1
Женщина	43,2	50,3	58,9
<i>Возраст</i>			
15–19 лет	6,9	65,2	19,1
20–24 года	93,1	34,8	80,9
<i>Семейное положение</i>			
Состоит в зарегистрированном или незарегистрированном браке	28,1	3,6	33,4
Вдовец (вдова)	0,1	0,1	0,2
Разведен(а) официально / разошелся	2,2	0,4	3,6
Никогда не состоял(а) в браке	69,6	95,9	62,8
<i>Место проживания</i>			
Город	74,9	78,0	66,1
Село	25,1	22,0	33,9
<i>Образование</i>			
Высшее профессиональное	23,6	0,6	15,3
Среднее профессиональное	25,3	0,7	16,2
Начальное профессиональное	18,2	0,4	12,7
Среднее общее	26,9	52,3	38,6
Основное общее и ниже	6,0	46,0	17,3

сверстников (44,2 и 67,1% соответственно). Каждый шестой (17,3%) незанятый молодой человек имеет образование не выше общего среднего, что втрое превосходит аналогичный показатель среди работающих.

Среди молодежи, которая не работает и не учится, — повышенная доля лиц, завершивших обучение с низким уровнем образования²: среди NEET-молодежи, не входящей в рабочую силу, таковых 16,8%, среди безра-

² Доля молодежи, завершившей обучение с низким уровнем образования (так называемые early school-leaving), рассчитывается как отношение числа лиц в возрасте

ботных — 9,4%, в то время как среди их занятых сверстников — только 4,8%. По этому показателю есть существенные гендерные различия. Каждый шестой (17,4%) NEET-юноша прекратил обучение на уровне не выше основного общего образования, среди девушек таких в 1,5 раза меньше (11,2%). Велика эта категория в группе экономически неактивных молодых мужчин, среди которых четверть (25,8%) завершила обучение на уровне неполной средней школы. В целом вероятность попадания в группу NEET-молодежи у выпускников вузов и техникумов в 2,5 раза ниже по сравнению с теми, кто окончил только неполную среднюю школу.

Почти три четверти (71,7%) представителей NEET-молодежи не имеют никакого опыта работы, а трудовой стаж ранее работавших весьма непродолжителен. Около половины (46,3%) из этой группы трудилось на последнем месте работы менее полугода. Отметим также еще одну особенность прошлой занятости молодежи, исключенной из рынка труда и образования, — повышенную долю работавших по найму у физических лиц и индивидуальных предпринимателей, т.е. занятых в неформальном секторе. Так было трудоустроено более четверти (27,6%) представителей NEET-молодежи, в то время как среди занятых сверстников — в 1,6 раза меньше (17,4%). Структура занятий ранее работавшей NEET-молодежи смещена в сторону рабочих мест, не требующих высокого уровня образования и квалификации. Треть из них (34,5%) занимали на последнем месте работы позиции работников сферы обслуживания, ЖКХ и торговли, пятая часть (18,5%) — неквалифицированных рабочих, только 6,4% были специалистами высшего уровня квалификации. Среди работающих 15–24-летних трудящихся сферы обслуживания и неквалифицированных рабочих в 1,7 раза меньше (20,6 и 12,2% соответственно), а специалистов — в 2,5 раза больше (16,0%). Такая смещенность рабочих мест сохраняется и при контроле уровня образования. Таким образом, для большинства представителей NEET-молодежи характерен незавершенный переход «учеба — работа». Те же, кто имеет трудовой опыт, нередко приобретают его на «плохих» рабочих местах, не предполагающих стабильных трудовых отношений, повышения квалификации, профессионального роста, содержательного труда.

Типология NEET-молодежи

NEET-молодежь — это неоднородная по своему составу группа. В ней выделяют две подгруппы: безработные и экономически неактивные. В составе по-

18–24 лет с образованием не выше основного общего (уровни 0–2 по МСКО-2011), которые прекратили обучение, к общей численности возрастной группы 18–24 лет.

следних в зависимости от причин неучастия в рабочей силе различают: занятых ведением домашнего хозяйства, уходом за детьми и другими членами семьи; имеющих проблемы со здоровьем; отчаявшихся найти работу, т.е. тех, кто хотят и готовы работать, но прекратили поиск, так как полагают, что не смогут найти работу; не имеющих необходимости работать (независимо от источника дохода) [NEETs — Young People..., 2012, p. 24; Young People..., 2015, p. 10–11]. Дизайн анкеты ОНПЗ позволяет выделить наряду с названными выше еще одну подгруппу — «нашедших работу и имеющих договоренность с работодателем о ее начале, ожидающих ответа работодателя или начала сезона».

Среди российской NEET-молодежи 40,8% были безработными, 29,1% занимались ведением домашнего хозяйства и уходом за детьми, 7,4% имели проблемы со здоровьем. К сожалению, анкета ОНПЗ не позволяет идентифицировать причину экономической неактивности 20,2% молодых людей в возрасте 15–24 лет, которые условно названы «другие»³. За усредненными данными скрываются существенные гендерные различия. Среди юношей, не включенных в занятость и образование, более половины (54,9%) являются безработными, каждый четвертый (27,6%) относится к категории «другие», 10,6% имеют проблемы со здоровьем. Среди NEET-женщин самой представительной группой выступают занятые ведением домашнего хозяйства и уходом за детьми (47,0% по сравнению с 3,6% у мужчин), почти каждая третья (31,1%) не имеет работы, 15,0% относятся к группе «другие». Удельный вес имеющих проблем со здоровьем среди NEET-женщин вдвое меньше, чем среди молодых мужчин, — 5,2%.

Выделенные подгруппы NEET-молодежи имеют как общие, так и различные черты. Во всех преобладает молодежь 20–24 лет. Подавляющее большинство не имеет никакого профессионального образования. Почти три четверти представителей NEET-молодежи никогда не работали и соответственно не имеют трудового опыта. В составе всех групп (за исключением занятых выполнением домашних обязанностей и уходом за детьми) преобладают мужчины (55–59%) и лица, никогда не состоявшие в браке (77–90%).

Ведением домашнего хозяйства и уходом за детьми заняты в основном женщины (ок. 95%). Они — старшие по возрасту, несколько чаще живут в городах, три четверти из них состоят в браке, что в 4 раза и более превосходит уровень брачности в других подгруппах.

Среди безработных и нашедших работу выше, чем в других подгруппах NEET-молодежи, доля имеющих опыт работы. Кроме того, их отличает и

³ Значительная доля выбравших вариант «другое» при ответе на вопрос о причинах экономической неактивности говорит о необходимости совершенствования анкеты ОНПЗ.

более высокий на фоне остальных категорий NEET образовательный уровень.

Самой проблемной является подгруппа NEET-молодежи, имеющая проблемы со здоровьем. Прежде всего обращает на себя внимание крайне низкий уровень их образования. Более половины (58,5%) молодых людей, имеющих проблемы со здоровьем, окончили только неполную среднюю школу, что в 2,5 раза и более превосходит долю лиц с таким образованием в остальных подгруппах NEET-молодежи. Только 6% смогли получить среднее или высшее профессиональное образование. В этой подгруппе максимальная доля не имеющих опыта работа — почти 93%. Иначе говоря, молодые люди, имеющие проблемы со здоровьем, практически полностью исключены из сферы занятости и имеют весьма ограниченные возможности для получения профессионального образования.

Продолжительность периода незанятости NEET-молодежи

Продолжительность периода незанятости выступает одной из ключевых характеристик NEET-молодежи. Исследования показывают, что с увеличением периода незанятости сокращается вероятность выхода на рынок труда и начала трудовой деятельности [Варшавская, 2016; Quintini, Manfredi, 2009; Wolbers, 2007].

Средняя продолжительность незанятости составила 2,5 года⁴. Наиболее сильными дифференцирующими признаками, влияющими на этот показатель, являются наличие трудового опыта и уровень образования. Так, у NEET-молодежи, имеющей опыт работы, продолжительность периода незанятости составила 1,1 года, что почти в 3 раза меньше, чем у ее никогда не работавших сверстников (3,1 года).

С ростом уровня образования длительность периода незанятости сокращается (табл. 3). Если NEET-молодежь, получившая высшее образование, в среднем не занята один год, то ее сверстники, окончившие полную среднюю школу, — втрое дольше, а те, кто имеет основное общее образование, — вчетверо дольше (4 года).

⁴ Длительность периода незанятости для молодежи, не имеющей опыта работы, рассчитывалась как разность между годом проведения опроса (2014 г.) и годом окончания учебного заведения. Оценка продолжительности незанятости для тех, кто ранее имел оплачиваемую работу или иное доходное занятие, производилась на основе ответа на вопрос «Как давно Вы оставили работу?».

Таблица 3. Продолжительность периода незанятости по подгруппам NEET-молодежи и уровням образования, лет

	ВПО	СПО	НПО	Среднее общее	Основное общее и ниже	В среднем по подгруппе NEET- молодежи
Безработные	0,7	1,2	1,3	2,9	3,1	2,0
Выполняющие домашние обязанности	1,3	2,1	2,5	3,9	4,9	3,0
Имеющие проблемы со здоровьем	1,5	1,2	2,3	3,7	5,0	4,3
Отчаявшиеся найти работу	1,3	1,9	1,6	3,1	4,9	3,1
Нашедшие работу, ожидающие ответа / начала сезона	0,4	0,8	1,0	2,5	3,4	1,8
Другие	0,9	1,4	1,6	2,7	3,0	2,3
В среднем по образовательной группе	1,0	1,6	1,8	3,2	4,0	2,5

Продолжительность незанятости дифференцирована по выделенным ранее подгруппам NEET-молодежи. Она минимальна — не превышает 2 лет — у наших рабочих и безработных⁵. Дольше всех находится в состоянии незанятости молодежь, имеющая проблемы со здоровьем, — более 4 лет.

География NEET-молодежи

За среднероссийскими показателями скрываются серьезные различия между регионами (табл. 4). Минимальный уровень NEET наблюдался в двух крупнейших российских городах — Москве и Санкт-Петербурге (4,2%). Максимальной была доля NEET-молодежи в Чеченской Республике (32,8%)

⁵ Статус респондента и соответственно его отнесение к той или иной категории NEET определяется на момент опроса. В течение периода незанятости молодой человек мог перейти из одной категории NEET в другую (например, молодая женщина могла перестать выполнять семейные обязанности по уходу за детьми и стать безработной или наоборот), сохраняя в целом принадлежность к NEET-молодежи.

Таблица 4. Региональная дифференциация показателей NEET-молодежи

Показатель	Средняя	Медиана	Коэффициент вариации	Min	Max
NEET	14,1	13,5	0,31	4,2	32,8
<i>NEET-безработица</i>	5,9	5,0	0,56	1,6	27,2
Мужчины	6,4	5,9	0,58	1,6	29,1
Женщины	5,4	4,7	0,59	1,7	25,8
<i>NEET-экономическая неактивность</i>	8,3	8,3	0,29	1,7	14,8
Мужчины	5,3	5,1	0,42	0,9	11,3
Женщины	11,4	11,5	0,27	2,4	19,3
<i>NEET-мужчины</i>	11,7	10,9	0,40	2,6	32,4
<i>NEET-женщины</i>	16,7	16,4	0,28	5,0	33,2

и Республике Ингушетия (31,3%). Таким образом, разница между аутсайдерами и лидерами огромна и составляет 27,1–28,6 п.п. Коэффициент вариации российских регионов по доле NEET-молодежи — 0,31.

Кроме Москвы и Санкт-Петербурга в десятку регионов с низким уровнем NEET входят еще семь регионов европейской (преимущественно центральной) части России — Ярославская, Калужская, Тамбовская, Ивановская и Самарская области, республики Татарстан и Мордовия. Замыкает эту десятку Республика Северная Осетия — Алания. Группу аутсайдеров, кроме названных республик Северного Кавказа, составили еще две южные республики — Дагестан и Калмыкия, пять регионов Южной и Восточной Сибири — Омская область, Забайкальский край, республики Тыва, Алтай и Бурятия, а также Сахалинская область.

Дифференциация регионов по уровню NEET-безработицы выражена существенно сильнее, чем по показателю NEET-экономической неактивности. Коэффициент вариации первого показателя составляет 0,56, второго — почти вдвое меньше (0,29). Эта зависимость проявляется и при анализе этих показателей в разрезе отдельных социально-демографических групп — гендерных, возрастных, поселенческих. Межрегиональная дифференциация уровня NEET у мужчин выше по сравнению с этим показателем у женщин (коэффициенты вариации — 0,40 и 0,28 соответственно). Это определяется исключительно различиями в показателях экономической неактивности юношей по сравнению с показателями у девушек, в то время как дифференциация региональных уровней безработицы у гендерных групп одинакова.

Для оценки пространственных эффектов были вычислены индексы Морана $I(X)$ региональных уровней NEET (табл. 5):

$$I(X) = \frac{N}{\sum_{i,j} w_{i,j}} \frac{\sum_{i,j} w_{i,j} (X_i - \bar{X})(X_j - \bar{X})}{\sum_i (X_i - \bar{X})^2},$$

где N — общее число регионов; \bar{X} — среднее значение показателя X ; w_{ij} — элементы взвешивающей матрицы, которые характеризуют пространственную близость объектов (регионов) i и j . Для расчета индексов Морана были использованы два варианта взвешивающих матриц — граничная и обратных расстояний. В граничной матрице элемент равен либо единице (если регионы имеют общую сухопутную границу), либо нулю (в противном случае). Элементы матрицы обратных расстояний равны обратному расстоянию между административными центрами регионов, рассчитанному по автодорогам (морским переправам при отсутствии прямого автомобильного сообщения). Элементы обеих матриц нормируются по строкам, по главной диагонали они равны нулю.

Индексы Морана показывают наличие положительной статистически значимой связи между региональными уровнями NEET как в целом, так и в разрезе пола и вида NEET. Это означает, что регионы РФ окружены другими регионами с близкими по значению показателями NEET, и изменение ситуации в одном из них с большой вероятностью может привести к аналогичным изменениям в соседних регионах.

Таблица 5. Значения индексов Морана для уровня NEET

Показатель	Мужчины	Женщины	Оба пола
<i>Граничная матрица</i>			
Уровень NEET	0,252***	0,402***	0,355***
Уровень NEET-безработицы	0,206***	0,236***	0,241***
Уровень NEET-экономической неактивности	0,166***	0,278***	0,240***
<i>Матрица обратных расстояний</i>			
Уровень NEET	0,168***	0,095***	0,146***
Уровень NEET-безработицы	0,245***	0,212***	0,244***
Уровень NEET-экономической неактивности	−0,003	−0,005	−0,004

*** $p < 0,01$.

Выводы

В России каждый восьмой молодой человек в возрасте 15–24 лет не работает и не учится, т.е. относится к NEET-молодежи. Основными факторами, существенно увеличивающими вероятность попадания в эту группу и удлиняющими продолжительность периода незанятости, являются низкий уровень образования (не выше среднего общего) и отсутствие опыта работы. Для большинства представителей NEET-молодежи характерен незавершенный переход «учеба — работа». Те же, кто имеет трудовой опыт, причем весьма небольшой по продолжительности, нередко приобретают его на «плохих» нестабильных неквалифицированных рабочих местах. Особую группу риска образует молодежь, имеющая проблемы со здоровьем, которая практически полностью исключена из сферы занятости и имеет весьма ограниченные возможности для получения профессионального образования. Следует признать, что трудовой потенциал экономически неактивной российской NEET-молодежи является низким. Таким образом, актуальной является разработка специальных программ, предполагающих расширение возможностей для получения профессионального образования, прохождения переобучения и последующего трудоустройства для данной группы молодежи.

Источники

Варшавская Е.Я. Успешность перехода «учеба — работа»: для кого дорога легче? // Социолог. исследования. 2016. № 2. С. 39–46.

NEETs — Young People not in Employment, Education or Training: Characteristics, Costs and Policy Responses in Europe: rep. by Eurofound. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2012.

Quintini G., Manfredi T. Going Separate Ways? School-to-Work Transitions in the United States and Europe: OECD Social, Employment and Migration Working Papers. 2009. No. 90.

Wolbers M. Patterns of Labour Market Entry. A Comparative Perspective on School-to-Work Transitions in 11 European Countries // Acta Sociologica. 2007. Vol. 50. No. 3. P. 189–210.

Young People not in Employment, Education or Training (NEET): an overview in ETF partner countries. European Training Found., 2015.

Youth neither in Employment nor Education and Training (NEET): presentation of data for the 27 Member States. European Commiss., EMCO Contribution, 2011.

Ю.Л. Войнилов
Д.В. Мальцева

Исследовательская группа
«ЦИРКОН»

ИЗ ГОРОДА В СЕЛО: ПОТЕНЦИАЛ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ ГОРОЖАН В СЕЛЬСКУЮ МЕСТНОСТЬ

В настоящее время одной из основных демографических проблем России является повышенная концентрация населения в городах при крайне низкой заселенности сельских территорий. Подтверждением этому служат результаты переписи населения за 2010 г. Ситуация усугубляется тем, что пустующие территории выступают катализаторами низкокачественной миграции, которая не только не повышает, но лишь снижает экономический и культурный уровень регионов. Опустение и обезлюдивание сельских территорий в совокупности с низкокачественной миграцией грозит стране дестабилизацией экономического развития, обнищанием культурного фонда и, в пределе, потерей национальной целостности.

Отток населения с сельских территорий обусловлен нехваткой рабочих мест в малых поселениях, ограниченными возможностями карьерного и профессионального развития, неразвитостью инфраструктуры и т.д. В то же время сельские районы имеют ряд преимуществ, которые выгодно отличают их от крупных городов. Среди них и благоприятная экологическая среда, и спокойный ритм жизни, и возможность дистанцироваться от информационного шума большого города. Эти особенности оказываются привлекательными для определенной доли горожан, которые переселяются в сельскую местность. При этом города покидают достаточно успешные и состоявшиеся люди, которые после переезда получают возможность «начать жизнь с чистого листа». Это явление, которое можно назвать внутренней миграцией [Задорин и др., 2014], пока что носит локальный характер, и до конца не ясно, какие факторы оказываются движущими при принятии горожанином решения о переезде в сельскую местность.

Потенциально к такому переезду могут оказаться готовы многие горожане, уставшие от жизни в мегаполисах. Отсюда возникает потребность в определении того, какая именно часть россиян положительно оценивает эту возможность, какие убеждения разделяют эти люди, какой ценностный

базис может их объединять и каковы конкретные факторы, позитивно и негативно влияющие на решение о переселении.

Эти вопросы легли в основу исследования, проведенного Исследовательской группой «ЦИРКОН» при поддержке Общественной экологической организации «Зеленая лига» весной 2015 г. Исследование носило комплексный характер и включало реализацию трех типов процедур сбора данных, как качественных, так и количественных.

В ходе качественной части исследования были реализованы *экспертная сессия*, участниками которой стали специалисты, занимающиеся изучением процессов миграции из городов в сельскую местность и (или) непосредственно иницилирующие и регулирующие эти процессы, а также *асинхронная онлайн фокус-группа*, в которой приняли участие жители России, имеющие опыт переезда из города в сельскую местность или рассматривающие для себя такую возможность. В рамках данных процедур был получен ряд суждений о существующих стимулах и барьерах на пути внутренней миграции в России, а также о ценностном базисе потенциальных переселенцев, которые затем были положены в основу инструментария массового репрезентативного опроса населения РФ.

Проведение *массового опроса* было обусловлено стремлением выявить долю городских жителей, которые рассматривают для себя возможность переезда в сельскую местность для постоянного или временного проживания. В рамках массового опроса изучались представления россиян о стимулах и барьерах для внутренней миграции, а также различные ценностные ориентации, характеризующие отношение к проживанию в селе. Результаты исследования позволяют сформулировать следующие выводы.

Ценностный базис потенциального переселенца из города в село складывается из набора различных компонентов, часть которых может быть выталкивающими (ухудшение условий жизни в городе, «переезд от...»), а часть, напротив, — привлекающими (лучшие условия жизни на селе, чем в городе, «переезд к...»). По результатам экспертной сессии и онлайн фокус-группы были выделены следующие компоненты ценностного базиса.

1. Хорошие экологические условия на селе или, напротив, неудовлетворительная экологическая обстановка в городе (в том числе транспортные издержки, скученность населения, неудовлетворительное качество продуктов), ее негативное влияние на здоровье, жизнь детей; желание жить в более комфортной среде в экологическом и психологическом плане, выйти из «цивилизационного тупика» («переезд от...»).

2. Возвращение к «естественной» среде обитания; ценности природы и жизни на земле как таковые, желание жить в более благоприятном климате, определенном месте, в частном доме, заниматься земледелием и животноводством.

3. Стремление вернуться к «родовым корням»; определенные жизненные ситуации, связанные с выходом на пенсию, возвращением на «малую родину», определенным этапом семейных отношений.

4. Укрепление семейных связей и забота о детях.

5. Дешевизна сельской жизни; решение «квартирного вопроса» посредством покупки более дешевого или большего по площади жилья в сельской местности.

6. Высокий уровень личной безопасности и комфорта в сельской местности.

7. Пространство для самореализации, лучшие возможности самореализации в природной среде — занятия творчеством с использованием природных материалов, — что связывается с понятиями личной свободы, ответственности и осознанности.

8. Влияние со стороны близких по духу людей, наличие позитивного опыта переезда других людей и представителей общественных движений (наличие социальной группы переехавших людей; книги Владимира Мегре и других представителей направления философии нью-эйдж).

9. Попытки решения глобальных проблем современности через работу в сельской местности.

По результатам массового опроса, где респондентам (среди которых были выделены группы горожан и селян) в виде дихотомических суждений была предложена разработанная в ходе качественной части исследования модель ценностного базиса потенциальных переселенцев (табл. 1), следует, что **главное преимущество сельской местности для горожан состоит в более высоком экологическом качестве жизни, близости человека к природе**. Довольно распространено среди городских жителей и мнение, что жизнь на селе более безопасна, чем в городе. Главный же недостаток проживания на селе — слабые, в представлениях горожан, возможности для творчества и самореализации личности. Мнения горожан о других ценностях сельской жизни разделились: близкие доли респондентов отдали предпочтение сельской размерности и городской суете; далеко не однозначными оказались представления городских жителей о ценах на продукты и услуги в городе и на селе, о транспортных и дорожных проблемах.

Интересно, что **мнения горожан и селян в определенных моментах, касающихся ценностей проживания на селе, вполне сходятся** — особенно это касается вопросов экологии (которая признаётся лучшей на селе) и возможности самореализации (здесь, напротив, приоритет отдается городу); **различия касаются скорее образа жизни**: многим горожанам привычнее и милее городская суета, шум и многолюдье, селянам, напротив, — размеренность и неторопливость, уединенность деревенского существования.

Таблица 1.

«С каким суждением из каждой пары Вы более согласны?», % от опрошенных горожан, $N = 1259$;
% от опрошенных селян, $N = 341$

Жизнь лучше в селе	Процент			Жизнь лучше в городе
Экологическая ситуация в городах значительно хуже, чем в селах.	81*	Город	15	В селах сейчас не менее серьезные экологические проблемы, чем в городах.
	85	Село	12	
Питаться действительно натуральными продуктами можно лишь в деревне, но не в городе.	61	Город	35	Натуральные продукты сейчас можно приобрести в любом городском супермаркете, а не только в селе.
	70	Село	26	
В сельской местности жить безопаснее, чем в городах.	58	Город	25	В городах жить безопаснее, чем в сельской местности.
	79	Село	13	
Человек должен жить ближе к природе, городская среда является противостественной для людей.	56	Город	37	Для современного человека проживание в городе более естественно, чем жизнь на природе.
	77	Село	19	
Жить в частном доме лучше, чем в городской квартире.	57	Город	38	Лучше жить в городской квартире, чем в частном доме.
	74	Село	18	
Неторопливость и размеренность сельской жизни предпочтительнее шума и суеты городской жизни.	48	Город	46	Шум и суета городской жизни предпочтительнее неторопливости и размеренности сельской жизни.
	62	Село	31	
Цены на различные продукты и услуги на селе ниже, чем в городе.	43	Город	36	В городе цены на продукты и услуги ниже сельских цен.
	44	Село	43	
Города переполнены людьми, поэтому современному человеку комфортнее жить в сельской местности.	40	Город	54	В селах почти не осталось людей, поэтому современному человеку комфортнее жить в городе.
	64	Село	32	
Транспортные и дорожные проблемы в городах делают их менее комфортными для проживания, чем села.	36	Город	54	Транспортные и дорожные проблемы в селах делают их менее комфортными для проживания, чем города.
	47	Село	46	
На селе более высокие возможности для творчества и самореализации, в то время как в городе очень сложно найти свое место.	18	Город	70	Город предлагает более широкий набор возможностей для творчества и самореализации человека, чем село.
	15	Село	73	

* Полу жирным шрифтом выделены «доминирующие» значения — получившие в паре суждений 60% и более голосов респондентов.

По мнению экспертов, *процесс переезда из города в село осложнен многими факторами* (среди них — и неразвитость инфраструктуры, и проблемы с рабочими местами), *при том, что факторов стимулирующего характера не так много и они носят преимущественно принуждающий характер* (экологические и экономические проблемы).

На основании результатов экспертной сессии и онлайн фокус-группы можно говорить о существовании следующих **стимулов для переезда из городской местности в сельскую**.

1. Ухудшение экологического, социально-экономического положения жизни человека в городе, отсутствие жилья или работы в городе («уход от...»).

2. Наличие необходимых для переезда материальных условий — достаточного количества финансовых средств (подъемного капитала), жилья в месте переселения, личного транспорта.

3. Наличие способов заработка в сельской местности, в том числе условий для сельскохозяйственной деятельности.

4. Наличие необходимых для жизни объектов инфраструктуры (образовательных учреждений, учреждений здравоохранения, средств коммуникации) в сельской местности или легкость доступа к ним.

5. Наличие в месте переезда социальной группы единомышленников, знакомство с местностью переезда.

6. Наличие необходимых знаний и умений для жизни в сельской местности.

7. Наличие внутреннего желания переехать из города в сельскую местность.

8. Наличие государственных программ, предоставляющих жилье, землю, работу, а также законодательной базы для переезжающих.

9. Формирование позитивного имиджа переселенцев в рамках разъяснительной работы с населением, наличие тиражируемых образцов переселения в сельскую местность.

Барьеры для переезда из городской местности в сельскую следующие.

1. Внутренние барьеры — личные причины, такие как страх трудностей, неизвестности, начала жизни «с нуля», потери того, что есть в городе, отсутствие необходимых навыков.

2. Удерживающие человека в городе факторы — получение образования, наличие устраивающей работы.

3. Неразвитость сельской инфраструктуры, транспортная недоступность, отсутствие работы или небольшое количество вариантов занятости.

4. Отсутствие стартового капитала, ресурсов для приобретения земли и постройки дома.

5. Отсутствие социальной группы людей со схожими интересами в сельской местности и, напротив, присутствие людей с другим менталитетом; при этом наличие значимых близких людей в городе.

6. Организационные трудности в государственной поддержке переселенцев — отсутствие государственных субсидий, сложности с оформлением прописки, необходимость проведения самостоятельной разъяснительной работы с местными властями и сообществом.

По результатам массового опроса (табл. 2) можно сделать вывод, что *городские жители чаще всего главным препятствием к переселению в сельскую местность считают более низкий уровень заработной платы и социальной инфраструктуры* на селе по сравнению с городом, *проблемы с коммунальными услугами*.

Логично предположить, что *изменение ситуации в лучшую сторону могло бы служить привлекающим стимулом к возможному переезду из города в село* (обеспечение доступа к объектам социальной инфраструктуры, улучшение качества коммунальных услуг, более высокий уровень заработной платы — который, кстати, в качестве одного из важнейших стимулов отметило боль-

Таблица 2. «Что в первую очередь препятствует переезду горожанина в сельскую местность?» / «А если говорить о Вас лично? О Вашем возможном переезде?», % от опрошенных горожан, $N = 1259$, допускался выбор нескольких вариантов ответов

Варианты ответов	Для всех горожан	Для себя лично
Уровень заработной платы ниже, чем в городе	58	53
Нехватка больниц, детских садов, школ и т.п.	58	50
Проблемы с коммунальными услугами (водо-, газо-, электроснабжение)	55	52
Нехватка магазинов, торговых центров, сервисных центров и т.п.	34	28
Дороговизна жилья / земельных участков в сельской местности	28	21
Территориальная отдаленность от родственников и друзей, проживающих в городе	22	28
Отсутствие готовых программ переселения, позволяющих заранее подготовиться к переезду и взвесить все риски	15	12
Трудность в поиске близких по духу людей на новом месте жительства	11	16
Ограниченный выбор мест, доступных для переезда	7	7

шинство респондентов (табл. 3)). Очевидно, *определенную роль здесь могут играть и средства государственной поддержки* — льготные условия покупки жилья, государственная компенсация расходов на переезд, льготные условия налогообложения, — отсутствие которой в настоящий момент, по мнению экспертов, является важной преградой на пути к переезду из городов в сёла.

Отметим, что среди стимулов к переселению горожане чаще всего выбирали альтернативы ответов из группы привлекающих стимулов, однако довольно большая часть городских жителей (20–30%) допускает (в том числе для себя лично), что причиной переселения в сельскую местность могут стать так называемые *выталкивающие стимулы*, а именно ухудшение условий жизни в городе: ухудшение экологии, потеря работы, удорожание жизни в городе.

По результатам сравнения ответов горожан и селян в целом можно констатировать, что *жители российских городов и сел в целом одинаково представляют себе основные препятствия на пути миграции горожан в сельскую местность*. Среди привлекающих стимулов для переезда горожан представители сельской местности наиболее часто выбирали стимулы материального характера: льготные условия покупки жилья и высокий уровень заработной платы на селе. Однако не менее значимым, по их мнению, является такой выталкивающий стимул, как *ухудшение экологической ситуации в городе* (в 2 раза менее

Таблица 3. «Что в первую очередь может способствовать переезду людей из города в сельскую местность?» / «А если говорить о Вас лично? О Вашем возможном переезде?», % от опрошенных горожан, $N = 1259$, допускался выбор нескольких вариантов ответов

Варианты ответов	Для всех горожан	Для себя лично
Льготные условия покупки жилья	58	43
Уровень зарплаты выше, чем в городе	57	47
Возможность после переезда работать по той же специальности, что и в городе	31	28
Государственная компенсация расходов на переезд	30	26
Ухудшение экологической ситуации в городе	27	31
Льготные условия налогообложения после переезда	23	19
Увеличение расходов на проживание в городе	23	28
Потеря работы и (или) сложности с ее поиском в городе	20	20
Возможность переезда с группой единомышленников	13	15

распространенный у горожан на самом деле — т.е. селяне преувеличивают значимость экологической проблематики для городского населения).

Говоря о **необходимых требованиях, предъявляемых к месту проживания** (табл. 4), в первую очередь респонденты обоих типов выделяли **учреждения здравоохранения**. Жители городов заметно чаще, чем селяне, отмечали важность коммунальных услуг (электро-, водо-, газоснабжение). Сельское же население чаще городского выбирало учреждения образования, дороги и хорошее транспортное сообщение с городом как привлекательные для горожан условия.

В рамках исследования в ходе массового опроса была проведена **оценка общего уровня готовности горожан к переселению в сельскую местность**. Рассматривались различные варианты готовности к переселению, что дало возможность построить своеобразную «лестницу», верхние ступени которой отражают искомый потенциал внутренней миграции «город — село» (рис. 1). Можно выделить группу горожан, которые *в принципе* в той или иной степени рассматривают для себя возможность переселения в сельскую местность или уже даже готовятся к нему. В совокупности **«оценка сверху» для этой группы составляет около 20% горожан. Но если оценивать уровень готовности городского населения к миграции в село более реалистично, то на сегодня его можно оценить примерно в 3% городского населения страны:** это те, кто сообщил, что уже принял решение и готовится к переезду, и те, кто находится в поиске вариантов для него.

Таблица 4. «Что из нижеперечисленного является самым необходимым для Вас в месте Вашего проживания?», % от опрошенных горожан, $N = 1259$, % от опрошенных селян, $N = 341$, допускался выбор нескольких вариантов ответов

Варианты ответов	Горожане	Селяне
Учреждения здравоохранения (поликлиники, больницы)	68	67
Централизованное электроснабжение	51	21
Централизованное водоснабжение	48	30
Централизованная газификация	45	32
Образовательные учреждения (детские сады, школы)	38	50
Дороги	33	46
Магазины	24	16
Бесперебойное транспортное сообщение с городом	21	30
Доступ в Интернет	17	12

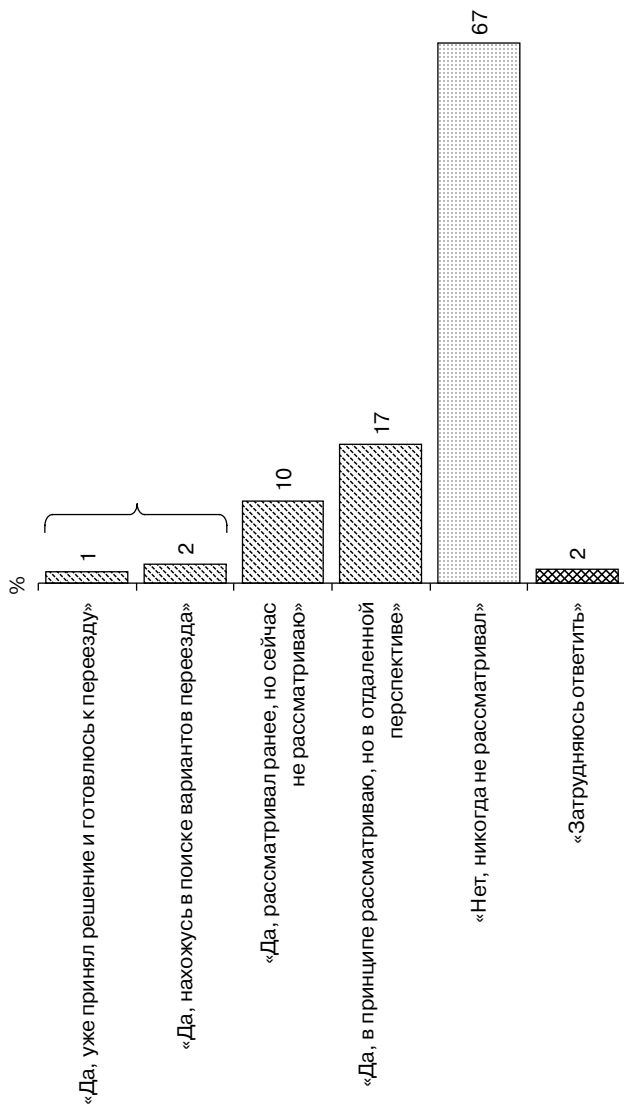

Рис. 1. «Рассматривали ли Вы когда-либо для себя (своей семьи) возможность временного или постоянного проживания в сельской местности?», % от опрошенных горожан, N = 1259

При этом данные показывают, что значимое большинство горожан, задумывающихся о переезде в сельскую местность, в качестве вариантов переезда рассматривают *переселение на дачи и в коттеджные поселки* — сезонное или круглогодичное (рис. 2). Кроме того, *большинство потенциальных мигрантов не планируют переселяться в территориально далекие от текущего местожительства сельские поселения* (рис. 3 на с. 144).

Кроме того, *далеко не все горожане, рассматривающие (хотя бы в отдаленной перспективе) возможность переезда в сельскую местность, связывают этот переезд с трудоустройством в сельском хозяйстве*, хотя часть задумывающихся о миграции горожан (более 40%) готова или не исключает возможности работы в сельском хозяйстве (рис. 4 на с. 145).

Таким образом, только небольшая часть горожан, не исключающая для себя возможности переселения в сельскую местность, готова к дальним переездам; для большинства же это скорее «дачный» вариант. Следовательно, *потенциал миграции «город — село» с целью освоения пустующих земель или развития сельскохозяйственного производства на сегодня намного меньше, чем собственно уровень готовности к переезду в сельскую местность.*

Интересно также взглянуть на то, **какие группы горожан в большей степени готовы к переезду в село**. Анализ ответов респондентов-горожан и различного потенциала миграции показал, что среди возможных переселенцев несколько выше доля мужчин, но ниже доля представителей старшей возрастной группы; выше доля работающих, ниже — доля пенсионеров; сравнительно чаще к этой группе относятся семейные и проживающие с детьми младше 16 лет респонденты. Важный фактор, положительно влияющий на возможность переезда, — личный опыт проживания в сельской местности и родственники, постоянно проживающие на селе.

Представляется, что настоящее исследование, будучи комплексным — что проявилось как в разнообразии реализованных исследовательских процедур, так и в многокомпонентности изучаемых вопросов, — позволило ответить на некоторые важные вопросы о потенциале внутренней миграции из городов в сёла. В то же время полученные результаты ставят много новых вопросов, на которые еще предстоит ответить в рамках будущей разработки данной тематики.

Источник

Задорин И.В. Альтернативные сельские поселения в России: стихийная внутренняя эмиграция или осознанный трансфер в будущее / Задорин И.В., Мальцева Д.В., Хомякова А.П., Шубина Л.В. // Лабиринт. 2014. № 2. С. 64–77.

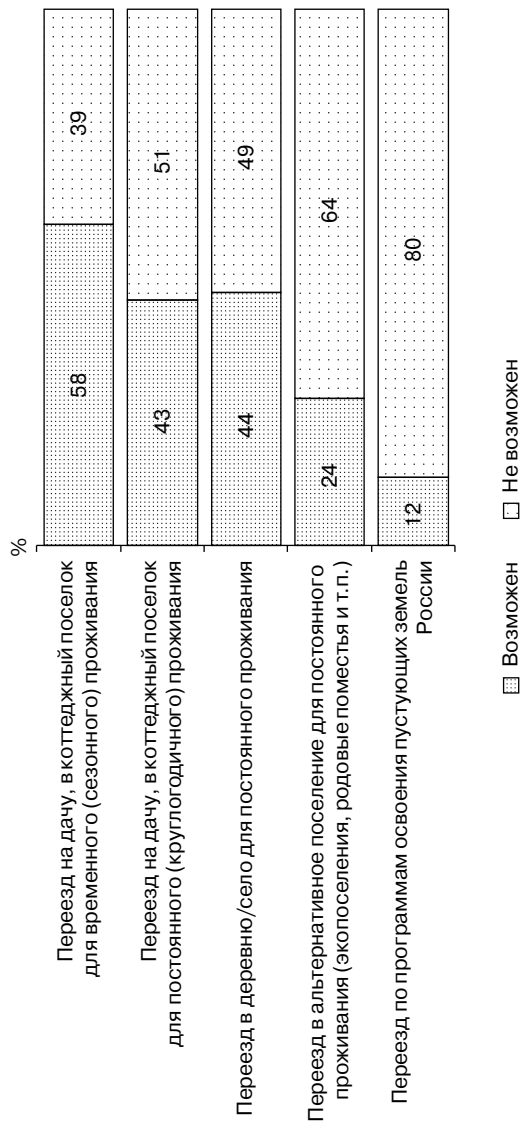

Рис. 2. «Какие из представленных вариантов Вы рассматриваете для себя как возможные хотя бы в отдаленной перспективе, а какие считаете не возможными в принципе?», % от тех горожан, которые хотя бы задумывались о переезде из города в село

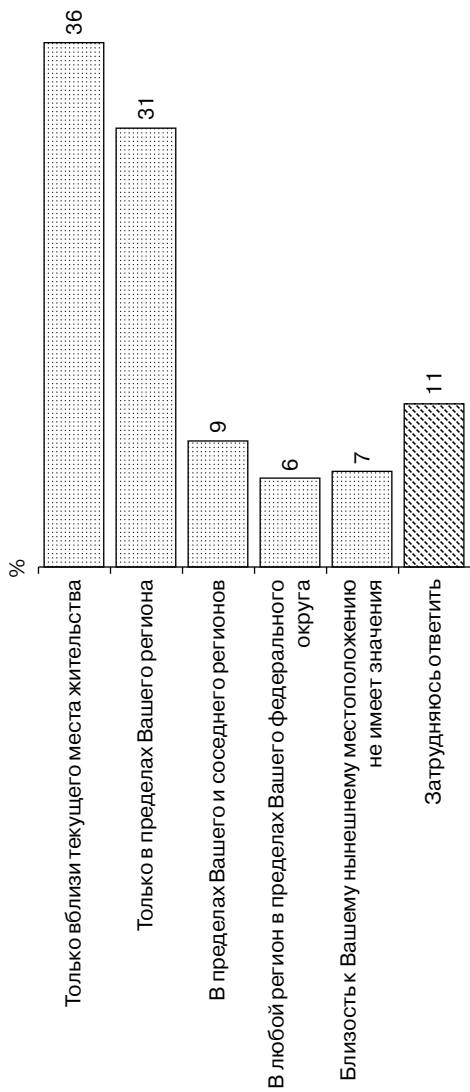

Рис. 3. «Переезд из города в сельскую местность для Вас возможен...», % от тех горожан, которые хотя бы задумывались о переезде из города в село

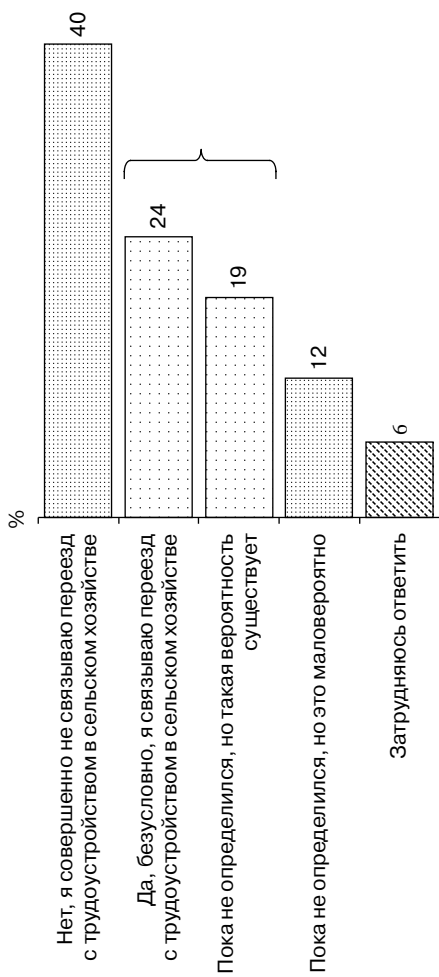

Рис. 4. «В случае переезда в сельскую местность рассматриваете ли Вы возможность последующего трудоустройства в сельском хозяйстве?», % от тех горожан, которые хотя бы задумывались о переезде из города в село

Н. В. Гончарова
Я. Н. Крупец

Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург

МОЛОДЕЖЬ И ЕЕ КАРЬЕРНЫЕ ПУТИ НА СЕЛЬСКОМ РЫНКЕ ТРУДА

В большинстве современных молодежных исследований основное внимание уделяется молодым горожанам, преимущественно проживающим в крупных городах-миллионниках — именно их опыт становится предметом изучения и может транслироваться в качестве универсального. При этом молодежь, проживающая не в мегаполисах, а в малых городах и селах, оказывается на периферии внимания исследователей и подчас исключается из рассмотрения в принципе. В то же время постсоветские трансформации, которые переживала российская деревня, и современная ситуация в сельских районах дают основания предполагать, что опыт трудоустройства и занятости у молодежи, оставшейся, вернувшейся или приехавшей в периферийные города и села, может значительно отличаться от соответствующего опыта горожан, живущих в мегаполисах, однако при этом не исключается и ряд сходств, особенно с учетом общих глобальных тенденций современных обществ: индивидуализации [Бауман, 2002], увеличения рисков и растущей неопределенности во всех сферах жизни [Бек, 2000; Гидденс, 2004], возросшей в несколько раз мобильности [Урри, 2012]. Все это не может не сказываться на переопределении значения труда, реорганизации повседневной жизни и трудовой биографии.

В данной работе мы сфокусируемся на анализе молодежной мобильности на рынке труда сельских районов и выявим, какие трудовые траектории и карьерные пути складываются у молодежи, проживающей за пределами крупных городов¹. Наш анализ основывается на 59 биографических интервью с 20–35-летними работающими жителями Ленинградской области, проживающими в трех сельских районах (Лужском, Приозерском, Волховском). Все они постоянно работают на различных временных и постоянных работах (в сфере аграрного и промышленного производства, торговли, сервиса) и неизменно проживают в области.

¹ В данной научной работе использованы результаты проекта «Работа и потребление в жизни российской молодежи: сравнительный анализ сельского и городского опыта», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2015 г.

На сегодня в науке накоплен значительный корпус как теоретических, так и эмпирических работ, посвященных изучению понятия карьеры, выделению типов карьер и их трансформациям в современных условиях (см., например: [Arthur, Rousseau, 1996; Cohen, Mallon, 1999; Evetts, 1992; Handy, 1992]). В современных исследованиях понятие карьеры претерпевает серьезные изменения, исследователи все чаще говорят о кризисе организационных карьер и развитии новых карьер. В целом новая или современная карьера характеризуется нелинейностью, множественностью форм, гибкостью, изменчивостью, субъективностью, неопределенностью (uncertainty) и стиранием границ. Однако данные исследования новых карьер касаются преимущественно изучения опыта городской молодежи, мы же в рамках нашего проекта изучали трудовые перемещения молодежи, проживающей в Ленинградской области.

Отметим, что независимо от того, какой карьерный путь проходят наши информанты, на них так или иначе влияют общие структурные условия сельского рынка труда. Анализ интервью показал, что наиболее значимыми характеристиками, определяющими специфику ситуации с поиском работы в сельских районах (по мнению молодежи), выступают, с одной стороны, ограниченность и в ряде случаев дефицит существующих на рынке мест работы, а с другой — сформированные и устойчивые социальные сети жителей района, которые являются неотъемлемой частью данного рынка и позволяют включенным в них участникам успешно продвигаться по трудовому пути без особых преград: *«И.: А как Вы нашли эту работу, как устроились? — Р.: А не сложно. ...живу... десять минут до комплекса... И мать работала... и директора я знаю, и заместителя директора хорошо знаю... Когда пришла, они меня сразу взяли, сразу и предложили мне квартиру»* (интервью № 7, Лужский р-н ЛО, жен., 21 год, бригадир на аграрном предприятии). Ответы о более привычных на городском рынке труда способах поиска работы через Интернет, составление резюме, службу занятости также были в интервью, но эти способы встречались гораздо реже и не всегда оказывались эффективными.

Однако наши данные показывают, что для успешного развития карьеры молодых людей в сельском районе их включенность в социальные сети и умение легко находить работу не являются достаточными условиями для дальнейшей трудовой мобильности (как горизонтальной, так и вертикальной). Ограниченность и дефицит предложения рабочих мест часто приводит к ситуации, когда первая работа находится легко и быстро, но «желанная работа» или какое-то дальнейшее карьерное развитие могут оказаться недоступными: *«И.: Ну, вот такая возможность не всегда у нас бывает с работой, конечно, очень сложно, может быть, чего-то бы хотелось другого, но так как с*

работой вообще все ограничено, поэтому радуйся [тому], что есть» (интервью № 47, Волховский р-н ЛО, жен., 24 года, бухгалтер).

Несмотря на ограниченность сельского рынка труда, наши респонденты, тем не менее, находили возможности для перемещений между местами работы или должностями, складывающиеся в несколько различных трудовых путей (карьерных траекторий).

Трудовой путь «Построение карьеры» складывается из поэтапных перемещений по карьерной лестнице (в рамках либо одной организации, либо какой-то выбранной области/отрасли) и в своем понимании максимально приближен к концепции «традиционной организационной карьеры» или к «карьерному росту»: *«Р: ...я же перешел в горный цех... ходил в слесарях, когда еще были экскаваторы ЭКГ-5А... Ну, и меня взяли сначала по бульдозерам... И вот начали обучать нас... Две партии у нас было обучения... Первая партия — ребята, те, кто на ЭКГ, экагэшки мы их называем, их посадили... работать на гидравлические экскаваторы. Ну, я вот ждал пока... Потом освободилось место на “Гидромолот”... сел на “Гидромолот”. На нем набил руку, так сказать... И вот вначале на маленьком экскаваторе, потом... освободилось опять же место, меня посадили... на большой экскаватор. Сейчас на “Граните”, они... самые большие»* (интервью № 34, Приозерский р-н ЛО, муж., 31 год, рабочий).

Выше мы уже отмечали, что такой путь в современных условиях дефицитного рынка труда в селе оказывается сильно ограниченным (возможностей для построения вертикальной карьеры очень мало), однако подчеркнем, что определенные перспективы и вакансии в сельских районах появляются (особенно в сфере аграрного и промышленного производства и в ситуации их реформирования). Если сравнивать сельскую выборку с городской, можно отметить, что в селе, пожалуй, такой путь оказался более распространенным, а главное — субъективно более привлекательным, чем в городе.

В целом можно отметить, что для респондентов, реализующих данный путь построения карьеры, характерно более долгосрочное планирование своей жизни в сравнении с другими; по крайней мере, у них есть представления о том, как могут развиваться их дальнейшие трудовые биографии. Однако подчеркнем, что, если судить по всему массиву данных, у сельской молодежи все-таки преобладает ориентация «жить сегодняшним днем», что особенно проявляется у молодых, следующих трудовому пути «работать там, где удалось устроиться», рассмотренному далее.

Путь *«работать там, где удалось устроиться»*: найти место работы (или попасть на него благодаря внешним условиям) и остаться здесь, пока есть возможность. Такой путь могут выбрать те, кто уже нашел работу, которая их устраивает по ключевым параметрам, в частности, у них можно наблюдать высокую удовлетворенность содержанием труда: *«Поэтому... не знаю, здесь*

хорошее место, я не хочу отсюда уходить. ...да и сельское хозяйство такое... по мне вот проще работать здесь, чем сидеть... целый день в магазине, торговать. Все-таки люди разные. А тут уже постоянное место... приходишь, уже знаешь народ... к чему они способны, как к кому нужно подойти, как говорить с ними... привыкаешь» (интервью № 7, Лужский р-н ЛО, жен., 21 год, бригадир на аграрном предприятии).

В других случаях такой путь становится своего рода альтернативой или реакцией на невозможность реализовать карьерный рост. При этом он достаточно распространен в ситуации ограниченности сельского рынка труда: *«И.: А как-то планируете потом, может быть, сменить род деятельности или, может, в другое место уходить? — Р.: Ну, если, конечно, появится такая возможность, то только за. Все упирается в зарплату. Если бы, конечно, получала бы я здесь... хотя бы более или менее в среднем какую-то приличную зарплату, конечно, я бы не меняла, меня в принципе устраивает то, что я здесь делаю, и меня в принципе все устраивает... Но все опять же... упирается в зарплату»* (интервью № 47, Волховский р-н ЛО, жен., 24 года, бухгалтер).

В рамках данного пути даже в ситуации неудовлетворенности имеющейся работой или условиями труда (чаще всего — размером заработной платы) человек не стремится самостоятельно инициировать изменения, спланировать свой дальнейший путь, скорее выберет тактику выжидания внешних изменений. При этом у человека в принципе может не быть образа своего будущего, конкретные планы чаще всего также отсутствуют: *«И.: А что Вас сейчас здесь держит? Ну с мужем почему вы не переезжаете? — Р.: Ну, так я даже не знаю. Пока временная остановка жизни здесь. Движемся куда-то»* (интервью № 21, Лужский р-н ЛО, жен., 33 года, продавец).

В данной ситуации возникают вопросы, насколько выбор такого пути «ожидания» можно считать рациональным действием экономического агента либо иррациональным, рутинизированным действием по привычке, не требующим дополнительных усилий. На наш взгляд, для многих респондентов в таком поведении есть рациональность, поскольку в их случае практика «ждать подвернувшегося места» может оказаться эффективной и позволит им улучшить свои позиции на рынке труда (выше мы уже говорили, что самый распространенный способ поиска работы — через знакомых, которые сами часто предлагают работу).

Путь «динамичной горизонтальной карьеры». Под такой карьерой мы понимаем регулярную смену мест работы: респонденты из данной группы долго не задерживаются на одной работе и переходят на другую. При этом новые места работы оказываются приблизительно такими же, как предыдущие. Респонденты могут искать аналогичную работу в той же самой сфере либо менять ее, могут работать в селе или уезжать в крупный город, а потом

возвращаться — такие изменчивые траектории и высокий уровень мобильности создают ощущение динамичной и очень насыщенной трудовой биографии, что во многом соответствует концепту новой карьеры, о которой мы упоминали выше и которая является одной из самых распространенных на городском рынке труда. *«И.: А до этого Вы где-нибудь работали? — Р.: До этого работала в продуктовом магазинчике небольшом. — И.: А долго? — Р.: Ну, года два, так я не помню навскидку-то. — И.: А какие для Вас еще значимые места работы были? — Р.: Ну, все. Я как-то вот сначала... поваром, потом... продавцом, в N. и здесь вот. Всё. — И.: А как это все называется? — Р.: Магазин “Автозапчасти”... т.е. совершенно у меня разные отрасли работы... Несовместимые»* (интервью № 38, Приозерский р-н ЛО, жен., 31 год, продавец).

Респонденты из данной группы также часто работают одновременно на нескольких работах, совмещая основную занятость с подработками. В некоторых случаях у человека в рамках такого пути в принципе отсутствует привязанность к отдельному рабочему месту, работа рассматривается максимально инструментально (как источник заработка): *«И.: А есть ли такое, что какие-то работы, на которых Вы работали, Вы бы назвали самыми важными для Вас? — Р.: У меня такого нет, я могу с любой работы спокойно уйти, спокойно устроиться на другую. Я не держусь за одно место»* (интервью № 43, Волховский р-н ЛО, муж., 23 года, работник автомойки).

Прежде всего такой путь характерен для работников низкоквалифицированного труда и работников из сферы сервиса. Из интервью мы понимаем, что данные работники начинают работать в относительно раннем возрасте (еще во время обучения), и их выход на рынок труда происходит достаточно легко: их первая занятость не требует от них сложных профессиональных навыков, обучение происходит чаще всего прямо на рабочем месте.

При этом, если для респондентов, следующих логике предыдущего пути («работать там, где удалось устроиться»), особую ценность имеет «спокойная жизнь», то для данной группы респондентов смена работы часто сопровождается стремлением избегать трудностей и искать «простые» варианты. Подчеркнем, что в целом данный мотив («чтобы было попроще») достаточно распространен в нашей выборке и характерен для молодых сельчан, но именно у выбравших путь «динамичной горизонтальной карьеры» он особенно выражен.

Как и в предыдущем пути, здесь есть и оказывается очень значимым ощущение временности, однако она наделяется иным смыслом. Если для тех, кто «работает там, где удалось устроиться», временность («пока») скорее связывается с нестабильностью и невозможностью предсказать будущее и точно определить, насколько постоянна и стабильна их сегодняшняя позиция, то для представителей «динамичной горизонтальной карьеры» вре-

менность фактически конституирует их путь, нормализуется и часто имеет более четкие границы, задаваемые извне (взяли на работу на один сезон) или изнутри (планирует скорый переезд в Санкт-Петербург).

Таким образом, в данном пути мы видим проявление черт новой портфельной карьеры, в которой нет вертикального карьерного роста, а есть краткосрочная занятость, частая смена мест работы, высокий уровень мобильности (не только трудовой, но и территориальной), нормализованная и инкорпорированная нестабильность и презентизм (установка жить сегодняшним днем). Этот путь в сравнении с первыми двумя наиболее близок карьерным траекториям молодых горожан. И неудивительно, что у сельских респондентов с горизонтальной карьерой в опыте и планах часто есть работа в Санкт-Петербурге или других крупных городах.

Путь «развитие собственного бизнеса». Еще одной карьерной траекторией, достаточно распространенной в городе, но менее представленной в деревне, выступает путь открытия и развития собственного дела. Важно отметить, что институционально в сельских районах существует ряд программ, направленных на поддержку малого бизнеса и его развития, предполагающих, в том числе, выделение финансовых субсидий. Однако многие либо не знают о таких программах, либо у них отсутствуют компетенции, позволяющие этими программами воспользоваться. В данном контексте особое значение приобретают «обмен опытом» и «первый удачный пример», который может распространиться в социальных сетях в районе. С учетом того, что институциональные программы в ряде случаев оказываются неэффективными, плохо работающими или временными, поддержку бизнес может получить от «семьи» (дети продолжают или развивают бизнес родителей).

В данную группу мы также отнесли тех, кто пока является наемным работником, но мечтает открыть свое дело. Чаще всего такие «мечты/планы» появляются у тех, кто работает в сфере частного бизнеса, и их включенность позволяет им, с одной стороны, разделять и формировать в себе рыночные ценности, а с другой — нарабатывать необходимые компетенции: *«Р: Ну и хочется свой бизнес, что-то свое. — И.: А почему хотите свой бизнес? — Р: Ну просто как-то работать... на кого-то — это все равно как-то не так... человек... как ни крути, когда работает на кого-то... работаешь на дядю, получается... работаешь все равно как бы не от души... Когда ты работаешь на себя, все зависит от тебя... самого. То есть как ты сделаешь, так оно и будет... столько денег и получишь, такой труд... делаешь»* (интервью № 40, Волховский р-н ЛО, муж., 25 лет, администратор в магазине). Из данной цитаты также ясно, как в нарративах молодых людей, ориентированных на развитие в бизнесе, проявляются рыночные ценностные ориентации, редко встречающиеся у представителей других карьерных траекторий: расчет только на

самого себя, стремление избегать зависимости от других и подчиненности, индивидуализм и ориентированность на собственную прибыль. При этом важно, что дискурсивно такая собственная позиция (активного человека) противопоставляется позиции других («сидеть и ждать»).

Для предпринимателей также характерно отсутствие долгосрочного планирования и презентизм, что отличает их, например, от людей, строящих вертикальную карьеру. В данном случае у них нет спланированного видения или концепции развития бизнеса, доминируют краткосрочные планы на ближайшее время. Мы можем предположить, что наши респонденты на данный момент скорее ориентируются на реализацию и тестирование разных идей «здесь и сейчас», которые будут сменять друг друга и приносить прибыль. Мобильность и гибкость этого пути сближает его с портфельными карьерами и динамичной горизонтальной карьерой — с тем лишь отличием, что здесь молодые люди стремятся работать только на себя и нести ответственность за свой доход и успех.

Завершая рассмотрение данной категории молодых предпринимателей, можно отметить, что всех их объединяет активная позиция в развитии своей трудовой биографии, они не боятся брать ответственность за свое будущее на себя. Кроме того, для них оказывается значимым материальный фактор — деньги, которые не просто выступают средством для жизни, но являются целью и показателем успеха собственного дела.

Подводя итоги нашего анализа карьерных путей молодежи, проживающей и работающей в сельских районах, необходимо подчеркнуть, что сегодня мы наблюдаем множественные формы и конфигурации трудовых траекторий в условиях сельского рынка труда. В современной деревне успешно сосуществуют несколько путей и несколько логик проживания / организации своей трудовой биографии. С одной стороны, мы видим воспроизводство традиционных объективных карьер и стремление к карьерному росту (хотя часто такой рост может не зависеть от усилий самих агентов, но определяться структурами), а с другой — сегодня в селе происходит бурный расцвет горизонтальных динамичных карьер, когда человек регулярно меняет места работы, и при этом ни одна работа не превращается для него в дело всей жизни. Кто-то, в свою очередь, попав на вполне удовлетворяющую его работу, старается на ней закрепиться и не знает, чем займется в будущем, занимает выжидательную позицию, которая из временной может стать постоянной, а кто-то, напротив, берет всю ответственность за свой успех и развитие на себя и рискует, открывая собственный бизнес.

Источники

- Бауман З.* Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002.
- Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
- Гидденс Э.* Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004.
- Урри Д.* Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. (Социальная теория).
- Arthur M.B., Rousseau D.M.* The Boundaryless Career: A New Employment Principle for a New Organizational Era. Oxford Univ. Press, 1996.
- Cohen L., Mallon M.* The Transition from Organisational Employment to Portfolio Working: Perceptions of “Boundarylessness” // *Work, Employment & Society*. 1999. Vol. 13. No. 2. P. 329–352.
- Evetts J.* Dimensions of Career: Avoiding Reification in the Analysis of Change // *Sociology*. 1992. Vol. 26. No. 1. P. 1–21.
- Handy C.B.* The Future of Work. Oxford: Blackwell Publ., 1992.

Д.В. Мальцева
Л.В. Шубина
Ю.Л. Войнилов
Исследовательская группа
«ЦИРКОН»

УРОВЕНЬ МЕДИАГРАМОТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РФ: ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗМЕНЕНИЯ (на основе всероссийского мониторинга медиаповедения)

В современном мире, становящемся все более информационным, развитие любой страны во многом определяется тем, насколько ее граждане готовы и способны работать с информацией и ее различными источниками. Совокупность знаний, установок, умений и навыков, характеризующая индивида с точки зрения его компетентности в области использования информации и различных медиа, называется *медиаинформационной грамотностью (МИ-грамотностью)*.

Уровень МИ-грамотности населения страны является крайне важным показателем развития и дифференциации общества, и его пытаются измерять в разных странах и иных локализациях. К настоящему моменту разработаны подробные методики измерения МИ-грамотности, в том числе методика ЮНЕСКО [Московская декларация..., 2012] и методика National Association for Media Literacy Education США [Literat, 2014].

Мониторинг медиаграмотности населения России ведется Исследовательской группой «ЦИРКОН» в рамках частно-государственного партнерства с 2009 г. [Текущее состояние..., 2014]. До 2013 г. включительно оригинальная методика насчитывала 30 измеряемых показателей, однако поскольку как само понятие медиаграмотности, так и составляющие его показатели трансформируются в связи с развитием информационных технологий и изменением социальных практик обращения с медиа, в 2014 г. была проведена масштабная *реконцептуализация понятия медиаграмотности и составляющих ее показателей*. На основе различных методик измерения МИ-грамотности был составлен расширенный список из 105 показателей. После проведения

экспертизы в итоговый список вошло *43 показателя*, которые легли в основу инструментария массовых опросов российского населения, очередные туры которых были проведены в 2014–2015 гг.

Одним из результатов реконцептуализации понятия медиаграмотности стало увеличение веса таких показателей, которые характеризуют уже не умение эффективно искать и находить необходимую информацию (приоритетные индикаторы медиаграмотности в методике 2009 г.), а умение обезопасить себя от вредоносного и избыточного контента, верифицировать, критически оценивать, интерпретировать и использовать информацию. Таким образом, предмет исследования — медиаграмотность — стал подразумевать не собственно *медиаграмотность*, а *медиаинформационную грамотность* (и именно во втором значении понятие медиаграмотности стало использоваться в исследовании).

Процедура реконцептуализации позволила уточнить построение *индекса медиаграмотности населения РФ*, который рассчитывался и в методике 2009 г. Ниже представлены два вида интегральных индексов — «новый» и «старый», рассчитанные по результатам всероссийского опроса, проведенного в октябре — ноябре 2015 г., в динамике по предыдущим волнам исследования.

Интегральный индекс информационной и медиаграмотности населения РФ («новый» индекс медиаграмотности) в динамике за 2014–2015 гг.

Обновленный *интегральный индекс медиаграмотности населения РФ* включает пять *частных индексов*, соответствующих пяти компонентам определения, закрепленного Министерством связи и массовых коммуникаций РФ [Текущее состояние..., 2014]. Каждый частный индекс рассчитывался как сумма баллов, которые ставились респонденту за каждый «правильный/грамотный» ответ на вопросы, относящиеся к этому индексу (1 балл за один «правильный/грамотный» ответ). Теоретически минимальное значение каждого индекса составляло 0 (ни одного совпадения с «правильными» ответами), а максимальное — столько, сколько вопросов входило в конкретный индекс (полное совпадение с «правильными» ответами). Рассмотрим результаты для каждого из индексов.

Состав показателей *частного индекса 1* «Умение эффективно искать и находить необходимую информацию» представлен в табл. 1. Согласно расчетам среднее значение индекса 1 по всей выборке — при возможности набрать от 0 до 7 баллов — составило 4,23 (рис. 1).

Таблица 1. Состав исходных показателей частного индекса 1 «Умение эффективно искать и находить необходимую информацию»

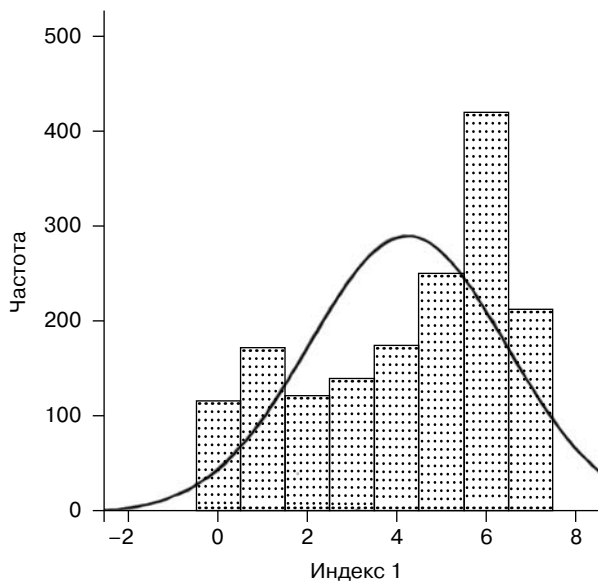
	Вопросы/суждения	«Грамотный» вариант ответа
1	Что из списка, представленного на карточке, Вы умеете делать?	Собирать информацию из разных источников, чтобы получить полное представление об интересующей меня теме
2		Формулировать поисковые запросы, чтобы найти в Интернете нужную информацию
3	Я легко и быстро могу найти любую информацию, которая мне нужна	Скорее согласен
4	Обычно я знаю, где (из какого источника) я могу найти нужную мне информацию	Скорее согласен
5	Я часто прошу найти нужную мне информацию родственников или знакомых	Скорее не согласен
6	Что из перечисленного Вам доводилось делать в Интернете в течение прошедшего года?	Пользоваться поисковыми интернет-сервисами («Яндекс», «Гугл» и т.п.)
7		Искать работу через Интернет

Состав показателей *частного индекса 2 «Умение обезопасить себя от вредоносного и избыточного контента»* представлен в табл. 2. При возможности также набрать от 0 до 7 баллов среднее значение индекса 2 по всей выборке составило 3,12 (рис. 2 на с. 158).

Показатели, входящие в *частный индекс 3 «Умение верифицировать и критически оценивать информацию с использованием альтернативных источников информации»*, представлены в табл. 3 на с. 159. В данном случае респондент мог также набрать от 0 до 7 баллов; в суждении 7 при этом 1 балл присваивался, если респондент выбирал хотя бы одну альтернативу. Среднее значение индекса 3 по всей выборке составило 4,38 (рис. 3 на с. 160).

Состав *частного индекса 4 «Способность адекватно воспринимать информацию и эффективно (грамотно) ее использовать»* представлен в табл. 4 на с. 160–161. Здесь индекс теоретически мог принимать значение от 0 до 18. Среднее значение индекса составило 8,69 (рис. 4 на с. 162).

Состав *частного индекса 5 «Умение эффективно и корректно распространять информацию с учетом требований законодательства (защита персональных данных, авторских прав, противодействие экстремизму и проч.)»* пред-

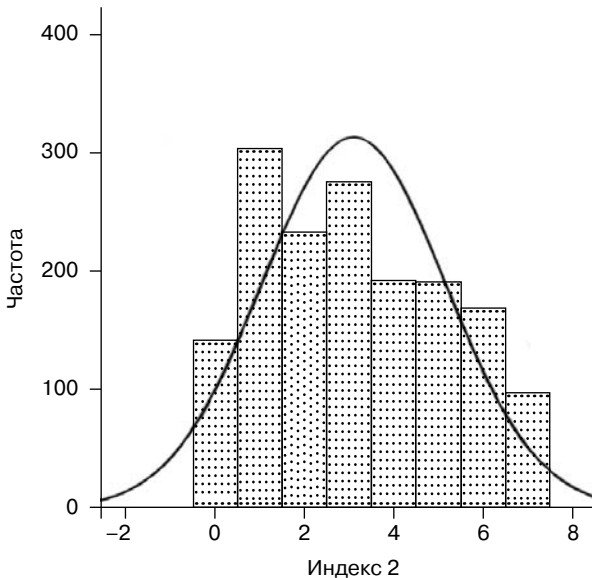
Среднее = 4,23
 Стандартное отклонение = 2,203
 N = 1603

Рис. 1. Частный индекс 1
 «Умение эффективно искать и находить необходимую информацию»

Таблица 2. Состав исходных показателей частного индекса 2
 «Умение обезопасить себя от вредоносного и избыточного контента»

	Вопросы/суждения	«Грамотный» вариант ответа
1	С каким суждением Вы более согласны? <i>1. Мысли и поведение человека не зависят от информации, потребляемой им в СМИ.</i> <i>2. Полученная из СМИ информация может оказывать влияние на мысли и поведение человека.</i>	Скорее со вторым
2	Знакомы ли Вам такие понятия, как... компьютерные вирусы	Знакомы хорошо

	Вопросы/суждения	«Грамотный» вариант ответа
3	Знакомы ли Вам такие понятия, как... манипулирование с помощью информации	Знакомы хорошо
4	Что Вы умеете делать для того, чтобы обеспечить безопасность своих личных данных?	Проводить чистку компьютера от ненужных файлов
5		Проводить проверку компьютера на вирусы
6		Делать резервные копии хранящихся на компьютере файлов
7		Пользоваться функциями родительского контроля на компьютере

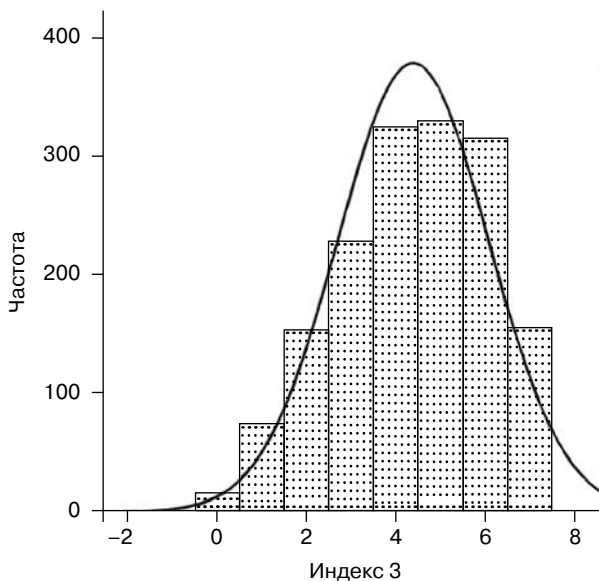

Среднее = 3,12
 Стандартное отклонение = 2,048
 N = 1603

Рис. 2. Частный индекс 2
 «Умение обезопасить себя от вредоносного и избыточного контента»

Таблица 3. Состав исходных показателей частного индекса 3
«Умение верифицировать и критически оценивать
информацию с использованием
альтернативных источников информации»

	Вопросы/суждения	«Грамотный» вариант ответа
1	С каким суждением Вы более согласны? <i>1. В России государство является монополистом в сфере СМИ. Все российские газеты, радиостанции, телевизионные каналы и интернет-порталы являются государственными.</i> <i>2. Газеты, радиостанции, телевизионные каналы и интернет-порталы в России бывают как частными, так и государственными.</i>	Скорее со вторым
2	Что из списка, представленного на карточке, Вы умеете делать?	Замечать различия между информацией и другими сообщениями, в том числе мнениями, суждениями, критикой
3	Я часто сравниваю информацию из разных источников, чтобы ее проверить	Скорее согласен
4	Есть те СМИ (телеканалы, газеты, журналы, радиостанции и т.д.), которым я доверяю, и те, которым я не доверяю	Скорее согласен
5	Я считаю, что чем больше разных источников информации, тем лучше	Скорее согласен
6	Чтобы оценить информацию из газет, журналов, ТВ, радио и т.п., я стараюсь узнать, чьи интересы представляет данное СМИ, кто за ним стоит	Скорее согласен
7	Что Вы сделаете, чтобы уточнить или проверить неполную или сомнительную информацию?	<ul style="list-style-type: none"> • Обращусь к друзьям, родственникам, знакомым • Поищу информацию в газетах или журналах • Поищу информацию на телевизионных каналах • Послушаю новости по радио • Поищу информацию в Интернете

Среднее = 4,38
 Стандартное отклонение = 1,685
 N = 1603

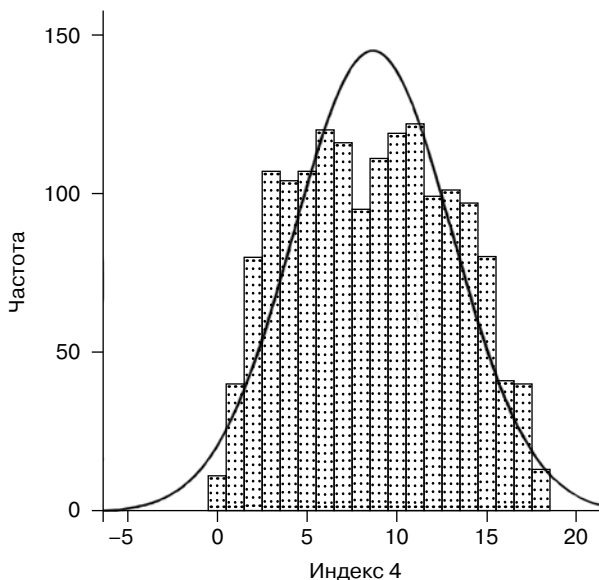
Рис. 3. Частный индекс 3

«Умение верифицировать и критически оценивать информацию с использованием альтернативных источников информации»

Таблица 4. Состав исходных показателей частного индекса 4
 «Способность адекватно воспринимать информацию и эффективно (грамотно) ее использовать»

	Вопросы/суждения	«Грамотный» вариант ответа
1	С каким суждением Вы более согласны? <i>1. Интернет в первую очередь является ресурсом для развлечения и общения.</i> <i>2. Интернет в первую очередь предоставляет широкие возможности для передачи профессиональной и образовательной информации.</i>	Скорее со вторым

	Вопросы/суждения	«Грамотный» вариант ответа
2	Знакомы ли Вам такие понятия, как... плагиат	Знакомы хорошо
3	Знакомы ли Вам такие понятия, как... компромат	Знакомы хорошо
4	Знакомы ли Вам такие понятия, как... сетевая зависимость	Знакомы хорошо
5	Знакомы ли Вам такие понятия, как... информационная война	Знакомы хорошо
6	Что из списка, представленного на карточке, Вы умеете делать	Определять, является ли информация, найденная в Интернете, правильной и заслуживающей доверия
7		Выявлять скрытую информацию о дополнительных платежах за пользование услугой
8		Распознавать указания на то, что определенная телепрограмма подходит для детей и подростков
9	Я легко определяю, какая информация содержит в себе рекламу	Скорее согласен
10	Я привык верить тому, что пишут в газетах, говорят по телевидению и радио	Скорее не согласен
11	Были случаи, когда я потерял время или деньги из-за неверной информации в СМИ	Скорее не согласен
12	Я часто испытываю усталость от большого количества информации	Скорее не согласен
13	Что из перечисленного Вам доводилось делать в Интернете в течение прошедшего года?	Читать новости в Интернете
14		Скачивать, прослушивать аудио или видео
15		Покупать, заказывать товары/услуги в интернет-магазинах
16		Оплачивать товары/услуги электронными деньгами («Яндекс.Деньги», Web-money («Веб Мани») и т.д.)
17		Управлять банковским счетом через Интернет (интернет-банкинг)
18	Что Вы умеете делать для того, чтобы обеспечить безопасность своих личных данных?	Распознавать ситуацию вымогательства информации в Интернете

Среднее = 8,69
 Стандартное отклонение = 4,403
 N = 1603

Рис. 4. Частный индекс 4
 «Способность адекватно воспринимать информацию
 и эффективно (грамотно) ее использовать»

ставлен в табл. 5. Среднее значение индекса 5 — при возможности набрать от 0 до 18 баллов — составило 6,83 (рис. 5 на с. 165).

Интегральный (сводный) индекс информационной и медиаграмотности представляет собой сумму частных индексов (индексы 4 и 5 нормируются для приведения к семибалльной шкале) и рассчитывается по формуле:

$$MISUM = MI1 + MI2 + MI3 + MI4 \times (7/18) + MI5 \times (7/18).$$

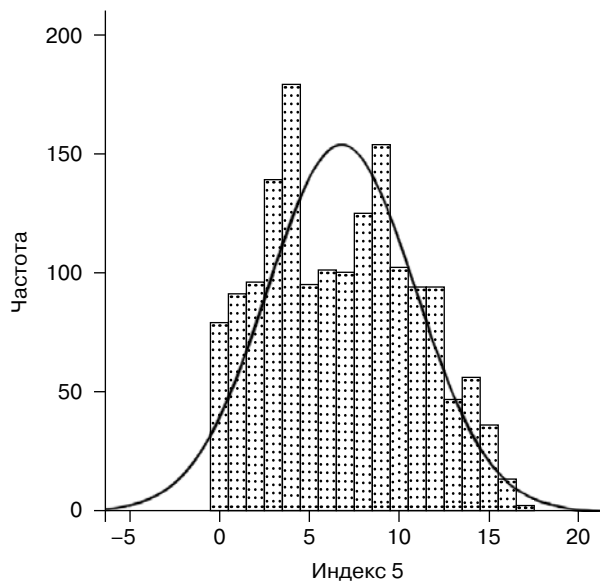
Теоретически сводный индекс может принимать значение от 0 (ни одного совпадения с «правильными» ответами) до 35 (полное совпадение с «правильными» ответами). По результатам расчета интегрального индекса все респонденты были распределены на следующие три группы в соответствии с распределением его значений:

Таблица 5. Состав исходных показателей частного индекса 5 «Умение эффективно и корректно распространять информацию с учетом требований законодательства (защита персональных данных, авторских прав, противодействие экстремизму и проч.)»

	Вопросы/суждения	«Грамотный» вариант ответа
1	<p>С каким суждением Вы более согласны?</p> <p><i>1. Использование электронных средств коммуникации (сайтов, социальных сетей и проч.) не предполагает сбор и хранение персональных данных пользователей.</i></p> <p><i>2. При использовании электронных средств коммуникации (сайтов, социальных сетей и проч.) всегда осуществляется сбор персональных данных пользователей.</i></p>	Скорее со вторым
2	<p>С каким суждением Вы более согласны?</p> <p><i>1. Интернет позволяет сохранять анонимность — пользователя невозможно определить.</i></p> <p><i>2. Анонимность в Интернете зачастую обманчива — каждого пользователя можно определить.</i></p>	Скорее со вторым
3	<p>С каким суждением Вы более согласны?</p> <p><i>1. Размещенная человеком в Интернете информация не может повлиять на его карьеру и личную жизнь.</i></p> <p><i>2. Размещение человеком в Интернете некоторых сообщений может негативно влиять на его карьеру и личную жизнь.</i></p>	Скорее со вторым
4	<p>С каким суждением Вы более согласны?</p> <p><i>1. Передавать третьим лицам данные о своих паролях, кодах (в банке, в Интернете и т.д.) совершенно безопасно.</i></p> <p><i>2. Недопустимо передавать кому-либо сведения о своих паролях, кодах (в банке, в Интернете и т.д.)</i></p>	Скорее со вторым
5	<p>Что из списка, представленного на карточке, Вы умеете делать?</p>	Делать электронные копии печатных материалов (статьи из газет, рисунки, документы)

	Вопросы/суждения	«Грамотный» вариант ответа
6	Доводилось ли Вам писать письма в редакцию газеты или журнала, на телеканал или радиостанцию?	Да, приходилось неоднократно
7	Доводилось ли Вам звонить в прямой эфир радио- или телевизионных передач (голосование, звонки, СМС от зрителей)?	Да, приходилось неоднократно
8	Что из перечисленного Вам доводилось делать в Интернете в течение прошедшего года?	Пользоваться облачными сервисами
9		Размещать свои фотографии, видео
10		Подавать заявление на получение госуслуг
11	Какими способами Вам приходилось общаться в Интернете за последний месяц?	Электронная почта
11		Социальные сети
13		Форумы, чаты, блоги, дневники
14		Сервисы обмена мгновенными сообщениями (например, ICQ («АйСиКью»), интернет-телефония (Skype («Скайп»)) и проч.)
15	Что Вы умеете делать для того, чтобы обеспечить безопасность своих личных данных?	Удалять историю своих действий в Интернете
16		Изменять личные пароли на компьютере и в онлайн-сервисах
17		Изменять настройки доступа к своей информации в социальных сетях для разных групп пользователей
18		Определять степень конфиденциальности и безопасности передачи личных данных при использовании услугами через Интернет

- 1) низкий уровень информационной и медиаграмотности (0–11 баллов);
- 2) средний уровень информационной и медиаграмотности (12–23 балла);
- 3) высокий уровень информационной и медиаграмотности (24–35 баллов).

Среднее = 6,83
 Стандартное отклонение = 4,13
 N = 1603

Рис. 5. Частный индекс 5

«Умение эффективно и корректно распространять информацию с учетом требований законодательства (защита персональных данных, авторских прав, противодействие экстремизму и проч.)»

Далее были рассчитаны доли россиян, для которых характерны соответствующие самооценки медиаграмотности (рис. 6). Для четверти россиян сегодня характерны низкие самооценки навыков работы с информацией; примерно для трети — высокие, для остальных 44% — средние.

По итогам построения сводных индексов за 2014–2015 гг. и их сопоставления (табл. 6) можно констатировать, что за прошедший год значимых изменений не зафиксировано: минимальные сдвиги находятся в пределах статистической погрешности измерения, таким образом, значения индекса являются стабильными.

Индекс суммарный («новый»)

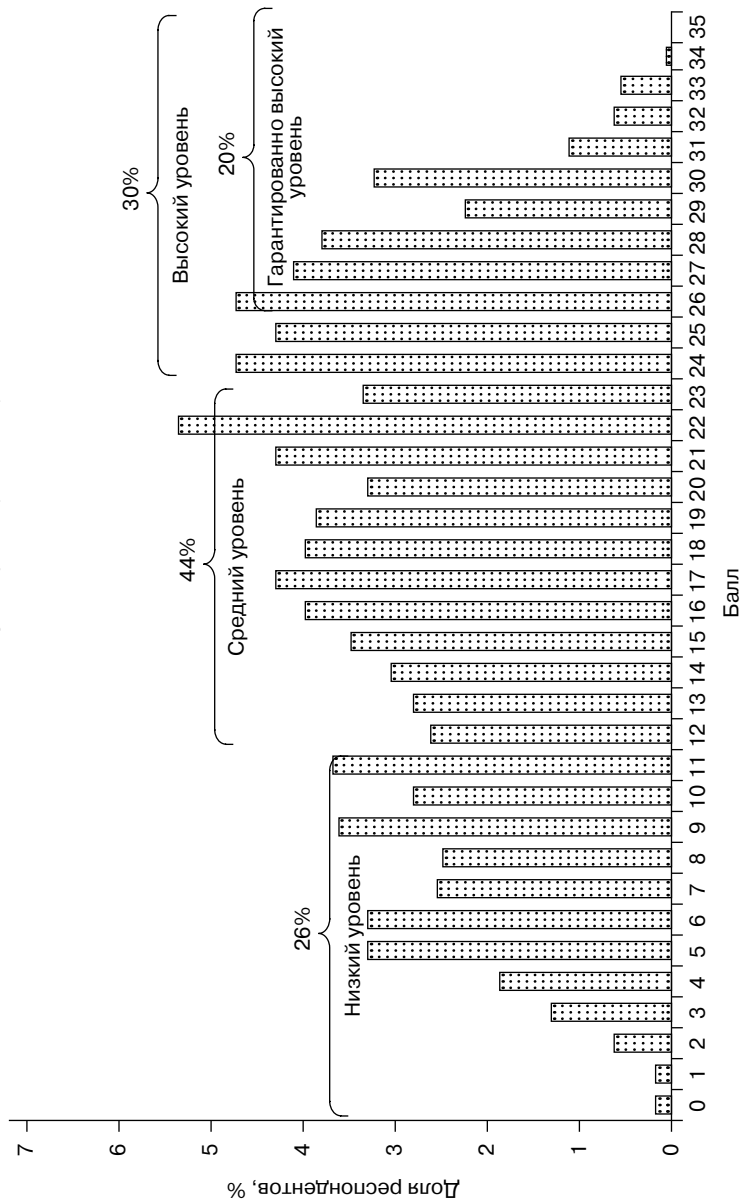

Рис. 6. Сводный индекс информационной и медиаграмотности

Таблица 6. Сводный индекс информационной и медиаграмотности в динамике 2014–2015 гг., %

Уровень информационной и медиаграмотности	2014	2015
Низкий	25	26
Средний	42	44
Высокий	33	30

Индекс самооценки навыков работы с информацией («старый» индекс медиаграмотности) в динамике за 2009–2015 гг.

«Старый» индекс медиаграмотности строился на основе суждений, характеризующих навыки респондентов в работе с информацией. Распределение ответов респондентов по данным суждениям в динамике за 2009–2015 гг. представлено на рис. 7. Суждения и «правильные» для индекса варианты их оценок представлены в табл. 7 на с. 170.

За согласие с каждым из суждений 1–8 и несогласие с каждым из суждений 9–12 респондент получал по 1 баллу. Для каждого респондента было подсчитано общее количество «правильных» ответов и рассчитано значение индекса, который теоретически мог принимать значения от 0 (ни одного совпадения с «правильными» ответами, полное отсутствие навыков работы с информацией) до 12 (полное совпадение с «правильными» ответами, наилучшие навыки работы с информацией).

По результатам расчета интегрального индекса все респонденты были разделены на три группы в соответствии с распределением его значений:

- 1) низкий уровень навыков работы с информацией (0–5 баллов);
- 2) средний уровень навыков работы с информацией (6–8 баллов);
- 3) высокий уровень навыков работы с информацией (9–12 баллов).

Далее были рассчитаны доли россиян, для которых характерны соответствующие самооценки навыков работы с информацией. Анализ динамики за 2009–2015 гг. (рис. 8 на с. 171) показывает, что на протяжении первых лет мониторинга (2009–2013 гг.) устойчиво росла доля россиян с высокими самооценками навыков работы с информацией и одновременно снижалась доля населения со средними навыками. В 2013 г. впервые доля населения с высокими самооценками навыков работы с информацией превысила долю россиян со средними самооценками.

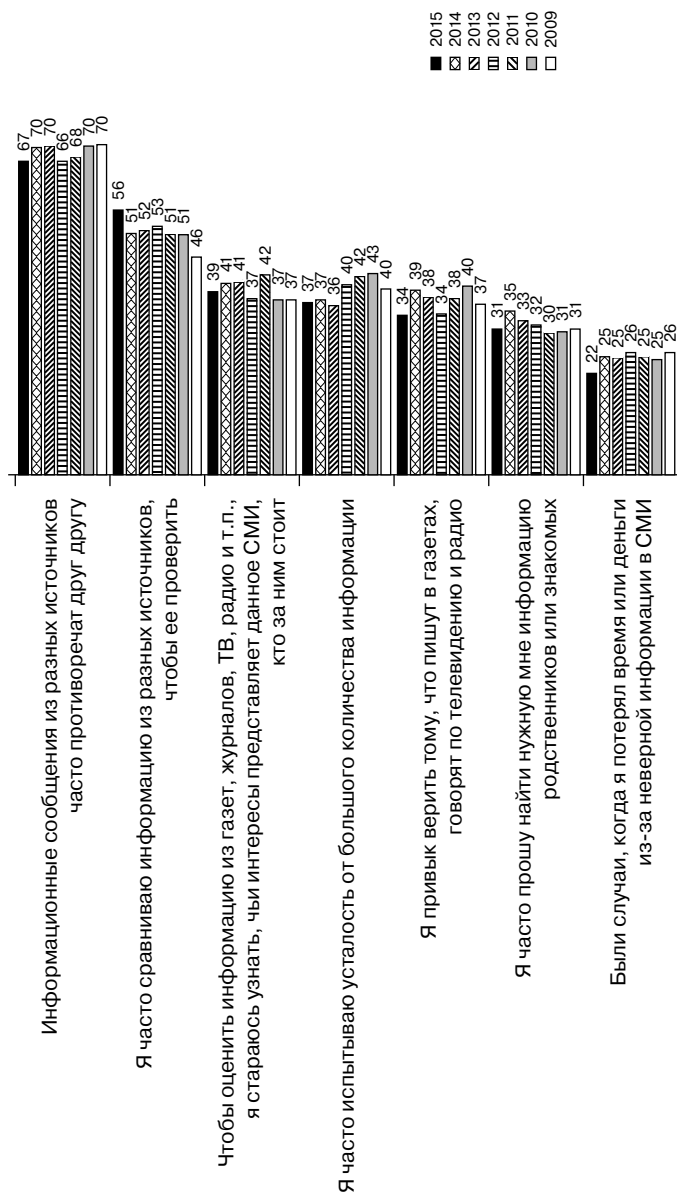

Рис. 7. Динамика отношения к суждениям о работе с информацией

Таблица 7. Состав исходных индикаторов для индекса самооценки навыков работы с информацией

	Суждения	«Грамотный» вариант ответа
1	Я легко и быстро могу найти любую информацию, которая мне нужна	Согласен
2	Обычно я знаю, где (из какого источника) я могу найти нужную мне информацию	Согласен
3	Я часто сравниваю информацию из разных источников, чтобы ее проверить	Согласен
4	Я легко определяю, какая информация содержит в себе рекламу	Согласен
5	Есть те СМИ (телеканалы, газеты, журналы, радиостанции и т.д.), которым я доверяю, и те, которым я не доверяю	Согласен
6	Я считаю, что чем больше разных источников информации, тем лучше	Согласен
7	Чтобы оценить информацию из газет, журналов, ТВ, радио и т.п., я стараюсь узнать, чьи интересы представляет данное СМИ, кто за ним стоит	Согласен
8	СМИ должны нести ответственность за некачественную информацию точно так же, как производитель несет ответственность за некачественный товар	Согласен
9	Я привык верить тому, что пишут в газетах, говорят по телевидению и радио	Не согласен
10	Я часто прошу найти нужную мне информацию родственников или знакомых	Не согласен
11	Были случаи, когда я потерял время или деньги из-за неверной информации в СМИ	Не согласен
12	Я часто испытываю усталость от большого количества информации	Не согласен

В 2014 г. опрос зафиксировал небольшое изменение тренда: доля россиян со средними самооценками навыков работы с информацией чуть выросла, а доля тех, кто оценивает свои навыки высоко, напротив, сократилась. Отмеченные сдвиги невелики, но в совокупности они привели к изменению распределения двух групп: доли граждан со средними и высокими самооценками навыков работы с информацией сравнялись, как это было в 2011 г.

Последний замер 2015 г. продемонстрировал возвращение повышательного тренда — рост высоких оценок при одновременном снижении средних. В итоге сегодня ситуация аналогична зафиксированной в 2013 г. — некоторое

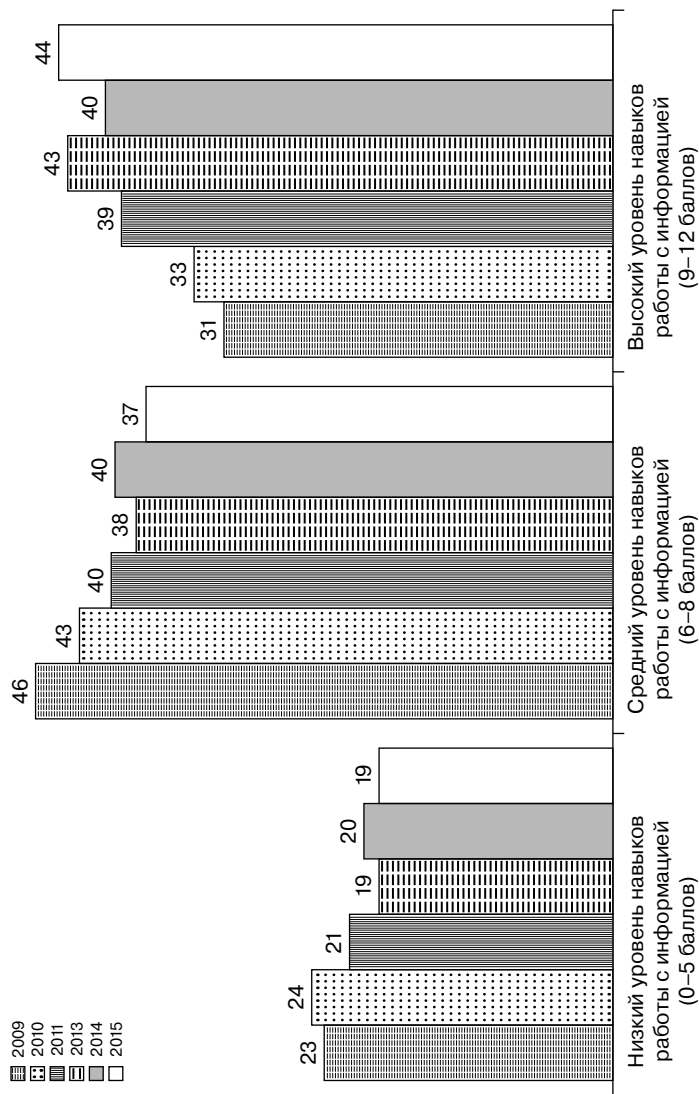

Рис. 8. Динамика индекса самооценки навыков работы с информацией по населению России, %

превышение доли населения с высокими самооценками навыков работы с информацией над долей россиян со средними самооценками.

Доля низких самооценок в 2015 г. составила 19% выборочной совокупности россиян, и она почти не изменилась за все годы мониторинга.

Заключительный комментарий

Как было показано выше, *индекс самооценки навыков работы с информацией («старый» индекс)* в 2015 г. по сравнению с 2014 г. несколько вырос. В то же время *сводный индекс информационной и медиаграмотности («новый» индекс)* остался на прежнем уровне (и даже минимально снизился в пределах статистической погрешности измерения). На первый взгляд, налицо очевидное противоречие. Однако при сравнении результатов измерения двух индексов нужно иметь в виду, что скорее всего разнонаправленные тенденции объясняются разной природой индексов. В «старом» индексе фиксируется декларируемая уверенность респондента в том, что он может компетентно справиться с текущим медиапотокom. В новом индексе упор сделан на фиксацию поведения респондента в медиасреде (что он *реально* делает и *умеет* делать). Таким образом, можно предположить, что ***растет число респондентов с повышенной самоуверенностью в медиаграмотности, не подтверждаемой практическим поведением в медиасреде.*** Справедливость данной гипотезы можно будет проверить в следующих волнах измерений.

Источники

Московская декларация о медиа- и информационной грамотности от 28 июня 2012 г. [Электронный ресурс] / Рос. ком. Программы ЮНЕСКО «Информация для всех». 2012. 19 июля. URL: <http://www.ifarcom.ru/ru/news/1347>.

Текущее состояние и перспективы медиаграмотности населения РФ на основе национального мониторинга медиаповедения (2009–2014) [Электронный ресурс] / Исслед. группа «ЦИРКОН». 2014. URL: <http://www.zircon.ru/publications/sotsiologiya-smi-i-massovykh-kommunikatsiy/>.

Literat I. Measuring New Media Literacies: Towards the Development of a Comprehensive Assessment Tool // The Nat. Assoc. for Media Literacy Education's J. of Media Literacy Education. 2014. Vol. 6. Iss. 1. P. 15–27.

О.В. Майорова
Е.В. Артюхова

Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа экономики»

РОССИЙСКИЙ РЫНОК ТРУДА: ЭВОЛЮЦИЯ ФОРМАЛЬНЫХ И НЕФОРМАЛЬНЫХ МЕХАНИЗМОВ ПОИСКА РАБОТЫ

В данном исследовании мы рассматриваем эволюцию формальных и неформальных институтов поиска работы в России. Впервые значимость персональных сетей в процессе поиска работы была обнаружена Ч. Майерсом и Дж. Шульцом [Myers, Shultz, 1951] еще в середине XX в. Авторы показали, что 62% опрошенных ими работников текстильной промышленности в г. Нашуа нашли свою первую работу с помощью персональных контактов. Изучение использования социальных сетей в процессе поиска работы продолжает быть актуальной темой для исследований, и результаты в основном подтверждают выводы об эффективности этих сетей [Rees, Shultz, 1970; Montgomery, 1991; Pellizzari, 2010; Corcoran et al., 1980; Petersen, 2004].

Большинство исследований, касающихся использования личных связей для поиска работы, проводились в странах с рыночной экономикой. Российский рынок труда отличается тем, что до недавнего времени наша экономика регулировалась с помощью государственного планирования, и законы и модели рыночной экономики на российском рынке не действовали. После распада Советского Союза, во время переходного периода, в экономике РФ деформировались практически все существовавшие ранее институты трудовых отношений, в том числе и институты поиска работы. С конца 1990-х годов среди исследователей российского рынка труда шли активные дебаты о том, по какой траектории будет развиваться система трудовых отношений в дальнейшем и какие механизмы будут наиболее эффективны при переходе к рыночной экономике.

На основе данных, характеризующих российскую сферу трудовых отношений в период с 1985 по 2001 г., рядом авторов была выявлена тенденция к ослабеванию формальных механизмов поиска работы, в то время как роль неформальных механизмов возрастала существенно [Clarke, 2000; Yakubovich, Kozina, 2000; Gerber, Mayorova, 2010].

Несмотря на схожие полученные результаты, прогнозы авторов о том, по какой траектории будет двигаться российский рынок труда в дальнейшем, различались: С. Кларк [Clarke, 2000] прогнозировал, что резкое увеличение использования персональных сетей при поиске работы приведет к тому, что со временем сети станут основным каналом поиска работы в России, в то время как эффективность и работа формальных методов поиска будет только ухудшаться. В. Якубович и И. Козина [Yakubovich, Kozina, 2000] аргументировали, что обнаруженные ими изменения в структуре российского рынка труда представляют собой временное явление, сопровождающее переход к рыночной экономике, и что позднее институты найма и поиска работы на российском рынке труда будут постепенно двигаться к реальному рыночному механизму.

Т. Гербер и О. Майорова [Gerber, Mayorova, 2010] утверждали, что российский рынок труда уже регулируется законами рыночной экономики, и существенное увеличение роли социальных сетей при поиске работы — закономерный процесс в данных условиях. Социальные сети, таким образом, представляют надежный механизм для снижения неопределенности на рынке труда в контексте рыночных реформ, сопровождающихся появлением жестких бюджетных ограничений и конкуренции.

Чи же прогнозы оправдались? Вышел ли российский рынок труда на рыночную траекторию по предположению Т. Гербера, О. Майоровой и В. Якубовича, И. Козиной или стал еще более «феодализированным» и коррумпированным согласно прогнозу С. Кларка?

Поскольку вышеперечисленные исследования проводились всего через 10 лет после распада СССР, когда еще не прошло время, достаточное для того, чтобы можно было уверенно судить о переходе от плановой экономики к рыночной, представляется важным провести повторное исследование данного вопроса по прошествии определенного отрезка времени. Мы используем данные «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» (RLMS-HSE)¹ за период 2006–2014 гг., которые позволяют проверить прогнозы спустя еще 13 лет, в общей сложности — спустя 23 года после начала реформ.

Основанные на данных RLMS-HSE исследования, анализирующие стратегии поиска работы, проводились и ранее [Рошин, Маркова, 2004; Ка-

¹ «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)» проводится НИУ ВШЭ и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел-Хилле и Института социологии РАН (сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.hse.ru/rlms>, <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms>).

лугина, Лаврусевич, 2006; Smirnova, 2003; Матвеевко, Савельев, 2003]. Согласно полученным в данных исследованиях результатам ищущие работу респонденты считают социальные сети наиболее надежным каналом поиска: доля безработных, обратившихся в процессе поиска работы к социальным сетям, выросла с 64% в 1994 г. до 77% в 2001 г., а после кризиса 1998 г. достигала 80%. Однако, так как ранние волны RLMS-HSE не содержали вопроса, каким образом респондент нашел свою работу, исследователи базировались на ответах безработных о том, к каким каналам поиска работы те прибегали, но не имели возможности проследить, какие из данных каналов были наиболее результативными.

Данные

Для анализа динамики процессов поиска работы мы использовали данные RLMS-HSE за период с 2006 по 2014 г. (15–23-я волны RLMS-HSE), так как в этих волнах в анкету включен вопрос «Как Вы нашли Вашу основную работу?», ответы на который являются ключевой информацией для построения основной переменной нашего исследования.

Чтобы проследить тренды российского рынка труда в анализе динамики процессов поиска работы, мы использовали уровень занятости населения и ВВП за 2006–2014 гг. (World Bank) и уровень занятости (Росстат). С целью наиболее ясно отразить современную ситуацию на рынке труда мы ограничились выборкой респондентами рабочего возраста (мужчины 15–60 лет и женщины 15–55 лет), которые имели постоянную работу на момент опроса и нашли текущее место работы на протяжении последнего года (для анализа динамики) и за последние 3 года (для сравнительного анализа).

Для анализа зависимости между способом, с помощью которого работник нашел свою текущую работу, и демографическими и экономическими характеристиками работников мы использовали данные последней волны RLMS-HSE (2014 г.).

Основную переменную нашего исследования, характеризующую различные каналы поиска работы, с помощью которых работники нашли свою текущую работу (*channel*), мы построили на основе ответов респондентов на вопрос: «Как Вы нашли Вашу основную работу?». Мы выделили семь основных каналов поиска работы, в соответствии с которыми переменная *channel* может принимать значения. Два из них представляют неформальные способы поиска работы и относятся непосредственно к использованию социальных сетей (*strong ties* и *weak ties*). Это ситуация, когда работники нашли работу через родственников, друзей или знакомых. Подобно М. Грановет-

теру [Granovetter, 1995] мы разделяем социальные связи агентов на *сильные* и *слабые*. Мы предполагаем, что ситуация, когда работник нашел работу с помощью родственников, представляет *сильные связи*, с помощью друзей или знакомых — *слабые связи*. Остальные пять каналов представляют собой формальные институты поиска работы: по распределению, пришли непосредственно в отдел кадров предприятия, организации, по приглашению руководства, через службу занятости, по объявлению.

Чтобы рассмотреть, как отличаются *сильные* и *слабые* связи, мы объединили формальные каналы поиска работы в одну категорию и построили категориальную переменную *networks*, которая принимает три значения: *сильные связи*, *слабые связи*, *без связей*.

Для сравнительного анализа мы использовали демографические характеристики респондентов (пол, возраст, образование), характеристики рабочего места респондента (заработная плата, профессия, отрасль, тип и размер фирмы) и населенного пункта, в котором проживает респондент (тип, население, регион).

Методология

В первой части работы мы провели дескриптивный анализ стратегий, с помощью которых респонденты нашли текущие рабочие места за период 2006–2014 гг. Затем, на основе данных 2014 г., мы рассмотрели зависимость между стратегиями, с помощью которых респонденты находили текущую работу, и характеристиками работников и найденных ими рабочих мест.

Во второй части исследования с помощью мультиномиальной логистической регрессии мы анализируем, при каких условиях теория Грановеттера [Granovetter, 1995] об особенной роли *слабых связей* в поиске работы характерна для российского рынка труда, а при каких нет.

Результаты

Динамика

Проанализировав динамику использования формальных и неформальных каналов поиска работы на российском рынке труда с 2006 по 2014 г., мы можем сделать вывод о стабильном состоянии рынка на протяжении всего рассматриваемого периода (рис. 1). Тренд достаточно гладкий, небольшие колебания после 2008 и 2011 гг. отражают снижение ВВП и уровня занятости на российском рынке в данные периоды. После кризиса 2008 г., когда резко

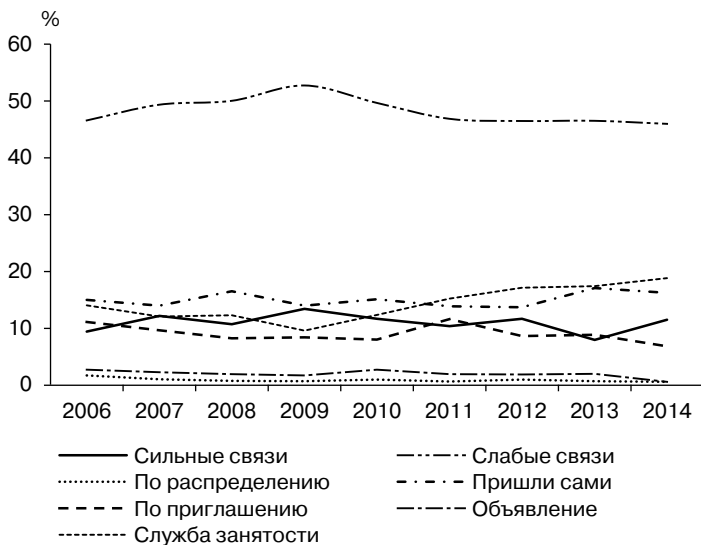

Рис. 1. Стратегии, с помощью которых работники нашли свое рабочее место, % (рабочие места, найденные в течение последнего года)

снижаются и ВВП, и уровень занятости, усиливается роль социальных сетей при поиске работы (как слабых, так и сильных связей), а число работников, нашедших работу с помощью формальных институтов, сокращается. Затем степень использования социальных сетей на рынке труда постепенно возвращается к уровню начального периода. Аналогично, откликаясь на изменение динамики ВВП в 2011 г. и занятости в 2012 г., мы можем наблюдать второе колебание пропорций различных стратегий поиска работы. Таким образом, полученные результаты показывают, что в России процессы поиска работы целиком регулируются рынком труда, в полной степени откликаясь на его изменения. Доля работников, нашедших текущую работу с помощью родственников или знакомых, стабильна на протяжении всего рассматриваемого периода и составляет 55–60%, что соответствует уровню использования социальных сетей при поиске работы на рынках труда в странах с развитой рыночной экономикой.

Таким образом, мы можем утверждать, что гипотеза С. Кларка [Clarke, 2000] о катастрофическом сокращении роли формальных институтов поиска работы и полной «феодализации» российского рынка труда не подтвердилась, в то время как гипотезы Т. Гербера и О. Майоровой [Gerber, Mayorova,

2010] и В. Якубовича и И. Козиной [Yakubovich, Kozina, 2000] о постепенной сходимости процесса трудовых отношений в России к устоявшемуся рынку труда, регулируемому рыночной экономикой, подтвердились.

Сравнительный анализ

Результаты, полученные нами в ходе анализа зависимости между стратегией, с помощью которой работник нашел текущую работу, и характеристиками работников и найденных ими рабочих мест, свидетельствуют о наличии значимых, но не существенных гендерных различий в способе поиска работы: женщины в большей степени склонны обращаться к формальным методам поиска работы, в то время как мужчины — к неформальным (ок. 50% мужчин и 44% женщин нашли свою работу через знакомых, соответственно 13 и 10% — через родственников).

Вместе с тем наши результаты согласуются с ранними выводами исследователей: с возрастом вероятность того, что работник найдет работу с помощью социальных сетей, снижается. Таким образом, подтверждается гипотеза о том, что социальные сети являются основным инструментом, помогающим молодежи войти на рынок труда. Среди молодежи 15–24 лет — максимальное количество работников, нашедших работу через родственников (17%). С возрастом количество нашедших работу при помощи родственников убывает (соответственно 13, 8 и 7% для работников 25–34, 35–44 и 45–55 лет). Слабые связи отличаются от сильных связей тем, что работники в возрасте 15–24 лет меньше прибегают к помощи друзей и знакомых для поиска работы (40%), с возрастом частота использования слабых связей возрастает и достигает максимума (52%) в возрасте 35–44 лет. Количество работников старше 45 лет, нашедших текущую работу через знакомых, постепенно снижается.

Кроме того, чем выше уровень образования работников, тем реже они пользовались помощью родственников и знакомых при поиске работы. Аналогично среди всех профессиональных групп специалисты высшего уровня квалификации реже прибегали к помощи родственников и знакомых, чем работники других профессиональных групп. Таким образом, мы можем подтвердить гипотезу о том, что социальные сети являются инструментом, позволяющим снижать эффект неполной информации на рынке труда.

Различаются стратегии поиска работы и по уровню заработной платы на найденных рабочих местах. Рабочие места с низким уровнем оплаты характеризуются наивысшей долей работников, нашедших данную работу с помощью сильных связей, и наоборот — наименьшим количеством работников, которые нашли данные рабочие места при помощи слабых связей.

С повышением уровня заработной платы доля работников, использовавших сильные связи, уменьшается, а слабые — увеличивается.

Частота использования социальных сетей при поиске работы зависит от типа и размера фирмы. В государственных фирмах работники реже прибегали к помощи родственников и знакомых для получения текущих мест работы и чаще пользовались формальными каналами поиска работы. Работники частных фирм находили свои рабочие места через знакомых чаще, чем работники иностранных и государственных фирм (49, 38 и 37% соответственно). В то же время работники иностранных фирм чаще находили работу через родственников: 16% по сравнению с 13 и 10% среди работников российских государственных и частных фирм.

Сильные и слабые связи

На основании полученных результатов мы можем сделать следующие выводы (табл. 1).

- Мужчины чаще, чем женщины, находят работу с помощью *слабых связей*.
- В то время как вероятность найти работу с помощью *сильных связей* снижается с возрастом, частота использования *слабых связей*, наоборот, увеличивается.
- Чаще находят работу с помощью *слабых связей* специалисты среднего уровня квалификации, чиновники, офисные служащие и обслуживающий персонал, а также квалифицированные и неквалифицированные рабочие.
- Рассматривая отличия по отраслям экономики, можно отметить, что с помощью *сильных связей* респонденты находили работу в отраслях тяжелой

Таблица 1. Сильные и слабые связи при поиске работы (мультиномиальная логистическая регрессия, зависимая переменная *networks*, базовая категория — без связей)

Объясняющая переменная	Сильные связи		Слабые связи	
	coef	RRR	coef	RRR
Пол (мужской = 1)	0,1426	1,15	0,2111*	1,24
Возраст	-0,0953*	0,91	0,0639*	1,07
Возраст в квадрате	0,0008	1,00	-0,0008	1,00
Семейный статус	0,0159	1,02	0,0466	1,05
Количество детей младше 18 лет	-0,0410	0,96	-0,0055	0,99

Окончание табл. 1

Объясняющая переменная	Сильные связи	RRR	Слабые связи	RRR
	coef		coef	
Образование (базовая категория — неоконченное среднее)				
Оконченное среднее	0,2870	1,33	0,0251	1,03
Среднее профессиональное	-0,0172	0,98	-0,1371	0,87
Высшее	0,4124	1,51	-0,1158	0,89
Профессия (базовая категория — военнослужащие) — только значимые категории				
Специалисты среднего уровня квалификации, чиновники	0,1962	1,22	1,9120*	6,77
Служащие офисные и по обслуживанию клиентов	0,5845	1,79	1,8508*	6,36
Квалифицированные рабочие, занятые ручным трудом	0,9629	2,62	1,9916*	7,33
Квалифицированные рабочие, использующие машины и механизмы	0,7893	2,20	1,8746*	6,52
Неквалифицированные рабочие всех отраслей	0,7695	2,16	1,9935*	7,34
Отрасль (базовая категория — легкая и пищевая промышленность) — только значимые категории				
Строительство	0,5172	1,68	0,7635*	2,15
Транспорт, связь	0,2099	1,23	0,4765**	1,61
Сельское хозяйство	-0,3213	0,73	-0,9881*	0,37
Наука, культура	1,0745**	2,93	0,3141	1,37
Торговля, бытовое обслуживание	-0,0413	0,96	0,4659**	1,59
Размер фирмы (базовая категория < 10)				
10–100	-0,5455*	0,58	-0,4003**	0,67
100–1000	-0,2519	0,78	-0,4966**	0,61
> 1000	-0,1885	0,83	-0,2401	0,79
Мигрант	-0,3410**	0,71	-0,1395	0,87
Населенный пункт (базовая категория — село)				
Пгт	0,6556**	1,93	0,1867	1,21
Город	-0,1709	0,84	0,3054**	1,36
Областной центр	-0,0902	0,91	0,2811**	1,32

Источник: посчитано авторами на основе 23-й волны RLMS-HSE (2014 г.).

Примечание. Значимость коэффициентов: *, **, *** — 10%, 5%, 1%-ный уровень значимости.

промышленности, науке и культуре. *Слабые связи* помогли найти работу в строительстве, на транспорте, в связи, сельском хозяйстве и торговле.

- Как *сильные*, так и *слабые* связи присущи небольшим фирмам — чем больше работников в фирме, тем меньше вероятность использования персональных связей для получения вакансии.

- В то время как к помощи *сильных связей* при поиске работы в большей мере прибегали жители деревень и поселков городского типа, использование *слабых связей* характерно для жителей больших городов и мегаполисов.

- Среди российских регионов особенно отличается частотой использования *сильных* связей Северо-Кавказский регион (вероятность найти работу при помощи сильных связей здесь в 4 раза, а при помощи слабых — в 2 раза больше, чем с помощью формальных институтов).

Выводы

На основе проведенного дескриптивного исследования мы можем сделать следующие общие выводы.

- Процесс поиска работы в России в период 2006–2014 гг. регулируется рынком труда.

- Доля работников, нашедших текущее рабочее место с помощью социальных сетей, совпадает с соответствующим уровнем на рынках труда в большинстве стран с развитой рыночной экономикой (ок. 60%).

- Социальные сети являются инструментом снижения неопределенности на рынке труда и, как следствие, имеют особенное значение для молодежи, входящей на рынок труда, и работников с небольшим стажем и низким уровнем образования.

- *Слабые связи* являются доминирующим каналом поиска работы (с их помощью респонденты находили работу на 7% чаще, чем с помощью формальных институтов поиска работы, и в 4 раза чаще, чем с помощью *сильных связей*).

Источники

Калугина З.И., Лаврусевич П.Е. Формальные и неформальные посредники на современном российском рынке труда // Социология: методология, методы, мат. моделирование. 2006. № 23. С. 100–120.

Матвеев Д.В., Савельев П.А. Стратегии поиска работы на российском рынке труда и роль государственной службы занятости: mimeo. М.: Независимый ин-т социальной политики, 2003.

Роцин С.Ю., Маркова К.В. Выбор каналов поиска работы на российском рынке труда: науч. докл. № 04/05. М.: EERC, 2004. (Науч. докл. / Консорциум экон. исслед. и образования).

Clarke S. The Closure of the Russian Labour Market // *European Societies*. 2000. Vol. 2. No. 4. P. 483–504.

Corcoran M., Datcher L., Duncan G. Information and Influence Networks in Labor Markets // *Five Thousand American Families: Patterns of Economic Progress* / G. Duncan, J. Morgan (eds). Ann Arbor, MI: Inst. for Social Research, 1980. Vol. 7. P. 1–37.

Gerber T.P., Mayorova O.V. Getting Personal: Networks and Stratification in the Russian Labor Market, 1985–2001 // *American J. of Sociology*. 2010. Vol. 116. No. 3. P. 855–908.

Granovetter M.S. Getting a Job: A Study of Contacts and Careers. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 1995.

Montgomery J.D. Job Search and Network Composition: The Strength of Weak Ties // *American Economic Rev.* 1992. Vol. 57. No. 5. P. 586–596.

Montgomery J.D. Social Networks and Labor-Market Outcomes: Toward an Economic Analysis // *Ibid.* 1991. Vol. 81. No. 5. P. 1408–1418.

Myers C.A., Shultz G.P. The Dynamics of a Labor Market. N.Y.: Prentice Hall, 1951.

Pellizzari M. Do Friends and Relatives Really Help in Getting a Good Job? // *Industrial & Labor Relations Rev.* 2010. Vol. 63. No. 3. P. 494–510.

Petersen T. Analyzing Panel Data: Fixed- and Random-Effects Models // *Handb. of Data Analysis* / M. Hardy, A. Bryman (eds). 2004. P. 331–346.

Rees A., Shultz G.P. Workers in an Urban Labor Market. Univ. of Chicago Press, 1970.

Smirnova N. Job Search Behavior of Unemployed in Russia: BOFIT Disc. Papers No. 13. 2003.

Yakubovich V.B., Kozina I. The Changing Significance of Ties: An Exploration of the Hiring Channels in the Russian Transitional Labor Market // *Intern. Sociology*. 2000. Vol. 15. No. 3. P. 479–500.

Е.Л. Омельченко
Г.А. Сабирова

Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург

К ВОПРОСУ О МОЛОДЕЖНЫХ КУЛЬТУРАХ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ¹

Введение

Исследования культурных молодежных практик в России, проведенные нами в течение 15 лет нового тысячелетия, говорят о важности понимания сложностей пересечения глобальных и локальных трендов, наследия советского прошлого, а также влияния политических дискурсов. Мы наблюдаем, как эти контексты определяют конфигурацию культурных молодежных сцен, меняя, а подчас и ломая культурные границы и деформируя аутентичные смыслы. Результатом этого является формирование уникального российского случая молодежного культурного пространства. Основной тезис данной статьи заключается в том, что наиболее адекватным и продуктивным в описании современных российских культурных молодежных сцен является концепция солидарностей.

Актуальная повестка дня западного суб/постсуб/культурного дебата и российский молодежный опыт

Позиционирование российского культурного молодежного опыта в глобальных контекстах особенно интересно, если на это посмотреть с

¹ Статья подготовлена в рамках проекта ЦМИ «Work and Consumption in Russian Youth Life: Comparative Analyses of Rural and Urban Experiences» (Basic research program NRU HSE, 2015), «Youth Solidarity and Generations XXI: The Values of Work and Consumption» = «Молодежные солидарности и поколения XXI века: ценность труда и потребления» (Basic research program NRU HSE, 2014). Центр молодежных исследований НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург) функционирует с 2009 г., за это время было реализовано более 20 проектов, в которых изучались те или иные молодежные сообщества (<http://sh.spb.hse.ru/youth/>).

позиций широкой популярной дискуссии, посвященной критике классовых корней субкультурных теорий, которая развивалась в постсубкультурных концепциях в рамках западноевропейской (англоязычной) традиции [Bennett, 2000, 2005; Hodkinson, 2004; Muggleton, 2000; Pilkington, 1994; Pilkington et al., 2010; Shildrick, MacDonald, 2006; Thornton, 1995]. Сама дискуссия и темы, вокруг которых она развернута, оставались до недавнего времени практически закрытыми для российского контекста, что было связано не только с цензурой или недоступностью литературы, но и с отсутствием интереса, объясняемым особенностями отечественного опыта социологии молодежи как крайне политизированной и ангажированной дисциплины.

В последнее десятилетие в рамках проводимых нашим центром исследований мы активно продолжаем работать с концептом «молодежные солидарности», который рассматривается как логичное продолжение и развитие актуальной дискуссии о формах молодежной социальности и конструктивное использование аргументов и находок сторонников субкультурного и постсубкультурного подходов. Смысл подхода — в особом внимании к коммуникативным практикам, к тому, как с их помощью реализуются различные культурные стратегии («прогрессивные, продвинутые» и «нормальные, обычные»), идея которых была развита на примере исследования восприятия Запада российской молодежью [Pilkington et al., 2002]. Под солидарностью нами понимается особая форма социальности, которая формируется вокруг основополагающих для социальной группы ценностно-идеологических векторов и противопоставляет себя группам-антиподам, вступая с ними в символическую (или реальную) борьбу за культурное, политическое и ценностное доминирование. Сегодня основные линии ценностных противостояний, вокруг которых формируются солидарности, — консьюмеризм и антикапитализм, антифашизм и национализм, коллективизм и индивидуализм, пацифизм и милитаризм, патриархат и гендерное равенство, лояльность государственной власти и анархия. Однако открытым остается вопрос, какая сторона противостояния в тот или иной момент оказывается большинством. Молодежные солидарности могут быть временными и постоянными, флюидными или стабильными, ориентированными на мобильность или защиту собственной локальности, быть специфическими или встраиваться в глобальные молодежные тренды. Самым главным для возникающих на этих основаниях идентичностей «становится практикуемый жизненный стиль (включая потребление, но к нему не сводящийся), а также солидарное представление о группах-антиподах» [Новые молодежные движения..., 2011, с. 13].

Перезагрузка молодежных сцен: дискурсивные контексты современных молодежных солидарностей

Условия современного российского контекста — с его кризисом субкультурных рынков, законодательными ограничениями возможности свободного выбора идентичности и реализации проектов самости², отсутствием четких и стабильных классовых ориентиров, сильными локальными традициями, тенденциями к религиозной (православной) и этнической гомогенности — создают противоречивую картину молодежной жизни. Мы можем наблюдать пеструю палитру молодежных солидарных групп, от анархистов до прокремлевских движений, которые по-своему реагируют на происходящие в России политические и экономические трансформации.

Среди самых сильных и властных дискурсов, в разной степени участвующих в реконфигурации молодежных культур и солидарностей, одно из центральных мест занимает **советское** как некий сплав ценностей и норм советского образа жизни и политического порядка с культурно коллективизма, жертвенности и определяющей роли большинства. Трудно говорить о «памяти социализма» или социалистическом наследии как общей примете молодежи, «рожденной в СССР», но можно попытаться выделить некоторые черты, в той или иной степени передающиеся по наследству от поколения к поколению.

Одно из отличий связано с тем, что воспроизводятся советские паттерны использования «молодежного вопроса» в разного рода политических и государственных целях. В частности, это проявляется в своего рода политизации «альтернативной» сцены сверху и снизу. При этом дискурсивное давление «советского типа» становится все более жестким, что влияет на реконфигурацию молодежных солидарностей.

Не менее значимым наследием советского остается низкая толерантность населения в целом и молодежного мейнстрима в частности, что рабо-

² Так, в 2013 г. в нескольких субъектах РФ была введена административная ответственность за публичные действия, направленные на «пропаганду мужеложства, лесбиянства, бисексуализма, трансгендерности»; в 2012 г. была проведена оперативнo-профилактическая операция «Неформал»; тогда же были внесены поправки к Федеральному закону «О некоммерческих организациях», в результате чего многие НКО получили требования от прокуратуры признать себя иностранными агентами и были ограничены в своей деятельности; в последние годы во время проведения мирных протестных выступлений граждан наблюдались систематические нарушения права на свободу собраний и слова и т.д.

тает на изолированность отдельных, наиболее привязанных к субкультурным стилям молодежных солидарностей. Молодежные культурные группы, отстаивающие свою инаковость, попадая в сферу особого внимания социальных контролеров, становятся объектом политического «исправления». Практики «лечения» неправильной молодежи, поддерживаемые государственными и официальными политическими дискурсами, остаются своего рода приметой молодежного пространства России и, отчасти, Восточной Европы и стран СНГ до сих пор.

Важной также оказывается память об опыте государственного социализма СССР с его системой распределения и политикой дефицита, стигмой «потребительства» как маркера бездуховности, продвижением идеи «равенства» и однообразия. Это находит выражение в относительно низком уровне развития субкультурных рынков и соответственно субкультурного обеспечения, как следствие — в сравнительно низкой коммерциализации альтернативных, в том числе музыкальных, сцен. Альтернативные идентичности вытесняются из медийного пространства, что поддерживается агрессивной политикой российского шоу-бизнеса и рынка поп-музыки, продвигаемой как на концертных площадках, так и, особенно, масштабными ТВ-проектами.

Советское продолжает присутствовать в молодежной повседневности через популярные культурные проекты типа «Дискотеки семидесятых» (восьмидесятых, девяностых), через «ностальгию» по советскому. Ремиксы советских песен, трансляция советских фильмов на ТВ, винтажные кафе с советской стилистикой являются частью современной массовой культуры, в поле которой взрослеют молодые люди. Этот культурный багаж по-разному актуализируется и утилизируется молодежью. В прохипстерской среде популярно бывать на барахолках, находить там значки, одежду с советской символикой, в то время как гламуризованные подростки и молодежь, которые воспроизводят стилистику глобализированной поп-культуры, не станут этого делать.

Еще один фактор, задающий определенную специфику молодежного российского культурного пространства, — актуализация «советского» как семейного исторического контекста, социальной референции, ресурса производства идеологии национального превосходства, источника культурного обыгрывания и винтажа. В наших исследованиях значения и места исторической памяти как в межпоколенческой коммуникации, так и в гражданской и политической активности молодежи мы пришли к выводам, которые подтверждают тезис о том, что советское играет важную роль в социальной и культурной самоидентификации молодежи³.

³ Например, об этом говорят данные международного проекта, в котором участвовали команды из 14 европейских стран и ЦМИ, в том числе «Memory, Youth, Political

Несмотря на то что уже есть определенная временная дистанция, современное поколение 20-летних воспроизводит и транслирует память о советском. Эта память идеализирована, фрагментарна и противоречива. Главные акценты делаются на героическом прошлом страны и подвигах людей, политических лидеров и обычных граждан. Лишения и сложное прошлое остается на заднем плане, отсюда и некритичное восприятие тех или иных периодов или событий советского прошлого. Происходит это не только из-за государственной политики, направленной на патриотическое воспитание, но и в силу определенных паттернов внутрисемейной и межпоколенческой коммуникации прошлого. Главными агентами формирования представления о том, каким было прошлое, являются бабушки и дедушки, которые гордятся своим опытом преодоления поствоенных лишений. Родители же, на период перехода к взрослости которых пришлось «лихие» 1990-е годы, менее склонны к воспроизводству исторической памяти о своем времени и поколении, которое не отличалось ничем героическим по сравнению с временем, в котором жили их родители.

Молодые люди и сами помнят 1990-е годы, которые можно определить как «голодное» время, время дикого рынка. Они сравнивают сегодня с тем, что было до 1990-х годов, когда образование было доступным, а медицина — бесплатной. И это еще одно основание для романтизации прошлого, которое только дополняет глобальный тренд потери интереса молодежи к исторической фактологии, в том числе в силу популяризации виртуальных справочных систем. Это играет важную роль в формировании гражданских и политических идеалов современной молодежи.

Одним из самых мощных дискурсивных влияний стали практики **патриотического воспитания**, которое было положено в основание идеологии молодежной политики в России начиная с 2000-х годов, что дополнялось скромно финансируемыми проектами по вовлечению молодежи в разного рода активность (спортивную, волонтерскую, самоуправление и т.п.). Патриотическая идея строилась на возвеличивании технической и военной мощи Советского Союза (первое в большей мере символически подкреплялось образом Гагарина, второе — победой в Великой Отечественной войне), а также вокруг идеи русскости и значения русского этноса как государствообразующей нации, а православия — как цементирующей религии⁴. Такой

Legacy and Civic Engagement» (MYPLACE) (2009–2015, FP7 framework, рук. проф. Х. Пилкингтон).

⁴ Что касается других конфессий, то здесь проводится двойственная политика поддержки — контроля — ограничения, в том числе это относится и к мусульманской молодежи [Sabirova, 2011].

акцент в работе с молодежью был выбран неслучайно. «Молодое» российское государство нуждалось в новой национальной идее, особенно эта потребность была актуальна в обществе, которое в течение 70 лет строилось на жестких идеологических основаниях.

Идея реабилитации образа России в сознании подрастающего поколения была в какой-то мере понятной, мы назвали комплекс чувств молодежи «обиженным патриотизмом», когда формирование позитивного образа родной страны опирается на своего рода комплекс национальной неполноценности. Соответственно патриотические программы легли на благодатную почву. (Пост)подростковый период — это время, когда особенно важно иметь позитивные основания для самоидентификации. И уже в другом исследовании мы констатировали высокий уровень патриотизма⁵, гордости за свою страну, ее историю, достижения на фоне роста бытовой ксенофобии и банального национализма.

Серьезным и значимым элементом программы воспитания патриотичной и лояльной государству молодежи стал проект молодежного движения «Наши», которое было создано в начале 2000-х годов и окончательно оформилось к 2005 г. К сегодняшнему дню оно переформатировано в ряд новых инициатив, некоторые из них уже поддерживаются снизу. Насколько этот проект был успешен и какой он имел эффект? Очевидно, что результат оказался иным по сравнению с тем, который планировали его организаторы. Если не считать активистского ядра, «рядовые» члены были движимы не только идеологическими мотивами. Тем не менее определенный эффект достигнут. Так, надо отметить, что патриотические лозунги манифеста «Наших», замешенные на национальном (российском и русском) превосходстве, сегодня поддерживаются не только большинством мейнстримной молодежи, но и частью продвинутой. Пожалуй, наиболее ощутимым эффектом патриотического воспитания стало политическое противостояние, а также ценностное противопоставление с Западом, символом чуждости которого стала политика толерантности по отношению к сексуальным меньшинствам. Однако, несмотря на декларируемое противостояние западному⁶, российское молодежное пространство остается сильно интернационализированным и глобализированным, чему способствует высокий уровень интернетизации.

Что же произошло с продвинутым меньшинством — неформальной, альтернативной, субкультурной молодежной сценой в России за последние 15 лет?

⁵ National Identities in Russia from 1961: Traditions and De-Territorialization (Arts and Humanities Research Council, 2007–2010).

⁶ MYPLACE project (2011–2015, EC FP7 project, principal applicant Prof. H. Pilkington).

Во-первых, субкультурную сцену также затронула политизация. В начале 2000-х годов растет популярность скинхед-движения [Pilkington et al., 2010], появляются политизированные панки, уличные антифашисты и анархисты в ответ на националистически окрашенную, антимигрантскую агрессию гопнического крыла скинхедов — бонхедов. В результате к середине 2000-х годов молодежь, включенная в культурные сцены, разделилась на разные лагеря, водоразделом между ними стало отношение к национальности и государству, которые принимали форму символических и реальных субкультурных войн, а к 2012 г. проявились в открытом противостоянии прокремлевской молодежи и молодежи среднего класса (хипстеры) во время массовых волнений после выборов в Государственную думу и инаугурации В.В. Путина в Москве.

Во-вторых, в конце 2000-х годов наблюдается значительное сокращение (суб)культурных сцен. После 2007 г. постепенно угасает субкультура эмо, еще раньше со сцены уходят недавно популярные рейверы и готы. Закрываются специализированные бары, клубы и магазины. С сужением тусовок оставшиеся участники некогда массовых субкультур постепенно прекращают символическую борьбу за аутентичность и имена. Те же «Антифа» и скинхеды начинают уходить в тень. «Чистые» субкультуры становятся заповедными зонами, на короткое время уступая место постсубкультурам и плавно растворяясь в них. Наступает время 2010-х годов, а с ним — политических выборов, массовых протестов и громких уголовных дел, мегасобытий и геополитических решений⁷, которые ярко высвечивают основные точки напряжения/конфликта на молодежных культурных сценах. Векторами, вдоль которых начинают формироваться солидарности, становятся по-разному понимаемые идеи и символы этничности, миграции, национального, гендерных отношений, Запада и Востока, религиозности, лояльности к государственной власти и различные формы радикализма. Усиливающаяся политизация разводит молодежь по разные стороны баррикад, заставляя делать выбор и присоединяться к той или иной солидарности.

Заключение

То, что представляет собой молодежное культурное пространство в России и по каким закономерностям оно структурируется, во многом отражает особенности постсоветских изменений в России и турбулентность современного социально-политического состояния. С одной стороны, культурные

⁷ Болотная, «Пусси райот», Крым, олимпиада, выборы.

практики молодежи вписаны в более широкие тренды социальной динамики, а с другой — культурная активность молодежи всегда была особым объектом государственного управления. Уникальная история советского молодежного андеграунда получила продолжение в развернувшихся в 1990-е годы молодежных субкультурах, которые представляли собой сочетание аутентичных форм и заимствованных западных. Но так и не реализовавшись в полной мере, уже в начале 2000-х годов они стали объектом контроля и оценки с точки зрения общественной полезности или угрозы. Молодежные субкультуры ушли на второй план, не успев сыграть свою главную роль. Культурные же предпочтения молодежи реализовывались в пространствах солидарностей, временных или постоянных, но более открытых и нетребовательных в отличие от субкультурных сцен. Решающим условием переформатирования молодежных культурных сцен становится усиливающийся раскол общества в отношении к базовым ценностям, что ведет к возникновению серьезного конфликта и жесткого противостояния. Но следует оговориться, что всеобщая радикализация общества может привести к распаду солидарностей и формированию небольших однородных сообществ, групп, компаний «своих». Те же самые тенденции мы наблюдаем в молодежных культурных сообществах. Одни остаются в зоне дальнейшей коммерциализации, другие встраиваются в государственные культурные проекты, третьи же выходят из игры. Пока преждевременно об этом говорить, но, видимо, в последнем случае этим выходом может стать создание новых андеграундных пространств и субкультурных сообществ?

Источники

Новые молодежные движения и солидарности России / Е. Омельченко, Г. Сабирова (ред.). Ульянов. гос. ун-т, 2011.

С чего начинается Родина: молодежь в лабиринтах патриотизма / Е. Омельченко, Х. Пилкингтон (ред.). Изд-во Ульянов. гос. ун-та, 2012.

Bennett A. In Defence of Neo-Tribes: A Response to Blackman and Hesmondhalgh // *J. of Youth Studies*. 2005. Vol. 8. Iss. 2. P. 255–259.

Bennett A. *Popular Music and Youth Culture*. Basingstoke: Macmillan, 2000.

Hodkinson P. The Goth Scene and (sub)Cultural Substance // *After Subculture: Critical Studies in Contemporary Youth Culture* / A. Bennett, K. Kahn Harris (eds). Basingstoke: Palgrave, 2004. P. 135–148.

Muggleton D. *Inside Subculture. The Postmodern Meaning of Style*. Oxford: Berg, 2000.

Pilkington H. *Looking West? Cultural Globalization and Russian Youth Cultures* / Pilkington H., Omel'chenko E., Flynn M., Bliudina U., Starkova E. University Park, PA: The Pennsylvania State Univ. Press, 2002.

Pilkington H. Russia's Youth and Its Cultures: A Nation's Constructors and Constructed. L.; N.Y.: Routledge, 1994.

Pilkington H., Omelchenko E. Regrounding Youth Cultural Theory (In Post-Socialist Cultural Practice) // *Sociology Compass*. 2013. Vol. 7. No. 3. P. 208–224.

Pilkington H., Omel'chenko E., Garifzjanova A. Russia's Skinheads: Exploring and Rethinking Subcultural Lives. L.; N.Y.: Routledge, 2010.

Sabirova G. Young Muslim-Tatar Girls of the Big City: Narrative Identities and Discourses on Islam in Post-Soviet Russia // *Religion, State & Society*. 2011. Vol. 39. No. 2–3. P. 327–345.

Shildrick T., MacDonald R. In Defence of Subculture: Young People, Leisure and Social Divisions // *J. of Youth Studies*. 2006. Vol. 9. No. 2. P. 125–140.

Thornton S. Club Cultures: Music, Media and Subcultural Capital. Cambridge: Polity Press, 1995.

Е.С. Петренко
Е.Г. Галицкая
Е.В. Богомолова
Ю.А. Кот

Общероссийский
общественный фонд
«Общественное мнение»

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА РОССИЙСКОГО СОЦИУМА И ИХ АНТИКРИЗИСНЫЕ СТРАТЕГИИ

В современном обществе потребление становится главной формой социальной активности, посредством которой — помимо удовлетворения элементарных потребностей индивида — обозначается его социальное положение (или претензии на таковое), конструируется окружение, формируются персональные и социальные аспекты идентичности. Именно в потреблении теперь принято видеть производство индивидом и самого себя, и своего социального окружения.

Наш объект — люди, которые деятельно, т.е. в своей жизненной практике, идут в ногу со временем, а значит, на этом пути ориентированы на настоящее и одновременно скорее на будущее, чем на прошлое. Они проектируют свое будущее и проявляют способность к осознанному накоплению и мобилизации социальных и материальных ресурсов, демонстрируют самостоятельность и социальную устойчивость.

При этом институциональные ограничения и изменения внешней среды создают особые предпосылки для раскрытия отличительных социально-психологических качеств, составляющих инновационный потенциал таких групп. Освоение новых практик «требует от обывателя не только определенного материального достатка, но и должного уровня личностного развития». Таким образом, мотивация освоения и продвижения инновационных практик связана с инвестированием в собственный человеческий и культурный капитал, с развитием творческих способностей и заключается в постоянной потребности в обнаружении пространства для самореализации, собственной капитализации и эффективных способов продвижения.

Социологические версии социального кластеризма

В современных социальных науках отсутствует единый алгоритм, позволяющий иерархически упорядочить непосредственно наблюдаемые раз-

личия и сходства между людьми по признакам, существенным для этих наук. Ситуация в какой-то степени парадоксальная: известно, что любое общество стратифицировано, в том числе и наше. И эта стратификация видна не вооруженному научными понятиями обывателю. Однако полной ясности в том, как именно оно стратифицировано, в настоящий момент нет.

В современной социологии функциональное место систематики занимают статистическая обработка результатов исследований и математические методы. Статистически доказанное существование служит основой для математического моделирования отношений существующего. Однако существующее и модельные связи пребывают только в особом пространстве математизированной социологии, имеющем мало общего с тем, что видит и описывает полевой социолог.

Но стоит отметить, что при общей неупорядоченности предметной области социологии в ней есть структурированные части с более или менее верифицируемыми представлениями о существовании. Они возникли там, где в какой-то степени совпадают представления о существовании социальных групп, вводимые исследователями, и самоидентификации членов этих групп. Таковы понятия высшего, среднего и низшего классов. Столь же операционально понятие сословий, где определение себя как члена сословия бюджетников, например, вполне совпадает с выделением исследователями бюджетников как социальной группы. В каком-то смысле понятия классов, сословий и каст выгодно отличаются от других классифицирующих социологических понятий, так как есть удобные процедуры проверки качества классификации [Кордонский, 2008].

Возникшая в начале 2010-х годов теория социального кластеризма [Макаров, 2010] позволяет идентифицировать «сословия нового типа, названные социальными кластерами». Здесь речь идет о деятельных акторах, идентификация принадлежности которых к одному из кластеров осуществляется преимущественно по сферам занятости и, в известном смысле, по социальным функциям конкретной сферы в социуме: предприниматели, военные, госслужащие, ученые — учителя — врачи, представители культуры и искусства, священнослужители. В этом смысле род занятий становится вторичным по сравнению со сферой занятости. Так, рабочий, занятый на предприятии среднего бизнеса, независимо от его квалификации относится к предпринимательскому кластеру, а рабочий, занятый в театральной мастерской, — к кластеру представителей культуры и искусства. Принадлежность к тому или иному кластеру пенсионеров, различных категорий лиц, не занятых в народном хозяйстве, судя по всему, не идентифицируется или выделяется в особые кластеры (незанятое население, неработающие пенсионеры, домохозяйки...).

Эмпирическая социология использует несколько иные критерии для конструирования социальных кластеров, причем эти подходы не «застыли» раз и навсегда.

Еще во второй половине 1970-х годов Б.А. Грушин публикует в «СОЦИСе» (как он сам говорил) «эталонную программу эмпирического исследования образа жизни», в которой понятие «образ жизни» интерпретируется через повседневные практики респондентов. Притом Борис Андреевич не предполагал проводить исследование по данной программе — это был «выставочный образец». Тем не менее многие сюжеты программы легко обнаружить в знаменитом грушинском «Таганрогском проекте».

В эти же годы в ИКСИ АН СССР И.В. Бестужев-Лада развивает проблематику образа жизни. Он вводит понятия «жизненный уклад», «качество жизни», «стиль жизни», которые эмпирически были также операционализованы через поведенческие практики респондентов [Батыгин, 2010].

Эту линию исследований в первой половине 1980-х годов продолжают Л.А. Гордон и Э.В. Клопов [2000]. Они, анализируя поведенческие практики респондентов «на работе» и «после работы», конструируют эмпирически обоснованные модели разных стилей жизни трудящихся.

В середине 2000-х годов ФОМ продолжает эту линию Гордона — Клопова и эмпирически идентифицирует по включенности в *современные повседневные потребительские практики* (с помощью специального тестового вопроса) опережающую по стилю жизни группу «Люди 21».

Спустя 10 лет (в 2015 г.) такими практиками, как «работать за компьютером», «пользоваться Интернетом, вести переписку по электронной почте» и «пользоваться мобильным телефоном», владели уже от 50 до 90% респондентов. Остальные же практики из этого тестового вопроса («пользование кредитами»; «поездки за границу»; «пользование услугами — домработниц, косметических салонов, фитнес-центров, доставки товаров на дом»; «инвестиции свободных средств в акции, ценные бумаги») по-прежнему остаются надежными индикаторами, позволяющими идентифицировать различные инновационно ориентированные стили жизни россиян.

Стили жизни разных социальных кластеров

По материалам общенациональных мегаопросов¹, проведенных в марте и ноябре 2015 г., с помощью методов многомерного анализа [Галицкий,

¹ Всероссийские мегаопросы, которые репрезентируют не только население России в целом, но и население каждого субъекта РФ, где проходит опрос. Опрос

Галицкая, 2014] выявлены шесть различных стилей жизни современных россиян: «инвесторы» (1%), «путешественники» (13%), «гедонисты» (16%), «заемщики» (19%), «обыватели» (44%), «аутсайдеры» (7%). Это прежде всего потребители, активно использующие инновационные практики индивидуального потребления (которые включают потоки финансов, товаров, информации и транспорт).

Наиболее активные группы («инвесторы», «путешественники» и «гедонисты») представляют собой авангардную целевую аудиторию для товаропроизводителей. Они проявляют консьюмеристское любопытство и проводят мониторинг существующих инновационных продуктов, которые стремятся осваивать и использовать в рамках повседневной жизни. Организация досуга, культурный отдых и потребление этих групп подчинены реализации потребности в собственной капитализации и увеличению эффективности жизнедеятельности. Данные опросов позволяют описать социальный портрет продвинутого потребителя, однако на эти черты дозволительно смотреть иначе: в них можно наблюдать специфические социальные среды, социальные подпространства, которые в разной степени дружелюбны или враждебны к распространению инновационных практик.

Инвесторы. Самый «богатый» (все без исключения тестовые переменные) набор практик — у инвесторов. При этом только они (57%²) вкладывают деньги в ценные бумаги и только среди них каждый второй (51%) пользуется услугами домработницы. Последнее как минимум является свидетельством более высокого уровня жизни, чем у остальных респондентов. Треть инвесторов (33%) пользуются банковскими кредитами, 40% имеют опыт заграничных путешествий, каждый третий (34%) занимается в спортивном клубе.

Среди инвесторов примерно в 2 раза чаще, чем в среднем по выборке, встречаются жители Москвы и Санкт-Петербурга. В 3 раза чаще, чем в среднем среди инвесторов можно встретить предпринимателей (7% против 2% среди всех опрошенных) и руководителей высшего звена (3% против 1%). Это, пожалуй, самая высокодоходная группа среди всех участников опроса: 33% из них (против 15% среди всех опрошенных) доход позволяет без особых проблем приобретать бытовую технику, еще 24% (против 4%) могут купить автомобиль. Три четверти инвесторов (74%) — моложе 45 лет, в том числе каждый третий из них (34%) — моложе 30 лет.

граждан в возрасте 18+, в режиме личного интервью (face-to-face). Объем выборки каждого опроса — 60 500 респондентов.

² Здесь и далее в этой части статьи приведены данные мегаопроса, проведенного в ноябре 2015 г.

Путешественники. Более половины (56%) путешественников ездят за границу, 74% летают самолетами, каждый второй (51%) имеет дело с иностранной валютой. Но ценные бумаги ни одного из них не интересуют, хотя каждый третий (30%) пользовался банковским кредитом за последние 2–3 года, а каждый пятый (20%) занимается фитнесом.

Среди путешественников жители двух столиц также встречаются в 2 раза чаще, чем в среднем по массиву, почти в 3 раза чаще (5% против 2%) обнаруживаем здесь и предпринимателей. Тем не менее чаще других профессиональных статусов в этом кластере встречаются специалисты (32% против 16%) и низовые руководители (8% против 2%). По возрасту путешественники практически не отличаются от инвесторов, а вот уровень семейного дохода у них заметно ниже.

Гедонисты за границу не ездят, деньги в ценные бумаги не вкладывают, с иностранной валютой дела не имеют и самолетами практически не летают. Они в среднем моложе представителей других стилей жизни: без малого половина из них (43%) не отметила еще своего 30-летия. Среди гедонистов каждый четвертый (23%) занимает должность специалиста, а каждый пятый (24%) — рабочего. Уровень семейного дохода у гедонистов ниже, чем у инвесторов и путешественников: каждый второй (49%) не может купить крупную бытовую технику, а еще у 22% на бытовую технику денег хватает, но покупка автомобиля им уже недоступна.

Тем не менее в жизненных благах гедонисты стараются себе не отказывать: они заметно чаще представителей других стилей жизни (36% против 9% среди все опрошенных) посещают косметические салоны и в 4 раза чаще, чем в среднем по выборке, приобретают спортивные товары (46%); 36% пользуются услугами по доставке товаров на дом, а каждый пятый (21%) посещает фитнес-центр. Гедонисты есть в любом типе городских населенных пунктов.

Заемщики. Подавляющее число заемщиков живут в кредит: 81% из них брали за последние 2–3 года кредит в банке и 35% оформляли кредит в магазинах. Ни одной из других рассматриваемых практик заемщики не пользуются: в ценные бумаги деньги не вкладывают, за границу не ездят, в фитнес-центры и косметические салоны не ходят.

Заемщики обитают и в сельских, и в городских поселениях, чаще в провинциальных, реже в столичных. Более половины из них заняты либо на рабочих должностях (37%), либо на должности служащего или технического специалиста (15%).

Обыватели. Представители самого крупного по численности стиля жизни — обыватели — ни в одну из рассмотренных повседневных практик не включены. Тем не менее многие из них включены в ставшие уже обыденными популярные современные практики. Сегодня среди обывателей 45% еже-

дневно пользуются Интернетом, 29% привыкли работать за компьютером, 21% водит автомобиль и 22% нередко расплачиваются за покупки пластиковой картой.

Треть обывателей (30%) проживают в селах. Остальные более или менее равномерно рассредоточены по всем типам населенных пунктов. Несколько реже они проживают в Москве (7%) и Петербурге (3%). Более трети обывателей — неработающие пенсионеры (37%).

Аутсайдеры. И наконец, аутсайдерам ни одна из рассматриваемых современных потребительских практик (даже мобильный телефон) сегодня недоступна. Чаще всего это происходит не потому, что те или иные практики им не по карману, а из-за того, что в их стиле и образе повседневности нет места этим практикам.

Аутсайдеры еще реже встречаются в Москве (5%) и Петербурге (4%) и еще чаще — в селе (34%). Здесь подавляющее большинство аутсайдеров (69%) составляют неработающие пенсионеры.

Антикризисные стратегии респондентов с разными стилями жизни

Ситуация экономического кризиса заставляет все группы населения изменить привычные стратегии поведения и адаптироваться к новым условиям неопределенности и неустойчивости. Однако представители передовых групп не воспринимают происходящее как катастрофу. В ситуации возросшей неопределенности внешней среды, возникшей в результате экономического кризиса, они придерживаются деятельностного подхода. Эта жизненная стратегия выражается в активном стремлении к освоению новых компетенций и капитализации имеющихся ресурсов.

Результаты исследований ФОМ в период кризиса 2008–2009 гг. свидетельствовали, что предприниматели — наиболее уверенная в себе часть населения: 74% предпринимателей тогда считали, что им не грозит ни потеря бизнеса, ни потеря основных источников доходов, и только 18% допускали такую вероятность. Обратим внимание, что среди руководителей высшего звена уверенных было заметно меньше (58%). Самыми неуверенными в своем будущем во время прошлого кризиса были рабочие: без малого половина (46%) из них считали, что не найдут работу в случае увольнения.

В марте 2015 г., судя по результатам мегаопроса ФОМ, наиболее популярными ответами на вопросы о выживании в кризис стали мобилизационные стратегии («буду искать дополнительный заработок» — 47%; «сменю работу» — 16%; «освою новую профессию, специальность» — 7%; «перееду туда,

где больше возможностей заработать» — 4%). Чуть реже — стратегии экономии («буду покупать более дешевые продукты, вещи» — 33%; «буду покупать меньше продуктов, вещей» — 29%; «перееду туда, где дешевле жить» — 2%).

По результатам этого опроса методами многомерного анализа [Галицкий, Галицкая, 2014] были выявлены популярные «стратегии выживания в кризис»³: 45% — *мобилизация профессиональных ресурсов* («буду искать дополнительный заработок, смену работу»); 17% — *экономия потребления* («буду покупать более дешевые продукты, вещи»; «буду покупать меньше продуктов, вещей»); 10% — *мобилизация семейных ресурсов* («попрошу помощи у родственников»; «продам что-то из своих вещей»; «сдам в аренду свою комнату, квартиру»; «поменяю квартиру на меньшую»); 6% — *миграция* («перееду туда, где больше возможностей заработать»; «перееду туда, где дешевле жить»), 3% — *обращение за помощью* («обращусь за помощью в органы власти или в благотворительные организации»).

Отметим, что стратегии выживания в кризис в различных социальных кластерах практически одни и те же. Большинство предпринимателей (59%), руководителей высшего звена (55%), специалистов (60%) и рабочих (60%) ориентируются на мобилизацию профессиональных ресурсов.

Пожалуй, можно отметить лишь две особенности: каждый девятый предприниматель (11%) и каждый десятый (10%) руководитель высшего звена рассматривают миграцию в качестве антикризисной стратегии, а каждый третий пенсионер (36%) говорит об экономии потребления.

Если специфика антикризисных стратегий различных социальных кластеров слабо прослеживается, то представителям каждого стиля жизни свойственна своя композиция антикризисных стратегий:

- так, инвесторы чаще других (15% против 10% в среднем по опросу) ориентируются на стратегии мобилизации семейных ресурсов и миграции (14% против 6% в среднем);
- путешественники, гедонисты и заемщики предпочитают преимущественно выбирать мобилизацию профессиональных ресурсов (58, 55 и 54% соответственно против 45% в среднем);
- обыватели делают ставку на стратегии экономии потребления (23% против 17% в среднем);
- четверть (26%) аутсайдеров не намерены что-либо делать, а остальные или максимально сократят свои потребности, или обратятся за помощью к разным адресатам.

Тема антикризисных стратегий всегда тесно связана с конфликтным потенциалом. Результаты мартовского мегаопроса позволяют сделать одно

³ Анализ был проведен совместно с Г.Г. Градосельской.

нетривиальное наблюдение, которое касается протестных настроений. Не вызывает удивления, что среди готовых принять участие в акциях протеста каждый четвертый — заемщик. Но вот что неожиданно: среди респондентов, допускающих готовность принять участие в протестных акциях, инвесторы встречаются в 2 раза чаще, чем в среднем по выборке. При этом представители большинства социальных кластеров декларируют весьма умеренную готовность лично участвовать в митингах, демонстрациях, акциях протеста (если таковые пройдут в ближайшие месяц-два по месту проживания респондентов).

Но есть и другая, пока еще не очень четко прослеживаемая по данным массовых опросов тенденция. По данным мегаопроса в марте 2015 г., среди рабочих 1% составляли *инвесторы* и 9% — *путешественники*. Судя по всему, эти категории рабочих — провозвестники грядущих изменений рынка труда и представлений о карьере. Рабочие-инвесторы и рабочие-путешественники относительно молоды, их возраст — от 22 до 32 лет. У них высшее, неоконченное высшее (скорее всего техническое) или среднее специальное образование. Подавляющее большинство из них — мужчины. Они живут в крупнейших индустриальных центрах, заняты на высокотехнологичных производствах [Балацкий, Екимова, 2013].

Не исключено, что кризис может послужить катализатором процессов дифференциации рабочих на два социальных кластера:

1) высококвалифицированная, образованная, высокооплачиваемая рабочая элита: востребованная на высокотехнологичных производствах, со стилями жизни гедонистов, путешественников, инвесторов (не они ли являются инвесторами, готовыми лично участвовать в протестных акциях?);

2) основная масса рабочих: заемщики со средней и низкой квалификацией, которым уже сегодня задерживают зарплату, которые опасаются увольнений, основные антикризисные стратегии которых — мобилизация семейных ресурсов, уход в сферу обслуживания, переезд туда, где дешевле жить, обращение за помощью.

Источники

Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Доктрина высокотехнологичных рабочих мест в российской экономике. М.: Эдитус, 2013. См. также: http://one_vision.jofo.ru/224153.html.

Батыгин Г.С. К истории исследований образа жизни в 1970-е годы: докл. на методсеминаре в Ин-те социологии РАН, 3 апреля 2002 г.; коммент. к выступл. Г.С. Батыгина — Е.М. Акимкина // Междисциплинарность в социолог. исслед.: материалы Методолог. семинара памяти Г.С. Батыгина (2007–2009 гг.) / отв. ред.

Л.А. Козлова; Учреждение Рос. акад. наук Ин-т социологии РАН; ГОУ ВПО «Российский университет дружбы народов». М.: РУДН, 2010. С. 22–43.

Галицкий Е.Б., Галицкая Е.Г. Маркетинговые исследования. Теория и практика. М.: Юрайт, 2014.

Гордон Л.А., Клопов Э.В. Точка отсчета: жизненный стандарт, условия труда, трудовые отношения в советском обществе 1960–1980-х годов // Потери и обретения в России девяностых. Ист.-социолог. очерки экон. положения нар. большинства: в 2 т. Т. 1: Меняющаяся страна в меняющемся мире: предпосылки перемен в условиях труда и уровне жизни. М.: Эдиториал УРСС, 2000.

Гражданское общество современной России / отв. ред. Е. Петренко. М.: Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2008. С. 249–313.

Кордонский С.Г. Сословная структура постсоветской России. М.: Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2008.

Макаров В.Л. Социальный кластеризм. Российский вызов. М.: Бизнес Атлас, 2010.

Мониторинг ЦСТП «Трудовые протесты в России» [Электронный ресурс] // Все о трудовых правах: сайт. 2015. Июль. URL: <http://trudprava.ru/news/protestnews/1516> (дата обращения: 25.05.2016).

М.О. Спирина

Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа
экономики»

ФАКТОРЫ ОПОРТУНИСТИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ ЗАКАЗЧИКОВ НА РУССКОЯЗЫЧНОМ ЭЛЕКТРОННОМ РЫНКЕ УДАЛЕННОЙ РАБОТЫ: ПАРАДОКС УКОРЕНЕННОСТИ¹

Введение.

Обоснование проблемы оппортунизма заказчиков на русскоязычном электронном рынке удаленной работы

Западные исследователи в области нестандартной занятости подчеркивают, что независимые профессионалы (фрилансеры)² осуществляют свою деятельность в условиях неопределенности, обладают ограниченной информацией о рыночной ситуации и своих контрагентах, а также часто подвергаются рискам эксплуатации и недобросовестного поведения со стороны своих клиентов [Blair, 2003; Dex et al., 2000; O'Mahony, Bechky, 2006; Storey et al., 2005]. Полная или частичная невыплата вознаграждения, отсрочка платежа, не-

¹ Работа подготовлена при поддержке Российского государственного научного фонда (РГНФ). Грант № 16-03-00418.

² Под *фрилансером* мы понимаем самозанятого профессионала, характеризующегося (1) рыночной автономией, (2) независимостью в принятии решений, (3) высокой квалификацией, (4) занятостью в творческой, управленческой, научной или технической сферах, а также (5) работающего в удаленном режиме (через Интернет) и (6) являющегося участником русскоязычного электронного рынка удаленной работы [Стребков и др., 2015]. Под *электронным рынком удаленной работы* мы понимаем биржу удаленной работы как основополагающую его составляющую, однако при этом учитываем возможность удаленного взаимодействия фрилансеров с заказчиками и другими способами (через традиционные сайты о поиске работы, аккаунты и публичные группы в социальных сетях, собственные сайты фрилансеров и т.д.) [Там же].

ожиданное изменение сроков и содержательных задач работ, требование дополнительных неоплачиваемых доработок выделяются исследователями как наиболее характерные проявления оппортунизма заказчиков [Osnowitz, 2010]. Важно, что описанные выше риски нестандартной занятости лишь усугубляются в случае электронных фрилансеров, осуществляющих поиск клиентов и выполнение заказов через специализированные онлайн-платформы (электронные биржи удаленной работы) в условиях обезличенных краткосрочных взаимодействий и преобладании инструментальных связей [Chang W., Chang J., 2011; Nikitkov, Bay, 2010; Kauffman, Wood, 2007; Sebesta, 2009].

Таким образом, электронный фриланс может трактоваться как часть более широкого тренда в прекаризации труда [Стендинг, 2014; Kalleberg, 2000]. По сравнению с проблемами «стандартных»³ наемных работников в организациях проблема оппортунизма клиентов является для фрилансеров более острой также и в связи с асимметричными отношениями с заказчиками (клиенты фрилансеров в большинстве случаев — представители фирм и обладают большим властным ресурсом и большей переговорной силой) и частыми опосредованными (виртуальными) контактами [De Peuter, 2014; Gill, 2010; McKeown, 2005; Osnowitz, 2010; Barbieri, 2003].

Важно отметить, что русскоязычный рынок удаленной работы, помимо перечисленных выше характеристик, практически полностью ускользает из формального правового поля и находится преимущественно в зоне неформальной экономики [Стребков, Шевчук, 2012a]. Необходимо также указать на высокую технологичность подобных рынков, многие аспекты которых в настоящее время просто не могут быть урегулированы законодательно в нашей стране из-за отсутствия правового аппарата в данной сфере [Стребков, Шевчук, 2012б].

Все перечисленные негативные тенденции способствуют обострению рисков оппортунизма со стороны участников рыночного обмена в русскоязычном онлайн-пространстве. Так, согласно данным Мониторинга рынка удаленной работы, в 2014 г. около 88% русскоязычных независимых профессионалов заявили о нарушении первоначально оговоренных условий со стороны клиента за последний год, что не позволяет преуменьшить актуальность проблемы оппортунистического поведения заказчиков по отношению к фрилансерам на русскоязычном рынке удаленной работы [Стребков и др., 2015, с. 174].

³ «Стандартной» принято считать «занятость по найму в режиме полного рабочего дня на основе бессрочного трудового договора на предприятии или в организации, под непосредственным руководством работодателя или назначенных им менеджеров» [Гимпельсон, Капелюшников, 2005, с. 3].

В применении к русскоязычному электронному рынку удаленной работы классическая проблема доверия и мошенничества [Грановеттер, 2002] звучит так: почему, несмотря на все неблагоприятные условия, экономическая деятельность фрилансеров не характеризуется тотальными проявлениями недоверия и оппортунизма со стороны заказчиков их услуг? Какие факторы объясняют оппортунистическое поведение заказчиков? Как независимым профессионалам удастся противостоять риску оппортунизма и добиваться успеха? Ведь именно об этом свидетельствует устойчивый рост числа зарегистрированных пользователей и посетителей русскоязычных бирж удаленной работы, а также расширение видов специализаций фрилансеров и создание все новых онлайн-платформ удаленной работы.

Оппортунистическое поведение: на пересечении конвенциональной экономической теории, новой институциональной экономики и сетевого подхода в экономической социологии

В экономических и социальных науках оппортунистическое поведение рассматривается неоднозначно в рамках тех или иных теоретических парадигм. Если *конвенциональная экономическая теория* во многом игнорирует проблему оппортунизма экономических агентов и отрицает необходимость репрессивных структур в силу того, что свободный конкурентный рынок разрешает проблему недобросовестности автоматически [Грановеттер, 2002, с. 50], то *новая институциональная экономика*, в частности, теория транзакционных издержек, наоборот, открыто проблематизирует способ реализации собственных интересов, заостряя внимание на рисках хитрости, коварства, обмана и вероломства со стороны контрагентов [Уильямсон, 1996; Furubotn, Richter, 1991].

Как отмечают новые институционалисты, основными причинами оппортунистического поведения агентов являются неясность и неопределенность внешней среды, асимметричное распределение информации, а также ограниченная рациональность [Уильямсон, 1996; Саймон, 1993]. Институциональная экономика предлагает обширный список способов предупреждения оппортунизма: сигнализирование (signaling) и просвечивание (screening) [Spence, 1974], формальный контракт [Саймон, 1993; Maitland et al., 1985], эффективные механизмы инфорсменты [North, 1990; Williamson, 1975].

Вместе с этим новая институциональная экономика, так же как и конвенциональная экономическая теория, игнорирует существование социальных и культурных составляющих экономической активности и действует в логике «калькулирующего», «недосоциализированного» метода, представляя экономическую транзакцию как автономную и отделенную от социального контекста [Granovetter, 1985].

На вопрос о том, в какой мере межличностные отношения между экономическими акторами препятствуют развитию оппортунизма, позволяет ответить *экономико-социологический подход*, в частности — сетевой подход и концепция укорененности (embeddedness) или «встроенности» экономического действия в социальное [Грановеттер, 2002; Радаев, 2008]. Концепция укорененности отказывается от предпосылки об атомизированности и настаивает на включении экономических действий индивида в сеть социальных отношений. С точки зрения Грановеттера, при совершении экономических сделок люди стремятся к максимально высокому уровню доверия между партнерами, и именно поэтому продолжительные экономические отношения предполагают сильные ожидания воздержания от оппортунизма [Грановеттер, 2002].

В табл. 1 суммированы основные положения рассмотренных теоретических подходов к проблематике оппортунизма.

Парадокс укорененности

Важно, что Грановеттер не претендует на придание теории социальной укорененности характера универсальности и всеобщности. Грановеттер указывает на то, что «личные отношения могут породить и огромное доверие, и неслыханное мошенничество» [Грановеттер, 2002, с. 54]. Так, например, экономсоциолог отмечает, что доверие человека к определенному сообществу ставит его в уязвимое положение, так как он может оказаться жертвой злоупотребления доверием («confidence» rackets), которое используется для стимулирования длительных отношений с подчас скрытым оппортунистическим контекстом. Грановеттер отмечает, что чем более доверительны и близки отношения между людьми, тем большую выгоду может принести предполагаемое мошенничество одной из сторон [Там же]. Таким образом, социальная укорененность (или «переукорененность») экономического действия не всегда несет в себе лишь положительные эффекты, как это отмечается в академической литературе [Jacobs, 1965; Coleman, 1988; Putnam, 1993; Fukuyama, 1995].

Таблица 1. Проблема оппортунистического поведения через призму различных теоретических подходов

Критерий сравнения	Конвенциональная экономика	Новый институционализм	Сетевой подход в экономической социологии
Ключевые авторы	Дж.С. Милль, Б. Мандевиль, А. Смит	Г. Саймон, О. Уильямсон, Э.Г. Фуруботн, Р. Рихтер, М. Спенс	М. Грановеттер, К. Поланыи, Х. Уайт, Р. Берт, У. Пауэлл, Л. Смит-Дор, Д. Старк
Общая характеристика	Недосоциализированный подход; человек рассматривается как атомизированный максимизирующий и информированный актор	Недосоциализированный подход; человек рассматривается как атомизированный актор	Компромиссный подход, отсутствие однозначных и универсальных прогнозов
Существование оппортунизма	Игнорируется: постулируется подчиненность собственному эгоистичному интересу, однако не рассматривается возможность его реализации путем насилия и обмана	Признаётся: собственные интересы могут быть реализованы неболатовидными средствами (обман, воровство, мошенничество)	Признаётся: социальные отношения неравномерно пронизывают различные секторы экономической жизни
Причины оппортунистического поведения	Отклонение от рационального поведения	Неопределенность внешней среды, асимметричное распределение информации, ограниченная рациональность, специфические вложения	Социальные отношения порождают как доверие, так и мошенничество и ситуации конфликтов
Способы борьбы с оппортунизмом	Свободный конкурентный рынок разрешает проблему недобросовестности автоматически: экономический агент может обратиться к множеству идентичных фирм, готовых работать на рыночных условиях	Сигнализирование, просвещение, явные и неявные контракты, устранение информационной асимметрии, механизмы информсента. Эффективные формальные институты делают оппортунизм слишком затратным	Конкретные межличностные отношения и их структура (сети), личностное доверие

«Парадокс укорененности» (paradox of embeddedness) может интерпретироваться следующим образом: использование социальных сетей при совершении экономических транзакций, с одной стороны, значительно уменьшает риски серьезного оппортунистического поведения контрагентов [Granovetter, 1985, 2005; Uzzi, 1996], а с другой — повышает риск эксплуатации личных отношений одним из контрагентов [Portes, Sensenbrenner, 1993; Uzzi, 1997; Abraham, 2009]. Термин «парадокс укорененности» был впервые предложен американским социологом Б. Уцци [Uzzi, 1997].

Таким образом, несмотря на безусловные положительные стороны укорененности экономического действия в социальные процессы, избыток социального капитала, а также «переукорененность» экономического поведения обуславливают и ряд негативных эффектов, которые не могут быть проигнорированы при эмпирическом анализе социальных и экономических реалий.

Методология и эмпирическая база исследования

Цель работы — выявление факторов, влияющих на вероятность оппортунистического поведения заказчиков на русскоязычном электронном рынке удаленной работы.

Поставленная цель была решена через последовательное выполнение ряда исследовательских *задач* — выделить факторы, влияющие на вероятность:

- 1) возникновения сильного (серьезного) оппортунистического поведения заказчиков⁴;
- 2) возникновения слабого (менее серьезного) оппортунистического поведения заказчиков⁵;
- 3) успешного регулирования конфликтов.

По результатам проведенного литературного обзора были сформулированы три исследовательские *гипотезы*:

H1. На русскоязычном электронном рынке удаленной работы легальные способы защиты от оппортунизма (заключение официальных контрак-

⁴ Под сильным (серьезным) оппортунизмом мы понимаем вид оппортунистического поведения, который причиняет значительные неприятности и проблемы партнеру (полная или частичная невыплата гонорара) [Strebkov, Shevchuk, 2014].

⁵ Под слабым (менее серьезным) оппортунизмом мы понимаем вид оппортунистического поведения, который причиняет менее значительные неприятности и проблемы партнеру (изменение задач, сокращение сроков и задержка оплаты работы) [Ibid.].

тов, обращение в судебные инстанции и т.д.) не снижают вероятности оппортунистического поведения заказчиков [Osnowitz, 2010];

Н2. На русскоязычном электронном рынке удаленной работы неформальные социальные связи снижают вероятность оппортунизма со стороны заказчиков [Baumann, 2002; Shevchuk, Strebkov, 2012; Kim, 2010];

Н3. На русскоязычном электронном рынке удаленной работы наличие неформальных социальных связей обуславливает снижение вероятности возникновения серьезных видов оппортунизма заказчиков (частичная или полная невыплата гонорара), однако обуславливает возрастание вероятности возникновения менее серьезных видов оппортунизма (изменение первоначальных задач, сокращение сроков и задержка оплаты работы) [Portes, Sensenbrenner, 1993; Uzzi, 1997; Abraham, 2009].

Настоящее исследование использует эмпирическую базу «Переписи фрилансеров», проходившей в 2014 г. (третья волна), в ходе которой было получено 10 574 заполненные анкеты. «Перепись фрилансеров» — это количественный мониторинговый онлайн-опрос, который проводится НИУ ВШЭ [Стребков и др., 2015].

В качестве анализируемого массива были использованы ответы респондентов, удовлетворяющих следующим характеристикам:

- наличие зарегистрированного профиля на сайте FL.ru;
- на момент проведения работы они были фрилансерами и расценивали данную деятельность в качестве основного или дополнительного заработка;
- имели опыт работы фрилансерами не менее года;
- имели в 2013 г. хотя бы одного клиента и проект.

В итоге анализируемая выборка составила 8077 респондентов. Анализ данных производился методом исследования взаимосвязи переменных (биномиальная логистическая регрессия) (см. приложение, табл. 1). В качестве зависимой переменной был взят факт наличия того или иного вида оппортунистического поведения заказчиков, а также факт урегулирования проблем с заказчиками. Независимыми переменными выступили форма соглашения с клиентами, стратегии их поиска и типы коммуникации. Пол, возраст, образование, опыт работы фрилансером и уровень ежемесячного дохода были взяты в качестве контрольных переменных (см. приложение, табл. 2).

Результаты эмпирического анализа

В результате эмпирического анализа подтвердилась вторая гипотеза о том, что на русскоязычном рынке удаленной работы неформальные социальные связи снижают вероятность оппортунизма со стороны заказчиков.

Как было выявлено в ходе анализа построенных моделей логистической регрессии (см. приложение, табл. 3, модели 1–4), «социальная» стратегия поиска клиентов через бывших заказчиков, друзей и знакомых в значительной степени снижает шансы возникновения серьезных проблем с клиентами по сравнению с использованием «рыночной» стратегии, а также увеличивает вероятность успешного решения конфликтов в случае их возникновения. Аналогично использование обезличенных «холодных» форм связи для общения с клиентами, таких как аудиозвонки и электронная почта, увеличивает вероятность возникновения серьезных проблем, тогда как более «личные» формы коммуникации помогают в решении уже возникших конфликтов.

Вместе с этим не подтвердилась первая гипотеза о том, что на русскоязычном рынке удаленной работы легальные способы защиты от оппортунизма не снижают вероятности оппортунистического поведения заказчиков. Исходя из полученных результатов, мы можем сделать вывод, что заключение официального договора снижает вероятность возникновения серьезных проблем с клиентом, таких как частичная и полная невыплата гонорара (см. приложение, табл. 5, модели 9–12). При этом официальный договор более эффективен при разрешении конфликтов в серьезных проблемах с клиентами, чем неформальная переписка с клиентом. Таким образом, несмотря на эмпирические исследования, утверждающие о неэффективности легальных способов защиты от оппортунизма на электронных рынках удаленной работы [Osnowitz, 2010], проведенный эмпирический анализ показал, что такой юридический инструмент, как официальный контракт, может быть рассмотрен как эффективная легальная стратегия наравне с социальной.

Наконец, была подтверждена третья гипотеза о том, что, несмотря на положительное влияние неформальных социальных связей на снижение вероятности возникновения серьезных видов оппортунизма, этот фактор также обуславливает и возрастание вероятности возникновения менее серьезных его видов, таких как изменение задач и сроков выполнения работы (см. приложение, табл. 4, модели 5–8). Так, если при «социальной» стратегии поиска клиентов снижаются шансы частичной невыплаты гонорара, то в случае изменения первоначальных сроков и задач «смешанная» и особенно «социальная» стратегии поиска клиентов значительно увеличивают шансы возникновения такого рода несерьезных проблем. Таким образом, данные эмпирические результаты свидетельствуют о наличии «парадокса укорененности».

Обобщенные результаты регрессионного анализа, способствовавшего выявлению факторов, повышающих и понижающих возникновение серьезных проблем и успех в регулировании связанных с ними конфликтов, а также факторов, повышающих и понижающих возникновение тех или иных менее серьезных проблем, приведены в табл. 2 и 3.

Таблица 2.

«Серьезное» оппортунистическое поведение. Причины и стратегии борьбы

Тип факторов	Возникновение серьезных проблем	Успех в урегулировании конфликтов
Факторы, повышающие вероятность	<ul style="list-style-type: none"> • Использование бирж удаленной работы и «обычных» сайтов поиска работы в качестве источников привлечения новых клиентов • Коммуникация с заказчиками преимущественно (в половине случаев и чаще) через аудиозвонки и электронную почту 	<ul style="list-style-type: none"> • Неформальная переписка об условиях договора или наличие официального договора с клиентом • «Социальная» или «смешанная» стратегии поиска клиентов • Поддержание коммуникации с заказчиками через личные встречи и видеозвонки
Факторы, снижающие вероятность	<ul style="list-style-type: none"> • Наличие официального договора с клиентом • «Социальная» стратегия поиска новых заказов 	<ul style="list-style-type: none"> • Новый клиент был привлечен через биржу удаленной работы

Таблица 3.

Частичная невыплата гонорара vs. изменение задач и сроков. Причины и стратегии борьбы

Тип факторов	Частичная невыплата гонорара	Изменение задач, сроков
Факторы, повышающие вероятность	<ul style="list-style-type: none"> • Использование бирж удаленной работы, «обычных» сайтов поиска работы и (в меньшей степени) рекомендаций друзей в качестве источника привлечения новых клиентов • Поддержание связи через личные встречи, аудиозвонки и электронную почту 	<ul style="list-style-type: none"> • «Социальная» и «смешанная» стратегии поиска клиентов • Поддержание связи через личные встречи, видео- и аудиозвонки
Факторы, снижающие вероятность	<ul style="list-style-type: none"> • «Социальная» стратегия поиска клиентов • Работа с постоянными заказчиками 	—

Обсуждение и заключение

Таким образом, полученные эмпирические выводы о положительном влиянии неформальных социальных связей на снижение рисков оппортунистического поведения заказчиков на электронных рынках удаленной работы в целом согласуются с существующей литературой по данной тематике [Baumann, 2002; Shevchuk, Strebkov, 2012; Kim, 2010]. Тот факт, что удалось обнаружить статистически значимые взаимосвязи между наличием официального контракта и зависимой переменной, можно объяснить спецификой русскоязычного рынка удаленной работы, на котором смешанная стратегия использования неформальных социальных связей в комплексе с юридическим договором обеспечивает эффективную защиту от оппортунизма.

Однако наиболее интересный эмпирический результат — выявление на русскоязычном рынке удаленной работы тенденции, которая может быть описана в рамках концепции «парадокс укорененности» (paradox of embeddedness): несмотря на положительное влияние наличия неформальных социальных связей на снижение вероятности возникновения серьезных видов оппортунизма заказчиков (полная или частичная невыплата гонорара) этот фактор также обуславливает и возрастание вероятности возникновения менее серьезных видов оппортунизма, таких как изменение задач и сроков выполнения работы [Granovetter, 1985, 2005; Uzzi, 1996].

Перспективным направлением для будущих исследований представляется более глубокий анализ результатов количественного этапа, полученных в рамках «Переписи фрилансеров». Так, если использование регрессионного анализа сделало возможным выявление факторов, снижающих и повышающих вероятность того или иного типа оппортунистического поведения заказчиков на русскоязычном электронном рынке удаленной работы, то развитие и углубление полученных в ходе количественного этапа выводов с использованием качественной методологии позволит заглянуть в глубь исследуемых процессов, расширить и восполнить пробелы, а также определить дальнейшие исследовательские перспективы электронной самозанятости в России.

Приложения

Таблица 1. Описательная статистика зависимых переменных

	<i>N</i>	Процент
Столкнулись с проблемной ситуацией с клиентом	6559	81,3
Изменение первоначальных задач, сокращение сроков	5785	71,7
Задержка с оплатой работы	6333	78,5
Частичная невыплата гонорара	3349	41,5
Полная невыплата гонорара	2303	28,5
Одна или более «серьезных» проблем	4087	50,6
Только «менее серьезные» проблемы	2472	30,6
Не возникло никаких проблем с клиентом	1510	18,7
Решение «серьезных» проблем	2629	64,7
Переговоры с заказчиком	2421	59,6
С помощью администрации биржи удаленной работы	364	8,9
Через обращение в судебные инстанции	53	1,3
С использованием угроз и «силовых» методов	177	4,4
Другим способом	17	0,4
Ситуация не была решена	1436	35,3

Таблица 2. Среднее или проценты независимых и контрольных переменных

	<i>N</i>	Среднее или процент	Стандартное отклонение
Пути получения новых проектов фрилансерами, %			
Постоянные клиенты	5368	66,5	
Рекомендации прошлых клиентов	4262	52,8	
Рекомендации других фрилансеров, коллег	1419	17,6	
Рекомендации друзей, знакомых	2808	34,8	
Через биржи удаленной работы	4247	52,6	
«Обычные» сайты для поиска работы	969	12,0	
Собственный сайт, блог, социальная сеть	1371	17,0	

Окончание табл. 2

	<i>N</i>	Среднее или процент	Стандартное отклонение
«Холодный» обзвон, электронная рассылка	315	3,9	
Стратегия поиска клиентов, %			
«Рыночная» стратегия (референтная группа)	1145	14,2	
«Смешанная» стратегия	4306	53,3	
«Социальная» стратегия	2625	32,5	
Форма соглашения с клиентом, %			
Устное соглашение (референтная группа)	2298	28,4	
Неформальная переписка без договора	3610	44,7	
Официальный договор	2169	26,9	
Коммуникация с клиентом, %			
Личные встречи	2323	28,8	
Видеозвонки	1132	14,0	
Аудиозвонки	4588	56,8	
Электронная почта и текстовые сообщения	7883	97,6	
Пол, %			
Мужчины (референтная группа)	4749	58,8	
Женщины	3326	41,2	
Возраст, годы	8060	31,9	9,62
Уровень образования, %			
Нет высшего образования (референтная группа)	2341	29,0	
Есть высшее образование	5732	71,0	
Опыт работы фрилансером, годы	8077	4,35	3,87
Количество клиентов в 2013 г.	8077	9,37	6,17
Логарифм количества клиентов в 2013 г.	8077	1,97	0,79
Ежемесячный доход, %			
Менее 12 тыс. руб. (референтная группа)	1222	15,2	
12–24 тыс. руб.	1932	23,9	
24–36 тыс. руб.	1664	20,6	
36–60 тыс. руб.	1874	23,2	
Более 60 тыс. руб.	1385	17,1	

Таблица 3. Коэффициенты регрессии для зависимых переменных «наличие серьезных проблем» и «успех решения конфликтов»

	Наличие серьезных проблем				Успех решения конфликтов			
	Модель 1		Модель 2		Модель 3		Модель 4	
	e ^b	S.E.	e ^b	S.E.	e ^b	S.E.	e ^b	S.E.
Форма соглашения с клиентом (устная форма — реф.)								
Неформальная переписка без договора	0,939	0,056	0,934	0,056	1,364	0,081***	1,351	0,081***
Официальный договор	0,871	0,063*	0,868	0,063*	1,635	0,093***	1,649	0,094***
Стратегия поиска клиентов («рыночная» — реф.)								
«Смешанная» стратегия	0,905	0,071			1,319	0,098**		
«Социальная» стратегия	0,730	0,077***			1,881	0,112***		
Пути получения новых проектов фрилансерами								
Постоянные клиенты			0,935	0,051			1,181	0,076*
Рекомендации прошлых клиентов			1,017	0,054			1,256	0,080***
Рекомендации других фрилансеров, коллег			1,072	0,064			1,155	0,098
Рекомендации друзей, знакомых			1,038	0,055			1,110	0,084
Через биржи удаленной работы			1,363	0,052***			0,705	0,079***
«Обычные» сайты для поиска работы			1,244	0,072**			0,936	0,103
Собственный сайт, блог, социальная сеть			0,868	0,063*			1,072	0,096
«Холодный» обзвон, электронная рассылка			10,203	0,120			0,857	0,169
Коммуникация с клиентом								
Личные встречи	1,058	0,077	1,092	0,059	1,390	0,087***	1,291	0,092***
Видеозвонки	1,056	0,069	1,039	0,069	1,499	0,108***	1,505	0,109***

	Наличие серьезных проблем				Успех решения конфликтов			
	Модель 1		Модель 2		Модель 3		Модель 4	
	e ^b	S.E.	e ^b	S.E.	e ^b	S.E.	e ^b	S.E.
Аудиозвонки	1,243	0,052***	1,246	0,053***	1,194	0,076*	1,132	0,078
Электронная почта и текстовые сообщения	1,664	0,155***	1,623	0,155**	1,221	0,250	1,238	0,250
Женщины (муж. — реф.)	0,846	0,049**	0,849	0,049**	0,631	0,072***	0,634	0,073***
Возраст	0,967	0,015*	0,968	0,015*	0,980	0,021	0,975	0,021
Возраст в квадрате	1,000	0,000*	1,000	0,000*	1,000	0,000	1,000	0,000
Высшее образование (отсутствие в/о — реф.)	0,967	0,053	0,967	0,053	0,949	0,079	0,955	0,079
Опыт работы фрилансером	1,003	0,007	1,003	0,007	1,024	0,010*	1,016	0,010
Логарифм числа клиентов в 2013 г.	1,625	0,032***	1,635	0,033***	1,134	0,048**	1,084	0,050
Ежемесячный доход (менее 12 тыс. руб. — реф.)								
12–24 тыс. руб.	0,987	0,076	0,974	0,076	1,353	0,108**	1,367	0,108**
24–36 тыс. руб.	0,880	0,080	0,870	0,080	1,273	0,114*	1,256	0,114*
36–60 тыс. руб.	0,723	0,080***	0,716	0,081***	1,438	0,117**	1,397	0,118**
Более 60 тыс. руб.	0,679	0,088***	0,677	0,089**	1,287	0,130	1,219	0,131
(Константа)	0,609	0,304	0,436	0,306**	0,777	0,454	1,284	0,457
N	8048		8048		4056		4056	
Nagelkerke R Square	0,064		0,069		0,084		0,091	
AUROC (area under ROC-curve)	0,590***		0,595***		0,554***		0,563***	
L.R. X2 (df)	392,05 (18)***		430,79 (24)***		256,74 (18)***		278,32 (24)***	

* $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

Таблица 4. Регрессионные коэффициенты для зависимых переменных «изменение задач, сокращение сроков» и «задержка с оплатой работы» («менее серьезные» проблемы при работе с клиентами)

	Изменение задач, сокращение сроков				Задержка оплаты работы			
	Модель 5		Модель 6		Модель 7		Модель 8	
	e ^b	S.E.	e ^b	S.E.	e ^b	S.E.	e ^b	S.E.
Форма соглашения с клиентом (устная форма — реф.)								
Неформальная переписка без договора	1,047	0,062	1,032	0,063	1,010	0,068	1,000	0,068
Официальный договор	1,079	0,071	1,088	0,072	0,904	0,076	0,893	0,076
Стратегия поиска клиентов («рыночная» — реф.)								
«Смешанная» стратегия	1,270	0,075**			1,603	0,081***		
«Социальная» стратегия	1,417	0,083***			1,324	0,086**		
Пути получения новых проектов фрилансерами								
Постоянные клиенты			1,007	0,057			1,381	0,060***
Рекомендации прошлых клиентов			1,257	0,061***			1,223	0,066**
Рекомендации других фрилансеров, коллег			1,182	0,079*			1,082	0,084
Рекомендации друзей, знакомых			1,315	0,064***			1,117	0,068
Через биржи удаленной работы			0,899	0,059			1,204	0,063**
«Обычные» сайты для поиска работы			1,020	0,081			1,129	0,088
Собственный сайт, блог, социальная сеть			1,035	0,076			0,907	0,081
«Холодный» обзвон, электронная рассылка			0,892	0,137			1,520	0,165*
Коммуникация с клиентом								
Личные встречи	1,370	0,066***	1,220	0,071**	0,876	0,068	0,897	0,072

	Изменение задач, сокращение сроков						Задержка оплаты работы					
	Модель 5		Модель 6		Модель 7		Модель 8		Модель 7		Модель 8	
	e ^B	S.E.	e ^B	S.E.	e ^B	S.E.	e ^B	S.E.	e ^B	S.E.	e ^B	S.E.
Видеозвонки	1,440	0,087***	1,425	0,087***	0,893	0,084	0,896	0,084	0,893	0,084	0,896	0,084
Аудиозвонки	1,693	0,057***	1,599	0,058***	1,182	0,063**	1,171	0,064*	1,182	0,063**	1,171	0,064*
Электронная почта и текстовые сообщения	1,332	0,169	1,315	0,169	2,157	0,160***	2,135	0,161***	2,157	0,160***	2,135	0,161***
Женщины (муж. — реф.)	0,646	0,055***	0,680	0,055***	0,874	0,060*	0,890	0,060	0,874	0,060*	0,890	0,060
Возраст	0,978	0,016	0,976	0,016	0,980	0,017	0,977	0,017	0,980	0,017	0,977	0,017
Возраст в квадрате	1,000	0,000	1,000	0,000	1,000	0,000	1,000	0,000	1,000	0,000	1,000	0,000
Высшее образование (отсутствие в/о — реф.)	0,989	0,061	0,996	0,061	0,922	0,067	0,929	0,067	0,922	0,067	0,929	0,067
Опыт работы фрилансером	1,030	0,008***	1,022	0,008**	1,032	0,008***	1,029	0,008**	1,032	0,008***	1,029	0,008**
Логарифм числа клиентов в 2013 г.	1,417	0,034***	1,372	0,036***	1,692	0,037***	1,642	0,038***	1,692	0,037***	1,642	0,038***
Ежемесячный доход (менее 12 тыс. руб. — реф.)												
12—24 тыс. руб.	1,175	0,080*	1,191	0,080*	1,074	0,089	1,071	0,088	1,074	0,089	1,071	0,088
24—36 тыс. руб.	1,284	0,086**	1,278	0,086**	1,066	0,094	1,053	0,094	1,066	0,094	1,053	0,094
36—60 тыс. руб.	1,464	0,088***	1,430	0,089***	1,139	0,096	1,117	0,096	1,139	0,096	1,117	0,096
Более 60 тыс. руб.	1,208	0,097	1,168	0,098	1,121	0,107	1,079	0,107	1,121	0,107	1,079	0,107
(Константа)	0,866	0,335	1,110	0,337	0,761	0,351	0,775	0,352	0,761	0,351	0,775	0,352
N	8055		8055		8055		8055		8055		8055	
Nagelkerke R Square	0,112		0,120		0,084		0,089		0,084		0,089	
AUROC (area under ROC-curve)	0,552***		0,555***		0,511		0,511		0,511		0,511	
L.R. X2 (df)	652,07 (18)***		701,95 (24)***		451,09 (18)***		478,84 (24)***		451,09 (18)***		478,84 (24)***	

* $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

Таблица 5. Регрессионные коэффициенты для зависимых переменных «частичная невыплата гонорара» и «полная невыплата гонорара» (серьезные проблемы при работе с клиентами)

	Частичная невыплата гонорара				Полная невыплата гонорара			
	Модель 9		Модель 10		Модель 11		Модель 12	
	e ^b	S.E.	e ^b	S.E.	e ^b	S.E.	e ^b	S.E.
Форма соглашения с клиентом (устная форма — реф.)								
Неформальная переписка без договора	0,957	0,056	0,950	0,057	0,839	0,062**	0,836	0,062**
Официальный договор	0,912	0,063	0,916	0,064	0,817	0,070**	0,812	0,070**
Стратегия поиска клиентов («рыночная» — реф.)								
«Смешанная» стратегия	0,941	0,072			0,884	0,075		
«Социальная» стратегия	0,809	0,078**			0,649	0,085***		
Пути получения новых проектов фрилансерами								
Постоянные клиенты			0,882	0,052*			1,007	0,057
Рекомендации прошлых клиентов			1,083	0,055			0,942	0,061
Рекомендации других фрилансеров, коллег			1,081	0,064			1,126	0,072
Рекомендации друзей, знакомых			1,120	0,055*			0,938	0,062
Через биржи удаленной работы			1,214	0,053***			1,471	0,058***
«Обычные» сайты для поиска работы			1,297	0,072***			1,321	0,078***
Собственный сайт, блог, социальная сеть			0,885	0,064			0,795	0,072**
«Холодный» обзвон, электронная рассылка			1,248	0,120			1,094	0,132
Коммуникация с клиентом								
Личные встречи	1,193	0,056**	1,159	0,059*	0,704	0,065***	0,775	0,069***

	Частичная не выплата гонорара				Полная не выплата гонорара			
	Модель 9		Модель 10		Модель 11		Модель 12	
	e ^В	S.E.	e ^В	S.E.	e ^В	S.E.	e ^В	S.E.
Видеозвонки	1,136	0,069	1,111	0,069	1,075	0,078	1,062	0,078
Аудиозвонки	1,429	0,052***	1,395	0,053***	0,961	0,057	0,984	0,058
Электронная почта и текстовые сообщения	1,604	0,160**	1,570	0,160**	1,163	0,177	1,131	0,177
Женщины (муж. — реф.)	0,789	0,050***	0,788	0,050***	0,944	0,055	0,945	0,055
Возраст	0,990	0,015	0,991	0,015	0,951	0,016**	0,952	0,016**
Возраст в квадрате	1,000	0,000	1,000	0,000	1,001	0,000**	1,001	0,000**
Высшее образование (отсутствие в/о — реф.)	0,983	0,054	0,986	0,054	0,926	0,058	0,922	0,058
Опыт работы фрилансером	1,016	0,007*	1,014	0,007*	0,988	0,008	0,991	0,008
Логарифм числа клиентов в 2013 г.	1,525	0,032***	1,540	0,034***	1,647	0,036***	1,678	0,038***
Ежемесячный доход (менее 12 тыс. руб. — реф.)								
12—24 тыс. руб.	0,971	0,078	0,970	0,078	0,870	0,080	0,847	0,081
24—36 тыс. руб.	0,950	0,081	0,946	0,081	0,745	0,086**	0,730	0,086***
36—60 тыс. руб.	0,829	0,082*	0,823	0,082*	0,560	0,088***	0,552	0,089***
Более 60 тыс. руб.	0,855	0,089	0,854	0,090	0,545	0,098***	0,542	0,099***
(Константа)	0,249	0,311***	0,200	0,312**	0,725	0,333	0,468	0,335*
N	8055		8055		8055		8055	
Nagelkerke R Square	0,060		0,066		0,084		0,092	
AUROC (area under ROC-curve)	0,559***		0,566***		0,516		0,521**	
L.R. X2 (df)	366,45 (18)***		405,71 (24)***		489,45 (18)***		535,09 (24)***	

* $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

Источники

Гимпельсон В., Капелюшников Р. Нестандартная занятость и российский рынок труда: препр. WP3/2005/05. М.: ГУ ВШЭ, 2005. (Сер. WP3 «Проблемы рынка труда»).

Грановеттер М. Экономическое действие и социальная структура: проблема укорененности // Экон. социология. 2002. Т. 3. № 3. С. 44–58.

Радаев В.В. Экономическая социология. 2-е изд. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008.

Саймон Г. Рациональность как процесс и продукт мышления // THESIS. 1993. Вып. 3. С. 16–38.

Стендинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем, 2014.

Стребков Д.О., Шевчук А.В. Механизмы защиты от оппортунизма на электронных рынках услуг // Сб. докл. XII Междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и о-ва: в 4 кн. Кн. 3. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2012а. С. 467–477.

Стребков Д.О., Шевчук А.В. Оппортунизм и доверие на рынках удаленной работы // Рынки удаленной работы: социальные сети и ин-ты / отв. ред. сер. В.В. Радаев. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2012б. С. 76–94. (Аналитика ЛЭСИ; вып. 10).

Стребков Д.О., Шевчук А.В., Спирина М.О. Развитие русскоязычного рынка удаленной работы, 2009–2014 гг. (по результатам Переписи фрилансеров) / отв. ред. сер. В.В. Радаев. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2015. (Аналитика ЛЭСИ; вып. 16).

Уильямсон О.И. Экономические институты капитализма: фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация. СПб.: Лениздат: Севпресс, 1996.

Abraham M. Why Reputation Is Not Always Beneficial: Tolerance and Opportunism in Business Networks // The J. of Socio-Economics. 2009. Vol. 38. No. 6. P. 908–915.

Barbieri P. Social Capital and Self-Employment — A Network Analysis Experiment and Several Considerations // Intern. Sociology. 2003. Vol. 18. No. 4. P. 681–701.

Baumann A. Informal Labour Market Governance: The Case of the British and German Media Production Industries // Work, Employment a. Society. 2002. Vol. 16. No. 1. P. 27–46.

Blair H. Winning and Losing in Flexible Labour Markets: The Formation and Operation of Networks of Interdependence in the UK Film Industry // Sociology. 2003. Vol. 37. No. 4. P. 677–694.

Chang W.H., Chang J.S. A Novel Two-Stage Phased Modeling Framework for Early Fraud Detection in Online Auctions // Expert Systems with Applications. 2011. Vol. 38. No. 9. P. 11244–11260.

Coleman J.S. Social Capital in the Creation of Human Capital // American J. of Sociology. 1988. Vol. 94. Suppl. P. 95–120.

De Peuter G. Beyond the Model Worker: Surveying a Creative Precariat // Culture Unbound: J. of Current Cultural Research. 2014. Vol. 6. No. 1. P. 263–284.

Dex S., Willis J., Paterson R. Freelance Workers and Contract Uncertainty: The Effects of Contractual Changes in the Television Industry // Work, Employment a. Society. 2000. Vol. 14. No. 2. P. 283–305.

- Field J.* Social Capital. L.: Routledge, 2008.
- Fukuyama F.* Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity. L.: Hamish Hamilton, 1995.
- Furubotn E.G., Richter R.* The New Institutional Economics: An Assessment // The New Institutional Economics / E.G. Furubotn, R. Richter (eds). Tubingen: J.C.B. Mohr, 1991.
- Gill R.* "Life Is a Pitch": Managing the Self in New Media Work // Managing Media Work / M. Deuze (ed.). L.: Sage, 2010. P. 249–262.
- Granovetter M.* Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness // American J. of Sociology. 1985. Vol. 91. No. 3. P. 481–510.
- Granovetter M.* The Impact of Social Structure on Economic Outcomes // The J. of Economic Perspectives. 2005. Vol. 19. No. 1. P. 33–50.
- Jacobs J.* The Death and Life of Great American Cities. L.: Penguin Books, 1965.
- Kalleberg A.L.* Nonstandard Employment Relations: Part-Time, Temporary and Contract Work // Annu. Rev. of Sociology. 2000. Vol. 26. No. 1. P. 341–365.
- Kauffman R.J., Wood Ch.A.* Irregular Bidding from Opportunism: An Exploration of Shilling in Online Auctions [Electronic resource]: Working Paper. 2007. URL: http://www.researchgate.net/publication/250751693_IRREGULAR_BIDDING_FROM_OPPORTUNISM_AN_EXPLORATION_OF_SHILLING_IN_ONLINE_AUCTIONS.
- Kim J.Y., Wulf E.* Move to Depth: Buyer-Provider Interactions in Online Service Marketplaces // e-Service J. 2010. Vol. 7. No. 1. P. 2–14.
- Maitland I., Bryson J., Ven A.* Sociologists, Economists, and Opportunism // The Acad. of Management Rev. 1985. Vol. 10. No. 1. P. 59–65.
- McKeown T.* Non-Standard Employment: When Even the Elite Are Precarious // J. of Industrial Relations. 2005. Vol. 47. No. 3. P. 276–293.
- Nikitkov A.N., Bay D.* Online Auction Fraud: An Empirical Analysis of Shill-Bidding Practice // J. of Forensic & Investigation Accounting. 2010. Vol. 2. No. 3. P. 119–228.
- North D.C.* Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge Univ. Press, 1990.
- O'Mahony S., Bechky B.A.* Stretchwork: Managing the Career Progression Paradox in External Labor Markets // The Acad. of Management J. 2006. Vol. 49. No. 5. P. 918–941.
- Osnowitz D.* Freelancing Expertise: Contract Professionals in the New Economy. Ithaca, NY: Cornell Univ. Press, 2010.
- Portes A., Sensenbrenner J.* Embeddedness and Immigration: Notes on the Social Determinants of Economic Action // The American J. of Sociology. 1993. Vol. 98. No. 6. P. 1320–1350.
- Putnam R.D.* Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy. Princeton Univ. Press, 1993.
- Sebesta M.* Risks and Problems of Contemporary Electronic C2C Auction Systems // Systémová integrace. 2009. Vol. 1.

Shevchuk A., Strebkov D. Freelance Contracting in the Digital Age: Informality, Virtuality and Social Ties [Electronic resource]: Higher School of Economics Research Paper No. WP BRP 12/SOC/2012. URL: <http://ssrn.com/abstract=2172702>.

Spence M. Market Signaling: Information Transfer in Hiring and Related Screening Processes. Harvard Univ. Press, 1974.

Storey J., Salaman G., Platman K. Living with Enterprise in an Enterprise Economy: Freelance and Contract Workers in the Media // Human Relations. 2005. Vol. 58. No. 8. P. 1033–1054.

Strebkov D., Shevchuk A. Opportunism and Social Ties in the Informal Labor Market: Evidence from Freelance Contracting on the Internet // 109th ASA Annu. Meeting “Hard Times: The Impact of Economic Inequality on Families and Individuals”. Sect. on Economic Sociology. San Francisco, 2014. Tab. 4: Labor Market Processes.

Uzzi B. Social Structure and Competition in Interfirm Networks: The Paradox of Embeddedness // Administrative Sci. Quart. 1997. Vol. 42. No. 1. P. 35–67.

Uzzi B. The Sources and Consequences of Embeddedness for the Economic Performance of Organizations: The Network Effect // American Sociological Rev. 1996. Vol. 61. No. 4. P. 674–698.

Williamson O. Markets and Hierarchies: Analysis and Antitrust Implications. N.Y.: Free Press, 1975.

E. Kovaleva
M. Spirina

National Research University
Higher School of Economics

VISUAL REPRESENTATION OF THE FEMALE BODY IN YOGA: NEW FEMININITY, POWER TECHNOLOGY AND TECHNOLOGY OF THE SELF

Introduction. Female body in modern yoga

The importance of studying women's corporality is determined by the fact that the personality and social role of women in contrast to men historically tend to be perceived mainly through the bodily aspects, especially through the compliance with the canons and standards of physical beauty of a certain epoch [Bordo, 1995]. Therefore, the study of the female body as a social and cultural phenomenon requires the incorporation of a gender dimension which cannot be ignored [Vanke, 2011]. This conclusion is especially relevant for a visual analysis of such a female-oriented physical practice as modern yoga.

Today yoga practice has transformed significantly from the traditional authentic activity, especially for men in India, to a mass activity especially for women in Western countries (including Russia). Some experts argue that contemporary yoga is a Western and modern invention for women's leisure and physical wellbeing in the context of the growing popularity of healthy lifestyle [Singleton, 2010], while the original yoga was more about spiritual, mental knowledge and sacral practice of self-awareness [Элиаде, 2014]. Nearly 3.4 mln of Russians are interested in yoga and around 1.4 mln of them regularly practice it [Более 1,3 миллиона..., 2015]. Importantly, 84% of practicing yoga in Russia are women, and as perceived by young people in Russia, yoga is associated almost only with females [Исследование 2..., 2012].

Accordingly, we claim that the representation of the female body in the context of modern yoga has a gendered character, which means that it is intimately connected with sex identity not only expressed but generated as well by the means of visual support [DeFrancisco et al., 2013]. We assume that the female body has a special status and significance in the context of modern yoga. Consequently, the analysis of its re-

presentation can shed light on the deeper understanding of a more general trend concerning the meaning of women's individuality and social role in contemporary society.

Towards theoretical and methodological approaches

The main research question of the current study is how the female body is represented through the prism of modern yoga in Russia. Is the image of the modern female yogi different from the stereotyped and sexist patterns imposed by mass media? Which visual instruments do apply various yoga schools in order to diffuse this image? How the visual representation of female body in yoga could be understood theoretically through the practice of the discipline of the body?

The subject of our research is the visual images of the female body presented on the most popular Russian web sites of yoga studios and related thematic groups in the social network VK.com¹. We have scrutinized 15 web sites and related public groups in the social network VK.com and critically analyzed more than 500 images. The fieldwork lasted for 3 months from December 2014 to February 2015.

The theoretical foundation of this work is based, on the one hand, on the tradition of symbolic interactionism, namely the concept of the looking-glass body which understands the body as the reflective act of seeing [Wascul, Vannini, 2006, p. 5]. In this relation, gender representation in mass media is a particularly valuable object of research due to the fact that individuals very often perceive media images as an objective reflection of reality, thus bringing them value and authority [Barthes, 1997].

On the other hand, we appeal to M. Foucault's idea of the docile body that helps to understand how the human body is constructed by society making it socially productive through political discourse [Foucault, 1988]. We also used Foucault's concept of "technologies of the self," that P. Markula applied to the analysis of commercial fitness practices [Markula, 2004]. These ideas give us a theoretical basis to draw the line between oppressive images of the female body in yoga and not oppressive ones².

The methodological part of this work is based on the approach of commercial realism developed by E. Goffman [Goffman, 1979]. According to Goffman, the purpose of commercial realism is portraying life by using stereotypical codes of masculinity and femininity in the context of rise of the consumption society, therefore embedding sexist practices in advocated gender differentiation. In order to enrich

¹ We consider including in the analysis those thematic groups in the social network VK.com due to its utmost importance in the process of communication with the general public which cannot be ignored.

² For more details concerning theoretical foundations of this study see: [Spirina, Kovaleva, 2015].

the methodological tools we add the empirical indicators for interpretation of images proposed by G. Kress and T. van Leeuwen [Kress, van Leeuwen, 2006]. The framework for the analysis of empirical material is presented on the Fig. 1.

General representation of female body in yoga

In the first part of our empirical analysis we have attempted to show that common female image through the prism of modern yoga is somehow perpendicular to the stereotypical codes of masculinity and femininity of mass media in which women are often symbolically oppressed and subordinated to men. For this purpose the main general characteristics of female representation in modern yoga were identified and compared with Goffman's conclusions.

Orientation on the individuality and self-sufficiency

As the analysis revealed, the typical female image in yoga refers to individual practice: a woman is the only person represented on the picture; she looks calm, happy or concentrated. Importantly, the woman is oriented inside, rather than outside, dealing with her inner life and not with an outer world. In contrast to the stereotypical mass media image, a woman is represented not as a housewife or a sexualized object, but as a self-sufficient independent character (see Fig. 2). In case of collective images (usually real photos shot during yoga sessions or travel tours) the represented characters might be equal both in terms of spatial position (no functional ranking) and relative size.

Active, conscious and mindful position

Representations with an accent on physical practices show women as major active characters, contrarily to the passive and "decorative" role they often play in mass media, and prove a full control over their body. Modern female yogi is represented as active, conscious and mindful, performing executive functions rather than supportive or simply accessory. Moreover, the original control of feminine yogis over their body is sometimes exaggerated and lead to "super-women" or "super-active" image of a woman with extra capacities who achieves ultimate performances, practice apparently easily extra-difficult exercises, show their strength and prove of their accurate control over their body.

Reference to nature

Speaking about the representational metafunction [Kress, van Leeuwen, 2006], the environmental context often includes a variety of elements of Nature: grass, trees, water, fire, wind and ground. Importantly, this context should not be seen as a set of "inanimate objects" placed all around the subject, but rather as a "living environment" with whom a woman is connected and with whom she interacts.

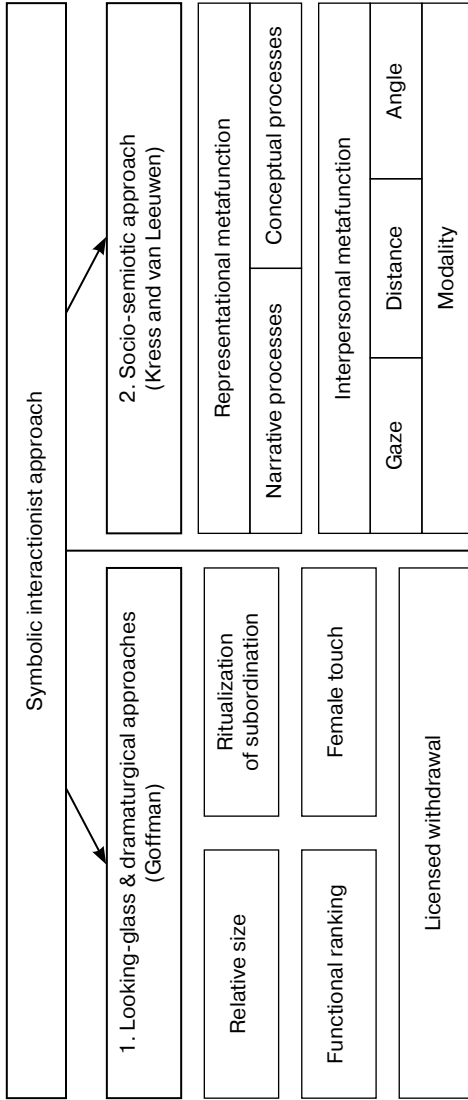
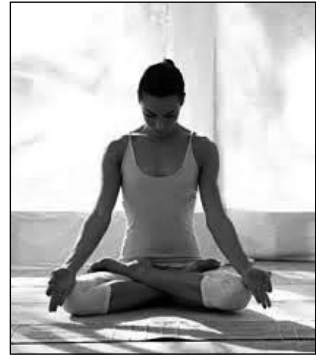
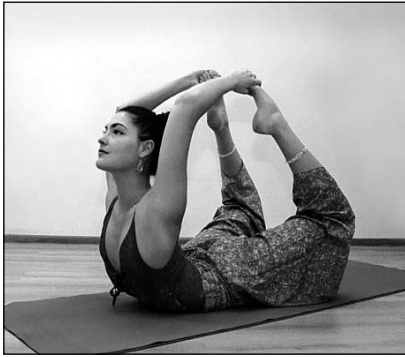

Fig. 1. Integrative methodological scheme

Source: Pranayoga.ru (public page VK.com).

Fig. 2

Those references account for natural female beauty, irrational and native, in a complete opposition with the scheme of perfect artificial beauty transmitted mass media.

Equal footing relation with a viewer

Concerning the interpersonal metafunction, in modern yoga woman is not simply exposed to the gaze of the viewers, but actively builds an original relation with them. Thus, escaping other's gaze and using direct eye contact with a spectator, she does not perform anymore the role of passive object.

As for the distance established between the viewer and the represented woman, generally the subject of the picture is represented neither far nor close, and neither under nor above the viewer, for it creates a certain equality in their relation, as would feel two persons discussing face to face. Contrarily to mass media images in which the viewer feels superiority, in yoga pictures the woman and the viewer are put on an equal footing and one cannot glance at her without feeling a reciprocal obligation.

The construction of new femininity

We suppose that trends in representation of female body in the context of modern yoga described above contribute to the construction of new image of femininity as opposed to the stereotyped sexist representation of an "ideal" woman in mass media. Women in yoga are not represented as sexualized objects, naked bodies, seductive poses or provocative expressions common for contemporary advertisement, but rather as individualized, self-sufficient, conscience and mindful human beings. We suppose that this trend is a part of a broader contemporary movement which promotes return to nature, healthy life-style, natural, bio and eco products and cosmetics [Crockett, 2014].

Table 1. New femininity through modern yoga vs. stereotyped femininity through mass media

Dimension for comparison	New femininity in yoga	Stereotyped femininity
General role	Absence of functional ranking according to traditional gender roles; women as independent actors and subject of action	Women as housewives and mothers or as sexualized and eroticized objects
Beauty	Natural beauty: in majority of cases, real existing women are depicted with some natural imperfections	Artificial perfection: face and figure are corrected with the help of computer graphics
Appearance	Casual: natural make-up, comfortable clothes, light neutral colors	Glamorous: bright make-up, provocative sexual clothing: bright colors, naked parts of body
Shape	Sportive slim shape, some imperfections are present	Perfect shape according to the standard “90-60-90”
Sexuality	Natural sexuality, absence of naked body	Explicit sexuality in terms of consumerism
Postures	Postures are oriented to physical or mental practices in yoga context; no sexualized body language	Body language and posture are sexualized
Dismembering	Women are subjects in its entirety; dismembering into eyes and hands (very rare, have some references to the soul)	Women are objects rather than whole humans: dismembering into sexualized parts of the body: breath, legs, lips

The main dimensions of new femininity compared with the stereotyped “ideal” woman of mass media are summarized in the Tab. 1.

Visual strategies: Technologies of power or technologies of the self?

The concept of the technology of power developed by Foucault focuses on how modern yoga deals mainly with a body having a purpose to transform and improve it. From this point of view yoga manipulates, shapes and trains docile bodies to make them more skillful, stronger and healthier. Instructors are perceived as experts of the truly healthy and beautiful body who know even the secrets of perpetual youth. In such a way, yoga practice is the instrument of biopower and discipline for those who want to comply with bodily standards: it teaches people what to do, what to eat and how to treat their bodies. Images related to the process of teaching, classes, and dif-

ferent situations when the instructors show what to do and correct the participants maintain the technology of power, reinforce the discipline of the real practices, and form the bodily canon. The images of the feminine body are involved in different discourses that practice control over the individual.

The concept of the technology of the self in Markula's interpretation focuses on another aspect of yoga — self-care, self stylization and a critical awareness of the dominant construction of gender and femininity. Nevertheless, building a new body in yoga classes does not, in itself, serve as a technology of the self; the individual should have a critical view on the ways the fit body is constructed. It is an "individual's ability to question the limits of one's natural identity — to distinguish practices of freedom from the ones that perpetuate the dominant discursive construction of gender" [Markula, 2004, p. 308].

Therefore, on the one hand, we consider yoga as a disciplinary method of controlling, training and manipulating the docile body that is reflected evidently in visual images. On the other hand, we find in yoga the elements of the technology of the self and a new look on the subjected human body.

Have analyzed visual online material of most popular yoga schools in Moscow we noticed that the collection of images is not homogeneous. Hence, we tried to analyze peculiarity of representing female body in different yoga schools through a term of "the visual strategy" that is a thematic set of images used in web sites and online communities. We offer the analytical continuum: there are fitness-oriented yoga schools that represent physical practice and include typical fitness elements at one pole, and schools pretended for "authentic" practice, which is mostly esoteric, men-oriented practice (or just not oriented mostly for women) at another pole. The continuum allows us to allocate yoga schools on the line from more fitness oriented to more "authentic"³.

The visual strategy of fitness-oriented yoga schools characterized by using images mostly of bodies and physical positions, usually women, especially young and slim, in sportive comfortable clothes, natural or light make-up, which look happy, sexy and sometimes even glamour. There is an accent on sport, physic practice, presence of special women practice (perinatal yoga, yoga of orgasm and so on). This type might include spa-procedures, lounge-zones and cosmetic cabinet. Female images are closer to images from fashion magazines that represent a dominant canon of "ideal" body.

The visual strategy of more authentic yoga schools includes images of Indian gods, yoga guru, authorities, images of nature, mostly real photos of participants without computer graphic redactors, no images from fashion magazines or stereotypical gender images that Goffman described. It includes the representation of the

³ We use the word "authentic" in inverted commas because yoga today is an invention of modern people, nevertheless some schools appeal to the real authentic texts like "Bhagavat Gita", "Yoga-sutra" by Patandjali, some we could call it to some extent authentic.

technology of the self that we have described above due to references to philosophical approach, classical yoga books and texts. Images of female bodies in “authentic” yoga practice differ from images in mass media or in fitness-oriented schools. There are images of aging women, women-instructors, who teach participants, not slim women. Focus on internal and mental practice may lead to avoiding of images of bodies at all, so that they do not represent the “ideal” body canon. The visual representation of the variety of body shapes and individual characteristics such as gender, age and physical abilities is also destabilized the dominant discourse and opens the opportunity for the realization of the technologies of the self.

In addition to the axis that describes the orientation of the schools from the fitness-oriented to a more authentic, we introduced a second axis of gender specificity. Some schools focus on practices for women, while others focus on exercise for men; there are also options for mixed practice. Therefore, we use two axis to analyze visual strategies of yoga schools: representation of fitness-oriented practice versus representation of authentic practice and mostly images of female body versus mostly images of masculine body. This approach allows placing yoga schools in the coordinate system and separates out physical practice for women and esoteric female community, the image of authentic yoga and yoga as just a gymnastic for men and women.

Conclusion and paths for future research

As the main empirical finding, we distinguished the key features of the female representation in modern yoga in Russia: the orientation on individuality and self-sufficiency; active, conscious and mindful position; the explicit references to nature; open, active and equal relationship between the women in the picture and the spectator. We claim that those attributes contribute to the construction of a new femininity through modern yoga as opposed to the “ideal” stereotyped femininity in mass media. We suppose that the particular accent on health, mindfulness, naturalness and simplicity identified on the basis of the current research is a reflection of broader contemporary social requirements and trends in modern society (value of a healthy life style, natural beauty and the avoidance of overconsumption) [Cronon, 1996; *The Routledge Handbook...*, 2015].

We also draw a continuum of the visual strategies used by yoga schools: from the most fitness-oriented yoga schools with the oppressive images of the ideal body to the most “authentic” yoga schools that focus on the mental practice, from the female practice to the mixed or even masculine practice.

We consider the issue of gendered representation through the lens of modern yoga to be a promising path for further research. The results of the current preliminary study can be deepened and tested by conducting research on corporality in modern yoga using qualitative methodology (interviews and participant observation).

References

- Barthes R.* Image, Music, Text. L.: Fontana/Collins, 1997.
- Bordo S.* Unbearable Weight: Feminism, Western Culture, and the Body. Berkeley: Univ. of California Press, 1995.
- Crockett D.* Nature Connection Will Be the Next Big Human Trend [Electronic resource] // The Huffington Post. 2014. Aug. 22. URL: http://www.huffingtonpost.co.uk/daniel-crockett/nature-connection-will-be-the-next-big-human-trend_b_5698267.html (date of access: 12.11.2014).
- Cronon W.* The Trouble with Wilderness: Or, Getting Back to the Wrong Nature // Environmental History. 1996. Vol. 1. No. 1. P. 7–28.
- DeFrancisco V.P., Palczewski C.H., McGeough D.* Gender in Communication: A Critical Introduction. Sage Publ., 2013.
- Foucault M.* Technologies of the Self // Technologies of the Self: A Seminar with Michel Foucault / L.H. Martin, H. Gutman, P.H. Hutton (eds). Amherst, MA: Univ. of Massachusetts Press, 1988.
- Goffman E.* Gender Advertisements. Harper & Row, 1979.
- Kress G.R., van Leeuwen T.* Reading Images: The Grammar of Visual Design. L.: Routledge, 1996.
- Markula P.* “Tuning into One’s Self”: Foucault’s Technologies of the Self and Mindful Fitness // Sociology of Sport J. 2004. No. 21. P. 302–321.
- Singleton M.* Yoga Body: The Origins of Modern Posture Practice. N.Y.: Oxford Univ. Press, 2010.
- Spirina M., Kovaleva E.* Representation of the Female Body in Modern Yoga: Theoretical and Methodological Approach // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2015. № 9. С. 16–30.
- The Routledge Handbook of Environment and Communication / A. Hansen, R. Cox (eds). L.: Routledge, 2015.
- Vanke A.* Male Sexuality in the Discourse of Men’s Health. Health and Sex Life: Sociological Approaches / E. Zdravomyslova, A. Temkina (eds). St. Petersburg: Publ. of the European Univ. in St. Petersburg, 2011. P. 178–209 (in Russian).
- Wascul D., Vannini P.* Chap. 1: The Body in Symbolic Interaction // Body / Embodiment. Symbolic Interaction a. the Sociology of the Body / D. Wascul, P. Vannini (eds). Burlington, VT: Ashgate, 2006. P. 1–18.
- Более 1,3 миллиона россиян практикуют йогу! [Электронный ресурс] // Yoga J. 2015. 4 июня. URL: http://yogajournal.ru/news/bolee-1-3-millionov-rossiyan-praktikuyut-yogu/?sphrase_id=14786 (дата обновления: 10.10.2015).
- Исследование 2: «Отношение московской молодежи к йоге» [Электронный ресурс] // Моск. ун-т йоги. 2012. URL: <http://www.niketan108.com/research-2.html> (дата обновления: 12.11.2014).
- Элиаде М.* Йога: бессмертие и свобода. 4-е изд., испр. и доп. М.: Акад. проект, 2014. (Филос. технологии).

РАЗВИТИЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

М.А. Канева

Институт экономической
политики
им. Е.Т. Гайдара

Н.А. Авксентьев

Институт прикладных
экономических исследований
РАНХиГС при Президенте РФ,
Научно-исследовательский
финансовый институт

В.М. Байдин

Научно-исследовательский
финансовый институт

РЕГРЕССИОННЫЙ АНАЛИЗ ФАКТОРОВ, ВЛИЯЮЩИХ НА ГОТОВНОСТЬ ПЛАТИТЬ ЗА КООПЕРАТИВНОЕ МЕДИЦИНСКОЕ СТРАХОВАНИЕ

Введение

Существующая в нашей стране система здравоохранения является механизмом, обеспечивающим доступ к получению бесплатной медицинской помощи для населения. Однако в последнее время был выявлен ряд проблем российской системы здравоохранения, в частности, ее низкие эффективность и результативность. Среди причин низкой эффективности эксперты часто называют отсутствие ясного определения состава государственных гарантий оказания гражданам медицинской помощи, сохранение высокой доли бюджетного финансирования и запрет на использование частных средств для оплаты услуг, включенных в программу государственных гарантий.

В настоящее время заслуживает обсуждения возможность исключения из программы государственных гарантий услуги с соотношением «результат — затраты» ниже заранее установленного значения. Эти услуги войдут в пакет добровольного медицинского страхования (ОМС+). Поликлиникам и больницам, работающим по ОМС+, будет запрещено оказывать платные услуги. Ожидается, что введение такого медицинского страхования снизит неформальные платежи и принесет в бюджет государства дополнительные средства для финансирования отрасли здравоохранения. Кроме того, в рамках этого страхования произойдет смешение частных и государственных средств, до сих пор не разрешенное законом.

Одним из возможных видов ДМС по типу ОМС+ является кооперативное медицинское страхование, по условиям которого гражданин вносит в систему страхования взнос в установленном размере, и столько же вносит

за него государство. Софинансирование со стороны государства увеличивает сумму страхового покрытия, включая в него более широкий набор услуг и делая медицинскую помощь более доступной для населения по сравнению с полностью частным финансированием.

Идея данного страхования, которое является добровольным, принадлежит экспертам из КНР. В 2002 г. правительство КНР представило программу Новой кооперативной медицинской системы (NCMS), в соответствии с условиями которой резидент провинции вносил в систему страхования взнос в установленном размере, и столько же вносила за него провинция. Каждая провинция устанавливала свой размер платежа, однако он был рассчитан так, чтобы собранных средств хватило на покрытие до 30% общих затрат на предоставление первичной медицинской помощи в клиниках и госпиталях, входящих в установленный перечень [Brown, Huff, 2011].

В 2014 г. в опрос Левада-центра с целью изучения отношения россиян к подобной схеме страхования был включен вопрос об их готовности участвовать в кооперативном медицинском страховании. Для анализа ответов предполагалось использование методики «готовность платить» (willingness to pay), основанной на опросах и используемой для оценки нерыночных ресурсов. По определению, готовность платить — это *максимальное количество денег, которое человек готов заплатить, пожертвовать или обменять, чтобы получить товар или избежать нежелательного события*. Для оценки готовности платить в рамках метода субъективной оценки используется широкий набор эконометрических моделей, при этом выбор модели основывается на формулировке вопроса о готовности платить и виде зависимой переменной.

Регрессионное моделирование готовности платить за кооперативное медицинское страхование

Исследование основано на опросе «Апрельский омнибус 2014», проведенном Левада-центром, в ходе которого было опрошено 1602 человека из 45 регионов и 130 населенных пунктов. В опросе было дано следующее определение кооперативного медицинского страхования.

Представьте, что правительство РФ ввело добровольное медицинское страхование населения с государственным софинансированием. Вы платите ежегодно за страховой полис, и государство вносит такую же сумму, в итоге Ваш взнос удваивается. По этому полису Вы можете получать в государственных и частных поликлиниках и больницах все виды медицинского обслуживания, кроме стоматологической помощи и помощи в случае сознательного

причинения себе увечий. Хотели бы Вы приобрести такой полис добровольного медицинского страхования?

Тем респондентам, которые выразили желание приобрести полис кооперативного медицинского страхования, было предложено выбрать минимальную сумму ежегодного платежа, оплачивая которую они уверены, что по этому полису будут предоставлены услуги *хорошего качества*. Распределение полученных ответов приведено в табл. 1.

Около трети респондентов выбрали вариант ответа «1000 руб.», второй по популярности ответ — «500 руб.» — был выбран 18% респондентов.

Первая задача, которую поставили перед собой авторы статьи, заключалась в **построении регрессионной модели**, позволяющей выделить социально-экономические характеристики индивидов, лежащие в основе выбора каждого варианта ответа. Зависимой переменной в регрессионном уравнении выступала сумма, которую индивид был готов платить (WTP) за участие в кооперативном медицинском страховании, независимыми переменными — набор социо-экономических характеристик (табл. 2). Можно говорить о том,

Таблица 1. Выбор респондентов при ответе на вопрос о готовности платить за кооперативное региональное страхование и частотные характеристики ответа, $N = 329$

Показанная карточка	Сумма, руб.	Респонденты, выбравшие данную карточку, %	Количество выбравших данную карточку
1	500	17,68	58
2	1000	27,74	91
3	1700	7,93	27
4	2500	13,11	43
5	3500	6,40	21
6	4500	6,10	20
7	5500	6,10	20
8	7000	3,05	10
9	9000	0,30	1
10	Более 9000	3,96	13
99	Затрудняюсь ответить	7,62	25

Источник: составлено авторами на основе апрельского омнибусного опроса 2014 г. (Опрос о состоянии здоровья и услугах здравоохранения). М.: Левада-центр, 2014.

Таблица 2. Независимые переменные мультиномиальной логистической регрессии, $N = 329$

Обозначение	Определение	Среднее	Стандартное отклонение	Max	Min
<i>Количественные переменные</i>					
Age	Возраст	42,328	15,064	18	90
Incrub	Месячный доход респондента*	41 395,85	26 818,79	1500	200 000
<i>Дихоми-переменные</i>					
Sexd	Пол респондента 1 = мужчина 0 = женщина	0,465	0,500	0	1
Sah_g	1 = респондент оценивает свое здоровье как хорошее	0,419	0,494	0	1
Chron	1 = респондент имеет одно или более хронических заболеваний	0,333	0,472	0	1
Work	1 = респондент работает	0,708	0,455	0	1
Stud	1 = респондент учится	0,033	0,180	0	1
Pens	1 = респондент — пенсионер	0,173	0,380	0	1
Unemp	1 = респондент — безработный (референс-категория для переменных work, stud, pens)	0,085	0,279	0	1
Marid	1 = респондент состоит в браке	0,671	0,471	0	1
Div	1 = респондент разведен	0,121	0,327	0	1
Sing	1 = респондент не состоит в браке	0,137	0,344	0	1
Wid	1 = респондент — вдовец (вдова) (референс-категория для переменных marid, div, sing)	0,070	0,255	0	1

Sarpt	1 = место проживания респондента — столица субъекта Федерации	0,210	0,408	0	1
Town	1 = место проживания — город с населением более 300 тыс. человек	0,155	0,362	0	1
Vill	1 = место проживания — населенный пункт с населением менее 300 тыс. человек	0,538	0,499	0	1
Mosc	1 = место проживания — Москва или Санкт-Петербург (референс-категория для переменных sarpt, town, vill)	0,097	0,297	0	1
Educ_h	1 = респондент имеет оконченное высшее образование	0,340	0,475	0	1

Источник: составлено авторами.

* Поскольку не все респонденты сообщили информацию о своем доходе, общее число наблюдений для данной переменной составило $N = 265$.

что набор переменных для регрессионного анализа является стандартным и используется в большом числе как отечественных, так и зарубежных исследований ([Vaji et al., 2014; Brown, Huff, 2011; Kerssens, Groenewegen, 2005; Засимова, Канева, 2014; Селезнева, 2014] и др.) при анализе мер в отрасли здравоохранения.

Неприятие риска как фактор, влияющий на готовность платить за кооперативное региональное страхование

Медицинское страхование как обязательное, так и добровольное, основано на вероятностной модели осуществления страхового случая, поскольку индивид обращается в медицинское учреждения только тогда, когда заболевает. Однако и в случае заболевания не все индивиды а) покупают страховку ДМС и б) имея страховку, обращаются за медицинской помощью. Какая особенность в поведении индивида может определять его участие в вероятностных событиях или, в терминологии экономической теории, в «лотерее»?

Характеристика индивида с точки зрения его желания участвовать в лотереях получила название «неприятие риска» (risk aversion). Согласно этому признаку все индивиды разделяются на 1) неприемлющих риск, или рискофобов; 2) готовых рисковать, или рискофилов и 3) нейтральных к риску [Copeland, Weston, 1998].

Предположим, что для каждой лотереи или рисковей деятельности существует безрисковый эквивалент — некоторая гарантированная сумма денег, которая необходима индивиду для того, чтобы индифферентно отнестись к выбору между этой суммой и ожидаемой суммой денежного потока от вероятностного события. Тогда индивиды, всегда выбирающие безрисковый эквивалент, называются рискофобами. Рискофилы в данной ситуации выбора предпочтут ожидаемый финансовый поток от вероятностного события, в то время как для нейтральных к риску индивидов обе опции будут одинаковы привлекательны.

Степень неприятия риска измеряется абсолютной мерой Эрроу — Пратта, которую можно рассчитать на основе ответов индивидов на вопрос об участии в лотерее. В этом случае в вопросе содержится информация о Z — общей сумме выигрыша, α — вероятности выигрыша, а ответом является λ — цена лотереи, которая в этом случае служит оценкой безрискового эквивалента [Hartog et al., 2000]:

$$ARA = \frac{(\alpha Z - \lambda)}{\left(\frac{\lambda^2}{2} + \frac{\alpha Z^2}{2} - \alpha \lambda Z \right)}.$$

В «Апрельском омнибусе» Левада-центра за 2014 г. респондентам был задан стандартный вопрос об участии в лотерее, позволяющий вычислить меру Эрроу — Пратта:

«Представьте, что Вам предлагают стать участником лотереи, в которой участвуют 10 человек, и каждый имеет равные шансы на выигрыш. Приз составляет 30 000 руб. Сколько Вы были бы готовы заплатить за лотерейный билет? Дайте ответ в рублях».

Средняя цена лотерейного билета с учетом нулевых ответов и отказов от ответа составила 270 руб. Минимальное значение меры Эрроу — Пратта составило $-0,0000471$, максимальное значение — $+0,0000667$.

Предыдущие исследования показали, что слабое здоровье положительно связано с неприятием риска, более редким участием в рисковом деятельности, особенно если она связана с возможностью ухудшить состояние здоровья [Schmitz, 2011]. С учетом вышесказанного мы предполагаем, что отношение к риску влияет на поведение индивида при принятии решения о страховании здоровья и готовности платить за полис ДМС.

Таким образом, *вторая задача*, поставленная авторами исследования, заключалась в **проверке гипотезы** о том, что неприятие риска положительно влияет на готовность платить за кооперативное медицинское страхование: оценка программы страхования для рискофобов будет выше, поскольку программа страхования позволит индивиду уменьшить финансовый ущерб от наступления страхового случая (болезни).

Мультиномиальная логистическая регрессия как метод оценки готовности платить за кооперативное медицинское страхование и интерпретация результатов

Тип регрессионной модели зависит от вида зависимой переменной. В нашем случае (табл. 1) она задана II категориями и не является непрерывной. Для сокращения числа категорий было решено разделить все варианты ответа на вопрос о готовности платить на три категории и определить зависимость переменной $WTP3_2$:

$$\begin{aligned} Wtp3_2 &= 1 \text{ for } q5a < 1000; \\ Wtp3_2 &= 2 \text{ for } q5a \in [1000; 1700]; \\ Wtp3_2 &= 3 \text{ for } q5 > 1700. \end{aligned}$$

При этом без учета варианта «затрудняюсь ответить» в первую категорию попало 19,08% ответов, во вторую — 38,8%, в третью — 42,11%.

Невозможность упорядочить категории означает выбор мультиномиальной логистической регрессии как инструмента анализа. Действительно,

помимо цены страховки и общей суммы покрытия каждой категории соответствует определенный профиль риска респондента, в зависимости от которого происходит выбор цены. Так, индивиды с более слабым здоровьем, скорее всего, предпочтут большее покрытие — условие, которое отразится в более высокой цене страхового полиса. Это означает, что выбор оценки платежа за кооперативное медицинское страхование в размере 1000 руб. не является «лучше» или «хуже» оценки платежа в 1700 руб., т.е. категории 1–3 неверно было бы упорядочивать.

Расчитаны две спецификации модели — без показателя риска (спецификация 1) и с учетом абсолютной меры Эрроу — Пратта (переменная *ARA*, спецификация 2). Базовой категорией при расчетах была принята вторая категория. Все расчеты проводились в Stata 12. Результаты приведены в табл. 3.

Расчеты по мультиномиальной логистической модели позволили решить обе поставленные задачи.

Первая задача: построена регрессионная модель с выделением социально-экономических характеристик индивида. Среди всех социально-экономических и относящихся к здоровью характеристик респондентов значимыми в обеих спецификациях оказались характеристики «наличие хронических заболеваний», «пенсионер», «проживание в населенном пункте с населением менее 300 тыс. жителей» и «доход».

Согласно расчетам вероятность выбора цены страхового полиса в интервале от 500 до 1000 руб. как оценки готовности платить за кооперативное медицинское страхование по сравнению с категорией от 1000 до 1700 руб. была выше для тех, кто имел *хроническое заболевание*. Возможное объяснение этому — низкий доход хронически больных или же получение дополнительных бесплатных услуг в рамках полисов ОМС при наличии инвалидности (например бесплатные лекарства). Последнее означает, что покупатели-«хроники» изначально не заинтересованы в покупке полиса ДМС, поскольку необходимые им услуги и льготы есть в перечне услуг, входящих в ОМС.

Готовность *пенсионеров* платить за добровольное кооперативное страхование уменьшалась по мере роста цены страхового полиса. Так, вероятность выбора страхового полиса с ценой выше 1700 руб. по сравнению с базовой категорией была ниже для этой группы респондентов. Доходы пенсионеров традиционно ниже среднего, поэтому можно сделать вывод, что дорогой страховой полис с максимально широким набором медицинских услуг в данном случае для них просто недоступен. Аналогичный вывод о низком доходе можно сделать и для *жителей малых городов и деревень*.

В регрессии в обеих спецификациях проявился *положительный эффект дохода*: более богатые индивиды были готовы больше платить за полис стра-

Таблица 3. Мультиномиальная логистическая регрессия оценки готовности платить за кооперативное медицинское страхование, зависимая переменная WTP3_2

	Спецификация 1	Спецификация 2
Независимые переменные / число наблюдений	<i>N</i> = 242	<i>N</i> = 212
Sexd	¹ категория 0,339 (0,415)	¹ категория 0,291 (0,432)
Age	-0,013 (0,022)	-0,014 (0,023)
Sah_g	0,322 (0,469)	0,355 (0,511)
Chron	0,831* 0,432	0,941** (0,473)
Work	-0,528 (0,633)	-0,566 (0,681)
Stud	-0,850 (1,322)	-0,851 (1,328)
Pens	-0,502 (0,865)	-0,402 (0,939)
Mard	-0,120 (0,997)	0,277 (1,129)
Div	0,414 (1,083)	1,085 (1,223)
Sing	0,135 (1,218)	0,794 (1,361)
Capit	0,231 (1,089)	0,440 (1,078)
Town	-1,691 (1,132)	-1,381 (1,112)
Vill	-1,191 (1,063)	-0,804 (1,032)
Educ_h	0,140 (0,434)	-0,047 (0,469)
Incrub	$-30,4 \times 10^{-6**}$ $(12,9 \times 10^{-6})$	$-25,9 \times 10^{-6**}$ (13×10^{-6})
ARA		28 408,13 (20 134,93)
Constant	1,820 (1,904)	-0,701 (2,339)

	Спецификация 1	Спецификация 2
<i>Базовая категория 2</i>		
Sexd	3категория 0,324 (0,339)	3категория 0,485 (0,377)
Age	0,009 (0,018)	0,005 (0,203)
Sah_g	-0,339 (0,371)	-0,135 (0,407)
Chron	-0,227 (0,383)	-0,021 (0,432)
Work	0,094 (0,583)	-0,170 (0,633)
Stud	1,542 (1,082)	1,417 (1,163)
<i>Pens</i>	<i>-1,650*</i> <i>(0,955)</i>	<i>-1,919*</i> <i>(1,036)</i>
Mard	-1,390 (0,917)	-1,318 (1,083)
Div	-0,764 (0,968)	-0,139 (1,083)
Sing	-1,725 (1,139)	-1,657 (1,190)
Capit	-0,802 (0,738)	-0,675 (0,752)
Town	-1,193 (0,729)	-0,959 (0,750)
<i>Vill</i>	<i>-1,739**</i> <i>(0,697)</i>	<i>-1,461**</i> <i>(0,716)</i>
Educ_h	0,264 (0,343)	0,261 (0,373)
Incrub	$1,51 \times 10^{-6}$ $(7,54 \times 10^{-6})$	$7,30 \times 10^{-6}$ $(8,27 \times 10^{-6})$
<i>ARA</i>		<i>26 280,63**</i> <i>(10 887,05)</i>
Constant	2,307 (1,521)	0,207 (1,850)
R2 or PseudoR2	0,1206	0,1463

*, ** — значимость на 10- и 5%-ном уровне соответственно.

Примечание 1. В скобках указаны робастные стандартные ошибки коэффициента регрессии.

Примечание 2. Переменные, коэффициенты при которых статистически значимы, выделены полужирным курсивом.

хования по сравнению с менее обеспеченными. Данный эффект важен с точки зрения роста денежных поступлений в фонды страхования и возможности перераспределения части денежных средств от более богатых к более бедным категориям граждан в случае необходимости оказания медицинской помощи последним. В экономической литературе данный феномен получил название «общественная солидарность».

Вторая задача заключалась в проверке гипотезы о значимости фактора «неприятие риска» и его положительном влиянии на готовность платить за кооперативное медицинское страхование. Данная гипотеза подтвердилась, о чем свидетельствует значимый и положительный коэффициент при переменной *ARA* для третьей категории. Рискофобы склонны выбирать страховые полисы с ценой более 1700 руб., поскольку болезнь воспринимается ими как рисковое и неблагоприятное состояние, в котором возможна потеря капитала здоровья, и они предпочитают страховать этот дополнительный риск покупкой страхового медицинского полиса с большим покрытием. Необходимо отметить, что добавление к набору переменных абсолютной меры Эрроу — Пратта (*ARA*) не изменяет значимости переменных спецификации 1, что является доказательством устойчивости построенной регрессионной модели.

Выводы

В данном исследовании была предпринята попытка анализа введения в России модели добровольного кооперативного медицинского страхования с использованием метода «готовность платить».

Результаты регрессионного анализа позволяют сделать вывод о том, что меры, направленные на оздоровление населения (снижение уровня хронических заболеваний) и улучшение его экономического благосостояния (рост доходов), положительно скажутся на возможности населения отдавать в систему ДМС с государственным софинансированием более крупные суммы, одновременно снижая вероятность заболеть. Таким образом, кооперативное медицинское страхование может решить проблему дефицита страховых фондов, характерную для системы ОМС нашей страны, и повысить результативность функционирования системы медицинского страхования. Оценка доли населения, характеризующейся высоким неприятием риска, позволит на основе модельного аппарата регрессии оценивать финансовые поступления в фонд страхования.

Источники

Засимова Л.С., Канева М.А. Социально-экономические факторы, определяющие участие населения в неформальной оплате медицинской помощи // Нац. интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 46. С. 25–36.

Селезнева Е.В. Развитие форм участия населения в оплате медицинской помощи: дис. ... канд. наук. М.: НИУ ВШЭ, 2014.

Baji P. The Link between Past Informal Payments and Willingness of Hungarian Population to Pay Formal Fees for Health Care Services: Results from a Contingent Valuation Study / Baji P., Pavlova M., Gulácsi L., Farkas M., Groot M. // European J. of Health Economics. 2014. Vol. 15. Iss. 8. P. 853–867.

Brown P., Huff T. Willingness to Pay in China's New Cooperative Medical System // Contemporary Economic Policy. 2011. Vol. 29. No. 1. P. 88–100.

Copeland T.E., Weston J.F. Financial Theory and Corporate Policy. Addison-Wiley, USA, 1998.

Hartog J., Ferrer-i-Carbonell A., Jonker N. On a Simple Measure of Individual Risk Aversion: Working Paper Series, Nov. Munich: Center for Economic Research / Ifo Inst., 2000.

Kerssens J., Groenewegen P. Consumer Preferences in Social Health Insurance // European J. of Health Economics. 2005. Vol. 6. No. 1. P. 8–15.

Schmitz H. Direct Evidence of Risk Aversion as a Source of Advantageous Selection in Health Insurance // Economics Letters. 2011. Vol. 113. No. 2. P. 180–182.

Е. В. Селезнева

Институт социальной
политики Национального
исследовательского
университета
«Высшая школа экономики»

ДОБРОВОЛЬНОЕ МЕДИЦИНСКОЕ СТРАХОВАНИЕ КАК ФАКТОР ДОСТУПНОСТИ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ ДЛЯ ЖИТЕЛЕЙ г. МОСКВЫ

Особенностью участия населения России в оплате медицинской помощи является высокая распространенность прямых платежей за услуги непосредственно в момент их получения. Такая ситуация обуславливает высокие риски возникновения крупных и непредвиденных расходов при заболеваниях и низкой доступности платных услуг. В развитых странах мира снижению этих рисков служит частное страхование. В России таким задачам может служить существующее добровольное медицинское страхование (ДМС).

Такие формы участия населения в оплате медицинской помощи, как официальные и неформальные платежи в момент получения медицинской помощи, а также возникающие при их использовании социальные различия в доступности и качестве медицинской помощи, были изучены в целом ряде исследований [Бесстремьянная и др., 2004; Панова, Русинова, 2005; Алексунин, Митьков, 2006; Российское здравоохранение..., 2008; Шишкин и др., 2014]. Эффекты, создаваемые использованием ДМС, в особенности в столице, где охват данным видом страхования значительный по сравнению с другими субъектами РФ, не получили достаточного рассмотрения.

Значительная часть работ о ДМС, выполненных в последние годы, посвящена перспективам и институциональным ограничениям развития данного вида страхования [Кузнецова, 2008; Шишкин, Попович, 2009; Токун, Махалин, 2012; Бойко, 2013; Стратегия — 2020..., 2013]. Поведение российского населения на данном рынке и его установки по отношению к этому страховому продукту рассматриваются лишь в отдельных публикациях. М. Каневой, Н. Авксентьевым и В. Байдиным предпринята попытка измере-

ния готовности различных групп населения оплачивать полис ДМС на условиях софинансирования с государством [Канева и др., 2015]. В. Лапшинова и Я. Рощина оценивают влияние характеристик россиян на вероятность наличия у них полиса ДМС на данных 2012 г. [Лапшинова, Рощина, 2015]. Потенциальные потребители ДМС по состоянию на 2005 г. определены А. Трегубовой — также на основе данных, репрезентативных для страны в целом [Трегубова, 2009].

Цель настоящего исследования состояла в оценке того, насколько ДМС служит повышению доступности медицинской помощи для жителей Москвы. Для проведения анализа было выбрано население столицы, а не другого региона, поскольку в данном субъекте РФ доля имеющих полис ДМС достигает достаточного уровня, чтобы данные о выявленных закономерностях были надежными.

Реализации цели служат следующие *задачи*:

- 1) определение характеристик индивидов, имеющих полис ДМС (в том числе приобретавших его самостоятельно и получивших от работодателя);
- 2) выявление наиболее значимых факторов приобретения полиса;
- 3) оценка различий в доступности медицинской помощи для застрахованных и незастрахованных по ДМС.

Методология исследования

В основе исследования лежит модель, согласно которой факторами приобретения полиса ДМС могут быть:

- потребность в получении платной медицинской помощи (определяемая показателями здоровья индивида, наличием проблем с доступностью бесплатных медицинских услуг, уровнем его притязаний к качеству лечения и наличием информации о страховых продуктах, которые являются производными от уровня образования человека);
- возможности приобретения полиса (в виде величины доходов, которыми располагает индивид, и характеристик его работодателя — если рассматривается корпоративное страхование).

Эмпирической базой для проведенного исследования послужили результаты обследования «Москва и москвичи» (МиМ), проведенного в 2015 г. Институтом гуманитарного развития мегаполиса¹. Выборка МиМ репрезентирует население г. Москвы (включая Троицкий и Новомосковский округа)

¹ Авторы вопросника: Л.Н. Овчарова, А.И. Пишняк, А.Я. Бурдяк, Е.А. Горина, И.И. Корчагина, Д.О. Попова, Е.В. Селезнева, А.О. Тындик.

по основным социально-демографическим характеристикам. Используемые данные о ДМС относятся к взрослому населению столицы в возрасте 18 лет и старше. Объем выборки обследования составил 3016 человек.

Определение характеристик застрахованных по ДМС и различия в доступности медицинской помощи для застрахованных и незастрахованных проводилось в ходе анализа таблиц сопряженности. Факторы приобретения полиса ДМС оценивались с помощью бинарной логистической регрессии. Тестировались модели вероятности наличия у жителя Москвы полиса ДМС (для всех опрошенных в возрасте 18 лет и старше) и полиса ДМС, оплачиваемого работодателем (для работающих граждан).

Результаты исследования

Характеристики застрахованных

По стране в целом доля взрослого населения, имеющего полис ДМС, невелика: в 2014 г., по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ², она составила 3,4%. Однако, как показывают результаты обследования МиМ, в столице доля застрахованных в 2015 г. составила 12,7%. 62,8% застрахованных пользуются страховкой, оплачиваемой работодателем, 30,1% приобрели полис за собственные средства³.

Данные МиМ подтверждают, что участниками программ ДМС без необходимости вносить страховые взносы из личных средств в первую очередь становятся москвичи с высокой платежеспособностью и относительно небольшим спросом на медицинскую помощь, а не более нуждающиеся (с повышенным спросом на медицинскую помощь) и более депривированные группы населения.

Доля владельцев полиса ДМС среди москвичей трудоспособного возраста в 2 раза превышает таковую среди индивидов старше трудоспособного возраста (рис. 1). При этом страховые взносы для молодых клиентов более чем в половине случаев вносит работодатель. Страховка индивидов старше трудоспособного возраста в 42,1% случаев оплачивается из бюджета семьи.

Вероятность иметь полис ДМС как таковой и получать его оплату со стороны работодателя находится в обратной зависимости от состояния здоровья: чем более позитивно высказывается индивид о своем здоровье, тем

² Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ. URL: <https://www.hse.ru/rf/ms>.

³ Полисы еще 7,1% застрахованных оплачиваются другими лицами.

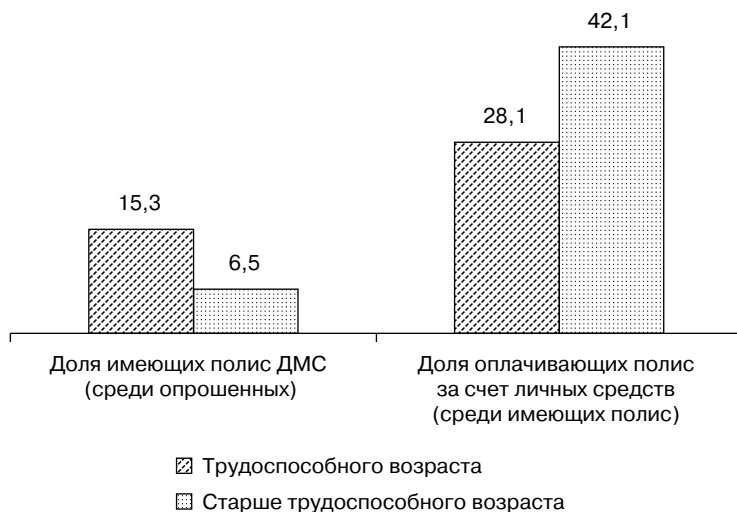

Рис. 1. Наличие полиса ДМС у взрослых жителей Москвы трудоспособного возраста и горожан старше трудоспособного возраста и его оплата, %

вероятнее, что у него есть полис (рис. 2). Данная тенденция оправдана с точки зрения страховых схем (выдача полиса лицам с низким спросом на услуги с меньшей вероятностью возникновения страхового случая более выгодна страховым компаниям), однако не оптимальна с позиции доступности медицинской помощи.

С точки зрения социальной справедливости не являются желательными и различия в охвате ДМС по доходу семей (рис. 3). Среди индивидов, попавших в 1-ю и 2-ю квинтильные группы по величине душевых доходов семьи, менее 10% имеют полис ДМС, а в группе с самыми высокими доходами — 21%. Чаще всего самостоятельно оплачивают полис индивиды с самым низким душевым доходом, в то время как полисы более состоятельных чаще оплачиваются работодателями.

Говоря о работающих владельцах полиса ДМС, необходимо отметить, что его наличие коррелирует с размером заработка (рис. 4): более высокооплачиваемые работники получают и более весомый социальный пакет от работодателя, в котором с большей вероятностью имеется полис ДМС.

Наконец, представляет интерес распределение доли застрахованных в различных квалификационных категориях работников (рис. 5). Максимальным является охват руководящих работников добровольным медицинским

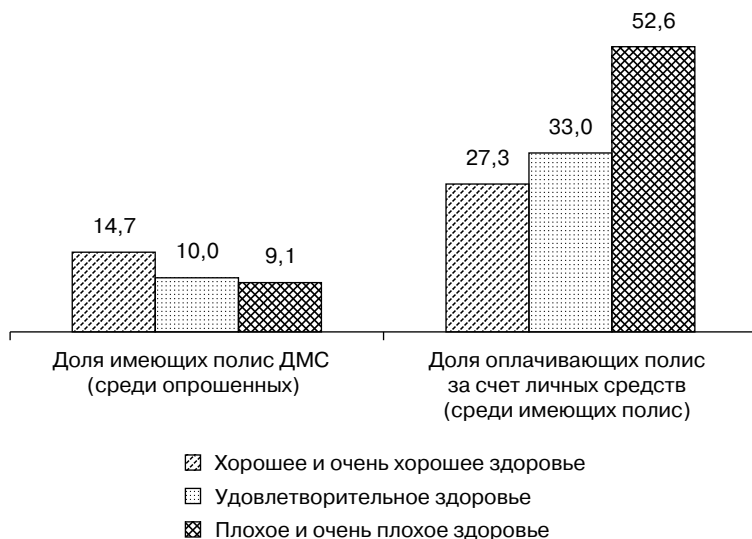

Рис. 2. Наличие полиса ДМС у жителей Москвы с различным состоянием здоровья и его оплата, %

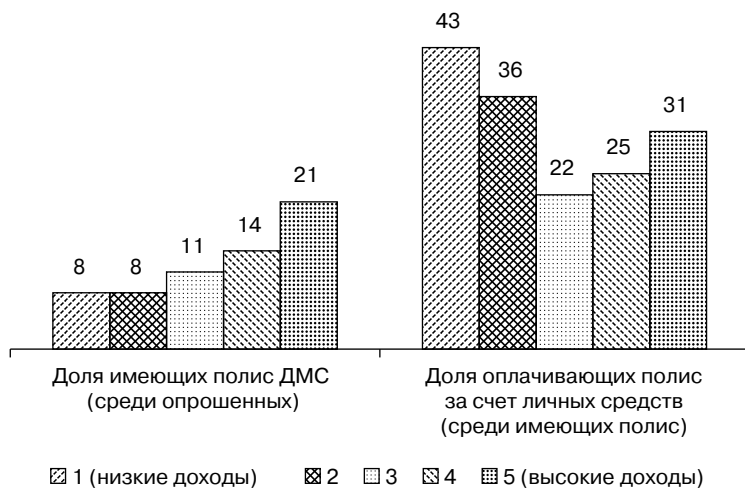

Рис. 3. Наличие полиса ДМС у жителей Москвы с различным уровнем душевого семейного дохода и его оплата, %

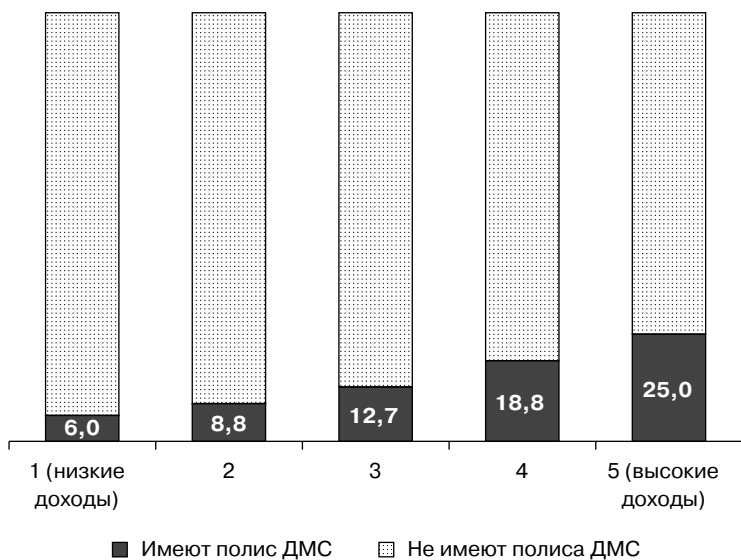

Рис. 4. Наличие полиса ДМС у работающих жителей Москвы с различной величиной заработка, %

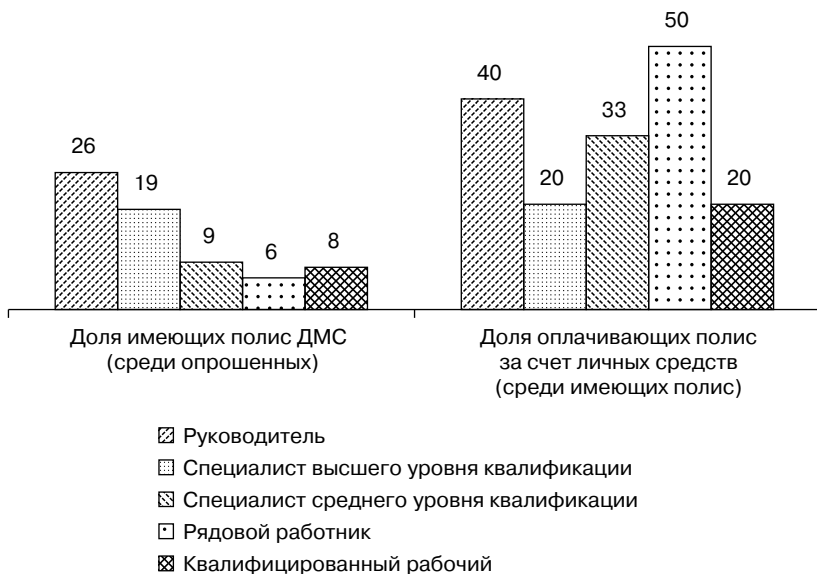

Рис. 5. Наличие полиса ДМС у работников различных категорий и его оплата, %

страхованием (достигает 26%), сравнительно велик он и среди работников с высоким уровнем квалификации (ок. 19%), в других квалификационных категориях полис есть менее чем у 10% работников. Максимальную поддержку от работодателя получают высококвалифицированные работники, в то время как руководители часто и лично покупают полис. Данные МиМ указывают на высокую долю квалифицированных рабочих с предоставлением оплачиваемого полиса ДМС на работе (это может быть связано с наличием широкой сети ведомственных медицинских учреждений и страховых схем у крупных компаний в сфере добычи сырья и производства), однако оценка в 80% может быть неточна и несколько завышена, так как группа респондентов, являющихся квалифицированными рабочими и имеющих полис ДМС, немногочисленна.

Факторы приобретения полиса ДМС

По результатам проведенного регрессионного анализа наиболее важным фактором наличия у москвича полиса, независимо от источников его оплаты, является место его проживания (административный округ), которое, по-видимому, определяет доступность медицинской помощи (табл. 1). По сравнению с жителями Центрального округа, больший стимул к приобретению полиса имеют проживающие в Новой Москве (Троицком и Новомосковском административных округах), Северо-Западном и Восточном административных округах, а также в Зеленограде.

Жители столицы, имеющие высшее образование, приобретают полис ДМС более чем в 2 раза чаще, чем москвичи с низким уровнем образования.

Следующим по силе влияния фактором наличия полиса является состояние здоровья индивида: у москвичей с «плохим» и «очень плохим» здоровьем — в 2,1 раза больше риск приобретения полиса по сравнению с жителями города, имеющими «удовлетворительное» здоровье.

Более слабым, но также значимым фактором наличия полиса ДМС является душевой доход в семье москвича. При прочих равных условиях чаще полис есть у богатых жителей столицы. Наконец, москвичи, имеющие детей до 18 лет, с большей вероятностью застрахованы по ДМС.

Поскольку большая часть жителей города, охваченных дополнительным страхованием, получили полис от работодателя, в регрессионную модель наличия полиса была включена переменная, отражающая статус занятости опрошенных, — продолжительность рабочего времени, принимающая нулевое значение для незанятых. Индивиды с более интенсивной трудовой нагрузкой имеют больший риск быть застрахованными по ДМС. Повышенная трудовая нагрузка может снижать доступность для индивида бесплатных

Таблица 1. Регрессионная модель наличия полиса ДМС независимо от источника его оплаты (результат оценки бинарной логистической модели) в зависимости от места проживания

	Exp(B)
Пол: женщины по сравнению с мужчинами	0,850
Возраст, лет	0,994
Образование (по сравнению с высшим)	
полное среднее	0,296***
начальное профессиональное	0,447***
среднее профессиональное	0,387***
Наличие детей до 18 лет	1,386**
Наличие партнера	0,798*
Родился(лась) в Москве (по сравнению с родившимися в другом городе или за рубежом)	1,119
Самооценка здоровья (по сравнению с «удовлетворительным»)	
«хорошее» или «очень хорошее»	0,901
«плохое» или «очень плохое»	2,110**
Наличие инвалидности	0,398
Трудовая нагрузка, ч в неделю («0» у неработающих)	1,009**
Натуральный логарифм душевых доходов домохозяйства	1,394***
Административный округ проживания (по сравнению с ЦАО)	
ЗАО	1,423
СЗАО	2,615***
САО	1,646
СВАО	1,185
ВАО	2,420***
ЮВАО	0,966
ЮАО	1,237
ЮЗАО	0,831
ЗелАО	2,313*
ТиНАО	5,126***
Константа	0,004
$N = 3016$	
Log-Likelihood = 2073,1	
R^2 Найджелкерка = 0,119	
Процент правильно предсказанных наблюдений = 87,5%	

***, **, * — значимо на уровне 1, 5, 10% соответственно.

медицинских услуг, которые предоставляются преимущественно в рабочее время, и повышать стимулы к обращению за платными медицинскими услугами, в том числе и по полису ДМС.

Таким образом, отправной точкой для приобретения полиса ДМС жителями Москвы может быть потребность в платных медицинских услугах, обусловленная низкой доступностью бесплатных услуг в месте проживания индивида или наличием тяжелых заболеваний. Величина доходов семьи, уровень образования индивида, а также предоставление соответствующей льготы по месту работы определяют возможность оплаты таких услуг через ДМС.

В значительной мере связанный с решением работодателя о предоставлении работникам социальных гарантий, охват работающих граждан ДМС должен быть проанализирован в контексте условий труда жителей города. В ходе исследования для занятых респондентов была протестирована регрессионная модель предоставления полиса ДМС по месту работы.

Из рассмотренных характеристик занятости москвичей (уровень квалификации и оплаты труда, тип собственности предприятия, отрасль⁴) основным предиктором предоставления корпоративного ДМС является величина заработной платы (табл. 2): полис предоставляется высокооплачиваемым работникам столицы. Кроме того, шанс быть застрахованным по ДМС выше для работников частных организаций и предприятий столицы.

Как и в общей модели наличия полиса, в модели корпоративного ДМС для работающих сохраняется значимость уровня образования москвича и места его проживания. Полис ДМС с оплатой работодатель предоставляет при прочих равных работникам с высшим образованием, а также проживающим в Восточном административном округе.

На невысоком уровне значимости ($p = 0,1$) подтверждается гипотеза о влиянии возраста работника на факт наличия у него полиса. Работодатель стремится страховать более молодых сотрудников.

Различия в доступности помощи для застрахованных и незастрахованных

Для оценки влияния наличия полиса ДМС на доступность медицинских услуг были сопоставлены ответы на вопросы об обращении за лечением и восприятии проблем здравоохранения, которые дали застрахованные и незастрахованные респонденты. Для устранения влияния дохода на мнения

⁴ Влияние переменной «отрасль» тестировалось, однако она не была включена в итоговую регрессионную модель.

Таблица 2. Регрессионная модель наличия полиса ДМС независимо от источника его оплаты (результат оценки бинарной логистической модели) в зависимости от величины заработной платы

	Exp(B)
Пол: женщины по сравнению с мужчинами	0,992
Возраст, лет	0,986*
Образование (по сравнению с высшим)	
полное среднее	0,205*
начальное профессиональное	0,582
среднее профессиональное	0,417***
Наличие детей до 18 лет	1,284
Наличие партнера	0,855
Родился(лась) в Москве (по сравнению с родившимися в другом городе или за рубежом)	0,986
Самооценка здоровья (по сравнению с «удовлетворительным»)	
«хорошее» или «очень хорошее»	0,843
«плохое» или «очень плохое»	1,245
Тип собственности предприятия: частное по сравнению с государственным и смешанным	0,721**
Натуральный логарифм заработной платы на основной работе	2,716***
Натуральный логарифм душевых доходов домохозяйства	1,307
Административный округ проживания (по сравнению с ЦАО)	
ЗАО	1,583
СЗАО	1,794
САО	1,247
СВАО	0,947
ВАО	2,503**
ЮВАО	0,632
ЮАО	1,320
ЮЗАО	0,324**
ЗелАО	0,000
ТиНАО	1,665
Константа	0,000***
$N = 2137$	
Log-Likelihood = 1114,5	
R^2 Найджелкерка = 0,160	
Процент правильно предсказанных наблюдений = 89,0%	

***, **, * — значимо на уровне 1, 5, 10% соответственно.

москвичей сопоставления проводились в каждой из квинтильных групп, выделенных по величине душевых доходов. Анализ демонстрирует, что москвичи, охваченные ДМС, реже сообщают о проблемах с доступностью медицинской помощи и субъективно более позитивно воспринимают проблемы здравоохранения.

Так, индивиды, имеющие полис ДМС, несколько реже отказываются от получения медицинской помощи при наличии проблем со здоровьем (рис. 6). Во 2–5-й квинтильных группах, выделенных по величине душевых доходов, среди застрахованных нет индивидов, которые отказались от визита к врачу, поскольку столкнулись с трудностями при записи. У не застрахованных по ДМС доля испытывавших проблемы с записью среди всех отказавшихся от необходимой помощи колеблется от 1,5 до 7,9% в разных квинтильных группах.

Если говорить о москвичах с низкими и средними доходами (о представителях 1–3-й квинтильных групп), то жители города, имеющие полис ДМС, значительно чаще позитивно оценивают свой район, характеризуя его по возможности получения медицинской помощи (рис. 7).

Обладателей полиса с низкими и средними доходами, «хорошим» и «удовлетворительным» здоровьем отличает большая уверенность в своей способности сохранить здоровье (рис. 8).

Таким образом, программы ДМС обеспечивают большую доступность медицинской помощи для москвичей, обладающих высоким потенциалом: экономическим — в виде доходов, физическим — в виде хорошего здоровья — и человеческим — в виде образования и профессиональной квалификации. При этом ДМС способствует тому, что неравенство в распределении данных видов ресурсов ведет к неравенству возможностей по поддержанию здоровья.

Вместе с тем, используя данный вывод, необходимо учесть, что, будучи более доступной, оказываемая по ДМС медицинская помощь не обязательно более качественная. Сопоставление качества услуг, оказываемых по полису ДМС, по прямой оплате и бесплатно, является самостоятельной исследовательской задачей, которая не решалась в рамках данного исследования. На наш взгляд, дальнейшее изучение эффектов ДМС может быть продолжено в этом направлении как с использованием данных опросов населения о качестве медицинского обслуживания, так и с привлечением экспертных оценок.

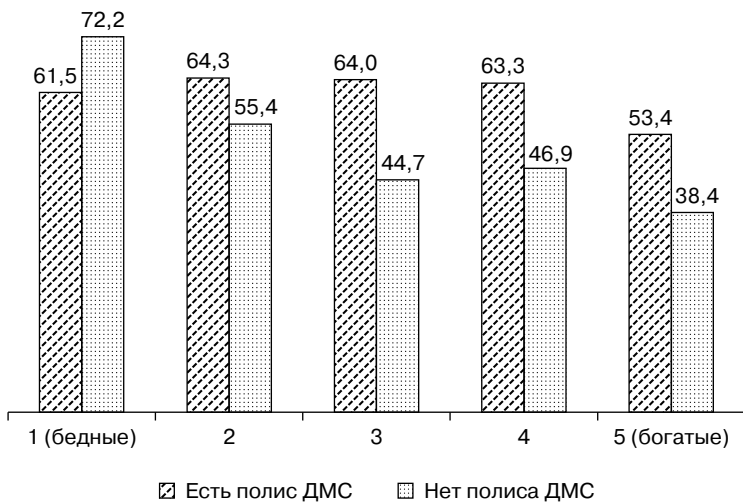

Рис. 6. Доля обратившихся за амбулаторной помощью среди имеющих проблемы со здоровьем, %

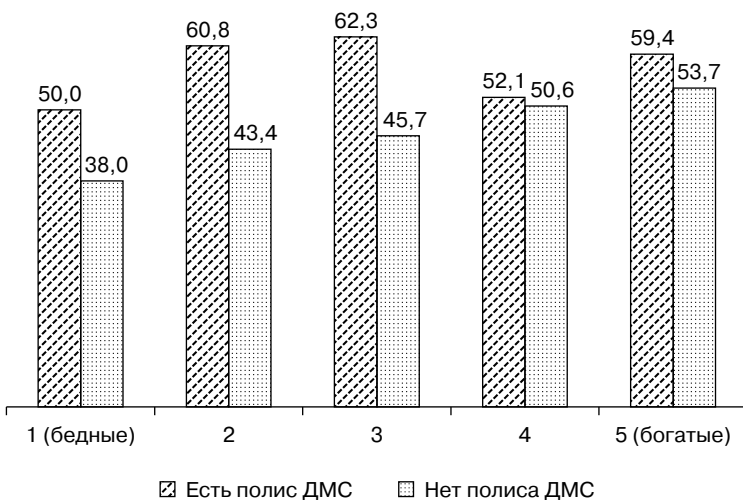

Рис. 7. Доля опрошенных, которых устраивает функционирование системы здравоохранения в районе их проживания, %

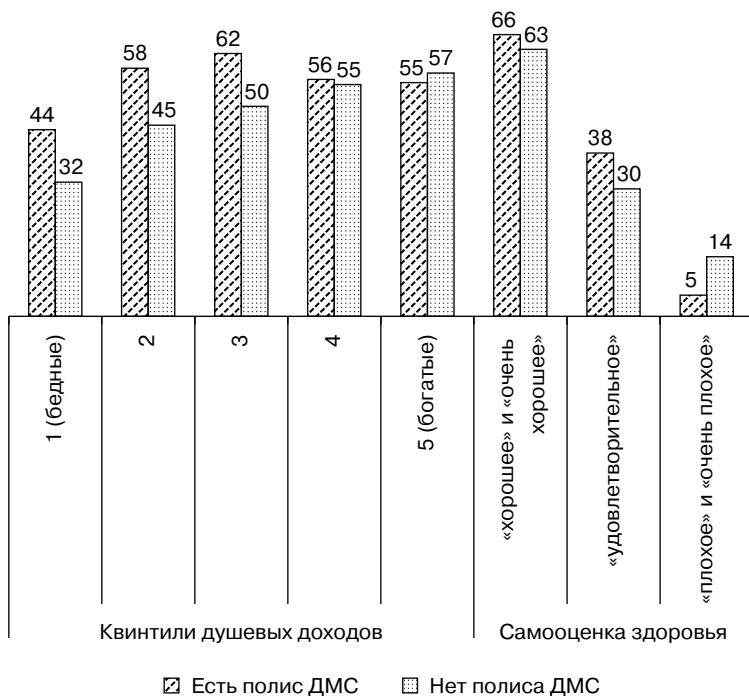

Рис. 8. Доля опрошенных, которые считают, что в ближайшие 3 года смогут контролировать свое здоровье, %

Источники

Алексунин В.А., Митьков С.А. Социальные аспекты платных медицинских услуг // Социолог. исследования. 2006. № 5. С. 72–75.

Бесстремянная Г.Е. Российское здравоохранение: оплата за наличный расчет / Бесстремянная Г.Е., Шишкин С.В., Шилова Л.С. и др.; под общ. ред. С.В. Шишкина. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004.

Бойко О.В. Развитие ДМС как базовая часть модернизации российской системы медицинского обслуживания населения // Путеводитель предпринимателя. 2013. № 21. С. 68–83.

Канева М.А., Авксентьев Н.А., Байдин В.М. Готовность платить за добровольное медицинское страхование на условиях софинансирования: регрессионный анализ // Фин. журн. 2015. № 5. С. 80–90.

Кузнецова Т.В. Проблемы и перспективы развития систем обязательного и добровольного медицинского страхования в России // Социальные аспекты здоровья населения. 2008. № 4. С. 1–9.

Лапишинова В.В., Рощина Я.М. Доступность добровольного медицинского страхования в России [Электронный ресурс] // Вестн. Рос. мониторинга экон. положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE): сб. науч. ст. / отв. ред. П.М. Козырева. Вып. 5. М.: НИУ ВШЭ, 2015. Гл. 5. С. 168–183. URL: <http://www.hse.ru/rfms/vestnik>.

Панова Л.В., Русинова Н.Л. Неравенство в доступе к первичной медицинской помощи // Социолог. исследования. 2005. № 6. С. 127–135.

Российское здравоохранение: мотивация врачей и общественная доступность / отв. ред. С.В. Шишкин. М.: Независимый ин-т социальной политики, 2008.

Стратегия — 2020: Новая модель роста — новая социальная политика: итоговый докл. о результатах эксперт. работы по актуал. проблемам социально-экон. стратегии России на период до 2020 года: в 2 кн. / под науч. ред. В.А. Мау, Я.И. Кузьмина. Кн. 1. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2013.

Токун Л.В., Махалин В.В. Развитие медицинского страхования на основе комплексной реализации ОМС и ДМС // Вестн. ун-та (Гос. ун-т управления). 2012. № 3. С. 291–296.

Трегубова А.А. Определение целевой группы потребителей услуг добровольного медицинского страхования с помощью дискриминантного анализа // Учет и статистика. 2009. № 16. С. 77–82.

Шишкин С.В., Попович Л.Д. Анализ перспектив развития частного финансирования здравоохранения. М.: ИЭПП, 2009.

Шишкин С.В., Потапчик Е.Г., Селезнева Е.В. Оплата пациентами медицинской помощи в российской системе здравоохранения: препр. WP8/2014/03 / Высшая школа экономики. М., 2014. (Сер. WP8 «Государственное и муниципальное управление»).

Е.А. Тарасенко

Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа экономики»

ИНТЕГРАЦИЯ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ И УСЛУГ ПО СОЦИАЛЬНОМУ ОБСЛУЖИВАНИЮ ДЛЯ ЛЮДЕЙ С ХРОНИЧЕСКИМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ: ЗАПАДНЫЙ ОПЫТ И УРОКИ ДЛЯ РОССИИ

В последние годы и на среднесрочную перспективу в России происходят серьезные изменения в возрастной структуре населения: растет численность и процентная доля пожилых и престарелых. Официальный прогноз Федеральной службы государственной статистики: к 2030 г. доля россиян в возрасте 65 лет и старше увеличится до 17–19% в общей структуре населения [Предположительная численность..., 2016]. Также в последнее время наблюдается стабильный рост численности больных с хроническими заболеваниями, продолжает оставаться существенным уровень инвалидизации населения.

Все эти обстоятельства требуют повышенного внимания к рациональной организации долгосрочного медицинского ухода и социальных сервисов. Одна из наиболее острых проблем в организации долгосрочного медицинского ухода за хронически больными людьми состоит в поиске путей обеспечения преемственности и непрерывности медицинской помощи, высокого качества, доступности и экономической эффективности оказания медицинских услуг. Инвалиды, престарелые и пациенты с хроническими заболеваниями, выписываемые из больниц, должны получать возможность расширенного доступа к медико-реабилитационным услугам и услугам по социальному обслуживанию высокого качества, предоставляемым на местном уровне или на дому.

В связи с этим стоит более внимательно изучить опыт зарубежных стран в области интеграции медицинских услуг и услуг по социальному обслуживанию в отношении людей с хроническими заболеваниями. Интеграция ме-

дицинских услуг и услуг по социальному обслуживанию особенно актуальна для таких групп населения, чьи потребности и нужды лежат в сфере физического и психического здоровья, кто нуждается в обеспечении жильем, пенсиями и социальными пособиями.

Интеграция медицинских услуг и услуг по социальному обслуживанию призвана снизить фрагментацию и усилить конвергенцию государственной политики в сфере здравоохранения и социального развития (именно в области социальной защиты и социального обслуживания населения) [Fisher, Elnitsky, 2012, p. 442–448].

Ее задачи в более простом, обыденном понимании:

1) уменьшить порой нерациональную и малоэффективную организацию медицинской помощи, включая несовершенства в схемах маршрутизации, организации и осуществлении диспансеризации и реабилитационных мероприятий пациентов с хроническими заболеваниями, в медико-социальном сопровождении инвалидов и престарелых;

2) снизить фрагментацию и усилить качество и доступность медицинских услуг и услуг социального обслуживания;

3) минимизировать финансовые затраты и сэкономить трудовые ресурсы.

Впервые об интеграции амбулаторных медицинских услуг и услуг по социальному обслуживанию в США, Великобритании, Нидерландах заговорили еще в конце 1970-х — начале 1980-х годов, когда в западных странах началась реформа сферы социальной защиты и социальных услуг. Данная концепция в своем развитии прошла несколько этапов, включая «нисходящий» (интеграция отдельных сервисов на уровне поставщиков в местных сообществах) и «восходящий» (интеграция на уровне управления системой здравоохранения и социальной защиты в целом, на уровне стейкхолдеров) подходы, а также подход «все включено». Это в итоге позволило сделать интеграцию медицинских услуг и услуг по социальному обслуживанию более сфокусированной:

1) на нуждах определенных категорий потребителей (например, ветеранов войн, людей с ментальной инвалидностью, «колясочников» и проч.);

2) решении определенных социо-экономических проблем (например, проблемы домашнего насилия, алкоголизма и проч.).

В начале 2000-х годов в Западной Европе появились и стали внедряться различные схемы интеграции медицинских услуг уже стационарного уровня, оказываемых на дому у клиента, вместе с социальными услугами. Получил развитие теоретический концепт в области оказания долгосрочного медицинского ухода «*стационар на дому*» («*a hospital at home service*») [Jester et al., 2015, p. 336–351].

Термин «интеграция» по отношению к медицинским услугам и услугам по социальному обслуживанию имеет несколько значений и определяется в диапазоне от координации, концентрации до реструктуризации услуг или программ, включая консолидацию систем управления информацией, и многочисленных форм между ними [Spreeuwenberg, Kodner, 2002].

Хотя все существующие определения достаточно сильно различаются, интеграция медицинских и социальных услуг чаще всего определяется внутри трех концептуальных рамок, концентрирующихся:

- на уровнях (выделяют макро-, мезо- и микроуровни);
- пространственно-временных объединениях (организационные и (или) межорганизационные);
- услугах, клиентах и сообществах [Grone, Garcia-Barbero, 2001].

Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) определяет интеграцию медицинских и социальных услуг как «объединение потребления, доставки, управления и организации услуг в качестве средства для повышения качества и доступности услуг, повышения удовлетворенности потребителей и эффективности» [Integration of Health Care Delivery, 1996].

В качестве примера определения понятия интеграции медицинских и социальных сервисов можно привести интерпретацию, представленную на сайте регионального Правительства Шотландии (Великобритания): интеграция — это согласованный набор (сет) методов и моделей финансирования, организации, управления медицинскими и социальными услугами и предоставление их, включая высокий уровень их взаимосвязи и сотрудничества с целью повышения качества медицинской помощи, качества жизни в целом, удовлетворенности клиентов, а также эффективности системы для клиентов с достаточно длительными проблемами, решение которых возможно с помощью разных служб/поставщиков медицинских и социальных услуг [Integration across Health..., 2015].

Следует выделить три аспекта интеграции медицинских услуг и услуг в области социального обслуживания:

1) улучшение качества и повышение экономической эффективности в целом при организации социальной защиты отдельных групп населения путем обеспечения слаженной работы всех социальных служб (включая медицинскую составляющую) по удовлетворению потребностей данных групп людей;

2) комплекс из медицинских услуг и социального обслуживания необходим для тех категорий населения, для которых отсутствие или недостаточная координация в сфере социального обслуживания и медицинских услуг приводит к *негативному опыту* (под этим понимается негативное восприятие и оценка качества медицинских услуг и социального обслуживания со

стороны клиентов/пациентов) или *негативному воздействию* на результаты или *исходы*, если говорить в терминах качества медицинской помощи (триада Донабедиана);

3) клиентоориентированность или пациентоцентричность как ключевой и связующий принцип приемлемости и справедливости при оказании интегрированных медицинских и социальных услуг.

В настоящее время существует много самых разных интегрированных сервисных программ, совмещающих оказание медицинских услуг и услуг в сфере социального обслуживания (государственные, НКО, бизнес-сообщество и проч.). Это может быть как оказание медицинских и социальных услуг *в рамках одного «зонтичного» объединения* (например, «Деревни для людей с Альцгеймером», «Поселения для аутистов» или пансионаты для инвалидов-колясочников в рамках ассистированной жизни / самостоятельной жизни с медицинским и социальным сопровождением) [Dementia Village, 2015]. В этом случае наблюдается большая централизация управления и узконаправленная специализация всех медицинских и социальных услуг.

Это может быть и *объединение разных организаций во временные союзы* для оказания помощи / решения социо-медицинских проблем, с которыми сталкиваются нуждающиеся в социальной защите и сопровождении определенные группы населения. Например, это могут быть «травматики» — ветераны войн, нуждающиеся в социализации и слаженной команде медицинских специалистов и социальных работников, которые бы работали с последствиями их психологических и физических травм.

Во втором случае под интеграцией понимается более слаженное сотрудничество разных организаций, четко продуманная, хорошо налаженная и функционирующая коммуникация (пример: в специальных боксах общежитий для студентов-инвалидов в ваннах есть красный канат, потянув за который инвалид в срочном порядке вызывает скорую помощь, если вдруг он упал или ему стало плохо) и повышение координации деятельности отдельных служб. При этом под координацией понимают следующее: задачи у оказывающих медицинские и социальные услуги организаций могут быть разные, но цель одна — улучшение состояния здоровья или продление жизни или улучшение качества жизни клиента. Примеры: визит раз в 2 недели психиатра в пансионаты для людей со старческой деменцией или медицинское, психологическое и социо-экономическое сопровождение родителей, страдающих умственной отсталостью или имеющих психиатрический диагноз.

Ниже приведены примеры успешной реализации на практике концепции интеграции медицинских и социальных услуг при финансовой и информационной поддержке государства (опыт США).

- Minnesota’s Hennepin Health представляет собой интегративный пакет медицинских и социальных услуг для малоимущих жителей Миннесоты в возрасте от 0 до 64 лет при господдержке (государственная программа финансирования медицинской помощи для малоимущих «Медикейд») и дополнительном частичном местном финансировании. Данный пакет объединяет следующие опции: медицинскую помощь, психологическое консультирование, психиатрическую помощь и широкий спектр социальных услуг.

- Vermont’s Support and Services at Home — пакетная программа медицинского и социального обслуживания на дому для жителей Вермонта. Она заключается в предоставлении по показаниям жителям Вермонта пенсионного возраста от 65 и старше, имеющим право на бесплатную медицинскую помощь по государственной программе «Медикейд», долгосрочного медицинского ухода на дому. Помимо этого программа обеспечивает эффективную координацию в оказании медицинских и социальных услуг, а также дополнительные мероприятия по сопровождению таких пациентов со стороны местного сообщества.

- Интерес представляют и предпринимательские практики в сфере здравоохранения и социального обслуживания пяти труднодоступных сельских районов штата Мэриленд — Maryland’s Health Enterprise Zones. В этих районах с более низким доступом к медицинской помощи созданы многосекторальные инновационные программы поддержки, включающие четкую координацию маршрутизации пациентов из сельской местности в крупные региональные больницы для устранения барьеров доступа к медицинской помощи жителей сельских районов, а также пациентоцентричность и организацию «больницы на дому» в комплексах для проживания пожилых, пропаганду здорового образа жизни и организацию мероприятий, способствующих профилактике заболеваний и физической активности [McGinnis et al., 2014].

Интеграция медицинских услуг и социального обслуживания включает три взаимосвязанных вида деятельности в сфере государственного управления:

- 1) на стратегическом уровне — формирование политики и разработка федеральных и местных программ;

- 2) уровень успешной реализации данных программ по интеграции медицинских и социальных услуг (четкое планирование процесса, каким образом будет функционировать интегрированный сервис — важен хорошо продуманный дизайн объединения и функционирования в рамках одной организационной структуры или временного союза);

- 3) клиентский уровень — организация и исполнение на уровне местного сообщества (и здесь как раз бывают основные проблемы и барьеры).

Например, отличная идея ассистированной жизни в специально оборудованных домах для инвалидов и пожилых при недоброкачественной организации сопровождения оборачивается сложностями и личными трагедиями клиентов, когда в зарубежной прессе время от времени появляются жуткие истории о смерти и причинении вреда клиенту. Основные проблемы и барьеры: злоупотребления и насилие со стороны персонала, неправильное назначение и выдача лекарств, инфекции, повышенная травмоопасность (слабое освещение, отсутствие стульев с подлокотниками, плохое состояние прогулочных дорожек, поручней, ковровых и напольных покрытий, вызывающих падение пожилых) [McQuinn, 2015].

Самое большое разнообразие вариантов интеграции медицинских и социальных услуг наблюдается именно на третьем уровне — уровне местного сообщества, когда не только интегрируются медицинские и социальные сервисные организации, но и к сотрудничеству с ними привлекаются благотворительные фонды, клиентские/пациентские организации, волонтеры, местный бизнес. В результате получаются интересные модели и формы. Примеры, ставшие классическими в США: благотворительные концерты и балы [Miami Children's Hospital..., 2015], выездная служба специалистов хосписа для детей; примитивный пример: при усилении коммуникации с местным сообществом в больницах могут дежурить волонтеры, которые не только ухаживают за пациентами, но и развлекают их (например, в центральных вестибюлях больниц стоят рояли, и местные артисты-волонтеры регулярно дают живые концерты, детей развлекают клоуны-волонтеры, благотворительные организации с местными властями устраивают для детей костюмированные балы) [Community Invited..., 2015]. Еще пример: в Великобритании расширен перечень видов оказываемых бесплатно медицинских услуг на дому у пациентов (выдержка из глубинного интервью: *«У моей знакомой врачи обнаружили рак в последней стадии развития, поставили ее в известность и предоставили бесплатно ночную медсестру-сиделку на 3 месяца»*, Бредфорд) [Тарасенко, 2005].

Таким образом, можно заключить, что в настоящее время существуют разные теоретические подходы к определению понятия «интеграция медицинских и социальных услуг», и различается их реализация в зарубежной практике в виде широкой линейки гибридных моделей организации долгосрочного ухода за пожилыми, хронически больными пациентами и инвалидами (объединение амбулаторных медицинских услуг или медицинских услуг стационарного уровня плюс социальные услуги), с разными вариантами финансирования и софинансирования, включая привлечение государственных и частных средств, использование государственно-частного партнерства, медицинского и социального страхования и проч. Все варианты объединяет

возможность достичь при меньшем объеме финансирования большей степени координации, адресности, а значит, и более высокого уровня качества и доступности медицинских услуг и услуг в области долговременного медицинского ухода.

Более сложные финансовые модели, как правило, разрабатываются для адресного финансирования оказания интегрированных медицинских и социальных услуг в рамках *стационарного проживания* в специальных пансионатах инвалидов, нуждающихся в постоянном сложном уходе. Страны с большим количеством пожилых людей и инвалидов, активно развивающие подобные модели стационарного качественного ухода за ними, как правило, выделяют на программы стационарного ухода существенные средства (например, Швеция тратит 3,6% ВВП, что намного больше, чем другие страны) [Help Wanted? Providing..., 2011]. При этом в качестве источников финансирования такого стационарного проживания с интеграцией медицинских и социальных услуг могут выступать партнерства фондов социального страхования, медицинских страховых фондов. Исследователи отмечают важность заранее оговоренных правил игры и четкой координации действий при организации такого вида партнерств, чтобы уменьшить несогласованность в финансировании интегрированных услуг [Jaffe et al., 2015].

Основные принципы дальнейшего развития адресного финансирования социальных и медицинских услуг:

- социальная справедливость (пользователи выдают оценку не качеству и количеству отдельно получаемых услуг, а в целом оценивают качество своей жизни — возросло оно или нет с получением социальных и медицинских услуг; соответственно принцип справедливости означает, что качество жизни клиента в целом должно возрасти в результате финансирования услуг, а не ухудшиться (когда, например, чтобы добраться до медицинского центра, необходимо тратить больше временных и физических усилий); предпочтение отдается гибридным моделям — на местном уровне — организованному уходу и медицинским услугам с высокой степенью доступности);
- прозрачность, понятность/простота правил игры для всех участников;
- надежность финансирования и устойчивость (надежность финансовых фондов, их способность к генерации доходов и оплате услуг в долгосрочной перспективе; устойчивость правовой базы).

Таким образом, на основании западного опыта можно сделать выводы, что:

- 1) в настоящее время существуют определенные проблемы, связанные с обеспечением преемственности качественного оказания медицинских услуг и ухода за определенными социально уязвимыми группами населения;

2) данные проблемы связаны с тем, что либо существуют несколько частично дублирующих точек входа в систему, либо различаются схемы и методология финансирования, либо слишком много профессионалов вовлечено в оказание медицинских услуг и услуг по социальному обеспечению и защите, в связи с чем часто нарушается координированная деятельность;

3) координация оказания медицинских услуг и ухода является ключевой в повышении их качества и доступности;

4) с учетом западного опыта необходимо разработать и внедрить в практику интегрированную концепцию долговременного социально-медицинского ухода, включающую совмещение и преемственность медицинских услуг и услуг по социальному обеспечению и социальной защите для отдельных групп населения;

5) основной упор должен быть сделан на улучшение организации и качества исполнения интегрированных медицинских услуг и услуг по уходу и социальной защите на клиентском уровне, поскольку именно на этом уровне появляются основные проблемы и барьеры для реализации интегрированной концепции социального ухода.

Источники

Предположительная численность населения Российской Федерации [Электронный ресурс] // Федер. служба гос. статистики. 2016. 15 апр. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/progn3a.xls (дата обращения: 20.05.2016).

Тарасенко Е.А. Государственная социальная политика в отношении лиц с ограниченными возможностями здоровья (сравнительный анализ на примере Российской Федерации, США и Великобритании): дис. ... канд. социолог. наук. М., 2005. С. 31–40.

Community Invited to UC Davis Children's Hospital's Free Summer Concert [Electronic resource] // UC Davis Health System. 2015. July 27. URL: <https://www.ucdmc.ucdavis.edu/publish/news/newsroom/10208> (date of access: 12.08.2015).

Dementia Villages [Electronic resource]. URL: <http://dementiavillage.com/> (date of access: 12.08.2015).

Fisher M., Elnitsky C. Health and Social Services Integration: A Review of Concepts and Models // Social Work in Public Health. 2012. Vol. 27. No. 5. P. 441–468.

Grono O., Garcia-Barbero M. Integrated Care: A Position Paper of the WHO European Office for Integrated Health Care Services // Intern. J. of Integrated Care. 2001. Vol. 1.

Help Wanted? Providing and Paying for Long-Term Care. OECD Publ., 2011. Chap. 7. P. 231–245. (OECD Health Policy Studies).

Integration across Health and Social Care Services in Scotland — Progress, Evidence and Options [Electronic resource] // The Scottish Government: site (date of access: 12.08.2015).

Integration of Health Care Delivery: rep. of WHO Study Group. Geneva, Switzerland: WHO, 1996. (Technical Rep. Series; no. 861).

Jaffe A., Yoselis A., Tripto-Shkolnik L. Better Together: A Community-Hospital Integrative Model of Healthcare as a Practical Solution for Providing Excellence in Endocrinology Care in an Era of Limited Resources // Israel J. of Health Policy Research. 2015. Vol. 4. No. 28. URL: <http://www.ijhpr.org/content/4/1/28> (date of access: 12.08.2015).

Jester R. et al. The Development of an Evaluation Framework for a Hospital at Home Service: Lessons from the Literature / Jester R., Titchener K., Doyle-Blunden J., Caldwell C. // J. of Integrated Care. 2015. Vol. 23. Iss. 6. P. 336–351.

McGinnis T., Crawford M., Somers S. A State Policy Framework for Integrating Health and Social Services / The COMMONWEALTH FUND // Iss. Brief. 2014. July. P. 1–9.

McQuinn M. Top 10 Safety Hazards in Assisted Living Facilities [Electronic resource] // Senior Directory: site. 2015. Aug. 12. URL: <http://seniordirectory.com/articles/info/top-10-safety-hazards-in-assisted-living-facilities> (date of access: 12.08.2015).

Miami Children's Hospital Diamond Ball & Concert [Electronic resource] // SocialMiami.com: site. URL: <http://www.socialmiami.com/socialeyes/Miami-Childrens-Hospital-Foundation-Diamond-Ball.asp> (date of access: 12.08.2015).

Spreeuwenberg C., Kodner D. Integrated Care: Meaning, Logic, Applications, and Implications // Intern. J. of Integrated Care. 2002. Nov. 14.

А.Л. Темницкий

Московский государственный
институт международных
отношений (Университет)

СТРУКТУРА И ДИНАМИКА ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ МОТИВОВ ТРУДА ВРАЧЕЙ

Известно, что более всего проблемы трудовой мотивации дают о себе знать в условиях экономических кризисов и проведения инновационной политики. Кризис обнажает и обостряет не решенные ранее проблемы. В условиях роста угрозы безработицы одни (менее ресурсные) категории работников испытывают стресс, снижают свои притязания, переходят на адаптационные стратегии трудового поведения, другие (более ресурсные) испытывают на себе повышенную нагрузку, вследствие которой растет неудовлетворенность работой и трудовыми отношениями. В ситуации прошлого (2008–2009 гг.) кризиса эти явления проявились в полной мере [Аникин, 2009]. В ситуации 2014 г., когда кризис в финансово-экономической сфере стал сочетаться с политикой реформирования, внедрением положений эффективного контракта в медицинских организациях, проблемы трудовой мотивации медицинских работников не могли не обостриться. Речь не идет о случаях внешних проявлений недовольства, таких как протестные акции: митинги, пикеты, забастовки и голодовки. Нас интересует, как меняется и меняется ли под влиянием кризисных явлений и проводимых организационных инноваций внутреннее отношение к работе (приоритетность мотивов труда, готовность повышать либо сдерживать отдачу в труде, продолжать работу в своей организации либо искать новую, находить дополнительную оплачиваемую работу наряду с сохранением основной занятости).

Основной информационной базой исследования стали материалы социологического исследования 2014 г., проведенного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ¹. Для сравнения используются данные исследований 2011 и 2013 гг.²

¹ В 2014 г. был опрошен 951 врач в пяти субъектах РФ. Опрос был проведен в ноябре 2014 г. Левада-центром по заказу НИУ ВШЭ в рамках исследования проблем оплаты труда и перехода к эффективному контракту по Программе фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

² В 2011 г. было опрошено 2450 врачей в 20 субъектах РФ. Опрос проведен ВЦИОМ по заказу НИУ ВШЭ. В 2013 г. было опрошено 1611 врачей в 14 субъектах РФ. Опрос

Выявление мотивации труда посредством проведения количественных опросов может сопровождаться использованием различных методик, все богатство которых может быть сведено к двум основным подходам: спрашивать напрямую (вопросы в лоб) либо определять мотивацию по косвенным вопросам. В первом случае у респондентов спрашивают, что для них является главным, важным в работе [Магун, Монусова, 2014]. Во втором случае выявление мотивации основывается на сопоставлениях и косвенных оценках, например, на сопоставлении величины расхождений оценок удовлетворенности каждым из 14 элементов производственной ситуации, с одной стороны, и общей удовлетворенности работой — с другой [Здравомыслов, Ядов, 2003]. Либо это предлагается делать на основе анализа взаимосвязей показателей, отражающих сбалансированность между трудовыми ценностями (притязаниями) и возможностью их достижения в трудовой деятельности, с одной стороны, и характером идентификации работников с предприятием — с другой [Татарова, Бессокирная, 2011].

Нами предполагается, что среди различных подходов к изучению мотивации трудовой деятельности медицинских работников наиболее действенными будут те, которые раскрывают актуальность побуждений, стремлений и готовности к качественному выполнению работы в повседневной трудовой деятельности, а не обращены к выявлению идеальных представлений о хорошей работе, позитивных стимулов к труду, факторов идентификации с организацией или оценок удовлетворенности. Это объясняется прежде всего преобладающим влиянием на медицинских работников сегодняшнего дня, реального положения в обществе, сфере здравоохранения, медицинской организации, возможностей его улучшения не в отдаленной перспективе, а в ближайшие годы.

Предложение медицинским работникам дать оценки реально действующим побудителям к труду, ответив на вопрос анкеты «Какие мотивы труда, на Ваш взгляд, сегодня являются определяющими для работников системы здравоохранения?», рассматривается нами как надежный инструмент косвенного, экспертного по характеру измерения реальной ситуации мотивации к труду. Для ответа предлагался список из 11 подсказок, а также возможность самостоятельно сформулировать ответ.

Предложенный для оценок список мотивов основывался на предварительно разработанной типологии основных структур трудовой мотивации медицинских работников (табл. 1).

проведен НИУ ВШЭ при организационной поддержке Министерства здравоохранения Российской Федерации. Руководитель всех исследований — проф. С.В. Шишкин. Автор статьи принимал участие в разработке инструментария и анализе данных из приводимых исследований.

Таблица 1. Основные типы структур трудовой мотивации врачей

Тип структуры трудовой мотивации	Приоритетный мотив
Прагматический тип мотивации	<p>На 1-м месте — максимальное использование возможностей оказывать помощь близкому кругу (друзьям, знакомым, родственникам) в сохранении здоровья и повышение своего авторитета за счет роста уважения со стороны близкого круга.</p> <p><u>Ориентация</u> на ближний круг сетевого взаимодействия, на наращивание и укрепление социальных сетей ближнего круга отношений с друзьями, знакомыми, коллегами, устойчивыми группами пациентов.</p>
Ценностно-ориентированный тип профессиональной мотивации	<p>Равнозначны ценности профессионального интереса к выполняемой работе и максимизации альтруистического мотива сострадания и помощи больным, без жесткой привязки к материальным и карьерным соображениям.</p> <p><u>Ориентация</u> на профессиональные ценности, связанные, прежде всего, с фигурой больного, состраданием к нему.</p>
Деятельностно-утилитарный тип профессиональной мотивации	<p>На 1-м месте — максимальное использование возможностей для обеспечения карьерного и профессионального роста.</p> <p><u>Ориентация</u> на себя, свои честолюбивые интересы.</p>
Консервативно-сохранительный тип мотивации	<p>На 1-м месте — максимальное использование возможностей для зарабатывания денег на повседневную жизнь и сохранение гарантированной занятости, демонстрация неуверенности на внешнем рынке труда.</p> <p><u>Ориентация</u> на сохранение занятости, обеспечение материального благополучия семьи.</p>

Исходя из выделенных приоритетных ценностных ориентаций был составлен список мотивов для оценок (табл. 2).

Разработанный вопрос в неизменном виде задавался медицинским работникам на протяжении 2007–2014 гг., во время проведения исследований. Рассмотрим в динамике иерархию значимости определяющих мотивов труда врачей (табл. 3).

Можно утверждать, что выявленная в результате повторных исследований структура определяющих мотивов к труду является некоторым итогом, раскрывающим особенности восприятия врачами социально-экономического контекста их труда, учета влияния экономических, профессиональных сторон деятельности, а также роли ближайшего окружения. Тройку наиболее значимых определяющих мотивов к труду образовали деньги (возможности их заработать в сложившихся условиях), профессионализм (профессиональ-

Таблица 2. Соотношение ценностных ориентаций и мотивов трудовой деятельности

Ценностная ориентация	Мотив
Ориентация на ближний круг сетевого взаимодействия, на наращивание и укрепление социальных сетей ближнего круга отношений с друзьями, знакомыми, коллегами, устойчивыми группами пациентов	<ul style="list-style-type: none"> • Возможность завоевать уважение коллег • Уважение, поддержка семьи и близких друзей • Возможность при необходимости помочь близким, друзьям, себе в сохранении здоровья • Расширение возможностей общения с другими людьми
Ориентация на профессиональные ценности, связанные, прежде всего, с фигурой больного, состраданием к нему	<ul style="list-style-type: none"> • Профессиональный интерес • Сострадание и помощь больному
Ориентация на себя, свои честолюбивые интересы	<ul style="list-style-type: none"> • Возможность сделать карьеру • Профессиональный рост
Ориентация на сохранение занятости, обеспечение материального благополучия семьи	<ul style="list-style-type: none"> • Гарантия занятости • Возможность заработать деньги на жизнь • Невозможность устроиться в регионе на другую, более высокооплачиваемую работу по медицинской специальности

ный интерес к работе) и альтруизм (сострадание и помощь больному). В период исследований их значения были близкими друг другу, и замечаемая в разные годы исследований смена мест не имеет решающего значения, так как различия между ними не являются статистически значимыми. Выбор трех указанных мотивов был всегда характерен немногим более чем для половины респондентов. Тогда как следующий по значимости мотив («возможность при необходимости помочь близким, друзьям, себе в сохранении здоровья»), связываемый нами с прагматическим типом трудовой мотивации, набирал в период исследований не более трети ответов.

При рассмотрении структуры реально действующих мотивов выяснилось, что мотивы, связанные с коллегами по работе (достижение их уважения и возможности для общения), заняли периферийное положение. Получается, что они не обладают достаточной мотивационной силой и не значимы как реально действующие механизмы в реальной ситуации. Предполагается, что такого рода мотивы в повседневной трудовой деятельности способствуют созданию весьма желательной для работы благоприятной социально-психологической атмосферы, но не могут выполнять инструментальную роль мотиватора.

Таблица 3.

Иерархия мотивов, определяющих работу медицинских работников в динамике за 2007–2014 гг.

(по оценкам врачей, указываются ранги значимости на основе модальных ответов, «1» имеет максимальное значение, «11» — минимальное)

Определяющий мотив	Год опроса			
	2007	2009	2011	2014
Возможность заработать деньги на жизнь	1	1	3	3
Профессиональный интерес	2	2	1	1
Сострадание и помощь больному	3	3	2	2
Возможность при необходимости помочь близким, друзьям, себе в сохранении здоровья	4	4	4	4
Гарантия занятости	5	5	6	5
Профессиональный рост	6	6	5	6
Невозможность устроиться в регионе на другую оплачиваемую работу по медицинской специальности	9	7	9	8
Уважение, поддержка семьи и близких друзей	7	8	7	7
Возможность сделать карьеру	8	9	10	9
Возможность завоевать уважение коллег	10	10	8	10
Расширение возможностей для общения с людьми	11	11	11	11
<i>Количество ответивших</i>	<i>621</i>	<i>791</i>	<i>2399</i>	<i>945</i>

Достаточно устойчивым оказался мотив сострадания и помощи больному, определяемый нами как индикатор альтруизма. Он не только носит характер социально одобряемой ценности, но и инструментален в реальной деятельности врачей, составляет живую ткань повседневности. Наиболее устойчиво воспроизводится в ядре всех трех срезов мотивации труда врачей денежный интерес. В реальной деятельности он предстает как отражение незавершенной адаптации к нестабильным условиям жизни, проводимым реформам, а также как использование любой возможности заработать деньги на жизнь и содержит в себе (помимо официальной оплаты) скрытый потенциал дополнительного заработка и неформальных платежей.

Обладают ли данные мотивы автономной силой или же они растворяются среди других и не способны образовать выверенный фактор воздействия на трудовое поведение врачей? Автономность мотивов в данном случае

понимается в статистическом смысле слова, как способность образовывать отдельные факторы или кластеры, способность к дифференциации ответов респондентов на другие вопросы, в отличие от качества «растворимости» (диверсификации), которая такими способностями не обладает. Соответственно выверенным фактором воздействия на трудовое поведение врачей может быть только то, что имеет свое собственное, отличающееся от других содержание.

Изначально предполагалось, что группы мотивов, связанные с определенным видом ценностных ориентаций, будут образовывать соответствующие кластеры и тем самым отличаться от других. Однако кластерный анализ по методу иерархической кластеризации с использованием межгруппового среднего связывания и метрики Евклида приводил в каждом новом исследовании к выявлению устойчивых кластеров на другой, чем предполагалось теоретически, основе (табл. 4).

Самый большой кластер характеризуется сочетанием трех дополняющих друг друга определяющих мотивов трудовой деятельности: профессионального интереса, денежного интереса, мотива сострадания и помощи больным. Поэтому попавших в него врачей можно назвать «разносторонними» благодаря сильной степени выраженности у них одновременно материальных, профессиональных и духовных мотивов. Доля врачей, образующих данный кластер, составляла в разные годы исследований от 61 до 71%. Все

Таблица 4. Кластеры по определяющим мотивам трудовой деятельности, %

Кластеры: определяющие мотивы; название	Год опроса		
	2009	2011	2014
1. Возможность при необходимости помочь близким, друзьям, себе в сохранении здоровья. «Социальные капиталисты»	35	26	27
2. Профессиональный интерес, сострадание и помощь больным, возможность заработать деньги на жизнь. «Разносторонние»	62	64	71
3. Уважение, поддержка семьи и близких друзей. «Признание и поддержка близких»	—	7	—
4. Расширение возможностей общения с другими людьми. «Общение»	3	3	2
Всего	100	100	100
Количество ответивших	791	2450	950

последующие кластеры образовались на основе 100%-ной представленности ведущей компоненты. Среди оставшейся части респондентов выделяется кластер тех, кто ориентирован на максимизацию своего социального капитала: обеспечение возможности при необходимости помочь близким, друзьям, себе в сохранении здоровья. Его доля колеблется от одной четверти до одной трети в разные годы исследований. Данный кластер получил название «социальные капиталисты», как имеющий явно выраженную прагматическую направленность, предположительно связанную с ориентацией на ближний круг сетевого взаимодействия. В 2011 г. образовался незначительный по наполненности кластер, указывающий на роль признания и поддержки семьи и близких друзей. По своему смысловому содержанию он близок к кластеру «социальные капиталисты». Возможно, поэтому в 2009 и 2014 гг. он не получил самостоятельного значимого статистического наполнения. Как маргинальный, явно незначительный по объему для статистического анализа, но устойчиво образующийся, кластер «общение» подчеркивает фоновую роль в действующей мотивации к труду этой необходимой для человека ценности.

Таким образом, только два кластера по определяющим мотивам труда можно считать перспективными для разработки политик стимулирования: это «разносторонние» и «социальные капиталисты».

Рассмотрим более подробно их отличительные характеристики. Прежде всего попытаемся раскрыть особенности основных социально-демографических характеристик респондентов, образующих данные кластеры (табл. 5).

В обоих годах исследований доля мужчин в кластере «социальные капиталисты» была ниже, чем в кластере «разносторонние». Выделив категорию наиболее активного для профессиональной деятельности возраста

Таблица 5. Представительность различных социально-демографических групп врачей в зависимости от принадлежности к кластеру, %

	Год опроса					
	2011			2014		
<i>Кластер</i>	Доля мужчин	В возрасте 36–49 лет	Состоящие в браке	Доля мужчин	В возрасте 36–49 лет	Состоящие в браке
«Социальные капиталисты»	26	43	70	31	39	66
«Разносторонние»	31	33	75	38	33	73

(36—49 лет), мы, напротив, видим заметное преобладание таковых среди «социальных капиталистов» по сравнению с «разносторонними». Доля состоящих в браке среди «социальных капиталистов» оказалась несколько ниже, чем в другом кластере. Выявленные характеристики позволяют предположить, что в кластере «социальные капиталисты» задают тон женщины-врачи наиболее активного возраста, ориентированные на создание сетевых связей и отношений ближнего круга общения из друзей, знакомых, коллег, групп пациентов.

По результативным и поведенческим характеристикам трудовой деятельности кластер «социальные капиталисты» отличается более высоким по сравнению с кластером «разносторонние» размером получаемой заработной платы и повышенными притязаниями к ожидаемому размеру заработка. Эта тенденция обнаруживается в разные годы исследований, однако у врачей она имеет более выраженный характер, чем у среднего медицинского персонала. «Социальные капиталисты» более толерантно, по сравнению с «разносторонними», относятся к получению дополнительного вознаграждения от пациентов и родственников. «Разносторонние» в этом плане настроены в большей мере отрицательно. То, что «социальные капиталисты» чаще используют возможности социальных связей для приработка, подчеркивают их ответы о включенности в работу на дому как вид дополнительного заработка (5% против 1% среди «разносторонних», по данным 2014 г.). Косвенным показателем повышенной роли сетевого взаимодействия является более высокая удовлетворенность «социальных капиталистов» отношениями с коллегами по работе (индексы 4, 73 и 4,42 среди «разносторонних»). При этом они более критично оценивают положение в сфере здравоохранения (чаще указывают на его критическое состояние) и в меньшей мере оценивают профессию медика как престижную.

Предполагается, что кластер «разносторонние» в силу объединяющих их мотивов может быть объектом управления без особого учета латентной ориентации на практики неформальной оплаты. Умеренность притязаний кластера «разносторонние» будет, вероятно, сопровождаться большей податливостью к разрабатываемым инструментам материального стимулирования их труда, к условиям вводимого эффективного контракта. Вместе с тем эта податливость будет сочетаться с инерционностью их трудового поведения, которая в итоге станет препятствовать повышению результативности и качества труда.

Кластер «социальные капиталисты» может выступать объектом результативного применения новых механизмов стимулирования труда, но с учетом особенности ведущего мотива — максимизации социально-сетевой направленности их деятельности и их толерантности к практикам неформальной

оплаты, мотивация к получению которых, очевидно, сохранится, несмотря на рост заработной платы.

Особенно актуальным представляется выявление связи обнаруженных кластеров с вопросами внедрения эффективного контракта.

Прежде всего «социальные капиталисты» существенно чаще «разносторонних» подчеркивают возросший уровень требовательности пациентов к качеству медицинской помощи (на это указали 90% среди первых против 81% среди вторых). В понимании того, что такое эффективный контракт, врачи — «социальные капиталисты» по сравнению с «разносторонними» чаще указывают, что это включение в трудовой договор с работником показателей и критериев оценки эффективности его деятельности для назначения стимулирующих выплат (42 и 30%), конкретизация в трудовом договоре с работником его должностных обязанностей, условий оплаты труда (47 и 39%), а также обеспечение современным оборудованием, компьютеризация рабочих мест (35 и 24%). Таким образом, врачи — «социальные капиталисты» чаще подчеркивают роль условий для индивидуального производительного труда. Следует учитывать, что среди этих врачей по сравнению с «разносторонними» выше доля не имеющих профессиональной категории (38 и 29%) и ниже доля имеющих высшую категорию (31 и 35%), соответственно ниже и средний возраст (44 и 47 лет). В целом кластер «социальные капиталисты» отражает, на наш взгляд, мотивационную ситуацию трудовой деятельности непривилегированной части врачей, которые либо еще не добились сносно-го для нормальной жизни материального уровня и статусного положения в организации, либо, будучи неудовлетворенными сложившимся положением, занимаются поиском дополнительных возможностей для решения своих прагматических интересов.

Источники

Аникин В.А. Работа в жизни россиян // Социолог. исследования. 2009. № 12. С. 48–55.

Здравомыслов А.Г., Ядов В.А. Человек и его работа в СССР и после: учеб. пособие для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2003. С. 412–414.

Магун В.С., Мунусова Г.А. Иерархии трудовых ценностей в европейских странах // XIV Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и о-ва: в 4 кн. / отв. ред. Е.Г. Ясин. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. Кн. 3. С. 516–526.

Татарова Г.Г., Бессокирная Г.П. Типологический анализ для реконструкции социальных типов работников (концептуальное и эмпирическое обоснование) // Социолог. исследования. 2011. № 7. С. 3–15.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ
ТРАЕКТОРИИ
И СОЦИАЛЬНАЯ
ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ

И.П. Попова

Институт социологии
РАН, Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа экономики»

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ СООТВЕТСТВИЕ В ТРУДОВЫХ КАРЬЕРАХ РАБОТНИКОВ¹

Исследования трудовой карьеры включают характеристики их устойчивости, а также влияющие на них факторы. Один из таких комплексных факторов связан с профессиональной подготовкой. В числе наиболее важных его характеристик — соответствие или несоответствие занятости (рабочего места) полученному базовому профессиональному образованию и имеющейся квалификации. Мы сосредоточим внимание на некоторых характеристиках такого влияния, используя данные мониторинга «Социальные различия в российском обществе»². Анализ опирается на концепции, которые рассматривают соответствия/несоответствия квалификаций и основной специальности работников их рабочим местам (квалификационное и образовательное несоответствие) в аспекте социальных неравенств (на основе субъективных показателей), а также концепции в рамках исследований карьер, в которых рассматриваются ресурсы трудовых (профессиональных) карьер. Основной вопрос, на который помогут дать ответ данные мониторинга, связан с выявлением влияния соответствия основной специальности и квалификаций работников их рабочему месту на характер их трудовых карьер, прежде всего на их устойчивость, стабильность.

Трудовые (профессиональные) карьеры — характеристики устойчивости

В исследованиях все чаще внимание сосредоточивается на условиях внешней среды, влияющих на развитие карьер работников в различных сферах профессиональной деятельности, их эффективность и управление

¹ Работа подготовлена в рамках проекта РГНФ № 16-03-50220.

² Мониторинг проводится Институтом социологии РАН (рук. М.Ф. Черныш), этапы 1998, 2007 и 2015 гг., выборка последнего опроса, проведенного по репрезентативной общероссийской выборке, составила 5335 респондентов.

их развитием. Проблемой становятся изменяющиеся условия занятости — смена работ, их совмещение, нестабильность контрактов и изменения в оценке иерархических продвижений, которые формируют и новые подходы в отношении к карьере как к целостности. Концепции безграничной [Arthur, 2014], поливариативной [Hall, 2004] карьеры акцентируют способность адаптироваться к меняющимся структурам и контексту занятости. В то же время акценты на организационных рамках карьеры дают возможность обращать внимание на барьеры, не зависящие от личного потенциала людей [Inkson et al., 2012]. Социологические исследования карьеры сосредоточиваются на институциональном контексте карьеры и проекциях взаимодействия структур и действий [Becker, Strauss, 1956, p. 253]; включали рамки теории человеческого капитала. В последние годы в фокусе внимания исследователей — проблематика устойчивой карьеры, условий и факторов ее формирования в организациях [Handbook..., 2015]. Отметим, что наши исследования также выявляют поворот к распространенности прерывистых карьер, что в биографических траекториях выглядит как недоиспользование человеческого потенциала [Попова, 2011]. Особое значение приобретает устойчивость в отношении карьер в сферах профессиональной деятельности, требующих специальных знаний, образовательной и квалификационной базы.

Проблема профессионального и квалификационного соответствия/ несоответствия занятости

Несоответствие профессиональной подготовки работников требованиям рабочих мест на рынке труда — широко обсуждаемая проблема в мире, и в том числе в нашей стране. Выделяются две стороны этого несоответствия: недостатки профессионального образования и недостаточный уровень квалификации и навыков. Отечественные авторы занимают разные позиции в обсуждении этой проблемы. Одна из них, например, состоит в том, что рынок профессионального образования не соответствует требованиям экономики, приводит к дисфункциям рынка труда и препятствует формированию оптимального варианта структуры занятости [Кочетов, 2011; Константиновский, 2014]. Обосновывается также позиция, согласно которой запросы рынка труда дают косвенный, а не прямой ориентир для вузов в формировании профессиональных знаний и навыков выпускников [Московская, 2015].

В международных исследованиях рассматриваемой проблемы сегодня актуальны вопросы оценки ее параметров. Используется разрабатываемая

ОЭСР методология прямого измерения квалификаций и навыков (см., например: [Better Skills..., 2012; Шляйхер, 2010]), образовательных и квалификационных несоответствий на рабочих местах [Desjardins, Rubenson, 2011], в том числе на основе самоопределения работников. Следует отметить, что в 2013 г. Россия показала специфические результаты в сравнительном исследовании, основанном на этой методологии. Реальные навыки не отвечают занимаемым позициям, это проявляется, например, в несоответствии уровня профессиональной грамотности полученному диплому и соответственно должностному уровню (см.: [Подольский и др., 2015; Кузьмина, Попов, 2015]). В данной статье профессиональное соответствие рассматривается как важный фактор и условие стабильной (устойчивой) трудовой карьеры.

Тенденции в сохранении квалификации — 1998–2015 гг.

Проблема квалификационных несоответствий на рынке труда в нашей стране несет отпечатки разных периодов. Прежде всего, это ситуация 1990-х годов — разрушение прежней структуры занятости, обесценивание квалификаций — как формальных (по диплому), так и неформальных (из-за несоответствия занятости). Данные мониторинга фиксируют эту ситуацию и помогают увидеть ее тенденции.

В эти годы в сохранении квалификации большую роль сыграло образование: более высокий его уровень характеризовал тех, кто в 1998 г. положительно ответил на вопрос, удалось ли сохранить квалификацию. Те же, кто ответил отрицательно, среди причин потери квалификации отметили прежде всего переход на работу не по специальности (43%) и опыт безработицы (32%). Существенным было также отсутствие, по мнению респондентов, нормального производства. То, что решающими были внешние (структурные) условия, подтверждает сравнение оценок их различных сторон, прежде всего возможности использования квалификации и знаний на рабочем месте: о том, что они за последние 5 лет улучшились или по крайней мере не изменились, чаще всего говорили в 1998 г. те, кто сохранил квалификацию (76% против 51% ее не сохранивших). Важной оказалась также *стабильность рабочего места* — она была значительно выше у тех, кто сохранил квалификацию, чем у тех, кто ее потерял (66,4% против 41,9%). Последние гораздо чаще перемещались с прежнего рабочего места (21% против 40,7%), а также переживали безработицу (28,9% против 10,8%). Выявилась и определенная зависимость сохранения квалификации от типа предприятия — чаще этому

Таблица 1. Изменения в оценке возможности использования квалификации и знаний на рабочем месте, % опрошенных

Ответы на вопрос: «Возможность использовать свою квалификацию, знания изменилась...»	Год опроса		
	1998	2006	2015
К худшему	22,0	4,9	1,2
Не изменилась	51,5	50,7	21,9
К лучшему	17,9	41,2	9,8
Затрудняюсь ответить (1998, 2006 гг.)	8,6	3,1	—
На данном месте работаю менее 5 лет (2015 г.)	—	—	67,2

способствовала занятости на государственном предприятии (65,1 и 56,8%), от должностной позиции — рядовые работники чаще теряли квалификацию.

Мониторинг дает возможность проследить изменение ситуации с использованием квалификации и знаний на рабочем месте на основе сравнения ответов на вопрос, как изменились характеристики рабочего места за последние 5 лет, данных в 1998 г., с ответами на такой же вопрос в 2006 и 2015 гг. (табл. 1).

Резкое уменьшение негативных оценок ситуации в отношении использования квалификации сменилось резким скачком вниз в позитивных оценках в 2015 г. Очевидно, это связано с добавлением новой альтернативы в вариантах ответов («На данном месте работаю менее 5 лет»). В то же время обнаруживается возросшая трудовая мобильность, что тоже характеризует новую ситуацию в занятости. Она связана с новыми секторами и новым поколением работников, достаточно адаптированных к гибкости. За последние 5 лет меняли рабочее место в основном молодые люди — две трети составляют работники до 40 лет. Мобильные чаще всего работают на частных предприятиях в качестве рядовых работников. Наиболее распространенная сфера занятости — торговля. Это квалифицированные работники, и они достаточно гибки — более половины за последние 10 лет меняли профессию, четверть из них пережила безработицу. Чаще всего настоящая работа лишь в незначительной мере отвечает полученной специальности (42% ответов). Потенциал гибкости подтверждает и то, что они достаточно высоко оценивают готовность в случае необходимости радикально изменить свою жизнь. Таким образом, новая ситуация в занятости выявляет и новые тенденции в квалификационном и образовательном соответствии работников.

Соответствие работы квалификациям и специальностям работников

Данные 2015 г. позволили выявить тенденции в соответствии квалификаций и полученных специальностей работников их занятости по следующим показателям: 1) оценка соответствия работы полученной специальности; 2) оценка степени использования квалификации, знаний³.

Исследование выявило два основных фактора, которые влияют на степень соответствия профессиональной подготовки рабочему месту: *уровень образования и социально-должностной статус работника*.

Уровень образования значим в возможностях опираться в трудовой деятельности на *квалификацию и знания*. Эти возможности, предоставляемые рабочим местом, оцениваются значительно выше с ростом уровня дипломов. Наибольшие оценки им даются работниками с высшим образованием. Работники же с уровнем образования не выше общего среднего жалуются на недоиспользование их квалификационного потенциала гораздо чаще (табл. 2). Тенденции в соответствии работы специальности повторяют общую направленность: чем выше уровень образования, тем выше соответствие.

Похожая тенденция характерна и для социально-профессиональных групп — чем выше социально-профессиональный статус, тем больше степень удовлетворенности возможностями использовать квалификацию на работе (табл. 3). Что касается соответствия работы образованию, здесь ситуация более сложная. Наиболее высока его степень у специалистов, при этом совпадение текущей работы и полученной специальности отмечают немногим более половины респондентов. Для предпринимателей, руководителей и управленцев низшего звена полученная специальность оказалась востребованной еще реже. И в наименьшей степени она значима для занятости рабочих, прежде всего неквалифицированных.

Ресурсы использования образования и квалификации на рабочем месте

Степень образовательного и квалификационного несоответствия во многом зависит от характеристик сферы занятости и обстоятельств трудо-

³ Задавались вопросы: «В какой степени ваша работа позволяет вам использовать вашу квалификацию, знания?», «В какой степени ваша работа соответствует той специальности, которую вы получили в учебном заведении?» (три уровня оценок: «в очень значительной степени»; «частично да, частично нет»; «очень незначительно»).

Таблица 2. Оценки соответствия работы квалификации и полученной специальности в группах по образованию, 2015 г., % опрошенных по строке

Уровень образования	Работа позволяет использовать квалификацию, знания / соответствовать полученной специальности							
	В очень незначительной степени		Частично да, частично нет		В очень значительной степени		Затруднились ответить	
	1*	2**	1*	2**	1*	2**	1*	2**
Неполное среднее	37,9	52,9	29,9	13,8	26,4	18,4	5,7	14,9
Общее среднее	37,5	52,3	21,8	15,7	34,9	18,6	5,8	13,4
Среднее специальное	27,5	39,6	24,3	19,8	44,6	35,7	3,5	4,8
Среднее техническое	25,6	40,8	22,5	18,8	49,3	36,4	2,6	4,0
Неоконченное высшее	27,3	46,9	25,9	21,7	44,1	28,0	2,8	3,5
Высшее (включая научную степень)	15,8	26,1	22,3	24,3	60,5	47,7	1,4	2,0

* — использование квалификации, ** — соответствие специальности; $p < 0,001$.

Таблица 3. Оценки соответствия работы квалификации и полученной специальности в социально-профессиональных группах, 2015 г., % опрошенных по строке

Социально-профессиональная группа	Работа позволяет использовать квалификацию, знания / соответствует полученной специальности									
	В очень незначительной степени		Частично да, частично нет		В очень значительной степени		Затруднились ответить			
	1*	2**	1*	2**	1*	2**	1*	2**		
Предприниматели	9,3	29,2	23,7	24,1	64,6	41,2	2,3	5,4		
Руководители	8,2	29,8	21,2	20,7	68,3	47,1	2,4	2,4		
Специалисты	6,9	17,6	20,4	25,2	71,5	56,5	1,2	0,7		
Управленцы низшего звена	12,3	26,2	20,8	21,5	66,9	50,0	0,0	2,3		
Квалифицированные рабочие	31,4	42,8	23,9	18,7	41,4	33,7	3,4	4,9		
Неквалифицированные рабочие	44,8	56,7	22,7	15,0	26,3	15,3	6,2	13,0		
Другие	31,2	42,5	25,9	21,7	40,8	31,2	2,1	4,5		

* — использование квалификации; ** — соответствие специальности; $p < 0,001$.

вой истории работника. Среди этих характеристик — форма собственности предприятия: более благополучна ситуация на государственных предприятиях. Их работники чаще удовлетворены использованием своих квалификаций (55% против 45%). Что касается профессионального образования, то на частных предприятиях эта проблема еще более резко выражена: на них признают незначительную степень его соответствия рабочему месту 44%, в то время как на государственных — 29%.

Если же оценивать квалификационные и образовательные соответствия/несоответствия как определенный результат различных стратегий на рынке труда, то следует выделить некоторые их особенности, косвенно характеризующие прочность положения работника и качество его рабочей силы. Они связаны, например, со способом трудоустройства: те, кто больше удовлетворены использованием их квалификации, чаще приходят на эту работу по направлению вуза, техникума, сами создали свое рабочее место или их нашел работодатель. Это также подтверждает роль, которую играет непосредственная взаимосвязь усилий работодателя и самого работника в использовании его потенциала. Самостоятельные поиски чаще приводят к занятости с недоиспользованием профессиональных ресурсов. Примерно та же картина — в отношении работы по специальности; правда, те, кто сами создали свое рабочее место, в меньшей степени работают по специальности, чем удовлетворены использованием своей квалификации и знаний.

Важным оказалось *постоянство рабочего места*. Об этом свидетельствует ряд характеристик, относящихся, с одной стороны, к качеству рабочей силы, а с другой — к политике предприятия в ее отношении. Работники, занятые на постоянной основе, чаще положительно оценивают возможности использовать квалификацию и чаще работают по специальности. Смена работы, безработица также сказываются на снижении задействования профессиональных ресурсов. Те, кто менял профессию в последние 10 лет, реже удовлетворены тем, как используются их квалификация и знания. У этих работников текущее рабочее место минимально совпадает по своим характеристикам с полученной специальностью. Та же тенденция наблюдается в отношении работников, в трудовой истории которых были увольнения или сокращения (с 2008 г.). Среди тех, кто не был безработным (с 2008 г.), квалификационные возможности на работе оцениваются выше, и значительно выше степень совпадения с полученной специальностью.

Среди ресурсов соответствия образованию и квалификации, так или иначе связанных с рабочим местом, — прежде всего должностная позиция (объем власти на производстве), а также уровень материального положения. Степень использования квалификации и знаний минимальна у рядовых работников и максимальна у руководителей высокого ранга. Это же можно

сказать и о работе по специальности: чем выше должность, тем в большей степени работа соответствует полученной специальности. Материальное положение также напрямую оказывается связанным с оценками квалификационного и образовательного соответствия: чем выше респондент оценивает свое материальное положение, тем выше в его глазах возможности использования квалификаций и знаний, а также совпадение специальности и работы (хотя это менее ярко выраженная тенденция). Произошедшее в последнее время улучшение материального положения также связывается с оценками использования квалификации и знаний и совпадения специальности с работой. Впрочем, что касается ожидания изменения материального положения в будущем, эта взаимосвязь уже не так отчетливо проявляется и вовсе отсутствует, если речь идет о совпадении и несовпадении основной работы со специальностью.

Выявилась определенная роль индивидуальных усилий в профессиональном развитии. Чем больше используется квалификация, тем выше уверенность в том, что респондент может изменить свою жизнь. Любопытно, что такой тенденции нет в отношении недоиспользования специальности. Можно предположить, что именно личностный фактор становится решающим в различных тенденциях квалификационного и образовательного несоответствия. Последнее в большей степени определяется объективными обстоятельствами образовательного рассогласования на рынке труда, связанного с появлением новых профессий и специальностей, упадком старых или формированием новых требований к ним, быстрым устареванием полученных когда-то в вузе знаний и т.д. Эти обстоятельства затрагивали практически всех работников. Что касается возможностей использования квалификации и знаний, то во многом это результат личных усилий по завоеванию связанных с ними преимуществ, веры в то, что эти усилия способны принести результат.

Результаты исследования в целом показывают, что сохранению совпадения образовательного и квалификационного профилей способствуют стабильные профессиональные карьеры: работа на постоянной основе, в организациях государственной формы собственности, без опыта безработицы. При этом возможности адаптировать полученное образование и развивать квалификации сами по себе во многом зависят от потенциала работника и выражаются в его уровне образования и должностной позиции. В реальности многое в использовании полученного образования и квалификации зависит от объема власти и социально-профессионального статуса, в основе которого лежит уровень профессионального образования. Это — основные ресурсы, которые способствуют наилучшему использованию квалификаций

и профессиональных знаний в развитии трудовых карьер. Высшее образование дает возможность в большей степени опираться на квалификацию и знания, не обязательно в рамках полученной специальности. Это формирует преимущества владельцев дипломов о высшем образовании по сравнению с работниками со средним профессиональным образованием. При этом рынок труда «подгоняет» возможности людей работать в соответствии с актуальными требованиями в гораздо меньшей зависимости от полученной специальности.

Источники

Константиновский Д.Л. Образование, рынок труда и социальное поведение молодежи // Социолог. журн. 2014. № 3. С. 55–69.

Кочетов А.Н. Профессиональное образование и рынок труда: проблемы взаимодействия // Социолог. исследования. 2011. № 5. С. 82–90.

Кузьмина Ю.В., Попов Д.С. Функциональная грамотность взрослых и их включенность в общество в России // Там же. 2015. № 7. С. 48–57.

Московская А.А. Должно ли высшее образование соответствовать спросу на рынке труда? // Высшее образование в России. 2015. № 10. С. 75–84.

Подольский О.А., Попов Д.С., Рылько Е.Д. Насколько компетентны сегодня взрослые россияне. Результаты Программы международной оценки компетенций взрослых (PIAAC) в Российской Федерации / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», Ин-т образования. М.: НИУ ВШЭ, 2015.

Попова И.П. Поворотные пункты в биографиях и профессиональные карьеры российских специалистов // Социолог. исследования. 2011. № 4. С. 81–91.

Шляйхер А. PIAAC: новая стратегия оценки компетенций взрослых // Вопр. образования. 2010. № 1. С. 56–59.

Arthur M.B. The Boundaryless Career at 20: Where Do We Stand, and Where Can We Go? // Career Development Intern. 2014. Vol. 19. Iss. 6. P. 627–640.

Becker H.S., Strauss A.L. Careers, Personality, and Adult Socialization // The American J. of Sociology. 1956. Vol. LXII. No. 3. P. 253–256.

Better Skills, Better Jobs, Better Lives: A Strategic Approach to Skills Policies. P.: OECD, 2012.

Desjardins R., Rubenson K. An Analysis of Skill Mismatch Using Direct Measures of Skills: OECD Education Working Papers. No. 63. P.: OECD, 2011.

Hall D.T. The Protean Career: A Quarter-Century Journey // J. of Vocational Behavior. 2004. Vol. 65. Iss. 1. P. 1–13.

Handbook of Research on Sustainable Careers / A. De Vos, B.I.J.M. van der Heijden (eds). Cheltenham: Edward Elgar, 2015.

Inkson K. Boundaryless Careers: Bringing Back Boundaries / Inkson K., Gunz H., Ganesh S., Roper J. // Organization Studies. 2012. Vol. 33. Iss. 3. P. 323–340.

Ф.Г. Сулейманова

Новосибирский
государственный
университет

И.И. Харченко

Институт экономики
и организации
промышленного
производства
Сибирского отделения РАН

РОСТ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ДЛЯ НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ГОРОДСКОГО И СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА КАК РЕСУРС РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

Вопрос развития человеческого потенциала в настоящее время является одним из ключевых. Понятие «человеческий потенциал» (ЧП) в современной социальной практике получил широкое распространение, что говорит о его большом методологическом заделе для изучения сущности человека, понимания его роли как субъекта социального развития в постиндустриальном обществе. В современных реалиях бурного технологического прогресса состояние ЧП нации позволяет оценить возможности устойчивого развития общества и экономики. Развитие человеческого потенциала тесно связано со становлением системы непрерывного образования, включая и высшее образование [Ключарев и др., 2014, с. 23].

В 1972 г. ЮНЕСКО провозгласила Концепцию непрерывного образования. Основой современной образовательной парадигмы стало расширение понятия образования. В современном обществе в него включаются все мероприятия, целью которых является изменение установок и моделей поведения граждан посредством передачи им новых знаний, развития новых умений и навыков. Формальное образование включает систему учреждений дошкольного, начального общего, основного общего и среднего общего образования, среднего профессионального образования, высшего образования и иных институционализированных организаций, которые предоставляют набор взаимосвязанных учебных программ в качестве основного занятия для подрастающего поколения, как правило, в возрасте от 5–7 до 20–22 лет

(или же вплоть до начала трудовой деятельности). К традиционному понятию формального образования добавляется неформальное и информальное образование. К *неформальному образованию* относится любая организованная и действующая образовательная (или учебная) деятельность, которая не входит в систему формального образования. Она может осуществляться как внутри учебного учреждения, так и вне его для всех граждан вне зависимости от их возраста. Аттестация учащегося не является целью неформального образования. Составляющие неформального образования имеют как профессиональную направленность, так и общекультурное значение. Содержание и методы занятий жестко не регламентируются, что помогает им быть максимально адаптированными к нуждам обучаемых. Одна из распространенных форм — курсы дополнительного профессионального образования (ДПО). *Информальное образование* включает все виды учебной деятельности, не попадающие под определения формального и неформального образования. Данная форма отличается, как правило, отсутствием организации и может осуществляться как на индивидуальном уровне (например *самообразование*), так и на групповом (например, на рабочем месте или в семье во время досуга). А. Гидденс отмечал: «Несмотря на то что учеба и приобретение конкретных навыков могут быть существенны для многих востребуемых сегодня профессий, мне видится, что развитие познавательной и эмоциональной компетентности — все-таки наиболее важно» [Giddens, 1998, p. 125].

Разработка концепции непрерывного образования активизировалась в середине 1980-х годов и продолжается по настоящее время. К началу 2000-х годов сложилась современная версия непрерывного образования, поддержанная ЮНЕСКО и ОЭСР. Основная идея заключается в том, что каждый человек в любой период своей жизни должен иметь возможность участвовать в учебном процессе. На основе непрерывности удалось построить единую модель накопления и обработки человеческого капитала, которая включает профессиональную подготовку (*learning to know, learning to do*), общекультурное развитие (*learning to be*) и гражданское воспитание (*learning to live together*) [Горшков, Ключарев, 2011, с. 15].

Сегодня теория непрерывного образования развивается в двух основных направлениях. Первое, используя понятие человеческого капитала и человеческого потенциала, видит задачу образования в развитии профессиональной составляющей, в экономическом развитии и конкурентоспособности. Второе акцентирует внимание на гражданской и личностной (досуговой, бытийной) составляющей учебной деятельности и ее результатов. На основе непрерывности образования социологи [Там же, с. 15–16] предложили модель рыночных и «нерыночных» приложений человеческого капитала в двух сферах: оплачиваемого труда и экономического поведения

(learning to know, learning to do) и досуга и гражданского поведения (learning to be, learning to live together) [Там же, с. 16]. В соответствии с этой моделью учебная деятельность постепенно смещается из сферы общего образования к профессиональному и корпоративному образованию и достигает сферы оплачиваемого труда и экономического поведения. Посредством неформального образования учебная деятельность распространяется на сферы досуга и гражданского участия, в отдельных случаях — на сферы оплачиваемого труда.

В современном обществе непрерывное образование определяет вектор модернизации образования с опорой на информационно-коммуникационные технологии как одно из направлений полноценного использования ключевого ресурса страны — интеллектуального [Человеческие ресурсы..., 2014]. Понятие «человеческий потенциал» мы рассматриваем как «продукт постиндустриальной экономики»: в период становления информационного общества, базирующегося на информационно- и интеллектуальноемких технологиях, основным ресурсом развития становится ЧП и главным фактором производства являются знания [Абдусаламова, 2012, с. 5]. Для взрослого населения выход из системы формального образования должен компенсироваться широкой доступностью ДПО, для молодежи должны быть предоставлены разнообразные возможности приобретения необходимых знаний, умений, компетенций. Вместе с тем от того, с какими именно потребностями будут обращаться экономические субъекты и их представители (работники, лица, ищущие работу, работодатели и др.) в систему ДПО, во многом будет зависеть ее облик и направление дальнейшего развития, а также ее соответствие или не соответствие задачам модернизации общества и построения инновационной экономики.

Обратимся к материалам социологического исследования «Непрерывное образование и социальное самочувствие», проведенного отделом социальных проблем ИЭОПП СО РАН при содействии СУНЦ НГУ в 2012–2014 гг. Исследование было посвящено изучению непрерывного образования и социального самочувствия жителей районов Новосибирской области (Искитимский и Маслянинский районы) и новосибирской городской агломерации, представленной населением областного центра, г. Бердска, р.п. Кольцово, р.п. Краснообск. Опрошен 631 респондент (работающие и безработные) в возрасте от 16 до 45 лет. Тип выборки — квотная (по основным социально-профессиональным группам населения и по типу занятости — работники/безработные), метод отбора внутри квоты — стихийный (кто соглашался). Недостатком выборки является повышенная доля лиц с высшим образованием. Под непрерывным образованием в данном случае понимается любая образовательная деятельность взрослого населения в ор-

ганизованных формах, а также актуальное самообразование (деятельность на момент опроса). Для лучшего восприятия информации условно будем называть в тексте районы сельскими, респондентов — селянами, аналогично респондентов из городской агломерации — горожанами, лиц возрастной группы до 30 лет — молодыми или молодежью, а от 31 года и старше — «не молодежь», старшие, взрослые.

Характеристика опрошенных по уровню образования следующая: не имеют никакого профессионального образования — 15% (более всего таковых среди молодых селян — 23%), имеют начальное или среднее профессиональное образование — 33% (более всего среди взрослых агломерации — 38%), неоконченное высшее — 11% (более всего их среди молодежи агломерации), высшее — 41% (более всего среди взрослых горожан и селян — 47 и 49% соответственно). По уровню высшего образования молодежная группа в целом отстает от группы взрослых: в районах с дипломом вуза 32% молодых, в агломерации — 41% и еще 12 и 16% соответственно имеют неоконченное высшее образование (табл. 1).

Проведенный на данных массива поиск причин неудовлетворенности возможностями продолжения образования и повышения квалификации показал, что выявлены достоверные различия (на основе z -статистик), во-первых, с некоторыми личными обстоятельствами («одинокости с детьми», $z = 2,51$), во-вторых, с материальной обеспеченностью «низкой и ниже средней» ($z = 3,51$), в-третьих, с плохой оснащенностью компьютерной техникой (отсутствие ноутбука, принтера, «Скайпа», домашнего Интернета, $z = 3,09$). Однако статистически значимых подтверждений того, что такие ситуации относительно чаще встречаются среди сельской молодежи, получено не было (при этом в целом по наличию компьютерной техники, без учета ее качества, сельская молодежь мало отличалась от горожан). В случае неудовлетворенности возможностями повышения квалификации причиной также служило отсутствие Интернета на работе ($z = -2,51$); причем в группе неудовлетворенных была повышенная (по сравнению со средней) доля работников промышленности, торговли, сферы бытовых услуг, ЖКХ, частных деловых услуг, а также индивидуальных предпринимателей.

Информационная составляющая непрерывного образования, как видно, существенна, но организованные курсы ДПО остаются все же намного более предпочтительными среди респондентов, чем самообразование или онлайн-образование.

Это видно по ответам на вопрос «Какие формы получения ДПО Вам больше всего нравятся, подходят?». Более всего востребованы курсы в специализированных организациях ДПО (22,2%) либо курсы ДПО при образовательных учреждениях формального образования (20,6%); далее по востре-

Таблица 1. Социологические индикаторы отношения молодежи и взрослого населения к непрерывному образованию и возможностям его применения в работе и профессии, % ответивших по территориально-демографическим группам

Доля респондентов, которые	Молодежь районов	Молодежь агломерации	Взрослые районов	Взрослые агломерации	Все опрошенные
Учатся на момент опроса (в основном в системе формального образования)	10,9	20,9	3,8	11,4	11,4
Намерены ближайšie 2–3 года продолжить образование, переобучиться или повысить квалификацию	34,7	28,1	21,7	13,8	25,8
Никогда не обучались в системе ДПО	59,8	72,1	47,1	52,4	57,9
Отрицательно относятся к своему участию в непрерывном образовании в любой форме	24,4	21,4	27,2	22,8	24,2
Обучались на курсах ДПО «для себя» на случай, если пригодится, пока нет работы*	29,1	16,2	6,1	17,0	17,2
На курсах ДПО приобрели навыки по новой профессии (поменяли профессию) либо получили профессию впервые*	49,4	27,8	26,8	35,1	35,7
На курсах ДПО получили только общие компетенции*	26,0	33,3	14,6	17,5	21,4
На курсах ДПО повысили квалификацию по имеющейся профессии*	27,3	47,2	59,8	54,4	46,8
Отметили после ДПО рост собственной компетентности, улучшение качества работы*	44,7	35,1	64,2	51,7	51,2
Отметили после ДПО рост заработной платы или карьерный рост	26,3	21,6	18,5	27,5	23,4
Нуждались на момент опроса в повышении квалификации	42,6	57,4	46,8	53,4	49,1

Доля респондентов, которые	Молодежь районов	Молодежь агломерации	Взрослые районов	Взрослые агломерации	Все опрошенные
Обучались на курсах ДПО по собственной инициативе*	60,0	48,6	40,2	47,5	49,2
Сами оплачивали курсы ДПО*	38,2	35,1	17,9	28,8	29,2
Обучались на курсах за счет службы занятости*	10,5	13,5	7,7	13,6	10,8
Оценили, что повышение квалификации на их предприятии является регулярным мероприятием для работников основных категорий	29,0	22,0	32,2	20,5	26,5
Оценили, что повышение квалификации на их предприятии осуществляется редко, от случая к случаю, либо практически не осуществляется	36,6	27,3	34,9	24,8	31,7
По-разному оценили возможность для продолжения образования («вполне доволен» / «не доволен»)	32,2 / 29,7	25,0 / 17,2	25,8 / 25,8	14,2 / 19,5	25,6 / 24,0
По-разному оценили возможность для повышения квалификации («вполне доволен» / «не доволен»)	38,7 / 24,2	28,1 / 17,2	28,5 / 19,2	18,2 / 15,5	29,8 / 19,7

* Среди тех, кто проходил курсы ДПО.

бованности следует корпоративное обучение в учебном центре (15,7%) или на рабочем месте с привлечением специалистов организации (16,2%), а также обучающие семинары, тренинги небольшой продолжительности (19,6%). Заметим, что самообразование и дистанционное обучение (13,0 и 9,2% соответственно) в этом плане уступают организованным формам. Так что компьютер и Интернет — это техническая основа современного непрерывного образования, а его методическая основа — все же квалифицированные преподаватели и методики.

Однако в повседневных производственных ситуациях при недостатке знаний, компетенций для выполнения работы на должном уровне непрерывное образование в организованных формах как малооперативное уступает возможностям «быстрого реагирования». Главным оказываются разнообразные советы и консультации: с коллегами — 66,2%, с начальством — 32,7%, с друзьями и знакомыми — 8,7%. Вторым по значимости (также оперативным) способом является самообразование через поиск необходимой информации в книгах, учебниках, Интернете и др. (49,2%) и только потом — целенаправленное обучение на курсах (3,3%), обучающих семинарах, тренингах на работе (5,5%), лекциях, мастер-классах вне работы (5,7%).

Наши данные (рис. 1) показывают весьма скромное участие взрослого экономически активного населения и особенно молодежи в ДПО — более чем каждый второй никогда в жизни не обучался в системе ДПО. Также очень

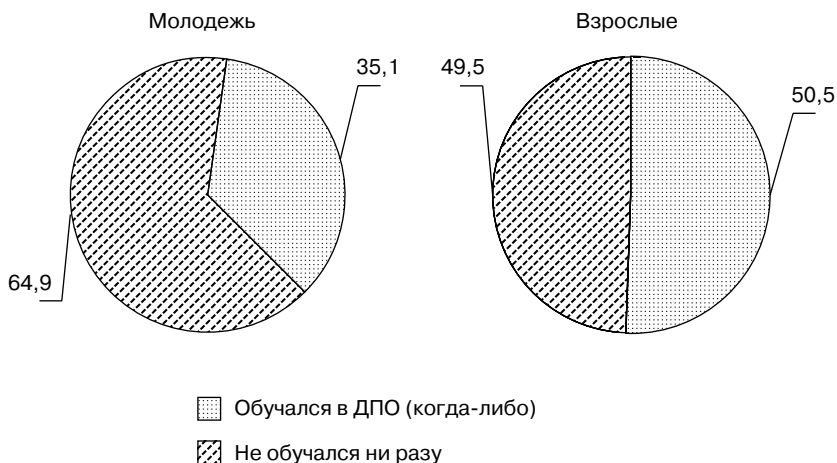

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Сколько раз в жизни Вы обучались в системе ДПО?», % ответивших по демографическим группам

скромно респонденты оценивают роль работодателей в организации повышения квалификации работников — по мнению каждого третьего, эта деятельность практически не осуществляется. Об аналогичной проблеме свидетельствуют и статистические данные: занятое население РФ повышает свою квалификацию гораздо реже, чем это требуется в условиях быстрого устаревания знаний, и реже, чем в целом ряде стран, где этот уровень в 3–4 раза выше [Образование..., 2014, с. 438].

Некоторый содержательный срез ДПО отражают данные табл. 2, в которой сравниваются тематика на ранее пройденных курсах и тематика, в которой нуждаются респонденты. Так, самыми востребованными остаются темы, касающиеся профессиональных знаний, особенно в их прикладном использовании — новые методики, методы, технологии. Заметно более востребованными становятся темы юридической и управленческой направленности, несколько более востребованы экономические аспекты. В молодежной группе также отмечается повышенный интерес к изучению иностранного языка и тренингам личностного роста. Компьютерная грамотность и информационные технологии становятся не столь востребованными, как ранее (на уже прослушанных курсах), по-видимому, потребность в занятиях такой направленности на современном этапе удовлетворяется разными способами, включая самообразование и повседневные практики.

Наблюдается значительный разрыв между долей экономически активного населения, намеревающегося повысить свою квалификацию (это каждый второй из общего числа планирующих в ближайшие 2–3 года продолжить образование, см. табл. 1), и теми, кто ответил, что нуждается в повышении квалификации. Последних в 3,5 раза больше (это каждый второй опрошенный, рис. 2). По-видимому, значительная часть опрошенных не видит для себя реальных возможностей повышения квалификации как в ближайшее время, так и вообще, хотя потребность испытывают. В целом категорическое нежелание включаться в непрерывное образование демонстрирует лишь каждый четвертый респондент. Соответственно расширение возможностей для непрерывного образования безо всякого преувеличения является ресурсом для развития человеческого потенциала нашей экономики.

В теориях человеческого развития (потенциала) и человеческого капитала также можно найти аргументы в пользу того, что стремление к получению образования возрастает в обществе тогда, когда образование становится применимым в более широких сферах жизни (в частности, это происходит при расширении возможностей выбора), или тогда, когда перед людьми открываются новые возможности получения дополнительных выгод от образования.

Таблица 2.

Темы занятий на курсах повышения квалификации, указанные респондентами, когда-либо обучавшимися на курсах ДПО, и респондентами, испытывающими потребность в повышении квалификации в настоящее время, % ответивших по демографическим группам

Темы для повышения квалификации	Обучались на курсах повышения квалификации		Испытывают потребность в повышении квалификации	
	молодежь	взрослые	молодежь	взрослые
Новые методики, методы, технологии, применяемые в профессии	45,6	46,3	42,5	39,7
Новые теоретические знания по профессии (специальности)	29,8	26,5	25,6	20,5
Экономические знания, финансовые вопросы	10,5	8,1	16,3	14,4
Юридические вопросы, новое в законодательстве	11,4	13,2	22,5	21,2
Коммуникативные тренинги, работа в команде	11,4	13,2	14,4	4,8
Организационно-управленческие навыки	13,2	13,2	22,5	21,2
Информационные технологии, работа на компьютере	20,2	14,7	13,8	9,6
Иностранный язык	5,3	0,0	23,1	8,9
Семинары, тренинги личностного роста	8,8	6,6	16,9	12,3
Ничего нового не узнали, повторили старое	1,8	6,6	—	—
Другие темы	8,8	5,1	1,9	5,5

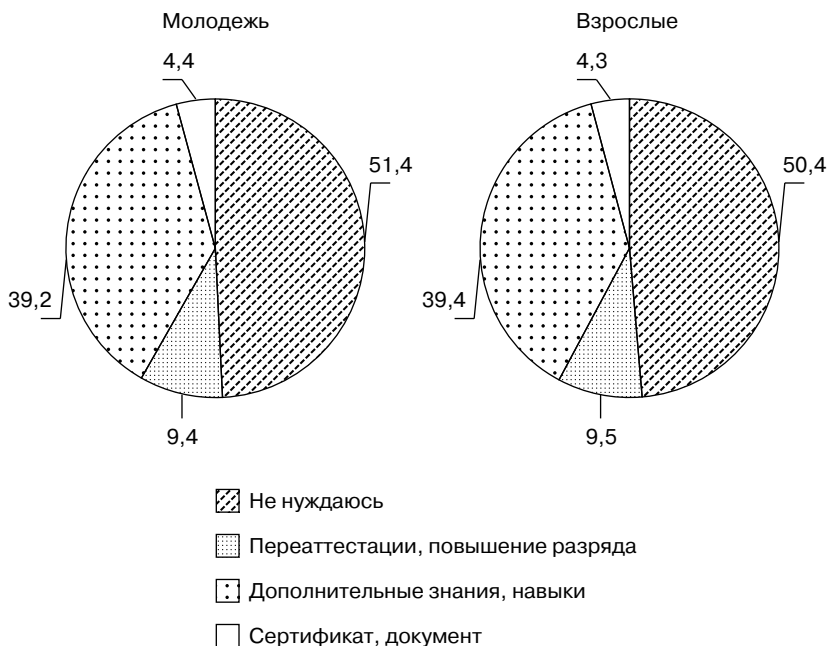

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Нуждаетесь ли Вы в настоящее время в повышении квалификации по основной профессии/специальности (или по которой сейчас работаете)?», % ответивших по демографическим группам

Из данных нашего исследования ясно, что большинство опрошенных видит новые жизненные возможности, которых не было у их родителей (64,3% против 16,9% ответивших отрицательно). Причем наибольший перевес имелся у молодежи агломерации (72,4% против 13,5% соответственно), а наименьший — у взрослых селян (58,8% против 20,2%). На вопрос «В чем заключаются эти возможности?» на 1-м месте отмечается «расширение информационного пространства (кино, СМИ, Интернет и т.п.)» — 50,2%, далее по убыванию: «возможность владеть частной собственностью, иметь свой бизнес» — 41,6%, «появление возможностей хорошо зарабатывать» — 35,5% и то, что «люди стали более свободными как граждане» — 27,1%. Каждый третий молодой человек отметил «расширение возможности получить высшее образование», тогда как среди взрослых — только каждый седьмой. Меняющиеся внешние обстоятельства отмечаются и конкретно в отношении непрерыв-

ного образования. Практически независимо от того, где живет респондент и какого он возраста, на вопрос «Ощущаете ли Вы такие изменения в технологиях, коммуникациях, устройстве общества, которые бы заставляли людей периодически учиться, обновлять знания в течение всей жизни?» каждый второй ответил положительно (47,5% в среднем).

Можно предположить, что этот внешний фактор создает у людей образ непрерывного образования как массовой деятельности. При этом необходимо сказать, что развитие общества подразумевает не только рост материального или экономического благосостояния, но и расширение возможностей человека. Поэтому со стороны государства необходимо предусматривать разнообразные возможности инвестирования в социальную сферу, в том числе в систему образования и непрерывное образование.

Как свидетельствуют полученные социологические данные и их анализ, включенность экономически активного населения в непрерывное образование недостаточна и весьма противоречива. При неплохой представленности на рынке образовательных услуг различных курсов и видов обучения, особенно учитывая интерес молодежи к IT-технологиям и вообще ее способность воспринимать новое (что дает людям ощущение полной или частичной удовлетворенности этой сферой), отмечается низкая доступность программ повышения квалификации по основным профессиям, а также недостаток внешних стимулов для такой деятельности. Для включенности молодежи в непрерывное образование, направленное на профессиональную отдачу и эффективный труд, недостаточно только внутренней мотивации, нужны внешние стимулы — реагирование работодателей и общества на эту деятельность. Здесь нам видится широкое поле для молодежной политики. Основанием для инвестирования государства в социальную сферу, включая систему образования и непрерывное образование, служит новое понимание общественного развития не только как материального или экономического благосостояния, но и как расширения возможностей человека в интеллектуальной сфере.

Источники

Абдусаламова М.М. К вопросу о развитии человеческого потенциала как стратегической цели повышения социальной активности региона // Актуал. проблемы экон. развития: сб. докл. Междунар. науч.-практ. конф., Белгород, 2012 г.; Белгород. гос. технолог. ун-т. Белгород: Изд-во БГТУ, 2012. Ч. 2. С. 3—9.

Горшков М.К., Ключарев Г.А. Непрерывное образование в контексте модернизации. М.: ИС РАН; ФГНУ ЦСИ, 2011.

Ключарев Г.А. Непрерывное образование — стимул человеческого развития и фактор социально-экономических неравенств / Ключарев Г.А., Диденко Д.В., Латов Ю.В., Латова Н.В.; под общ. ред. Ю.В. Латова. М.: ЦСПиМ, 2014.

Образование в Российской Федерации: 2014: стат. сб. М.: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2014.

Человеческие ресурсы, их роль, формирование и использование в постиндустриальном обществе [Электронный ресурс] // Студопедия: инф. сайт. 2014. URL: <http://studopedia.org/1-37183.html>.

Giddens A. The Third Way: The Renewal of Social Democracy. Cambridge: Polity, 1998.

РОЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ
В ВОСПРОИЗВОДСТВЕ/
УМЕНЬШЕНИИ
СОЦИАЛЬНОГО
НЕРАВЕНСТВА

E. Tovar-García
A. Kamaev

National Research University
Higher School of Economics,
Moscow

EDUCATIONAL ACHIEVEMENTS OF MIGRANT SCHOOLCHILDREN IN MOSCOW¹

According to the Russian Federal Migration Service (FMS) from 1991 to 2000, over 8.5 mln migrants arrived to Russia for permanent residence, and the net migration reached 4.7 mln. Between the years 2001 and 2010, the figures are lower, but still very relevant, around 2.3 mln migrants arrived to Russia for permanent residence, and the net migration amounted to 1.5 mln. Thus, Russia became a large center of attraction for migrants.

Moscow agglomerates the economic and political resources of the Russian Federation, and it is the most attractive city for internal and international migrants. According to the Federal Migration Service, over 2.5 mln migrants live in the Moscow region, and according to the population census 2010 every second resident of Moscow aged 25–30 did not live in the city in 1989. Many of these migrants arrived with their families, and according to estimations of the Department of Education, about 30 thousand children of foreign nationals studied in Moscow schools in 2012.

In this context, our research is motivated by this question: How does migrant background influence the educational achievements of school students in Moscow? Despite the relevance of migration in Russia, there are a few studies describing educational outcomes of migrant schoolchildren and their problems of integration, such as xenophobia, tolerance, and language concerns [Зайончковская и др., 2014]. Nevertheless, it seems that native schoolchildren do not outperform their migrant peers. In Saint Petersburg, the empirical evidence suggests that migrants, particularly second generation migrants, have better educational outcomes [Alexandrov et al., 2012; Лукьянова, 2011]. Recently, Tovar-García [*in press*] did not find any advantage or disadvantage in the educational achievements of the children of migrants in Russia. Thus, some results seem to support the immigrant paradox hypothesis, which states that migrant children outperform their native peers thanks to optimism, experience, and cultural characteristics [Kao, Tienda, 1995].

¹ The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE) and supported within the framework of a subsidy granted to the HSE by the Government of the Russian Federation for the implementation of the Global Competitiveness Program.

Literature review

In Moscow, there is no special division between schools for migrants or for native pupils. This conveys some issues, for instance, Muscovites try not to give their children to schools with migrant children. It seems that there are no xenophobic reasons for this choice, but educational and practical reasons. Some parents think that the quality of instruction in schools is decreasing due to poor knowledge of the Russian language by migrant children. Often the children of migrants do not have the immediate environment to ensure a quick and successful language adaptation. In addition, these children usually do not attend pre-school establishments, and they are not engaged in groups of preparation for entry into the first grade.

Tutors also represent a challenge for migrant schoolchildren. The system of remuneration for teachers, providing bonuses for extra work, does not contain incentives for the extra effort with migrant children. As a result, teachers working in classes with many migrant children, actually have a feeling of lower wages, because they face several difficulties teaching in classrooms with migrants without additional compensation. Consequently, many teachers try to avoid admission of migrant children, and they lack motivation and attitude to work with them [Зайончковская и др., 2014]. Despite of all these concerns, it is relevant to mention that in Russia all children have the right to receive education, as it is stated in the Russian Constitution, in the Federal Law on Education modified in the end of the year 2012.

We should recognize that many factors influence educational outcomes. There are regional components, social status, migration trajectories, ambitions, the cumulative effect of various levels of conflict, the nature of the school culture, interschool practices and network interaction, Internet, ethnicity, age, gender and so on. Many of these factors can be analyzed under the cultural capital theory and/or the social capital theory [Tovar-García, 2012, 2013, 2014; Товар Гарсиа, 2013а, 2013б].

Given this, we can expect that children of migrants lack capital(s), and consequently they obtain lower educational outcomes. In the USA and other developed countries, most of the empirical evidence supports the previous statement. In specific, migration implies residential and school moves, which is associated with poor school performance, because these moves lead to losses in social ties, which in turn affects school performance. However, there is also evidence for an immigrant paradox. This hypothesis claims that migrant students outperform their native peers, because migrants are optimistic and have different experiences, from the country of origin and in the hosting country, helping them to succeed in the school. In the USA, particularly immigrants from Asia outperform their native peers, thanks to cultural characteristics and parental involvement in educational concerns. Children of migrants study very hard, they know that the conditions in the hosting country can affect them negatively, and therefore, they need an extra effort, and they will do it because their parents have similar attitudes in the migration process [Kao, Tienda, 1995; Tovar-García, *in press*].

In the case of Russia, previous studies found evidence for the positive impact of the forms of capital on educational outcomes, although other factors (gender and language use) play a more relevant role [Tovar-García, 2013, 2014; Товар Гарсия, 2013а, 2013б]. However, there are only a few studies on migrant children in Russia, which have been conducted principally in Saint Petersburg. As it is expected, these children face problems for socio-psychological adaptation: xenophobic sentiments in the class, language concerns, intolerance, hierarchy relations among students, gender differences, anti-school culture, lacks of enthusiasm, and ethno-related environments. However, migrant schoolchildren are strongly focused on their studies, they are more disciplined, and second generation migrants, in particular, seem to slightly perform better than native students [Лукьянова, 2011]. Migrant children present high levels of learning motivation, and in comparison with native students they have similar levels of school performance [Alexandrov et al., 2012]. It seems that first generation migrants are mainly affected by school reallocations.

In the current research we follow the work developed by Tovar-García [*in press*], who study a representative sample of students for all Russia taken from the Russia Longitudinal Monitoring Survey (RLMS-HSE). He used logit regressions for panel data and his findings do not suggest that children of migrants have school advantages or disadvantages, as it should be according to the classic view [Lin, Lu, 2014]. His econometric method included a dummy variable to control the impact on educational outcomes of Moscow and Saint Petersburg. Nevertheless, assuming that the situation in Moscow should significantly differ from the rest of Russia, in the current research we develop new tests using a sample of students located in Moscow and its *oblast*.

Data and variables

The RLMS-HSE survey covers items on income, expenses, investment, employment, welfare, health and nutritional status, among others. Nevertheless, information about educational outcomes of schoolchildren and their migration status is not a main concern, including only a few interesting questions from the year 2010, consequently this research uses data over the years 2010–2013.

Table 1 shows descriptive statistics for all variables used in this research. From the questionnaire for children, we use as dependent variable answers to the question “How would you estimate (his/her) progress...?” Parents or an adult relative selected among the following options:

- 1) almost all the grades are five — 01;
- 2) basically all the five and the four — 02;
- 3) basically all the four — 03;
- 4) basically all the four and three — 04;
- 5) basically all the three — 05;

Table 1. Descriptive statistics

Variable	Obs.	Mean	Std. Dev.	Min	Max
DUMMYGRADE5	801	0.13	0.34	0	1
DUMMYGRADE3	801	0.04	0.20	0	1
DUMMYMIGRATION	882	0.18	0.39	0	1
SES	882	1.09	0.59	0	3
PUBLICSCHOOL	472	0.68	0.47	0	1
HEALTH	876	3.76	0.51	2	5
AGE	694	9.83	2.00	6	14
MALE	694	0.52	0.50	0	1

Source: authors' calculations using RLMS-HSE data.

- 6) basically all the three and often the two — 06;
- 7) marks are not given — 96;
- 8) doesn't know — 97;
- 9) refuses to answer — 98.

We recoded this variable to obtain a dummy variable (DUMMYGRADE5) taking the value of 1 for the 1st option, that is, taking the value of 1 for excellent educational progress for pupils with school grades of 5 (13% of students). As a key second dependent variable, we use other dummy variable (DUMMYGRADE3), taking the value of 1 for the 5th and 6th options, that is, taking the value of 1 for unsuccessful educational progress for pupils with school grades of 3 and 2 (4% of students). Note that in the Russian schools the grading system varies from 0 to 5. 0–2 are the lowest marks, in practice the lowest mark is 2, teachers, formally, do not assign lower grades, and the most common marks are 3, 4 and 5 [Alòs i Font, Tovar-García, 2015].

The main goal of this research is to examine the impact of migrant background on academic achievements, and we control its impact using variables on socio-economic status, type of school, health issues, sex, and age. Therefore, the key independent variable is a dummy variable for the migrant status (DUMMYMIGRATION), that is, whether or not the student was born in the place where he/she lives. In the questionnaire, this issue is stated asking to parents “Was [name of child] born in another settlement or in the one where he/she is living now?” Then, if the child was born in another settlement we coded the variable 1, and coded 0 otherwise.

In our sample 18% of students reported to be migrants. In a first exploration and analysis of the data, using cross tabulations and correlations coefficients, we do not identify disadvantages or advantages for migrant students. We found a higher

percentage of migrants students with the highest grade (17.76%) in comparison with native students (12.48%), but there are more migrants with the lowest grade (5.92%) than native students (3.7%), see Tab. 2.

We use a proxy variable for student’s socioeconomic status (SES) using responses to the question “Does he/she have a personal... (1) mobile PC, notebook, laptop, netbook; (2) smartphone, communicator, i-phone, (3) cell phone?” There are five possible responses including 1) “Yes”, 2) “No”, 3) “Used by several family members”, 4) “Doesn’t know” or 5) “Refuses to answer”. We gave 1 point for each positive answer and 0.5 points for use of the object by other family members. Schoolchildren with higher values on this proxy of SES should have better school grades, as the theory predicts.

We include a dummy variable coded 1 for pupils attending regular public schools (PUBLICSCHOOL), and coded 0 for other schools with gymnasium classes, comprehensive college or lycee, non-residency school, and school with specialization on subjects such as mathematics, foreign language, and other subjects. A priori, regular schools would be associated with lower performance compared to other school types.

To explore and control for health issues we include a categorical variable (HEALTH), from 1 to 5, 1 is for very poor health, 2 for poor, 3 for not a good, but not bad, 4 for good health, and 5 for very good health conditions. This variable could be relevant for migrants in Russia, because they have difficulties to access the state health services.

Table 2. Cross tabulations

DUMMYMIGRATION	DUMMYGRADE5			DUMMYGRADE3		
	0	1	Total	0	1	Total
0	568	81	649	625	24	649
	87.5%	12.4%	100%	96.3%	3.7%	100%
	81.9%	75%	81.0%	81.3%	72.73%	81.0%
1	125	27	152	143	9	152
	82.2%	17.7%	100%	94.0%	5.9%	100%
	18.0%	25%	18.9%	18.62%	27.2%	18.9%
Total	693	108	801	768	33	801
	86.5%	13.4%	100%	95.8%	4.1%	100%
	100%	100%	100%	100%	100%	100%

Source: authors’ calculations using RLMS-HSE data.

It is relevant and necessary to explore whether the effects of migration differ depending on gender, therefore, we use a dummy variable (MALE) coded 1 for boys (52% of students). We also use as control variable the student’s age (AGE). The sample includes schoolchildren from 6 to 14 years old, but 99% of the students are 7–13 years old.

The empirical strategy

Because our dependent variable is dichotomous, we use logit regressions for panel data with random effects to test the impact of migration background on educational progress. The baseline model is given by equation (1). All variables have been defined in the previous section.

$$DUMMYGRADE_{it} = \beta_0 + \beta_1 DUMMYMIGRATION_{it} + \beta_2 SES_{it} + \beta_3 PUBLICSCHOOL_{it} + \beta_4 HEALTH_{it} + \beta_5 Age_{it} + \beta_6 Male_{it} + \mu_i + \mu_{it}. \quad (1)$$

Table 3 summarizes the main results. Column 1 presents the regression coefficients when the dependent variable is DUMMYGRADE5, that is, for excellent students, those whose grades are all the five. The results do not suggest advantages or disadvantages for migrant children, although the coefficient for DUMMYMIGRATION is positive (0.55), it is statistically insignificant. In other words, to be a migrant do not affect the probability of being classified as excellent student. Because the inclusion as control variable of the dummy variable for public school is decreas-

Table 3. Regression Results

	DUMMYGRADE5 (excellent student)		DUMMYGRADE3 (unsuccessful student)	
	(1)	(2)	(3)	(4)
DUMMYMIGRATION	0.55	0.62	1.19	0.90
SES	-0.18	0.15	-0.92	-1.17**
PUBLICSCHOOL	-1.06*		1.44	
HEALTH	0.16	0.06	0.64	0.06
AGE	-0.42**	-0.19**	0.59*	0.52***
MALE	-1.32**	-0.62*	0.44	0.74
Constant	1.37	-1.18	-15.65***	-10.96***
No. of observations	376	624	376	624

*, **, *** significant at 10, 5, 1% level accordingly.

ing the sample size, we ran a second regression (see col. 2) excluding this variable from the analysis. The main findings did not change, that is, the migration status does not influence the educational progress of pupils.

The regression on DUMMYGRADE3, that is, for unsuccessful students, those whose grades are all the three and two, is presented in the col. 3. The results do not suggest any effect of migration status on the probability of being classified as unsuccessful students. We again removed the dummy for public school (see col. 4), to increase the sample size, and the result is robust to this change. Thus, in Moscow migrants students do not outperform their native peers, and also they do not suffer academic disadvantages due to their migration condition. Consequently, our findings for the case of Moscow are similar to those reported in Saint Petersburg and for the country [Tovar-García, *in press*].

In general, the control variables present the expected effects, although the proxy for socioeconomic status (SES) only suggests a negative impact in the probability of being classified as unsuccessful student. Students attending public schools (PUBLICSCHOOL) have lower probabilities of being classified as excellent students, but these schools do not affect the likelihood of being classified as unsuccessful student. Boys have lower probabilities than girls of being classified as excellent students, but gender does not affect the probability of being classified as unsuccessful student. This academic gap has been noted before in the literature [Tovar-García, 2013, 2014]. Health issues do not affect the probabilities of being classified as unsuccessful student or excellent student.

Interesting to note that AGE has a negative impact on the probability of being classified as excellent student, and a positive impact on the probability of being classified as unsuccessful student. This concern has been noted by Tovar-García [*in press*] and it deserves a particular and deeper analysis.

Conclusions

Our findings suggest that migration background does not influence the educational achievements of schoolchildren in Moscow. This agrees with previous findings for Russia, and with the normative-classic view that there should not be differences in academic performance only as a result of the migration status [Tovar-García, *in press*].

In general, the control variables presented the expected effect, but it is interesting to note that younger students have higher probabilities of being classified as successful students. In addition, girls have higher probabilities of being classified as excellent students, but gender does not affect the probabilities of being classified as low-performing student.

We can expect that migration flows to Moscow will increase in the future, although we did not find academic disadvantages for migrant students, we can also

expect an increase of sentiments against migrants, which can affect their educational achievements and integration. Therefore, policy makers can learn from the experience of developed countries with several decades confronting migration concerns.

The data set is a major limitation of this research; we removed several observations from the regression analysis because of non-responses. Consequently, future research for Russia should attempt to develop surveys with focus on migrant children. Simply, if the statistics over migrants are unknown, it is not possible to formulate the adequate migration policy.

References

Alexandrov D., Baranova V., Ivaniushina V. Migrant Children in Russia. I. Migration, Ethnicity and Segregation in St. Petersburg: Working Papers No. SESL WP 001. St. Petersburg, 2012.

Alòs i Font H., Tovar-García E.D. Factors Affecting the Knowledge of Chuvash Language amongst School Students in Russia // Sociolinguistic Studies. 2015. Vol. 9. No. 4. P. 345–372.

Kao G., Tienda M. Optimism and Achievement: The Educational Performance of Immigrant Youth // Social Sci. Quart. 1995. Vol. 76. No. 1. P. 1–19.

Lin E.S., Lu Y.-L. The Educational Achievement of Pupils with Immigrant and Native Mothers: Evidence from Taiwan // Asia Pacific J. of Education. 2016. Vol. 36. Iss. 1. P. 48–72.

Tovar-García E.D. Approaches to Study Educational and Occupational Trajectories and Outcomes // Working Papers on Culture, Education and Human Development. 2012. Vol. 8. No. 2. P. 1–19.

Tovar-García E.D. Determinants of Educational Outcomes: Analysis of the Republic of Tatarstan // Communist and Post-Communist Studies. 2014. Vol. 47. No. 1. P. 39–47.

Tovar-García E.D. Determinants of Educational Outcomes in Yaroslavl, Russia // Revista Electrónica de Investigación Educativa. 2013. Vol. 15. No. 2. P. 100–113.

Tovar-García E.D. Migration Background and Educational Achievements in Russia // Migraciones Internacionales (*in press*).

Зайончковская Ж.А., Флоринская Ю.Ф., Доронина К.А., Полемаев Д. Мигранты глазами москвичей // Демоскоп Weekly. 2014. № 605–606. С. 1–28.

Лукьянова Е.Л. Образовательные достижения детей мигрантов (по материалам опроса в Санкт-Петербурге) // Журн. исследований социальной политики. 2011. Т. 9. № 3. С. 319–338.

Товар Гарсуа Э.Д. Образовательные траектории школьников Ярославской области: дискриминантный анализ в сравнении с логистической регрессией // Социология: 4М. 2013а. № 36. С. 65–93.

Товар Гарсуа Э.Д. Связь между образованием родителей и успеваемостью и образовательными траекториями школьников в Татарстане // Вопр. образования. 2013б. № 2. С. 252–269.

ФАКТОРЫ КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАНИЯ

М.В. Шеина

Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа экономики»,
Пермь

ВЗГЛЯД РОССИЙСКОГО УЧИТЕЛЬСТВА — «ОТЛИЧНИКИ», ПОКАЗАТЕЛЬ УСПЕВАЕМОСТИ И СРЕДНИЙ БАЛЛ

Повышение успеваемости школьников является важной частью образовательной политики. В пользу этого говорят как огромное число работ и исследований, посвященных данному вопросу, так и активное непрерывное реформирование образовательной системы. Исследователи образования в работе [Bernaus et al., 2009] подчеркивают, что мотивация учителя связана с использованием мотивирующих стратегий обучения, которые, в свою очередь, влияют на учебные достижения школьников. Поэтому любые изменения в образовательной системе, направленные на повышение мотивации учителей, должны привести к повышению успеваемости учащихся.

Анализ большого числа работ привел специалиста по исследованиям в области школьного образования Эрика Ханушека к неутешительному выводу: результаты изучения влияния различных характеристик школ и учителей на результативность учеников не однозначны, не представляется возможным выделить какие-либо факторы, определяющие учебные достижения школьника [Hanushek, 1997]. Те же выводы сохраняют свою актуальность и в более поздних обзорах [Hanushek et al., 2005; Clotfelter et al., 2006].

Кроме классического набора показателей, характеризующих учителей (пол; возраст; образование; квалификация; повышение квалификации; наличие педагогического опыта; наличие/отсутствие ученой степени; специализация учителя; опыт работы и др.), в последние годы активно изучается влияние на учебные результаты учеников методик, используемых учителями, — «традиционных» или «современных» [Yee, 2007; Zuzovsky, 2009; Klaveren, 2011; Bernaus, Gardner, 2008; Schwerdt, Wuppermann, 2010; Lavy, 2011; Bietenbeck, 2011; Тюменева, Хавенсон, 2012]. Получаемые результаты по-прежнему дают весьма разнообразную картину. Одна из возможных причин этого, видимо, состоит в том, что учителя с одинаковыми характеристиками могут иметь разную мотивацию. В эмпирических работах учитель рас-

сматривается исследователями либо как нейтральный объект, не имеющий никаких целей, либо как объект, имеющий целью повышение успеваемости всех своих учеников (каждого из них). Это означает наличие у учителя мотивации к тому, чтобы каждый без исключения его ученик в имеющихся условиях получил полноценное качественное образование.

Цель работы — проверить эмпирически, что более привлекательно для российского учителя: наличие отличных оценок в классе, высокий средний балл или отсутствие неудовлетворительных оценок. Полученные результаты являются подтверждением несоответствия теоретических предположений о «бенеvolentности» учителя и эмпирических свидетельств отсутствия его стремления к обеспечению качественного образования для каждого ученика в классе, что подтверждает предположения о недостаточно высоком уровне системы образования в целом.

Невысокий уровень качества современного российского школьного образования отмечается многими исследователями (например, [Кузьминов и др., 2011; Аврамова и др., 2014; Прахов, 2014]). «По объективным показателям, таким как компетенции учащихся (результаты PISA), российская школа проигрывает в международных сравнениях, а если и выигрывает, т.е. занимает достойные места (PIRLS, TIMSS), то только в начальной школе, а затем свое преимущество утрачивает» [Аврамова и др., 2014, с. 119]. Модернизация системы образования в России пока не принесла ощутимых результатов. «Непрекращающиеся попытки изменить качество образования в российской школе через введение новых стандартов оказались малорезультативными <...> системную образовательную реформу тормозит сопротивление некомпетентных управленцев, консервативных педагогов» [Кузьминов и др., 2011, с. 10].

Исследователи отмечают более мягкую оценку родителями состояния дел в школьном образовании, констатируя, однако, что «несмотря на довольно высокую удовлетворенность школьным образованием в целом, родители склоняются к мнению, что без дополнительных занятий их дети не смогут сдать ГИА и ЕГЭ на высокие баллы» [Аврамова и др., 2014, с. 118], «из результатов опроса выпускников, в частности, следует, что старшеклассники чувствуют разрыв между материалом, изучаемым в школе, и требованиями ЕГЭ» [Прахов, 2014, с. 94].

Контекст исследования

С 2007 г. в России в сфере образования действует новая система оплаты труда (НСОТ). Один из принципиально новых моментов в ней — введе-

ние стимулирующих надбавок. Ключевым условием эффективности НСОТ является определение набора эффективных показателей качества работы учителей, на основе которого распределяется стимулирующая часть фонда оплаты труда. Изучение документов различных российских образовательных учреждений, регламентирующих оплату труда работников государственных бюджетных учреждений в сфере образования, позволяет сделать вывод, что в основе количественной оценки качества и результативности труда учителя при выплате стимулирующих надбавок в большом числе случаев лежит средний балл класса по результатам внешнего мониторинга учебных достижений школьников, показатель качества знаний (доля оценок «хорошо» и «отлично») и показатель успеваемости (доля положительных оценок).

С точки зрения теории, предполагая рациональность учителя, естественно ожидать, что, работая с группой учеников (классом), учитель выстраивает свои стратегии поведения, минимизируя издержки достижения желаемого результата для класса в целом. Это соображение порождает вопрос о том, какие показатели являются для школьного учителя целевыми, что для него более важно — наличие отличных оценок, характеризующих высокий уровень обученности учеников, отсутствие неудовлетворительных оценок, приемлемый уровень среднего балла? С каким классом ему менее «затратно» работать — с учениками с одинаковыми способностями или разными?

Данные и методы

В июне 2014 — августе 2015 гг. был проведен прямой анкетный опрос учителей-предметников из различных школ Пермского края ($N = 292$). Respondентам предлагалось оценить уровень успешности учебных достижений класса на основании информации о результатах прохождения учениками *внешнего* мониторингового среза знаний. Информация была предложена учителям в трех видах: индивидуальных оценок учеников класса, абсолютных и относительных показателей результатов среза знаний класса. Индивидуальные оценки были представлены в виде пофамильного списка класса с индивидуальными баллами в пятибалльной системе для каждого ученика класса. Всего оценивались три класса — «А», «Б» и «В», каждый со своим списком учеников (по 20 человек в классе). Распределение оценок по классам представлено в табл. 1.

В виде абсолютных показателей была представлена информация о среднем балле, показателе качества знаний и успеваемости, с учетом этой информации были подсчитаны и относительные показатели (табл. 2).

Таблица 1. Распределение оценок по классам (количество оценок)

Класс	«Отлично»	«Хорошо»	«Удовлетворительно»	«Неудовлетворительно»	Средний балл*
«А»	3	9	8	0	3,75
«Б»	0	17	3	0	3,85
«В»	8	2	9	1	3,85

* Значение среднего балла в предлагавшейся учителю пофамильной информации о классах отсутствовало.

Таблица 2. Показатели успеваемости по классам (абсолютные и относительные)

Класс*	Кол-во учеников	Средний балл	Качество знаний	Кол-во двоек
«Г»	25	3,84	13	1
«Д»	25	3,84	21	0
«Е»	25	3,76	16	0
«Ж», %		77	84	100
«З», %		75	64	100
«И», %		77	52	96

* В анкете были предложены девять обозначений классов, фактически же «А» = «Е», «Б» = «Д», «В» = «Ж», «Г» = «И» (см. с. 317).

Учителей просили отметить, какой из классов в каждом из трех случаев лучше, средний, хуже или какие классы одинаковы по уровню учебных достижений. Также в анкете были вопросы об индивидуальных характеристиках респондента (пол, возраст, стаж работы, преподаваемый предмет, уровень квалификации, наличие административных обязанностей, а также статус школы, территория ее нахождения и место школы в краевом рейтинге). Для проведения детального анализа по каждому параметру учителя были разделены на несколько групп. Их описание приведено в табл. 3 на с. 318–319, описательные характеристики — в табл. 4 на с. 319.

В блок естественно-научных предметов вошли физика, химия, биология, география, в блок гуманитарных — русский язык, литература, иностранные языки, история, общество, музыка, искусство.

Среди респондентов доминируют женщины, мужчины составляют 4,8% (14 человек). По возрастному составу более 60% — учителя старше 40 лет (рис. 1 на с. 320), учителей пенсионного возраста — 14,9%.

Для анализа полученных данных были использованы *G*-критерий знаков и критерий хи-квадрат (критерий согласия Пирсона).

Обсуждение результатов

Несмотря на предложенные в анкете девять обозначений классов — от «А» до «И», речь фактически шла о трех классах, различающихся по своим учебным показателям: «А» = «Е» = «З», «Б» = «Д» = «Ж», «В» = «Г» = «И» (табл. 1 и 2). Поэтому ниже в тексте обсуждаются три класса — «А», «Б» и «В» со следующими характеристиками:

«А» — есть пятерки, четверки, много троек, нет двоек, «низкий» средний балл;

«Б» — нет пятерок, много четверок, мало троек, нет двоек, «высокий» средний балл;

«В» — много пятерок, много троек, есть одна двойка, «высокий» средний балл.

Анализ результатов ранжирования учителями классов «А», «Б» и «В» с использованием *G*-критерия знаков показал, что в целом по выборке на 1%-ном уровне значимости учителя считают класс «Б» лучшим по уровню учебных достижений, класс «А» — средним и класс «В» — худшим из трех рассматриваемых классов.

Для выявления критерия оценки учебных достижений класса учителями было выделено несколько критериев (табл. 5 на с. 321).

Таблица 3. Распределение респондентов по группам, N = 292 (количество респондентов, при наличии ответа в анкете)

Категория учителя	Высшая	Первая	Вторая	Соответствие	Нет
Параллели	67	87	26	39	59
	1–4-е классы	1–9-е классы	5–8-е классы	1–11-е классы	9–11-е классы
	14	92	34	136	14
Предметы	Гуманитарные	Естественно-научные	Информатика	Математика	
	128	24	36	96	
Территория школы	Краевой центр	Районный город	Село		
	94	67	69		
Место школы в краевом рейтинге	Выше среднего	Среднее	Ниже среднего		
	66	172	37		
Вуз, в котором получено образование	Педагогический университет	Классический университет	Другие		
	197	82	8		
Административные обязанности	Есть административная должность	Нет административной должности			
	23	269			
Наличие победителей олимпиад	Есть	Нет			

	100	192
Год окончания вуза	До 1997 г.	После 1997 г.
	152	138
Тип учебного заведения	Гимназии, лицеи	Средние общеобразовательные школы
	28	
	28	259

Таблица 4. Описательные характеристики

	N	Средне-квadraticное отклонение	Среднее	Медиана	Минимум	Максимум
Год окончания вуза	279	11,94	1995,5	1996	1963	2016
Возраст	288	11,25	43,28	45	22	77
Общий педагогический стаж	290	11,64	19,19	20	0	51
Стаж по предмету	285	11,72	17,75	18	0	51

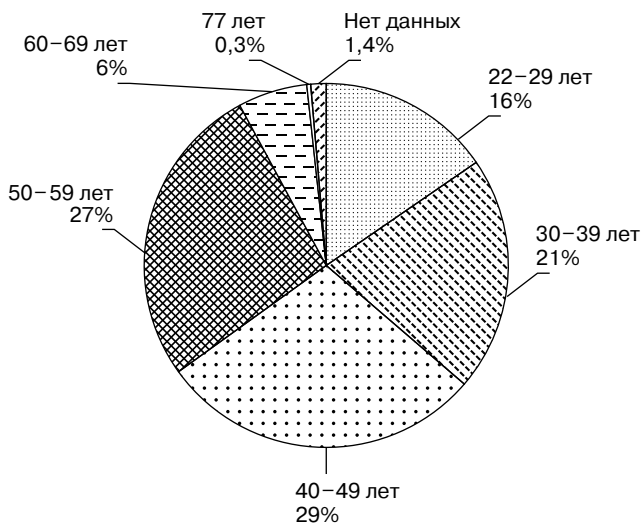

Рис. 1. Структура выборки по возрасту респондентов

Анализ выбора учителей показал, что во всех формах предоставления информации превалировал критерий ранжирования классов по показателю качества знаний. Это означает, что независимо от способа предоставления информации более половины учителей оценивают как лучший класс тот, в котором выше показатель качества знаний, даже если в данном классе нет отличных оценок. При этом наблюдались значимые различия в частоте использования критериев в зависимости от вида предоставления информации (критерий хи-квадрат, уровень значимости — 1%). Так, например, в случае абсолютных показателей учителя чаще применяли критерий среднего балла с учетом успеваемости (16,73% против 9,96 и 2,16%), а при наличии информации об индивидуальных оценках учеников — другие критерии (32,74% против 11,03 и 6,47%) (табл. 6).

Анализ выбора учителей показывает, что чем в более агрегированном, обобщенном виде представлена информация, тем чаще для ранжирования классов используется критерий качества знаний. На рис. 2 представлены соотношения респондентов по выбранным критериям ранжирования классов; критерии, основанные на оценке среднего балла и успеваемости, объединены в один.

Таблица 5. Критерии ранжирования классов

Критерий	Правило ранжирования	Результат ранжирования
Средний балл	Лучшим является класс с более высоким средним баллом	$B = B > A$
Успеваемость	Худшим является класс, где есть двойки	$B = A > B$
Средний балл + успеваемость	Лучшим является класс с более высоким средним баллом, но двойка снижает ранг	$B > B > A$
Качество знаний	Лучшим является класс с большим суммарным количеством пятерок и четверок	$B > A > B$
Другие	Все иные правила ранжирования	

Таблица 6. Результаты ранжирования классов по критериям, %

Вид предоставления информации	Средний балл	Успеваемость	Средний балл + успеваемость	Качество	Другой критерий
	$B = B > A$	$B = A > B$	$B > B > A$	$B > A > B$	
Информация об успеваемости – индивидуальные оценки	3,56	3,20	9,96	50,53	32,74
Абсолютные показатели успеваемости	1,42	0,36	16,73	70,46	11,03
Относительные показатели успеваемости	0,00	3,96	2,16	87,41	6,47

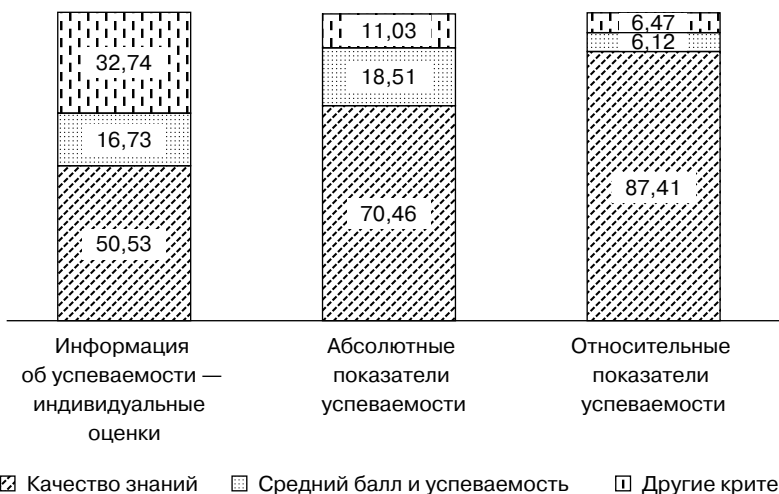

Рис. 2. Распределение респондентов по критериям ранжирования классов, %, $N = 281$

Представляет интерес более детальный анализ выбора учителей на основе информации, представленной в виде индивидуальных оценок учеников класса.

На основании G -критерия знаков установлено, что для учителей предметов естественно-научного блока, информатики, начальной школы, старшей школы, второй категории, учителей, имеющих административную должность, классы «А» и «В» не сравнимы, у них нет преобладающего мнения о том, какой класс лучше, «А» или «В». Классы «А» и «Б» оказались не сравнимыми для учителей предметов естественно-научного блока, учителей лицеев и гимназий.

Использование критерия хи-квадрат позволило выявить различия в оценках класса «А» на уровне значимости 5% у учителей предметов естественно-научного блока и «гуманитариев», «информатиков», «математиков»; на уровне значимости 1% — у «гуманитариев» и «информатиков», «гуманитариев» и «математиков». Среди учителей предметов естественно-научного блока — самая большая доля тех, кто оценивает класс «А» как лучший (33%), и самая маленькая доля тех, кто оценивает его как средний (50%), по сравнению с соответствующими долями учителей других предметов. Среди учителей информатики самая большая доля тех, кто оценивает класс «А» как худший (33%), и самая маленькая доля тех, кто оценивает его как лучший (3%), по

сравнению с соответствующими долями учителей других предметов (рис. 3 на с. 324).

Также оценки учеников из класса «А» различаются на уровне значимости 5% у учителей, имеющих вторую категорию, и учителей, не имеющих категории. Учителя второй категории существенно чаще оценивали класс «А» как худший (32%) и реже как средний (48%), чем учителя, не имеющие категории (7 и 69% соответственно); доли тех, кто оценил класс «А» как лучший, у них близки (20 и 24%) (рис. 4 на с. 324).

Существенных различий в оценках класса «Б» в целом по выборке нет, но оценки «гуманитариев» и учителей предметов естественно-научного блока различаются на уровне значимости 5%. Доля учителей естественно-научного блока, оценивших класс «Б» как средний по уровню успеваемости, более чем в 2 раза превышает соответствующую долю гуманитариев (42 и 20% соответственно) (рис. 5 на с. 325).

Класс «В» учителя оценили как худший на уровне значимости 5% независимо от преподаваемых предметов. Однако на этом уровне значимости различаются оценки учителей, имеющих первую категорию, и учителей, не имеющих категории (рис. 6 на с. 325).

Среди учителей первой категории доля тех, кто оценивает класс «В» как лучший, в 4 раза выше, чем соответствующая доля учителей без категории (5%), и в 7 раз выше, чем доля учителей с категорией «соответствие» (3%). Доля тех, кто оценивает класс «В» как средний, среди учителей первой категории самая маленькая (19%) по сравнению с соответствующими долями учителей других категорий.

Заключение

Анализ данных опроса учителей школ Пермского края позволил выявить особенности в ранжировании по успеваемости классов с разными наборами оценок, с наличием или отсутствием отличных или неудовлетворительных оценок.

Применение G -критерия знаков и критерия хи-квадрат привело к согласующимся результатам: учителя в целом по выборке оценили как лучший класс с высоким средним баллом, в котором нет ни одной отличной оценки и нет неудовлетворительных оценок, как средний — класс с более низким средним баллом, в котором есть несколько отличных оценок и нет неудовлетворительных, как худший — класс с высоким средним баллом, большим количеством отличных оценок и одной неудовлетворительной оценкой. Превалирующим критерием ранжирования классов оказался критерий ка-

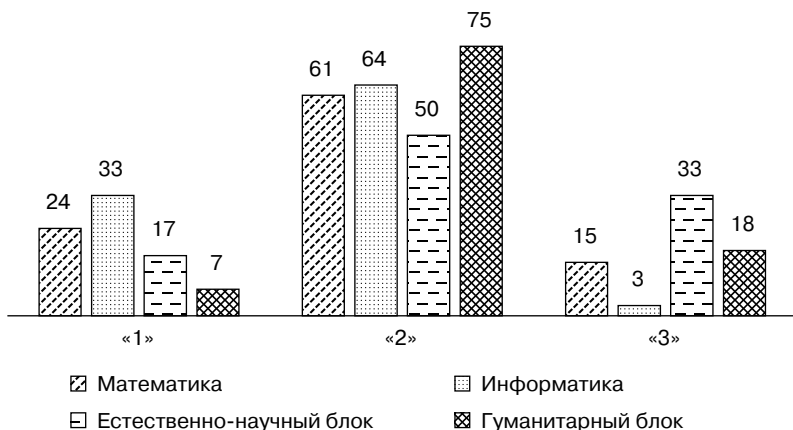

Рис. 3. Оценка успеваемости в классе «А»
 («есть пятерки, четверки, много троек, нет двоек, “низкий” средний балл») учителями разных предметов (доли респондентов):
 «1» — респондент оценивает класс «А» как худший, «2» — как средний, «3» — как лучший

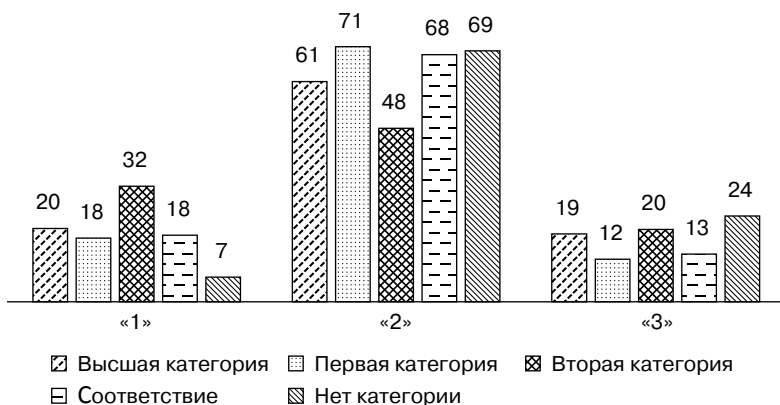

Рис. 4. Оценка успеваемости в классе «А»
 («есть пятерки, четверки, много троек, нет двоек, “низкий” средний балл») учителями разных категорий (доли респондентов):
 «1» — респондент оценивает класс «А» как худший, «2» — как средний, «3» — как лучший

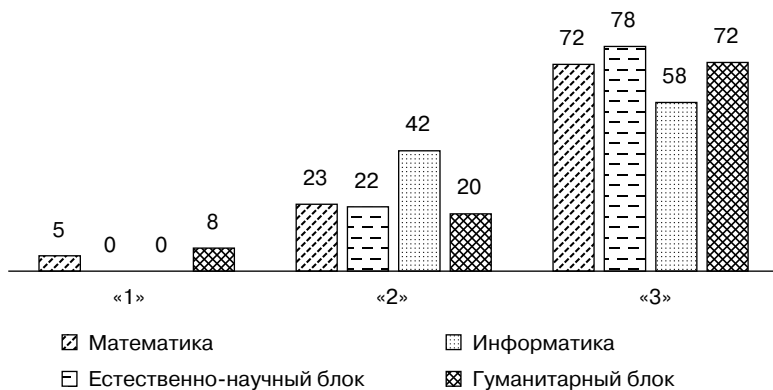

Рис. 5. Оценка успеваемости в классе «Б» («нет пятерок, много четверок, мало троек, нет двоек, “высокий” средний балл») учителями разных предметов (доли респондентов): «1» — респондент оценивает класс «Б» как худший, «2» — как средний, «3» — как лучший

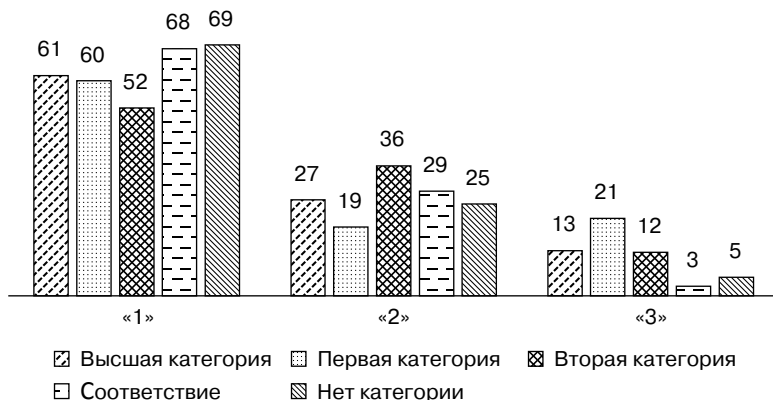

Рис. 6. Оценка успеваемости в классе «В» («много пятерок, много троек, есть одна двойка, “высокий” средний балл») учителями разных категорий (доли респондентов): «1» — респондент оценивает класс «В» как худший, «2» — как средний, «3» — как лучший

чества знаний. Выбор критерия ранжирования зависит от вида представления информации: чем в более обобщенном, агрегированном виде она представлена, тем выше доля респондентов, использующих критерий качества знаний.

Анализ показал наличие небольших особенностей в оценке успеваемости классов у отдельных групп учителей. Учителя предметов естественно-научного блока в большей мере оценили наличие отличных оценок в классе. Большая доля учителей предметов естественно-научного блока, по сравнению с учителями других предметов, выше оценила класс, в котором есть отличники, по сравнению с классом, в котором отличников нет, несмотря на то что в последнем выше средний балл.

Для учителей с категорией соответствия и без категории при оценке успеваемости класса более значимым оказывается наличие неудовлетворительных оценок, учителя первой категории в большей степени ценят наличие отличных оценок. Учителя второй категории чаще признают худшим класс с меньшим средним баллом, чем учителя без категории. Среди учителей первой категории доля тех, кто оценивает класс с большим числом отличных оценок как лучший, выше, чем среди учителей без категории. Возможно, учителя более высокого уровня квалификации больше ценят наличие отличных результатов в классе и меньше беспокоятся о неудовлетворительных оценках.

Опрос показал, что учителя предпочитают работать с «ровным» классом, и не исключено, что в процессе работы с классом со временем онивольно или невольно могут стремиться «выровнять» всех учеников, выбирая соответствующие педагогические практики. Класс с более низким средним баллом, но без неуспевающих учеников (класс «А») учителя оценили выше по учебным достижениям, чем класс, в котором 40% отличников, средний балл выше, но есть неуспевающий ученик (класс «В»). Наличие «отличных» индивидуальных результатов у учеников во внешнем мониторинге в данном случае оказалось не принципиальным при определении уровня достижений класса в целом, а следовательно, и успешности работы учителя. Такое положение дел логично, когда «премия» за «отличников» в оплате труда учителя (если она есть) существенно менее значима, чем «наказание» за неуспевающих. Представляется, что в этих условиях сложно «обеспечить условия, при которых каждый без исключения ученик получил бы качественное образование» — одно из необходимых, по мнению авторов статьи [Барбер, Муршед, 2008, с. 8], условий формирования эффективной образовательной системы.

Источники

Аврамова Е.М., Клячко Т.Л., Логинов Д.М. Эффективность школы — позиция родителей // *Вопр. образования.* 2014. № 3. С. 118–134.

Барбер М., Мушед М. Как добиться стабильно высокого качества обучения в школах // Там же. 2008. № 3. С. 7–60.

Кузьминов Я.И., Фрумин И.Д., Захаров А.Б. Российская школа: альтернатива модернизации сверху // Там же. 2011. № 3. С. 5–53.

Прахов И.А. Влияние инвестиций в дополнительную подготовку на результаты ЕГЭ // Там же. 2014. № 3. С. 74–99.

Тюменева Ю.А., Хавенсон Т.Е. Характеристики учителей и достижения школьников. Применение метода first difference к данным TIMSS-2007 // Там же. 2012. № 3. С. 113–140.

Bernaus M., Gardner R.C. Teacher Motivation Strategies, Student Perceptions, Student Motivation, and English Achievement // *The Modern Language J.* 2008. Vol. 92. No. 3. P. 387–401.

Bernaus M., Wilson A., Gardner R.C. Teachers' Motivation, Classroom Strategy Use, Students' Motivation and Second Language Achievement // *Porta Linguarium.* 2009. No. 12. P. 25–36.

Bietenbeck J.C. Teaching Practices and Student Achievement: Evidence from TIMSS: Master Thes. CEMFI No. 1104. 2011. Dec.

Cloffelter Ch., Ladd H.F., Vigdor J.L. Teacher-Student Matching and the Assessment of Teacher Effectiveness: NBER Working Paper No. 11936 / Nat. Bureau of Economic Research, Inc. 2006. Jan.

Hanushek E.A. Assessing the Effects of School Resources on Student Performance: An Update // *Educational Evaluation a. Policy Analysis.* 1997. Vol. 19. No. 2. P. 141–164.

Hanushek E.A., Kain J.F., Rivkin S.G. Teachers, Schools, and Academic Achievement // *Econometrica.* 2005. Vol. 73. No. 2. P. 417–458.

Klaveren C. Lecturing Style Teaching and Student Performance // *Economics of Education Rev.* 2011. Vol. 30. No. 4. P. 729–739.

Lavy V. What Makes an Effective Teacher? Quasi-Experimental Evidence: NBER Working Paper No. 16885 / Nat. Bureau of Economic Research. 2011. March.

Schwerdt G., Wuppermann A.C. Is Traditional Teaching Really All that Bad? / A Within-Student Between-Subject Approach: PEPG 10-15. 2010. June. (Program on Education Policy a. Governance Working Papers Ser.).

Yee K.M. Head of the Class: Exploring the Link between Teacher Quality, Instructional Practice, and Student Outcomes in Indonesia, Malaysia, and the Philippines: A thes. submitted to the faculty of the Graduate School of Arts a. Sciences of Georgetown Univ., Washington, DC. 2007.

Zuzovsky R. Teachers' Qualifications and Their Impact on Student Achievement: Findings from TIMSS 2003 Data for Israel // *IERI Monograph Ser. Issues a. Methodologies in Large-Scale Assessments.* 2009. Vol. 2. P. 37–62.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ
ИНСТИТУТЫ
В УСЛОВИЯХ
ЭКОНОМИЧЕСКИХ
И СОЦИАЛЬНЫХ
ИЗМЕНЕНИЙ

А.Р. Андреева
Н.В. Родина

Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа экономики»

ВЗГЛЯД РАЗЛИЧНЫХ УЧАСТНИКОВ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ НА РЕФОРМУ ОПЛАТЫ ТРУДА ПЕДАГОГОВ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА РЕЗУЛЬТАТЫ ЭТОЙ РЕФОРМЫ

В последние годы в системах образования многих стран повышенное внимание уделяется вопросам, связанным с формированием системы стимулов, способных побудить педагогов к продуктивной деятельности, привлечь в образовательные организации высококвалифицированные кадры. В практике российского управления в качестве одного из таких стимулов выступает эффективный контракт, который должен обеспечить увязку размера оплаты труда педагогов с качеством и результатами их работы. Это понятие введено в 2012 г. в «Программе поэтапного совершенствования системы оплаты труда в государственных (муниципальных) учреждениях на 2012–2018 годы»¹, и в настоящее время, после трехлетнего периода преобразований в этой сфере, можно подвести промежуточные результаты реформы.

На примере выборочных школ, которые расположены в разных регионах, мы рассматриваем, на каких стадиях находится введение эффективного контракта с учителями, а также предпринимаем попытку связать взгляд различных субъектов системы образования на эффективный контракт с результатами его введения. Такое рассмотрение темы обусловлено тем, что внедрение эффективного контракта имеет слабое методическое сопровождение на

¹ Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 26 ноября 2012 г. № 2190-р. Эффективный контракт определен как трудовой договор с работником, в котором конкретизированы его должностные обязанности, условия оплаты труда, показатели и критерии оценки эффективности деятельности для назначения стимулирующих выплат в зависимости от результатов труда и качества оказываемых государственных (муниципальных) услуг, а также меры социальной поддержки.

федеральном уровне, в связи с чем итоги реформы в значительной степени зависят от территориальных, локальных и субъективных факторов.

Эффективный контракт рассматривается как новая система отношений в образовательных организациях, которая имеет отличия от сформированной ранее, в 2008–2010 гг., новой системы оплаты труда (НСОТ) (табл. 1). Основные отличия эффективного контракта от НСОТ — это попытка зафиксировать индивидуальные критерии эффективности каждого работника, обязательность прохождения ее оценки для всех работников, попытка вы-

Таблица 1. Цели новой системы оплаты труда и эффективного контракта

Новая система оплаты труда	Эффективный контракт
<p>1. <i>Создание механизма, связывающего размер заработной платы с качеством и результативностью труда:</i> принципы распределения ФОТ, прописанные в Модельной методике, утвержденной Министерством образования и науки Российской Федерации 22 ноября 2007 г. «Создание такого механизма оплаты труда, который позволит стимулировать лучших учителей вне зависимости от стажа их работы» («Наша новая школа»)</p>	<p>1. <i>Взаимосвязь повышения оплаты труда с качеством оказываемых услуг:</i> «установление оплаты труда в зависимости от качества оказываемых государственных (муниципальных) услуг (выполняемых работ) и эффективности деятельности работников по заданным критериям и показателям» (Программа поэтапного совершенствования системы оплаты труда...)</p> <p>2. <i>Отмена неэффективных стимулирующих выплат:</i> «упразднение постоянных выплат, формально классифицированных как стимулирующие, но реально не мотивирующих работников к качественному и эффективному выполнению трудовых обязанностей» (Программа поэтапного совершенствования системы оплаты труда...)</p>
<p>2. <i>Повышение заработной платы учителей</i></p>	<p>3. <i>Обязательность оценки эффективности каждого работника:</i> «в отношении <u>каждого</u> работника должны быть уточнены и конкретизированы его трудовая функция, показатели и критерии оценки эффективности деятельности, установлен размер вознаграждения, а также размер поощрения за достижение коллективных результатов труда» (Программа поэтапного совершенствования системы оплаты труда...)</p>
<p>3. <i>Привлечение молодых педагогов:</i> «Создание такого механизма оплаты труда, который позволит... привлечь в школу молодых преподавателей» («Наша новая школа»)</p>	<p>4. <i>Создание взаимосвязанной между уровнями образования системы показателей эффективности:</i> введение «взаимовязанной системы отраслевых показателей эффективности от федерального уровня до конкретных учреждений и работника»; установление «соответствующих таким показателям стимулирующих выплат, критериев и условий их назначения» (Программа поэтапного совершенствования системы оплаты труда...)</p>

строить взаимосвязанную систему показателей эффективности разных уровней системы образования: от федерального уровня управления к региональному, муниципальному до конкретных образовательных организаций и их работников. Имея черты новой системы отношений, эффективный контракт может рассматриваться как инновация для образовательных организаций и системы образования в целом.

Тема инноваций в системе образования (скорости их принятия, адаптации, факторов, влияющих на использование инноваций) изучалась рядом зарубежных авторов [Zhu, Engels, 2014; Durand et al., 2016; Malen et al., 2015; Wong, Cheung, 2015; Warford, 2010]. Работы этих авторов опираются на взгляды Майкла Фуллана относительно факторов успешности и провала реформ в системе образования, которые важны и при рассмотрении эффективного контракта как инновации. В соответствии с выводами М. Фуллана [Фуллан, 2006]:

1) «Результаты реформы зависят от понимания ее целей непосредственными участниками системы образования, от глубины и характера предпринимаемых ими действий»;

2) «Инновация не может прижиться, пока ее смысл не будет определен участвующими в ней субъектами»;

3) «Любая реформа в сфере образования должна приводить к улучшению результатов обучения учеников».

Наглядный инструмент для определения стадии введения инновации предложен в статье Ж. Холла [Hall et al., 1975]. Он выделяет последовательные уровни использования инновации, а для их охарактеризования использует описание поведения пользователей.

1. Инновация не используется — пользователи почти ничего не знают об инновации, не используют ее и не планируют использовать.

2. Ориентация на использование инновации — пользователи разыскивают и запрашивают информацию об инновации, оценивают преимущества ее использования.

3. Приготовления к использованию инновации — пользователи готовятся к первому использованию инновации.

4. Механическое использование инновации — пользователи сконцентрированы на ежедневном использовании инновации без рефлексии о результатах. Ориентация на достижение целей пользователя инновации, а не клиента.

5. Рутинное применение инновации — стабильное использование инновации. Небольшое внимание уделяется планам по улучшению использования инновации с точки зрения потребностей клиентов.

6. Совершенствование инновации — пользователи пересматривают применение инновации, чтобы сделать более явными выгоды для клиентов.

7. Интеграция — пользователи координируют свои действия по использованию инновации с деятельностью коллег для того, чтобы более комплексно достигать выгод для клиентов.

8. Обновление инновации — пользователи переосмысливают цели введения инновации, ищут модификации ее использования для того, чтобы более полно удовлетворять потребности клиентов.

В статье (с использованием концептуального подхода М. Фуллана и инструментария Ж. Холла) рассматривается: а) как понимают инновацию — эффективный контракт — различные субъекты системы образования (управленцы регионального и муниципального уровней, руководители образовательных организаций, педагоги); б) как понимание инновации различными участниками влияет на стадию ее использования. При этом, как и любая реформа (по мнению Фуллана), реформа оплаты труда исследуется нами с позиции, что она должна привести к изменению содержания работы учителя в классе. Используя терминологию Ж. Холла, пользователями эффективного контракта считаются руководители школ и сами педагоги, потому что де-факто его внедрение было спущено на уровень руководителей образовательных организаций, чтобы они самостоятельно определяли пути и методы проведения реформы.

Для указанных целей используются данные социологического исследования с применением качественных методов сбора данных. В 2015 г. в четырех регионах России были проведены глубинные интервью с руководителями регионального и муниципальных уровней управления образованием, с руководителями образовательных организаций и их заместителями, а также фокус-группы с педагогами (всего 66 интервью и 16 фокус-групп; по два муниципалитета в каждом регионе (городской и сельский); по две школы в каждом из муниципалитетов). С респондентами обсуждалось:

- как они понимают процесс введения эффективного контракта;
- что было сделано для введения эффективного контракта в их учреждении;
- какие результаты использования эффективного контракта в их учреждении они видят.

Транскрипты интервью обрабатывались для получения кейсов по каждой исследуемой школе с применением критериев, описанных Ж. Холлом для охарактеризования стадии введения инновации. Результаты такой работы показали, что школы преимущественно сосредоточены на механической стадии реализации эффективного контракта, и большинство не смогли перейти на более глубокий уровень использования инновации (табл. 2).

Для иллюстрирования полученного результата в рамках статьи подробно рассмотрены два наиболее отличающихся кейса: школы, которая нахо-

Таблица 2. Стадии введения эффективного контракта с учителями в 16 исследованных школах

Уровни использования инновации по Ж. Холлу	Исследованные школы
<i>Уровень 2.</i> Приготовление	Сельская школа № 1 Липецкой области Городская школа № 1 Липецкой области
<i>Уровень 3.</i> Механическое использование	Сельская школа № 1 Тамбовской области Сельская школа № 2 Тамбовской области Городская школа № 1 Тамбовской области Городская школа № 2 Тамбовской области Сельская школа № 2 Липецкой области Городская школа № 2 Липецкой области Городская школа № 3 Калининградской области Городская школа № 1 Амурской области Городская школа № 2 Амурской области Сельская школа № 1 Амурской области Сельская школа № 2 Амурской области
<i>Уровень 4.</i> Рутинное использование	Городская школа № 2 Калининградской области
<i>Уровень 5.</i> Совершенствование	Городская школа № 1 Калининградской области

дится на механической стадии использования эффективного контракта, и школы, находящейся на стадии совершенствования инновации.

Рассмотрим *уровень совершенствования инновации*: данный кейс — по школе, расположенной в небольшом городе Калининградской области. Отнесение ее к стадии совершенствования инновации обусловлено следующим. Во-первых, школа давно (с 2009–2010 гг.) использует механизмы оплаты труда по результату, так как была одним из пионеров введения НСОТ. Во-вторых, использование инновации в школе меняется: критерии, за которые выплачивается дополнительное вознаграждение, при эффективном контракте не идентичны критериям, вводимым в рамках НСОТ: *«Когда вводили НСОТ, там все время только на результат (олимпиады, ЕГЭ). А здесь уже понятно, что результата не будет, если не будет сопутствующих каких-то таких направлений (условий)... я понимаю, что нам не хватает специалистов. Хорошо, если мы найдем их, но время показывает, что это делать очень трудно»* (директор школы).

В данной школе при переходе на эффективный контракт основания для определения переменной части зарплаты дополнены выплатами за прохождение обучения, за обязательства распространять результаты пройденного обучения на других работников школы, за обязательства вывести школу на новый вид деятельности (проект, конкурс и проч.). Например, если учитель

проходил обучение по подготовке проектов, он должен был предлагать, какой проект для школы будет готовить и какие результаты это даст для школы в целом. Если учитель математики проходил обучение по конструированию, то должен был впоследствии ввести соответствующий модуль в учебную дисциплину и в дальнейшем готовить учащихся к соответствующим конкурсам.

В-третьих, для каждого учителя формируются индивидуальные критерии эффективности, которые привязываются к программе развития школы и обязательно опираются на оценку финансовых ресурсов школы на следующий год: *«Они (учителя) приходят, показывают (свои предложения), и мы смотрим, что... можем на следующий год оплатить»* (директор школы).

В-четвертых, это попытки учесть пожелания учащихся и их родителей при установлении показателей эффективного контракта: *«Три месяца назад подошла ко мне учительница физики и говорит: “Я не выполнила то, что там написано. У меня дети не хотят заниматься вот этим курсом, они будут отказываться от него, потому что посмотрели, куда... будут поступать — у них вот это не требуется”. И мы... вносили изменения в учебный план, собирались с родителями, собирались с детьми... То есть эффективный контракт в этом помогает»* (директор школы).

Такой взгляд директора и такое использование эффективного контракта не противоречат взглядам других участников системы образования. Школьные учителя привыкли к стимулирующим выплатам и не хотят отказываться от них. Но вместе с тем они понимают, что преимущества эффективного контракта в большей степени проявляются в крупных школах и школах-лидерах, получающих финансирование из фонда качества: *«все еще зависит от возможностей школы»; «если другой педагог, в другой школе малокомплектной будет работать даже 24 часа в сутки, а возможности нет, он ничего не получит. ...если так будет продолжаться... это будет прерогатива отдельно взятых школ»* (учитель школы).

Разделение школ на лидеров и «всех остальных» поддерживается финансовыми (средства фонда качества, распределяемые на конкурсной основе) и другими механизмами управления в регионе. Активная позиция директора школы в создании собственной модели эффективного контракта и обеспечение ее финансовыми ресурсами за счет средств фонда качества ложится на благодатную почву. Создаваемая модель эффективного контракта не встречает сопротивления со стороны других участников системы образования.

Второй кейс (*уровень механического использования инновации*) — по школе, расположенной в одном из городов Амурской области. Основной причиной отнесения школы к стадии механического использования инновации послужило то, что пользователи не смогли выйти за рамки и правила НСОТ. Директор школы и педагоги преимущественно сконцентрированы на еже-

дневном использовании инновации и ориентируются скорее на достижение своих целей, а не целей учащихся. Так, администрация школы и педагоги понимают эффективный контракт как продолжение НСОТ в формате модификации структуры трудового договора с небольшими дополнениями, но без содержательных изменений: *«тот же трудовой договор, который был изначально; там просто есть некоторые дополнения, которые не оговаривались ранее»* (заместитель директора школы); *«не понятно, зачем так много бумаг разных»*; *«объединение трудового договора и должностной инструкции»*; *«документ, дублирующий трудовой договор»* (педагоги).

В этой школе критерии оценки эффективности педагогов остались теми же, что и при НСОТ. Как говорят педагоги, измеряется только то, *«что выражается числом»*, *«стимулирование стало в какой-то даже мере развращать... в погоне за плюсиками»*, при этом не предпринимаются попытки оценить, насколько хорошо выполняется работа. Такой подход приводит к рассмотрению педагогами себя и коллег как *«успешных количественно»* и *«эффективно и качественно работающих»*. Последние в условиях количественных систем оценок результатов их труда, по словам учителей, начинают выглядеть *«отстающими»* и *«недорабатывающими»*.

В такой системе оценки эффективный контракт в большей степени служит интересам самих пользователей, в первую очередь педагогов, а не учащихся: *«с одной стороны, учитель работает на аттестацию... с другой — на повышение своей заработной платы»* (заместитель директора школы).

В данной школе эффективный контракт внедряется с использованием рамочных методических рекомендаций, спущенных с регионального и федерального уровней (*«ознакомление со всей информативной базой... рекомендации были, мы все это изучали, пользовались советами Министерства соцтруда, там есть хорошие памятки, как это надо делать»* (заместитель директора школы)). Собственные механизмы реализации эффективного контракта не прорабатываются. Администрация школы находится «в режиме ожидания» в связи с финансовыми затруднениями, содержательных шагов по дальнейшему внедрению эффективного контракта не планируется: *«уменьшение фонда оплаты труда — ну, естественно, тяжело, а что делать — работать приходится. Бросать из-за того, что это, возможно, временное явление — я думаю... неразумно»* (заместитель директора школы).

Результаты исследования и сосредоточение большинства школ на механической стадии использования эффективного контракта наглядно демонстрируют, что на сегодня возложение ответственности за разработку механизмов его внедрения на коллектив школ не привело к достижению масштабных содержательных и системных изменений в школьном образовании. Администрация и педагоги большинства школ, за некоторыми редкими ис-

ключениями, не видят смысла инновации, способный побудить их к реальным сдвигам в сторону повышения качества работы педагогов с учащимися. Как следствие, коллективы школ не углубляются в содержательную составляющую реформы, а предпринимают в большей степени организационно-технические действия. Как пишет М. Фуллан, «пока пользователи не определяют смысл инновации, ее можно считать не прижившейся».

Для совершенствования использования эффективного контракта как инновации на сегодня существует потребность в усилении горизонтальных связей и переговорных процессов между участниками изменений, чтобы устранить существующие проблемы и достичь понимания каждым участником изменений того, что и почему нужно делать; а также потребность в методической поддержке образовательных организаций, находящихся на разных стадиях введения инновации.

Источники

Фуллан М. Новое понимание реформ в образовании / пер. Е.Л. Фруминой; Моск. высш. шк. социальных и экон. наук. М.: Просвещение, 2006.

Durand F., Lawson H.A., Wilcox K.C., Schiller K.S. The Role of District Office Leaders in the Adoption and Implementation of the Common Core State Standards in Elementary Schools // *Educational Administration Quart.* 2016. Vol. 52. No. 1. P. 45–74.

Hall G.E. et al. Levels of Use of the Innovation: A Framework for Analyzing Innovation Adoption / Hall G.E., Loucks S.F., Rutherford W.L., Newlove B.W. // *J. of Teacher Education.* 1975. Vol. 26. No. 1 (Spring). P. 52–56.

Malen B. et al. Developing Organizational Capacity for Implementing Complex Education Reform Initiatives: Insights from a Multiyear Study of a Teacher Incentive Fund Program / Malen B., Rice J., Matlach L., Bowsher A., Hoyer K., Hyde L. // *Educational Administration Quart.* 2015. Vol. 51. No. 1. P. 133–176.

Warford M.K. Testing a Diffusion of Innovations in Education Model (DIEM) // *The Innovation J.: The Public Sector Innovation J.* 2010. Vol. 10. No. 3. Art. 32.

Wong P.-M., Cheung A. The Adoption Features of Government Initiatives for the Curriculum Reform in Hong Kong Schools // *Educational Management Administration & Leadership.* 2015. Vol. 43. No. 5. P. 828–849.

Zhu Ch., Engels N. Organizational Culture and Instructional Innovations in Higher Education: Perceptions and Reactions of Teachers and Students // *Educational Management Administration & Leadership.* 2014. Vol. 42. No. 1. P. 136–158.

О.Н. Волкова

Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург

ПРОЗРАЧНОСТЬ В РОССИЙСКОМ АКАДЕМИЧЕСКОМ СООБЩЕСТВЕ: ДОВЕРИЕ ИЛИ «ОБЩЕСТВО СПЕКТАКЛЯ»?

Мы живем в прозрачном мире, построенном как сеть отношений подотчетности, постоянно наблюдая все увеличивающиеся инвестиции в них на всех уровнях — наднациональном, государственном, организационном, личном — и во всех сферах, включая академическое сообщество.

Риторика прозрачности и подотчетности в последние годы набирает силу, в том числе в контексте проводимых в России реформ в системе высшего образования и науки. Несмотря на широкое распространение этих терминов в зарубежных публикациях, в отечественной научной литературе содержание их концептов почти не обсуждается. В большинстве дискурсов оно принимается по умолчанию, а управленческие системы, характеризующиеся прозрачностью и подотчетностью, рассматриваются как бесспорно эффективные образцы для подражания и дальнейшего совершенствования. Однако так ли это? Критического анализа этих систем и практик в отечественной научной литературе почти не встречается.

В докладе сделана попытка ответить на вопросы: что означают концепты прозрачности и подотчетности применительно к академической сфере, в каких формах они реализуются и к чему это может вести? означает ли рост прозрачности в академической среде действительную объективность в оценках результативности? ведет ли он к росту доверия общества по отношению к институтам высшего образования и науки и внутри самого академического сообщества? как меняется сам концепт доверия под влиянием этих практик?

Природа и механизмы обеспечения прозрачности в академической среде

Прозрачность (*англ.* transparency) — это свойство объекта, доступность его структуры, внутренних связей и некоторых свойств для наблюдения

внешним по отношению к объекту акторам. В социально-экономическом дискурсе прозрачность — это способность объекта стать «видимым» для внешних акторов, быть представленным во внешнюю среду при помощи принятых в ней языковых или семантических средств, быть подвергнутым процедурам контроля и аудита, сопоставления его свойств с эталонами; прозрачность «является условием осуществления общественного контроля, ею задаются его возможности и ограничения»¹.

В академической среде прозрачность проявляется множеством форм, основные из которых:

- сведения персонального характера — от публикации данных о доходах ректоров вузов до персональных страниц отдельных преподавателей и исследователей;
- результаты академической деятельности — от текстов публикаций, научных и методических, до научно-популярных проектов типа postnauka.ru, theoryandpractice.ru и др.;
- сведения об отдельных организациях — научных и образовательных;
- сведения об академической среде и системе в целом или ее отдельных сегментах.

В качестве инфраструктурной основы прозрачности и подотчетности в академической среде рассматриваются наукометрические инструменты (рейтинги, индексы цитирования и проч.) и внутренние стандарты (положения об аттестации, конкурсных отборах и т.п.), а в качестве наиболее характерных особенностей прозрачности при оценке академической активности — объективизация, квантификация и проникновение аудита в академические процедуры.

Объективизация — процесс формирования «картинки» для разных групп пользователей [Волкова, 2016]. В большинстве социальных практики мы воспринимаем не сам объект, а его образ. Процесс создания такой «картинки» — это не описание и не отражение, это именно *создание объекта*, который должен соответствовать реальности и заменять ее в некоторых социальных практиках. В основе механизмов объективизации лежит желание «хорошо выглядеть» перед своим принципалом, экспертами и другими акторами, соответствовать некоему эталону.

Квантификация — выражение всех качеств объектов посредством чисел, шкал, графиков, таблиц. Показатели, индексы и рейтинги позволяют «видеть», «различать», сравнивать объекты, среды и реальности. В социаль-

¹ Прозрачность и участие: Общественный контроль 2.0 в США и Европе [Электронный ресурс]: аналит. докл. М.: Фонд открытой новой демократии, 2013. С. 134. URL: <http://fondfond.org/wp-content/uploads/report-control.pdf>.

но-экономических системах квантификация приводит к тому, что все акторы начинают ассоциироваться с числами: вузы оцениваются на основе баллов ЕГЭ поступающих, ученые — в соответствии с индексами Хирша своих работ и импакт-факторами журналов, в которых они опубликованы. Квантификация делает возможной *стандартизацию*.

Проникновение процедур контроля и аудита во все области экономической активности и во множество социальных практик. Аудит, который первоначально был специфической практикой оценки достоверности финансовых данных, за последние полвека трансформировался во всеобъемлющую систему ритуалов верификации [Audit Cultures..., 2000] и представляет собой оценку соответствия объекта заранее заданным извне требованиям, стандартам и числовым показателям. Технологии аудита позволяют определять место этого объекта на некоторой шкале и формировать функцию соответствия качества количественным показателям.

Интерес к количественным показателям академической активности

Реакцией академической среды на всеобщую квантификацию, объективизацию и контроль можно считать публикации².

Нами прослежена динамика интереса к формированию и использованию наукометрических инструментов в русскоязычных публикациях, индексируемых Научной электронной библиотекой (НЭБ, сайт elibrary.ru) по разделам «Экономика. Экономические науки» и «Науковедение» за период с 2000 по 2015 г. Всего просмотрено более 4,5 тыс. журнальных публикаций, из них были отобраны работы, содержание которых касалось международного и национального рейтингования вузов, образовательных систем разных стран, образовательных программ, научных журналов, преподавателей вузов и научных сотрудников (исключая оценку преподавателей студентами и рейтингования самих студентов), а также показателей индивидуальной публикационной активности преподавателей и ученых. На рис. 1 представлен график роста количества публикаций³.

² См., например, сайт проекта «Информетрика»: <http://informetrics.ru/>.

³ В ряды данных «Рейтинг» и «Индекс цитирования» вошли показатели количества работ, содержащих эти термины и их грамматические формы в названии, аннотации и (или) списке ключевых слов. Ряд данных «Всего работ» содержит количество работ, в названии, аннотации и (или) списке ключевых слов которых встречается хотя бы один из двух основных терминов. Поиск осуществлялся по состоянию на 02.04.2016.

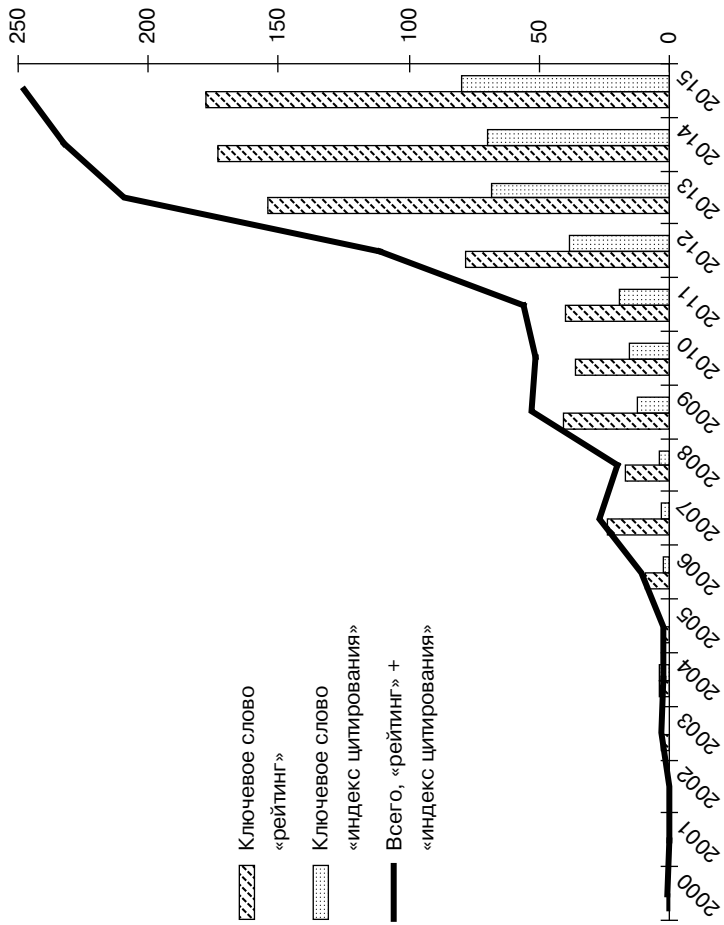

Рис. 1. Динамика количества публикаций, отраженных в Научной электронной библиотеке, по ключевым словам «рейтинг» и «индекс цитирования» за 2000—2015 гг., ед.

Из рис. 1 видно, что интерес к тематике рейтингов, касающихся высшего образования и науки, до 2006 г. был стабильно невысок, хотя отдельные работы встречались в отечественной научной литературе по экономике с начала 2000-х годов. На графике видны два переломных периода, когда менялся характер кривой, — это 2006–2007 гг., когда количество публикаций скачкообразно увеличилось, и 2012 г., когда рост приобрел экспоненциальный характер.

Первая половина 2000-х годов ознаменовалась проводимыми в РФ государственными реформами — административной и бюджетной. С 2006 г. началась реализация приоритетных национальных проектов (ПНП), общей задачей которых было «объективное» распределение финансовых ресурсов в бюджетном секторе. Задачей ПНП «Образование» в вузовской сфере было также формирование национальных исследовательских университетов, т.е. сегментация этого сектора. С началом реализации ПНП совпадает первый скачок числа публикаций по теме количественных показателей в образовании и науке. Второй скачок интереса к рейтингам и индексам в публикациях отечественных экономистов (2012 г.) совпал с началом продолжающейся и сейчас в РФ реформы образования и науки.

Мы можем выделить два наиболее заметных в последние годы направления развития прозрачности и подотчетности в отечественной системе высшего образования и науки. На макроуровне речь идет о методиках оценки эффективности вузов, основанных на стандартных показателях. Во внешней среде эта работа представлена в виде проекта «5-100» (вхождение российских вузов к 2020 г. в ведущие мировые рейтинги)⁴, а на внутрироссийском поле — в виде критериев эффективности вузов, которые применяются в качестве основания для реструктуризации сети учреждений высшего образования⁵. Общая тенденция квантификации и ранжирования в образовании и науке проявляется и в исследованиях разнообразных рейтингов образовательных систем, вузов и их сайтов, научных журналов и проч.

На микроуровне пример тех же процессов в образовании — не столь широко обсуждаемое в обществе, но весьма актуальное для академической среды введение в вузах и научных институтах оценки результативности отдельных преподавателей и исследователей и построение на их основе внутренних методик расчета вознаграждений (как материального характера, так

⁴ См., например: <http://www.univer-rating.ru/news.asp?Int=6&id=180>, <http://expert.ru/ural/2012/38/5-100-2020/>, <http://минобрнауки.рф/новости/3372/файл/2196/13.05.08-Объявление-Топ100-КДы.pdf>.

⁵ См., например: <http://минобрнауки.рф/документы/2521>, <http://минобрнауки.рф/новости/2932>, <http://минобрнауки.рф/документы/3561/файл/2400//13.08.12-АК-76-05.pdf>.

Таблица 1. Различия в характеристиках публикационной активности разных областей знания, по данным elibrary.ru

	Количество зарегистрированных авторов	Индекс Хирша (ИХ) первого по рейтингу автора		Авторов с ИХ > 10	
		общий	с учетом только журналов	количество	процент от общего числа авторов
Физика	38 400	81	75	6629	17,3
Экономика. Экономические науки	31 695	50	14	1481	4,7
История. Исторические науки	9144	55	14	311	3,4

и возможностей карьерного продвижения), исходя из участия сотрудников в разных видах академической активности.

Индексы цитируемости и рейтинги служат и для оценки индивидуальной результативности, и показателем известности и влиятельности конкретного актора в академической среде. В то же время традиции цитирования и публикационной активности в целом в разных областях знания сильно различаются, и попытки сравнивать индексы «физиков» и «лириков» будут, очевидно, некорректными. Так, например, самое высокое значение индекса Хирша (далее — ИХ), рассчитанное по данным НЭБ⁶, по ученым, зарегистрированным в разделе «Экономика. Экономические науки», — 50, причем тех, у кого этот индекс выше 10, всего 1481 человек (менее 4,7% от общего числа зарегистрированных авторов-экономистов), тогда как максимальный индекс Хирша по разделу «Физика» — 81, а численность авторов, имеющих ИХ выше 10, — 6629 человек (почти 17,3% от общего числа зарегистрированных в этом разделе), притом количество «экономистов» и «физиков» сравнимо и различается всего на 20% (табл. 1).

Таким образом, данные делают прозрачными не только нашу индивидуальную публикационную активность, но и особенности профессиональных академических сообществ, давая администрациям прозрачные и «объективные» основания для принятия организационных решений, касающихся и

⁶ Данные по состоянию на 08.04.2016.

каждого из нас, и наших кафедр, специальностей, предметных полей и направлений научных исследований.

Критический анализ практик прозрачности

Все же вопрос о том, насколько технологии прозрачности и подотчетности действенны при решении реальных проблем академического сообщества и отдельных акторов, остается спорным.

Раскрытие информации имеет массу достоинств:

- дает возможность выработки объективных оснований и критериев для принятия управленческих решений разных типов относительно всех акторов — от реструктуризации сети вузов до избрания преподавателей по конкурсу;
- снижает неопределенность и риск потерь в результате неэффективных решений;
- дает возможность контроля и управления на расстоянии;
- открытость результатов и методов научных исследований упрощает проведение исследований другим авторам и способствует прогрессу науки в целом;
- открытость авторства и персональных достижений способствует этичному поведению (или по крайней мере удерживает от неэтичного поведения) других участников академической деятельности.

Однако вместе с положительными сторонами у прозрачности есть и негативные последствия, она способствует и дисфункциональному поведению акторов.

Подмена реальности картинкой. Образы, представленные посредством процедур прозрачности, воспринимаются как истинное положение дел в организации или обществе, заменяя их в различных дискурсивных пространствах. Поставленная во главу угла, прозрачность подменяет собой реальный контроль, а цели подменяют средства, делая рейтинги и индексы целью, а не инструментом оценки. Если обеспечение прозрачности для представления во внешнюю среду является приоритетным, то реальная эффективность процессов и акторов остается за кадром.

Оценка личности через информационные и контролирующие системы. Прозрачность задает те правила, рамки и эталоны, посредством которых люди оценивают других и самих себя. Индивидуальные акторы (руководители разных уровней, исследователи, преподаватели и др.), их успехи и неудачи начинают восприниматься через призму той системы прозрачности, которая существует вокруг них.

Социальный и символический статус актора, его место среди других людей, организаций или институтов, его конкурентная позиция в системе социальных отношений, вместе с финансовыми бонусами и карьерными перспективами, также зависит от того места, которое данные о нем самом и об оценивающих его других акторах занимают в базах данных. Неважно, что ты из себя представляешь, важно лишь, как ты выглядишь в отчетах.

Нивелирование профессиональных ценностей. Смыслом деятельности тех, кто имеет отношение к прозрачности — от руководителей системы образования и науки до простых преподавателей, — становится гонка за показателями, что приводит к нивелированию профессиональных ценностей и изменениям в профессиональных практиках. Проникновение процедур контроля и аудита в каждодневную деятельность приводит к «созданию новых ментальностей, стимулов и восприятий значимости» [Power, 1997, p. 98], прозрачность начинает преобразовывать субъектность акторов и меняет характер практик, которые она должна отражать. Управление превращается в процесс поддержания видимости и укрывания малейших недостатков; управление посредством показателей становится управлением самими показателями [Tsoukas, 1997, p. 838].

«Аморальность» информации. Очевидная объективность числовой информации, столь высоко ценимая в финансовой сфере, может никак не отражать социальных и моральных аспектов деятельности акторов и их сетей. Методики оценки эффективности вузов и научных учреждений, основанные на стандартных показателях, — яркий тому пример. На индивидуальном уровне требования роста прозрачности делают очевидными способы, к которым прибегают акторы для улучшения своих показателей, — вал публикаций, публикации в низкорейтинговых («мусорных») журналах, накручивание ссылок, некорректные заимствования, тексты-пустышки и т.д. Примечательно, что именно в период начала реформ высшего образования и науки, в 2012 г., начался быстрый рост англоязычных публикаций в «мусорных» журналах, индексируемых в Scopus [Sterligov, Savina, 2016].

Прозрачность в академической среде: цели и результаты

По логике вещей цель реформ должна состоять в повышении качества высшего образования (подготовки студентов в вузах) и исследований (создания нового знания). Даже программный документ, давший толчок гонке за рейтингами, начинается словами «В целях дальнейшего *совершенствования государственной политики в области образования и науки и подготовки квали-*

фицированных специалистов (курсив наш. — О. В.) с учетом требований инновационной экономики... обеспечить... вхождение к 2020 году не менее пяти российских университетов в первую сотню ведущих мировых университетов согласно мировому рейтингу университетов»⁷.

Однако связь качества («совершенствования») с количественными показателями (рейтингами) нам кажется неочевидной. Как отмечают эксперты, вполне объективные и соответствующие принятым методикам расчета показатели слабо отражают результативность подготовки студентов и выпускников [Rauhvargers, 2011, p. 63–67] и качество научных результатов.

Рейтинги и индексы сами по себе не могут и не должны быть целью реформ. Участие в рейтингах, ранжирование и индексирование вузов и отдельных преподавателей должны рассматриваться как средства (или цели более низких порядков) для достижения каких-то настоящих, истинных целей, которые ставят перед собой и перед нами инициаторы преобразований. К сожалению, ни общество в целом, ни академическое сообщество пока не понимают, в чем именно эти «высшие цели» заключаются. Судить об этих конечных целях можно лишь по результатам.

Результатами реформ должны быть (и они уже видны) структурные изменения в системах образования и науки⁸: на макроуровне — закрытие и реорганизация вузов и их филиалов, научных институтов, на микроуровне — изменение количественного и качественного состава преподавателей вузов (замена «педагогов» «исследователями»).

Мы можем предположить, что задачи вхождения в рейтинги, особенно международные, какими они видятся идеологам этих изменений, не связаны с подготовкой студентов или созданием нового знания. Реальная цель действий в обоих направлениях — демонстрация обществу прозрачности и подотчетности в системе принятия государственных решений, касающихся образования и науки. Вхождение в рейтинги — вероятно, сигнал внешним акторам об имидже отечественной системы образования и страны в целом.

⁷ Указ Президента Российской Федерации «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки» от 7 мая 2012 г. № 599. Преамбула, затем п. 1в.

⁸ Реформа научных институций в РФ не столь прозрачна, как реформа образовательной системы, к тому же встречает гораздо больше внутреннего сопротивления внешним воздействиям (см., например: http://www.gazeta.ru/science/2013/11/11_a_5745593.shtml), однако и там процессы аналогичные — принятие решений на основании ранжирования, индексирования и разного рода количественных показателей (см., например: http://www.edu.ru/db-mon/mo/Data/d_09/prm406-2.htm, http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154058/, <http://government.ru/media/files/41d49e9b662b95c8613a.pdf>).

Доверие или «общество спектакля»?

Оборотная сторона информационной открытости — потеря доверия к институтам, раскрывающим информацию. Излишняя прозрачность дисфункциональна, поскольку уменьшает впечатление о компетентности власти, выставляя на обозрение всю нерациональность процесса принятия решений⁹. Негативно воспринимается и личная информация о руководителях — сведения об их доходах, индексы их публикационной активности как ученых и т.п.; все это вызывает сомнения в этичности.

Согласно одному из недавних исследований, «в российских условиях государственные инициативы по увеличению прозрачности и подотчетности университетов интерпретируются участниками реформ не столько как введение рыночных правил игры, сколько как очередное укрепление авторитарной власти государства, чему способствует схожесть внешних проявлений обеих интенций, выражающихся в усилении контроля над университетами» [Форрат, 2009]. При этом одновременно отсутствие достаточной прозрачности воспринимается (на фоне постоянных деклараций о прозрачности) как недостаток честности, что тоже ведет к уменьшению доверия.

Очевидной особенностью всеобщего рейтингования и оценивания в академической среде является также потеря профессиональной автономии и доверия и на институциональном, и на индивидуальном уровнях. Ритуалы верификации, традиционно являющиеся неотъемлемой частью академической сферы, все больше и больше исходят из внешних по отношению к этой среде источников. Идущие сверху требования прозрачности ведут к снижению роли личного доверия и его преобразованию в институциональное.

Снижение уровня доверия, институционального и межличностного, отмечалось многими исследователями для общества в целом [Фукуяма, 2004; Бодрийяр, 2013; O'Neill, 2002] и для академической среды в частности [Porter, 1995; Baert, Shipman, 2005; Audit Cultures..., 2000]. Снижение доверия отражает характерное для современных обществ в целом стремление к тотальному контролю через постоянно совершенствующиеся процедуры квантификации, ранжирования, сопоставления с эталонами и контрольными показателями.

Помимо падения общего уровня доверия, есть еще один важный эффект. С введением количественных оценок и наукометрических инструментов уровень доверия в академической среде не просто понижается, но меняется и характер (базовая основа) доверия. Доверие к авторитетам с их правом принимать решения на основе профессионального суждения и экспертного

⁹ Прозрачность и участие: Общественный контроль 2.0... С. 9.

мнения замещается доверием к процедурам, стандартам и сформированной по этим правилам «картинке». Доверие трансформировалось в «механическую объективность» [Porter, 1995], основанную на стандартных правилах манипулирования числами.

Вместо доверия результату мы доверяем процессам получения результата. Мы заменяем прозрачностью процесса прозрачность результата, а прозрачностью результата — фактическую эффективность. Технологии прозрачности порождают некоторую симуляцию реальности, имеющую к ней лишь косвенное отношение [Бодрийяр, 2013].

Прозрачность, чья природа — передача информации и контроль, уничтожает культуру доверия, превращая академическую среду в «общество спектакля» [Нан, 2015], а невидимость целей такого масштабного внедрения инструментов прозрачности только способствует этому.

Источники

- Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляция. Тула, 2013.
- Волкова О.Н.* Прозрачность в обществе: вред или благо? // О-во и экономика. 2016. № 2. С. 66–81.
- Форрат Н.В.* Проблема качества высшего образования: мировые вызовы и их российские трансформации // Вопр. образования. 2009. № 2. С. 121–139.
- Фукуяма Ф.* Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004.
- Audit Cultures. Anthropological Studies in Accountability, Ethics and the Academy / М. Strathern (ed.). L.: Routledge, 2000.
- Baert P., Shipman A.* University under Siege? Trust and Accountability in the Contemporary Academy // European Societies. 2005. Vol. 7. No. 1. P. 157–185.
- Han B.-C.* The Transparency Society. Stanford Univ. Press, 2015.
- O'Neill O.* A Question of Trust. Cambridge Univ. Press, 2002.
- Porter T.M.* Trust in Numbers: The Pursuit of Objectivity in Science and Public Life. Princeton Univ. Press, 1995.
- Power M.* The Audit Society: Rituals of Verification. Oxford Univ. Press, 1997.
- Rauhvargers A.* Global University Rankings and Their Impact [Electronic resource]. Brussels: European Univ. Assoc., 2011. URL: http://sdiwc.net/Global_University_Rankings_and_Their_Impact.pdf.
- Sterligov I., Savina T.* Riding with the Metric Tide: “Predatory” Journals in Scopus [Electronic resource] // Higher Education in Russia a. Beyond. 2016. No. 1 (7). P. 9–12. URL: <https://herb.hse.ru/data/2016/03/02/1125175286/3.pdf>.
- Tsoukas H.* The Tyranny of Light // Futures. 1997. Vol. 29. No. 9. P. 827–843.

Е.А. Смирнова
Е.С. Гордеева
М.В. Шеина

Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа экономики»,
Пермь

ЭФФЕКТЫ СООБУЧЕНИЯ В УНИВЕРСИТЕТЕ ПРИ ИЗУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Эффект среды (peer group effect) определяется как зависимость индивидуальных результатов человека от характеристик и действий его окружения. В сфере образования для обозначения данного эффекта используется термин *эффект сообучения*, под которым понимается влияние на учебные достижения учащегося характеристик других учащихся, проходящих совместное обучение.

Аналізу публикаций и обсуждению моделей, используемых при изучении эффектов сообучения в высшем образовании, посвящен обзор [Польдин, Юдкевич, 2011]. Авторы многих эмпирических исследований пришли к выводу о наличии статистически значимых эффектов сообучения, хотя и не всегда совпадающих по направленности воздействия в разных работах и не всегда больших по величине.

Формально линейную модель успеваемости индивида в эмпирических исследованиях принято представлять в следующем виде [Там же]:

$$Y_i = \alpha + \beta X_i + \gamma X'_{-i} + \phi Y'_{-i} + \theta Z_{-ii} + \varepsilon_i, \quad (1)$$

где Y_i — показатель учебных достижений студента i ; X_i — вектор индивидуальных характеристик студента i ; X'_{-i} — вектор средних экзогенных характеристик студентов, обучающихся вместе со студентом i (экзогенные эффекты¹); Y'_{-i} — средняя успеваемость соучеников студента i (эндогенные эффекты¹); Z_{-ii} — общие (часто ненаблюдаемые) характеристики студента и его соучеников (коррелированные эффекты¹); ε_i — случайные возмущения.

¹ Следуя [Manski, 1993], О. Польдин и М. Юдкевич определяют понятия эндогенных, экзогенных и коррелированных эффектов: «Эндогенные эффекты состоят в том, что индивид склонен вести себя в соответствии с превалирующим в группе поведением. Например, успеваемость студента может варьироваться в зависимости от средней успеваемости в группе. Экзогенные, или контекстуальные, эффекты предполагают влияние на поведение индивида экзогенных характеристик группы, например, соци-

Ограничения в оценивании модели в виде (1) обсуждаются в работах [Manski, 1993; Brock, Durlauf, 2001; Epple, Romano, 2010; Польшин, Юдкевич, 2011]. Во избежание проблем на практике исследователи часто используют приведенные формы модели, позволяющие оценить общий эффект сообучения, без различения эндогенных и экзогенных эффектов. В нее не включаются переменные успеваемости соучащихся и их общих характеристик:

$$Y_i = \alpha + \beta X_i + \gamma X'_{-i} + \varepsilon_i, \quad (2)$$

или, при наличии возможности оценки общих характеристик студента и его соучеников, в виде

$$Y_i = \alpha + \beta X_i + \gamma X'_{-i} + \theta Z_{-ii} + \varepsilon_i. \quad (3)$$

В американских эмпирических исследованиях (например, [Loury, Garman, 1995]) основным показателем успеваемости учащихся является их средний академический балл (Grade Point Average) на разных курсах, а показателем способностей учащегося или его соучеников — результаты квалификационных испытаний (Site Acceptance Test (SAT) или American College Testing) по отдельным дисциплинам. В эмпирических работах российских исследователей эффектов сообучения в качестве показателя успеваемости использовались суммарные рейтинговые баллы за I курс, оценки по отдельным базовым дисциплинам, а уровень способностей измерялся через результаты ЕГЭ [Андрушак и др., 2012].

В ряде работ получило эмпирическое подтверждение предположение о наличии линейных и нелинейных эффектов сообучения² [Carrell et al., 2009, 2011; Андрушак и др., 2012], однако в некоторых исследованиях это предположение не подтвердилось для гуманитарных дисциплин [Carrell et al., 2009; Brunello et al., 2010].

ально-экономического статуса других студентов группы. *Коррелированные* эффекты возникают, когда похожее поведение в группе обусловлено близкими индивидуальными характеристиками (например, образование родителей) или общим институциональным окружением (обучение одними и теми же преподавателями)» [Польшин, Юдкевич, 2011, с. 111–112].

² «В моделях социального взаимодействия эффекты окружения принято называть нелинейными, если их величина ($\gamma X'_{-i}$) зависит от относительного положения самого студента в статистическом распределении X_i или от распределения $\gamma X'_{-i}$. Например, влияние группы на относительно сильных студентов может отличаться от влияния группы на менее подготовленных студентов. В другом примере воздействие окружения может неодинаково проявляться в двух группах с одинаковыми средними характеристиками, но в одной из них состав студентов примерно однородный, а в другой дисперсия этих характеристик велика» [Андрушак и др., 2012, с. 6].

Результаты исследования эффектов сообучения в работе [Lyle, 2009] позволили выявить положительное влияние разброса результатов теста SAT по математике на успеваемость учащихся военного училища.

Отечественные исследования учебных достижений студентов [Андрушак, 2005; Андрушак и др., 2012; Польдин, 2011; Пересецкий, Давтян, 2011] выполнены на данных успеваемости студентов бакалавриата НИУ ВШЭ. Авторы последних работ исследовали влияние баллов ЕГЭ на академическую успеваемость студентов и пришли к выводу о большей предсказательной способности баллов ЕГЭ по математике.

Анализ научной литературы, посвященной эффектам сообучения, позволил выявить ряд неисследованных вопросов, которые обусловили новизну и актуальность настоящего исследования. Представляет интерес исследование наличия эффектов сообучения при изучении гуманитарных дисциплин, в частности английского языка.

Контекст исследования

Эмпирической базой исследования явились данные об успеваемости студентов бакалавриата направлений «Экономика» и «Менеджмент» НИУ ВШЭ, Пермь, поступивших в 2004–2005 гг. Аудиторная нагрузка по английскому языку составляла для студентов наборов 2004 и 2005 гг. по 204 учебных часа на I и II курсах и у экономистов, и у менеджеров. Также были использованы данные об индивидуальных характеристиках преподавателей английского языка, работавших с этими студентами на I и II курсах. Характеристики преподавателей были взяты из открытого доступа с личных страниц сайта НИУ ВШЭ.

В 2004–2005 гг. ЕГЭ еще не стал обязательным на всей территории России. В НИУ ВШЭ, Пермь, в качестве измерительного инструмента для оценки уровня достижений студентов по английскому языку использовались тесты формата FCE (First Certificate in English), которые проводились в начале года, после первого, второго, третьего и четвертого семестров. FCE — международный экзамен по английскому языку, на основе которого разработан ЕГЭ. Учащимся предлагалось выполнять задания из трех частей FCE — аудирование, чтение и использование языка. По результатам теста определялся уровень владения языком согласно европейской шкале CEFR (Common European Framework of Reference) от A1 до C2. Тестирование проходили все студенты I–III курсов направлений «Экономика» и «Менеджмент». По результатам первого (входного) тестирования в начале I курса студентов административно разбивали на подгруппы по 10–19 человек, в которых они

продолжали обучение в НИУ ВШЭ. Полагая, что студенты до поступления в НИУ ВШЭ имели разные возможности изучения английского языка³, вследствие чего уровни их владения языком в начале I курса не могли характеризовать уровни их способностей, считаем, что учебные подгруппы были сформированы экзогенно. Предполагаем, что это позволяет избежать смещения оценок эффектов сообучения вследствие эндогенного по остальным характеристикам, кроме результатов диагностического теста, состава группы. Успешность обучения оценивалась баллами за финальные тесты по английскому языку в конце I и II курсов.

Практически с каждой подгруппой работал отдельный преподаватель. На каждой специальности на потоке с подгруппами одного курса работали 8 человек. С личных страниц преподавателей английского языка на сайте НИУ ВШЭ была взята информация об общем педагогическом стаже, стаже работы в НИУ ВШЭ, о вузе, в котором получено образование, наличии степени, общем количестве публикаций, количестве учебно-методических публикаций и повышений квалификации. Все показатели были рассчитаны на год проведения анализа.

Индивидуальные способности студента в работе оценивались двумя способами — индивидуальным баллом за диагностический тест и средним баллом по блоку математических дисциплин на I курсе. Основой для выбора второго инструмента стали два исследования. В первом из них при изучении интеллекта близнецов была обнаружена тесная генетическая связь между способностями к математике, чтению, языкам, которая указывает на влияние одних и тех же генов на развитие совершенно разных способностей [Haworth et al., 2009]. В другой работе [De Paola, Scoppa, 2010] для оценки способностей студентов магистратуры авторы использовали средний уровень их способностей в бакалавриате, где группы формировались административно.

В качестве характеристик подгруппы были использованы средние баллы входного диагностического теста FCE (ДТ) одно(под)группников по английскому языку в начале I курса, доли студентов в студенческой подгруппе, имеющих низкий и высокий результат по диагностическому тесту (ДТ) по английскому языку, среднеквадратичное отклонение результатов диагностического теста (ДТ) в подгруппе, доли студентов в студенческой подгруппе, имеющих низкий и высокий средний результат по блоку математических дисциплин на I курсе, количество студентов в подгруппе.

³ Например, у них мог быть квалифицированный учитель в школе, и они могли заниматься языком дополнительно вне школы или могли не иметь возможности заниматься у квалифицированного учителя в школе и не иметь дополнительных возможностей для занятий языком вне школы.

Результаты оценивания эффектов сообучения

Первоначально были построены регрессии финальных тестов FCE в конце I и II курсов, в которых в качестве объясняющих переменных выступали характеристики студента, известные до начала обучения в вузе: результат диагностического теста FCE по английскому языку, пол студента, а также год поступления и выбранная им специальность. Результат диагностического теста значим на 1%-ном уровне на I и II курсах, его влияние положительное — при увеличении результата диагностического теста на 1 балл результат финального теста увеличивается в среднем примерно на 0,5 балла на I и II курсах. Пол студента значимо не влиял на его учебные достижения на I курсе, а на II курсе юноши в среднем получали на 1,25 балла меньше, чем девушки.

Для изучения эффектов сообучения в работе рассмотрены две эмпирические модели. В модель 1 в качестве объясняющих переменных вошли средние баллы диагностического теста FCE одногруппников по английскому языку в начале I курса для каждого студента.

В модели 2 в качестве объясняющих переменных в первой спецификации использовались доли студентов в студенческой группе, имеющих низкий и высокий результат по вступительному диагностическому тесту по английскому языку, во второй спецификации — доли студентов в студенческой группе, имеющих низкий и высокий средний результат по блоку математических дисциплин на I курсе. В основу определения высоких/низких результатов по английскому языку был положен критерий определения уровней квалификации: А1 и ниже — низкий уровень, В1 и выше — высокий уровень. В основу определения высоких/низких результатов по математике была положена рейтинговая система НИУ ВШЭ, Пермь: высокий результат — от 75 до 100%, низкий результат — меньше 45%.

Во все регрессии в качестве контрольных переменных включены год поступления и специальность, баллы диагностического теста FCE по английскому языку и пол самого студента, а также характеристики подгруппы — количество студентов в подгруппе, среднее квадратичное отклонение результатов диагностического теста FCE в подгруппе.

Для анализа нелинейных эффектов сообучения вся выборка студентов была разбита на три сегмента на основе построенных прогнозных суммарных баллов⁴. Верхний сегмент — треть студентов с самыми высокими про-

⁴ Эта методология была предложена для оценивания нелинейных эффектов сообучения в работах [Carrell et al., 2009, 2011] и использовалась в статье [Андрущак и др., 2012].

гнозными баллами, нижний сегмент — треть с самыми низкими прогнозными баллами, оставшийся средний сегмент образовали студенты со средними баллами. Дальнейшие регрессии были оценены как для всей выборки, так и отдельно для верхнего, среднего и нижнего сегментов распределения студентов.

Средний балл диагностического теста одnogруппников значимо (на 5%-ном уровне) положительно влияет на результаты финального теста I курса (прирост на 1 балл результата диагностического теста приводит к увеличению результата финального теста на 0,198 балла) и не значим на II курсе во всех спецификациях моделей. На верхнем сегменте по английскому языку прирост на 1 балл диагностического теста приводит к росту результата финального теста I курса на 0,225 балла (на 5%-ном уровне), и не наблюдается значимого различия в его влиянии в разных сегментах выборки, выделенных на основе прогнозных баллов по английскому языку. На верхнем же сегменте, выделенном на основе критерия успешности в изучении математических дисциплин, добавка составляет 0,268 балла (на уровне 1%), а для студентов среднего и нижнего сегментов, выделенных по математике, влияние среднего балла ДТ одnogруппников значимо меньше, чем для верхнего сегмента, — увеличение среднего балла ДТ одnogруппников на 1 балл приводит к росту результата финального теста по английскому языку на I курсе на 0,21 балла у «средних» в математике студентов (значимость 5%) и на 0,17 балла у слабых (значимость 1%).

На результаты финальных тестов I и II курсов для всей выборки значимо (на 5%-ном уровне) влияет доля студентов с низким баллом диагностического теста по английскому языку, причем это влияние отрицательное на I курсе и положительное на II курсе. Анализ влияния долей студентов с высокими и низкими баллами по ДТ в отдельных сегментах показывает, что увеличение доли студентов с низкими баллами приводит к снижению результата финального теста студентов из среднего сегмента на I курсе (на 1%-ном уровне значимости) и к увеличению результата финального теста этих студентов на II курсе (на 10%-ном уровне значимости). А именно: если доля слабых студентов в подгруппе больше на 1%, то результат финального теста для «среднего» в английском студента на I курсе в среднем меньше на 0,043 балла, а на II курсе — в среднем больше на 0,039 балла.

Доля студентов с высокими баллами по ДТ не значима для всей выборки, но значимо (на 10%-ном уровне) положительно влияет на студентов верхнего сегмента по английскому языку на I курсе. На II курсе этот показатель не значим и для всей выборки, и для отдельных сегментов.

Влияние долей сильных и слабых в математике студентов на разных сегментах, выделенных по английскому языку, оказалось иным. На I курсе

влияние этих показателей оказалось незначимым. Однако на II курсе рост доли слабых в математике студентов оказался негативно связан с результатами финального теста по английскому языку. Причем рост доли сильных в математике студентов негативно влияет на студентов верхнего и нижнего сегментов по английскому языку на II курсе на уровне значимости 5 и 1% соответственно. Рост доли слабых в математике студентов положительно влияет на успехи студентов, слабых в английском на 5%-ном уровне значимости.

Среднеквадратичное отклонение результатов диагностического теста в подгруппе в ряде спецификаций моделей демонстрирует слабое положительное влияние на результаты финального теста I курса. Поскольку результат не устойчив, требуются дополнительные исследования влияния этого фактора. Однако есть основания ожидать, что больший разброс результатов диагностического теста в подгруппе приводит к более высоким в среднем результатам финального теста на I курсе. На II курсе разброс баллов диагностического теста в подгруппе не значим.

Для оценки коррелированных эффектов в моделях 1 и 2 в качестве объясняющих переменных были использованы педагогический стаж работы преподавателя английского языка, количество учебно-методических публикаций на год анализа и бинарная переменная, отвечающая за вуз, в котором преподаватель получил образование: 1 — Пермский государственный университет, 0 — педагогический университет (на I курсе; на II курсе работали только преподаватели, обучавшиеся в ПГУ). Эффект стажа работы в НИУ ВШЭ положителен и значим на 5%-ном уровне в модели 2 на I курсе, а на II курсе у него значимое (на 10%-ном уровне) негативное влияние. В модели 1 он не значим на обоих курсах. Количество учебно-методических публикаций отрицательно значимо (на 5%-ном уровне) влияет на результат финального теста на II курсе и не значимо на I курсе.

Заключение

В работе тестировалось проявление эффектов сообучения в студенческой группе в процессе изучения английского языка — влияние на успеваемость отдельного студента характеристик других студентов группы и преподавателя, ведущего занятия по английскому языку.

В результате проведенного исследования были найдены эмпирические свидетельства того, что и при изучении английского языка проявляются эффекты сообучения, студенты выигрывают от обучения совместно с сильными в английском языке студентами. На I курсе сильные в английском студенты выигрывают с ростом доли студентов с высоким результатом ДТ по

английскому языку. «Средние» студенты проигрывают с ростом доли слабых студентов в их подгруппе на I курсе и выигрывают на II курсе. Увеличение среднего балла ДТ одноклассников положительно влияет на результаты финального теста по английскому языку. Причем на I курсе средний балл по ДТ значимо больше положительно влияет на сильных в математике студентов и значимо меньше — на слабых.

В целом полученные результаты схожи с результатами предыдущих исследований [Carrell et al., 2009; Андрушак и др., 2012] в части обнаружения значимых эффектов сообучения, но некоторые из них существенно отличаются. Так, например, в представленном исследовании, так же как и в упомянутой выше работе российских авторов, доля сильных одноклассников положительно влияет на сильных студентов, средний балл по вступительному тесту положительно влияет на результаты всех студентов выборки. Однако в упомянутой работе [Андрушак и др., 2012] доля слабых одноклассников значимо не влияла на академические показатели студентов, в нашем случае на I курсе доля слабых в английском студентов влияет на «средних» студентов отрицательно на I курсе и положительно на II курсе.

Анализ эффекта пола студента показал, что юноши на II курсе имеют в среднем более низкие результаты по английскому языку, чем девушки.

Анализ влияния характеристик преподавателей на успешность студентов при изучении английского языка привел к не совсем ожидаемым результатам. Возможно, это продиктовано набором включенных переменных, обусловленных требованием доступности информации по ним, а также качеством данных — информация, представленная на личных страницах, не всегда позволяет получить достоверные данные по включенным переменным. Полученные результаты говорят о наличии значимого положительного на I курсе и отрицательного на II курсе влияния стажа работы преподавателя в НИУ ВШЭ на баллы финального теста студентов. Количество учебно-методических публикаций оказалось значимо отрицательно связанным с результатами финального теста на II курсе, на I курсе — незначимо. Также не имеет значения, какой вуз окончил преподаватель английского языка.

Источники

Андрушак Г.В. Эффекты сообучения и конкуренция в студенческой среде: препр. WP10/2005/03. М.: ГУ ВШЭ, 2005. (Сер. WP10 «Научные доклады лаборатории институционального анализа»).

Андрушак Г.В., Польшин О.В., Юдкевич М.М. Эффекты сообучения в административно формируемых студенческих группах // Приклад. эконометрика. 2012. № 2 (26). С. 3–16.

Пересецкий А.А., Давтян М.А. Эффективность ЕГЭ и олимпиад как инструмента отбора абитуриентов // Там же. 2011. № 23 (3). С. 41–56.

Польдин О.В. Прогнозирование успеваемости в вузе по результатам ЕГЭ // Там же. № 21 (1). С. 56–69.

Польдин О.В., Юдкевич М.М. Эффекты сообучения в высшем образовании: обзор теоретических и эмпирических подходов // Вопр. образования. 2011. № 4. С. 106–123.

Brock W., Durlauf S. Interactions-Based Models // Handb. of Econometrics / J. Heckman, E. Leamer (eds). Elsevier Sci., 2001. Vol. 5. P. 3297–3380.

Brunello G., De Paola M., Scoppa V. Peer Effects in Higher Education: Does the Field of Study Matter? // Economic Inquiry. 2010. Vol. 48. No. 3. P. 621–634.

Carrell S., Fullerton R., West J. Does Your Cohort Matter? Measuring Peer Effects in College Achievement // J. of Labor Economics. 2009. Vol. 27. No. 3. P. 439–464.

Carrell S., Sacerdote B., West J. From Natural Variation to Optimal Policy? The Lucas Critique Meets Peer Effects: NBER Working Paper No. 16865. 2011. March.

De Paola M., Scoppa V. Peer Group Effects on the Academic Performance of Italian Students // Applied Economics. 2010. Vol. 42. No. 17. P. 2203–2215.

Epple D., Romano R. Peer Effects in Education: A Survey of the Theory and Evidence // Handb. of Social Economics. 2011. Vol. 1. No. 11. P. 1053–1163.

Haworth Claie M.A. et al. Generalist Genes and Learning Disabilities: A Multivariate Genetic Analysis of Low Performance in Reading, Mathematics, Language and General Cognitive Ability in a Sample of 8000 12-Year-Old Twins / Haworth Claie M.A., Kovas Y., Harlaar N., Hayiou-Thomas M.E., Petrill S.A., Dale P.S., Plomin R. // J. of Child Psychology a. Psychiatry. 2009. Vol. 50. No. 10. P. 1318–1325.

Loury L.D., Garman D. College Selectivity and Earnings // J. of Labor Economics. 1995. Vol. 13. No. 2. P. 289–308.

Lyle D. The Effects of Peer Group Heterogeneity on the Production of Human Capital at West Point // American Economic J.: Applied Economics. 2009. Vol. 1. No. 4. P. 69–84.

Mansky C. Identification of Endogenous Social Effects: The Reflection Problem // The Rev. of Economic Studies. 1993. Vol. 60. No. 3. P. 531–542.

М.М. Степанова

Санкт-Петербургский
политехнический университет
Петра Великого

А.Р. Денисов

Институт экономики
Костромского
государственного университета
им. Н.А. Некрасова

АНАЛИЗ ВОЗМОЖНОСТИ ВНЕДРЕНИЯ МЕТОДОЛОГИИ LEAN В УПРАВЛЕНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМИ ПРОЦЕССАМИ

Управление образовательной деятельностью вуза и его подразделений представляет собой сложную многокомпонентную систему, что обусловлено необходимостью учета разнообразных факторов и условий. При этом эффективность данного процесса напрямую определяется используемой методологической базой, в качестве которой обычно называется TQM (Total Quality Management). Однако применение данного подхода предполагает широкое использование статистических методов анализа отклонений, что невозможно в полной мере реализовать при управлении образовательными процессами, характеризующимися низкой степенью формализации. Поэтому задача рационального выбора методологической базы для создания системы управления в вузе является актуальной.

Другой не менее известной методологией совершенствования управления процессами является Lean, которая эффективно применяется в производстве. Имеется ряд публикаций, описывающих успешный опыт внедрения данной методологии в сфере высшего образования в Европе и США [Balzer, 2010; Francis, 2014; Langer, 2011]. Интерес к данной методологии связан с тем, что она требует меньшей формализации бизнес-процессов и тем самым больше подходит для управления образовательными организациями, чем TQM. Однако в российском высшем образовании эта методология практически не применяется. Существует лишь несколько исследований, описывающих возможности использования методологии Lean для улучшения процессов в условиях российской высшей школы [Александрова и др., 2013; Жабреев и др., 2012], но необходимо признать, что все они носят исключительно теоретический характер. Основной причиной этого, на наш взгляд, оказывается радикальность требований к образовательным процессам и соответствующему им делопроизводству, диктуемых Министерством образования и науки Российской Федерации.

Центральным концептом методологии Lean является ценность для потребителя, которую продукт или услуга приобретает только при непосредственной обработке или добавлении нужных ему характеристик. При этом вся деятельность организации может быть разделена на операции и процессы, которые добавляют ценность для потребителя, и операции и процессы, которые этой ценности не добавляют. Последние классифицируются как потери и должны быть устранены. Таким образом, основным путем повышения эффективности бизнес-процессов организации, согласно Lean, является минимизация любой деятельности, которая потребляет ресурсы, но при этом не добавляет ценности конечному продукту с точки зрения потребителя.

Если предположить, что основным потребителем образовательных услуг в вузе является студент, а ценностью образовательного продукта — формируемые у него компетенции, то с точки зрения методологии Lean можно сделать следующие выводы:

1) вуз должен направить все ресурсы на развитие компетенций обучающихся;

2) процессы, которые не развивают компетенций, должны быть по возможности устранены, а в случае невозможности этого необходимо минимизировать ресурсы, затрачиваемые на данные процессы.

Исходя из подобной трактовки, к деятельности, добавляющей ценность, относятся все виды аудиторной работы, а также управление самостоятельной работой студентов. При этом к потерям следует отнести практически всю внеаудиторную деятельность преподавателей, в том числе разработку учебно-методического обеспечения образовательных программ. Однако это противоречит позиции Министерства образования и науки Российской Федерации, которое ежегодно ужесточает требования к оформлению входящих в учебно-методическое обеспечение документов, а также определяет качество этих документов как ключевой критерий качества образовательного процесса, проверяемый при аккредитации. Таким образом, деятельность, связанную с разработкой учебно-методического обеспечения, следует отнести к потерям первого рода (неустранимым). Следует заметить, что в образовательных процессах присутствуют и другие потери, которые с точки зрения Lean должны быть выявлены и минимизированы.

В рамках данного исследования был проведен анализ потерь, связанных с развитием общекультурной компетенции «способность к коммуникации в устной и письменной формах на иностранном языке для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия». Проведенный опрос экспертов — преподавателей иностранного языка показал, что основные потери в их работе связаны со следующими факторами в порядке убывания их значимости (табл. 1).

Таблица 1 Результаты ранжирования потерь преподавателями трех вузов

	Общее	КГУ	СПбПУ	ДФУ
<i>Опрошено преподавателей</i>	61	12	11	7
<i>Коэффициент конкордации по оценкам внутри университета</i>	0,2	0,36	0,26	0,32
Необходимость составлять учебные программы, планы и т.п. документы	1	1	2	1
В один и тот же день занятия в разных учебных корпусах, расположенных на большом расстоянии друг от друга	2	4	3	7
Отсутствие аудио- и видеоборудования в аудиториях	3	3	1	5
Необходимость делать копии материалов к занятиям	4	6	6	2
«Окна» в расписании	5	2	7	9
Отсутствие доступа к Интернету в аудиториях	6	5	4	3
Организационно-методические обязанности	7	8	9	5
Необходимость заполнять журналы аттестации	8	10	11	4
Необходимость самостоятельно подбирать материалы (тексты, аудио- и видеофайлы и проч.) к занятиям	9	7	8	10
Отсутствие единого учебного пособия	10	12	10	8
В один и тот же день занятия по разным предметам или в группах разного уровня	11	14	5	14
Написание и публикация научных статей	12	9	13	11
Участие в научных конференциях	13	11	12	13
Руководство дипломными работами, магистерскими диссертациями	14	13	13	12

В опросе принял участие 61 преподаватель иностранных языков из 25 вузов РФ. Коэффициент конкордации W равен 0,2 ($< 0,5$). Это означает, что мнения экспертов несогласованны, т.е. среди них отсутствует единый взгляд на значимость факторов.

Естественной гипотезой, объясняющей такую низкую степень согласованности, является то, что мнения экспертов определяются вузом, в котором они работают. Например, преподаватели вузов, корпуса которых террито-

риально расположены далеко друг от друга, потери на перемещение между корпусами склонны считать значимыми, а соответственно преподаватели локально расположенных вузов — незначимыми.

Для проверки данной гипотезы были выделены группы преподавателей, работающих в следующих вузах:

- Костромской государственной университет (КГУ) им. Н.А. Некрасова — примерно 6 тыс. студентов (опрошено 12 преподавателей);
- Санкт-Петербургский политехнический университет (СПбПУ) Петра Великого — примерно 30 тыс. студентов (опрошено 11 преподавателей);
- Дальневосточный федеральный университет (ДФУ) — примерно 40 тыс. студентов (опрошено 7 преподавателей).

Результаты ранжирования мнений преподавателей приведены в табл. 1.

Как видно из результатов оценки, мнения преподавателей внутри каждого университета также имеют низкую согласованность ($W < 0,5$), при этом коэффициент конкордации полученных оценок между университетами W равен 0,74. Это говорит о том, что в целом коллективы преподавателей выбранных вузов очень близко оценивают значимость потерь. Таким образом, можно предположить существование некоторой универсальной иерархии потерь, которая определяется факторами, не зависящими от характеристик конкретного вуза. Однако приведенные в табл. 1 данные показывают, что, несмотря на наличие общих закономерностей, в каждом вузе присутствуют существенные отклонения от общего представления, которые и определяются результатами уже проведенной в вузе работы по выявлению и устранению потерь. Анализ таких отклонений и позволит выявить те потери, устранению которых в вузе не уделялось достаточного внимания, и, наоборот, те, по которым проведены работы с положительным результатом.

Наиболее значим для всех вузов фактор необходимости составления учебных программ и иных документов. Это коррелирует и с результатами опроса экспертов, проведенного на первом этапе исследования: эксперты поставили данный фактор на первое место. По отзывам преподавателей, именно эта «бумажная» работа отнимает время, которое можно было бы потратить на более тщательную подготовку к занятиям, подбор интересных материалов для студентов, проверку студенческих работ, саморазвитие и повышение квалификации.

Достаточно высока значимость фактора «отсутствие аудио- и видеоборудования в аудиториях». При этом наиболее значим данный фактор для преподавателей СПбПУ Петра Великого, что подтверждается реальным положением дел в этом университете: необходимое оборудование отсутствует в подавляющем большинстве аудиторий, где проводятся занятия по иностранным языкам со студентами всех направлений, кроме лингвистическо-

го. В КГУ и ДФУ этот фактор отмечен как немного менее значимый, однако проблемы с оборудованием есть и в этих вузах.

Потери, связанные с необходимостью подготовки копий материалов к занятиям, наиболее значимы для преподавателей ДФУ. Было сделано предположение, что в этом вузе есть проблемы с соответствующим оборудованием, отсутствующие в СПбПУ и КГУ. В дополнительном интервью сотрудники ДФУ подтвердили, что на кафедрах нет множительной техники, что и вызывает дополнительные затраты средств и времени преподавателей. Кроме того, в этом же вузе важен фактор отсутствия доступа в Интернет в учебных аудиториях. Администрации вуза следовало бы обратить внимание на этот факт, поскольку наличие выхода в Интернет могло бы решить и проблему, связанную с необходимостью делать копии учебных материалов для студентов. При наличии доступа в Интернет студенты могли бы пользоваться материалами, находящимися онлайн, при помощи ноутбуков и мобильных устройств. Опыт такой работы имеется в СПбПУ, однако его распространение также ограничивается тем, что не во всех аудиториях вуза возможно выйти в Интернет. Положительный опыт использования Интернета на занятиях по иностранному языку свидетельствует, что это направление, не принимаемое во внимание прежней парадигмой образовательного процесса, сейчас начинает играть все более важную роль. Его внедрение в вузах обходится сравнительно недорого, и поэтому администрации университетов следовало бы поставить обеспечение доступа в Интернет во всех аудиториях в ряд приоритетных задач.

Неожиданным результатом оказалось то, что фактор потерь «в один и тот же день занятия в разных учебных корпусах, расположенных на большом расстоянии друг от друга» имеет малый вес в ДФУ, где корпуса расположены на значительном расстоянии (до 40 км) друг от друга. Дополнительные интервью с преподавателями этого вуза подтвердили, что в ДФУ ликвидированы потери, связанные с расстоянием, и преподавателям иностранного языка не приходится ездить в один и тот же день на занятия в разные здания. Обычно занятия проходят в одном корпусе, и если преподаватели ведут занятия не на специальном факультете, они постоянно работают в здании факультета, к которому прикреплены. На случай необходимости (заседание кафедры и т.п.) преподаватели ДФУ могут воспользоваться служебными автобусами, курсирующими между учебными и административными корпусами.

Наиболее значим этот критерий для СПбПУ, где многочисленные корпуса расположены на достаточно обширной территории между тремя станциями метро. При этом особенность организации учебного процесса в этом вузе заключается в том, что занятия по иностранным языкам для студентов неязыковых направлений проводятся в помещениях, принадлежащих соот-

ветствующим институтам, а не в здании, где находятся кафедры иностранных языков. Поэтому преподавателям иностранного языка приходится в течение рабочего дня перемещаться в разные корпуса, что занимает время, не позволяет в достаточной мере отдохнуть между занятиями и закономерно считается преподавателями одним из факторов потерь.

Аналогичная ситуация сложилась и в КГУ им. Н.А. Некрасова, где потери, связанные с занятиями в разных корпусах, имеют высокую значимость, несмотря на то что все здания университета расположены на расстоянии 100 м друг от друга. Это связано с особенностями составления расписания в этом вузе: данная функция спущена на уровень институтов/факультетов, которые составляют расписания, в первую очередь ориентируясь на своих преподавателей, а уж затем на преподавателей других факультетов. Более всего от этого страдают преподаватели общеуниверситетских кафедр, вынужденные переходить из здания в здание почти после каждого занятия. Если учесть, что в КГУ нет больших перемен, это приводит к тому, что у преподавателей практически отсутствует время на отдых. По этой же причине в КГУ высоко значимы потери «окна» в расписании». Таким образом, очевидна необходимость изменения подходов к составлению расписания в СПбПУ и КГУ с целью его оптимизации.

На основе подобного сравнения можно провести исследования в других вузах, что позволит выделить наиболее значимые потери и предложить меры по их ликвидации или сокращению.

Чтобы в дальнейшем понять, чем определяется позиция того или иного преподавателя, было сделано предположение, что среди опрошенных преподавателей есть группы экспертов с совпадающими представлениями. Чтобы выявить подобные группы, все множество анкет было разбито на два кластера, для чего использовался метод k -средних с начальным равномерным расположением центров кластеров [Денисов, 2007]. Мнения экспертов в каждой группе проверялись на согласованность, и если коэффициент конкордации был меньше 0,5, то из опроса исключались наименее согласованные факторы. При этом были получены следующие результаты (табл. 2 и 3).

Как видно из результатов, основным признаком разделения на две группы стало различие в восприятии фактора отсутствия аудио- и видеоборудования в аудиториях. Так, примерно две трети преподавателей воспринимают отсутствие в аудиториях оборудования как наиболее значимый с точки зрения возникновения потерь фактор, а треть практически никак не связывает с ним возникающие потери. Подобное разделение определяется как условиями конкретного вуза, так и индивидуальным подходом опрошенных преподавателей к проведению занятий. Еще один важный вывод: большинство экспертов относят к значимым факторам, из-за которых возникают потери,

Таблица 2. Группа 1 из 2 (18 анкет / 29,5%)

Фактор	Средний вес	Вывод
Необходимость составлять учебные программы, планы и т.п. документы	4,06	Значимо
Организационно-методические обязанности	3,5	Сомнительно
Участие в научных конференциях	2,11	Не значимо
Отсутствие аудио- и видеоборудования в аудиториях	2	Не значимо

Таблица 3. Группа 2 из 2 (43 анкеты / 70,5%)

Фактор	Средний вес	Вывод
Отсутствие аудио- и видеоборудования в аудиториях	4,77	Значимо
Необходимость составлять учебные программы, планы и т.п. документы	4,40	Значимо
Отсутствие доступа к Интернету в аудиториях	4,37	Значимо
Необходимость делать копии материалов к занятиям	4,33	Значимо
Написание и публикация научных статей	2,65	Сомнительно
Участие в научных конференциях	2,47	Не значимо
Руководство дипломными работами, магистерскими диссертациями	2,23	Не значимо

необходимость составлять учебные программы, планы и т.п., а к незначимым — необходимость участия в научных конференциях. Последнее обусловлено тем, что большинство опрошенных преподавателей воспринимает научные конференции не как потери, а как возможность саморазвития либо считают научную деятельность обязательной для преподавателей.

Таким образом, проведенный анализ показал, что наиболее значимыми факторами потерь для преподавателей иностранного языка, работающих в различных вузах России, являются отсутствие аудио- и видеоборудования в аудиториях; отсутствие доступа к Интернету в аудиториях и необходимость составлять учебные программы, планы и прочие организационно-методические документы. Первые два вида потерь являются устранимыми, это исключительно технические проблемы, связанные с недостаточным выделением финансовых средств и человеческих ресурсов на техническое оборудование аудиторий в соответствии с требованием времени.

Фактор необходимости подготовки организационно-методических документов значим для преподавателей всех вузов, он оценивается подавляющим большинством как наиболее серьезная причина потерь. Однако, поскольку наличие в вузе подобных документов регламентировано требованиями Министерства образования и науки Российской Федерации, данные потери можно считать неустраняемыми. Тем не менее, поскольку эти потери являются весьма существенными, их необходимо каким-то образом минимизировать. Одним из вариантов решения может стать поручение основной нагрузки по подготовке документов административному персоналу.

Подводя итоги исследования, можно сделать вывод о применимости методологии Lean к управлению образовательными системами. Результаты позволяют сделать практически важные выводы и привести к формулированию управленческих решений по улучшению образовательной деятельности вуза.

В рамках исследования в дальнейшем предполагается выделить большее число групп, например, через разбиение на 5 и 10 кластеров. Однако это возможно только при увеличении количества опрашиваемых преподавателей. Это позволит вузам вовлекать большее количество преподавателей в процедуры устранения потерь и через это — в повышение эффективности работы университета.

Источники

Александрова С.А. Модернизация системы управления образовательным учреждением на основе принципов «бережливого производства» / Александрова С.А., Лихтер А.М., Меркулов Д.И., Меркулова А.М. // Вестн. АГТУ. Сер.: Экономика. 2013. № 1. С. 162–168.

Денисов А.Р. Сравнение методов кластерного анализа // Инф. технологии. 2007. № 3. С. 7–9.

Жабреев В.С., Давыдова Н.Д., Буденный С.П. Проблемы и средства повышения квалификации кадров в области менеджмента // Науч.-теорет. журн. 2012. Вып. 2 (11). С. 41–51.

Balzer W.K. Lean Higher Education: Increasing the Value and Performance of University Processes. N.Y.: Productivity, 2010.

Francis D.E. Lean and the Learning Organization in Higher Education // Canadian J. of Educational Administration a. Policy. 2014. Iss. 157. P. 1–23.

Langer T. The Application of Lean Thinking for Improving Processes in Higher Education Institutions: Evidence from three UK Case Studies. Belfast: Queen's Univ., 2011.

РУССКИЙ ЯЗЫК
В МНОГОЯЗЫЧНОМ
МИРЕ

В.Ю. Апресян

Научно-исследовательский
университет
«Высшая школа экономики»

ПСЕВДО- СИНОНИМИЧНЫЕ РУССКИЕ КОНСТРУКЦИИ *у X-а Y И у X-а есть Y* В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА¹

Введение

В статье анализируются различия между русской посессивной конструкцией с глаголом *быть* в нулевой форме (*У Васи голубые глаза*) и со словоформой *есть* (*У Васи есть домик в Болгарии*).

Этим конструкциям посвящена немалая лингвистическая литература. Упомянем в первую очередь следующие работы: [Селиверстова, 1973; Арутюнова, 1976; Арутюнова, Ширяев, 1983; Апресян, 1995, 2014; Янко, 2001; Мелиг, 2004], а также [Тестелец, 2008; Падучева, 2013; Летучий, 2016].

В данной работе эти псевдосинонимичные конструкции рассматриваются под новым углом зрения, а именно в контексте ошибок, которые допускают в их употреблении студенты, изучающие русский язык в качестве иностранного, а также эритажные носители РЯ; о языковых процессах в языке эмиграции см.: [Гловинская, 2000, 2001, 2005], об эритажном РЯ см.: [Выренкова и др., 2014].

В работе анализируются данные подкорпуса академического письма Русского учебного корпуса (Russian Learner Corpus — RULEC), где представлены тексты эритажных носителей русского языка и продвинутых англоязычных

¹ Статья подготовлена в ходе проведения исследования «Мультиязыковая база данных синонимов: теоретические и компьютерные модели» (№ 16-05-0054) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2016 г. и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

студентов РКИ. Всего рассматривается 400 примеров употребления посессивной конструкции с нулевым и полным глаголом. Цель исследования состоит в том, чтобы сформулировать семантические и прагматические правила, регулирующие употребления обеих конструкций, и установить корреляцию между характером этих правил, с одной стороны, и частотой и характером ошибок в их употреблении иностранцами и «эритажниками» — с другой.

Правила употребления посессивных конструкций с нулевым и полным глаголом

Семантические правила

Наиболее общие семантические правила употребления этих посессивных конструкций сформулированы в работах [Селиверстова, 1973, с. 97; Апресян, 1995, с. 522–524; Янко, 2001, с. 310].

Согласно [Селиверстова, 1973], посессивная конструкция *у X-а есть Y* сообщает о наличии, существовании объекта Y у человека X; ср.:

(1) *У вас есть что-нибудь в кармане?*

С этим связано прагматическое ограничение на употребление определения в конструкции с *есть*; ср. контрастные примеры из цитированной работы²:

(2) **У вас есть хорошая дочь?*

(3) *У вас есть дети дошкольного возраста?*

При употреблении с определением конструкция *у X-а есть Y* предполагает, что у X-а обязательно есть и другие представители класса Y; см. об этом: [Селиверстова, 1973, с. 97; Арутюнова, 1976; Арутюнова, Ширяев, 1983, с. 8; Падучева, 2013, с. 120], в то время как конструкция *у X-а Y* не предполагает, что у X-а есть и другие представители класса Y, хотя и не исключает этого полностью:

(4) *У него есть хорошие студенты (есть и плохие).*

(5) *У него хорошие студенты (по умолчанию понимается, что все студенты хорошие);*

ср., однако:

² Необходимо отметить, что это касается не всех семантических классов объектов; так, совершенно нормальна фраза «*У вас есть хорошие студенты?*».

(6) *У него в целом хорошие студенты, но есть и плохие.*

Конструкция у *X-a Y*, согласно [Селиверстова, 1973], в первую очередь передает информацию о том, к а к о й и м е н н о Y имеется у X-a:

(7) *У него хорошая жена.*

В работе [Апресян, 1995, с. 523] это семантическое правило уточняется для разных лексико-семантических классов объектов: «в сочетании с названиями инструментов и средств возможно противопоставление: первая чаще выражает значение актуального обладания, а вторая — значение обладания вообще; ср.: *У него пластиковые лыжи* (и поэтому он так быстро бежит) — *У него есть пластиковые лыжи*». В работе [Янко, 2001, с. 310] это противопоставление описывается в терминах «явление» vs. «сущность». При этом противопоставление идеи обладания и идеи признака имеющегося объекта сохраняется: во фразе со словоформой *есть* подчеркивается идея обладания, во фразе с нулем подчеркивается признак объекта.

Однако если конструкция у *X-a есть Y* всегда выражает смысл наличия, что определяет и другие ее лингвистические особенности, то для конструкции у *X-a Y* функция характеристики имеющегося объекта является частотной, но не единственной возможной. Ср. следующие примеры, где она выражает смысл наличия:

(8) *У меня к нему дело.*

(9) *У него болезнь Альцгеймера.*

Таким образом, можно сказать, что семантически конструкция со словоформой *есть* более четко маркирована, поскольку выражает всегда лишь один смысл, а конструкция с нулевой связкой — более нейтральна, поскольку может выражать разные смыслы (о маркированности конструкции с *есть* см.: [Селиверстова, 1973]).

Коммуникативные правила

В разных работах также отмечается, что глагол *есть* и вся идея наличия в конструкции с ним является новой и легко поддается контрастной рематизации (ср., например: [Селиверстова, 1973, с. 97; Арутюнова, 1976, с. 275–276; Апресян, 1995, с. 234]); ср. контрастное акцентное выделение во фразе:

(10) *У меня ЕСТЬ эта книга.*

Конструкция с нулем относительно идеи наличия коммуникативно не маркирована; информация о наличии объекта может быть как новой, так и старой:

(11) *У него большая квартира* (старая информация).

(12) *У него проблемы* (новая информация).

Таким образом, можно сказать, что с точки зрения актуального членения конструкция со словоформой *есть* также более четко маркирована.

Сочетаемость правила

Сочетаемость правила употребления обеих конструкций подробно описаны в работе [Апресян, 2014]. Ниже приводятся уточненные данные из этой работы (табл. 1).

Как видно из табл. 1, строгих семантических и сочетаемостных запретов на употребление посессивных конструкций немного. В основном употребление обеих конструкций регулируется с прагматической точки зрения, поскольку оценка того, насколько объект является нетривиальным (*ложка vs. украшения, фамилия vs. семья*), уникальным и единственным (*семья vs. племянник*), ненормальным или нормальным (*насморк vs. аппетит*), зависит от конвенциональных импликатур, свойственных данному языку, а также от позиции говорящего. Кроме того, в большинстве случаев невозможность употребления снимается контекстом: так, для конструкции с нулем полные запреты вообще отсутствуют, поскольку введение определения, как правило, делает конструкцию возможной; для конструкции с полным глаголом жесткие запреты есть (употребление с названиями частей тела и других уникальных и неотъемлемых атрибутов), однако и она возможна для большинства семантических классов, причем, в отличие от конструкции с нулевой связкой, во многих случаях предпочитает употребление объекта без определения.

Таблица 1. Сочетаемость посессивных конструкций с разными семантическими типами объектов

Тип объекта	Конструкция с <i>есть</i>	Конструкция с нулевой связкой
Объект недвижимости: <i>дом</i>	<i>У него есть квартира</i>	Только с определением: <i>У него большая квартира</i>
Нетривиальный объект недвижимости: <i>дворец</i>	<i>У него есть дворец</i>	<i>У него дворец</i>
Личный утилитарный объект: <i>чашка, ложка</i>	Естественно с определением: <i>У него есть деревянная ложка</i> (постоянное обладание)	Только с определением: <i>У него деревянная ложка</i> (актуальное обладание)

Тип объекта	Конструкция с <i>есть</i>	Конструкция с нулевой связкой
Нетривиальный личный утилитарный объект: <i>украшения</i>	<i>У нее есть украшения</i>	Только с определением: <i>У нее золотые украшения</i> (актуальное обладание)
Неотъемлемый уникальный атрибут	? <i>У него есть фамилия</i> * <i>У него есть русская фамилия</i>	Только с определением: <i>У него русская фамилия</i>
Неотъемлемый уникальный нетривиальный атрибут	<i>У него есть семья</i> * <i>У него есть большая семья</i>	<i>У него семья</i> <i>У него большая семья</i>
Время как ресурс: <i>пять минут</i>	<i>У меня есть пять минут на это дело</i>	Только с определением: <i>У меня ровно пять минут на это дело</i>
Время как период: <i>детство</i>	* <i>У него есть счастливое детство</i>	<i>У него счастливое детство</i>
Физические ресурсы	<i>У меня есть бутерброды</i>	Только с определением: <i>У меня вкусные бутерброды</i> (актуальное обладание)
Нефизические ресурсы	<i>У него есть возможности</i>	Только с определением: <i>У него большие возможности</i>
Нормальное физическое состояние	<i>У него есть аппетит</i>	Только с определением: <i>У него хороший аппетит</i>
Нормальное ментальное состояние: <i>мнение</i>	<i>У него есть мнение</i>	Только с определением: <i>У него другое мнение</i>
Ненормальное физическое или ментальное состояние: <i>болезнь Альцгеймера</i>	Только с контрастной ремой: <i>У него ЕСТЬ болезнь Альцгеймера</i>	<i>У него болезнь Альцгеймера</i>
Физический дефект	<i>У нее есть прыщи</i>	<i>У нее прыщи</i>
Нетривиальная желательная ситуация: <i>счастье</i>	Только с контрастной ремой: <i>У него ЕСТЬ радости</i>	<i>У него радость</i> <i>У него большая радость</i> (актуальное обладание)
Нетривиальная нежелательная ситуация: <i>проблемы</i>	<i>У него есть проблемы</i>	<i>У него проблемы</i> <i>У него большие проблемы</i>
Обязательные части тела: <i>глаза, ноги</i>	* <i>У него есть голубые глаза</i>	<i>У него голубые глаза</i>
Необязательные части тела: <i>борода</i>	Только без определения: <i>У него есть борода</i> * <i>У него есть длинная борода</i>	<i>У него борода</i> <i>У него длинная борода</i>

Обобщение: правила использования посессивной конструкции с полным и нулевым глаголом

Конструкция у X-а есть Y

Конструкция у X-а есть Y без определения при Y имеет значение обладания и подчеркивает факт обладания в противоположность его отсутствию. Она не используется или неестественна в контекстах, когда речь идет о таких объектах, которые в норме есть у всех — в первую очередь о частях тела и обязательных атрибутах человека.

Конструкция у X-а есть Y с определением P при Y имеет значение обладания и подчеркивает факт наличия среди других типов Y-ов, которыми обладает X, Y-ов с признаком P в противоположность другим Y-ам. Поэтому конструкция у X-а есть P Y с определением не используется в контекстах, когда число объектов — один или другое малое число, или когда они не могут быть гетерогенными:

(13) У него есть семья, но не *У него есть хорошая семья.

(14) У него есть седые волосы, но не *У него есть белокурые волосы.

Конструкция у X-а Y

Конструкция у X-а Y с определением обычно вводит идею обладания объектом в качестве известной, а признаки объекта — в качестве новой.

Использование без определения возможно, если речь идет о нетривиальных объектах, ситуациях и состояниях; тогда подчеркивается факт обладания: *А у папи у ее дача в Павшино* (А. Галич).

Ошибки в употреблении посессивных конструкций с нулевым и полным глаголом

Ошибки вида «полный глагол вместо нулевой связки»

Во всех примерах из RULEC мы указываем в скобках статус «автора» ошибки — L2 (студент, изучающий русский язык как иностранный) или L1 (эритажный носитель языка). Ошибка выделяется подчеркиванием. Ошибок употребления глагола *есть* в контекстах, где он запрещен (с неотъемлемыми и уникальными атрибутами), встретилось всего три.

(15) **Моя сестра Лорен и я звучат очень хорошо, когда мы поем вместе, потому что у нас есть похожие голоса*³ (L2).

³ Здесь и далее в примерах сохранена оригинальная орфография и пунктуация.

- (16) *Я люблю посещать Сан-Антонио, там живет моя семья. У меня есть малинки семья — это только я с родителями. Мать — не работает и мой отец бизнесмэн (L2).
- (17) *Когда он приехал в Сан-Франциско, кто-то сказал ему: Никто не даст вам работу, если у вас есть такое имя и фамилия (L2).

Несколько чаще встречаются замены нулевого глагола на полный в контекстах, где уникальность и неотъемлемость объекта являются прагматически естественными импликатурами, но не задаются самим лексическим классом объекта (в отличие от частей тела, имени, фамилии и проч.). Это часто происходит, когда объект является ситуацией или ментальным состоянием и имеет определение; ср. примеры ниже.

Ситуации

- (18) ?Здесь, конечно, трудно не соглашаться, потому что «определенная ситуация» у каждого есть своя (L2).
- (19) ?Он заступал за слабых и помогал тем, кто нуждался. У каждого есть своя жизнь (L1).
- (20) ?Если ты сказал «мэр», то ты прав! Но в Портленде у нас есть своя система (L2).

Нормальные ментальные состояния

- (21) ?Хотя я сказала, что я надеюсь на способность человечества стремиться к лучшему, я все-таки согласна с тем, у кого есть более негативное представление будущего России (L2).
- (22) ?У Венечки есть особенное представление города Петушки (L2).
- (23) ?У всех есть разные идеи о том, какие привычки полезные или вредные (L2).

Во всех примерах более естественным было бы употребление нулевого глагола, задающего импликатуру не-множественности: действительно, у человека обычно одна жизненная ситуация, в которой он в данный момент находится, одна жизнь, одно мнение по каждому поводу, одно представление о каждом объекте. Однако здесь требование единственности не является таким прагматически категоричным, как в случае, если речь идет о *голове*, о *семье*, об *имени* и *фамилии*.

Ошибки вида «нулевая связка вместо полного глагола»

Этот тип ошибок встречается чаще, чем замена нулевого глагола полным. Замена полного глагола нулевой связкой, как правило, воспринимается

как прагматическая неловкость или стилистическая шероховатость, но не производит впечатления грубой ошибки. На 400 проанализированных примеров употребления обеих конструкций встретилось 18 ошибок такого рода (т.е. в 2 раза больше, чем обратных ошибок). Ниже приводятся примеры замены полного глагола нулевым с разными лексико-семантическими классами объектов.

Ресурсы

- (24) *Люди с ограниченными возможностями заслуживают шанса жить в обществе. Кроме того, если у них доступ к транспорту и другим услугам, тогда представление о них тоже может улучшиться (L2).*
- (25) *Итак, во втором семестре у нас возможность не только учиться, но что-то делать со знаниям русского языка (L2).*
- (26) *Американские граждане прекрасно знают, что у них свобода говорить все угодно особенно о властях (L2).*
- (27) *На пример у всех право на жительства и поэтому мы помогаем тех, у кого нет (L2).*
- (28) *Однако у ученых ресурсы и знание, которые могли бы помочь людям (L2).*
- (29) *Я мало знаю о праве женщин в России, но у них права голосовать и работать в почти всех профессиях (L2).*

В сочетаниях с названиями объектов, которые принадлежат к семантическому классу ресурсов, замена полного глагола на нулевой воспринимается как достаточно серьезная ошибка. Дело в том, что лексический контекст ресурсов фокусирует внимание на идее обладания, которая является центральной для семантики посессивной конструкции с полным глаголом, поэтому его отсутствие очень заметно.

С другой стороны, употребление с названиями необязательных атрибутов и ментальных состояний человека способствует размыванию границ между двумя конструкциями; есть контексты, где могут быть употреблены обе конструкции, например, с выражением *страсть к чему-л.*; ср.:

(30) *У него есть страсть к охоте.*

vs.

(31) *У него с детства страсть к охоте.*

При этом в примере (30) несколько лучше использовать конструкцию с полным глаголом, поскольку в ней подчеркивается наличие особенности у человека, а в (31) — конструкцию с нулевой связкой, поскольку она вво-

дит характеристику этой особенности. Нижеследующие примеры ошибок демонстрируют употребление нулевого глагола в контекстах, которые скорее привлекают внимание к наличию чего-либо, чем являются характеристикой имеющегося объекта. Поэтому в них несколько более уместным было бы использовать полный глагол, но и нулевой глагол не вызывает ощущения, что его употребили неправильно.

Необязательные атрибуты и ментальные состояния человека

(32) Конечно у нее акцент, но она почти владеет языком (L2).

(33) У него любовь к экзотике (L2).

(34) Прежде всего у него жажда знаний (L2).

(35) ?Я обычно не езжу далеко от центра города. А сегодня у нас цель! (L2).

Анализ корреляций между типами правил и типами ошибок

Как было отмечено, ошибок в употреблении посессивных конструкций у продвинутых студентов встречается немного. На 400 примеров употребления обеих конструкций встретилось 32 ошибки, т.е. правильные употребления у продвинутых носителей составляют более 90%. При этом у эритажных носителей ошибок на употребление посессивных конструкций с нулем и полным глаголом практически не встретилось (на 32 ошибки только одна принадлежит информанту-эритажнику), из чего можно сделать вывод, что данные конструкции усваиваются на достаточно ранних стадиях овладения языком и входят в базовый костяк языковой компетенции.

Заметим также, что неправильная замена конструкции с нулем на конструкцию с полным глаголом встречается в 2 раза реже, чем неправильная замена конструкции с полным глаголом на конструкцию с нулем; и это при том, что в основном языке информантов (английском) конструкции с нулевым глаголом вообще отсутствуют, а идея обладания выражается аналитически — глаголом *to have*.

Это свидетельствует о том, что само по себе несовпадение устройства некоторой языковой зоны в L1 и L2 не приводит к автоматической интерференции L1 в L2. Несовпадающие компоненты усваиваются тем лучше, чем более четкими правилами регулируется их употребление и чем на большем числе языковых уровней эти правила проявляются.

Конструкция у *X-а есть Y* маркирована семантически, коммуникативно и сочетаемостно, что выражается, в частности, в наличии строгих лексиче-

ских запретов, например, невозможности употребления с названиями частей тела и обозначениями других неотъемлемых атрибутов, которые при этом являются единственными или немногочисленными.

Судя по проанализированным данным, на правильность употребления влияет именно наличие запретов, т.е. отрицательные правила, которые, с одной стороны, облегчают правильное употребление, а с другой — делают совершаемую ошибку более грубой. Так, среди ошибок замены конструкции с нулевой связкой конструкцией с полным глаголом наименьшее число ошибок встретилось в зоне прямых запретов, т.е. с названиями неотъемлемых уникальных атрибутов (**есть похожие голоса*, **есть маленькая семья*, **есть такое имя и фамилия*), причем эти ошибки оказались наиболее грубыми.

Ошибки замены нулевого глагола полным с объектами из класса ситуаций и класса нормальных ментальных состояний (*?У всех есть разные идеи о том, какие привычки полезные*, *?«Определенная ситуация» у каждого есть своя*) встретились чаще, поскольку в этих семантических классах отсутствует строгий запрет на употребление конструкции с *есть*. Так, хотя в этих классах предпочтительно употребление конструкции с *есть* без определения, с определением она также иногда встречается; ср.: *У меня есть большое желание ему врезать*; *У него есть хорошая идея по поводу нового бизнеса*, но не *?У него есть большая энергия*, *?У него есть правильное мнение*. Суждение о том, когда употребление этой конструкции в контексте данного семантического класса возможно при наличии определения, а когда нет, основывается на прагматических соображениях и не может быть выражено в виде четких семантических и лексических запретов. Ошибки этого типа воспринимаются как менее грубые.

Ошибок замены полного глагола на нулевой встретилось больше, поскольку у конструкции с нулем запреты не являются строгими, а носят характер прагматических предпочтений. При этом, как было сказано, прагматические ошибки воспринимаются как менее грубые, чем семантические и сочетаемостные. Ср., например, классы «ресурсы» и «нормальные состояния», где употребление конструкции без определения прагматически странно, но с определением возможно, хотя в разной степени для разных определений:

- (36) *?У него возможности.*
- (37) *?У него возможность помочь ей.*
- (38) *?У него права.*
- (39) *У всех граждан равные права.*

Источники

Апресян Ю.Д. Лексикографические портреты (на примере глагола *быть*) // Интеграл. описание языка и систем. лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. С. 503–637.

Апресян Ю.Д. Статья глагола БЫТЬ // Актив. слов. рус. яз. Т. 1: А–Б. М.: Языки славян. культуры, 2014. С. 394–401.

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1976. С. 274–283 (о типах русских бытийных предложений).

Арутюнова Н.Д., Ширяев Е.Н. Русское предложение. Бытийный тип. М.: Рус. яз., 1983.

Выренкова А.С., Полинская М.С., Рахилина Е.В. Грамматика ошибок и грамматика конструкций: «эритажный» («унаследованный») русский язык // Вопр. языкознания. 2014. № 3. С. 3–19.

Гловинская М.Я. Новое в функционировании видо-временных форм (на материале языка метрополии и эмиграции) // Sprachwandel in der Slavia. Die Slavischen Sprachen an der Schwelle des 21. Jahrhunderts. Ein Intern. Handb. / Hrsg. L. Zybatov. Frankfurt a.M., 2000. S. 159–182.

Гловинская М.Я. Общие и специфические процессы в языке метрополии и эмиграции // Язык рус. зарубежья. Общие процессы и речевые портреты / отв. ред. Е.А. Земская. М.: Языки славян. культуры, 2001. С. 341–492.

Гловинская М.Я. Общие типы изменений в языке первого поколения эмиграции // Slavica Helsingiensia. Vol. 24: Русскояз. человек в инояз. окружении / под ред. А. Мустайоки, Е. Протасовой. Helsinki Univ. Press, 2004. P. 13–20.

Гловинская М.Я. Оценка в составе речевого акта // Язык. Личность. Текст: сб. ст. к 70-летию Т.М. Николаевой / ред. В.Н. Топоров. М.: Языки славян. культуры, 2005. С. 201–208.

Мелиг Х.Р. Оппозиция «*есть* vs. нулевая форма» в русских бытийных предложениях при отнесенности к конкретно-предметным референтам: Сопоставление с соответствующей конструкцией с глаголом *haben* в немецком языке // Сокровен. смыслы. Слово. Текст. Культура: сб. ст. в честь Н.Д. Арутюновой. М.: Языки славян. культуры, 2004. С. 437–450.

Падучева Е.В. Русское отрицательное предложение. М.: Языки славян. культуры, 2013. С. 120–122 (о семантике русского бытийного предложения).

Селиверстова О.Н. Семантический анализ предикативных притяжательных конструкций с глаголом *быть* // Вопр. языкознания. 1973. № 5. С. 95–105.

Тестелец Я.Г. Структура предложений с невыраженной связкой // Динамич. модели. Слово, предложение, текст: сб. ст. в честь Е.В. Падучевой. М.: Языки славян. культуры, 2008. С. 774–789.

Янко Т.Е. Коммуникативные стратегии русской речи. М.: Языки славян. культуры, 2001. (Studia philologica) (о коммуникативной структуре русских бытийных предложений).

А. Бергманн
У. Яжинова

Берлинский университет
им. Гумбольдта

РАБОТА С КОРПУСОМ В РАЗВИТИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО: ПРЕДПОСЫЛКИ И ФАКТОРЫ УСПЕШНОГО ПРИМЕНЕНИЯ РЕСУРСА

Появление и развитие корпусной лингвистики, параллельное создание новейших корпусов изменило подход к языку и его рассмотрение в целом. За последнее время были созданы различные корпуса, отвечающие разнообразным научно-лингвистическим потребностям, рассчитанные как для узкоспециализированных лингвистических исследований, так и для более широкого круга пользователей (вне лингвистических дисциплин). Многогранность и многофункциональность корпусно-лингвистического анализа как инструмента для работы с языком и сама цель корпусных исследований и корпусного дизайна — фиксация и интерпретация аутентичного языкового материала (*natural authentic language*) в его постоянном изменении — требуют от нас пересмотра изначальных терминов, методик интерпретации полученных языковых данных и сферы, специфики их применения.

В рамках данной статьи мы обсудим вопрос о более эффективном интегрировании корпусных ресурсов в два взаимосвязанных процесса — преподавания и изучения языка вне языковой среды. Наши наблюдения основываются на актуальной ситуации, сложившейся и характерной для преподавания и изучения русского языка как иностранного за рубежом. Исходные положения подтверждаются также итогами опросов и опытом практического внедрения корпусной работы со студентами-славистами и преподавателями русского языка как иностранного в Германии. Нашей целью является раз-

вятие модели и определение факторов успешного использования корпуса в процессе преподавания и изучения русского языка как иностранного вне языковой среды.

Целесообразность применения корпусных ресурсов и методик в преподавании иностранных языков широко обсуждалась на начальных этапах развития корпусной лингвистики в целом. Не углубляясь в детали, мы лишь обобщим основные преимущества работы с корпусными ресурсами (вне зависимости от языка).

1. Принципы и природа корпусного дизайна (в идеале) определяют его как ресурс, фиксирующий языковую норму и ее варианты (корпус как зеркало языковой вариативности). Корпус фиксирует не только нормированные употребления, но и речевые, лексические, грамматические, синтаксические варианты. При этом встроенные корпусные ресурсы, так называемые фильтры, дают пользователю возможность определить причины варьирования (регистр, временные показатели, морфологические, синтаксические, лексические ограничения и т.п.). Таким образом, пользователь имеет возможность «встроить» выбранный им языковой элемент, языковое явление в более широкий контекст. Это отличает корпус от «традиционных» ресурсов (словарей, грамматик), которые даже в электронном онлайн-варианте фиксируют состояние языковой системы в определенный момент (статичное отображение).

2. Корректное использование корпусных данных не только позволяет углубить собственные речевые навыки, языковые компетенции, но и повышает процессы языковой саморефлексии и может служить улучшению лингвистических компетенций.

Применение корпусной лингвистики в сфере преподавания языка представляется в основном в трех вариантах: 1) *косвенным способом*, т.е. использование корпуса для составления учебных материалов; 2) непосредственное *прямое пользование* корпуса субъектами учебного процесса; 3) *развитие корпуса* с учетом потребностей преподавателей или студентов (ср.: [Leech, 1991]). Интегрирование корпусных ресурсов включает две перспективы: 1) ориентация на преподавателя (*teacher-centred perspective*) и 2) ориентация на обучающегося студента (*learner-centred perspective*). Ряд работ, посвященных методическим вопросам использования лингвистического корпуса в классе, а также различных корпусных инструментов для изучения языков, показывает, что до сих пор преобладает *ведущая* деятельность преподавателя, и корпус используется косвенным образом для составления демонстрационного учебного материала, т.е. учебные действия организуются и управляются преподавателем, а корпус служит прежде всего источником лингвистической информации и аутентичных образцов речевой продукции. Такая информа-

ция касается как частотности и сочетаемости языковой единицы, так и вариативности в зависимости от жанра и стиля, а также прагматической значимости грамматических форм и категорий (ср., например: [Teaching..., 1997; Bernardini, 2000; Learning with Corpora, 2001; Sinclair, 2003, 2004; Römer, 2008; Mukherjee, Rohrbach, 2006] и др.).

За последнее время был опубликован ряд методологических разработок и примеров конкретной работы с языковыми корпусами и на примере русского национального корпуса (см., например: [Добрушина, 2005, 2009; Абыякая, 2007; Шмелева, 2007] и многие другие на образовательном портале Национального корпуса русского языка). Как показал опыт, наибольшие трудности при изучении языка вне языковой среды связаны с отсутствием «живых примеров», для восполнения этого пробела целесообразно пользоваться языковым корпусом. Однако опыт показывает, что студенты затрудняются перенести методологию на собственную деятельность и самостоятельно использовать корпусные ресурсы. Отсюда возникают вопросы, каким образом должно быть построено наиболее эффективное внедрение корпусной работы, какими знаниями и навыками должны обладать студенты для успешной работы с корпусом. Здесь следует отметить три факта.

1. При достаточно широком применении корпусных средств в преподавании английского и немецкого как иностранных языков это все еще остается дезидератом в преподавании и изучении славянских языков. В развитии типов заданий, педагогических принципов и учебных материалов для коммуникативно ориентированного преподавания языка обязательно надо учитывать морфологическую комплексность славянских языков, которая отличает их прежде всего от английского языка.

2. Зачастую такие исследования выполнены корпусными лингвистами, а не дидактиками. Корпусная лингвистика занимается теоретически обоснованным анализом языка на базе текстовых корпусов, результаты которого предназначены прежде всего для пользователей — профессионалов (лингвистов). Поэтому кажется необходимым следующий шаг: именно на базе материалов национальных корпусов должны создаваться и информационно-справочные системы, отображающие реализацию языковой системы и поддерживающие принципы и способы автоматизированной эксплуатации этих данных самостоятельно. В настоящее время, однако, хотя и считается, что потенциальными пользователями корпусов являются студенты, изучающие данный язык, и обучающие их преподаватели, дидактические перспективы эффективного внедрения корпусов остаются второстепенной задачей. Однако, как правило, такие ключевые вопросы, связанные с освоением языка (Как происходит учебный процесс на базе корпусных данных? Какие факторы влияют на успех и как можно оценить и встроить результа-

ты поиска в учебный процесс?), все еще мало учитываются при построении корпуса.

3. Рассматриваются только отдельные языковые феномены, не оцененные по релевантности в учебном процессе (ср.: [Adel, Zanin, 2011]).

Таким образом, несмотря на интерес и возрастающее количество подобного рода «справочников» (from how to do to how to use) с конкретными примерами и интерпретацией результатов, обещанная целесообразность использования ресурсов, «легкость» в обращении с аутентичными данными, их доступность на практике кажутся переоцененными и не находят применения. Причины такой ситуации могут быть как в том, что студенты испытывают трудности в постановке и конкретной формулировке вопросов, так и в самой процедуре поиска, а также в сфере интерпретации его результатов. Комплексные процессы интеракции субъектов обучения с корпусными ресурсами в процессе изучения иностранного языка пока недостаточно изучены. Другая сложность связана с тем, что результаты поиска упорядочены не по релевантности в учебном процессе, а по лингвистическим параметрам поиска. Для правильной интерпретации студенты должны осознать свои трудности, сформулировать вопросы в учебном процессе и соотнести их со своими лингвистическими знаниями, с одной стороны, и с результатами поиска — с другой. Однако до сих пор не существует единого мнения о том, какую роль играет *эксплицитное* (т.е. осознанное, сформулированное) *лингвистическое знание* в процессе изучения языка и в рамках коммуникативно-ориентированных уроков. Как известно, прежде всего в рамках деятельностного подхода такие знания не развиваются. С этим связана недостаточная разработанность дидактической концепции развития сознательного и (само)рефлексивного отношения к языку и процессу изучения языка (см.: [Bergmann, 2015]).

Кроме этого, многие преподаватели, особенно давно окончившие учебу в университете, просто не знают ресурса и не развивают навыков работы с электронными ресурсами, так как работа с корпусами не включена в образовательные программы профессиональной подготовки учителей.

Итак, опыт работы со студентами-славистами и преподавателями РКИ из немецких университетов показал, что существует «*лакуна недосыгаемости знаний*», так как нет соответствия между практическим применением, целесообразностью и теоретической обоснованностью внедрения корпусных ресурсов. При этом, говоря о преподавании или изучении языка, необходимо учитывать и специфику состава групп, учебного и языкового окружения и индивидуальных потребностей пользователей (студентов, преподавателей). Определение учебных потребностей связано со следующими вопросами.

- Происходит ли изучение языка вне языковой среды или непосредственно в языковой среде?

• Какова мотивация для изучения языка (речевая практика, преподавание языка)?

• Каков уровень владения языком, языковой саморефлексии, лингвистических знаний (филологи/нефилологи)?

• Является ли предмет изучения родным или иностранным языком (L1, L2/3) для студента?

• Является ли группа гомогенной/гетерогенной по предпосылкам и учебным потребностям?

В центре нашего интереса стоят две группы студентов — потенциальных пользователей корпусных ресурсов, — различающиеся по их деятельности по отношению к языку (эти группы, конечно, могут пересекаться и не являются взаимоисключающими).

Первая группа — это изучающие русский язык в рамках языковых курсов вне языковой среды, их целью является повышение уровня владения языком, ситуативно-адекватное использование речевых средств. Проблемы этой группы в большей степени связаны с речевыми ошибками, некорректным использованием грамматических правил, ограниченностью лексико-грамматического запаса. Как следствие, возникают сложности при создании собственных текстов, трудности в выборе подходящих языковых средств в соответствии с ситуацией общения или требованиями регистров, их стилистического оформления.

Приведем некоторые примеры¹.

(1) *На Вашем сайте я прочитала информацию о том, что в Вашей компании ООО «Вахтель-Сервис» есть вакансия офис-менеджера.*

(2) *У меня есть успешный практический опыт общих секретарских обязанностей, также имею опыт в ведение бухгалтерии и базы контактов клиентов, который мне удалось получить работая в турбюро.*

Как видно из примеров, сложности возникают в неумении выбрать и правильно использовать корректные принятые в русском языке конструкции при морфологической корректности высказывания.

Другая проблема касается стилистической уместности, соотносённости высказывания, употребления языковых средств в соответствии с прагматическими параметрами текста. Студенты часто пишут как говорят, тексты характеризуются элементами устной речи.

(3) *Так как я уже с 13 лет живу в Германии, где естественно получила и образование и опыт работы, я могу свободно говорить и писать на немецком языке, и конечно же имеются знания английского языка.*

¹ Здесь и далее в примерах сохранена оригинальная орфография и пунктуация.

- (4) *Мой родной язык русски, моя мама и мой папа разговаривают на русском языке. Здесь нас уже начинали учить читать по-русски, а также нам уже в садике преподавали английский язык.*
- (5) *Я уже с 4 лет могла читать. Немецкий мне дался как-то само собой.*
- (6) *К сожалению у меня с трудом получается разговаривать на английском.*

Подобные трудности в изучении конкретного языка представляют интерес с точки зрения не только дидактики языка, но и лингвистики: анализ учебных текстов дает возможность идентифицировать те конкретные правила и языковые механизмы, которые «трудно заметить, если они не нарушаются» [Рахилина, 2014, с. 16]. Правила комбинаторики, сочетаемости языковых средств, выбора слов в зависимости от прагматических показателей текста и потребностей целей коммуникации представляют собой другую форму лингвистических знаний, отличающуюся от грамматической парадигмы (например, склонения существительных, спряжения глаголов, синтаксических моделей и т.п.). В то время как носитель языка усваивает эти правила в определенной степени несознательно (имплицитное знание), неноситель языка должен выработать такие знания сознательно и (или) на базе многочисленных примеров живой речи (input). Именно в этой сфере мы наблюдаем существенные различия в процессе обучения между студентами с родным немецким и с родным русским языком (L1). Студенты-эритажники сейчас относятся в основном ко второму поколению мигрантов, их русский язык является устным вариантом, потому что они, как правило, не посещали русскую школу. Доминантным языком у них становится немецкий (L2), когда они поступают в школу. В отличие от студентов с родным немецким они обладают лексическим запасом и имплицитными грамматическими знаниями.

Вторая группа студентов — филологи на лингвистических семинарах (студенты-слависты), цель которых — стать филологами-русистами или преподавателями РКИ. Проблемы этой группы связаны прежде всего с отсутствием или «неотработанными» лингвистическими знаниями, навыками анализа языка и речи (ср.: [Mukherjee, Götz, 2015]). Они затрудняются связать лингвистические знания с индивидуальным учебным процессом. Мы предполагаем, что филологическое образование должно положительно повлиять на процесс овладения языком, но в настоящее время этот потенциал учитывается все еще не систематично, и сам процесс языкового самоанализа в рамках университетских программ развивается недостаточно. Опыт работы на лингвистических семинарах показывает, что студенты не разработали привычку саморефлексии, определения собственных учебных потребностей,

и, как следствие, возникают сложности в формулировании соответствующих вопросов.

Особый интерес в рамках нашего исследования представляет группа студентов — будущих учителей РКИ, так как у них две перспективы «вливаются» в одну: они должны, с одной стороны, повысить уровень языковой компетенции, а с другой — научиться не только анализу языка-предмета, но и анализу речевой продукции учеников и процесса изучения иностранного языка в целом. Сложности в этой группе возникают, по нашим наблюдениям, вследствие недостаточно высокого уровня владения языком, незнания или недостаточного усвоения парадигм, взаимосвязи грамматических категорий с прагматическими функциями и неосознанности функциональной дифференцированности речи. Отсутствие базисных знаний приводит к неумению работать с «широким контекстом» и неспособности объяснить причины языкового поведения. При анализе учебных текстов эти студенты часто ограничиваются перечислением и определением формально-структурных ошибок, прежде всего орфографического, морфологического, лексического характера. При элементарном синтаксическом разборе предложений им очень трудно судить о нужных или возможных альтернативах употребления конструкций, воспринять стилистические параметры текста.

Таким образом, суммируя вышесказанное и основываясь на практическом опыте работы со студентами на продвинутом этапе обучения, можно заключить, что основные проблемы возникают при необходимости дать оценку в соотношении *нормы* — «*допустимой нормы*» / *узуса, речевого варианта (ситуативного употребления)* — *речевой ошибки*²; неграмматичности языкового поведения, а также параметров приемлемости высказывания, адресованности и уместности выбранных языковых средств, востребованных на продвинутых уровнях европейской системы языковых компетенций (ср. ОКВИЯ).

Именно для работы с такими «языковыми контекстами» целесообразно использовать корпусные ресурсы. Однако, прежде чем внедрять различные элементы работы с корпусом, необходимо задаться вопросом: как связать различные компоненты в процессе овладения языком или обучения языку и корпусные ресурсы? В рамках данной статьи нам хотелось бы предложить модель использования корпусных ресурсов в преподавании РКИ вне языковой среды с учетом потребностей.

Итак, обе группы студентов объединяет прежде всего ситуация внеязыковой среды и цель — адекватное и эффективное использование языка. Их неоднородность основана на разнородности первичных языковых навыков и

² В рамках данной статьи мы не касаемся вопросов нормы и ошибки, критериев их определения.

имплицитных знаний; так, в первой группе изучающие обладают в определенной степени языковым чутьем, имплицитным лингвистическим знанием в сфере выбора конструкций (language patterns), а также в сфере грамматической правильности речи. Однако это знание является неосознанным (синтетическим). Потому в этой группе необходимо восстановить парадигму для корректного использования и объяснения подобного функционирования. В другой группе для дальнейшего оптимизирования навыков речевой деятельности необходимо развитие лингвистической интуиции; таким образом, главный вопрос заключается в том, как научить пользоваться языковым материалом и выработать лингвистические компетенции для оценки языковой вариативности и выбора языковых единиц.

* * *

Как показали наши наблюдения за различными группами пользователей, использование корпуса и его ресурсов может быть плодотворным в трех направлениях:

- 1) ресурс для создания материалов по изучению языка → демонстрация и языковая ориентация;
- 2) ресурс для автономного изучения языка → наблюдение за языковыми явлениями в широком контексте;
- 3) инструмент для анализа языка → иерархизация, систематизация явлений в системе языка.

Все эти процессы взаимодействуют на разных этапах обучения языку. Однако эффективная работа с корпусом может быть достигнута только при учете индивидуальных потребностей, ситуаций языкового общения, навыков и компетенций пользователей и систематичного встраивания корпусных методик и ресурсов. Именно при таком походе, на наш взгляд, удастся восстановить пробелы — на стыке системы и речи (реального языкового употребления) — и парадигму на основе актуальной языковой реализации элементов в соответствии с языковым контекстом.

В перспективы нашего исследования входят создание эффективной модели соответствия компетенции пользователей корпуса и корректное использование ресурсов корпуса для изучения языка или применение этих ресурсов в преподавании языка вне языковой среды. Наш проект основывается на конструктивистском и интерактивном подходах к изучению различных компонентов корпусной «грамотности» студентов как части профессиональной компетенции славистов и преподавателей РКИ. Мы предполагаем, что эффективное использование корпусных данных в учебном процессе основывается на лингвистических знаниях, с одной стороны, и соотносится с уровнем языковой компетенции — с другой. Чтобы понять и использовать

результаты корпусных запросов в учебных контекстах (DDL), сами субъекты обучения должны осознать специфику лингвистической информации, предоставленной языковыми корпусами. Мы предполагаем, что внедрение корпусной работы в процесс обучения иностранному языку увеличит количество данных для лингвистического анализа, и, более того, применение эпистемологических методов может породить качественно другой тип знаний по сравнению с использованием традиционных печатных ресурсов (грамматик, словарей). Нашей целью является моделирование условий и факторов обеспечения автономности студентов (профессионалов и непрофессионалов) в учебном процессе для эффективного использования и интегрирования корпусной информации в процесс обучения и преподавания языка за рубежом. В такой модели должны учитываться следующие факторы: методологическая компетентность преподавателя; базисная корпусная «грамотность» (corpus literacy) студентов, а также специфическое качество предоставленной корпусом лингвистической информации.

Источники

Аббякя О.В. Актуализация признаков концептов-мифологем (на материале Национального корпуса русского языка) // Нац. корпус рус. яз. и проблемы гуманитар. образования / отв. ред.-сост. Н.Р. Добрушина. М.: ТЕИС, 2007. С. 129–135.

Выренкова А.С., Полинская М.С., Рахилина Е.В. Грамматика ошибок и грамматика конструкций: «эритажный» («унаследованный») русский язык // Вопр. языкознания. 2014. № 3. С. 3–19.

Добрушина Н.Р. Как использовать Национальный корпус русского языка в образовании? // Нац. корпус рус. яз.: 2003–2005. М.: Индрик, 2005. С. 308–329.

Добрушина Н.Р. Корпусные методики обучения русскому языку // Нац. корпус рус. яз.: 2006–2008. Новые результаты и перспективы. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 335–352.

ОКВИЯ = *Общие европейские компетенции владения иностранным языком.* Страсбург: Департамент по языковой политике, 2005.

Шмелева Т.В. Задачник корпуса // Нац. корпус рус. яз. и проблемы гуманитар. образования / отв. ред.-сост. Н.Р. Добрушина. М.: ТЕИС, 2007. С. 25–34.

Bergmann A. Fokus auf Sprache im Russischunterricht // Praxis Fremdsprachenunterricht Russisch. 2015. Nr. 5. S. 9–11.

Bergmann A. Lernvoraussetzungen und Differenzierungsansätze im Russischunterricht: Einige Überlegungen für einen lernerorientierten schulischen Russischunterricht // Kompetenzorientierung u. Schüleraktivierung im Russischunterricht / Hrsg. A. Bergmann. Frankfurt a.M.: Peter Lang, 2016. S. 43–70.

Bernardini S. Competence, Capacity, Corpora: A Study in Corpus-Aided Language Learning. Bologna: CLUEB, 2000.

Korpora in Lehre und Forschung [Electronic resource] / Hrsg. A. Adel, R. Zanin. Bozen-Bolzano Univ. Press, 2011. URL: http://www.researchgate.net/profile/Andrea_Abel/publication/267448319_Korpora_in_Lehre_und_Forschung/links/5516ecf20cf2b5d6a0f098c1.pdf.

Learning with Corpora / G. Aston (ed.). Houston, TX: Athelstan, 2001.

Leech G. The State of the Art in Corpus Linguistics // English Corpus Linguistics / K. Aijmer, B. Altenberg (eds). Essex: Longman, 1991. P. 8–29.

Mukherjee J. Corpus Data in a Usage-Based Cognitive Grammar [Electronic resource]. URL: <http://www1.uni-giessen.de/anglistik/LING/Staff/mukherjee/pdfs/Corpus%20data%20in%20a%20usage-based%20cognitive%20grammar.pdf> (date of access: 27.05.2016).

Mukherjee J., Götz S. Learner Corpora and Learning Context // Cambridge Handb. on Learner Corpus Research / S. Granger, G. Gilquin, F. Meuniers (eds). Cambridge Univ. Press, 2015.

Mukherjee J., Rohrbach J.-M. Rethinking Applied Corpus Linguistics from a Language-Pedagogical Perspective: New Departures in Learner Corpus Research // Planning, Gluing a. Painting Corpora. Inside the Applied Corpus Linguist's Workshop / B. Kettemann, G. Marko (eds). Frankfurt a.M.: Peter Lang, 2006. P. 205–232.

Römer U. Corpora and Language Teaching // Corpus Linguistics. An Intern. Handb. / A. Lüdeling, M. Kytö (eds). Vol. 1. Berlin: Mouton de Gruyter, 2008. P. 112–130. (HSK Ser.).

Sinclair J. How to Use Corpora in Language Teaching. Amsterdam: Benjamins, 2004.

Sinclair J. Reading Concordances. L.: Longman, 2003.

Teaching and Language Corpora / A. Wichmann, S. Fligelstone, T. McEnery, G. Knowles (eds). L.: Longman, 1997.

Ф. Бьяджини

Болонский университет,
Италия

ВЫРАЖЕНИЕ УСТУПИТЕЛЬНОГО МЕЖФРАЗОВОГО ОТНОШЕНИЯ НА ПРОДВИНУТОМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ ПРИ ПОМОЩИ РУССКО- ИТАЛЬЯНСКОГО ПАРАЛЛЕЛЬНОГО КОРПУСА

Цель настоящей работы — показать, как Русско-итальянский параллельный корпус может быть использован в преподавании русского языка как иностранного на продвинутом этапе, чтобы выявить типы конструкций, выражающие уступительное значение в русском языке, и сопоставить их с подобными конструкциями в итальянском языке. В этой работе термин «уступительное значение» относится только к фактуальному уступительному значению в итальянской традиции, т.е. не рассматривается семантика, выраженная универсальными уступительными и условно-уступительными конструкциями.

Перед тем как начать работу с корпусом, необходимо обсудить со студентами теоретические основы. Уступительные отношения давно привлекали внимание лингвистов разных направлений и школ. Теоретической базой настоящей работы является концепция итальянских лингвистов М. Пранди и М. Маццолени, изложенная соответственно в монографиях *The building blocks of meaning* [Prandi, 2004] и *Costrutti concessivi e costrutti avversativi in alcune lingue d'Europa* [Mazzoleni, 1990], а также в более поздних статьях (например, [Mazzoleni, 1996]). Пранди использует термин «межфразовые отношения», обозначающий концептуальные отношения, связывающие два или более

потенциально независимых процесса¹ (или положения дел), когда они сведены вместе, чтобы образовать один сложный процесс [Prandi, 2004, p. 281]². Подобным образом в русистике В.С. Храковский утверждает, что, хотя формально все бипредикативные конструкции состоят из синтаксически независимой, т.е. главной (ГЧ), и синтаксически зависимой (ЗЧ) частей, в каждой из них выражается некоторая *самостоятельная* ситуация (выделено мной. — Ф. Б.) [Типология..., 2004, с. 9].

Таким образом, по мнению Пранди, межфразовое отношение представляет собой смысловое содержание, которое может выражаться разными языковыми средствами и иногда может также частично или полностью выводиться умозаключением в бессоюзных предложениях. Итак, при выражении межфразовых отношений, как и при выражении периферийных ролей простого предложения, функция играет первичную роль по отношению к грамматическим правилам, и грамматика предоставляет в распоряжение говорящего парадигмы альтернативных вариантов для выполнения определенной, независимой от формы, функции. Если модель грамматики как совокупности правил является плодотворной для описания функционального ядра простых предложений, то, чтобы проанализировать межфразовые отношения, важно сначала определить концептуальную структуру как, например, уступительное межфразовое отношение, а затем рассмотреть совокупность средств, которые могут ее выразить [Ibid., p. 293, 306]³.

В данном случае при сопоставительном анализе определение уступительного межфразового отношения служит основой для сравнения (*tertium comparationis*) языковых средств, выражающих это отношение в русском и итальянском языках. Поэтому в данной работе применяется подход описания от значения к форме⁴.

¹ В этом употреблении термин «процесс» не обладает видовым значением.

² “Interclausal linkage can be defined as the relation which occurs when two or more virtually independent simple processes are brought together to form a complex process” [Prandi, 2004, p. 281, 292–293].

³ “When the content of grammar is a set of options, no grammatical structure is absolutely indispensable for securing the function at issue... <...> In the field of interclausal links, in particular, the relevant question is not: What is the form of expression of a given interclausal linkage?, but: What is the set of available means to express a given interclausal linkage and what are the reasons that induce a speaker to choose one form instead of another” [Ibid., p. 306].

⁴ Храковский также утверждает, что «если мы хотим поставить в соответствие уступительному концепту любые УСК (уступительные конструкции. — Ф. Б.), встречающиеся в разноструктурных языках, как прототипические, так и непрототипические, мы должны опираться только на семантическое определение концепта» и что этот вывод «относится ко всем имплицативным конструкциям» [Типология..., 2004, с. 24].

Ядром, прототипом уступительного значения будем считать следующий смысл, принятый в основных чертах большинством ученых: «имеет место ситуация Р и связанная с ней ситуация не-Q; говорящий знает или считает, что из ситуации Р нормально должна следовать ситуация Q» [Типология..., 2004, с. 13].

Анализируя выражение уступительного значения, Пранди выделяет три случая, различающиеся по степени лингвистического кодирования и инференции данного значения. Изложим вкратце его мысль.

Первый случай — это употребление прототипических уступительных союзов, как в примере (1).

- (1) *Though I wrote three letters to him, John didn't answer.*

Хотя я написал Джону три письма, он не ответил.

Имплицитный компонент уступительной семантики (в соответствии с которым имеет место ситуация Р и связанная с ней ситуация не-Q, и говорящий считает нормой ситуацию «если Р, то Q») здесь является конвенциональной имплицатурой Грайса, т.е. имплицатурой, выводимой из значения слова. Это подтверждается тем, что с помощью специализированных уступительных средств сам говорящий может установить такое же отношение между двумя пропозициональными содержаниями, которые не способствуют уступительной интерпретации.

- (2) *Benché Giorgio sia un professore è molto generoso.*

Хотя Джорджо профессор, он очень щедрый.

В итальянском и русском языках специализированные средства включают такие подчинительные союзы, как *sebbene, anche se, benché, nonostante che, malgrado che, con tutto che, seppure, ancorché* и *хотя, хоть, несмотря на то что, вопреки тому что*. Специализированными средствами выражения уступительного отношения являются и некие адвербиальные коннекторы, которые встречаются и в сложноподчиненном, и в бессоюзном предложениях, например, итальянские *però, tuttavia, lo stesso, comunque, ciononostante, malgrado ciò, (ciò) nondimeno, ugualmente* и русские служебные слова *все же, все-таки, тем не менее, все равно*. И в русском, и в итальянском языках эти специализированные адвербиальные коннекторы могут также употребляться вместе с уступительными союзами.

Второй случай реализуется, когда пропозициональные содержания предложений естественно предрасположены к образованию уступительного отношения, и уступительное значение может выражаться также при отсутствии специализированных коннекторов. В этих случаях имплицитное значение (по которому имеет место ситуация Р и связанная с ней ситуация не-Q,

и говорящий считает нормой ситуацию «если P, то Q») является прагматической пресуппозицией, основанной на общем знании или на разделенной между говорящими информации [Mazzoleni, 1996, p. 52]. При этом уступительное отношение выводится умозаключением даже из простой последовательности двух грамматически независимых предложений, если положения дел естественно указывают на это отношение [Ibid., p. 59].

(3) *I wrote three letters to John. He didn't answer.*

Я написал Джону три письма. Он не ответил.

Как замечает Храковский [Типология..., 2004, с. 27], в этих примерах формальным показателем связи служит единственно возможный порядок следования частей.

Третий случай является промежуточным. Он бывает, когда понятийное содержание пропозиций вынуждает коннектор, не обладающий уступительной семантикой, приобрести дополнительное уступительное значение благодаря так называемому инференциальному обогащению (*inferential enrichment* или *enriching inference*) [Prandi, 2004, p. 46–47].

(4) *After I wrote him three letters, John didn't answer.*

После того как я написал Джону три письма, он не ответил.

В этом примере уступительное отношение кодируется до определенного уровня, и остальная часть выводится благодаря *inferential enrichment*. Когда смысловое содержание вынуждает союз приобрести уступительное значение, Пранди говорит об *undercoding* [Ibid., p. 297–299]⁵.

Парадигмы вариантов, предоставленных русской и итальянской языковыми системами для выражения межфразовых отношений, могут различаться. Поэтому при изучении выражения межфразовых отношений особенно полезной является методика, основанная на сопоставительных исследованиях изучаемого и родного языков, и незаменимым инструментом для этого оказывается двусторонний параллельный корпус.

После обсуждения теоретических основ со студентами целесообразно начать работу с параллельным корпусом. Преподаватель осуществляет поиск одного итальянского прототипического уступительного союза, например *sebbene*, и исследует вместе с учащимися, какие формы соответствуют конструкциям с *sebbene* в русских параллельных текстах.

⁵ Подобным образом Дымарский говорит о трех степенях актуализации одного и того же отношения и приводит следующие примеры: «Чин следовал ему; он службу вдруг оставил»; «Чин следовал ему, а он службу вдруг оставил»; «Хотя чин следовал ему, он службу вдруг оставил» [2013, с. 86].

Это позволяет сделать многочисленные выводы. Первое, что бросается в глаза, — в русском языке самым частым эквивалентом слова *sebbene* является союз *хотя*. Из 154 примеров с *sebbene* 90 соответствуют конструкциям с *хотя*. Вторым более частотным русским союзом оказывается *несмотря на то что*: выявлено 21 вхождение.

- (5) Разумеется, я обещал поехать в Кишинев. **Хотя** сама идея такой поездки была неприемлемой [Сергей Довлатов. Филиал (1987)].
Ovviamente avevo promesso di andare a Kišinëv, **sebbene** la sola idea di quel viaggio fosse improponibile [Sergej Dovatov. La filiale New York (Laura Salmon)].
- (6) **Несмотря на то, что он был болен** и бледен, как мертвец, приткость у него была необыкновенная [А.П. Чехов. Рассказы (1885–1903)].
Sebbene fosse malato e pallido come un morto, la sua agilità era straordinaria [Anton Cechov. Racconti (Fausto Malcovati)].

Встречаются также три примера с предложными конструкциями в русском языке:

- (7) E parve che Geppetto, **sebbene fosse molto lontano dalla spiaggia**, riconoscesse il figliuolo [Carlo Collodi. Pinocchio (1883)].
Казалось, Джепетто, **несмотря на большое расстояние**, узнал своего сына [Карло Коллоди. Приключения Пиноккио (Э. Казакевич, 1959)].
- (8) В передней не слышно было ни голосов, ни шагов, и весь дом казался спавшим, **несмотря на яркое освещение** [А.П. Чехов. Рассказы (1885–1903)].
Nell'anticamera non si udivano né voci né passi, e tutta la casa pareva addormentata **sebbene vivamente illuminata** [Anton Cechov. Racconti (Fausto Malcovati)].

Такие уступительные конструкции, формально являющиеся простыми предложениями, традиционно не рассматриваются в синтаксисе в рамках уступительных конструкций. Однако учащимся, и особенно будущим переводчикам, полезно осознавать, что они имеют в своем распоряжении также эти средства выражения уступительности.

Особый интерес представляют русские фразы, в которых есть союз *но*. Такие примеры позволяют рассматривать связь между уступительными и противительными отношениями.

- (9) Она говорила, ела, **но** во всей ее фигуре было уже что-то мертвенное и даже как будто чувствовался запах трупа [А.П. Чехов. Рассказы (1885–1903)].

Sebbene parlasse e mangiasse, c'era già qualcosa di morto in tutta la sua persona, che pareva perfino emanare un odore di cadavere [Anton Cechov. Racconti (Fausto Malcovati)].

Надо заметить, что почти всегда *но* может быть заменен на *хотя*. Случаев, когда подобная замена невозможна, данный поиск не выявил. Как показывает В.Ю. Апресян [2006, с. 636], эти примеры требуют особых комментариев⁶. Важно иметь в виду, что определяющую роль всегда играют и прагматические факторы.

В итальянском языке противительный союз *ma* отнюдь не всегда выражает уступительные отношения. При поиске союза *ma* оказывается, что в случаях, когда он не выражает уступительного значения, ему соответствует русский союз *а*.

- (10) К тому же у него — сад, дом, **а** у нас — у нас-то ничего подобного уже нет — ни времени, ни сада, ни дома [Саша Соколов. Школа для дураков (1973)].

Inoltre, ha un giardino e una casa, **ma** noi — noi non abbiamo niente di simile — né il tempo, né il giardino, né la casa [Sasha Sokolov. La scuola degli sciocchi (Margherita Crepax)].

По мнению В.З. Санникова, это является особым употреблением союза *а*, для которого характерен синтаксический параллелизм оформления компонентов [2008, с. 271]. В отличие от *но* союз *а* «описывает события как независимые» [Там же, с. 268]. Когда из конструкции с союзом *а* выводится умозаключением уступительное значение, имеет место инференциальное обогащение.

- (11) Скажет она ему: откажись от отца — и откажется. Тряпка, **а** тоже в начальство лезет [Чингиз Айтматов. Прощай, Гульсары! (1966)].

Se lei dovesse dirgli: rinnega tuo padre — lui mi rinnegherebbe. È un pagliaccio, **anche se** si picca di essere un capo [Cingiz Ajtmatov. Addio Gul'sary (Costantino Di Paola, Sergio Leone)].

Сочинительный союз *а* выражает значение соотношения и контраста, именуемое противительным, или адверсативным (пример (10)). Однако союз *а* может приобрести уступительное значение в результате инференциаль-

⁶ Важно отметить случаи непрямой оппозиции, т.е. когда Р является аргументом в пользу заключения R, возникающего из дискурсивного контекста, а Q ассоциируется с заключением $\neg R$, прямо противопоставленным R: «Rossi è un gran giocatore di basket, ma è veramente troppo caro» («Росси — очень хороший баскетболист, но он слишком дорогой») [Mazzoleni, 1990, p. 33].

ного обогащения (пример (11)), как уже наблюдалось в примере с союзом *после того как*. В этих случаях уступительное значение кодируется не полностью, так как непрототипический для уступки союз вынужден смысловым содержанием пропозиций приобрести уступительное значение. Действительно, два факта могут быть представлены как противопоставленные, но независимые друг от друга, как в примере (10). В этих случаях отсутствует имплицитное значение, в соответствии с которым имеет место ситуация *P* и связанная с ней ситуация не-*Q*, и говорящий считает нормой ситуацию «если *P*, то *Q*». Конвенциональная импликатура, характеризующая союз *a*, просто представляет два положения дел как противопоставленные, но не отрицает естественного причинного отношения. Пример (10) не выражает уступительной семантики в отличие от примера (11), поскольку в этом последнем смысловое содержание пропозиций вынуждает союз *a* приобрести уступительное значение. Поэтому в случае аналогичного употребления союза *ma* Маццолени утверждает, что в итальянском языке данный союз может выражать уступительное значение, но не способен его строить [Mazzoleni, 1996, p. 58], так как кодирует противительное отношение и только благодаря инференциальному обогащению может выразить уступительное отношение.

Кроме того, можно выделить и такие вхождения, в которых в русском языке уступительное отношение совсем не кодируется, а выводится из контекста.

- (12) Это выгодно им — этот «честный» труд. Они верят в его возможность еще меньше, чем мы [Варлам Шаламов. Колымские рассказы (1954–1962)].

E gli fa comodo, questo onesto lavoro, **sebbene** credano ancor meno di noi che un lavoro del genere sia possibile [Varlam Shalamov. I racconti di Kolyma / I racconti della Kolyma (Sergio Rapetti / Marco Binni)].

В русском примере уступительное отношение выводится умозаключением даже из простой последовательности двух грамматически независимых предложений, так как положения дел естественно указывают на это отношение.

Другой случай, на который следует обратить внимание, — это замена итальянского придаточного предложения причастным оборотом в русском, например:

- (13) E Pinocchio, **sebbene** fosse un ragazzo allegrissimo, si fece tristo anche lui [Carlo Collodi. Pinocchio (1883)].

Даже Пиноккио, **бывший** до сих пор довольно легкомысленным парнем, пригорюнился [Карло Коллоди. Приключения Пиноккио (Э. Казакевич, 1959)].

В таких примерах в русском языке не кодируется содержание межфразового отношения.

Важно отметить и употребление таких служебных слов и словосочетаний, как *ведь, только, правда, и все же, все-таки, тем не менее, все равно*, которые способны кодировать уступительное отношение без необходимости прибегать к построению сложноподчиненного предложения.

- (14) Notò subito al terzo piano che nel reparto regnava una speciale gaiezza, sia nel medico, sia nelle infermiere, **sebbene** laggiù fossero in cura ammalati molto preoccupanti [Dino Buzzati. Sette piani (1942)].

На третьем этаже Джузеппе Корте сразу отметил необычное веселье среди врачей и обслуживающего персонала. Странно, **ведь** здесь лежали больные, внушавшие серьезные опасения [Дино Буццати. Семь этажей (Г. Киселев)].

Результаты корпуса включают также менее употребительный разговорный союз *даром что*.

- (15) Чай, если и вас заставить целоваться со всякой бабой, какая того от вас захочет, так и вам, **даром что** вы мужчина, противно это станет [Максим Горький. Тоска (1897–1898)].

Io credo che se si obbligasse voialtri, **sebbene** uomini, ad abbracciare qualsiasi donna, ne sareste disgustati [Maxim Gorkij. L'Angoscia (Eugenio Wenceslao Foulques)].

Если провести аналогичный поиск по другим итальянским прототипическим уступительным союзам, можно собрать большое количество русских языковых средств, выражающих уступительное отношение и принадлежащих разным регистрам, как, например, разговорное *даром что*. Другие интересные результаты наблюдаются при поиске итальянского коннектора *anche se*. Русский буквальный эквивалент этого союза, *даже если*, употребляется только в условно-уступительных конструкциях, тогда как итальянский *anche se* весьма распространен как функциональный эквивалент *хотя* в фактуальных уступительных конструкциях. Полезно также проследить, чем различается употребление союзов *хотя, хотя и, хоть, хоть и* и каким конструкциям они соответствуют в итальянском языке.

Кроме того, данный подход приводит к размышлениям о стратегиях перевода и позволяет выделить такие случаи, когда в русском и итальянском языках в узусе отдается предпочтение разным формам, и в определенном контексте более адекватная и нейтральная форма в одном языке может отличаться от более частотной формы в другом.

К тому же параллельный корпус дает возможность анализировать средства выражения уступки во многих контекстах, с учетом значения и функции

высказывания и социальных и психологических отношений между говорящим и адресатом. Таким образом, учащийся может на конкретных примерах понять, что межфразовое отношение представляет собой смысловое содержание и что говорящий имеет в своем распоряжении широкую парадигму языковых средств для его выражения. Приобретая эти знания непосредственно из языкового контекста, студенты лучше понимают, чем различают-ся эти формы, и легче усваивают их употребление.

Источники

Апресян В.Ю. Уступительность в языке // Языковая картина мира и систем. лексикография / отв. ред. Ю.Д. Апресян. М.: Языки славян. культур, 2006. С. 615–710.

Дымарский М.Я. К типологии синтаксических связей (на материале русского языка) // Проблемы функционал. грамматики: Принцип естеств. классификации / отв. ред. А.В. Бондарко, В.В. Казаковская. М.: Языки славян. культуры, 2013. С. 57–91.

Санников В.З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М.: Языки славян. культур, 2008.

Типология уступительных конструкций / под ред. В.С. Храковского. СПб.: Наука, 2004.

Mazzoleni M. Costrutti concessivi e costrutti avversativi in alcune lingue d'Europa. Firenze: La Nuova Italia Editrice, 1990.

Mazzoleni M. I costrutti concessivi // La subordinazione non completiva. Un frammento di grammatica filosofica / a cura di M. Prandi. 1996. P. 47–65. (Studi Italiani di Linguistica Teorica e Applicata; XXV (1)).

Prandi M. The Building Blocks of Meaning. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2004.

О.С. Еремина

Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа экономики»

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ОБУЧЕНИЯ ЭРИТАЖНИКОВ ВЫСОКОГО УРОВНЯ ВЛАДЕНИЯ ЯЗЫКОМ В СМЕШАННЫХ ГРУППАХ

Летние школы интенсивного изучения иностранных языков (в частности, изучения русского языка как иностранного) известны разнообразным составом обучающихся. Среди них встречаются и студенты языковых специальностей университетов, и профессионалы, работающие или планирующие работать в стране изучаемого языка, и те, для кого изучаемый язык был первым (родным), но в силу внешних обстоятельств перестал функционировать как полноценный родной язык. Именно о такой разнообразии говорит в своей работе Дж. Меррилл, директор одной из самых известных летних языковых школ по изучению русского языка, называя «наличие в русской школе самых разных студентов» преимуществом языковой школы [Меррилл, 2015, с. 39].

Еще одной особенностью (и сильной стороной) летних языковых школ является относительно небольшое количество студентов при большом разнообразии уровней владения языком. Это позволяет сделать обучение интенсивным и эффективным — по результатам предварительного тестирования студентов распределяют в небольшие группы, соответствующие их уровню владения языком. Так, в Летней школе интенсивного изучения русского языка, регулярно проводимой на базе школы лингвистики (факультет гуманитарных наук НИУ ВШЭ), летом 2015 г. обучалось 49 человек, по результатам тестирования они были распределены по пяти группам разного уровня владения языком (т.е. среднее количество студентов в группе составило менее 10 человек).

Однако такая специфика летних школ — разнообразный контингент обучающихся и относительно небольшое их число — неизбежно приводит к проблеме работы в смешанных группах. В группе одного и того же уровня (например, высокого уровня владения языком) оказываются студенты, ранее изучавшие язык по-разному (и как иностранный, и как первый (родной)),

в разных условиях (занятия на уроках, усвоение языка при общении с коллегами и проч.) и с разными целями (академические, профессиональные, личные).

Идеальным способом организации учебного процесса стало бы выделение разных студентов в разные подгруппы с разными учебными программами, но это часто оказывается нереальным из-за небольшого общего числа студентов одного уровня. Создать отдельную «группу» из одного, двух или трех человек и обеспечить им полноценное преподавание в объеме 200 учебных часов за 10 недель (такова, например, учебная нагрузка в Летней школе интенсивного изучения русского языка в НИУ ВШЭ) невозможно. Группы неизбежно оказываются смешанными, что приходится учитывать при разработке учебных программ.

В данной работе речь пойдет о программе для смешанной группы курса русского языка общего владения (т.е. не специализированного по профессиональным интересам обучающихся) высокого уровня в Летней школе интенсивного изучения русского языка НИУ ВШЭ. Мы проанализируем языковые и мотивационные характеристики слушателей этого курса и посмотрим, как эти особенности учитываются при преподавании курса.

Среди студентов высокого уровня Летней школы интенсивного изучения русского языка наравне со «стандартными» слушателями языковых курсов, обычно оказываются 2–4 студента-эритажника. Этот термин для краткости будет использоваться для носителей унаследованного языка (*heritage language learners*). Г. Вальдес определяет унаследованный язык как язык, выучиваемый человеком естественным образом в домашних условиях, но постепенно уступающий свое место доминирующему в среде говорящего языку [Valdés, 2000]. Типичными примерами студентов-эритажников являются дети русскоговорящих родителей, постоянно проживающие в другой стране (США, Германии, Дании и проч.).

Многочисленные исследования демонстрируют серьезные различия между студентами с унаследованным и иностранным русским языком ([Polinsky, Kagan, 2007; Wiley, 2008; Kagan, 2012] и др.). Кроме того, отмечаются специфические особенности языка и мотивации к его изучению и у представителей разных волн эмиграции [Земская, 2003].

Таким образом, в смешанной группе возникает серьезный разрыв: студенты с унаследованным русским свободно или почти свободно говорят, но нередко очень слабо пишут и совсем не знают грамматики. «Стандартные» студенты, наоборот, часто очень хорошо пишут, но испытывают трудности в говорении. Язык, усвоенный в аудитории, более формальный и грамматичный, чем язык, на котором говорят дома. «Стандартные» студенты часто не знают разговорных оборотов, фразеологизмов, которые хорошо понятны

эритажным студентам. Есть существенные отличия и в восприятии «успешности» в усвоении языка. Студенты, изучающие русский как иностранный, часто гордятся своими успехами, студенты с унаследованным русским часто очень болезненно относятся к тому, что им указывают на ошибки, боятся писать, потому что не хотят делать ошибки в грамматике.

Одним из способов организации учебного процесса в таком случае может стать попытка концентрироваться на тех чертах, которые отличают эти две группы студентов, т.е. преподавать грамматику и письмо студентам-эритажникам и «выводить в свободную речь» студентов с неродным русским языком. Однако технически организовать такой учебный процесс нелегко. Поэтому более приемлемым методом нам представляется работа над теми аспектами усвоения языка, которые вызывают трудности у обеих групп учащихся, искать не то, что отличает студентов, а то, что их объединяет.

Таких точек соприкосновения оказывается довольно много. Так, например, слабым местом и «стандартных», и эритажных студентов на высоком уровне остается стилистика русского языка. Ни одна из двух категорий студентов не владеет в полной мере различными стилями речи. При этом мотивация к практическому овладению стилистикой очень высока. Многие студенты-эритажники хотели бы использовать свой билингвизм как конкурентное преимущество в поиске работы, они часто рассматривают такие карьерные возможности, как международная журналистика, работа в интернациональных компаниях и др. Студенты, изучающие русский язык как иностранный, доходят до высокого уровня владения языком, как правило, в том случае, если русский язык является их специальностью. Летняя школа становится способом подтянуть русский до нужного уровня, чтобы позднее в родных университетах эти студенты успешно получили дипломы специалистов по русскому языку. Это означает, что им предстоит сдавать экзамены, требования к которым, как правило, соотносятся с требованиями стандартизированных тестов по иностранному языку, где одним из требований к говорящим на языке на высоком уровне является владение разными регистрами речи. Таким образом, выбор стилистики в качестве одного из целевых аспектов преподавания обоснован. Базовые грамматические явления языка при этом освещаются факультативно (во время дополнительных занятий со студентами-эритажниками), на общее обсуждение выносятся только самые сложные случаи грамматики, вызывающие трудности у всех учащихся.

Одним из направлений в освоении стилистики в курсе русского языка является написание писем, связанных с работой или учебой (т.е. относительно формальных). Как отмечает О. Каган, студенты-эритажники часто не знают, что единственным приемлемым способом обращения на

русском языке к преподавателю является обращение по имени-отчеству, и цитирует такие отмеченные у студентов варианты обращений, как «дорогой учитель», «профессор», «привет, профессор» [Kagan, 2012, p. 79]. Действительно, практика работы со студентами-эритажниками подтверждает их недостаточную уверенность в выборе формы обращения и приветствия, выбор между «здравствуйте» и «привет» может решаться путем опущения приветствия вообще, как в примере 1, или использования времени суток, как в примере 2¹:

- (1) *Ольга Сергеевна,
Вот мой резюме. Очень полезное задание, спасибо что задали!*
А.
- (2) *Доброе утро, Ольга Сергеевна!
Вот мое финальное сочинение. Спасибо большое за все поправки!*
А.

Однако проблемы обращения возникают и у студентов, изучающих русский как иностранный. Они также могут опускать форму приветствия (см. пример 3), используют сочетание имени и фамилии вместо имени и отчества (см. пример 4) и допускают другие стилистические ошибки в официальных письмах.

- (3) *Ольга Сергеевна,
Присылаю вам мое резюме. Было трудно понять мысль статьи, но старалась написать как можно.*
С.
- (4) *Дорогая Ольга Еремина,
Так как я сегодня на уроке пойти не могу, тогда, как мы договорились, я Вам посылаю приложено введение моего научного статьи.
С приветом,
Р.*

Обе группы студентов чувствуют себя недостаточно уверенно в этой области, не склонны критически оценивать друг друга, а также самих себя. Дополнительная положительная мотивация при изучении этой темы возможна за счет использования аутентичных текстов — выдержек из писем студентов прошлых лет, представленных частично и анонимно.

Еще одной стилистической областью, где и те и другие студенты испытывают трудности и где мотивация к совершенствованию одинаково сильна,

¹ Здесь и далее в примерах сохранена оригинальная орфография и пунктуация.

является публицистический стиль речи, особенно тексты общественно-политической тематики.

При выборе статей для чтения и анализа важно опираться на тематические предпочтения и интересы студентов. Это удобно, потому что каждый из студентов может готовить свои новостные разделы. Тексты здесь также используются актуальные (о чем пишут сегодня) и аутентичные. Важно привлекать внимание студентов и к лексическим, и к синтаксическим особенностям публицистических текстов, обязательно работать с ними и устно, и письменно (обсуждение, резюмирование, написание ответа и проч.). Как правило, разные виды деятельности представляют разную степень трудности для разных студентов: «стандартные» студенты часто лучше пишут, а студенты-эритажники лучше говорят. Поэтому целесообразно давать разные типы заданий в маленьких группах (по 2–3 человека), где представлены студенты обеих категорий, они дополняют один другого и учатся друг у друга. Письменные работы выполняются в двух вариантах (на черновике и беловике), и студенты сами исправляют свои ошибки.

Степень сложности заданий может модифицироваться в зависимости от уровня группы и интереса студентов к теме. Например, более сложным, по сравнению с типовым заданием: «Напишите газетную статью на тему...», является такая модификация: «Напишите три разных текста на одну и ту же тему: (а) вариант статьи для научно-популярного журнала, (б) вариант статьи для газеты и (в) литературное эссе на актуальную тему».

Особенности публицистического стиля рассматриваются на фоне других регистров — разговорной речи (неформальной) и деловой и научной (формальной). Важно каждый раз обращать внимание студентов на то, с текстом какого стиля происходит работа в каждый момент занятия, и какие особенности этого текста можно объяснить именно его стилистической отнесенностью.

Большинство разделов грамматики, где студенты-эритажники чувствуют себя некомфортно, совершенно не имеет смысла преподавать студентам с русским неродным на продвинутом уровне (они все это уже очень хорошо знают). Так, например, освоение форм прилагательных при согласовании с существительными по роду и числу входит в программу начального уровня изучения русского языка как иностранного. Поэтому трудно представить себе, что студент-иностранец продвинутого уровня может сделать такую ошибку в согласовании, как в примере 5:

- (5) *Если будет свободное время у меня, я бы очень хотела начать свое последние задание.*

Для осваивающего русский язык по учебнику очевидно, что «последние» — это форма прилагательного, согласующегося с существительным во

множественном числе. Существительное «здание» однозначно среднего рода, поэтому с ним должно согласовываться прилагательное «последнее». Однако для студента-эритажника, который ничего не знает о грамматических родах и формах окончаний и «пишет, как слышит», такие ошибки типичны. Бессмысленно работать над окончаниями существительных и прилагательных в разных формах рода, числа и падежа, а также над спряжением регулярных глаголов в группе продвинутого уровня. Студенты с русским неродным совершенно не нуждаются в таком материале, однако для студентов-эритажников это серьезная проблема. Один из способов ее решения — вынесение базовой грамматики за пределы урока и обращение к ней при необходимости во время индивидуальных консультаций. Как правило, студентам-эритажникам подробные объяснения таких «простых» правил преподавателем кажутся ненужными, у них часто возникает иллюзия того, что уж это-то они знают. Поэтому целесообразно не предлагать студентам работать над базовой грамматикой «блоком», запоминая все правила подряд, а обращать их внимание на конкретные допущенные в работах ошибки и просить внести исправления после самостоятельного ознакомления с данным разделом учебника.

Проработки на уроках заслуживают те разделы грамматики, которые вызывают трудности у всех студентов группы. Так, например, сложность даже для студентов — носителей продвинутого уровня может представлять система окончаний родительного падежа множественного числа существительных (как в примере 6). Проблемы возникают и с формами нестандартных существительных, например, с падежными окончаниями существительных, оканчивающихся на мягкий знак (как в примере 7), где возникает путаница между формами мужского и женского рода, и со склонением существительных на *-мя*, которые не воспринимаются студентами как слова среднего рода (как в примере 8):

- (6) *Но видеть солдатов как героев?*
- (7) *...введение моего научного статьи*
- (8) *я написала текст о своей времени в России*

У студентов-эритажников мы встречаем такие же ошибки в тех же контекстах, хотя они могут быть вызваны совершенно другими причинами. Так, например, ошибка в формах родительного падежа множественного числа у студентов с неродным русским языком вызвана многообразием имеющихся форм окончаний и рядом исключений из правил (как в примере 6). В грамматической системе студентов-эритажников форма родительного падежа множественного числа может в системном порядке совпадать с формой предлож-

ного падежа множественного числа. О. Каган и М. Полински иллюстрируют это совпадение такими употреблениями, как «без рукавах», «много стаканях» и проч. [Polinsky, Kagan, 2007, p. 381].

Если такое совпадение форм отмечается у студентов-эритажников, рассматривать формы родительного падежа множественного числа нужно не только с точки зрения того, какие окончания там должны быть, но и с точки зрения функций родительного падежа — когда он используется в предложении. Для студентов с русским неродным важнее обратить внимание на правила и исключения в окончаниях, функции родительного падежа ими уже давно усвоены. Так что в смешанной группе имеет смысл вынести рассмотрение функций падежа на индивидуальные консультации, а формы родительного падежа множественного числа повторять со всеми студентами в классе.

Разделы грамматики, связанные с различными нестандартными формами существительных и глаголов, с исключениями, с вариативными окончаниями и проч., стоит рассматривать на уроках, поскольку эти темы представляют трудность для всех студентов.

Еще одной общей проблемой является порядок слов. О. Каган и М. Полински указывают на трудности, связанные с порядком слов в унаследованном русском языке [Ibid., p. 382]. Наши собственные наблюдения (см. примеры 5 и 9) подтверждают эти выводы.

(9) *И не оставляй меня одним. Мне так нужно с кем то хоть поделится...*

Я хотел раньше тоже уехать, конечно. Но я слишком любопытный.

Работа с текстами разных стилей позволяет привлечь внимание студентов к функциональной природе инверсии в русском языке. Важно, чтобы студенты увидели разницу между предпочтительным в научном стиле речи прямым порядком слов и инверсией в публицистическом и разговорном стилях (и могли определять функции порядка слов и задачи говорящего при использовании предложений с инверсией).

Важную роль играет и организация занятий. Описываемый курс русского языка в смешанной группе составляет основную часть программы интенсивной языковой школы для студентов продвинутого уровня: 12 часов в неделю по сравнению с остальными, специальными курсами («Фильм», «Литература», «Русский через политику» и проч.), на которые отводится всего 8 часов в неделю. Поэтому не всегда удается построить расписание так, чтобы студенты работали над своим базовым русским языком лишь часть учебного дня. Если занятие идет 2–3 ч, то целесообразно выделить тему дня и жанр дня (например: резюме газетных статей, тема «Работа и безработица»).

При пятичасовых занятиях лучше делить уроки на «секции», посвященные разным стилям речи, и обязательно акцентировать переход от одного стиля речи к другому, спрашивать, каковы ожидания студентов, как должны, по их мнению, изменяться лексика, синтаксис и др.

Материалы, изучаемые в рамках курса, аутентичны и принадлежат к разным регистрам и жанрам (профессиональные журналы, газеты, интернет-форумы, современная проза).

В ходе курса студенты пишут работы, относящиеся к разным жанрам: небольшие статьи научного и профессионального характера, газетные заметки, деловые письма, художественные тексты. Работают они индивидуально и в группах из 2–3 человек с обязательным включением в группу и ориентированных на грамматику «стандартных» студентов, и ориентированных на устную речь студентов-эритажников.

Учиться в любой интенсивной школе, да еще летом, трудно еще и с психологической точки зрения: нужно много работать, когда другие отдыхают. Поэтому важно постоянно поддерживать мотивацию, работая над темами, которые выбирают сами студенты, и предлагая выполнять итоговую работу в том стиле речи и жанре, которые наиболее интересны обучающимся. Индивидуальные проекты (в том числе итоговый) выполняются в двух форматах: письменном и устном. Обычно один из них представляется студентам более трудным; эритажники могут «отдохнуть» и получить положительные эмоции от легкости устной презентации, но должны будут серьезно поработать над письменным заданием, а студенты с неродным русским языком могут в полной мере насладиться своими хорошими грамматическими навыками в письме и потрудиться над устным докладом.

Рассмотренный выше курс эффективно используется в Летней школе интенсивного изучения русского языка на факультете гуманитарных наук НИУ ВШЭ. В отзывах о курсе, которые обязательно оставляют все участники в конце программы, студенты обеих категорий отмечают полезность курса, заметный прогресс в обучении и комфортную обстановку на уроках.

Те из студентов, кто проходит стандартное тестирование до и после занятий в летней школе, демонстрируют существенное повышение уровня владения русским языком: в среднем от 1,0 до 1,5 пункта по шкале ACTFL.

Таким образом, курс, фокусирующийся на аспектах изучения языка и проблемах, актуальных для разных категорий обучающихся, позволяет построить эффективную работу в традиционно неудобных условиях смешанных групп.

Источники

Земская Е.А. О языке русского зарубежья // Simpozij Obdobja 20: Slovenski knjižni jezik — aktualna vprašanja in zgodovinske izkušnje. Ljubljana, 2003. С. 95–106.

Меррилл Дж. Русская школа имени Кэтрин Вассерман Дэвис колледжа Миддлбери: 70 лет в прошлом и многообещающее будущее // Рус. яз. и культура. Изучение, методы, подходы и интерпретации = Russian Language and Culture. Studies & Methods & Approaches, and Interpretations. М.: URSS, 2015.

Kagan O. Intercultural Competence of Heritage Language Learners: Motivation, Identity, Language Attitudes, and the Curriculum // Proc. of Intercultural Competence Conf. Sept., 2012. 2012. Vol. 2. P. 72–84.

Polinsky M., Kagan O. Heritage Languages: In the “Wild” and in the Classroom // Language a. Linguistics Compass. 2007. Vol. 1. No. 5. P. 368–395.

Valdés G. The Teaching of Heritage Languages: An Introduction for Slavic-Teaching Professionals // The Learning a. Teaching of Slavic Languages a. Cultures / O. Kagan, B. Rifkin (eds). Bloomington, IN: Slavica Publ., 2000. P. 375–403.

Wiley T. Chinese “Dialect” Speakers as Heritage Language Learners: A Case Study // Heritage Language Education. A New Field Emerging / D. Brinton, O. Kagan, S. Bauckus (eds). N.Y.: Routledge, 2008. P. 91–106.

Введение

Интуитивное понятие сложности/легкости текста для чтения и связанной с этим скорости чтения и понимания текста в лингвистике XX в. было формализовано в виде индексов удобочитаемости (readability). В их основе лежит ряд презумпций — например, о том, что

- короткие предложения читать легче, чем длинные;
- длинные слова затрудняют чтение;
- читатель замедляется или спотыкается, встречая низкочастотные и (или) незнакомые ему слова, и т.п.

В наиболее общепринятом варианте оценка сложности текста не вытекает из незнания читателем темы, сложности материала как такового (информационная сложность), не зависит от способа шрифтового оформления, верстки блоков текста и других аспектов графического дизайна (визуальная сложность), но связана с особенностями языка текста (подбором лексики, выбором грамматических форм, строением предложений и т.п.), логической организацией текста, выстроенностью аргументации, использованием ожидаемых риторических приемов и другими аспектами организации дискурса².

Представляется, что оценка сложности также связана с субъективными факторами, такими как:

- языковой опыт (по-разному воспринимают текст носитель языка (L1), изучающий язык как неродной (L2), «несовершенный» носитель, например, носитель эритажного языка (LH), или студент, осваивающий плохо знакомый ему жанр академического письма);
- возраст носителя (например, если читающий — ребенок или пожилой человек);

¹ Исследование выполнено в рамках проекта «Стандарты оценки методов автоматического извлечения информации из текстов» при финансовой поддержке РФФИ, грант № 15-07-09306.

² Обратим внимание, что наличие таблиц и иллюстраций может также существенно облегчать понимание текста, однако взаимодействие текстовых и графических стимулов выходит за рамки рассматриваемой нами проблемы.

- мотивированность читателя;
- индивидуальные когнитивные, психологические, неврологические особенности читателя.

В связи с разнообразием ситуаций, в которых встречаются Текст и его Читатель, проводятся исследования в отдельных областях:

- оценка удобочитаемости упражнений и учебных текстов для иностранцев, изучающих язык как неродной (L2); экспертиза школьных учебников, экзаменационных тестов и других материалов (для носителей L1) — для русского языка см., например, работы [Невдах, 2010; Ткачук, Кучма, 2014; Солнышкина, Кисельников, 2015];
- оценка читабельности деловой документации [Гращенко, Мизернов, 2015]; рекламных материалов; медицинской документации;
- оценка текстов веб-сайтов с точки зрения привлекательности для целевой аудитории (например, для детей-подростков) [Рогушина, 2007];
- создание рекомендательных систем для библиотек и ряд других.

Данная работа представляет краткий обзор методов измерения сложности в свете разработки онлайн-ресурсов, позволяющих пользователю оценить любой выбранный им русскоязычный текст.

Метрики сложности

Простые метрики удобочитаемости, такие как

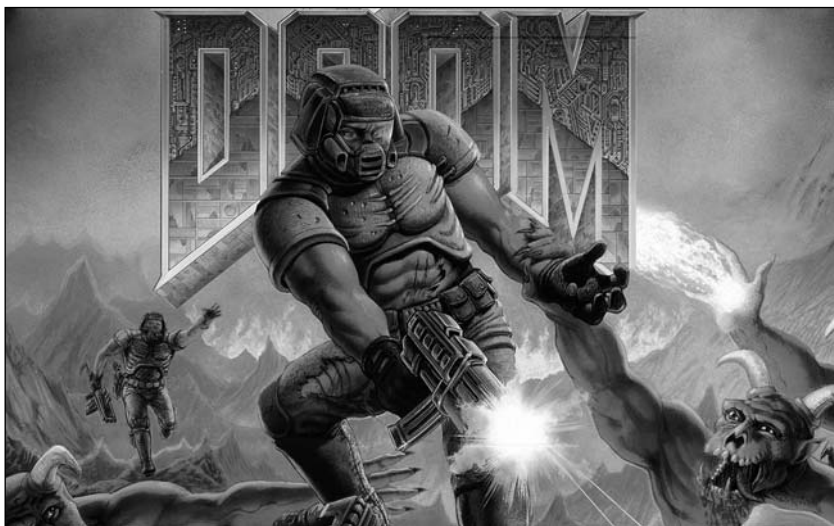
- индекс Флеша — Кинкейда [Kincaid et al., 1975];
- индекс Колмана — Лиану [Coleman, Liau, 1975];
- индекс SMOG [McLaughlin, 1969],

строятся на характеристиках, которые легко получить из текста без привлечения дополнительных лингвистических ресурсов или разметки. К таким характеристикам относятся, например, средняя длина слова в словах или слогах, количество слов длиной более пяти символов, средняя длина предложения в словах или слогах, количество знаков препинания и т.д.

В большинстве случаев метрики удобочитаемости представляют собой формулу линейной регрессии вида:

$$Y = \beta_0 + \beta_1 X_1 + \beta_2 X_2 + \beta_3 X_3 \dots,$$

где X_1 , X_2 , X_3 и т.д. — отдельные характеристики текста; Y — индекс удобочитаемости, который соответствует либо возрасту читателя («текст для детей возраста N лет»), либо уровню образования, либо уровню владения языком (L2), см. пример на рис. 1. В некоторых случаях индекс не имеет мнемонической интерпретации, но задает известный диапазон значений, кото-

Разработчики анонсировали следующий Doom еще в 2008 г. В конце прошлого года из компании ушел «отец» серии Джон Кармак, чтобы заниматься созданием очков виртуальной реальности, так что завершают проект уже без него.

Источник: <https://vc.ru/p/doom-4>.

Индекс: 7.27, 7–9-е классы, 12–14 лет.

Рис. 1. Пример оценки удобочитаемости веб-сайта

рый позволяет сравнивать между собой текстовые материалы как в пределах одного языка, так и между языками. Коэффициенты β_0 , β_1 и т.д. подбираются таким образом, чтобы на заданной выборке текстов оценка Y наилучшим образом соответствовала оценкам, поставленным экспертами.

К текстам на русском языке обычно применяются формулы, первоначально разработанные для английского, но с адаптацией коэффициентов. Ср., например, индекс удобочитаемости Флеша для английского и русского языков:

$$\text{Flesch-ENG} = 206,835 - (1,015 \times \text{средняя длина предложения}) - (84,6 \times \text{среднее число слогов в слове});$$

$$\text{Flesch-RUS} = 206,836 - (1,52 \times \text{средняя длина предложения}) - (65,14 \times \text{среднее число слогов в слове})$$
 [Оборнева, 2006].

Другие характеристики, которые привлекаются при оценке сложности текстов, можно разделить на лексические, морфологические, синтаксические и дискурсивные. Например, индекс Дейла — Челла [Chall, Dale, 1995]

анализирует, входят ли слова, встречающиеся в тексте, в 3 тыс. наиболее частотных слов. Аналогично может оцениваться доля слов за пределами лексических минимумов для иностранцев (A1, A2 и т.п.), средняя частота лемм (вычисляемая на основе частотных словарей), доля абстрактных слов, аббревиатур, служебных слов, лексическое разнообразие в конкретном тексте (чем чаще повторяются отдельные словоформы или леммы, тем предположительно легче текст).

Морфологические факторы включают долю разных частеречных классов в тексте, а также присутствие слов с определенной словообразовательной структурой (например, словосложений, существительных с суффиксами *-ние*, *-ость* и т.п.).

Синтаксические факторы оценивают сложность синтаксической структуры предложений, в частности, среднюю долю подчиненных, сочиненных и т.п. клауз, причастных и деепричастных оборотов.

Дискурсивные характеристики, которые используются реже всего из-за сложности их автоматического распознавания, могут учитывать среднюю долю диалогических единиц на предложение, количество анафорических местоимений и других слов, требующих для понимания разрешения кореференции, сложность риторической структуры и т.д.

Помимо линейных регрессионных формул, предлагаются и более сложные модели (ср. индекс SMOG, в котором характеристики перемножаются друг на друга, и из этого значения извлекается квадратный корень). В пользу того, что функция $Y = f(\beta, X_i)$ должна быть устроена нелинейно, говорят и соображения, что языковая компетенция развивается неравномерно для разных возрастных периодов и даже деградирует у пожилых и больных носителей, а важность таких факторов, как длина слова, может меняться — например, становится малорелевантной для взрослых образованных носителей языка [Микк, 1974].

Очевидно и то, что многие перечисленные факторы не независимы друг от друга. В связи с этим неудивительно, что в последнее время появляется все больше моделей-классификаторов, которые обучаются на размеченных коллекциях текстов на большом наборе предлагаемых исследователем факторов, которых может быть несколько сотен. Так, в работе [Reynolds, 2016] модель Random Forest, работающая на 179 факторах, смогла аккуратно предсказать сложность текстов РКИ согласно принятым уровням (A1, A2, B1, B2, C1, C2) в 66% случаев, причем только в 8% она ошиблась более чем на один уровень (рис. 2).

Вместе с тем в этой же работе отмечается, что результаты машинного обучения сильно зависят от коллекции, на которой проводится оценка, и требуется разрабатывать модели, более устойчивые к ошибкам и шумам в

	A1	A2	B1	B2	C1	C2
A1	234	120	48	0	0	0
A2	41	553	192	17	0	0
B1	16	76	1130	90	5	5
B2	1	57	311	478	83	4
C1	1	20	66	98	394	6
C2	0	3	40	58	9	78

Рис. 2. Кросс-валидация предсказания уровня текстов РКИ в [Reynolds, 2016, p. 135]: предсказанные системой ответы сопоставляются с классом, приписанным тексту в тестовой коллекции

обучающей выборке (например, если текст атрибутирован экспертом неверно или если в тексте представлено одно, но очень длинное слово). Вклад каждого из предлагаемых исследователем факторов в работу классификатора также оценивается по-разному, в зависимости от выбранного способа ранжирования. Например, в одних случаях системы ранжирования факторов рейтингуют выше лексические факторы, в других — морфологические.

Экспертная оценка удобочитаемости

Как уже было сказано, метрики удобочитаемости настраиваются, как правило, по коллекциям, размеченным экспертами. Например, в [Кагров, 2014; Reynolds, 2016] использовались коллекции текстов для чтения в курсах РКИ, такие как CIE (МГУ), Red Kalinka: «Russian books with audio», TORFL (тексты на понимание), «Златоуст» (тексты для чтения). Коллекция LingQ, собранная методом краудсорсинга, включает оценки пользователей — как правило, преподавателей РКИ. Однако из-за того, что оценку в этом случае ставит один эксперт (человек, выкладывающий текст на сайт) и критерии оценки четко не определены и могут варьировать от эксперта к эксперту, степень доверия к таким оценкам будет ниже.

В [Tanaka-Ishii et al., 2010] (для английского и японского языков) применен другой стандарт оценки, когда тексты в тесте попарно сравниваются друг с другом носителями языка. В результате создается граф с попарно упорядоченными текстами, и классификатор обучается и тестируется на его оценках.

Наконец, имеет смысл понимать разброс оценок носителей языка и изучающих язык как неродной для отдельных текстов и однородных коллекций текстов. Например, в [Кошелева, 2015] (на материале польских текстов для студентов-иностранцев) проводится сопоставление между множеством индексов удобочитаемости, разработанных для польского языка, и множеством оценок носителей. Не исключено, что разные лингвистические факторы оказываются по-разному важны для разных носителей. На материале русского языка разнообразие экспертных оценок анализируется в [Петрова, Окладникова, 2009; Шпаковский, 2012; Reynolds, 2016].

Интересны попытки включить более объективные критерии в сопоставление текстов по сложности. В пионерной работе [Микк, 1974] было предложено использовать для оценки сложности время реакции носителя при восприятии слов. В [Петрова, Окладникова, 2009], наряду с субъективными оценками сложности, получаемыми от испытуемых, используется мера времени чтения текста. В [Шпаковский, 2012] описано, что наряду с просьбой оценить сложность по шкале испытуемые получали контрольные задания: ответить на вопросы к тексту, заполнить пропуски, упорядочить абзацы по порядку.

Открытые онлайн-сервисы оценки сложности текста

В 2011 г. появился первый открытый сервис для определения уровня сложности русскоязычных текстов readability.io, который был разработан И. Бегтиным (в настоящее время размещен на странице <https://plainrussian.ru/>). Сервис использует простые индикаторы (количество символов, пробелов, слов, предложений, количество слов с более чем четырьмя слогами и т.п.). Кроме того, используются два высокоуровневых параметра: доля сложных слов и доля слов с тем или иным числом слогов в оцениваемом тексте. Сервис выдает оценку текста по пяти метрикам: индексы Флеша — Кинкейда, Дейла — Челла, Колмана — Лиану, SMOG, автоматический индекс удобочитаемости (Automated Readability Index, ARI).

Значительно больше высокоуровневых критериев используется в онлайн-сервисе, разработанном в магистерской программе «Компьютерная лингвистика» НИУ ВШЭ [Дружкин, 2015, 2016]. В частности, здесь в число критериев входит доля слов различных частей речи в тексте, доля слов в родительном падеже, доля слов на *-ция*, доля слов разных частотных рангов и многое другое. Помимо этого, используется графическая визуализация положения анализируемого текста среди других в виде гистограмм (рис. 3).

Рис. 3. Фрагмент онлайн-сервиса [Дружкин, 2015]

Тексты «Тотального диктанта» в зеркале readability

Мы проанализировали тексты, которые зачитываются участникам ежегодной всероссийской акции «Тотальный диктант», с помощью онлайн-сервиса К. Дружкина. Как и во всех ранее упомянутых случаях, нас интересовала не орфографическая и пунктуационная сложность диктантов, но их удобочитаемость (табл. 1).

Как видно, индексы SMOG (учитывает долю многосложных слов) и Флеша — Кинкейда (см. выше) хорошо согласуются друг с другом. Самыми сложными оказались тексты Р. Киплинга, З. Прилепина, Д. Рубиной и Д. Быкова, самыми простыми — тексты В. Быкова и Л. Толстого. Общий индекс сервиса строится на нескольких десятках критериев и рассчитывается как нормированное значение первой компоненты в анализе главных компонент (PCA); он примерно соответствует классу средней общеобразовательной школы. Согласно данному индексу, самыми сложными являются тексты Д. Рубиной и И. Соколова-Микитова, самыми простыми — тексты Л. Толстого, Е. Водолазкина, А. Усачева и В. Быкова. Как показывают правые столбцы таблицы, тексты, определенные как простые по многоуровневому индексу сервиса, имеют большую плотность личных форм глагола (а значит,

Таблица 1. Результаты отдельных метрик для текстов «Тотального диктанта», прочитанных в 2004–2016 гг.

Год	Автор	Индекс сервиса	Индекс SMOG	Индекс Флеша — Кинкейда	Существительные	Личные формы глагола	Родительный падеж	Леммы на -ние	1000 частотных слов
2016	А. Усачев, ч. 1	6.1	9.12	9.93	0.26	0.16	0.29	0.02	0.63
2015	Е. Водолазкин, ч. 2	6.1	8.41	7.98	0.24	0.11	0.31	0.01	0.61
2014	А. Иванов, ч. 3	7.3	10.35	9.60	0.23	0.11	0.18	0.01	0.66
2013	Д. Рубина, ч. 2	10.1	13.35	14.73	0.34	0.08	0.40	0.03	0.61
2012	З. Прилепин	8.4	13.42	11.82	0.24	0.10	0.38	0.04	0.72
2011	Д. Быков	7.8	13.27	14.03	0.28	0.09	0.34	0.03	0.59
2010	Б. Стругацкий	7.8	11.65	10.48	0.28	0.07	0.39	0.04	0.67
2009	Н. Гоголь	8.1	8.64	7.84	0.28	0.07	0.35	0.01	0.59
2008	Р. Киплинг	8.5	16.19	15.93	0.32	0.07	0.37	0.03	0.60
2007	В. Быков	6.2	7.36	7.12	0.27	0.13	0.38	0.01	0.58
2006	И. Соколов-Микитов	10.1	8.54	11.19	0.36	0.12	0.39	0.03	0.46
2005	А. Бек	7.7	8.89	8.34	0.30	0.10	0.35	0.01	0.61
2004	Л. Толстой	4.8	8.32	5.59	0.23	0.12	0.26	0.00	0.70

меньше причастных, деепричастных и инфинитивных конструкций), меньше существительных в родительном падеже, меньше лемм на *-ние*, а также малое лексическое разнообразие (слова из списка топ-1000 самых частотных покрывают от 58 до 70% текста).

Заключение

Завершая статью, мы хотели бы обратить внимание на две тенденции в анализе удобочитаемости, в том числе с помощью онлайн-сервисов. Во-первых, это привлечение к анализу не только низкоуровневых единиц (длина слова, длина предложения), но и единиц более высокого уровня (например, морфологических и синтаксических характеристик). Во-вторых, видна тенденция к представлению отдельных критериев — в дополнение к единому индексу удобочитаемости. Последнее особенно полезно в случае, если онлайн-сервис используется самим автором текста для того, чтобы проанализировать текст и сделать его более доступным для чтения, улучшая отдельные параметры.

По мере настройки индексов удобочитаемости на разных коллекциях текстов и с помощью различных классификаторов становится ясно, что вес тех или иных критериев нельзя определить раз и навсегда (ср. коэффициенты в формуле Флеша — Кинкейда) и что предлагаемые модели пока слишком зависят от обучающей коллекции, состава текстов, схемы определения экспертных оценок и случайных «шумных» данных в самих текстах.

Дальнейшее направление исследований видится в том, чтобы понять, как модели оценки удобочитаемости зависят от жанрового состава текстов. Кроме того, требуется исследовать более подробно, какие лингвистические факторы важны для определения отдельных уровней текста и для отдельных категорий читателей (например, студентов РКИ, достигших уровня B2, и т.п.).

Можно ставить и обратную задачу: с помощью экспериментальных исследований пытаться определить, что говорят оценки сложности текста о характеристиках самого эксперта (носителя языка или изучающего язык).

Очень важный прикладной аспект оценки удобочитаемости — потенциальное массовое применение индексов удобочитаемости для экспертизы лингвистических корпусов. Как известно, тексты НКРЯ и других общих корпусов в целом сложно использовать в обучении РКИ, особенно на младших ступенях (A1–B2). Сплошная оценка удобочитаемости текстов, с настройкой на РКИ, помогла бы выделить кластеры текстов, пригодных для использования в обучении. Наконец, полезно было бы вычислить индекс удобочи-

таемости всего корпуса как некоторый показатель, по которому этот корпус может быть противопоставлен другим корпусам.

Источники

Гращенко Л.А., Мизернов И.Ю. Анализ методов оценки сложности текста // Новые инф. технологии в автоматизир. системах. 2015. № 18. С. 572–581.

Дружкин К.Ю. Метрики удобочитаемости для русского языка [Электронный ресурс]: ВКР / НИУ ВШЭ. М., 2016. URL: <https://www.hse.ru/edu/vkr/184791276>.

Дружкин К.Ю. Readability: онлайн-сервис [Электронный ресурс]. 2015. URL: <http://web-corpora.net/wsgi3/readability/index>.

Кошелева Д. Определение уровня языковой сложности текстов для изучающих польский язык как иностранный: диплом. работа. М.: НИУ ВШЭ, 2015.

Миск Я.А. Методика разработки формул читабельности // Сов. педагогика и школа. 1974. № 9. С. 78–163.

Невдах М.М. Разработка методики автоматизированной проверки трудности восприятия учебного текста // Методика автоматизации отладки и тестирования реализации алгоритмов обработки изображений. 2010. С. 20–21.

Оборнева И.В. Автоматизированная оценка сложности учебных текстов на основе статистических параметров: дис. ... канд. пед. наук. М., 2006.

Петрова И.Ю., Окладникова С.В. Методика расчета базовых показателей читабельности тестовых материалов на основе экспертных оценок // Прикасп. журн.: упр. и высокие технологии. 2009. № 3 (7). С. 85–95.

Рогушина Ю.В. Использование критериев оценки удобочитаемости текста для поиска информации, соответствующей реальным потребностям пользователя // Проблемы програмування. 2007. № 3. С. 76–87.

Солнышкина М.И., Кисельников А.С. Параметры сложности экзаменационных текстов // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2: Языкознание. 2015. № 1. С. 99–108.

Ткачук Е.А., Кучма В.Р. Трудность современных учебников: мифы и реальность, способы оценки // Вопр. школ. и унив. медицины и здоровья. 2014. № 4. С. 15–22.

Тотальный диктант [Электронный ресурс]. URL: <http://totaldict.ru/dictants>.

Филиппова А.В. Управление качеством учебных материалов на основе анализа трудности понимания учебных текстов: автореф. дис. ... канд. тех наук. Уфа, 2010.

Шпаковский Ю.Ф. Оценка трудности восприятия текста // Тр. Белорус. гос. технолог. ун-та. Сер. 9: Изд. дело и полиграфия. 2012. Вып. XX. С. 72–75.

Chall J.S., Dale E. Readability Revisted: The New Dale-Chall Readability Formula. Cambridge, MA: Brookline Books, 1995.

Coleman M., Liau T.L. A Computer Readability Formula Designed for Machine Scoring // J. of Applied Psychology. 1975. Vol. 60. No. 2. P. 283–284.

Karpov N., Baranova J., Vitugin F. Single-Sentence Readability Prediction in Russian // Proc. of the 3rd Intern. Conf. “Analysis of Images, Social Networks, a. Texts” (AIST) / D.I. Ignatov, M.Y. Khachay, A. Panchenko, N. Konstantinova, R.E. Yavorsky (eds). Springer, 2014. P. 91–100. (Communications in Computer a. Inform. Sci.; vol. 436).

Kincaid J.P., Fishburne R.P.Jr., Rogers R.L., Chissom B.S. Derivation of New Readability Formulas (Automated Readability Index, Fog Count and Flesch Reading Ease Formula) for Navy Enlisted Personnel: Research Branch Rep. 8-75 / Naval Technical Training Command. Millington, TN: Inst. of Simulation a. Training, Univ. of Central Florida, 1975.

McLaughlin H. SMOG Grading — a New Readability Formula // J. of Reading. 1969. Vol. 12. No. 8. P. 639–646.

Readability.io: проект Ивана Бегтина [Электронный ресурс]. URL: <https://plainrussian.ru/>.

Reynolds R. Russian Natural Language Processing for Computer-Assisted Language Learning: PhD diss. UiT: The Arctic Univ. of Norway, 2016.

Tanaka-Ishii K., Tezuka K., Terada H. Sorting Texts by Readability // Computational Linguistics. 2010. Vol. 36. No. 2. P. 203–227.

Е. Протасова
Е. Хейсканен

Хельсинкский университет,
Финляндия

ОСОБЕННОСТИ СОХРАНЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В ФИНЛЯНДИИ

В Финляндии проживает более 72 тыс. русскоговорящих (Центр статистики, www.tilastokeskus.fi). К настоящему времени выросло поколение молодых людей, выучивших и русский, и финский языки непосредственно в Финляндии [Протасова, 2016; Lähteenmäki, Vanhala-Aniszewski, 2012]. Институциональная поддержка изучения русского языка обеспечивается наличием двуязычных детских садов, школ, возможностью заниматься русским как домашним языком 2 ч в неделю на протяжении 13 лет школьного обучения, сетью кружков и центров. Мы становимся свидетелями нового явления — массового формирования особой двуязычной личности. По сравнению с другими странами у финляндских информантов владение русским языком находится на более высоком уровне, оно близко к тому, которое показывают московские подростки.

Нарратив как инструмент выявления личности

Исследования жизни подростков часто базируются на нарративах [Стерга, 2014]. Возможно педагогическое вмешательство, коррекция траектории вживания в принимающее общество при помощи нарративных практик [Esquivel et al., 2010]. В разные жизненные периоды прошлое может реконструироваться в зависимости от настоящего и будущих целей, по-иному происходит соотнесение себя с другими упомянутыми в истории лицами и событиями. Степень подробности изложения и некоторые особенности повествования могут свидетельствовать об определенном психотипе личности. Поскольку в течение жизни рассказывать о себе приходится обычно неоднократно и с разной мотивацией, набирается опыт самообучения, а новые события интегрируются в уже описанные ранее, однако впервые по-настоящему самостоятельно человек начинает рассказывать о себе в подростково-юношеском возрасте [Habermas, Bluck, 2000; Hoyt, Pasupathi, 2009]. Создание рассказов о себе происходит не в пустом пространстве: окружающие реагируют, исправляют, подсказывают, реинтерпретируют,

что влияет на последующее внесение изменений в автобиографический нарратив.

Подростки — часто идеалисты, любят рассуждать о нравственности, думают о том, что правильно и неправильно не только для себя, но и для другого, и для общества в целом. Постепенно начинается и развивается понимание мыслей, чувств и убеждений других людей. Все большее значение имеют отношения со сверстниками, дружба и солидарность с ними. В языке происходит более точное разделение разговорной и литературной речи, больше производных прилагательных и существительных, появляются сложные предложения с многоуровневыми придаточными [Verman, 2004].

В работах [Barron-Hauwaert, 2004, 2011] особое внимание обращено на двуязычных тинейджеров, чьи речевые трудности могут иметь специфический характер. В этом возрасте многое меняется, и поиски своей принадлежности к какой-то группе друзей предполагают, что ребенок может стать таким же, как все в этой компании, т.е. общение происходит на молодежном языке, в соцсетях или в школе, а значит, как правило, на языке большинства. Молодежный сленг — особый стиль данного времени и места, изобилующий ругательствами, недоступный родителям. В общении с родителями словарь сокращается до нескольких слов, стремление поддерживать разговор исчезает. Ребенок может просить взрослого не говорить на втором языке в присутствии друзей, может игнорировать или высмеивать попытки родителей задавать вопросы или что-то обсуждать или выбирает для этого неподходящее время, отказывается от языка меньшинства. На самом деле второй язык не уходит, и подросток будет готов продемонстрировать отличное владение им в такой компании, где это будет важным, или, например, с родителем в машине по дороге на тренировку. Есть и новое средство усиления употребления второго языка: сеть друзей в Интернете, игры, где мотивация к использованию «своего» средства общения выше, чем в суботних школах или на уроках с родителями. Формирование идентичности билингва протекает менее проблемно, если школа двуязычная или интернациональная, если окружающая среда поддерживает двуязычие, например, когда в стране два государственных языка. Если в школе билингвизм кажется чем-то неправильным, отклоняющимся от нормы, ребенок может захотеть отказаться от своего второго языка. Атмосфера в стране может вынуждать к тому, чтобы у ребенка было только одно гражданство, а вместе с ним и один язык. Дети могут не видеть пользы или смысла во втором языке либо, наоборот, могут считать, что язык и культура меньшинства имеют преимущества перед доминирующими в окружении (например, в спорте и музыке), и подчеркивать свое происхождение.

Самоидентичность русско-финских подростков в Финляндии

В исследованиях по миграции [Рочева, 2011] детей, родившихся у родителей-переселенцев до или после переселения, часто называют полуторным поколением: они уже не такие, как их родители, но еще не такие, как местные жители. В рамках проекта гуманитарного факультета Хельсинкского университета мы пытались выявить особенности самоидентификации русскоязычных подростков, проживающих в столичном регионе. Мы опросили 16 человек 15–17 лет из русскоязычных семей (один ребенок был из двуязычной семьи), которые родились в Финляндии или переехали в эту страну в дошкольном возрасте. Нас интересовало то, как связаны в их развитии язык и культура, поэтому помимо анкетных данных мы собрали устные и письменные (на двух языках) рассказы по книжке-картинке. Исследование — часть большого проекта, осуществляемого совместно с О. Каган, М. Шварц и М. Минков в США, Израиле, Германии и Финляндии. Рассказы сравниваются также с аналогичным исследовательским материалом, полученным у подростков того же возраста в Москве. В настоящей статье мы опираемся только на устные интервью (буквальные цитаты выделены курсивом), в дальнейшем будет проведено сравнение рассказов на двух языках, а также устных и письменных текстов. Результаты будут сопоставлены в кросс-культурном плане.

Родители наших информантов оказались в Финляндии по разным причинам. У большинства — финские корни (оба родителя или один — ингерманландские финны). Если переезжало много родственников, особенно в тяжелые 1990-е годы, то родители могли отправиться вслед за ними. У некоторых родители переехали в Финляндию до их рождения, познакомились и создали семью уже здесь. Несколько семей оказались в стране из-за работы или из-за того, что не было хорошей работы в том месте, где они жили, хотя в целом жизнь была нормальной. Упомянуто, что переезд состоялся из-за войны, нестабильности, беспокойной жизни или из-за того, что обокрали квартиру. Многие сознавались, что в Финляндии легче, лучше жить, более высокий уровень жизни, особенно для семей с несколькими детьми, и тут сразу дают жилье и обеспечивают *«небольшое начало для жизни»*. Все же дети достаточно объективны, сообщая, что у некоторых родителей друзья остались на родине и живут там хорошо, а родители скучают. О Советском Союзе им рассказывали и хорошее, и не очень, но заметно, что о той жизни у следующего поколения складываются мифы.

В нашей небольшой выборке подростки в основном считали себя русским или русской, но несколько человек — финном или финкой, а еще не-

сколько говорили о половинчатой идентичности или рассуждали на эту тему так¹: «наполовину наполовину»; «Даже не знаю, у меня как бы нет такого... Что я как бы и туда, и туда отношусь»; «Хочу быть чисто русской, хотя я знаю, что я наполовину финка, но я все равно себя считаю чисто русской»; «На самом деле это очень сложный вопрос... потому что... я... я наполовину русская, наполовину финка. Так что я не могу сказать, что я русская или финка. Ну я думаю, что я больше русская, чем финка. Потому что я общаюсь с людьми русскими все время и как-то с финнами я не очень, хотя я тут родилась, и странно...»; «Смотря с какой точки зрения. А так как я родилась в Финляндии и все мое окружение было финским вот с рождения, в принципе я должна считать себя финкой, но так как мои родители русские и воспитывали меня по-русски, по русским обычаям, можно так сказать, я считаю себя русской»; «Скорей всего, все-таки больше русская, чем финка. Но я в то же время горжусь тем, что во мне, так сказать, две культуры»; «Вообще, русский, наверное. Ну, потому что живу почти всю жизнь тут уже немножко наполовину финн, наверное». Один человек не ограничивал себя: «Я не привязываю себя к одной стране, я считаю, что я многонациональный человек». В целом ответы очень искренние и позитивные, но трудно сказать, приходится ли нашим испытуемым самим задавать себе такой вопрос или же они размышляют об этом только под влиянием нашего вопроса.

Все опрошенные показали, что у них среди друзей больше русских, чем финнов, за исключением ребенка из двуязычной семьи. Попались интересные объяснения: «Ну по-фински как-то нету... ну есть только знакомые. Нет хороших друзей»; «Ну да, есть. Но не такие, что прям друзья-друзья, но да, хорошие... знакомые, так скажем». Удивительно, что уже в этом возрасте русское представление о дружбе доминирует, во всяком случае в беседе на русском языке. Информанты собираются создавать семью с русскими; думают, что их дети должны знать русский язык; хотят найти работу, где будет нужен русский язык. Обычно отмечают и русские праздники, и финские. Почти все брали дополнительные уроки русского языка или ходили на школьный факультатив по домашнему языку. Они не знают русскую классику, но посещали русские кружки. Они немного знают русское телевидение, Рунет, русский «Фейсбук» и русскую музыку. О вкладе русских в Финляндию вспомнили, что он в принципе был, колебались, стоит ли называть Александра II, Ленина и Маннергейма, но эти исторические имена повторялись почти у всех.

На вопрос о смешении языков в речи говорили, что это происходит в общении с друзьями, которые знают оба языка: если не находится слово на русском (вообще не извлекается из лексикона) или не подбирается подходящее слово (по-видимому, не удовлетворяет стилистический оттенок слова или

¹ Здесь и далее в примерах сохранена оригинальная орфография и пунктуация.

кажется, что стоящая за словом реалья иная), переходят на финский, и наоборот. Вообще, с их слов, доверительность к собеседнику может выражаться в том, что в речь вставляются финские слова. В более крупном масштабе детям приходится переключаться с языка на язык, когда они встречаются с русско- или финноязычными знакомыми в школе. У кого-то мир делится на общение с финнами в школе и с русскими за ее пределами. Большинство следит за своей речью и старается разделять языки, контролирует себя, но отмечает, что иногда такое случается (некоторые слова не сразу подбирались и во время наших бесед на русском). Несколько человек фиксировали, что смешение происходит и в общении с родителями, причем выяснилось, что не все родители одинаково хорошо говорят по-фински, что в семьях иногда устраиваются дни финской речи, но с некоторыми родителями можно говорить и по-английски, и по-французски. События, которые произошли в Финляндии, логичнее обсуждать по-фински. Кто-то общается и в неоднородной по языку компании: *«Часто... ну, например, в школе бывает. С друзьями общаемся и одновременно другие ребята, которые говорят по-фински. Переводим то, о чем мы говорим с друзьями, которые говорят по-русски, переводим для финнов, например, шутки, анекдоты разные»*. Разумеется, такой спонтанный перевод — это особая задача, развивающая определенные умения. Рассказано о том, что определенные практики могут сложиться в общении с каким-то человеком, например: *«Вот я часто с ним веду диалог на финском и на русском. Вот как бы 70% на русском и что-то там добавлю на финском. Или когда я с кем-то переписываюсь, то тоже бывает там на финском, на русском»*. В таких вариантах происходит стилистическое подстраивание к многоязычному сообществу, использование собственного мультилингвизма как приема. Двое ответивших указали, что переходят на другой язык, если их не понимают.

Нам показались забавными ответы на вопрос о реакции родственников на ошибки в русском языке. Оказалось, что в семье есть разные установки, одни вмешиваются всегда, а другие никогда или редко. Большинство отметили, что взрослые считают их русский язык нормальным, хорошим, однако реагируют на ошибки и могут их исправлять, а некоторые упомянули конкретные формы реакции: *«Они начинают сначала смеяться, а потом говорят, типа, повторяют мое слово, и я сама слышу ошибку. И переделываю»*; *«Если какие-нибудь слова коверкаю или что-нибудь такое, то исправляют»*; *«Ну да, периодически если какую-то глупую ошибку там, допустим в каком-то окончании сделаю, да. Бывают, исправляют... Ну да, типа как неграмотная»*. С точки зрения опрошенных, получать замечания и исправления — хорошо. Один информант заявил категорично, будучи уверенным в своей компетентности: *«Я не ошибаюсь вообще. Как бы ну, там, мож какое-нибудь слово там неправильно скажу. Какое-нибудь, ну вообще нет, не поправляют»*.

Нас очень интересовало, есть ли особая русская культура в Финляндии, что вообще понимать под этим. Вопрос оказался трудным для интерпретации, не все знали, что сказать. Ответы были очень разными. Говорили, например, что это еда. Стереотипы заставляют думать о всяких матрешках, сарафанах, блинах, накрытом столе, борще; *«кто-то думает, что русские любят пить, но я думаю, что это все бред на самом деле. Русские, ну, мало пьют, это финны как раз больше пьют, а так русская культура, она богатая, и то, что по истории, и все такое очень расширенное»*. Или то, чего в Финляндии не существует. Финнам интересно узнать, какая школа в России, и девушка считает, что образование там намного сильнее, ей не верят, но она не настаивает на своей точке зрения. Респонденты приходят к выводу, что все, кто приехал в Финляндию из разных стран, адаптировались к финскому образу жизни и ведут себя так, как принято здесь; в частности, *«русская культура преобразилась немного в Финляндии и взяла в себя часть из финской культуры»*; *«они как бы русские, но как бы финны. Как бы стремятся к финскости больше, ну, такие средние»*. Важно, что в качестве признака русскости упомянули и русский язык. Намекали на то, что вариантов понимания множество, у каждого своя культура. Трогательно прозвучало размышление о качествах характера, выстроенное, в свою очередь, на чужих стереотипах: *«Ну, мне кажется русские больше общительные, как в Финляндии, так и вообще везде. Более смелые, наверно. Может быть, иногда это, конечно, негативно как-то тоже сказывается, то есть каждые люди же... по-разному себя ведут. Ну, мне кажется, что русский народ... как-то мы способны на такие поступки, на которые финны не способны»*. Необычным для русских, но типичным для финнов был ответ о том, что русские любят собирать ягоды (с нашей точки зрения, финны собирают их больше) и, после подсказки, грибы (считается, что финны собирают их меньше и в основном на востоке Финляндии).

Наконец, нам было интересно, посещали ли подростки другие страны, где говорят по-русски, и какое у них сложилось впечатление от этих путешествий. Обычно называют Россию, Эстонию и Украину (у многих там родственники), также Израиль, Латвию, Литву, Польшу, Болгарию, Чехию. Приходят к выводу: *«По-русски говорят везде, на самом деле»*. Впечатления от такого общения в транснациональных сообществах пока неопределенные. Обычно нравятся Россия и Эстония, Таллин и Петербург (в Питере *«красивый метро, по сравнению с Финляндией. Красивые потолки, и потом сам город Питер очень красивый, захватывающий»*; *«Обожаю архитектуры в Питере»*), Москва — меньше: *«мне не нравится, что вот грубо иногда общаются с людьми»*; *«вот русские, живущие в Таллине, чего-то мне не очень нравятся»*; *«в России русские — хорошие. А как бы, ну я говорю по-русски, в России — говорят по-русски, ко мне нормально относились»*; *«Там люди как, допустим, нечаянно толкнул,*

извиняются... ну, стараются более дружелюбными быть». В России «намного веселее, чем тут. Тут я уже все повидала и как-то вот скучно, а когда я еду в Россию, всегда хочу куда-то выбраться. Погулять куда-то, зайти в какие-то музеи». В Эстонии «мне это все очень нравилось, хоть это такая маленькая деревня, там магазинов вообще почти не было. Мне там очень весело было. Ничуть не хуже, чем здесь, в Хельсинки. Хоть здесь намного больше возможностей, чем там». Привлекает возможность говорить по-русски: «это было прикольно, то что как бы со всеми, то есть с большинством можно было на русском говорить»; «Там эстонцев вообще нету и там всё на русском говорят, в магазинах, везде всё на русском говорят»; «А от Эстонии не такие насыщенные впечатления, но все же добрые люди. Говорят много на русском, удивительно, что на эстонском почти никто. Никого не встречал, кто говорит»; «Все-таки моя другая родина и классно побыть в месте, где все говорят по-русски». У некоторых визиты к родственникам своеобразны: «Когда я была в России... можно сказать, сижу в четырех стенах, так как мы как в загородном... месте там обитаем, и по этой причине я... не езжу туда как туристка и не знакомлюсь с достопримечательностями, а просто сижу и нянчусь с племяшками». Самое меткое определение, и скорее финское, такое: «Чего от поездок в Россию остается, это... бывание в городе, который миллионы людей живут. Как бы самое такое интересное».

В целом можно заметить, что подростки все еще находятся под сильным влиянием родителей, знают русскую культуру поверхностно, а русский язык достаточно хорошо, скорее как родной, чем как иностранный. Если в будущем они свяжут свою жизнь с Финляндией, их финскость может укрепиться, а русскость отойти на задний план. Молодые люди более скупы на слова, реже пускаются в пространные рассуждения, чем взрослые, отвечающие на подобные вопросы.

Выводы

Размер русскоязычной диаспоры в стране и за ее пределами способствует созданию транснационального сообщества и использованию языка. Политическая ситуация и отношения между странами могут влиять как положительно, так и отрицательно на необходимость иметь экспертов по России. В благоприятных обстоятельствах есть возможность использования языка в стране и за ее пределами, происходит взаимное посещение стран, поддержка государством изучения языка. Чтобы сохранить язык, стоит использовать разные способы его изучения: школы, кружки, поездки в Россию, образование на русском языке, лагеря. Достаточный объем инпута в чувствительном возрасте и в последующем, активное разнообразное чтение позволяет иметь

большой словарный запас, а это — необходимое условие для понимания языка и письма. Стоит шире опираться на помощь родителей в изучении языка. Поездки в Россию должны быть мотивированы не только родственным общением и туризмом, но и возможностью что-то делать, чему-то учиться, встречами по интересам. В мире ждут современных российских учебников русского языка для обычной школы, которые наконец-то могли бы соответствовать мировым стандартам. Нужны также «страновые» учебники русского языка, которые учитывали бы местную терминологию, локальную русскую историю, обучали преодолевать трудности перевода. Наконец, в России должно произойти узаконивание двуязычия и многоязычия как естественного явления повседневной жизни.

Источники

Протасова Е. Языковая политика в современной Финляндии и русский язык // Настройка языка: упр. коммуникациями на постсов. пространстве / под ред. Е.Г. Лапиной-Кратасюк, О.В. Мороз, Е.Г. Ним. М.: Новое лит. обозрение, 2016. С. 413–437.

Рочева А.Л. «Полуторное» поколение мигрантов: множественная маргинальность (обзор литературы) [Электронный ресурс] // ИС РАН: офиц. сайт. 2011. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=2355>.

Barron-Hauwaert S. Bilingual Siblings: Language Use in Families. Bristol: Multilingual Matters, 2011.

Barron-Hauwaert S. Language Strategies for Bilingual Families: The One-Parent-One-Language Approach. Clevedon: Multilingual Matters, 2004.

Cierpka A. Narrative Identity of Adolescents and Family Functioning // Psychology of Language a. Communication. 2014. Vol. 18. No. 3. P. 263–279.

Esquivel G.B., Oades-Sese G.V., Jarvis M.L. Culturally Sensitive Narrative Interventions for Immigrant Children and Adolescents. Lanham: UPA, 2010.

Habermas T., Bluck S. Getting a Life: The Emergence of the Life Story in Adolescence // Psychological Bull. 2000. Vol. 126. No. 5. P. 748–769.

Hoyt T., Pasupathi M. The Development of Narrative Identity in Late Adolescence and Emergent Adult // Developmental Psychology. 2009. Vol. 2. No. 45. P. 588–574.

Language Development across Childhood and Adolescence / R.A. Berman (ed.). Amsterdam: Benjamins, 2004.

Lähteenmäki M., Vanhala-Aniszewski M. Hard Currency or Stigma: The Russian-Finnish Bilingualism among Young Russian-Speaking Immigrants in Finland // Dangerous Multilingualism: Northern Perspectives on Order, Purity a. Normality / J. Blommaert (ed.). Houndsmills: Palgrave Macmillan, 2012. P. 121–141.

С. Славкова

Болонский университет,
Италия

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДАННЫХ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА В ПРЕПОДАВАНИИ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ

Общие замечания

Теоретическое изучение современного русского языка, как правило, сопровождается иллюстрированием научных положений примерами из русской литературы. В последние годы для анализа различного рода языковых явлений появилась возможность пользоваться таким качественно новым средством исследования русского языка, как Национальный корпус русского языка (НКРЯ). В частности, НКРЯ не только является источником конкретных примеров использования лексических единиц и грамматических конструкций, но и позволяет получить объективные данные об употреблении, частотности, сочетаемости той или иной языковой единицы, что делает его исключительно удобным инструментом как в аудитории, так и для самостоятельной работы студентов.

В предлагаемом докладе мы рассмотрим возможности применения НКРЯ в изучении некоторых аспектов русского языка — как лексических, так и грамматических — в итальянской аудитории. В частности, мы остановимся на некоторых тенденциях в использовании существительного *фактура*, предлога *про*, а также на вопросе определения видовой пары (на примере базового глагола *жарить*).

Существительное *фактура*

Работа с иностранными студентами предполагает необходимость уделять специальное внимание так называемым «ложным друзьям переводчика». Рекомендуются при этом обращаться к дефинициям, представленным в толковых словарях.

В толковых словарях русского языка отмечены следующие значения слова **«фактура»**: «1. Своеобразие художественной техники в произведениях искусства. 2. Характер обработки, строение какого-л. материала, определяющие внешний вид ткани, стекла и т.п. 3. *торг.* Счет с описью проданного товара, отправляемый покупателю» [МАС, 1999], а также: «I *ж.* 1. Особенности отделки поверхности какого-либо материала. 2. Своеобразие художественной техники в произведениях искусства. 3. *перен.* Внешние данные кого-либо. II *ж.* Счет с описью товара, удостоверяющий фактическую поставку товара, услуг и их стоимость» [Большой современный толковый словарь..., 2012] и «1. Характер обработки, строение какого-л. материала, определяющие его внешний вид. *Гладкая, ворсистая ф. ткани. Интересная ф. дерева. Ф. стекла, гранита. Воспроизвести фактуру мрамора. Обрабатывать материал с учетом фактуры. Подобрать одинаковые по фактуре лоскутки.* 2. Своеобразие художественной техники в произведениях искусства. *Ф. пушкинского стиха. Полифоническая ф. музыкального произведения.* 3. *Бухг.* Счет, выписываемый продавцом на имя покупателя, удостоверяющий фактическую стоимость товара или услуг, их поставку» [БТС, 2000, с. 1414].

Из толкований видно, что слово *фактура* в указанных основных значениях (1 и 2) целиком заимствовано из латыни («*factura* — обработка, строение» [МАС, 1999]). Несмотря на то что латинское существительное *factūra* является производным от глагола *facĕre* («делать»), русское слово *фактура* не восходит к другому, мотивирующему слову. Тем не менее эти значения не представляют трудности для итальянских студентов. То же самое можно сказать и о значении «счет с описью проданного товара», которое не будет рассматриваться в настоящей статье.

Работа с параллельным Русско-итальянским корпусом показала, что итальянскому слову *fattura* в значении «характер обработки, строение какого-л. материала, определяющие внешний вид ткани, стекла и т.п.» русское *фактура* соответствует всего один раз, а самым частым соответствием существительному *fattura* является слово *работа* или производные от глагола *делать* — как в примерах (1) и (2)¹.

¹ Здесь и далее в примерах сохранена оригинальная орфография и пунктуация.

- (1) *“Bella fattura”, commentò Guglielmo che riusciva a vedere bene le immagini* [Umberto Eco. *Il nome della rosa* (1980)]. — *«Хорошая работа», — кивнул Вильгельм, который рисованные образы различал лучше, чем литеры* [Умберто Эко. *Имя розы* (Е. Костюкович, 1989)], см. www.ruscorpora.ru.
- (2) *Из стены ее вышел оборванный, выпачканный в глине мрачный человек в хитоне, в самодельных сандалиях, чернобородый* [М.А. Булгаков. *Мастер и Маргарита* (ч. II) (1928–1940)]. — *Dal suo muro uscì un uomo cipo, dalla barba nera stracciato, sporco di creta, con indosso un chitone e sandali di fattura casalinga* [Mikhail Bulgakov. *Il Maestro e Margherita* (p. 2) (Vera Dridso, 1967)], см. www.ruscorpora.ru.

Однако в современной речи (в НКРЯ самое раннее употребление зарегистрировано в 1996 г.) все чаще встречаются такие примеры, как (3)–(6):

- (3) *Они все про всех знают и обо всем имеют абсолютно непрекаемое мнение. Мнением, конечно, можно пренебречь, зато **фактуру** такие свидетели дают богатую* [Александра Маринина. *Чужая маска* (1996)], см. www.ruscorpora.ru.
- (4) *В правительство и администрацию снова посыпались явно организованные письма от якобы «ветеранских» организаций со всякой лживой фактурой. Например, будто бы я сказал, что Ленинград надо было сдать фашистам, чтобы спасти город от гибели, а людей — от голода* [Александр Яковлев. *Омут памяти*. Т. 2 (2001)], см. www.ruscorpora.ru.
- (5) *Обещают, что отныне каждый визит Миронова будет оснащен не только видео-, аудио- и фотокартинками, но и аналитикой по тем регионам, куда едет Миронов — **фактуру** для СМИ в онлайн-режиме будут собирать помощники и советники СФ* [Известия. 29.09.2002], см. www.ruscorpora.ru.
- (6) *Раньше историографическая **фактура** конструировалась постепенно, при устойчивом разделении труда участников дела. Историки собирали свидетельства, восстанавливали ход события, составляли архив. Бумаги копились, складывались, пылились, время от времени ворошились. **Фактическое течение событий** пропускалось через детерминистские обобщения* [Шкуратов В. *Эффект Гулливера // Знание — сила*. 2009. № 4], см. www.ruscorpora.ru.

Как видно из перечисленных примеров, существительное *фактура* употребляется в них в совершенно другом значении, не отмеченном в словарях

русского языка. В параллельном Русско-итальянском корпусе оно также ни разу не встречается. Это существительное, *фактура*, не восходит к латинскому существительному *factūra* (связанному в языке-источнике с исходным глаголом *facēre* («делать»)). Контексты его употребления таковы, что можно предположить, что оно образовано от существительного *факт* с добавлением суффикса *-ура* и называет совокупность фактов. В пользу этой гипотезы можно привести дефиницию значения суффикса *-ура* по Толковому словарю словообразовательных единиц современного русского языка: «Нерегулярная словообразовательная единица, выделяющаяся в имени существительном, которое обозначает совокупность предметов, названных мотивирующим именем существительным: *аппаратура*» [Ефремова, 1996, с. 479]. Отличается это слово от известных нам значений слова *фактура* и сочетаемостью — чаще всего оно встречается в окружении таких слов, как *собирать, искать, находить, подбирать, богатая* и др.

Таким образом, при работе с параллельным корпусом мы получили подтверждение всех традиционных значений слова *фактура*, новое же употребление слова в значении «совокупность фактов» зафиксировано только в сравнительно недавних материалах НКРЯ и, как выяснилось, отсутствует в толковых словарях русского языка.

Предлог *про*

Изучение такой темы, как синонимы и синонимические средства языка, предполагает также анализ смысловых оттенков, возникающих при употреблении в речи предлогов. В данном параграфе мы рассмотрим синтаксические функции предлога *про* в некоторых конструкциях.

При изучении синонимических средств русского языка неизбежно обращение и к такой известной паре предлогов, как *о* и *про*. В традиционной русской грамматике (да и в словарях) они рассматриваются как стилистические синонимы: «Синонимический ряд образуют предлоги с изъяснительным значением, например: *разговоры о поездке — про поездку — насчет поездки — относительно поездки — касательно поездки*. В этих сочетаниях можно отметить убывающую конкретизацию предмета речи и стилистическое различие: разговорный характер предлогов *про* и *насчет*, книжный (присущий старой и деловой речи) — предлогов *касательно* и *относительно* и нейтральный характер предлога *о* при глаголах речи или мысли и соответствующих существительных» [Розенталь, 2004, с. 290].

Ниже мы рассмотрим синтаксические функции предлога *про* в некоторых конструкциях. Грамматические отношения, выражаемые предлогом *про*,

В.В. Виноградов относит к делиберативным, а именно служащим «для указания на содержание, повод суждения, на предмет мысли, речи, чувства (при глаголах и именах *sentienti et declarandi*)» [1986, с. 564].

Иностранным студентам, как правило, предъявляется в первую очередь изъяснительное значение предлога *pro*, соответствующее значению предлога *o* при глаголах речи или мысли и соответствующих существительных; в итальянской грамматике этому значению соответствует «дополнение предмета речи» (*complemento d'argomento*). Еще В.В. Виноградовым отмечалось, что предлогу *pro* в изъяснительном значении суждено рано или поздно выйти из активного употребления (ср.: «Предлог *pro* явно угасает, вытесняемый предлогом *o* с предложным падежом» [Там же, с. 558] и далее: «Слабые формы постепенно отмирают (например, сочетания с предлогом *pro* после глаголов речи, чувства, изъясления)» [Там же, с. 572]). И действительно, примеров с *думать, говорить, спрашивать + pro + ВП_{одуш}* в десятки раз меньше, чем с теми же глаголами + *o + ВП_{одуш}*:

думать на расстоянии от **1** до **1** от **o**: 21 114 примеров;

думать на расстоянии **1** от **pro**: 1042 примера;

говорить на расстоянии **1** от **o**: 42 956 примеров;

говорить на расстоянии **1** от **pro**: 3160 примеров;

спрашивать на расстоянии **1** от **o**: 1240 примеров;

спрашивать на расстоянии **1** от **pro**: 341 пример.

Разумеется, это не единственное значение предлога *pro*, хотя и самое частотное. В толковых словарях, помимо значения, синонимичного предлогу *o*, указаны также толкования следующих значений: «3. *Устар. и прост.* Употребляется при указании на лицо, в интересах которого совершается действие или которому что-л. предназначается; соответствует по значению предлогу “для”» [МАС, 1999]; «2. *Разг.* Для, ради, в предназначение для кого-, чего-л.» [БТС, 2000].

Однако в последние годы все более активно встречается предлог *pro* с одушевленными существительными в значении, несколько отличающемся от указанных выше. Конечно, проследить частотность и хронологию употребления предлога *pro* с одушевленными существительными в НКРЯ в этом специфическом значении² крайне затруднительно, так как все найденные примеры (20 071) пришлось бы обрабатывать вручную. Однако если учесть, что в современной русской речи (т.е. в речи носителей последних десятилетий) такое *pro* встречается в контекстах несогласия с вовлечением говорящего в определенную ситуацию, т.е. в конструкциях с отрицанием, мы решили ограничить наше исследование отрицательными контекстами: «не *pro + ВП*»

² *pro* на расстоянии **1** от (S | SPRO),acc,anim.

(не на расстоянии 1 от про на расстоянии 1 от (S | SPRO),acc,anim). Было найдено 277 примеров, из них 34 с интересующим нас значением *про*.

Для установления семантического объема предлога *про* проводился тест на замену его на предлоги *для* и *о* без изменения контекста. И действительно, в некоторых случаях (примеры (7) и (8)) такая замена оказалась возможной без ошутимой потери смысла:

- (7) ...*может, вам пока сконцентрироваться больше на себе и детках, а там и муж подтянется? : -) [tesh31, nick]. — Хороший совет, но не про меня, спасибо* [коллективный форум: Вопрос про себя (2012)] (= этот совет не для меня, мне не подходит), см. www.ruscopora.ru.
- (8) *Узок круг этих людей, страшно далеки они от народа. Это не о декабристах — это о поклонниках внедорожников Land Rover Discovery и Isuzu Trooper* [Николай Качурин. Бой местного значения (2002) // Автопилот. 15.10.2002] (= это не о декабристах [здесь] сказано), см. www.ruscopora.ru.

Однако анализ примеров показал, что выражение *X не про + ВП_{одуш}* (чаще всего *это не про + ВП_{одуш}*) используется целенаправленно не только и не столько для указания на лицо, о котором идет речь (изъяснительное значение) или в интересах которого совершается действие, сколько для опровержения возможной или предполагаемой идентификации объекта с определенной характеристикой или соотношения его с определенной ситуацией. В результате, как нам кажется, можно выявить употребление, не вписывающееся в словарное толкование (примеры 9–10). Речь идет о модальном значении оценки, о возможности выразить свое отношение к уместности или неуместности определенной характеристики, к соответствию или несоответствию признака и лица-носителя признака: «нельзя сказать X об Y-е», «нельзя приписать Y-у X»:

- (9) *Я так со многими неприятностями пытаюсь поступать. Не знаю, как это у меня получается. И как я этому научилась. — «Преодоление» — это не про меня. Про меня, наверное, старание. Старание такое: принимать то, что происходит, таким, как оно есть. Как данность* [Яна Зубцова. Ингеборга вне контекста (2002) // Домовой. 04.05.2002] (= нельзя сказать этого обо мне, нельзя приписать мне такую характеристику), см. www.ruscopora.ru.
- (10) *Но не жадничает, — говорит Александр Сергеевич. — Берем ровно столько земли, сколько можем обработать. ... Если человек расширяет дело, кое-кому приходит в голову мысль: не иначе как с целью «прихватить». Но это не про Игнатенкова. Им другое движет* [Аграрная партия России: выбирай родное, голосуй за своих! (2003) // Сель-

ская новь. 11.11.2003] (= нельзя сказать этого об Игнатенкове, «он не вписывается в ситуацию “прихватить”»), см. www.ruscofroga.ru.

Употребление, подобное *это не про + ВП_{одуш}* (34 примера в нужном нам контексте), для предлога *о* не характерно: мы не нашли ни одного примера *это не о + ПП_{одуш}* в рассматриваемом модальном значении. Похоже, происходит эволюционирование значения предлога *про*, развитие его в сторону большей абстрактности, использование его для указания направления мысли, меняется его стилистическая характеристика (т.е. уже не *устар.* и не *прост.*, хотя его использование и остается в рамках устной формы речи). Все это, а также возникающий в указанной конструкции специфический модальный эффект позволят ему закрепиться.

В результате, как нам кажется, можно выявить интересное употребление предлога *про*, не вписывающееся в словарное толкование. Речь идет о модальном значении оценки, о возможности выразить свое отношение к уместности или неуместности определенной характеристики, к соответствию или несоответствию признака и лица — носителя признака: «нельзя сказать X об Y-е», «нельзя приписать Y-у X». Иными словами, конструкция *про + —* одушевленное лицо указывает на лицо, в отношении которого что-либо оценивается, по отношению к которому характеризуется что-либо (в некотором смысле «примеряется» некая характеристика — подойдет / не подойдет). Чаще всего эта оценка отрицательная.

В параллельном корпусе мы не нашли ни одного примера подобного употребления; это связано, по-видимому, с тем, что русские исходные тексты относятся к русской классической литературе, практически нет современных, тем более из устной речи.

О видовом корреляте к глаголу жарить

Приведем здесь и один случай использования НКРЯ при работе над категорией вида глагола, а именно для установления видового коррелята глагола *жарить*.

Если обратиться к лексикографическому описанию глагола *жарить* в русском языке в толковых словарях русского языка, то увидим, что в качестве видового коррелята глагола *жарить* как в МАС, так и в БТС указан глагол *изжарить* (иногда наряду с *зажарить*), а глагол *пожарить* рассматривается прежде всего в значении делимитатива, т.е. в значении «жарить некоторое время» и «изжарить, зажарить в некотором количестве».

Однако, обратившись к такому ресурсу, как НКРЯ, и, в частности, используя возможность задать подкорпус по периодам, мы проследили тен-

денцию постепенного расширения употребления глагола *пожарить* в чистовидовом значении, что позволяет рассматривать его в качестве видового коррелята глагола *жарить*. И действительно, количественное соотношение глаголов *изжарить* : *пожарить* в первой половине XX в. было 6 : 1, в период с 1986 до 2000 г. — уже 1 : 2, а с 2001 до 2015 г. — 1 : 4.

Сказанное говорит о том, что в период ослабления предписывающего действия языковой нормы естественная речь носителей русского языка может стать показателем некоторых интересных тенденций развития языка. Так, например, рассмотренный нами случай можно интерпретировать как процесс развития видовой коррелятивности как за счет расширения семантики и перехода некоторых глаголов из класса несоотносительных глаголов СВ («*пожарить* некоторое время») в категорию глаголов СВ, входящих в видовую пару (*жарить* — *пожарить*)³, так и за счет образования (или активизации употребления) вторичных имперфективов к существующим уже перфективам (*изжарить* — *изжаривать*).

Таким образом, высвечиваются некоторые интересные тенденции развития видовой парности с исходным глаголом *жарить*. И действительно, относительно пары *жарить* — *пожарить* можно предположить, что происходит процесс развития видовой коррелятивности за счет расширения семантики и перехода глагола *пожарить* из класса несоотносительных глаголов СВ («*пожарить* некоторое время») в категорию глаголов СВ, входящих в видовую пару (*жарить* — *пожарить*), в частности, за счет переосмысления значения префикса *по-* как словообразовательной единицы, образующей в данном случае не делимитатив, но глагол совершенного вида⁴ «со значением конечного предела... или доведения до результата... действия, названного мотивирующим словом» [Ефремова, 1996, с. 376]⁵.

При этом расширил свое употребление вторичный имперфектив *изжаривать*, который, хотя и не встречается в НКРЯ, на интернет-сайтах употребляется в значении как процесса, так и итератива. Ср. примеры (11) и (12):

³ Здесь необходимо отметить, что уже после проведенного анализа и работы с НКРЯ мы обнаружили видовую пару *жарить* — *пожарить* в «Большом универсальном словаре русского языка» под редакцией В.В. Морковкина, вышедшем в 2016 г. [Большой универсальный словарь..., 2016].

⁴ Приставка *по-* при этом меняет свой статус: из класса супралексических префиксов (делимитативное *по-*) она переходит в класс лексических (чистовидовое *по-*). Подробнее о лексических и супралексических префиксах см.: [Татевосов, 2009].

⁵ К сожалению, в параллельном Русско-итальянском корпусе глагол *пожарить* не встречается ни разу, а формы глагола *изжарить* встречаются 8 раз в произведении «Пиноккио» К. Коллоди (в переводе 1959 г.).

- (11) ...*В Америке народ любит собираться и **изжаривать** мясо* [<http://kiselevy.livejournal.com/18752.html?thread=154432>].
- (12) ...*из материалов выколупать содержимое, свернуть как конфетку, и **изжаривать** в рафинированном масле* [<http://myltiwarkys.blogspot.it/2013/03/blog-post.html>].

Необходимо заметить, что вторичный имперфектив *изжаривать* отмечен в отдельной словарной статье в [Ефремова, 2000] с отсылкой к совершенному виду *изжарить* и приводится как видовой коррелят в статье глагола *изжарить* в [БТС, 2000]⁶.

Глаголы *изжарить* и *пожарить* различаются также управлением: глагол с префиксом *по-* управляет как винительным падежом объекта (примеры (13) и (14)), так и родительным «части целого» (примеры (15) и (16)).

- (13) — *Самое простое и быстрое — это **пожарить** мороженую осетрину* [Татьяна Моспан. Подиум (2000)], см. www.ruscorpora.ru.
- (14) *Бегал на улицу, принес полмешка картошки, потом еще что-то доставал по просьбе Студента из его нарт. **Пожарили** рыбы* [Виктор Ремизов. Воля вольная // Новый мир. 2013. № 2], см. www.ruscorpora.ru.

В НКРЯ глагол *изжарить* с родительным падежом объекта (15) встречается единственный раз и относится к 1854 г. Преобладание управления винительным падежом объекта (16) можно объяснить тем, что префикс *из-* реализует значение «предельной полноты, исчерпанности, крайней степени проявления или доведения до результата действия, названного мотивирующим словом» [Ефремова, 1996, с. 171].

- (15) — *Сыр весь, масла также не присылали с мызы! — Так **изжарь** каштанов. — У меня в жаровне давно уже один пепел...* [Е.П. Ростопчина. Палаццо Форли (1854)], см. www.ruscorpora.ru.
- (16) *Намотайте на палочку кусок проволоки и **изжарьте** грибной «шашлык» на костре* [Синельников С., Соломоник Т., Лазерсон И. Грибоедовское (2003) // Петербургский Час пик. 17.09.2003], см. www.ruscorpora.ru.

Итак, можно отметить тенденцию к «перераспределению» видовых отношений глагола *жарить* с перфективами *зажарить*, *изжарить* и *пожарить*: с одной стороны, глагол *пожарить* занимает позицию видového коррелята

⁶ Интересно, что глагол *изжаривать* отмечен также и в [Даль, 1981] (при полном его отсутствии в МАС и в [Ожегов, Шведова, 1992]).

глагола *жарить*, а с другой — вторичный имперфектив *изжаривать* образует видовую пару с *изжарить*⁷.

Таким образом, мы показали, что НКРЯ не только является удобным источником конкретных примеров использования лексических единиц и грамматических конструкций русского языка, но и позволяет получить объективные данные об изменениях и тенденциях развития русского языка, еще не отраженных в словарях и грамматиках.

Источники

Большой современный толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] // Slovar.cc: сайт. 2012. URL: <https://slovar.cc/rus/tolk.html>.

Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2000. (БТС)

Большой универсальный словарь русского языка / под ред. В.В. Морковкина. М.: Словари XXI века: АСТ-Пресс Школа, 2016.

Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.: Высш. шк., 1986.

Даль Вл. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Рус. яз., 1981.

Ефремова Т.Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц современного русского языка. М.: Рус. яз., 1996.

Ефремова Т.Ф. Новый толковый словарь [Электронный ресурс]. М.: Дрофа: Рус. яз., 2000. URL: <http://www.efremova.info/>.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1992.

Розенталь Д.Э. Справочник по правописанию и литературной правке. 5-е изд., испр. М.: Айрис Пресс, 2004.

Словарь русского языка [Электронный ресурс]: в 4 т. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.: Полиграфресурсы, 1999. URL: <http://www.feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>. (МАС)

Татевосов С.Г. Множественная префиксация и анатомия русского глагола // Корпус. исследования по рус. грамматике / ред.-сост. К.Л. Киселева, В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина, С.Г. Татевосов. М.: Пробел, 2009. С. 92–156.

⁷ В связи с этим «чистовидовой» статус префикса *из-* оказывается под вопросом, но это уже тема для другой работы.

Е.Л. Шнитке
З.Д. Иванова

Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа экономики»

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ СОЮЗОВ В РЕЧИ ЭРИТАЖНЫХ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА И ИЗУЧАЮЩИХ РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ИНОСТРАННЫЙ

Введение

Считается, что русским союзам *и*, *а*, *но* соответствуют два английских союза, *and* и *but* [Зализняк, Микаэлян, 2005, с. 1; Yokoyma, 1981, p. 431], и поэтому для изучающих русский язык англофонов правильное употребление русских соединительных союзов представляет большую трудность. Однако в английском языке существуют и другие корреляты союзу *а*, такие как сопоставительные *while* и *whereas* и коррективный *rather than*, что отражено как в справочных и учебных пособиях по русскому как иностранному (РКИ) [Robin et al., 2011], так и в параллельном подкорпусе Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Тем не менее даже такая поправка в бытующем общем мнении не снимает всех сложностей — объяснение семантического устройства союзов *и*, *а*, *но* не только сталкивается с трудностями в сфере обучения РКИ, но и является предметом споров между лингвистами.

Для таких единиц, как союзы, отдельную сложность представляет вопрос о том, где заканчивается «собственное» значение союза и начинается значение, выводимое из семантики соединяемых частей. Среди различных подходов к семантике соединительных союзов можно выделить два основных — «минималистский», пытающийся свести значения конкретного союза к минимуму значений, желательного к одному инварианту, и «максималистский», выделяющий многочисленные дробные значения. Однако даже в рамках этих двух подходов исследователи расходятся в количестве и определении значений.

Так, для одних исследователей союз *и* выполняет функцию «чистой конъюнкции» [Пешковский, 1959; Белошапкова, 1977; Левин, 1970]; другие признают за ним два значения — «чистую конъюнкцию» и причинно-следственное («— *Вот видишь?! — сказала жена. И он заплакал.* Ги де Мопассан. Награжден!») [Санников, 2008]; третьи описывают союз *и* как многозначный [БАС, 1991—1994; МАС, 1984; Николаева, 1997; Грамматика, 1960]. В [МАС, 1984], например, упоминаются соединительное («*Сегодня и завтра я занят*»), перечислительное («*Я хочу гамбургер, большую картошку и колу*»), присоединительное («*Я мало жил и жил в плену*». М.Ю. Лермонтов. Мцыри), усилительное («*И чего ты ничего не делаешь?*»), уступительное («*Я и рад бы пойти, но не могу*»), а также выделительное значения («*Я ему и говорю: ничего ты не понимаешь*»).

Для союза *а* выделяется три основных значения: *а* сопоставления, *а* несоответствия норме и *а* присоединения [Крейдлин, Падучева, 1974; Зализняк, Микаэлян, 2005; Санников, 2008]. Однако в работах Е.В. Урысон ([2004, 2011] и проч.) был принят более детальный подход к описанию союза *а* и выделено больше значений: добавились *а* поворота повествования, *а* ненормального следствия, *а* ненормального обстоятельства.

Для союза *но* выделяется от одного до трех значений. Основным значением признаётся значение ненормального следствия [Санников, 2008; БАС, 1991—1994; МАС, 1984; Холодов, 1975; Грамматика, 1960]. Наряду с этим значением рассматриваются значения противодействия [Грамматика, 1960; Холодов, 1975; Левин, 1970; Перетрухин, 1979; Санников, 1989] («*В подобной обстановке трудно быть лентяем, но мне это удавалось*» [Сергей Довлатов. Чемодан]) и значение противоположной оценки [Санников, 2008] («*Она хорошая, но глупая*»).

Другой сложной и наиболее актуальной для РКИ задачей является объяснение различий между значениями союзов *а* и *но* в таких примерах, где происходит семантическое пересечение этих союзов в зоне «несоответствие норме/ожиданиям», см. (1) и (2)¹.

(1) *Я купила ей словарь, а/но она им не пользуется* [Йокояма, 1990].

(2) *Работаю изо всех сил, а/но денег больше не становится*.

В исследованиях неоднократно отмечалась лингвоспецифичность союза *а* [Крейдлин, Падучева, 1974; Зализняк, Микаэлян, 2005], однако ухватить суть его специфики оказалось нелегко. Как отмечают авторы грамматического скетча на сайте gusgram.ru, «до сих пор не сформулировано однознач-

¹ Здесь и далее в примерах сохранена оригинальная орфография и пунктуация.

ных правил его употребления» [Апресян, Пекелис, 2011]. В попытках нащупать различие между *a* и *no* исследователи отмечали неконтролируемость субъектом действия в присоединяемой при помощи этого союза клаузе [Санников, 2008; Зализняк, Микаэлян, 2005] и неожиданность действия при неосознанности причины этой неожиданности [Урысон, 2011]. Однако большей объяснительной силой, на наш взгляд, обладает интерпретация, по которой союз *a* передает субъективную ориентированность на мнение говорящего в утверждении несоответствия имплицатуры первого предложения и положение вещей во втором, в отличие от союза *no*, который указывает на несоответствие объективным нормам [Yokoyma, 1981; Йокояма, 1990; Падучева, 1997].

Совсем мало исследованными остаются употребления союзов *и*, *a*, *no* в качестве дискурсивных маркеров, которые отвечают за организацию дискурса: его тематическое развитие, сегментацию и т.п. Дискурсивная роль этих союзов отмечается в ряде работ ([Yokoyma, 1981; Йокояма, 1990; Урысон, 2006; Фужерон, 1997]), однако детального анализа дискурсообразующей функции этих союзов, подобного проведенному для английского союза *and* (см.: [Blakemore, Carston, 1999; Fraser, 1999; Dorgeloh, 2004]), не существует.

Сфера иллокутивных употреблений этих союзов, подобных проиллюстрированному в (3), и вовсе остается неисследованной.

- (3) *He хочу показаться занудой, но не стало ли известным расписание на завтра?*

В справочных описаниях для изучающих РКИ также можно наблюдать путаницу; даже в самых удачных грамматиках не все описанные употребления полностью соответствуют действительности. Например, в грамматике *Reference Grammar of Russian* [Timberlake, 2004] дается следующее толкование союза *и X, и Y*: для говорящего присутствие обоих элементов (*X* и *Y*) неожиданно. Однако существуют контексты типа «*Все прошло, как я ожидал: я и с гостями пообщался, и по своим делам успел*», которые противоречат такому пониманию.

Отдельно надо отметить степень разработанности темы соединительных союзов в учебной литературе по РКИ. Из исследованных нами учебников эксплицитно тема союзов объясняется лишь в американском учебнике «Голоса», но и в нем вводятся лишь относительно легко определяемые значения союза *a*, такие как сопоставительное значение в предложениях типа «*Мама русская, а папа американец*» и исправляющее значение в конструкции *X, a не Y*.

Неудивительно, таким образом, что преподаватели РКИ сталкиваются со сложностями при объяснении распределения этих союзов и попытке за-

дать однозначные правила их употребления, а изучающие русский язык продолжают делать ошибки.

Цель настоящей работы заключается в изучении употребления соединительных союзов в интерязыке иностранных студентов, как эритажных говорящих² (HL), так и изучающих русский как иностранный (FL). В поставленные задачи входят определение дистрибуции соединительных союзов в речи иностранцев, оценка частотностей ошибок, а также их классификация и интерпретация.

В работе был предпринят корпусный подход к изучению языка: использовались работы, собранные в учебном корпусе Russian Learner Corpus (RLC). Объем этого корпуса составляет 678 680 словоупотреблений в 3504 текстах, из которых 1330 — за авторством эритажных говорящих, а 1810 — изучающих РКИ. В сведения об авторе включен его первый язык: английский (82% от общего числа текстов), немецкий (5%), французский (2%) и прочие языки (11%).

Анализ показывает, что около половины «неправильных» употреблений союзов приходится на ошибки в конструкциях (подробнее см. с. 443–447). Поскольку современный русский язык допускает большую вариативность, данные учебного корпуса рассматривались в сравнении с аналогичными употреблениями в НКРЯ.

Другую часть ошибок составляют случаи, когда в интерязыке изучающих РКИ союзы *и*, *а*, *но* некоторым особым образом перераспределяются по семантическим зонам. По нашей гипотезе, большая часть всех допущенных ошибок должна приходиться на союз *а*, так как он захватывает части двух непересекающихся зон английских союзов *and* и *but*.

Ниже мы представим теоретическую основу для сравнения семантических значений соединительных союзов в русском и английском языках и перейдем к описанию языковых данных. Сначала мы обсудим случаи семантического перераспределения зон действия *и*, *а*, *но*, а затем проиллюстрируем особенности дистрибуции соединительных союзов в конструкциях на примере конструкции *не только X, но и Y*.

Семантические зоны соединительных союзов в русском и английском языках

В рамках работы [Malchukov, 2004] автором была создана семантическая карта, описывающая распределение семантических функций соедини-

² То есть таких говорящих, которые непосредственно в некоторой языковой среде не живут, но постоянно контактируют с носителями этого языка.

тельных союзов. Для целей нашего исследования она была скорректирована под русский и английский языки. Помимо *and* и *but* в анализ были включены союзы *while*, *whereas* и *rather than*, значения которых пересекаются со значениями союза *a*. Перераспределение семантических зон продемонстрировано на рис. 1.

Одной из причин такого перераспределения можно назвать трансфер — влияние, которое родной язык оказывает на изучаемый, и в частности калькирование. В работе [Выренкова и др., 2014] отмечалось, что калькирование характерно для эритажных говорящих в меньшей степени, чем для неэритажных. Такое языковое поведение объясняется тем, что эритажники чувствуют некоторую свободу в языке, так как воспринимают его как родной и не боятся ошибиться. Другие причины неправильного употребления союзов менее тривиальны, и их необходимо обговаривать для каждого конкретного случая отдельно.

Корпусные данные

Перераспределение семантических зон союзов *и*, *a*, *но* в интерязык

Но/и вместо *a*

Распространенная ошибка состоит в неправильном использовании союзов *и* и *но* на месте *a* сопоставления.

- (4) *Когда мужчина продолжает свой путь собачка бежит сзади его.*
**Толстяк раскуривает трубку и собачка преданно смотрит на него*
[(-, -), AI].
- (5) *Петр Первый принес слова из голландского, итальянского и немецкого языков, но русская интеллигенция и образованное дворянство принесли термины из французского [Tina (F, FL, IH)].*

Случаи, когда студенты ошибаются, употребляя тот или иной союз вместо *a*, можно классифицировать как трансфер и объяснять тем, что в L1 студента те же семантические зоны обслуживаются не тремя союзами (*и*, *a*, *но*), но двумя — *and* и *but* (именно из-за таких ошибок необходимо говорить не только об *and* и *but*, но и о *while*, *whereas*, *rather than*).

A вместо *но/и*

В ряде случаев ученик делает ошибки, которые нельзя назвать трансферными. В (6) *a* употребляется на месте *и*:

- (6) *Я аспирант на факультете истории в Гарвардской Университете, а Я изучаю там немецкую и восток-европейскую историю двадцатого века [- (M, FL)].

Причиной ошибки послужило обобщение. Ученик уже знает, что семантическая зона союза *a* пересекается с семантической зоной союза *and*, однако еще не усвоил, в каких значениях, а именно что значение нормального следствия обозначается союзом *и*, в то время как союз *a* указывает на сопоставление.

В примере (7) *a* стоит на месте *но*:

- (7) *Советское правительство, боясь политических последствий вмешательства в испанской войне, а не желая оставаться на стороне, приняло решение все-таки вмешаться, только не в полную силу [Sara (F, FL, AL)].

Механизм ошибки тот же — обобщение: ученик знает, что зона союза *a* пересекается с зоной союза *but*. В английском союз *but* обслуживает как противопоставление, так и сопоставление, а в русском языке за эти зоны отвечают *но* и *а* соответственно. Ученик, не вдаваясь в подробности, приписал союзу *a* значение противопоставления.

Как уже указывалось, одной из причин ошибок, несомненно, является несоответствие семантических зон союзов в изучаемом и родном языках.

Конструкция *Не только X, но и Y* → *не только X, но/а/также/тоже/еще/и/в то же время Y*

Покажем на примере конструкции *не только... но и...*, какие употребления допускают студенты и как они соотносятся с современным русским языком.

Результаты

Эта конструкция допускает большую вариативность как в интерязыке учащихся, так и в современном русском языке. Однако показательно, что дистрибуции союзов в RLC и НКРЯ значительно отличаются друг от друга, см. табл. 1.

В обоих корпусах конъюнкты конструкции могут соединяться и союзом *но*, и союзом *а* (см. (8)–(11)) при преобладании союза *но*. Однако если *но* недопредставлен в учебном корпусе (83,5%) по сравнению с НКРЯ (93,6%), союз *а*, напротив, встречается в RLC гораздо чаще, чем в НКРЯ (16,5 и 6,4% соответственно).

Таблица 1. Дистрибуция вариантов конструкции с *не только...* в RLC и НКРЯ

Конструкция	RLC (всего 327)		НКРЯ (всего 77 264)	
	Число	Процент	Число	Процент
<i>НЕ ТОЛЬКО X, НО <...> Y</i>	273	83,5	72 295	93,6
<i>не только X, но и <...> Y</i>	194	59	52 892	68,5
<i>не только X, но и также Y</i>	3	0,9	4	0,005
<i>не только X, но и тоже Y</i>	2	0,6	0	0
<i>не только X, но и в то же время Y</i>	0	0	3	0,004
<i>не только X, но и еще Y</i>	1	0,3	69	0,09
<i>не только X, но и кроме того Y</i>	0	0	1	0,001
<i>не только X, но и помимо Y</i>	0	0	0	0
<i>не только X, но и Y</i>	188	57,4	52 815	68,4
<i>не только X, но также <...> Y</i>	31	9,5	846	1,1
<i>не только X, но также и Y</i>	17	5	385	0,5
<i>не только X, но тоже <...> Y</i>	4	1,2	8	0,1
<i>не только X, но тоже и Y</i>	0	0	4	0,005
<i>не только X, но в то же время <...> Y</i>	2	0,6	7	0,009
<i>не только X, но в то же время и Y</i>	0	0	4	0,005
<i>не только X, но еще <...> Y</i>	3	0,9	1105	1,4
<i>не только X, но еще и Y</i>	2	0,6	570	0,7
<i>не только X, но Y</i>	2	0,6	17 512	22,7
<i>НЕ ТОЛЬКО X, А <...> Y</i>	54	16,5	4969	6,4
<i>не только X, а также <...> Y</i>	18	5,5	181	0,2
<i>не только X, а также и Y</i>	1	0,3	31	0,04
<i>не только X, а тоже <...> Y</i>	2	0,6	3	0,004
<i>не только X, а тоже и Y</i>	0	0	1	0,001
<i>не только X, а еще <...> Y</i>	3	0,9	254	0,3
<i>не только X, а еще и Y</i>	0	0	152	0,2
<i>не только X, а Y</i>	31	9,5	4531	5,7

- (8) *Этот специальный язык может являться не только способом быстрого обмена информацией, но и знаком членства к какому-то кругу* [Ruth (F, FL, AL)].
- (9) *Я запомнил не только их голые тела, но и их красивые лица, и прически, и позы* [НКРЯ. Е. Гришкoveц. ОдноврЕМЕнно (2004)].
- (10) *И дома, и в школе растает не только ум, а целый человек* [Mila (F, FL, И)].
- (11) *Оборонная безопасность должна обеспечиваться не только военной силой, а всеми силами и средствами государства по следующим основным направлениям* [НКРЯ. М. Гареев. К каким угрозам и войнам должна быть готова Россия // Отечественные записки. 2003. № 3 (12)].

Основным вариантом этой конструкции как в НКРЯ, так и в RLC является вариант *не только X, но и <...> Y* с факультативным элементом *также* или его синонимами (*тоже, еще, кроме того* и др.) на месте треугольных скобок³. Однако и здесь наблюдаются значительные сдвиги в сторону недопредставленности этого варианта конструкции в учебном корпусе (59% против 68,5% в НКРЯ). Наибольшие сдвиги наблюдаются в употреблении факультативных элементов в составе этого варианта. Если в НКРЯ эти элементы маргинальны, то в RLC такие примеры относительно частотны: доля варианта *не только X, но и также Y* в RLC (0,9%) превосходит в 180 раз долю этого варианта в НКРЯ (0,005%); а вариант *не только X, но и еще Y* встречается в процентном отношении в RLC в 3 раза чаще, чем в НКРЯ (0,3% против 0,09% соответственно).

Подобные тенденции наблюдаются и в вариантах с *также, тоже* и т.п., где союз *и* находится в постпозиции к этим элементам: *не только X, но также/тоже/и Y*. Исключение составляет вариант *не только X, но еще и Y*, одинаково представленный в обоих корпусах (0,6 и 0,7% соответственно).

Итак, анализ данных показывает, что некорректность употреблений конструкции с *не только* в учебном корпусе состоит не столько в собственно грамматической неприемлемости употребляемых вариантов, сколько в излишней представленности одних вариантов и, напротив, недостаточной представленности других по сравнению с национальным корпусом. Этот факт позволяет нам давать студентам как основную конструкцию *не только...*

³ На сложности правильного употребления этой конструкции накладываются также сложности освоения дифференциации *тоже/также* и их синонимов (вопрос об употреблении *тоже/также* выходит за рамки данной работы; подробнее об этих союзах см.: [Падучева, 1974; Sussex, 1982; Апресян, 1988; Йокояма, 2005]).

но и, чтобы не вызывать лишней путаницы в и без того сложной системе русских сочинительных союзов.

Интерпретация

Многие примеры учащихся объясняются трансфером. В английском языке параллельная конструкция выглядит как *not only X, but (also) Y* и калькируется в русский язык несколькими способами; в скобках указан процент от общего числа неправильных употреблений *не только... но и*.

- (12) *Проблемы с загрязнением воды решаются не только на государственном уровне, но также с помощью общественных проектов* [Rima (F, HL, AL)] (15%).
- (13) **Факт нам показывает, что проблема не только в нехватке, но тоже в использовании* [Matt (M, FL, AL)] (7%).
- (14) *По-моему, цитата Аристотеля описывает важность и силу образования не только в развитии человека, но во всей истории* [Matt (M, FL, AL)] (2%).
- (15) *Комитет двух штатов, между которых лежит озеро Тахо, решил запретить лодки с двухтактными моторами не только на том основании, что они загрязняют озеро, но еще потому, что они неэкономно сжигают топливо* [- (F, HL, IH)] (1%).

Недостаточная представленность варианта с *но и*, возможно, объясняется тем, что сочетание противительного союза *но* и соединительного союза *и* представляет особые трудности для изучающих РКИ; значение конструкции не сводится к сумме значений ее составляющих. Таким образом, конструкция родного языка кажется более семантически прозрачной.

Другие примеры нельзя назвать кальками в строгом смысле этого слова, так как эти конструкции не являются буквальным переводом на русский английского *not only... but also*. Примеры (16)–(18) — контаминация русской и английских конструкций.

- (16) **Наконец, важно, чтобы современные ученые изучали не только то, что новое в области науки, но и тоже основную историю науки* [Tina (F, FL, IH)] (~ 2% от общего числа ошибок в данной конструкции).
- (17) *??Самое важное это то, что специальность ценят не только в русском бизнесе и местных государственных отделах, а в Европе, Америке и Азии благодаря ежегодной аккредитации кафедры* [Dan (M, FL, IH)] (~ 30%).

- (18) ^{??}Здесь обязательно должно быть **не только** школьные преподаватели, **а еще** родители, воспитатели из детских садов и другие из города или ообщества, которам интересуются [Mila (F, FL, AL)] (~ 3%).

Как видно из примеров выше, самая популярная ошибочная конструкция — **не только... а*. В «правильной» конструкции *не только... но и* свойство союза *но* выделять следующий за ним элемент как решающий для конкретной ситуации смягчается стоящим сразу после него союзом *и*, что сближает союз *но* с союзом *а*, у которого данное свойство отсутствует. Этот факт может быть причиной того, что в данной конструкции во многих случаях он заменяется студентами на *а*.

Как видно из табл. 1, самая популярная (после *не только X, но и Y*) конструкция в языке учащихся — *не только X, а Y* (9,5% в RLC и 5,7% в НКРЯ; пример 17) — в современном русском языке находит отражение в гораздо меньшей степени. И наоборот, популярная конструкция русского языка *не только X, но Y* (22,7% в НКРЯ) является только шестой по популярности в работах студентов, изучающих русский язык (0,6% в RLC). Тем не менее данные НКРЯ позволяют по-новому взглянуть на вариативность в интерязыке.

Заключение

Проделанная работа посвящена анализу наиболее трудных для усвоения аспектов употребления русских сочинительных союзов *и*, *а*, *но*. Исследование выполнено на отрицательном языковом материале — текстах эритажных говорящих, а также изучающих русский как иностранный. Данные учебного корпуса показали, что даже при наличии большого количества как учебной, так и лингвистической литературы, нацеленной на объяснение семантики союзов, неправильная постановка союзов в работах студентов не редкость.

На основе RLC было сформировано представление о том, *что* представляет наибольшие трудности при составлении предложений с союзами. Была составлена карта, на которой показано перераспределение семантических зон союзов, во многом вызванное влиянием родного языка.

Следующий этап работы — создание грамматической справки и системы тренажеров. В настоящей статье представлены результаты большого проекта, конечной целью которого является создание методического материала.

В дальнейшем необходимы тестирование и доработка созданного материала; увеличение количества грамматических тренажеров. Также для наиболее полного представления о функционировании союзов в интерязыке эритажных и L2-говорящих возможно создание корпуса устных текстов и дальнейшая работа над ним.

Источники

Апресян В.Ю., Пекелис О.Е. «Союз» в онлайн-проекте rusgram.ru [Электронный ресурс] // Рус. корпус. грамматика: сайт. 2011. URL: <http://test.rusgram.ru/> Союз.

Апресян Ю.Д. Типы коммуникативной информации для толкового словаря // Язык: система и функционирование. М.: Наука, 1988. С. 10–22.

Белошапкина В.А. Современный русский язык: Синтаксис. М.: Высш. шк., 1977.

Выренкова А.С., Полинская М.С., Рахилина Е.В. Грамматика ошибок и грамматика конструкций: «эритажный» («унаследованный») русский язык // Вopr. языкознания. 2014. № 3. С. 3–19.

Горбачевич К.С., Балахонова Л.И. Словарь современного русского литературного языка. М.: Рус. яз., 1991–1994. **(БАС)**

Грамматика русского языка / под ред. В.В. Виноградова. Moscow: Acad. of Sciences of the USSR, 1960.

Зализняк А.А., Микаэлян И. Русский союз А как лингвоспецифичное слово [Электронный ресурс]: докл. 2005. URL: www.dialog-21.ru/media/2439/zaliziak_mikaelian.pdf.

Йокояма О.К. К анализу русских сочинительных союзов // Логич. анализ языка. Противоречивость и аномальность текста. М.: Наука, 1990.

Йокояма О. Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов / авториз. пер. Г.Е. Крейдлина. М.: Языки славян. культуры, 2005.

Крейдлин Г.Е., Падучева Е.В. Значение и синтаксические свойства союза а // НТИ. Сер. 2. 1974. № 9. С. 31–37.

Левин Ю.И. Об одной группе союзов русского языка // Машин. пер. и приклад. лингвистика. 1970. Вып. 13. С. 64–88.

Малый академический словарь / под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Ин-т рус. яз. АН СССР, 1984. **(МАС)**

Николаева Т.М. Сочинительные союзы А, НО, И: история, сходства и различия // Славян. сочинит. союзы: сб. ст. М.: Ин-т славяноведения РАН, 1997. С. 3–24.

Падучева Е.В. ТОЖЕ и ТАКЖЕ: Взаимоотношение актуального членения и ассоциативных связей: предварит. публикации Ин-та рус. яз. АН СССР. М., 1974. Вып. 55.

Падучева Е.В. Эгоцентрическая семантика союзов А и НО // Славян. сочинит. союзы: сб. ст. М.: Ин-т славяноведения РАН, 1997. С. 36–47.

Перетрухин В.Н. Проблемы синтаксиса однородных членов предложения в современном русском языке. Изд-во Воронеж. ун-та, 1979.

Пешковский А.М. Интонация и грамматика // Пешковский А.М. Избр. тр. М.: Учпедгиз, 1959. С. 177–191.

Санников В.З. Русские сочинительные конструкции: семантика, прагматика, синтаксис. М.: Наука, 1989.

Санников В.З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М.: Языки славян. культур, 2008.

Урысон Е.В. Некоторые значения союза А в свете современной семантической теории // Рус. яз. в науч. освещении. 2004. № 8 (2). С. 17–48.

Урысон Е.В. Опыт описания семантики союзов: Лингвистические данные о деятельности сознания. М.: Языки славян. культур, 2011.

Урысон Е.В. Семантика союза НО: данные языка о деятельности сознания // Вопр. языкознания. 2006. № 5. С. 22–42.

Фужерон И. О некоторых особенностях русских сочинительных союзов. Союзы И и А, союзы А и НО // Славян. сочинит. союзы: сб. ст. М.: Ин-т славяноведения РАН, 1997. С. 25–35.

Холодов Н.Н. Сложносочиненные предложения в современном русском языке. Смолен. ГПИ им. К. Маркса, 1975.

Шведова Н.Ю. Русская грамматика: [в 2 т.]. Т. 2: Синтаксис. М.: Наука, 1980.

Blakemore D., Carston R. The Pragmatics of and-Conjunctions: The non-Narrative Cases // CILISC1 (L'économie dans les structures, les computations et l'utilisation du langage). 1999. 12–15 Oct.

Dorgeloh H. Conjunction in Sentence and Discourse: Sentence-Initial and Discourse Structure // J. of Pragmatics. 2004. Vol. 36. No. 10. P. 1761–1779.

Fraser B. What Are Discourse Markers? // Ibid. 1999. Vol. 31. No. 7. P. 931–952.

Gundel J.K. Topic-Comment Structure and the Use of *tože* and *takže* [Electronic resource] // The Slavic a. East European J. 1975. Vol. 19. No. 2. Spec. Iss.: Soviet-American Russian Language Contributions. P. 174–181. URL: <http://www.jstor.org/stable/306771>.

Malchukov A.L. Towards a Semantic Typology of Adversative and Contrast Marking // J. of Semantics. 2004. Vol. 21. No. 2. P. 177–198.

Robin R., Evans-Romaine K., Shatalina G. Голоса — A Basic Course in Russian. Prentice Hall, 2011.

Robin R.M., Robin J., Henry K. Golosa. Pearson College Division, 1998.

Sussex R. Russian *takže* and *tože* Revisited // Linguistic Controversies / D. Crystal (ed.). L.: Edward Arnold, 1982. P. 122–137.

Timberlake A. A Reference Grammar of Russian. Cambridge Univ. Press, 2004.

Yokoyama O.T. On Sentence-Coordination in Russian: A Functional Approach // Papers from the 17th Regional Meeting / Chicago Linguistic Soc. Chicago, Ill., 1981. P. 431–438.

Introduction

Linguistic typology is traditionally viewed as grammatical or phonological typology. This is easily accounted for by the fact that phonology and grammar are represented by regular markers, observable and comparable across languages. Cross-linguistic analysis of lexical categorization in conceptual domains is a specific task due to seemingly blurred relations between lexical items as system-forming units and is a relatively new area of typological study. However, several prominent approaches to cross-linguistic analysis of lexical systems have already become known. Those include Natural Semantic Metalanguage or NSM (Anna Wierzbicka and Cliff Goddard) and denotation-based approach (MPI Nijmegen: Asifa Majid, Stephen Levinson, et al.), which use two different methodologies. NSM treats lexical meanings as constructed from semantically primitive units [Semantic and Lexical Universals..., 1994; Words and Meanings..., 2014]², while the MPI Group uses experimental techniques that aim at eliciting lexicalized reactions to visual or sensory stimuli [Cutting and Breaking Events..., 2007; Levinson, 2008; The Senses..., 2011]. On advantages and disadvantages of these two approaches see [Rakhilina, Reznikova, 2013].

The case study to be analyzed in this paper was carried out in the framework of the Moscow Lexical Typology Group (MLexT). MLexT roots its studies in investigating linguistic behavior of lexical items and detecting colexification strategies that various languages follow. The method is largely based on the approaches introduced by the Moscow Semantic School: semantic oppositions within a given semantic domain are obtained through comparisons of close synonyms [Apresjan, 2009] and their contextual behavior. The method is based on collecting and analyzing lexical items belonging to the domain and their distribution in the languages from the research sample (starting from the native language of the researcher and

¹ The study was implemented in the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE) in 2016.

² Similar approach to lexical semantics is partially taken by the Moscow Semantic School and Meaning-Text model, though these do not operate with primitives.

juxtaposing the results with other languages). Data is mostly elicited with the help of corpora, questionnaires and bilingual dictionaries. Building blocks for meaning representation are *frames* — typical situations characteristic for the domain, which also serve as entries for typological questionnaires. Frames and semantics maps that represent colexification strategies are illustrated in Fig. 1 below.

This methodology has already been implemented in the following projects performed by MLexT: verbs of aquamotion [Glagolyдвиženija..., 2007], pain metaphors [Reznikova et al., 2012], sound metaphors [Reznikova et al., 2015], verbs of rotation [Kruglyakova, 2010], verbs of oscillation [Rakhilina, Prokofieva, 2005; Shapiro, 2015], and physical qualities (e.g. “sharp”, “wet”, “soft”, “even/flat”, cf. [Kyuseva, 2012; Kashkin, Vinogradova, 2015] and others).

In this paper we would like to have a closer look at the research of the semantic domain of OLD across languages. For MLexT the typological study of OLD was a novice project — it was largely dictionary based and the sample included more than a hundred languages (much more than the average number of 5–8 languages analyzed in a regular research of this kind). The list of frames elicited within the domain includes (see also [Rakhilina, 1999]):

- 1) objects changing in time (like old people or old trees);
- 2) objects having a fixed life-time (old clothes);
- 3) changeable, renewed objects (old director “previous”);
- 4) objects belonging to previous age (old town, old coins).

The data was ultimately checked with the help of questionnaires and experts. Variation in colexification patterns leads to three major types of systems for OLD found in world languages.

In dominant systems one lexeme covers all the four situations despite competing with quasysynonyms in some of them, in binary systems two lexemes share the domain and distributing systems have three or four lexemes accommodating the full set of frames.

Learner Corpora as a tool for typological studies

As we have seen above, implementing one tool is not enough for conducting a full-fledged typological study of lexis. Thus, within the framework proposed by MLexT, there are several instruments (dictionaries, corpora, questionnaires among them), each performing a separate function that contributes to the ultimate result.

The subject of the present section is to introduce another tool that may prove helpful for lexical typology, even though it is not often associated with this branch of linguistic study. Below we will talk about Learner Corpora.

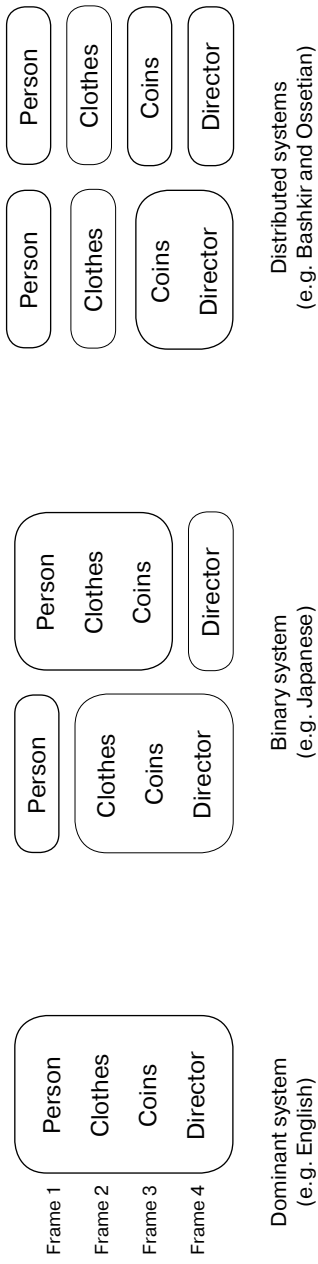

Fig. 1. Semantic maps for the domain of OLD

Corpora have already been mentioned as a means of obtaining lexical data. A regular corpus provides so called “positive” data — phrases grammatically acceptable in a certain language — thus giving basis for generating initial hypotheses and their subsequent verification. Within the framework of MLeXT group, corpora are used to analyze data coming from the native language of a researcher at the start of a study and later for verification of questionnaire results produced by speakers of other languages in the sample.

As collections of oral and written texts produced by people who are in the process of mastering a language, learner corpora are originally designed for research in SLA or in pedagogical purposes and have been by far largely disregarded by typologists. At the same time they contain linguistic data from speakers who have access to two or more language systems — one fully acquired, others as represented in their interlanguage. The latter fact is particularly interesting because errors (or samples of deviational language use) produced by such speakers bring together data from speaker’s interfering languages and can thus serve as a natural instrument for visualization of different patterns of colexification. From this perspective, learner corpora can be seen as a valuable verification tool at the final stage of a typological research. In what follows, we will present an example of how this tool was applied to make the results of OLD research more precise.

As it has been shown in the previous section, lexical systems of OLD in different languages fall into three major groups — dominant (one lexeme applicable to all frames belonging to the domain), binary (all frames distributed between two lexemes) and distributed (three or four lexemes cover the domain). It is naturally expected that a person studying a foreign language will make lexical errors in the domain if their L1 and interfering L2 follow different typological strategies (e.g. dominant and classifying) and, on the contrary, the lexical choice will be accurate if L1 and L2 belong to the same type.

We used the Russian Learner Corpus³ to conduct an experiment and prove the latter fact. We compared corpus data coming from speakers of Russian as a second language and speakers of Heritage Russian whose dominant language is English. English and Russian belong to the same typological type and have a dominant lexeme in the domain of OLD — *old* in English and *staryj* “old” in Russian. Our goal was to find if there were errors in the use of these words.

³ The Russian Learner Corpus comprises texts produced by two categories of non-standard speakers of Russian: L2 learners and HL speakers with various dominant languages. Texts produced by speakers with dominant English were provided by Anna Alsufieva, Evgeny Dengub, Irina Dubinina, and Olessya Kisselev. A preliminary linguistic analysis and tagging were done by the members of the Heritage Russian Research Group (Higher School of Economics), with technical support provided by Elmira Mustakimova, Ekaterina Uetova and Timofey Arkhangelskiy.

The results of the experiment showed that even though the lexical system of OLD is the same in two given languages, errors of different kinds occur in the speech of non-native and heritage speakers. These errors pointed at two kinds of linguistic phenomena: those that initially lay beyond the tasks of the research and those that revealed methodological gaps. We will further take a closer look at both kinds. It should be noted, however, that in the present work our aim is not to give an exhaustive account of how learner corpora can be applied in lexical typology but rather to outline the directions for future work in the field.

Contexts that lie beyond the scope and tasks of MLexT research

The purpose for examining these contexts is twofold: they help checking and formalizing research borders and give direction for further analysis of the domain. There are three types of contexts found in RLC search results:

- contexts with abstract (deverbal) nouns;
- predicative non-stative contexts;
- substantivized use of adjectives.

Deverbal nouns

MLexT research of OLD mainly focused on the names of concrete objects (people, artifacts, plants, etc.), while contexts containing abstract deverbal nouns lied beyond its scope. Search results from RLC, however, show that lexicalization process for patterns like OLD + ABSTRACT CONCEPT (including deverbal nouns) follow particular distributional rules, cf. the following example:

- (1) *mne prosto nadoela moja *byvšaja strižka* L2 Russian
lit. "I was just bored with my former haircut"

In (1) the speaker used a quasisynonymous word *byvšyj* with a deverbal abstract noun *strižka* referring to the third frame for entities that are no longer in use. A more acceptable Russian phrase to express the idea is to use the dominant lexeme:

- (2) *mne prosto nadoela moja staraja strižka* Standard Russian
lit. "I was just bored with my previous haircut"

This deviation from Standard Russian can be explained by interference from English, where the use of quasisynonymous lexeme is preferred to the use of dominant one, cf. *my previous / °old haircut*.

Note, however, that *staryj* is not universally preferred with deverbal nouns, cf. (3) and (4):

- (3) ?? *Mne ne nraŭjatsja ego staryje ispolnenija Šopena*
lit. "I don't like his old Chopin performances"

- (4) *Ego *staryj prijezd nadelal mnogo šuma*
lit. “His old visit was scandalous”

These examples show that deverbal noun contexts with adjectives from OLD domain follow specific rules and require additional typological research.

Non-stative contexts

Another phenomenon that was not specifically addressed in the original research on the typology of OLD is the syntactic and semantic opposition between attributive and predicative constructions.

We were mainly dealing with attributive contexts which always display a stative meaning of an adjective, cf. *old tree, old paintings, old regime*. Predicative position, despite having a stative reading, may also trigger an idea of a process or result. Cf. the following sentences in Standard and L2 Russian, where the error in (6) is caused by this reason:

- (5) *Staryje ljudi / oni staryje* [stative meaning] *Standard Russian*
lit. “Old people / they are old”
- (6) *Potom kogda oni uže vmeste I *staryje*
u nix umirajet syn [result: “they became old”] *L2 Russian*
lit. “Then when they are already together and old
their son dies”

(6) contains two clauses with different actionality characteristics. The main clause describes a punctual event (“their son dies”), while the subordinate one is intended to describe a result, which is supported by the use of *uže* “already” (“they are already old”). However, the use of *old* as an adjective blocks this interpretation leaving room only for stative reading. This indicates that two clauses should obey the rule of actionality based concord that prohibits the co-occurrence of states and punctual events in one complex sentence. To express the aspectual relations between the two clauses correctly, the speaker should have chosen the telic verb *sostarit'sja* “to get old”, cf.:

- (7) *Kogda ljudi staryje* [state], *oni obyčno ploxo*
vidjat [state] *Standard Russian*
lit. “When people are old [state] they usually see
badly [state]”
- (8) *Kogda oni sostarilisъ* [result],
u nix umiraet syn [punctual event] *Standard Russian*
lit. “When they got old [result],
their son dies [punctual event]”

Nominalization

The research of OLD as a property domain covered mainly adjectives, and the process of nominalization was beyond our interest. Working with corpus data, however, showed that this kind of morphological derivation is worth a detailed typological analysis. The difference in distributional strategies for deadjectivals with this meaning in English and Russian is exemplified by (9):

- (9) *Ogon' gorel vseгда, dnjom i noč'ju,*
*i *staryje i deti spali na peči.* L2 Russian
lit. “The fire was always burning, day and night,
and old and children were sleeping
on the Russian stove”

It is most likely that in producing this sentence the speaker was relying on derivational patterns of their native language, where adjectives undergo nominalization through zero-derivation, cf. (10):

- (10) *It is as if the wealthier old have convinced the young*
to look away from their money...⁴

In Russian *staryi* “old” is used as a noun only idiomatically in the archaic construction *star i mlad* (“old and young”), in other contexts the noun from the adjective *staryj* “old” is derived through suffixation, cf. the noun *starik* “old man” formed with the help of *-ik* suffix:

- (11) *Ogon' gorel vseгда, dnjom i noč'ju,*
i stariki i deti spali na peči. Standard Russian
lit. “The fire was always burning, day and night,
and old men and children were sleeping
on the Russian stove”

Thus, word-formation rules present another subject for further research in the domain of OLD.

In this section we have outlined three areas for further typological research, and we are now proceeding with briefly showing how lexical errors found in the Corpus help uncover minuses in the initial research methodology.

Contexts in the scope of the MLexT research (gaps in the methodology)

This section focuses on errors in contexts prototypical for the four frames elicited in the course of our study of OLD. Based on its results, we have to assume

⁴ The example was taken from COCA (<http://corpus.byu.edu/coca/>).

that these contexts should accommodate the dominant lexeme *staryj* “old”, however, this is not the case, cf. (12):

- (12) *V lesu on vstrelil bednogo *starogo muščinu,*
kotoryj zastrjal v bolote. L2 Russian
lit. “In the woods he met a poor old man
who got stuck in the marsh”

People’s age is described by the first frame and it is expressed by the dominant lexeme in Russian (*staryj čelovek* “old man”, *staryje ljudi* “old people”, *staryj professor* “old professor”, *bednaja saraja ženščina* “poor old woman”). However, in combination with the word *muščina* (“man”, gender marked) it is not acceptable and should be substituted by a quasisynonym, cf. (13):

- (13) *V lesu on vstrelil bednogo požilogo muščinu,*
kotoryj zastrjal v bolote. Standard Russian
lit. “In the woods he met a poor aged man
who got stuck in the marsh”

Thus, the dominance of *staryj* “old” is not absolute and there are gaps in its lexical distribution within a given frame.

In the next example, the speaker uses the dominant lexeme *staryj* “old” in combination with the noun *poezd* “train”. The concept *staryj poezd* “old train” is described in our system either by the second frame (object having a fixed life-span that has become useless or/and decayed in the process of its continuous use) or the fourth frame if the speaker implies that the train is antique (object belonging to the previous age). In both interpretations the word *staryj* “old” as a dominant adjective should be the right lexical choice. However, what hasn’t been captured by our initial methodology is variations in referential status of the entire phrase, which is the clue to the error in (14).

- (14) *Kočegar periodičeski položit ugol’ v kamin, naprimer,*
*v *starom poezde čtoby ogon’ ne končilsja.* L2 Russian
lit. “A stoker would put coal in the fireplace
from time to time for example in an old train
to keep the fire burning”

In (14) the speaker’s intention is obviously to use the noun phrase *starom poezde* “old train [prep. case]” in non-referential interpretation and should be thus substituted either by the plural form or a construction, cf. (15):

- (15) *Kočegar periodičeski položit ugol’ v kamin,*
kak, naprimer, v staryx poezdax [PI] /

kak ran'še delali v poezdax [constr],

čtoby ogon' ne končilsja.

Standard Russian

lit. “A stoker would put coal in the fireplace
from time to time as for example in old trains /
as they used to do in old trains to keep
the fire burning”

The last lexical error to be discussed in this section is displayed in (16).

(16) *A zdes' — korova idjot mimo lodki*

*v *byvšej territorii morja!*

L2 Russian

lit. “And here — a cow is going past the boat
across the former seabed”

This sentence illustrates the third frame in the system of OLD: combined with the word *territorija* “territory” (in this case *territorija morja* “seabed”), the lexeme *byvšij* “former” refers to the situation when a given piece of land that used to be a sea bottom is no longer covered with water and is not classified as a body of water. *Byvšij* “former”, though, isn’t acceptable in this type of context and, moreover, its substitution by the dominant *staryj* “old” doesn’t solve the problem either, cf. (17):

(17) *A zdes' — korova idjot mimo lodki v *staroj territorii*

morja / tam, gde ran'še bylo more [constr]!

lit. “And here — a cow is going past the boat
across the old seabed”

Thus, (17) points to the gap in the lexical system of Russian, where the idea should be expressed with a construction/clause. Note that in English the word *seabed* can be combined with an adjective with OLD semantics, which makes two dominant systems — Russian and English — inequivalent⁵:

(18) *At least soils are relatively uniform:*

*an uplifted **former** seabed, with sandstone,
silt and fractured quartz.*

A closer look at the differences between dominant systems with regard to the phenomena listed above is one of the further steps of our typological research.

⁵ Note that all three types of bigrams are possible in Russian in other contexts belonging to the same frames, cf.: *vstretil eščjo ne starogo mužčinu...* (*lit.* “met a man that is not old yet”), *Začem molodym devuškam staryje mužčiny* (*lit.* “why do young girls need old men”) [negation, contrast]; *na vystavke byl predstavlen staryj avtobus* (*lit.* “an old bus was displayed in the exhibition”) [referent noun]; *byvšaja territorija SSSR* (*lit.* “former territory of the USSR”), *staraja territorija Kremlja* (*lit.* “former territory of the Kremlin”) [geographical terms].

Conclusions

Tying together two linguistic paradigms — second language acquisition and lexical typology, this paper introduces a new tool for the studies in the latter field. Containing texts produced by speakers who have access to at least two language systems, learner corpora provide new data and pose new problems for lexical typology. To illustrate this, we have addressed a semantic domain of OLD and chosen two languages (English and Russian) where lexical systems of OLD are of the same dominant type. Though the distribution of lexical items belonging to the domain of OLD should have been proven identical, L2 learners of Russian made lexical errors in producing attributive collocations. In the majority of erroneous data, attributive bigram combinations were potentially possible, all restrictions determined by broader context. It has also been found that according to corpus data, lexical items in the domain compete not only with other lexical items, but also with multiple-word constructions. These assumptions may prove valuable for further research within the OLD domain, as well as in other domains within the scope of lexical typology.

References

- Apresjan Ju.D.* Issledovanija po semantike i leksikografii. T. I: Paradigmatika [Research in Semantics and Lexicography. Vol. 1: Paradigmatics]. Moscow: Jazyki Slavjanskoj Kul'tury, 2009. (Studia philologica).
- Cutting and Breaking Events: A Crosslinguistic Perspective / A. Majid, M. Bowerman (eds). Cognitive Linguistics [Spec. Iss.]. 2007. Vol. 18. No. 2. P. 133–152.
- Glagoly dviženija v vode: leksičeskaja tipologija [Verbs of AQUA-Motion: A Lexical Typology] / T.A. Majsak, E.V. Rakhilina (eds). Moscow: Indrik, 2007.
- Glagoly zvukov životnyx: Tipologija metaphor [Verbs of Animal Sounds: Typology of Metaphors] / T.I. Reznikova, E.V. Rakhilina, D.A. Ryzhova, A.S. Vyrenkova, B.V. Orekhov (eds). Moscow: Jazyki Slavjanskoj kul'tury, 2015.
- Kashkin E., Vinogradova O.I.* The Domain of Surface Texture: Working Papers by NRU HSE. 2015. Ser. WP BRP “Linguistics”. No. 30.
- Kruglyakova V.A.* Semantika glagolov vraščeniija v tipologičeskoj perspektive [Semantics of Rotation Verbs in a Typological Perspective]: PhD thes. Moscow: Russian State Univ. for Humanities, 2010.
- Kyuseva M.V.* Leksičeskaja tipologija semantičeskix sdvigov nazvanij kačestvennyx priznakov “ostrjij” i “tupoj” [Lexical Typology of Semantic Shifts in Adjectives “Sharp” and “Blunt”]: diploma paper. Moscow State Univ., 2012.
- Levinson S.C.* Space in Language and Cognition. Singapore: World Publ. Co./CUP, 2008.

Rakhilina E.V. Aspectual Classification of Nouns: A Case Study of Russian // Tense-Aspect, Transitivity and Causativity / W. Abraham, L. Kulikov (eds). Amsterdam: Benjamins, 1999. P. 341–350.

Rakhilina E.V., Prokofjeva I.A. Russkie i pol'skie glagoly kolebatel'nogo dvizhenija: semantika i tipologija [Russian and Polish Verbs of Oscillation: Semantics and Typology] // Jazyk. Ličnost'. Tekst: sb. k 70-letiju T.M. Nikolaevoj / V.N. Toporov (ed.). Moscow: Inst. Slavjanovedenija RAN, 2005. P. 304–314.

Rakhilina E.V., Reznikova T.I. Frejmovyj podxod k leksičeskoj tipologii [Frame Approach to Lexical Typology] // Voprosy jazykoznanija. 2013. No. 2. P. 3–31.

Reznikova T.I., Rakhilina E.V., Bonch-Osmolovskaya A.A. Towards a Typology of Pain Predicates // Linguistics. 2012. Vol. 50. No. 3. P. 421–465.

Semantic and Lexical Universals — Theory and Empirical Findings / C. Goddard, A. Wierzbicka (eds). Amsterdam: John Benjamins, 1994.

Shapiro M.M. Glagoly kolebatel'nogo dvizhenija v ural'skix jazykax (na materiale finskogo, komi-zyrjanskogo i neneckogo jazykov): semantika i tipologija [Verbs of Oscillation in Uralic Languages (Based on Finnish, Komi-Zyrian and Nenets Languages): Semantics and Typology] // Uralo-altajskie issledovanija. 2015. No. 1 (16). P. 29–52.

The Senses in Language and Culture / A. Majid, S.C. Levinson (eds) // The Senses a. Society. 2011. Vol. 6. No. 1. P. 5–18.

Words and Meanings: Lexical Semantics across Domains, Languages, and Cultures / C. Goddard, A. Wierzbicka (eds). Oxford Univ. Press, 2014.

ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЕ МЕТОДЫ

А.Л. Бекларян

А.С. Акопов

Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа экономики»

К ВОПРОСУ ОБ АЛГОРИТМАХ КЛАСТЕРИЗАЦИИ ТОЛПЫ В УСЛОВИЯХ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ¹

Введение

В процессе моделирования поведения толпы, и тем более при попытке моделирования чрезвычайной ситуации (ЧС), сопряженной с паникой и другими сложными внутренними процессами, возникает проблема невозможности полного математического описания поведения индивида, поскольку действия и сама система принятия решений у человека определяется большим количеством факторов как физического, так и психосоциального характера. Кроме того, каждому человеку в разной степени свойственна иррациональность принимаемых решений. Все это обуславливает некоторую степень усреднения моделируемых процессов. Однако стоит отметить, что в основе подобного подхода лежит разумная гипотеза о применимости к толпе закона больших чисел: нетипичное поведение индивида не влияет на качественную картину поведения всей толпы.

Анализ существующих моделей

Ввиду неуклонного роста актуальности данной тематики математическому моделированию поведения толпы уделено большое внимание в научной литературе, и с каждым годом (видимо, вследствие роста вероятности возникновения ЧС по всему миру) подобный интерес только возрастает. Анализ существующих работ показал, что в большей части исследований используются три ключевых подхода:

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 15-37-20265.

1) *наивный*, основанный на психологических и социальных аспектах вопроса [Лебон, 2011; Фрейд, 2013; Mintz, 1951], рассматривающий толпу с фрейдистской точки зрения;

2) *молекулярный*, представленный в основном так называемыми моделями Хелбинга [Аптуков, Брацун, 2013; Helbing et al., 2000], в основе которых лежит идея применения к толпе людей методов молекулярной динамики, где дается интерпретация психологическим и социальным факторам в форме потенциалов взаимодействия молекул-людей;

3) *феноменологический*, предложенный, в частности, в работах Беклярына-ст. и Акопова [Акоров, Beklaryan, 2012, 2015] (они положены в основу предлагаемой модели), в рамках которого априори определяются состояния агентов с их характеристиками, правила взаимодействия агентов и правила принятия решений.

Класс агентных моделей представлен широким списком работ (например, [Farrahi et al., 2013; Golas et al., 2014; Guy et al., 2011]) и является самой естественной реализацией феноменологического подхода. Тем не менее доля российских исследований данной тематики непростительно мала. В результате учета имеющихся моделей и подходов, а также исследований по психологии толпы были сформулированы основные априорные предположения, которые легли в основу предлагаемой агентной модели поведения при ЧС, среди которых стоит отметить:

- частичную или полную потерю ориентации в пространстве и времени;
- высокую степень турбулентности толпы, т.е. наличие хаотичного движения во всех направлениях в условиях высокой плотности агентов;
- существенное замедление скорости передвижения при определенных условиях (ранение, уплотнение и т.д.);
- стремление к ближайшему выходу в случае нахождения выхода в пределах видимости;
- стремление к присоединению к ближайшей группе агентов (эффект притяжения толпы).

В предлагаемой модели реализуется концепция перехода от фиксированных значений ряда показателей, отражающих как геометрию помещения, так и физику процесса перемещения агентов, к представлению их в качестве управляющих параметров модели. В результате удастся построить гибкую универсальную модель, позволяющую варьировать управляющими параметрами и, как следствие, калибровать модель с целью максимизации правдоподобия реальным процессам. Также предлагаемая модель допускает дальнейшее усложнение во всех аспектах (геометрия помещения, механика взаимодействия агентов, характеристики самих агентов и т.д.) и введение новых уравнений связи и условий.

В части системы принятия решений к предлагаемой в данной работе модели наиболее близки агентные модели, представленные в работах [Cherif, Chighoub, 2010] и [Antonini et al., 2006]. В обеих указанных моделях каждому агенту сопоставляется некий сектор обзора, в рамках которого агент выбирает дальнейший вектор своего движения на основе функции полезности, которая, в свою очередь, отражает стремления избегать столкновения с другими агентами, не менять направления своего движения, прямолинейно двигаться к выходу, максимизировать скорость движения в случае паники и проч. В предлагаемой модели функция полезности расширена дополнительными факторами и учитывает такие характеристики, как состояние агента, состояние ситуации и др.

С формальным описанием модели, множества ее параметров, правил взаимодействия агентов, а также с ее реализацией в среде AnyLogic можно ознакомиться в работах [Бекларян, 2015а, 2015б; Бекларян, Акопов, 2015]. В рамках данной статьи дается описание разработанного эволюционного алгоритма нечеткой кластеризации и приводятся полученные результаты кластерного анализа.

Алгоритм эволюционной кластеризации динамики толпы

С целью выявления устойчивых групп агентов в основную модель был импортирован авторский программный пакет динамической кластеризации. В каждый момент модельного времени на множестве всех агентов проводится кластеризация одновременно по трем алгоритмам [Айвазян и др., 1989; Bezdek, 1981; Hartigan, Wong, 1979]:

- 1) метод k -средних (k -means++);
- 2) иерархический метод;
- 3) метод неточной кластеризации C -средних (Fuzzy C -means).

Ввиду того что для указанных алгоритмов в качестве входного параметра выступает количество кластеров, чье значение (с учетом частоты проведения анализа и вариативных количества агентов и геометрии активного пространства) не поддается оценке, то для вычисления оптимального количества кластеров использовался известный критерий компактности [Chi et al., 2006]:

$$S(U, c) = \frac{\frac{1}{n} \sum_{i=1}^c \sum_{k=1}^n \mu_{ij}^2 \|x_k - v_i\|^2}{\min_{i,j} \|v_i - v_j\|^2}, \quad (1)$$

$$c = \arg \min_c \left\{ \min_{\Omega_c} S(U, c) \right\}, \quad (2)$$

где U — множество всех агентов; i, j — индексы кластеров; k — индекс агентов в кластере; μ_{ij} — вероятность принадлежности k -го агента i -му кластеру; x_k — координата k -го агента; v_i — координата центра i -го кластера; Ω_c — всевозможные разбиения U на c кластеров.

С учетом высокой степени перестроения кластеров (распад имеющихся кластеров и соединения агентов в новые), а также максимального правдоподобия в качестве базового был выбран алгоритм нечеткой кластеризации.

Алгоритм нечеткой кластеризации Fuzzy C -means является широко используемым подходом к проблеме категоризации наблюдаемых объектов по признакам. В отличие от четких алгоритмов, алгоритм Fuzzy C -means не относит объект однозначно к какому-нибудь кластеру, а сопоставляет каждому кластеру вероятность отнесения к нему наблюдаемых объектов, формируя так называемую матрицу принадлежности. Таким образом, на каждом шаге алгоритма каждый объект одновременно относится ко всем кластерам.

Впервые данный алгоритм был предложен в работе [Ruspini, 1970], далее развит в работе [Dunn, 1973]. Окончательная форма была представлена в работе [Bezdek, 1974], а доказательство сходимости — в монографии [Bezdek, 1981]. Ниже идет описание шагов алгоритма.

Исходной информацией для кластеризации является матрица наблюдений $l \times n$:

$$X = \begin{pmatrix} x_{11} & \cdots & x_{1n} \\ \vdots & \ddots & \vdots \\ x_{l1} & \cdots & x_{ln} \end{pmatrix},$$

где l — число объектов; n — число признаков (наблюдений) для каждого объекта (в нашем случае — координаты).

Задача кластеризации состоит в разбиении множества объектов на группы (кластеры) «похожих» между собой объектов. В n -мерном метрическом пространстве признаков мерой сходства двух объектов будем считать расстояние между ними.

Кластерная структура задается матрицей принадлежности (матрица $c \times l$):

$$M = \begin{pmatrix} m_{11} & \cdots & m_{1l} \\ \vdots & \ddots & \vdots \\ m_{c1} & \cdots & m_{cl} \end{pmatrix},$$

где m_{ij} — степень принадлежности j -го элемента i -му кластеру.

Отметим, что матрица принадлежности должна удовлетворять следующим условиям:

- 1) $m_{ij} \in [0, 1]$, $i \in \overline{1, c}$, $j \in \overline{1, l}$;
- 2) $\sum_{i=1}^c m_{ij} = 1$, $j \in \overline{1, l}$, т.е. каждый объект должен быть распределен между всеми кластерами;
- 3) $0 < \sum_{j=1}^l m_{ij} < l$, т.е. ни один кластер не должен быть пустым или содержать все элементы.

Для оценки качества разбиения используется критерий разброса, показывающий сумму расстояний от объектов до центров кластеров с соответствующими степенями принадлежности:

$$J = \sum_{i=1}^c \sum_{j=1}^l (m_{ij})^w d(v_i, x_j),$$

где $d(v_i, x_j)$ — евклидово расстояние между j -м объектом $x_j = (x_{j1}, x_{j2}, \dots, x_{jn})$ и i -м центром кластера $v_i = (v_{i1}, v_{i2}, \dots, v_{in})$, $w \in (1, \infty)$ — экспоненциальный вес, определяющий нечеткость, размытость кластеров.

$$V = \begin{pmatrix} v_{11} & \cdots & v_{1n} \\ \vdots & \ddots & \vdots \\ v_{c1} & \cdots & v_{cn} \end{pmatrix}$$

— матрица $c \times n$ координат центров кластеров, элементы которой вычисляются по формуле

$$v_{ik} = \frac{\sum_{j=1}^l (m_{ij})^w x_{jk}}{\sum_{j=1}^l (m_{ij})^w}, \quad k = \overline{1, n}.$$

Задачей является нахождение матрицы M , минимизирующей критерий J . Для этого используется алгоритм нечетких C -средних, в основе которого лежит метод множителей Лагранжа. Он позволяет найти локальный оптимум, поэтому для различных запусков могут получиться разные результаты.

На первом шаге матрица принадлежностей M , удовлетворяющая условиям 1–3, генерируется случайным образом. Далее запускается итерационный процесс вычисления центров кластеров и пересчета элементов матрицы степеней принадлежности:

$$m_{ij} = \frac{1}{(d_{ij})^{\frac{2}{w-1}} \sum_{k=1}^c \frac{1}{(d_{kj})^{\frac{2}{w-1}}}} \quad \text{при } d_{ij} > 0 \text{ и } m_{kj} = \begin{cases} 1, & k = i \\ 0, & k \neq j \end{cases} \quad \text{при } d_{ij} = 0,$$

где $d_{ij} = d(v_i, x_j)$ для $i \in \overline{1, c}$, $j \in \overline{1, l}$.

Вычисления продолжаютсЯ до тех пор, пока изменение матрицы M , характеризующееся величиной $\|M - M^*\|^2$, где M^* — матрица на предыдущей итерации, не станет меньше заранее заданного параметра остановки ϵ .

Остановимся на выборе значения w — экспоненциального веса. Чем больше это значение, тем матрица принадлежности более размазанная, и при $w \rightarrow \infty$ элементы примут вид $m_{ij} = \frac{1}{c}$, что является плохим решением, так как все объекты с одинаковой степенью распределены по всем кластерам. При $w = 1$ алгоритм Fuzzy C -means вырождается в обычный k -means. Теоретически обоснованного правила выбора веса пока не существует, и обычно устанавливают $w = 2$.

Схема работы стандартного алгоритма Fuzzy C -means представлена на рис. 1а.

Необходимо отметить ключевые недостатки данного алгоритма:

- высокая степень зависимости результирующего разбиения от начальной матрицы принадлежности;
- необходимость априорного задания числа кластеров;
- отсутствие учета специфики предметной области (динамика толпы).

С целью уменьшения влияния перечисленных недостатков был разработан и имплементирован в модель модифицированный (эволюционный) алгоритм нечеткой кластеризации. Схема работы эволюционного алгоритма Fuzzy C -means представлена на рис. 1б.

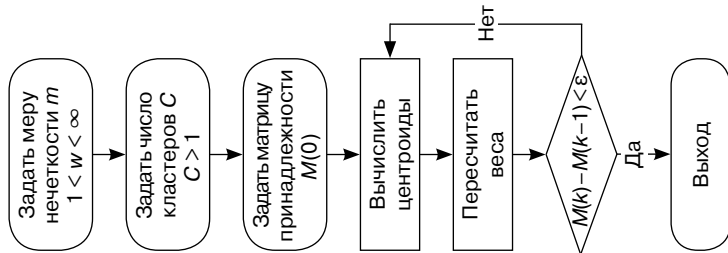
Так же, как и в стандартном алгоритме кластеризации, в начале экспертно задается экспоненциальный вес w . Далее осуществляется цикл по количеству кластеров от 2 до $N - 1$. В рамках каждого шага цикла осуществляется работа иерархического агломеративного алгоритма кластеризации с расстоянием Уорда [Ward, 1963]:

$$R(P, S) = \frac{|P||S|}{|P| + |S|} \rho^2 \left(\sum_{p \in P} \frac{p}{|P|}, \sum_{s \in S} \frac{s}{|S|} \right),$$

где $p \in P$ — элементы кластера P ; $s \in S$ — элементы кластера S ; $|\cdot|$ — число элементов в кластере; $\rho(\cdot, \cdot)$ — длина наименьшего пути с учетом наличия препятствий. Выбор именно расстояния Уорда в качестве оценки меры принадлежности к кластеру обусловлен тем, что данное расстояние обладает свойствами монотонности, растяжения и редуktivности.

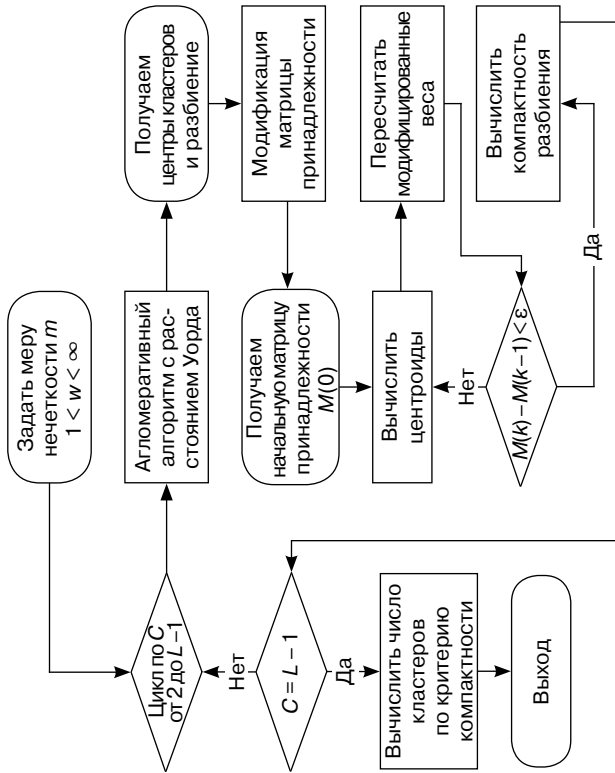
В результате работы агломеративного алгоритма получена матрица принадлежности M'_0 :

Стандартный алгоритм нечеткой кластеризации

a

Модифицированный алгоритм нечеткой кластеризации

б

Рис. 1. Схема алгоритмов нечеткой кластеризации

$$M'_0 = \begin{pmatrix} m'_{11} & \cdots & m'_{1l} \\ \vdots & \ddots & \vdots \\ m'_{c1} & \cdots & m'_{cl} \end{pmatrix},$$

где $m'_{ij} \in \{0,1\}$ и в каждом столбце встречается ровно одна единица. Далее, чтобы получить начальную матрицу принадлежности для работы алгоритма нечеткой кластеризации, проводится следующее преобразование:

$$m_{ij} = \frac{\frac{A+1}{A + \frac{\alpha_{ij}}{\pi}} - 1 + \frac{\rho_j}{\rho_{ij}}}{1 + \frac{1}{A}}, \quad (3)$$

$$\sum_{i=1}^c m'_{ij} + \frac{\pi}{1 + \frac{1}{A}}$$

где ρ_{ij} — расстояние от j -го агента до i -го кластера с учетом наличия препятствий; ρ_j — расстояние от j -го агента до того кластера, которому он принадлежал по итогам работы агломеративного алгоритма; α_{ij} — угол между направлением движения j -го агента (\vec{d}_j) и направлением от агента к центру i -го кластера; $A \in (0,1]$ — коэффициент компенсации (насколько совпадение направления движения агента и направления от агента к центру кластера компенсирует дальность от кластера). Чем меньше значение A , тем более значимо совпадение направлений.

Таким образом, в результате преобразования (3) начальная матрица принадлежности формируется не случайно, а с учетом как метрической близости, так и динамики агентов.

Новый, модифицированный критерий разброса также учитывает динамику агентов:

$$J' = \sum_{i=1}^c \sum_{j=1}^l (m_{ij})^w e^{-\frac{B \cdot \alpha_{ij}}{\pi}} d(v_i, x_j),$$

где $B > 0$ — весовой коэффициент значимости направления движения агента.

Как следствие, соответствующая модификация распространяется и на формулы расчета центров кластеров и степеней принадлежности:

$$v_{ik} = \frac{\sum_{j=1}^l (m_{ij})^w e^{\frac{B\alpha_{ij}}{\pi}} x_{jk}}{\sum_{j=1}^l (m_{ij})^w e^{\frac{B\alpha_{ij}}{\pi}}}, \quad k = \overline{1, n},$$

$$m_{ij} = \frac{1}{\left(d_{ij}^2 e^{\frac{B\alpha_{ij}}{\pi}}\right)^{\frac{1}{w-1}} \sum_{k=1}^c \frac{1}{\left(d_{ij}^2 e^{\frac{B\alpha_{ij}}{\pi}}\right)^{\frac{1}{w-1}}}} \quad \text{при } d_{ij} > 0 \text{ и } m_{kj} = \begin{cases} 1, & k=i \\ 0, & k \neq j \end{cases} \quad \text{при } d_{ij} = 0.$$

По итогам работы модифицированного алгоритма нечеткой кластеризации вычисляется компактность разбиения по формулам (1)–(2). После завершения цикла по количеству кластеров выбирается то разбиение, которое дало минимальную компактность.

Результаты имитационного моделирования в AnyLogic

Сравнение качества кластеризации по результатам имитационного моделирования в среде AnyLogic при различных значениях управляющих параметров представлено в табл. 1.

Частота смены кластера — общее число смены кластера каждым агентом за весь период симуляции. Для нечетких алгоритмов считается смена основного кластера с порогом 0,6. Компактность — среднее значение критерия компактности за весь период симуляции. Период двух кластеров — отношение времени симуляции, в течение которого алгоритм определял два кластера, к общему времени симуляции.

Таблица 1. Сравнение алгоритмов кластеризации

	Иерархический	<i>k</i> -means++	Fuzzy C-means	Модифицированный Fuzzy C-means
Частота смены кластера	6,3	4,2	1,8	1,4
Компактность	2,8	2,3	1,3	1,1
Период двух кластеров	2,7	3,1	1,7	1,5

Каждая оценка выражена относительным значением: значения каждого критерия нормировались относительно наименьшего, а затем усреднялись по числу прогонов.

Таким образом, определение кластеров является более точным по сравнению с другими известными методами кластеризации применительно к задаче кластеризации толпы. Кроме того, использование данной программной библиотеки позволяет перейти от динамики агентов к динамике (центров) кластеров и, таким образом, принципиально уменьшить размерность данной задачи (зависящую от числа агентов), обеспечивая численное моделирование развития ЧС за полиномиальное время. Для этого библиотека содержит специальную функцию, которая на основе данных о динамике агентов, сохраняемых в БД, формирует динамику центров кластеров непосредственно в имитационной модели AnyLogic, существенно сокращая, таким образом, время на проведение экспериментов с моделью.

В результате использования эволюционного алгоритма кластеризации для помещения длиной 110 м, шириной 65 м и для 150 агентов удалось уменьшить время симуляции с 1 ч до 8 мин при 20 прогонах модели (рис. 2 и 3).

Как видно из табл. 2, за счет применения эволюционного алгоритма нечеткой кластеризации также удастся повысить временную эффективность модели, при этом рост времени симуляции при кластерной динамике в зависимости от числа агентов и начального распределения значительно ниже, чем при динамике модели на уровне агентов (приведена усредненная статистика по 100 прогонам для каждого случая).

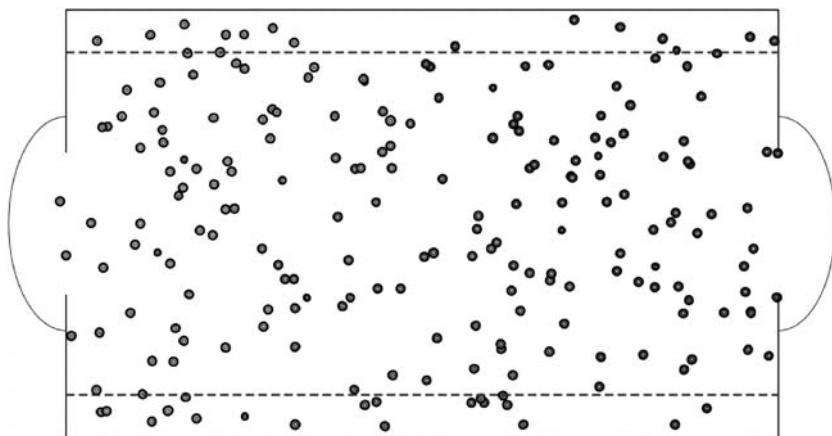

Рис. 2. Динамика на уровне агентов

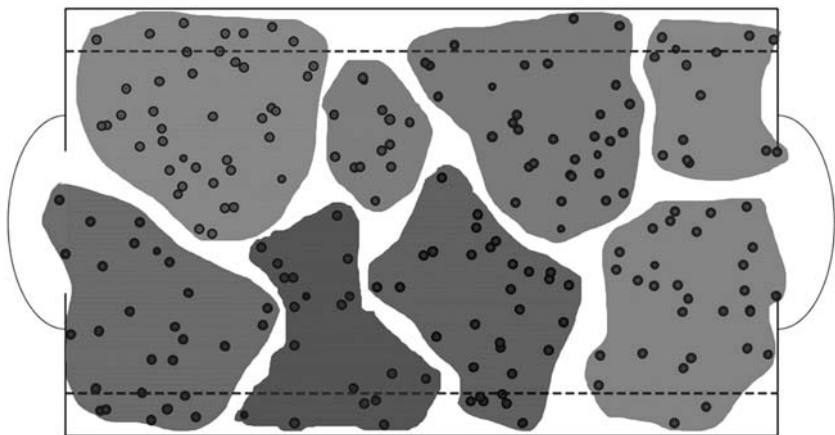

Рис. 3. Динамика на уровне кластеров

Таблица 2. Сравнение эффективности работы модели

Ширина помещения, м	Длина помещения, м	Число агентов, человек	Начальное распределение	Тип динамики	Время симуляции, мин
110	65	150	Равномерное	Агент	40
110	65	150	Равномерное	Кластер	8
110	65	150	Нормальное	Агент	55
110	65	150	Нормальное	Кластер	10
110	65	300	Равномерное	Агент	100
110	65	300	Равномерное	Кластер	15
110	65	300	Нормальное	Агент	112
110	65	300	Нормальное	Кластер	17
200	100	300	Равномерное	Агент	150
200	100	300	Равномерное	Кластер	21
200	100	300	Нормальное	Агент	170
200	100	300	Нормальное	Кластер	23

Заключение

В рамках введенной ранее агентной модели поведения толпы был разработан эволюционный алгоритм нечеткой кластеризации, учитывающий факт наличия препятствий на пути следования агента, с учетом текущего направления движения агента, позволяющий существенно улучшить точность идентификации таксонов (кластеров толпы). Проведенные эксперименты при различных значениях управляющих параметров модели показали качественное снижение размерности задачи и повышение временной эффективности модели.

Источники

Айвазян С.А. Прикладная статистика: Классификация и снижение размерности / Айвазян С.А., Бухштабер В.М., Енюков И.С., Мешалкин Л.Д. М.: Финансы и статистика, 1989.

Антуков А.М., Брацун Д.А., Люшин А.В. Моделирование поведения паникующей толпы в многоуровневом разветвленном помещении // Компьютер. исследование и моделирование. 2013. Т. 5. № 3. С. 491–508.

Бекларян А.Л. Имитационная модель поведения толпы в среде разработки AnyLogic // Вестн. Бурят. гос. ун-та. 2015а. № 9. С. 40–53.

Бекларян А.Л. Фронт выхода в модели поведения толпы при чрезвычайных ситуациях // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер.: Естеств. и техн. науки. 2015б. Т. 20. № 4. С. 851–856.

Бекларян А.Л., Акопов А.С. Моделирование поведения толпы на основе интеллектуальной динамики взаимодействующих агентов // Бизнес-информатика. 2015. Т. 31. № 1. С. 69–77.

Лебон Г. Психология народов и масс. М.: Акад. проект, 2011.

Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я». М.: Азбука-Аттикус, 2013.

Akopov A.S., Beklaryan L.A. An Agent Model of Crowd Behavior in Emergencies // Automation a. Remote Control. 2015. Vol. 76. No. 10. P. 1817–1827.

Akopov A.S., Beklaryan L.A. Simulation of Human Crowd Behavior in Extreme Situations // Intern. J. of Pure a. Applied Mathematics. 2012. Vol. 79. No. 1. P. 121–138.

Antonini G., Bierlaire M., Weber M. Discrete Choice Models of Pedestrian Walking Behavior // Transportation Research. Pt. B: Methodological. 2006. Vol. 40. No. 8. P. 667–687.

Bezdek C.J. Cluster Validity with Fuzzy Sets // J. of Cybernetics. 1974. Vol. 3. No. 3. P. 58–73.

Bezdek C.J. Pattern Recognition with Fuzzy Objective Function Algorithms. Kluwer Acad. Publ. Norwell, 1981.

Cherif F., Chighoub R. Crowd Simulation Influenced by Agent's Sociopsychological State // J. of Computing. 2010. Vol. 2. No. 4. P. 48–54.

Chi Z., Yan H., Pham T. Fuzzy Algorithms: With Applications to Image Processing and Pattern Recognition. Singapore; New Jersey; L.; Hong Kong: World Scientific, 2006.

Dunn J.C. A Fuzzy Relative of the ISODATA Process and Its Use in Detecting Compact Well-Separated Clusters // J. of Cybernetics. 1973. Vol. 3. No. 3. P. 32–57.

Farrahi K. et al. Agent Perception Modeling for Movement in Crowds / Farrahi K., Zia K., Sharpanskykh A., Ferscha A., Muchnik L. // Proc. of the 11th Intern. Conf. Advances on Practical Applications of Agents a. Multi-Agent Systems. Berlin; Heidelberg: Springer, 2013. P. 73–84.

Golas A., Narain R., Lin M.C. Continuum Modeling of Crowd Turbulence // Physical Rev. E. 2014. Vol. 90. No. 4. P. 042816.

Guy S.J. Simulating Heterogeneous Crowd Behaviors Using Personality Trait Theory / Guy S.J., Kim S., Lin M.C., Manocha D. // SCA'11 Proc. of the 2011 ACM SIGGRAPH/Eurographics Symp. on Computer Animation. N.Y.: ACM Press, 2011. P. 43–52.

Hartigan J.A., Wong M.A. A K-Means Clustering Algorithm // J. of the Royal Statistical Society. Ser. C: Applied Statistics. 1979. Vol. 28. No. 1. P. 100–108.

Helbing D., Farkas I., Vicsek T. Simulating Dynamical Features of Escape Panic // Nature. 2000. Vol. 407. No. 6803. P. 487–490.

Mintz A. Non-Adaptive Group Behavior // J. of Abnormal Psychology. 1951. Vol. 46. No. 2. P. 150–159.

Ruspini E.H. Numerical Methods for Fuzzy Clustering // Inform. Sciences. 1970. Vol. 2. No. 3. P. 319–350.

Ward J.H. Hierarchical Grouping to Optimize an Objective Function // J. of the American Statistical Assoc. 1963. Vol. 58. No. 301. P. 236–244.

Т.К. Богданова
А.С. Есаулова

Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа экономики»

АНАЛИЗ И ПРОГНОЗИРОВАНИЕ РАСТОРЖЕНИЯ ДОГОВОРОВ НАКОПИТЕЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ ЖИЗНИ

Введение

В настоящее время на российском страховом рынке сложилась весьма негативная ситуация. По данным ЦБ РФ, темпы прироста страховых взносов (по всем видам страхования) начиная с 2013 г. неуклонно падают: совокупное количество страховых договоров в I полугодии 2015 г. уменьшилось на 6,6% по сравнению с I полугодием 2014 г. Как отмечает RAEX («Эксперт РА»), рост страхового рынка происходит лишь в номинальном выражении. Так, за I полугодие 2015 г. темпы прироста страховых взносов составили всего 2,1% при инфляции 8,5% [RAEX, 2015]. Совокупная величина собранных страховых взносов выросла на 10,5 млрд руб., при этом в совокупности рост сегментов страхования жизни, страхования имущества физических лиц и ДМС составил 11,8 млрд руб. Рынок ОСАГО вырос на 26,5 млрд руб., но исключительно за счет значительного увеличения тарифов. При этом его рост с трудом покрывает сокращение взносов в страховании автокаско (–15,5 млрд руб.), страховании от несчастных случаев (НС) и болезней (–7,8 млрд руб.), страховании сельскохозяйственных рисков (–3,4 млрд руб.) и страховании строительно-монтажных рисков (СМР) (–2,9 млрд руб.). По прогнозу RAEX («Эксперт РА»), в 2016 г. негативные тенденции на страховом рынке сохранятся.

Тем не менее, несмотря на экономический кризис, по итогам 2014 г. сегмент страхования жизни обеспечил наибольший прирост взносов по сравнению с другими сегментами рынка. Если за 2014 г. прирост взносов по сравнению с 2013 г. составил 27,8%, то в I полугодии 2015 г. темпы прироста взносов по страхованию жизни замедлились до 12,5%. Но, несмотря на замедление темпов прироста взносов, сегмент страхования жизни рас-

тет заметно быстрее страхового рынка в целом (2,1% за I полугодие 2015 г.) [RAEX, 2015].

По базовому прогнозу RAEX («Эксперт РА»), темпы прироста страхования жизни в 2016 г. составят 9–12%, по негативному прогнозу значения показателей будут равны 2–5%. В 2016 г. ожидается ускорение роста выплат в страховании жизни в связи с наступлением сроков выплат по среднесрочным договорам страхования жизни. Таким образом, страховщики, специализирующиеся на страховании жизни, столкнутся с ростом убыточности и сокращением рентабельности собственных средств, что будет негативно влиять на рейтинги страховых компаний [Ibid.].

Российский страховой рынок относительно молод и находится в стадии развития. Вопросам теории и практики страхования в зарубежной научной литературе и практике уделяется очень большое внимание. Следует выделить работы таких авторов, как Д.Б. Аткинсон, Дж.В. Даллас [Atkinson, Dallas, 2000], К. Дэйкин [Daykin, 1996], Ад. Вагнер, Ст. Фишер, В.А. Ойгензихт, К. Блэк, Х.Д. Скиппер [Black, Skipper, 2000], Д. Бланд [Страхование..., 1998], М. Коллер [Koller, 2012], К. Бурроу, Х. Гербер, И. Карри, Т. Пентикайнен, М. Песонен, Д.Д. Хэмптон и др. Различным аспектам развития страхования жизни посвящены труды российских авторов, таких как А.П. Архипов [2012]; Е.Ф. Дюжиков; С.В. Ермасов [2016]; Э.Т. Кагаловская; С.К. Завриев, А.И. Калихман [1999]; Г.И. Кочергина; Н.А. Левант; А.Л. Лельчук [2010]; А.П. Плешков [1994]; Ю.А. Сплетухов; Л.А. Орланюк-Малицкая; В.К. Райхер; Л.И. Рейтман; К.Е. Турбина [1996]; Т.А. Федорова; В.В. Шахов [2002]; Р.Т. Юлдашев [2000] и др.

Одной из особенностей страхования жизни является долговременное сотрудничество клиентов и страховых компаний, поскольку средняя длительность договора накопительного страхования жизни составляет 10–15 лет. Поэтому одним из важнейших факторов эффективного функционирования бизнеса является повышение лояльности со стороны клиентов.

Актуальность исследования определяется тем, что своевременный и регулярный комплексный анализ договоров страхования, входящих в портфель страховщика, изучение факторов, влияющих на факт расторжения договоров, а также детальная характеристика портрета клиента позволят более качественно организовать работу по заключению и сопровождению договоров страхования и взаимодействию с клиентами. Это, в конечном счете, должно способствовать уменьшению процента расторжения договоров и повышению прибыльности страховщиков.

Причины расторжения договоров страхования жизни

Страховым случаем в классическом страховании жизни считается смерть или продолжающаяся жизнь (дожитие) застрахованного до окончания срока страхования [Лельчук, 2010]. Таким образом, риском является не сама смерть, а время ее наступления. На практике договоры страхования жизни заключаются чаще всего как договоры смешанного страхования жизни, где кроме двух основных рисков — дожития или смерти застрахованного, — также осуществляется страхование риска потери трудоспособности в результате несчастного случая [Архипов, 2012]. Такие договоры страхования более привлекательны для клиентов, так как в понимании людей риск наступления несчастного случая и последующей травмы более высок, чем классические риски страхования жизни.

Удержать клиента, который приобрел договор страхования жизни, бывает довольно трудно. Особенно это касается договоров с регулярной оплатой, когда клиент берет на себя обязательство с определенной периодичностью оплачивать свои страховые взносы страховой компании в течение многих лет. В случае расторжения договора клиент получает тот размер выкупной суммы, который был определен в договоре страхования, плюс некоторый инвестиционный доход [Об организации..., 1992]. Размер выкупной суммы даже с дополнительным доходом будет меньше той суммы, которую он заплатил страховой компании. Страховая компания же при досрочном расторжении договора вынуждена изымать средства из страхового резерва, тем самым теряя средства для инвестирования.

Анализ причин, по которым договоры страхования могут быть расторгнуты, начиная со второго и последующих взносов, показывает, что чаще всего договоры расторгаются из-за неоплаты премии (68%) и по желанию клиента (26%) (рис. 1). Решение клиента о досрочном расторжении договора может стать следствием экономического кризиса в стране. В период нестабильной экономической ситуации наиболее подвержены риску клиенты, которые приобрели договоры страхования в иностранной валюте. Для них рублевые эквиваленты страховых взносов могут увеличиваться порой в несколько раз.

Как видно из рис. 2, к декабрю 2014 г. количество заявлений на расторжение договоров, поступивших от клиентов, выросло почти в 5 раз по сравнению со средним значением за предыдущие 2 года деятельности компании.

Анализ соотношения действующих и расторгнутых договоров с регулярной оплатой показал, что действующими являются только 60,67% всего

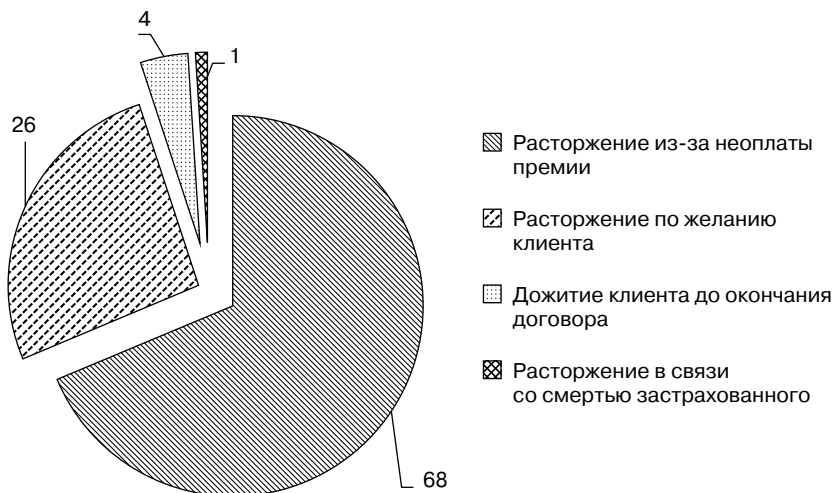

Рис. 1. Причины расторжения договоров страхования жизни и их доля среди всех причин расторжения, %

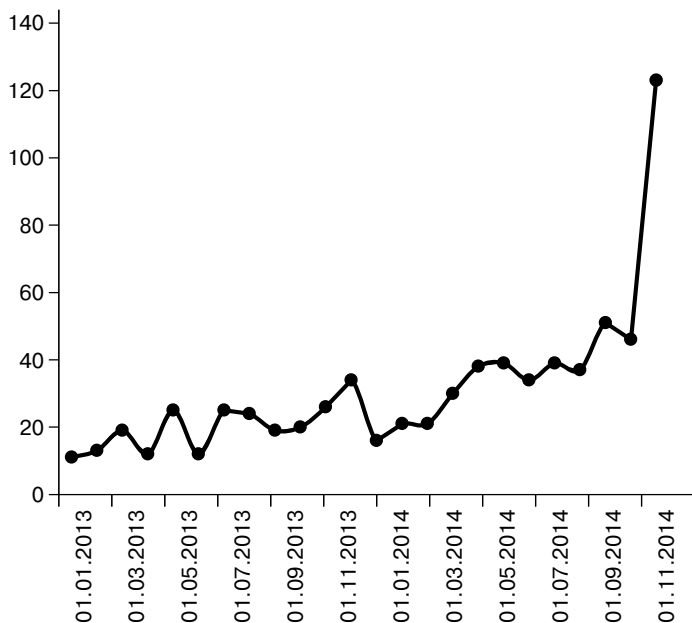

Рис. 2. Частота заявлений на расторжение договоров страхования жизни

портфеля договоров с регулярной оплатой, а 39,33% договоров расторгнуты. При этом 14,79% составляют договоры, расторгнутые по другим причинам (расторжения договоров с начала их действия, отказы от договоров на стадии заявления, а также дожитие договоров до даты окончания). Расторжения договоров с начала действия или отказ от страхования на стадии заявления являются не самыми убыточными и частыми видами расторжений и не входят в рамки данного исследования.

Наибольшую проблему с точки зрения нормального функционирования компании составляет высокая доля расторжений договоров по желанию клиента (17,71%) и из-за неоплаты премии (6,83%), т.е. компания не получает очередных взносов клиентов. Именно анализу и прогнозированию договоров расторжения страхования жизни по этим двум причинам посвящено данное исследование.

Конечно, в период кризиса показатель расторжения договоров, безусловно, будет очень высоким. Но, имея инструмент, позволяющий прогнозировать такие расторжения, можно будет удержать некоторых клиентов, предложив им соответствующие льготы по оплате премий. В качестве вариантов таких льгот страховые компании могут предлагать смену валюты договора или так называемые «финансовые каникулы», когда клиенту предоставляется возможность оплатить свой взнос позднее, не расторгая при этом договор. Направленная работа с клиентами по договорам, находящимся в группе риска, может повысить лояльность клиентов и понизить долю расторгнутых договоров в общем портфеле компании.

Задачами построения подобных предсказательных моделей занимается прогнозная аналитика. Она представляет собой набор статистических методов моделирования, машинного обучения и Data mining, которые изучают исторические данные для прогнозирования будущих событий [Нусе, 2007].

Информационная база исследования

Для исследования была сформирована информационная база, основой которой послужил портфель договоров страхования одной из крупнейших страховых компаний России за 2008–2015 гг., состоящий из 15 688 договоров накопительного страхования жизни и 11 переменных, 6 из которых являются характеристикам договоров, а 5 — характеристиками клиентов.

Как видно из табл. 1, действуют 9518 договоров (60,7%), 751 договор (4,8%) аннулирован и 5419 договоров (34,5%) расторгнуты. Таким образом, на расторгнутые договоры приходится треть всей выборки.

Договоры, имеющие статус «аннулирован», были расторгнуты на стадии заявления на страхование и никогда не получали статус договора. Доля таких договоров очень низкая, поэтому они не влияют на эффективность работы страховой компании, и их анализ не имеет смысла.

Среди расторгнутых договоров часть была аннулирована в течение 30 дней с момента действия с полным возвратом премии, а некоторые закончили свое действие в силу наступления определенного страхового события (дожитие клиента до конца срока действия договора, смерть клиента в течение срока страхования). Для последующего анализа эти договоры были отнесены в группу «Прочие причины расторжения» (табл. 2).

Наибольший интерес для исследования представляют две причины расторжения договоров: по желанию клиента и из-за неоплаты премии. Из табл. 2, в которой представлен частотный анализ типов расторжения договоров страхования жизни, видно, что совокупная доля договоров, расторгнутых по желанию клиента или из-за неоплаты, составляет 62,4%.

Для прогнозирования расторжения договоров по этой причине был проведен анализ отсутствия взаимосвязей между фактом расторжения договора и различными характеристиками самого договора или клиента, который его приобрел.

Таблица 1. Состав договоров страхования жизни

Статус	Частота	Процент	Накопленный процент
Действует	9518	60,7	60,7
Расторгнут	5419	34,5	95,2
Аннулирован	751	4,8	100,0
<i>Всего</i>	<i>15 688</i>	<i>100,0</i>	

Таблица 2. Типы расторжения договоров страхования жизни

Тип расторжения договора	Частота	Процент	Накопленный процент
Расторгнутые по желанию клиентов	1072	17,4	17,4
Расторгнутые из-за неоплаты	2778	45,0	62,4
Прочие причины расторжения	2320	37,6	100,0
<i>Всего</i>	<i>6170</i>	<i>100,0</i>	

Для анализа были использованы

- следующие характеристики договоров: программа страхования, страховой продукт, город заключения договора, валюта ответственности по договору, периодичность платежа, длительность договора;
- социодемографические характеристики клиентов: пол, возраст на дату заключения договора, семейное положение, должность, сфера занятости.

Анализ взаимосвязи факторов, проведенный с использованием таблиц сопряженности критерия хи-квадрат, показал, что:

- в целом во всех городах договоры расторгают с одинаковой частотой. В среднем в Москве, Екатеринбурге, Волгограде и Уфе — 37,4%. Немного выше (средний процент расторжений) — в Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, Самаре и Ростове-на-Дону — 41,8%;
- реже всего среди договоров с регулярной оплатой расторгаются договоры с ежегодной оплатой (34,0%), чаще всего — договоры с ежеквартальной оплатой (67,8%);
- самый высокий процент расторжений у возрастных категорий от 18 до 24 лет и от 25 до 35 лет — 66,9 и 49,2% соответственно. С увеличением возраста клиентов число расторжений договоров уменьшается; так, для возрастной группы 75 лет и старше число расторгнутых договоров — менее 10%;
- самый высокий (68,0%) процент расторжений договоров у клиентов, которые указали свое семейное положение как «разведен/-на».

Между всеми анализируемыми параметрами выявлена высокозначимая взаимосвязь, т.е. все параметры влияют на факт расторжения договоров. Также была выявлена высокозначимая связь между фактом расторжения договора и видом страхового продукта.

Моделирование расторжения договоров страхования жизни

Кластерный анализ

Проведенный по методу Варда кластерный анализ исходных данных позволил выделить четыре кластера, примерно равных по числу наблюдений, при пятикластерном решении (табл. 3).

Полученные кластеры имели значимые различия средних значений по всем исследуемым показателям: по программе страхования, возрасту клиентов, сроку действия договоров, премии первого года и годовой премии за текущий период, доле изменения премии. Значимость различий средних

Таблица 3. Результаты кластеризации по методу Варда

Кластеры		Частота	Процент	Валидный процент	Накопленный процент
Допустимо	1	364	23,5	23,5	23,5
	2	540	34,9	34,9	58,4
	3	387	25,0	25,0	83,5
	4	253	16,3	16,4	99,8
	5	3	0,2	0,2	100,0
	Всего	1547	99,9	100,0	
Пропущенные	Системные	1	0,1		
<i>Всего</i>	<i>1548</i>	<i>100,0</i>			

значений показателей была подтверждена результатами непараметрического теста с использованием U -критерия Манна — Уитни.

Однако анализ результатов кластеризации показал, что во все кластеры попали как действующие, так и расторгнутые договоры. Полученные кластеры не имеют значимых различий по факту расторжения договоров.

Бинарная логистическая регрессия

Положительное решение было получено на основе бинарной логистической регрессионной модели [Громыко, 2009].

Вероятность наступления события рассчитывается по формуле:

$$p = \frac{1}{1 + e^{-z}},$$

где z — стандартное уравнение регрессии, которое рассчитывается по формуле:

$$z = a_0 + k_1 \times x_1 + k_2 \times x_2 + \dots + k_n \times x_n,$$

где x_n — значения независимых переменных; k_n — коэффициенты, рассчитанные с помощью бинарной логистической регрессии; a_0 — константа.

Уравнение регрессии имеет следующий вид:

$$z = -1,728 - 0,04 \times \text{Программа страхования} + \\ + \begin{bmatrix} -0,485 \\ -0,078 \\ 0,547 \end{bmatrix} \times \begin{bmatrix} \text{Страховой продукт (1)} \\ \text{Страховой продукт (2)} \\ \text{Страховой продукт (3)} \end{bmatrix} +$$

$$+ \begin{bmatrix} 1,217 \\ 0,783 \\ 0,528 \\ 0,616 \\ 0,708 \end{bmatrix} \times \begin{bmatrix} \text{Возрастная категория (1)} \\ \text{Возрастная категория (2)} \\ \text{Возрастная категория (3)} \\ \text{Возрастная категория (4)} \\ \text{Возрастная категория (5)} \end{bmatrix} + \begin{bmatrix} -0,449 \\ -0,246 \\ -0,306 \\ -0,461 \\ -0,156 \\ -0,483 \\ -0,049 \end{bmatrix} \times \begin{bmatrix} \text{Город (1)} \\ \text{Город (2)} \\ \text{Город (3)} \\ \text{Город (4)} \\ \text{Город (5)} \\ \text{Город (6)} \\ \text{Город (7)} \end{bmatrix} -$$

$- 0,5 \times \text{Длительность в годах} +$

$$+ \begin{bmatrix} -0,821 \\ -1,014 \\ -0,687 \\ -0,154 \end{bmatrix} \times \begin{bmatrix} \text{Категория длительности (1)} \\ \text{Категория длительности (2)} \\ \text{Категория длительности (3)} \\ \text{Категория длительности (4)} \end{bmatrix} +$$

$+ 0,497 \times \text{Длительность текущая в годах} +$

$+ 0,0001 \times \text{Премия текущая (руб.)} - 0,360 \times \text{Изменение премии} +$
 $+ 1,113 \times \text{Регулярность оплаты.}$

Для анализа качества предсказания модели было проведено моделирование с использованием трех порогов отсечения: 0,5, 0,45 и 0,4.

Как показал анализ, при пороге отсечения равном 0,5 общая прогнозная точность модели составила 70,2%, действующих договоров — 76,3%, расторгнутых договоров — 60,8%. При пороге отсечения равном 0,45 общая прогнозная точность модели составила 70,3%, т.е. практически как в предыдущем случае. Но точность предсказания действующих договоров стала хуже и составила 70,4%, однако значительно повысилась точность предсказания расторгнутых договоров — до 70,2%. При пороге отсечения равном 0,4 общая прогнозная точность модели стала несколько хуже (69,7%), чем в предыдущих случаях. Существенно ухудшилась точность предсказания действующих договоров (64,9%), однако значительно повысилась точность предсказания расторгнутых договоров (77,1%).

Таким образом можно сделать вывод, что с уменьшением порога отсечения увеличивается доля правильно предсказанных расторгнутых договоров страхования, но уменьшается доля правильно предсказанных действующих договоров.

Выбор уровня порога отсечения зависит от того, предсказание какого из двух состояний договора представляет интерес для исследователя. Но оп-

тимальным можно считать значение порога отсечения равное 0,45, так как в этом случае общая прогнозная точность предсказания как действующих, так и расторгнутых договоров приблизительно одинаковая — порядка 70%.

Прогнозную точность модели бинарной логистической регрессии можно повысить, если учесть влияние таких факторов, как семейное положение, должность и сфера занятости, поскольку между этими факторами и статусом договора была выявлена высокосignификантная взаимосвязь. В данном расчете они не учитывались, так как для большинства договоров значения этих переменных отсутствовали.

Предсказание расторжения договора страхования по методу дерева решений

В качестве независимых переменных для модели дерева решений [Quinlan, 1986] были выбраны следующие переменные: программа страхования, группа страхового продукта, пол клиента, возраст клиента, семейное положение, должность, сфера занятости клиента, город заключения договора, длительность договора, валюта ответственности по договору, периодичность оплаты, факт расторжения договора, размер премии первого года в рублях, текущий размер годовой премии в рублях, процент изменения текущей премии относительно премии первого года.

Анализируемая выборка для построения дерева решений была разделена на обучающую (70%) и контрольную (30%). С использованием двух методов — CHAID [Kass, 1980] и CRT [Breiman et al., 1984] — были построены деревья решений глубиной пять уровней.

Общая прогнозная точность моделей как для обучающей, так и для контрольной выборок при использовании обоих методов составляет около 70%. Оба метода дали очень хорошую прогнозную точность для предсказания действующих договоров: метод CHAID — 82,9% для обучающей выборки и 82,2% для контрольной; метод CRT — 84,3% для обучающей выборки и 83,8% для контрольной. Но практически эти методы не работают для предсказания расторгнутых договоров: метод CHAID — 51,9% для обучающей выборки и 49,2% для контрольной; метод CRT — 48,5% для обучающей выборки и 48,2% для контрольной.

Заключение

В данном исследовании проведена детальная классификация договоров страхования жизни дана оценка текущего состояния страхового рынка в России, и в частности сегмента страхования жизни; проанализирована структу-

ра страхового портфеля компании. Выявлено, что наибольшую доходность компании приносят договоры с регулярной оплатой премии, что по очередным взносам доходность компании выше, чем по взносам первого года, что почти треть договоров с регулярной оплатой премии являются расторгнутыми.

Было выявлено высокозначимое взаимовлияние параметров договоров и характеристик клиентов на факт расторжения договоров страхования.

На основе иерархического метода кластеризации договоров страхования с использованием метода Варда были выявлены кластеры, значительно различающиеся по программе страхования, возрасту клиентов, сроку действия договоров, премии первого года и текущей премии, доли изменения премии, но не имеющие значимых различий по факту расторжения договоров.

Для прогнозирования расторжения договоров страхования были разработаны модели на основе бинарной логистической регрессии и метода дерева решений.

Модель бинарной логистической регрессии при пороговом отсечении равном 0,4 показала достаточно высокие результаты для прогнозирования расторжений договоров страхования, точность предсказания расторгнутых договоров составила 77,1%.

Модели деревьев решений, построенные по методам CHAID и CRT с глубиной дерева равной пяти уровням, показали высокие результаты для предсказания действующих договоров страхования. Для модели, построенной по методу CHAID, процент правильных предсказаний для действующих договоров — около 82%, как для обучающей, так и для контрольной выборки. Но модель не позволяет прогнозировать расторжение договоров.

Практическая значимость исследования. Безусловно, само по себе предсказание расторжения и (или) продолжающего действия договора не может повысить эффективность работы компании. Но на основе разработанных моделей и полученных результатов можно выработать рекомендации менеджменту страховой компании и другим заинтересованным лицам, касающиеся продуктовой линейки и страховых тарифов. С маркетинговой точки зрения, результаты проведенных исследований можно использовать для создания портретов потребителей с различной степенью «надежности» клиентов. Использование предсказанных значений будущих статусов договоров в работе по сбору очередных страховых взносов позволит страховой компании снизить показатели убыточности договоров, повысить лояльность своих клиентов, и это, в конечном счете, будет способствовать повышению эффективности бизнеса и конкурентоспособности компании.

Источники

- Архипов А.П.* Страхование: учебник. М.: Кнорус, 2012.
- Громыко Г.Л.* Теория статистики. Практикум. М.: ИНФРА-М, 2009.
- Ермасов С.В., Ермасова Н.Б.* Страхование: учеб. для бакалавров. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2016. (Бакалавр. Акад. курс).
- Завриев С.К., Калихман Л.И.* Долгосрочное страхование жизни и пенсионное страхование в высокорисковой экономической среде. М.: Центр страхового образования, 1999.
- Лельчук А.Л.* Страхование жизни. М.: Анкил, 2010.
- Об организации страхового дела в Российской Федерации: закон Рос. Федерации № 4015-1 от 27 ноября 1992 г. (в ред. от 8 марта 2015 г.).
- Плешков А.П.* Страхование жизни: проблемы и перспективы // Страховое дело. 1994. № 8. С. 40; № 9. С. 34.
- Страхование от А до Я: Книга для страхователя / под ред. Л.И. Корчевского, Н.Е. Турбиной. М.: ИНФРА-М, 1996.
- Страхование: принципы и практика / сост. Д. Бланд; пер. с англ. М.: Финансы и статистика, 1998.
- Шахов В.В.* Теория и управление рисками в страховании. М.: Финансы и статистика, 2002.
- Юлдашев Р.Т.* Страховой бизнес: слов.-справ. М.: Анкил, 2000.
- Atkinson D.B., Dallas J.W.* Life Insurance Products and Finance. Schaumburg, Ill.: The Society of Actuaries, 2000.
- Black K., Skipper H.D.* Life and Health Insurance. 13th ed. Prentice Hall, 2000.
- Breiman L., Friedman J.H., Olshen R.A., Stone C.J.* Classification and Regression Trees. Florence, KY: Wadsworth, 1984.
- Daykin C.D.* Practical Risk Theory for Actuaries. L.: Chapman & Hall, 1996.
- Kass G.V.* An Exploratory Technique for Investigating Large Quantities of Categorical Data // Applied Statistics. 1980. Vol. 29. No. 2. P. 119–127.
- Koller M.* Stochastic Models in Life Insurance. Springer, 2012.
- Nyce C.* Predictive Analytics. American Inst. for Chartered Property Casualty Underwriters / Insurance Institute of America. 2007.
- Quinlan J.R.* Induction of Decision Trees // Machine Learning. 1986. Vol. 1. No. 1. P. 81–106.
- RAEX: рейтинговое агентство [Исследование российского рынка страхования] [Электронный ресурс]. RAEX, 2015. URL: <http://www.raexpert.ru/researches/insurance>, свободный.

Д.В. Думский
В.В. Корнилов

Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа экономики»

С.В. Соловьёва

Казанский национальный
исследовательский
технологический университет

Е.А. Исаев

Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа экономики»

ПОСТРОЕНИЕ РЕЙТИНГОВОЙ СИСТЕМЫ ДЛЯ ОЦЕНКИ ИННОВАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ РЕГИОНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Инновационное развитие общества в целом (и такая его важнейшая часть, как научно-техническая сфера) является сегодня одним из приоритетных направлений государственной экономической политики Российской Федерации.

Однако следует отметить, что в ряде регионов инновационная деятельность сталкивается со значительными трудностями. Закрываются они не только в слабой собственной научно-исследовательской и опытно-конструкторской базе или ее отсутствии, но и в дефиците квалифицированных кадров, недостаточном финансировании и т.д.

Целью данной работы было провести анализ и оценить текущее состояние инновационной деятельности в регионах, рассчитать рейтинг регионов по ряду показателей, характеризующих инновации, в том числе по интегральному инновационному индексу, проверить полученные результаты методом кластерного анализа, а также дать прогноз развития инноваций в регионах.

Для расчета рейтинга по технологической инновационной составляющей была выбрана методика, разработанная Институтом статистических исследований и экономики знаний Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» [Индикаторы..., 2014]. Эта методика опирается на результаты многолетних исследований и отвечает статистическим стандартам, которые применяются как в России, так и в ведущих зарубежных странах. В ее состав также входят индикаторы, используемые в аналогичных разработках Европейской комиссии. Рейтинг инновационного развития регионов России, рассчитанный по данной методике, собрал боль-

шое количество отзывов, которые подтвердили адекватность предложенной методики и полученных результатов реальной ситуации, сложившейся в регионах [Там же].

Данная методика расчета российского регионального инновационного индекса охватывает 36 показателей, обеспечивающих возможность расчета соответствующих подындексов («социально-экономические условия инновационной деятельности», «научно-технический потенциал», «инновационная деятельность», «качество инновационной политики») [Рейтинг..., 2014].

При следовании вышеуказанной методике в данной работе рейтинг российского инновационного индекса был сформирован как среднее арифметическое нормализованных значений всех включенных в рейтинг показателей.

Входными данными для анализа являлись показатели инновационной деятельности 79 регионов, представленные в ежегодных сборниках Федеральной службой государственной статистики России за 2014 г. [Российский статистический ежегодник, 2014].

В итоге было выбрано 15 показателей, характеризующих различные аспекты инновационной деятельности регионов: количество организаций, осуществляющих технологические инновации, количество созданных разработок и используемых передовых производственных технологий, затраты на технологические инновации, объем инновационных работ, количество выданных патентов, численность научных кадров, занятых научными исследованиями и разработками, объем поступлений от экспорта технологий и услуг и т.д.

По смысловому содержанию показатели были разбиты на четыре блока:

- 1) научные исследования и разработки;
- 2) кадры науки;
- 3) результативность научных исследований и разработок;
- 4) инновационная деятельность.

Затем для обеспечения устойчивости модели рейтинга был проведен анализ корреляционных связей между выбранными показателями в рамках каждого тематического блока.

По каждому тематическому блоку рассчитаны значения четырех подындексов, включенных в состав интегрального технологического инновационного индекса, а также выполнен расчет итоговых значений технологического инновационного показателя по каждому субъекту РФ. За счет перехода от абсолютных величин к нормированным значениям были достигнуты однородность и сопоставимость отобранных показателей.

Перед выполнением процедуры нормализации проводилась оценка степени асимметрии распределения относительно среднего значения. Если полученное в результате распределение имело асимметричный характер, то

для сглаживания влияния максимальных значений на конечный результат рейтинга величина показателя трансформировалась следующим образом:

$$\overline{\overline{X}}_i^r = \sqrt[S]{X_i^r}, \quad (1)$$

где $\overline{\overline{X}}_i^r$ — трансформированное значение i -го показателя в r -м регионе;

X_i^r — исходное значение i -го показателя в r -м регионе;

S — степень трансформации (принимает значения от 2 до 6 в зависимости от коэффициента асимметрии).

При построении рейтинга за 2014 г. процедура сглаживания данных была применена 11 раз. Далее сглаженные данные нормировались. Для нормировки базовых показателей использовались два различных способа.

Первый способ — традиционный таксономический метод стандартизации, в котором стандартизованные переменные рассчитываются как отношение отклонений индивидуальных значений показателей от средней по показателю \overline{X}_j к среднеквадратичному отклонению показателя σ_j :

$$Z_{ij} = \frac{X_{ij} - \overline{X}_j}{\sigma_j}. \quad (2)$$

Второй способ — метод линейного масштабирования, в котором нормализация значений показателей по каждому региону проводится по следующей формуле:

$$\overline{\overline{X}}_i^j = \frac{X_i^j - X_{\min}^j}{X_{\max}^j - X_{\min}^j}, \quad (3)$$

где $\overline{\overline{X}}_i^j$ — сглаженное значение показателя j для региона i ;

X_{\min}^j — минимальное значение показателя j за рассматриваемый год;

X_{\max}^j — максимальное значение показателя j за рассматриваемый год.

Проведен сравнительный анализ инновационного развития — ранжирование регионов по подынкам и по интегральному индексу — и выделены 10 регионов-лидеров. Лидерами по интегральному индексу являются: г. Москва и Санкт-Петербург, Нижегородская, Томская, Новосибирская, Магаданская, Московская, Ивановская и Калужская области, Республика Татарстан.

С целью получения адекватной картины инновационного развития регионов РФ, выявления общих закономерностей, а также различий в уровнях развития был проведен кластерный анализ по всем рассматриваемым 79 регионам. В качестве группировочных признаков были использованы четыре подынка, отражающих эффективность технологической инновационной деятельности регионов. В качестве метода кластерного анализа использован

метод k -средних. При применении кластерного анализа решалась задача классификации данных, а также выявления соответствующей структуры.

По итогам проведенного анализа регионы были разделены на пять кластеров в соответствии с полученными показателями инновационной деятельности. По каждому кластеру был выполнен анализ проблем и предложены способы их устранения. На рис. 1 представлено графическое изображение средних для каждого кластера.

В первый кластер вошли 13,9% включенных в анализ регионов (табл. 1).

Регионы, вошедшие в первый кластер, характеризуются самым низким результатом по индексу в первом блоке (научные исследования и разработки) и показывают низкий результат по третьему блоку (результативность НИР), незначительно опережая при этом второй кластер. В итоге можно сделать вывод, что этим регионам необходимо увеличивать количество научных организаций, уровень их финансового обеспечения, вкладывать средства в новое оборудование и технологии, а также создавать условия для повышения патентной и изобретательской активности населения, увеличивая долю экспорта технологий региона в формировании ВРП.

Второй кластер (табл. 2) содержит 12,7% анализируемых регионов.

Регионы, вошедшие в него, сильно отстают в инновационной деятельности и в результативности НИР, показывая в этих блоках наихудшие результаты. В первом (научные исследования и разработки) и втором (кадры науки) блоках показатели средние.

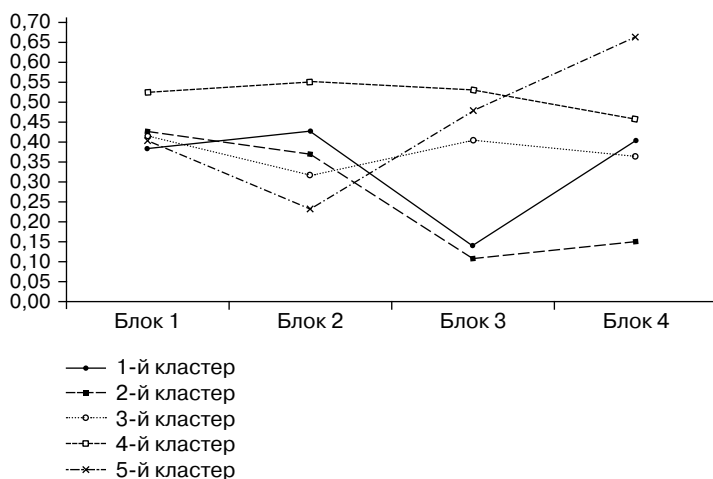

Рис. 1. График средних для кластеров

Таблица 1. Регионы, вошедшие в первый кластер

№ п/п	Регион	I _{блок1}	I _{блок2}	I _{блок3}	I _{блок4}
1	Белгородская область	0,458	0,384	0,215	0,390
2	Республика Адыгея	0,401	0,305	0,056	0,354
3	Республика Дагестан	0,452	0,467	0,125	0,476
4	Кабардино-Балкарская Республика	0,504	0,537	0,130	0,405
5	Оренбургская область	0,374	0,366	0,227	0,499
6	Республика Алтай	0,397	0,281	0,131	0,524
7	Республика Бурятия	0,405	0,616	0,118	0,339
8	Республика Хакасия	0,127	0,386	0,109	0,366
9	Алтайский край	0,352	0,390	0,192	0,418
10	Камчатский край	0,500	0,362	0,133	0,465
11	Еврейская автономная область	0,235	0,586	0,102	0,215

Таблица 2. Регионы, вошедшие во второй кластер

№ п/п	Регион	I _{блок1}	I _{блок2}	I _{блок3}	I _{блок4}
1	Брянская область	0,367	0,142	0,200	0,295
2	Республика Карелия	0,457	0,469	0,186	0,143
3	Республика Коми	0,536	0,499	0,130	0,248
4	Республика Калмыкия	0,309	0,368	0,057	0,129
5	Республика Ингушетия	0,268	0,332	0,000	0,000
6	Карачаево-Черкесская Республика	0,485	0,460	0,092	0,107
7	Республика Северная Осетия — Алания	0,489	0,445	0,171	0,158
8	Чеченская Республика	0,354	0,431	0,061	0,000
9	Республика Тыва	0,588	0,330	0,041	0,266
10	Забайкальский край	0,431	0,226	0,154	0,149

Третий кластер является самым многочисленным (51,9% анализируемых регионов). Все показатели находятся примерно на одном уровне. В первом блоке они уступают четвертому кластеру, незначительно превышая первый кластер, во втором блоке — показывают низкий относительно других кластеров результат, опережая лишь пятый кластер.

Четвертый кластер содержит 16,5% от выборки (табл. 3).

Таблица 3. Регионы, вошедшие в четвертый кластер

№ п/п	Регион	I _{блок1}	I _{блок2}	I _{блок3}	I _{блок4}
1	Ивановская область	0,456	0,607	0,526	0,417
2	Калужская область	0,581	0,418	0,542	0,423
3	Московская область	0,557	0,503	0,568	0,354
4	Ярославская область	0,431	0,454	0,615	0,440
5	г. Москва	0,474	0,814	0,660	0,558
6	г. Санкт-Петербург	0,608	0,651	0,636	0,500
7	Нижегородская область	0,649	0,424	0,702	0,466
8	Свердловская область	0,462	0,453	0,543	0,439
9	Иркутская область	0,469	0,562	0,366	0,467
10	Новосибирская область	0,500	0,760	0,491	0,313
11	Томская область	0,626	0,578	0,521	0,434
12	Хабаровский край	0,396	0,449	0,317	0,577
13	Магаданская область	0,575	0,514	0,384	0,560

Таблица 4. Регионы, вошедшие в пятый кластер

№ п/п	Регион	I _{блок1}	I _{блок2}	I _{блок3}	I _{блок4}
1	Липецкая область	0,176	0,233	0,527	0,768
2	Республика Мордовия	0,461	0,208	0,411	0,621
3	Республика Татарстан	0,454	0,344	0,556	0,684
4	Чувашская Республика	0,519	0,145	0,424	0,592

Вошедшие сюда регионы являются абсолютными лидерами по всем показателям, уступая только пятому кластеру в инновационной деятельности.

В пятый кластер вошло всего 5% регионов (табл. 4). Эти регионы ушли далеко вперед в инновационной деятельности, взяли курс на внедрение технологических инноваций, увеличение затрат на новые технологии. Они немного уступают четвертому кластеру в результативности НИР и отстают по уровню квалифицированных кадров науки.

В результате рассмотрения 79 исследуемых регионов был сделан вывод, что инновационное развитие российских регионов происходит крайне неравномерно: регионы, которые показывали хорошие результаты по одному рассматриваемому показателю, заметно отстали по другим показателям. Так,

значение обобщенного индекса лидирующего в рейтинге региона превосходит значение замыкающего рейтинг региона в 3,48 раза, а для отдельных блоков эта разница еще больше.

Таким образом, в результате проделанной работы выявлены сильные и слабые стороны каждого отдельного субъекта РФ. Результаты анализа позволили определить, на чем нужно сделать акцент в каждом отдельном регионе, и дали возможность рассмотреть дальнейшую стратегию инновационной деятельности регионов.

Все расчеты проводились с использованием программного обеспечения MS Excel и IBM SPSS Statistics. Результаты проведенного анализа особенностей и динамики инновационного развития регионов могут быть полезны как органам федеральной власти, так и властям субъектов Российской Федерации.

Источники

Индикаторы инновационной деятельности: 2014: стат. сб. / Городникова Н.В., Гохберг Л.М., Кузнецова И.А. и др. М.: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2014.

Рейтинг инновационного развития субъектов РФ / Абдрахманова Г.И., Белоусова В.Ю., Голанд М.Ю. и др. Вып. 2 / под ред. Л.М. Гохберга. М.: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2014.

Российский статистический ежегодник [Электронный ресурс] / Федер. служба гос. статистики. 2014. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_13/Main.htm (дата обращения: 03.10.2015).

А.А. Иванов

Национальный
исследовательский
университет «Высшая школа
экономики», «Сколтех»

В.И. Якуба

Институт проблем управления
РАН, Национальный
исследовательский
университет «Высшая школа
экономики»

БЫСТРЫЙ АЛГОРИТМ ОЦЕНКИ МАНИПУЛИРУЕМОСТИ ПРАВИЛ КОЛЛЕКТИВНОГО ВЫБОРА

Введение

Проблема манипулируемости правил коллективного выбора заключается в том, что участник или группа участников голосования предъявляют на выборах неискренние предпочтения, чтобы достичь лучшего для себя коллективного выбора.

В работах [Gibbard, 1973; Satterthwaite, 1975] было доказано, что при не менее чем трех альтернативах любая недиктаторская процедура коллективного выбора будет являться манипулируемой. В связи с этим дальнейшие усилия в данной области были посвящены ответу на вопрос: если мы не можем найти неманипулируемое правило коллективного выбора, можем ли мы найти наименее манипулируемое правило коллективного выбора?

Для ответа на этот вопрос необходимо ввести метрику, которая измеряла бы, насколько то или иное правило коллективного выбора является манипулируемым. В работах [Nitzan, 1985; Kelly, 1993] был введен индекс Нитцана — Келли для оценки степени манипулируемости заданного правила коллективного выбора. Большое количество исследователей изучали степень манипулируемости правил коллективного выбора при тех или иных параметрах модели и предположках. Список работ включает [Chamberlin, 1985; Aleskerov, Kurbanov, 1999; Smith, 1999; Favardin, Lepelley, 2006; Pritchard, Wilson, 2007; Aleskerov et al., 2011, 2012], в них были произведены оценки степени индивидуальной манипулируемости различных правил коллективного выбора для разных ситуаций.

В данной работе мы рассматриваем индивидуальное и коалиционное манипулирование. Вычислительная сложность расчета манипулируемости правил коллективного выбора для случая такого манипулирования очень высока, поэтому при реализации требуется использование сразу нескольких оптимизационных алгоритмов. В данной работе мы рассмотрим техники

ускорения алгоритмов расчета индивидуальной и коалиционной манипулируемости, которые позволили итоговому алгоритму в разумные сроки рассчитать значения индекса Нитцана — Келли для 27 правил коллективного выбора для различных ситуаций.

Основные обозначения и схема манипулирования

Мы будем использовать обозначения из [Aleskerov et al., 2011]. Предположим, что есть некоторое конечное множество A из m альтернатив и конечное множество N из n участников голосования. Для каждого участника голосования мы определяем его предпочтение P_i на множестве альтернатив, заданное линейным порядком, т.е. являющееся связным, транзитивным и антирефлексивным; n участников голосования и набор их предпочтений называются профилем. Правило коллективного выбора — это процедура определения соответствия заданному профилю набора альтернатив из множества A . Такой набор (множество) альтернатив будет являться коллективным выбором.

Мы рассматриваем 27 правил коллективного выбора.

1. Правило относительного большинства.
2. Одобряющее голосование $q = 2$.
3. Правило Борда.
4. Процедура Блэка.
5. Обратное правило Борда.
6. Пороговое правило.
7. Процедура Хара.
8. Обратное правило относительного большинства.
9. Правило Нансона.
10. Процедура Кумбса.
11. Минимальное доминирующее множество.
12. Минимальное недоминируемое множество.
13. Непокрытое множество I.
14. Непокрытое множество II.
15. Правило Ричельсона.
16. Минимально слабоустойчивое множество.
17. Правило Фишберна.
18. Правило Коупланда I.
19. Правило Коупланда II.
20. Правило Коупланда III.
21. Процедура Симпсона.

22. Процедура минимакс.
23. Сильное q -Паретовское правило простого большинства.
24. Сильное q -Паретовское правило относительного большинства.
25. 1-устойчивое множество.
26. 2-устойчивое множество.
27. 3-устойчивое множество.

Полное описание и точные определения каждого из правил приведены, например, в работах [Aleskerov, Kurbanov, 1999; Карабекян, 2012].

Мы рассматриваем оценку манипулируемости правил коллективного выбора для индивидуального и коалиционного манипулирования. Разница заключается в количестве участников голосования, которые по сговору предъявляют неискренние предпочтения для получения лучшего исхода голосования (в индивидуальном манипулировании — только один участник, в коалиционном — несколько участников голосования). Индивидуальное манипулирование является частным случаем коалиционного (размер коалиции равен 1).

В коалиционном манипулировании мы вводим дополнительные предпосылки о природе коалиций. Во-первых, участники коалиции должны иметь одинаковые предпочтения. Во-вторых, они предъявляют одинаковые неискренние предпочтения. В-третьих, мы рассматриваем различные ограничения на максимальный размер коалиции, т.е. при заданном k мы рассматриваем только те возможные манипулирования, которые происходят в коалициях размером не более k участников.

Для оценки степени индивидуальной и коалиционной манипулируемости правил коллективного выбора мы используем индекс Нитцана — Келли для Impartial Culture (все профили равновероятны):

$$NK = \frac{d_0}{(m!)^n},$$

где d_0 — количество профилей, которые манипулируемы индивидуальными участниками (индивидуальное манипулирование) или коалициями из не более k участников (коалиционное манипулирование).

Алгоритм расчета манипулируемости

Схема расчета степени манипулируемости (индекса Нитцана — Келли) для заданного правила коллективного выбора состоит из нескольких шагов.

1. Для каждой возможной комбинации параметров:
 - а) количество участников голосования (от 3 до 100);
 - б) количество альтернатив (3, 4 или 5);

в) ограничение на максимальный размер коалиции (от 1 до количества участников голосования);

г) правило коллективного выбора, степень манипулируемости которого мы оцениваем (27 правил).

2. Генерируется 1 млн профилей:

а) для каждого из n участников голосования генерируется одно из $m!$ возможных предпочтений на множестве из m альтернатив.

3. Для каждого профиля мы проверяем, является ли он манипулируемым. Для этого мы:

а) генерируем все возможные коалиции при заданных ограничениях на размер коалиции (1в);

б) для каждой сгенерированной коалиции генерируем все возможные попытки манипулирования этой коалицией ($m! - 1$ возможных неискренних предпочтений);

в) для каждой коалиции и каждой попытки манипулирования мы подсчитываем исход голосования;

г) если для заданного профиля нашлась хотя бы одна коалиция такая, что ее участники могут предъявить неискренние предпочтения и достигнуть лучшего для себя исхода голосования, то профиль помечается как манипулируемый;

д) если ни одной манипулирующей коалиции не нашлось, то профиль помечается как неманипулируемый.

4. Подсчитывается индекс Нитцана — Келли как доля манипулируемых профилей в общем числе сгенерированных профилей.

На шаге 2 берется 1 млн профилей для оценки манипулируемости, так как это дает точность 0,001 для индекса Нитцана — Келли [Карабекян, 2012], что является достаточным для сопоставления различных правил коллективного выбора и поиска наименее манипулируемых.

Очевидно, что вычислительная сложность схемы манипулирования огромна, так как на шаге 1 генерируется около 1 тыс. комбинаций параметров, на шаге 2 — 1 млн профилей, на шаге 3 — комбинаторное количество всех возможных попыток манипулирования (число сочетаний). Для случая коалиционного манипулирования мы можем подсчитать приблизительную асимптотическую сложность таких вычислений.

Примерная сложность описанной схемы составит:

$$\begin{aligned} & \sum_{m=3,4} \sum_{n=3}^{100} \sum_{k=1}^n 4 \times 27 \times 1\,000\,000 \times C_n^k \times k \times m \times (m! - 1) \times n = \\ & = \sum_{m=3,4} \sum_{n=3}^{100} \sum_{k=1}^n 1,08 \times 10^8 \times C_n^k \times k \times n \times m \times (m! - 1) \end{aligned}$$

операций, что для случая с пятью альтернативами ($m = 5$) и 100 участниками голосования ($n = 100$) делает невозможным полные расчеты на современных суперкомпьютерах даже за несколько сотен лет.

Именно поэтому в данной статье были разработаны методы более эффективного расчета индекса Нитцана — Келли для случаев одиночной и коалиционной манипулируемости. В алгоритме расчетов в данном исследовании были реализованы следующие оптимизации.

1. Оптимизация количества генерируемых коалиций (шаг 3а). Так как участники голосования для нас идентичны, точнее, два участника голосования с одинаковыми предпочтениями считаются полностью идентичными, то мы можем экономить время и снизить количество итераций. Если у нас есть несколько участников голосования с одинаковыми предпочтениями, то для проверки манипулирования коалицией из k участников нам не нужно генерировать все возможные комбинации из этого множества. Достаточно один раз взять любых k участников с одинаковыми предпочтениями, и это будет эквивалентно рассмотрению всех возможных комбинаций. Эта оптимизация позволяет нам убрать из формулы количество сочетаний.

2. Во время проверки манипулируемости правил коллективного выбора мы регулярно проверяем, являются ли манипулируемыми те или иные профили. На каждом шаге мы рассчитываем исход голосования не только для текущего профиля, но и для всех возможных профилей, которые получаются после попыток манипулирования, так как нам нужно проверить все такие попытки. Мы можем кодировать каждый профиль, коллективный выбор для которого уже посчитан, как некоторую хеш-сумму. И если на очередной итерации для текущего профиля исход голосования уже был посчитан, мы воспользуемся готовым результатом вместо «дорогого» (в терминах вычислительной сложности) пересчитывания исхода голосования.

3. То же самое верно и для проверки профиля на манипулируемость. Когда мы проверили некоторый профиль и точно знаем, является ли он манипулируемым, мы можем это запомнить в памяти ЭВМ, чтобы при следующей проверке точно такого же профиля мы могли мгновенно дать ответ, является ли он манипулируемым, на основе сделанных ранее подсчетов.

4. При работе с профилями мы можем учитывать, что перестановки любых двух предпочтений в массиве предпочтений профиля не изменят исхода голосования в силу равнозначности участников голосования, поэтому скорость работы алгоритма еще больше вырастет за счет признания профилей с переставленными предпочтениями равнозначными.

После применения этих и нескольких других алгоритмических оптимизаций мы добились следующего времени работы алгоритма (в операциях):

Итоговая сложность вычислений =

$$\begin{aligned} & \sum_{m=3,4} \sum_{n=3}^{100} \sum_{k=1}^n 4 \times 1\,000\,000 \times opt \times n \times m! \times \sum_{i=1}^{27} O_i(C(\bar{P})) = \\ & = \sum_{m=3,4} \sum_{n=3}^{100} \sum_{k=1}^n 4 \times 10^6 \times opt \times n \times m! \times \sum_{i=1}^{27} O_i(C(\bar{P})). \end{aligned}$$

В данном случае оценка манипулируемости 27 правил коллективного выбора для случая пяти альтернатив и 100 участников голосования может быть получена всего лишь за несколько дней.

Заключение

В результате данной работы был не только разработан алгоритм оценки манипулируемости, который значительно эффективнее рассчитывает индекс Нитцана — Келли, но и рассчитаны значения этого индекса для 27 правил коллективного выбора для различных ситуаций. Важной особенностью разработанной быстрой схемы оценки манипулируемости правил коллективного выбора является гибкость добавления новых правил коллективного выбора или изменения параметров рассчитываемой модели. Таким образом, в случае необходимости будет возможно рассчитывать манипулируемость дополнительных правил коллективного выбора.

Вычисления запускались на пяти ЭВМ в ИПУ РАН и заняли несколько месяцев (расчет всех возможных случаев в п. 1). Результаты расчетов — это огромный массив данных, состоящий из сотен отдельных файлов. Для удобства использования этих данных в рамках исследований по манипулированию было принято решение разместить их на сайте manip.hse.ru с возможностью автоматического построения удобных и наглядных графиков для различных ситуаций для всех возможных значений параметров.

Следует отметить, что не найдено правило коллективного выбора, которое было бы наименее манипулируемым для всех случаев (всех комбинаций размера коалиций, количества альтернатив и количества участников голосования). В то же время мы можем выделить процедуру Хара и правило Нансона как правила коллективного выбора, показывающие наименьшие значения индекса Нитцана — Келли для большинства ситуаций.

Источники

Карабекян Д.С. Манипулирование в задаче коллективного принятия решений: дис. ... канд. экон. наук. М., 2012.

Aleskerov F., Kurbanov E. Degree of Manipulability of Social Choice Procedures // Current Trends in Economics. Studies in Economic Theory / A. Alkan et al. (eds). Berlin; Heidelberg; N.Y.: Springer, 1999. Vol. 8. P. 13–27.

Aleskerov F. et al. On Manipulability of Positional Voting Rules / Aleskerov F., Karabekyan D., Sanver R., Yakuba V. // SERIEs: J. of the Spanish Economic Assoc. 2011. Vol. 2. No. 4. P. 431–446.

Aleskerov F. et al. On the Manipulability of Voting Rules: Case of 4 and 5 Alternatives / Aleskerov F., Karabekyan D., Sanver R., Yakuba V. // Mathematical Social Sciences. 2012. Vol. 64. No. 1. P. 67–73.

Chamberlin J.R. An Investigation into the Relative Manipulability of Four Voting Systems // Behavioral Sci. 1985. Vol. 30. No. 4. P. 195–203.

Favardin P., Lepelley D. Some Further Results on the Manipulability of Social Choice Rules // Social Choice a. Welfare. 2006. Vol. 26. Iss. 3. P. 485–509.

Gibbard A. Manipulation of Voting Schemes // Econometrica. 1973. Vol. 41. No. 4. P. 587–601.

Kelly J. Almost All Social Choice Rules Are Highly Manipulable, but Few Aren't // Social Choice a. Welfare. 1993. Vol. 10. Iss. 2. P. 161–175.

Nitzan S. The Vulnerability of Point-Voting Schemes to Preference Variation and Strategic Manipulation // Public Choice. 1985. Vol. 47. Iss. 2. P. 349–370.

Pritchard G., Wilson M. Exact Results on Manipulability of Positional Voting Rules // Social Choice a. Welfare. 2007. Vol. 29. No. 3. P. 487–513.

Satterthwaite M. Strategy-Proofness and Arrow's Conditions: Existence and Correspondence Theorems for Voting Procedures and Social Welfare Functions // J. of Economic Theory. 1975. Vol. 10. No. 2. P. 187–217.

Smith D. Manipulability Measures of Common Social Choice Functions // Social Choice a. Welfare. 1999. Vol. 16. No. 4. P. 639–661.

Д.В. Исаев

Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа экономики»

ИМИТАЦИОННОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ВНЕДРЕНИЯ СИСТЕМ УПРАВЛЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬЮ

Среди задач, стоящих перед современными предприятиями и организациями, одной из наиболее актуальных является задача качественной информационной поддержки процессов корпоративного и стратегического управления. Одним из классов систем управления, направленных на решение этой задачи, являются системы управления эффективностью (performance management systems, PMS).

К сожалению, до сих пор есть различия в трактовках управления эффективностью и соответственно системы управления эффективностью. Например, А. Феррейра и Д. Отли отмечают, что такие системы охватывают «формальные и неформальные механизмы, процессы, системы и коммуникации, используемые организациями для достижения ключевых целей, определенных руководством, для поддержки стратегического процесса и текущего управления посредством анализа, планирования, формирования метрик, контроля, стимулирования и управления эффективностью в широком смысле, а также для поддержки и содействия обучению организации и изменениям» [Ferreira, Otley, 2009, p. 264]. Данное определение может считаться трактовкой систем управления эффективностью в наиболее широком контексте.

В то же время системы управления эффективностью часто понимаются в узком смысле — как информационные системы, направленные на поддержку процессов корпоративного и стратегического управления. Такие программные комплексы в настоящее время предлагаются ведущими разработчиками — IBM, Oracle, SAP, SAS и др. С точки зрения функциональности они прежде всего предполагают информационную поддержку целевого управления, корпоративного планирования и бюджетирования, финансовой консолидации и функционально-стоимостного анализа.

Авторское определение системы управления эффективностью является не столь широким, как определение А. Феррейры и Д. Отли, но при этом существенно выходит за рамки трактовки такой системы как программного комплекса. В данном случае под системой управления эффективностью по-

нимается «комплекс средств, направленных на решение задач сбора, хранения, аналитической обработки и представления информации, являющейся ключевой для обеспечения информационной прозрачности организации и поддержки принятия стратегических управленческих решений внешними и внутренними заинтересованными лицами» [Исаев, 2010, с. 103]. Данное определение характеризует взгляд на систему управления эффективностью как на комплексную систему информационной поддержки корпоративного управления и стратегического менеджмента, включающую не только информационные системы, но и реализуемые с их помощью управленческие методы и модели, а также бизнес-процессы управления и управленческий персонал.

В целом можно отметить, что, несмотря на некоторые концептуальные и терминологические различия, роль систем управления эффективностью ассоциируется с преодолением «стратегического разрыва» между различными уровнями управления, а также с обеспечением гибкости и адаптивности управленческих процессов [Cokins, 2004; Coveney et al., 2003; Eckerson, 2006]. Именно поэтому такие системы в настоящее время находят все более широкое практическое применение.

Представляя собой сложный организационно-технический комплекс, системы управления эффективностью являются не только средством, но и объектом управления. Развитие таких систем предполагает совершенствование методов и моделей управления, реорганизацию бизнес-процессов, внедрение новых информационных технологий, а также повышение квалификации и переподготовку управленческого персонала.

В связи с этим приобретает актуальность вопрос об оценке результатов развития систем управления эффективностью, включая долгосрочные выгоды, получаемые организацией, и затраты на развитие. Соответственно цель исследования состоит в разработке методологического подхода к оценке программ развития систем управления эффективностью, а задачи исследования включают выявление особенностей таких программ и формирование моделей, позволяющих оценивать их последствия.

Все мероприятия, направленные на развитие системы управления эффективностью, по своей сущности являются проектами, совокупность которых образует программу развития. Важной особенностью таких программ является то, что экономические выгоды, получаемые от их реализации, являются опосредованными и поэтому не могут быть представлены в денежном выражении. В этом смысле такие программы развития можно назвать программами с неявными экономическими выгодами. В то же время результаты их реализации могут быть выражены через повышение уровня зрелости системы управления эффективностью, выраженного в нефинансовых тер-

минах. При этом расходная компонента программы развития, как обычно, оценивается в денежном выражении. Таким образом, несмотря на неприменимость традиционных методов инвестиционного анализа, принцип сопоставления затрат и результатов сохраняется, однако в данном случае применяется подход *value for money*, предусматривающий сопоставление затрат с результатами, не имеющими стоимостной оценки.

Еще одной особенностью программ развития систем управления эффективностью является наличие значительного числа вероятностных параметров. Это относится к срокам реализации отдельных проектов, временным лагам между предшествующими и последующими проектами, а также к задержкам в проявлении воздействий программы развития на показатели зрелости объекта управления и финансовые метрики.

Концептуальная модель программы развития содержит элементы четырех типов: проекты, программные события, показатели зрелости системы управления эффективностью как объекта управления, а также финансовые показатели, характеризующие затратную часть программы. Некоторые из проектов допускают неоднозначность результатов, возможность повторного выполнения (полного или частичного), а также вариативность способов реализации. Все проекты, обладающие перечисленными характеристиками, будем называть сложными. Проекты и события связаны между собой отношениями предшествования, а результатом их реализации является изменение показателей двух типов — зрелости объекта управления и финансовых. Продолжительность проектов, другие временные задержки, а также параметры влияния программы развития на показатели в общем случае являются случайными.

Отдельным вопросом для обсуждения является методика оценки уровня зрелости систем управления эффективностью. В этом отношении представляет интерес модель М. Ахо, предусматривающая отнесение системы к одному из пяти уровней зрелости — от начального до оптимизированного [Ахо, 2012]. Данная модель может быть усовершенствована путем оценки системы в разрезе элементов ее иерархической структуры — функциональных блоков, функциональных модулей и аналитических функций [Исаев, 2016]. В этом случае показатели зрелости также образуют иерархию, в которой изменения значений нижестоящих показателей приводят к изменению значений вышестоящих, вплоть до интегрального показателя, характеризующего уровень зрелости всей системы.

Среди финансовых показателей также можно выделить первичные показатели, характеризующие исходящие денежные потоки (платежи), и интегральные, рассчитываемые на основе первичных (примерами могут служить общая сумма затрат и сумма дисконтированных денежных потоков).

Сложность программ развития и значительное число вероятностных параметров свидетельствуют в пользу целесообразности применения имитационного моделирования — как для анализа возможных сценариев реализации программ развития, так и для оценки их последствий. При этом можно сделать допущение, что все изменения (как в программе развития, так и в ее последствиях) происходят в дискретные моменты. Это означает, что в данном случае для анализа может применяться имитационное моделирование дискретно-событийного типа.

Одним из возможных инструментов моделирования программ развития являются сети Петри. Оригинальная модель сети Петри [Petri, 1962] представляет собой ориентированный граф с двумя типами узлов — позициями и переходами. Каждая из дуг графа связывает либо позицию с переходом (входящая дуга), либо переход с позицией (исходящая дуга). В позициях могут находиться метки, называемые также маркерами или фишками; их совокупное расположение (маркировка) характеризует состояние моделируемой системы. Изменение маркировки происходит в результате срабатывания переходов. Для срабатывания переход должен быть доступным: каждая из его входящих позиций должна содержать метки в количестве не меньшем, чем число дуг, связывающих позицию с переходом. Дуги могут иметь целочисленную кратность: дуга с неединичной кратностью соответствует нескольким дугам, соединяющим одну и ту же пару узлов.

Эволюция оригинальной модели привела к появлению временных стохастических сетей Петри. Временные сети допускают описание временных задержек, а также позволяют соотносить модельные события (изменения состояния системы) с осью времени. Одним из способов описания временных задержек является задание продолжительностей удерживания [Bowden, 2000], что предполагает подразделение меток на реальные (влияющие на доступность переходов) и условные (не влияющие на доступность). При этом все новые метки создаются как условные, а по истечении заданного интервала времени становятся реальными. В стохастических сетях Петри задержки могут быть как детерминированными, так и случайными [Haas, 2002]. Кроме того, допускается применение вероятностной маршрутизации, когда выбор одного из альтернативных переходов для срабатывания осуществляется случайным образом [Clemper, 2010].

Сети Петри представляют собой удобное средство концептуального моделирования поведения систем, однако для реальных сложных объектов более подходящими представляются «промышленные» системы имитационного моделирования. Одной из них является система Arena (разработка компании Rockwell Automation) [Altiok, Melamed, 2007; Kelton et al., 2014; Rossetti, 2015]. В среде Arena модель также представляется в виде ориентированного

графа. Его узлами являются графические модули, каждый из которых относится к определенному типу — Process, Batch, Separate, Decide, Assign, Create, Dispose (каждый тип обозначается своей геометрической фигурой). Кроме того, применяются модули данных, не являющиеся элементами графа (например, модуль Variable). Как и в сетях Петри, состояние системы описывается посредством динамических объектов (транзактов), находящихся в узлах графа и перемещающихся между ними.

Рассмотрим основные элементы модели программы развития системы управления эффективностью с применением сетей Петри и системы Arena. Отметим, что все временные лаги, рассматриваемые в моделях, а также параметры влияния программы развития на показатели могут быть как детерминированными, так и случайными.

Моделирование проекта при помощи сети Петри осуществляется с использованием конструкции «начальная позиция — начальный переход — конечная позиция — конечный переход». Перечисленные узлы последовательно связаны дугами, при этом кратность входящей дуги начального перехода равна числу предшествующих проектов, а исходящей дуге этого перехода присваивается задержка, характеризующая время выполнения проекта. Срабатывание начального перехода означает начало проекта, а срабатывание конечного — его завершение. Для проекта с неоднозначным исходом конечная позиция соединяется с несколькими альтернативными конечными переходами, с применением вероятностной маршрутизации. Если проект допускает возможность повторного выполнения, то после конечной позиции располагаются два альтернативных перехода. Один из этих переходов характеризует возврат к началу проекта, поэтому он связан исходящей дугой (с кратностью, равной числу предшествующих проектов) с начальной позицией. В случае проекта с несколькими возможными вариантами реализации начальная позиция связана дугами с несколькими альтернативными начальными переходами, каждый из которых характеризует выполнение проекта по определенному сценарию (здесь также применяется вероятностная маршрутизация). Что касается проектных событий, не имеющих протяженности во времени, то они описываются единственной позицией и единственным переходом, соединенными дугой с кратностью, равной числу предшествующих проектов.

В среде Arena простой проект описывается в виде трех последовательно соединенных модулей — Batch, Process и Separate. Основным является модуль Process, в котором задается продолжительность проекта. Модуль Batch обеспечивает группировку транзактов (его емкость равна числу предшествующих проектов), а модуль Separate — их тиражирование и передачу последующим проектам и событиям. В случае проекта с неоднозначным исходом используются несколько альтернативных модулей Separate, а после модуля

Process располагается модуль Decide, который обеспечивает случайную передачу транзакта в один из модулей Separate. Для проекта с возможностью повторного выполнения также используется модуль Decide, но в этом случае один из его выходов соединяется со входом модуля Process. Проект с несколькими вариантами реализации имеет несколько альтернативных модулей Process, при этом модуль Decide располагается после модуля Batch и направляет транзакт в один из них. Для описания проектных событий используются два последовательно соединенных модуля — Batch и Separate.

Для моделирования показателя (зрелости или финансового) при помощи сети Петри применяются одна позиция и один переход, срабатывание которого означает наступление события. При этом позиции присваивается специальный атрибут — значение показателя, которое может выражаться как в терминах выбранной шкалы уровня зрелости (для показателей зрелости), так и в финансовых единицах (для финансовых показателей).

Для представления значений показателей в среде Agena используется одномерный массив, начальные значения элементов которого описываются в модуле Variable и впоследствии изменяются графическим модулем Assign.

Отношения предшествования и временные лаги, разделяющие выполнение проектов, наступление событий, а также их воздействия на показатели описываются в сети Петри при помощи дуг, которые являются исходящими по отношению к конечным переходам проектов и переходам событий. Для финансовых показателей, которые могут изменяться вследствие начала проектов, также допускается применение исходящих дуг, инцидентных начальным переходам проектов. Все такие дуги имеют атрибут временной задержки. Кроме того, для каждой из дуг, связывающих проекты и события с показателями, задается степень влияния на значение показателя.

В системе Agena связи между проектами, событиями и показателями задаются при помощи соответствующих коннекторов. Например, для связей «проект — проект» и «проект — событие» модуль Separate предшествующего проекта соединяется с модулем Batch последующего проекта или события. В случае наличия временного лага между завершением предшествующего проекта и началом последующего (или наступлением последующего события) между модулями Separate и Batch размещается модуль Process, в котором описывается продолжительность этой задержки. Для связей «проект — показатель» и «событие — показатель» модуль Separate проекта или события соединяется с модулем Assign показателя. В случае влияния начала проекта на финансовый показатель используется дополнительный модуль Separate, который в модели проекта располагается между модулями Batch и Process. Как и при описании связей между проектами и событиями, возможные временные задержки, связанные с воздействиями на показатели, описываются

с помощью модуля Process. Параметры воздействий на показатели описываются в модуле Variable.

Описание влияния показателей друг на друга является достаточно тривиальным: в сети Петри это обеспечивается соединением переходов нижестоящих показателей с позициями вышестоящих, а в системе Argena — путем соединения графических модулей Assign соответствующих показателей.

Наконец, для полноты описания имитационной модели рассмотрим элементы, характеризующие начало и завершение сеанса моделирования.

В сети Петри начало сеанса моделирования описывается при помощи стартовой позиции и стартового перехода, который связан исходящими дугами с начальными позициями проектов, не имеющих предшествующих. Завершение сеанса моделирования описывается конечной позицией, с которой соединяются переходы интегральных показателей. Начальная маркировка сети предусматривает наличие единственной метки в стартовой позиции, конечная — расположение всех имеющихся меток в конечной позиции.

Начало сеанса моделирования в среде Argena описывается графическим модулем Create, который создает первый транзакт. Этот транзакт при необходимости подлежит тиражированию (при помощи модуля Separate), после чего поступает на вход каждого из стартовых проектов. Для терминирования имеющихся в системе транзактов используется модуль Dispose. Сеанс моделирования считается завершенным, когда в системе не остается ни одного транзакта.

Предложенные модели позволяют оценивать программы развития систем управления эффективностью, а в случае наличия нескольких альтернативных программ — осуществлять выбор одной из них. Это обеспечивается путем построения специальных метрик, характеризующих результативность и экономичность программ развития. При необходимости в постановку задачи принятия решения могут быть дополнительно включены качественные критерии, предполагающие использование экспертных оценок.

Источники

Исаев Д.В. Корпоративное управление и стратегический менеджмент: информационный аспект. М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010.

Исаев Д.В. Моделирование систем управления эффективностью // Проблемы теории и практики упр. 2016. № 1. С. 126–133.

Aho M. What is Your PMI? A Model for Assessing the Maturity of Performance Management in Organizations // Proc. of “Performance Management: From Strategy to Delivery” (PMA 2012) Conf. July 11–13, 2012. Cambridge, UK, 2012. P. 1–22.

- Altiook T., Melamed B.* Simulation Modeling and Analysis with Arena. San Diego: Acad. Press, 2007.
- Bowden F.D.J.* A Brief Survey and Synthesis of the Roles of Time in Petri Nets // Mathematical a. Computer Modelling. 2000. Vol. 31. No. 10–12. P. 55–68.
- Clempner J.* A Hierarchical Decomposition of Decision Process Petri Nets for Modeling Complex Systems // Intern. J. of Applied Mathematics a. Computer Sci. 2010. Vol. 20. No. 2. P. 349–366.
- Cokins G.* Performance Management: Finding the Missing Pieces (to Close the Intelligence Gap). Hoboken, NJ: Wiley, 2004.
- Coveney M. et al.* The Strategy Gap: Leveraging Technology to Execute Winning Strategies / Coveney M., Ganster D., Hartlen B., King D. Hoboken, NJ: Wiley, 2003.
- Eckerson W.W.* Performance Dashboards: Measuring, Monitoring and Managing Your Business. Hoboken, NJ: Wiley, 2006.
- Ferreira A., Otley D.* The Design and Use of Performance Management Systems: An Extended Framework for Analysis // Management Accounting Research. 2009. Vol. 20. No. 4. P. 263–282.
- Haas P.J.* Stochastic Petri Nets: Modelling, Stability, Simulation. N.Y.: Springer, 2002.
- Kelton W.D., Sadowski R.P., Swets N.B.* Simulation with Arena. L.: McGraw-Hill, 2014.
- Petri C.A.* Kommunikation mit Automaten. Bonn: Univ. Bonn, Inst. für Instrumentelle Mathematik, 1962. (Schriften des IIM; Nr. 2).
- Rossetti M.D.* Simulation Modeling and Arena. N.Y.: John Wiley & Sons, 2015.

П.А. Колданов
В.А. Калягин
А.П. Колданов

Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа экономики»

УСТОЙЧИВЫЕ ПРОЦЕДУРЫ ПОСТРОЕНИЯ СЕТЕВЫХ СТРУКТУР ФОНДОВЫХ РЫНКОВ¹

Введение

Тенденции развития финансовых рынков представляют особый интерес, особенно в связи с финансовыми кризисами. Для количественного измерения характеристик финансовых рынков применяются различные методы (выделение трендов, анализ отраслевых индексов и др.). Вместе с тем известные количественные характеристики развития не дают полного представления о реальных процессах, происходящих на рынке. В связи с этим актуальным является развитие альтернативных подходов к анализу финансовых рынков. Один из таких подходов связан с анализом рынка как сложной сети, в которой финансовые активы являются узлами, а связи между активами (мера близости активов) определяют веса ребер между узлами сети. Такой подход показал свою эффективность при анализе фондовых рынков и рынков валют [Mantegna, 1999; Tumminello et al., 2005; Boginsky et al., 2005]. При этом в качестве структурных характеристик рынка используются известные в теории графов структуры (минимальное остовное дерево, пороговый граф, клика, независимое множество и др.), а в качестве меры близости, как правило, используется корреляция Пирсона. Исследования в этом направлении демонстрируют в настоящее время всплеск активности, и число публикаций на данную тему устойчиво растет. В этих публикациях в основном рассматриваются два типа задач: на построение вычислительных алгоритмов анализа больших массивов данных и на применение этих алгоритмов к анализу конкретных рынков.

В соответствии с современной точкой зрения цены, доходности и другие характеристики акций фондового рынка принято рассматривать как случайные величины [Gupta et al., 2013]. Поэтому сетевая модель фондового рынка представляет собой сеть случайных величин, а мера близости определяется

¹ Работа поддержана грантом РФНФ № 15-32-01052.

мерой зависимости между ними. Подчеркнем, что исходными данными для построения сетевой модели фондового рынка и идентификации ее структурных характеристик являются наблюдения за ценами акций. Поэтому алгоритмы идентификации сетевых структур следует рассматривать как статистические процедуры. Такой подход позволяет исследовать статистические свойства алгоритмов идентификации сетевых структур, такие как вероятности ошибочных и правильных решений; оптимальность и устойчивость соответствующих статистических процедур. Свойства этих процедур определяются, в том числе, выбранной мерой зависимости между случайными величинами.

Постановка задачи

Рассмотрим сложную систему, представленную полным взвешенным графом G . Предположим, что вершины графа G характеризуются случайными величинами X_1, \dots, X_N , а вес ребра между вершинами i и j задан некоторой мерой зависимости $\gamma(X_i, X_j)$ между случайными величинами X_i, X_j ; $i, j = \overline{1, N}$. Эволюция системы описывается набором наблюдений $x_i(t) : t = \overline{1, N}, i = \overline{1, N}$, где $x_i(t)$ — наблюдаемое значение случайной величины X_i в момент t . В прикладных работах (см., например: [Mantegna, 1999; Tumminello et al., 2005; Boginsky et al., 2005]) в качестве меры зависимости (близости) традиционно используется коэффициент корреляции Пирсона γ^p . Известно, согласно [Anderson, 2003], что классические статистические процедуры, основанные на коэффициенте корреляции Пирсона, обладают хорошими свойствами, если совместное распределение случайных величин X_1, \dots, X_N является нормальным. Вместе с тем статистические исследования фондовых рынков опровергают гипотезу многомерной нормальности [Shiryaev, 2003]. Значительно более общими и перспективными являются модели многомерных распределений с плотностью, постоянной на эллипсоидах (elliptically contoured distribution) [Gupta et al., 2013]. Это определяет актуальность задачи построения статистических процедур идентификации, устойчивых в этом классе распределений. В настоящей работе предложена устойчивая статистическая процедура построения порогового графа.

Под пороговым графом понимается граф, получаемый из полного взвешенного графа G удалением ребер, веса которых не превышают пороговое значение γ_0 . Веса оставшихся ребер полагаются равными 1. Теоретические основы процедур построения отсеченного графа, как статистических процедур δ со многими решениями, предложены в [Koldanov, 2013]. Такие процедуры представляют собой совместное применение тестов вида:

$$\phi_{ij} = \begin{cases} \partial_{ij}, & t_{ij} > c \\ \partial_{ij}^{-1}, & t_{ij} \leq c \end{cases},$$

где ∂_{ij} — решение о проведении ребра между i -й и j -й вершинами; ∂_{ij}^{-1} — решение о не проведении ребра между i -й и j -й вершинами; t_{ij} — некоторая статистика, пороговое значение c определяется из уравнения: $P_{\rho_0}(t_{ij} > c) = \alpha$, где α — заданный уровень значимости.

В настоящей работе изучаются статистические процедуры построения порогового графа для двух мер близости: традиционно используемого коэффициента корреляции Пирсона между флуктуациями доходностей акций и мерой близости, основанной на вероятности совпадения знаков доходностей.

Связь между мерами

В настоящей части показано, что в классе распределений, плотность которых постоянна на многомерных эллипсоидах, существует функциональная связь между коэффициентом корреляции Пирсона и вероятностью совпадения знаков доходностей пар акций, одинаковая для всех распределений из рассматриваемого класса с заданной ковариационной матрицей. Эта связь определяет взаимно однозначное соответствие между структурами графов, построенных на основе коэффициентов корреляции Пирсона и вероятности совпадения знаков доходностей.

Рассмотрим в качестве меры зависимости случайных величин X_p, X_j вероятность совпадения их знаков $\gamma_{i,j}^S = P(X_i X_j > 0)$ в предположении, что математические ожидания X_p, X_j известны и равны 0. Меры такого типа изучались в [Kruskal, 1958; Lehmann, 1966]. В работе [Bautin et al., 2013] мера $\gamma_{i,j}^S$ использовалась в сетевом анализе фондовых рынков. Покажем, что в классе распределений с плотностью, постоянной на многомерных эллипсоидах, значение меры $\gamma_{i,j}^S$ не зависит от функционального вида распределения.

Определение 1: случайный вектор $X = (X_1, \dots, X_N)$ имеет распределение с плотностью, постоянной на многомерных эллипсоидах, если плотность вероятности X имеет вид: $f(X) = |\Lambda|^{-\frac{1}{2}} g\{(x - \mu) \Lambda^{-1}(x - \mu)\}$, где Λ — положительно определенная матрица. Обозначим класс таких распределений $EC(g; \mu, \Lambda)$.

Теорема 1. Если случайный вектор $X = (X_1, X_2)$ имеет плотность

$$f(x_1, x_2) = \begin{vmatrix} a_{11} & a_{12} \\ a_{12} & a_{22} \end{vmatrix}^{-\frac{1}{2}} g(a_{11}x_1^2 + 2a_{12}x_1x_2 + a_{22}x_2^2), \text{ то } \gamma_{i,j}^S = P(X_i X_j > 0) \text{ не зави-}$$

сит от g .

Доказательство теоремы 1 проводится по следующей схеме:

1) существует матрица $C = \begin{pmatrix} c_{11} & c_{12} \\ c_{21} & c_{22} \end{pmatrix}$, такая что

$$C^T A C = \begin{pmatrix} c_{11} & c_{21} \\ c_{12} & c_{22} \end{pmatrix} \begin{pmatrix} a_{11} & a_{12} \\ a_{12} & a_{22} \end{pmatrix} \begin{pmatrix} c_{11} & c_{12} \\ c_{21} & c_{22} \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} 1 & 0 \\ 0 & 1 \end{pmatrix};$$

2) пусть $\begin{pmatrix} U \\ V \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} c_{11} & c_{12} \\ c_{21} & c_{22} \end{pmatrix} \begin{pmatrix} X_1 \\ X_2 \end{pmatrix}$. Событие $\{X_1 > 0, X_2 > 0\}$ ($\{X_1 < 0, X_2 < 0\}$)

эквивалентно $\frac{c_{12}}{c_{22}} V < U < \frac{c_{11}}{c_{21}} V$, $\left(\frac{c_{11}}{c_{21}} V < U < \frac{c_{12}}{c_{22}} V \right)$. Данные двойные неравенства определяют углы в системе координат (u, v) с вершиной в точке $(0, 0)$;

3) $f(x_1(u, v), x_2(u, v)) = d \cdot g(u^2 + v^2)$, поэтому вероятность попадания случайного вектора (U, V) в угол с вершиной в точке $(0, 0)$ градусной меры α равна $\frac{\alpha}{2\pi}$ и не зависит от функции g .

Известно, что корреляция Пирсона также не зависит от g (см.: [Anderson, 2003]). Поэтому из этой теоремы, в частности, следует существование взаимно однозначного соответствия между коэффициентом корреляции Пирсона $\gamma_{i,j}^P$ и мерой $\gamma_{i,j}^S$ для всех распределений из $EC(g; \mu, \Lambda)$ при фиксированных μ, Λ . Для нормального распределения эта зависимость приведена в [Крамер, 1975]. Поэтому, если пороги для построения пороговых графов связаны соотношением $\gamma_0^S = \frac{1}{2} + \frac{1}{\pi} \arcsin(\gamma_0^P)$, то пороговый граф в сети корреляции Пирсона совпадает с пороговым графом в знаковой сети для всех распределений из $EC(g; \mu, \Lambda)$ при фиксированных μ, Λ .

Устойчивые статистические процедуры построения порогового графа

Рассмотрим две статистические процедуры построения порогового графа. Первая процедура, δ^P , заключается в следующем: ребро между i -й и j -й вершинами добавляется в пороговый граф, если соответствующий выборочный коэффициент корреляции Пирсона r_{ij} больше заданного порога,

т.е. $\Phi_{ij}^P = \begin{cases} \partial_{ij}, & r_{ij} > c^P \\ \partial_{ij}^{-1}, & r_{ij} \leq c^P \end{cases}$. Описанная процедура традиционно используется в

сетевом анализе фондового рынка. Вторая процедура, δ^S , предполагает проведение ребра между i -й и j -й вершинами, если частота f_{ij} события $\{X_i X_j > 0\}$

больше заданного порога, т.е. $\phi_{ij}^S = \begin{cases} \partial_{ij}, & f_{ij} > c^S \\ \partial_{ij}^{-1}, & f_{ij} \leq c^S \end{cases}$. Такая процедура исполь-

зовалась в [Bautin et al., 2013] для сетевого анализа фондового рынка.

В теории построения процедур со многими решениями процедуры, в которых решение о проведении или не проведении ребра между вершинами принимается независимо от результатов проведения ребер между другими вершинами, называются одношаговыми. Известны также процедуры последовательного добавления ребер, в которых решение на каждом шаге зависит, в том числе, от решений, принятых на предыдущих шагах. Такие процедуры называются многошаговыми (stepwise). Хорошо известны многошаговые процедуры Холма (stepdown) и Хочберга (stepup).

Для предварительной оценки устойчивости одношаговых процедур были проведены экспериментальные исследования. В качестве входного параметра Λ была использована матрица корреляций, вычисленная по реальным данным рынка США (период наблюдения — с 03.01.2011 по 31.12.2013, $N = 83$). В качестве распределений из класса $EC(g; \mu, \Lambda)$ использовались смеси (с параметром γ) многомерного нормального распределения с корреляционной матрицей Λ и многомерного распределения Стьюдента с тремя степенями свободы с такой же корреляционной матрицей Λ . Оценка условного риска ($n = 400$, $\rho_0 = 0,65$) для одношаговых статистических процедур δ^P и δ^S построения порогового графа (графа рынка) как функция γ показана на рис. 1.

Прямая линия изображает условный риск (взвешенную сумму вероятностей неправильных решений) процедуры δ^S , ломаная линия — условный риск процедуры δ^P . Как видно из рис. 1, качество процедуры δ^P существенно зависит от вида распределения. Наименьший условный риск эта процедура имеет для многомерного нормального распределения ($\gamma = 1$). Условный риск процедуры δ^S в этом эксперименте не зависит от γ . Теоретическое обоснование этого результата приведено ниже.

Теорема 2: пусть случайный вектор $X = (X_1, \dots, X_N)$ имеет эллиптическое распределение с плотностью $f(X) = |\Lambda|^{-\frac{1}{2}} g\{(x - \mu) \Lambda^{-1}(x - \mu)\}$. Тогда вероятности $p(i_1, \dots, i_N) := P(i_1 X_1 > 0, \dots, i_N X_N > 0)$ не зависят от g для любых $i_k \in \{-1, 1\}$, $k = \overline{1, N}$.

Теорема 3: пусть случайный вектор $X = (X_1, \dots, X_N)$ имеет эллиптическое распределение с плотностью $f(X) = |\Lambda|^{-\frac{1}{2}} g\{(x - \mu) \Lambda^{-1}(x - \mu)\}$. Тогда для одношаговой статистической процедуры, а также для многошаговых статистических процедур идентификации Холма и Хочберга вероятности правильной идентификации и функция риска определяются матрицей Λ и не зависят от g .

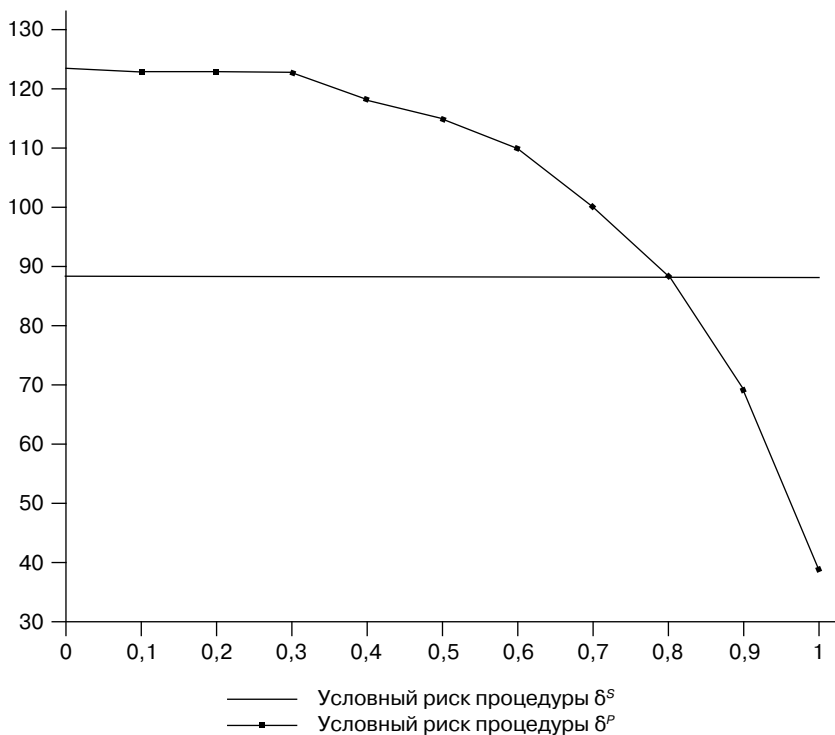

Рис. 1

Заключение

Для построения сетевых моделей традиционно используется коэффициент корреляции Пирсона. Однако эта мера близости не является единственно возможной. В докладе для построения сетевой модели обсуждается использование меры близости, основанной на вероятности совпадения знаков. Показано, что такие сетевые структуры, как пороговый граф в сетях корреляции Пирсона и знаков, теоретически совпадают при согласованном выборе порогов. Однако статистические процедуры идентификации пороговых графов по конечному объему наблюдений приводят к разным результатам. Экспериментально показано, что статистические свойства (функция риска, вероятность ошибочной идентификации) процедур идентификации порогового графа, основанных на выборочном коэффициенте корреляции

Пирсона, зависят от вида функции плотности из класса эллиптических распределений. В частности, функция риска в 3 раза больше для распределения Стьюдента, чем для нормального распределения. Теоретически доказано, что статистические свойства процедуры, основанной на частоте совпадения знаков, не зависят от вида плотности из класса эллиптических распределений. Последнее определяет преимущества процедуры, основанной на частоте совпадения знаков, для идентификации порогового графа как в знаковой сети, так и в сети Пирсона.

Источники

- Крамер Г.* Математические методы статистики. 2-е изд. М.: Мир, 1975.
- Anderson T.W.* An Introduction to Multivariate Statistical Analysis. 3rd ed. N.Y.: Wiley-Interscience, 2003.
- Bautin G.A. et al.* Simple Measure of Similarity for the Market Graph Construction // *Bautin G.A., Kalyagin V.A., Koldanov A.P., Koldanov P.A., Pardalos P.M.* // *Computational Management Sci.* 2013. Vol. 10. No. 2–3. P. 105–124.
- Boginsky V., Butenko S., Pardalos P.M.* Statistical Analysis of Financial Network // *Computational Statistics & Data Analysis.* 2005. Vol. 48. No. 2. P. 431–443.
- Gupta A.K., Varga T., Bodnar T.* Elliptically Contoured Model in Statistics and Portfolio Theory. N.Y.: Springer, 2013.
- Koldanov A.P. et al.* Statistical Procedures for the Market Graph Construction // *Koldanov A.P., Koldanov P.A., Kalyagin V.A., Pardalos P.M.* *Computational Statistics & Data Analysis.* 2013. Vol. 68. Dec. P. 17–29.
- Kruskal W.H.* Ordinal Measures of Dependence // *J. of the American Statistical Assoc.* 1958. Vol. 53. No. 284. P. 814–861.
- Lehmann E.L.* General Concepts of Dependence // *The Annals of Mathematical Statistics.* 1966. Vol. 37. No. 5. P. 1137–1153.
- Mantegna R.N.* Hierarchical Structure in Financial Market // *European Physical J.* 1999. Ser. B. Vol. 11. No. 1. P. 193–197.
- Shiryayev A.N.* Essential of Stochastic Finance. Facts, Models, Theory. River Edge, NJ: World Scientific, 2003. (Advanced Ser. on Statistical Sci. a. Applied Probability; vol. 3).
- Tumminello M. et al.* A Tool for Filtering Information in Complex Systems // *Tumminello M., Aste T., Matteo T. di, Mantegna R.* *Proc. of the Nat. Acad. of Sciences of the United States of America.* 2005. Vol. 102. No. 30. P. 10421–10426.

НОВАЯ СХЕМА ПРИМЕНЕНИЯ АВТОМАТИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ДЛЯ АНАЛИЗА СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Введение

Для социально-экономических систем, чье функционирование определяется поведением людей, трудно получить количественные зависимости между их параметрами на основе стандартных (даже достаточно изошренных) статистических методов. Более того, во многих случаях само выделение описывающих такие системы параметров весьма проблематично. Эти, как и многие другие, обстоятельства уже довольно давно вызвали к жизни методы структурной обработки данных, среди которых автоматическая классификация (далее для краткости — АК) играет важную роль.

В наиболее распространенной постановке задача АК состоит в разбиении исходного множества объектов (вариантов, точек и т.д.) на классы (часто называемые кластерами) таким образом, чтобы близкие (похожие) объекты попадали в один и тот же класс, а дальние (непохожие) объекты — в разные классы. При этом само разбиение исходного множества, часто содержащего многие тысячи объектов, на небольшое число хорошо различимых классов позволяет сформулировать разумные гипотезы о рассматриваемой системе, формализовать ее описание, выделить небольшое число важных параметров и т.д. — словом, как говорил замечательный математик И.И. Пятацкий-Шапиро, понять, «как устроен мир в этом месте».

Многочисленные успешные примеры использования автоматической классификации для анализа разнообразных систем, в том числе не только социально-экономических, хорошо известны и подробно описаны в литературе. Однако опыт работы как с модельными, так и с реальными системами позволяет сделать вывод о других возможностях применения АК,

отличающихся от построения одной, наиболее разумной в том или ином смысле, классификации исходного множества объектов. Суть дела состоит в построении некоторого, достаточно широкого, семейства классификаций исходного множества и в определении по этому семейству одного числового показателя. Введенный показатель характеризует сложность данной задачи АК в целом, а не той или иной конкретной классификации. Оказалось, что он представляет собой важную характеристику исходной системы. В зависимости от специфики рассматриваемых систем данный показатель может иметь различные содержательные интерпретации. Однако в общем случае все же можно говорить об их сложности, запутанности, неясности и проч. — показателях важных, но с трудом поддающихся точным определениям.

Изложение предложенного подхода к задачам АК, а также полученных в его рамках результатов и является целью данной работы.

В первой части излагается алгоритм построения семейства классификаций и определения по нему сложности рассматриваемой задачи АК. Во второй части рассматривается возможность применения предложенного подхода к анализу фондовых рынков.

Построение семейства классификаций

Как упомянуто выше, в основе предложенного подхода лежит построение семейства классификаций. Оно строится следующей трехуровневой процедурой, подробно изложенной в препринте [Рубчинский, 2015]. Ниже дается ее краткое описание.

На *внешнем* уровне осуществляется несколько прогонов алгоритма, работающего с одними и теми же исходными данными, но при разных инициализациях случайного датчика. Он назван *дивизимно-агломеративным* алгоритмом (далее для краткости — ДАА). Результатом его работы на каждом прогоне является семейство классификаций. В наиболее простых случаях эти семейства совпадают, но в большинстве реальных и модельных задач АК это не так. Единственным параметром на этом уровне является число прогонов r . Семейство F , являющееся объединением r семейств классификаций, найденных на каждом прогоне, и является выходом трехуровневой процедуры. Заметим, что некоторые (а иногда очень многие) классификации из семейства F могут совпадать.

На *промежуточном* уровне на каждом прогоне работает ДАА, который строит одно семейство классификаций. Единственным параметром на этом уровне является число последовательных дихотомий k . После каждой

дихотомии производится последовательное объединение полученных классов, так что общее число построенных на этом уровне классификаций равно $\frac{(k+1)k}{2}$.

ДАА основан на новом алгоритме дихотомии графов. Алгоритм дихотомии многократно применяется при работе ДАА; он представляет собой *внутренний* уровень предложенной трехуровневой процедуры.

Определим следующим образом индекс, характеризующий сложность рассматриваемой задачи АК. Пусть i -я классификация входит в семейство F m_i раз ($i = 1, \dots, d$). Заметим, что по построению $\sum_{i=1}^s m_i = g$ (см. выше определения d и g). Положим

$$E = -\sum_{i=1}^s \mu_i \ln(\mu_i), \text{ где } \mu_i = m_i / M (i = 1, \dots, d). \quad (1)$$

Таким образом, E является энтропией разбиения конечного семейства F классификаций на подмножества, состоящие из совпадающих классификаций. Именно это число и определяется как рассматриваемый индекс. Нетрудно понять, что $E \geq 1$, причем равенство может достигаться только при $k = 1$ (т.е. при единственной дихотомии) и при совпадении дихотомий на всех прогонах. Максимальное значение при заданных r и k не может превосходить $2\ln(k+1) + \ln(r/2)$, когда семейство F состоит из несовпадающих классификаций. Предложенный индекс описывают сложность, запутанность, неясность исходной задачи АК. Особенно полезными он становится при анализе динамики сложных социально-экономических систем.

Интуитивно ясно, что малые (близкие к 1) значения E соответствуют сравнительно простым задачам АК, в которых разными являются только k классификаций, получаемых при последовательном делении исходного множества объектов на 2, 3, ..., k частей. Объединения на агломеративных шагах и прогоны при разных инициализациях случайного датчика не добавляют новых классификаций. Большие (близкие к максимально возможному) значения E соответствуют сравнительно сложным задачам, в которых все найденные классификации оказываются существенно зависящими от инициализации случайного датчика, а агломерации приводят к различным классификациям.

Легко видеть, что введенный индекс зависит от обоих параметров, r и k . Вопрос о точном определении индексов, не зависящих от этих параметров, остается открытым. В проведенных многочисленных экспериментах при фиксированном числе последовательных дихотомий k индекс с ростом r стабилизируется. Однако следует заметить, что это не формальное утверждение,

а экспериментальный факт. Поведение сложности с ростом числа последовательных дихотомий k при фиксированном числе прогонов r (и даже при одном прогоне) является неоднозначным. Можно сказать, что даже экспериментальной сходимости здесь не наблюдается, однако все же можно говорить о близости получаемых значений.

В излагаемом далее материале речь не идет о построении адекватных моделей социально-экономических систем, что вообще (на мой взгляд) в сколько-нибудь сложных ситуациях, связанных с поведением людей, практически нереально. Речь идет о новых методах анализа *объективных точных данных* о функционировании рассматриваемых систем: результатов голосований, курсов акций и проч., без каких бы то ни было предположений, допущений и гипотез о поведении людей, приведших именно к данным результатам. Поскольку речь идет не о моделях, а только об алгоритмах обработки данных, обоснований выбора тех или иных параметров в предложенных алгоритмах не приводится, как не приводится и обоснований выбора самих алгоритмов. В отличие от физики и других естественных наук верификация здесь в принципе невозможна — мы же не можем отменять результаты голосований в парламентах или торгов на финансовых рынках и просить участников сделать то же самое еще раз. Единственное, что остается — это здравый смысл и опыт тех специалистов, которые могут всерьез заниматься интерпретацией представляемых численных результатов.

Применение разработанного подхода к анализу голосований во II, III и IV Думе РФ (1996–2007 гг.) подробно описано в препринте [Рубчинский, 2015] и здесь не рассматривается.

Анализ фондовых рынков

Рассматривается рынок ценных бумаг S&P 500 (500 крупнейших компаний США). В качестве расстояния между двумя акциями используется коэффициент корреляции между их ценами на момент закрытия в течение некоторого промежутка времени. Точнее говоря, за расстояние принята величина $d = 1 - r$, где r — стандартный коэффициент корреляции. Таким образом, расстояние d близко к 0 для «очень похожих» акций и близко к 2 для «совсем непохожих» акций.

В качестве периода выбрано 16 дней. Конечно, такой выбор обусловлен содержательными соображениями следующего типа: при малом периоде данные слишком вариативны, а при большом — слишком сглажены. О выборе параметров говорилось в конце первой части.

Построенная указанным образом матрица расстояний позволяет поставить и решать задачу автоматической классификации для курсов акций. Рассматриваются случай $k = 2$, так что делаются только две дихотомии, т.е. исходное множество (все фирмы) делится на две части, затем большее из них также делится на две части, и, наконец, две части из трех, найденных после двух дихотомий, объединяются (выбираются такие две части, которые соединены максимальным числом ребер в исходном графе). Таким образом, строятся три классификации — одна на три класса и две на два класса, причем последние могут совпасть, а могут оказаться разными.

Это процесс для фиксированного периода в 16 дней подряд повторяется 150 раз ($r = 150$). Таким образом, построено семейство F , состоящее из $450 = 3 \times 150$ классификаций. В качестве меры сложности рассмотрена энтропия E семейства F , определенная формулой (1).

Рассматривается период с 1 января 2001 г. по 31 декабря 2008 г. включительно. Заметим, что для вычисления энтропии на 1 января 2001 г. понадобились данные о курсах акций за 15 предыдущих дней + за сам день 1 января. Однако участие случайного датчика (и еще в большей степени сложность ситуации) приводит к тому, что 10-кратное повторение 150-кратных серий приводит к 10 различным результатам, показанным в первой строке табл. 1. Второе 10-кратное повторение 150-кратных серий приводит к другим 10 различным результатам, показанным во второй строке табл. 1. Однако средние значения энтропии, взятые по обеим сериям, очень близки (отличаются примерно на 0,002). Именно это соображение, верное для всех 2922 дней рассматриваемого периода, позволяет ограничиться 10-кратным повторением серий для каждого дня. Важно, что повторение сравнительно небольшого числа длинных серий все же приводит к устойчивым результатам.

В табл. 2 приводятся результаты вычисления средних энтропий за каждый день 2001 г., а в табл. 3 — результаты вычисления средних энтропий за каждый день сентября 2008 г.

Выделение в табл. 2 и 3 некоторых дней полужирным шрифтом будет объяснено ниже.

Устойчивые паттерны. Начнем с примера. В табл. 4 представлены усредненные (как и выше) по 10 попыткам значения энтропии за 7 дней, оканчивающихся 4 марта 2001 г. и 22 сентября 2008 г., т.е. за 5 и 7 дней до больших кризисов. Числа в этих строках заметно различаются.

Обозначим числа в последнем столбце через x_i и y_i , в предпоследнем столбце — через x_{i-1} и y_{i-1} и т.д. вплоть до чисел в первом столбце — x_{i-6} и y_{i-6} . Рассмотрим следующие соотношения между переменными z_0, z_1, \dots, z_6 :

Таблица 1. Короткие серии и их средние значения

Короткая серия	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	Средние
Длинная серия 1	5.335	5.396	5.328	5.323	5.367	5.345	5.358	5.323	5.353	5.392	5.352
Длинная серия 2	5.300	5.385	5.357	5.321	5.383	5.356	5.375	5.354	5.360	5.306	5.350

Таблица 2. Средняя энтропия за каждый день 2001 г.

5.35255	5.22890	6.02344	5.01979	4.90350	5.11545	4.99106	5.34844	5.68151	4.63788
4.62247	4.96784	4.87901	4.67971	4.62252	5.97747	5.44635	6.07680	5.22695	6.06052
6.04136	5.94901	5.37051	5.38602	5.92881	5.89402	5.31717	5.61084	5.65610	5.04675
6.09143	5.53130	4.71136	4.61313	5.22270	5.43758	5.33044	5.48327	5.21588	5.36587
5.38237	5.65805	4.92189	5.20335	5.52367	5.55565	5.72486	5.42790	5.47697	5.25286
5.78560	5.04477	5.58040	5.56579	5.69366	4.97941	4.88661	5.85376	5.98108	5.75663
6.02772	5.35061	5.17452	5.36187	5.87695	4.66214	4.83455	5.75013	5.38736	5.68676
5.44174	5.50004	5.78025	5.48095	5.35575	5.43105	4.63272	4.45666	4.50569	4.74222
4.93453	4.72561	5.11936	4.54287	4.44807	5.53740	5.64030	5.26506	6.09076	6.01092
4.55172	4.76454	4.62606	5.43932	5.06442	5.10202	5.52669	5.89213	5.99912	5.86345
6.09145	5.93536	5.80858	5.87451	4.74453	5.21095	5.65474	5.18608	4.70166	5.94852
5.77172	5.66765	5.28893	4.95006	5.42059	5.29048	4.60224	4.75655	4.99968	5.05295
6.07424	5.82777	5.45231	5.98365	5.42383	5.21925	5.19576	4.99164	5.21806	5.49532

5.86465	5.93308	5.79501	5.59974	5.44299	5.59326	5.52356	5.78003	5.52760	5.84065
5.01369	4.97799	4.73604	4.81271	4.80694	4.96634	5.39492	5.28858	4.97514	5.75548
5.90303	5.96391	5.14577	5.13672	5.59284	5.61203	5.40791	5.59362	5.12163	5.38307
5.55923	5.09828	5.82947	5.93752	5.71309	5.56882	5.78611	5.36915	5.21429	4.65026
4.69989	6.02794	4.86812	4.94290	5.51962	5.39062	4.80530	5.84606	5.70475	6.05691
5.73340	5.42447	4.79988	5.18889	5.97416	5.79765	5.15327	5.50497	4.91662	5.49196
5.48096	4.82958	5.60408	5.85491	5.92386	5.21573	5.70213	5.61288	5.59672	5.27818
5.83822	5.22165	4.59329	5.06197	5.55055	5.64175	5.83425	4.73549	5.54592	5.77693
6.06032	5.87016	5.66669	5.09553	5.00246	5.13681	5.95568	5.87591	5.92598	4.88490
6.07547	5.72375	6.06859	5.87247	5.13276	5.81760	5.48569	4.66301	5.20439	5.13392
5.10611	4.84464	5.51173	5.56522	5.07883	5.47926	4.86058	5.77472	6.00328	5.90133
5.52341	5.94218	5.39304	5.22550	4.66727	4.86347	4.68779	5.21574	4.66720	5.60078
4.99355	4.62263	4.43904	4.52979	4.95985	4.54120	5.17983	5.17159	4.70996	5.31183
5.85987	4.49154	4.49998	4.49672	4.46845	4.46004	4.45654	4.52760	4.47180	5.67663
4.92001	5.50190	5.97189	5.48194	5.37711	5.73699	5.72854	5.67387	5.97260	6.07725
4.67686	5.26326	5.59410	5.13037	4.93601	4.82337	4.97820	4.51348	5.48481	5.61879
5.17170	5.42201	5.83898	6.00022	5.83789	5.97137	5.23049	5.20416	6.08716	5.95637
5.64139	5.13215	5.32328	5.21271	5.33888	4.89444	5.52506	5.40775	4.53938	5.55083
5.00278	5.28828	4.89056	5.04616	4.70965	5.12597	5.45482	5.54159	4.49621	5.17187
5.67185	5.14063	4.64977	4.61022	5.88998	4.83098	5.22814	4.82184	5.16173	4.63006
5.32573	5.61947	6.08989	5.92582	5.98503	6.00065	5.63968	6.07973	5.45200	5.45686
5.64346	5.62923	4.91819	4.87358	4.83604	5.40685	4.72560	5.67431	5.64873	6.04615
4.88330	5.74520	5.84646	6.03776	5.91480	5.06574	5.62532	5.65893	4.93592	5.05812
5.01256	5.21348	5.06876	4.98599	4.75975					

Таблица 3. Средняя энтропия за каждый день сентября 2008 г.

5.99167	5.74752	4.89889	5.53436	5.04917	5.65500	5.52024	5.56443	4.72027	5.17705
5.54393	4.95335	5.55519	5.63196	5.34999	5.08997	4.95784	6.00646	5.59153	6.08612
5.61126	4.86010	5.37750	6.08336	4.88125	6.04162	5.79863	5.98591	6.02795	6.00859

Таблица 4. Усредненные значения энтропии перед кризисами

Дата	26.02.2001	27.02.2001	28.02.2001	01.03.2001	02.03.2001	03.03.2001	04.03.2001
Энтропия	4.887	5.854	5.981	5.757	6.028	5.351	5.175
Дата	16.09.2008	17.09.2008	18.09.2008	19.09.2008	20.09.2008	21.09.2008	22.09.2008
Энтропия	5.090	4.958	6.006	5.592	6.086	5.611	4.860

$$\begin{aligned}
z_2 > z_0, z_2 > z_1, z_2 > z_3, z_2 > z_4, z_2 > z_5, z_2 > z_6, \\
z_4 > z_0, z_4 > z_1, z_4 > z_3, z_4 > z_5, z_4 > z_6, \\
z_1 > z_0, z_2 > 6, z_4 > 5,7.
\end{aligned}
\tag{2}$$

Неравенства из первой строки утверждают, что значение переменной z_2 максимально; неравенства из второй строки утверждают, что z_4 превосходит все остальные значения, кроме z_2 ; неравенство $z_1 > z_0$ означает (вместе с неравенством $z_2 > z_1$) лишь то, что первые три значения монотонно возрастают. Наконец, последние два неравенства (и только они) ограничивают снизу максимальные значения z_2 и z_4 .

Если положить $z_k = x_{i-k}$ ($k = 0, 1, \dots, 6$), а также $z_k = y_{i-k}$ ($k = 0, 1, \dots, 6$), то соответствующие наборы будут удовлетворять всем неравенствам (2), что непосредственно видно по числам из табл. 4. Можно сказать, что энтропия классификаций за несколько дней до больших кризисов демонстрирует похожее поведение. Система неравенств (2) представляет собой *паттерн*, который описывает изменение энтропии за несколько дней до больших кризисов. Однако это наблюдение станет значительно более важным, если окажется, что указанный паттерн практически не встречается на всем рассматриваемом временном промежутке с 1 января 2001 г. по 31 декабря 2008 г.

Предварительные расчеты показывают, что такие случаи действительно очень редки — не более пяти на всем промежутке, в основном расположенных в его начальной части. Точные вычисления показывают, что в течение 2001 г. таких случаев было всего два: оканчивающийся 4 марта и, по-видимому, указывающий на близкий «доткомовский» кризис, а также следующий ровно через 30 дней после него (не указывающий на близкий кризис). В сентябре 2008 г. есть только один случай — ровно за неделю до большого кризиса 2008 г. Все эти случаи выделены полужирным шрифтом в табл. 2 и 3.

Заключение

Проведенные численные эксперименты указывают на наличие определенной связи между поведением фондового рынка и значениями энтропии у построенных по курсам акций семейств классификаций. Суть — в наличии определенного паттерна, который сигнализирует о реальной возможности наступления большого кризиса через несколько (4–7) дней. Конечно, пока это — правдоподобное предположение, требующее дальнейших исследований, в особенности анализа более ранних кризисов на том же фондовом рынке.

Источник

Rubchinsky A. Divisive-Agglomerative Algorithm and Complexity of Automatic Classification Problems: Working Paper WP7/2015/09 / NRU HSE. M., 2015. (Ser. WP7: Mathematical Methods for Decision Making in Economics, Business a. Politics). URL: www.hse.ru/data/2015/10/21/1079263062/WP7_2015_09_FFF.pdf.

M. Komarov
A. Nemeth

National Research University
Higher School of Economics

CUSTOMER BEHAVIOR MANAGEMENT USING BIG DATA AND LOCATION DATA

Introduction

Nowadays, the retail business underlies inconsistency in flow of customers and store traffic. Therefore, a demand arises, for the application of new novel concepts for balancing the customer flow and further the optimization the customers' journey. While the tracking of online customers is common, the application of analytics of offline customer journeys lacks behind. A variety of different technologies allows us to track the customers' location. In this research, the utilization of mining mobility patterns and the application of location prediction are taken into consideration for future loyalty programs on smartphones. Therefore, a comprehensive view on the emerging research field is necessary. A novel concept is demanded which allows businesses to steer and influence customer behavior. On the one hand, the concept may allow to draw conclusion of the behavior upon the historic customer mobility; on the other hand, by taking the historic mobility patterns into account, predicting future movements and behavior shall be actionable for retail businesses.

Due to the complexity and variety of the topic, a formal data model for mobility patterns is demanded, which further has the ability to be extended by various enterprise data (e.g. customer relationship management (CRM)). The majority of the required datasets to implement the proposed concept is currently owned by several retail businesses and has to be orchestrated into one single solution. By collecting and processing the mobility patterns of every single customer combined with the delivery of appropriate offers at the right time and the right place, may form the future's customer approach.

Proposed location graph model

The proposed location graph data model (Fig. 1) as application of property graph satisfies the needs for common analytics in location intelligence as well as the application of location prediction methods. Our simple location graph model consists of stay points and stay links.

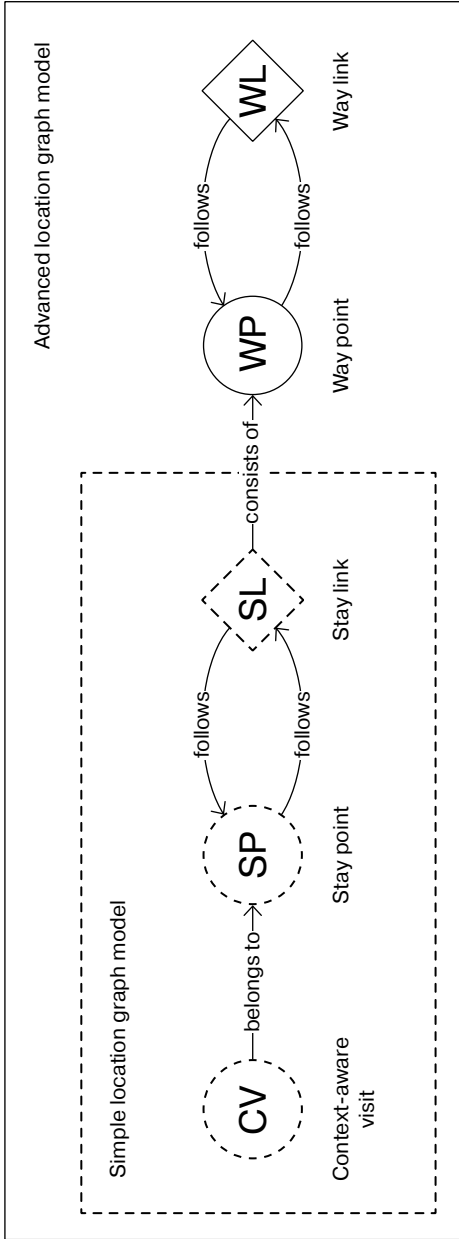

Fig. 1. Location graph model

- **Stay points** represent locations (e.g. super market, home, work place, etc.) where the user is located over stay time defined by a threshold value. Furthermore, a change in the transportation type (e.g. from metro to walking) also triggers the creation of a new stay point in the simple location graph model. A stay point stores at least a unique identifier key, latitude, longitude and radius value. Optionally, the selected context attributes are stored in connected visit vertices as an addition.

- **Stay links** represent the edge between two stay points. A stay link stores at least the unique identifier of the source stay point and the unique identifier of the destination stay point. Optionally, the selected attributes (e.g. movement data such as acceleration, therefore, the type of transportation; utilization of the respective stay link) can be stored additionally.

Furthermore, way points and way links are additional entities used by the proposed advanced location graph model and are embedded in the stay links between two stay points. This approach allows a higher granularity and analyzability of a given customer journey between two stay points on demand.

Empowerment of customer loyalty programs through location data

Today, many techniques to measure the current amount of people within a store exist. Many stores within a chain are suffering of unequally distributed flow of customers. For example, potential customers can observe the store from outside and in case the store is overcrowded, they change their previous plans and go to the direct competitor instead to purchase needed products. The data has to be processed in near-real time. It may also be considered as fast changing, if we take into account, the current amount of customers in a store as well as the movement of the customers.

Location and mobility analytics offers businesses new perspectives towards a 360-degree view of the offline customer journey. Already existing loyalty programs with mobile application support may be extended by tracking the customers' movement and provide them certain incentives and offers for the products they have bought in the past, if they will visit a different store within a chain. These analytics have to be done in near-real time to achieve a real impact. Therefore, we need to identify internal and external data sources for this application:

- the current amount of customers within the stores and the optimal amount of customers according to analytics of past turnover and off peak times;
- previous purchases of customers extracted from the ERP system in order to offer the customer an appropriate discount or a special price for previously bought products;
- the current and predicted location of the customers provided by the mobile loyalty program application;
- access to additional external context data e.g. weather information.

data is connected with the context-awareness of a time dimension (day of week) and context information of the location (e.g. sunny weather). After the user has visited the third stay point, the system already compares the sequence with the historic location graph and predicts the visit of retail store “Beta”. The system predicts a store utilization of 107% and sends an offer to the user which is only valid in retail store “Alpha” with a store utilization of 75%. The retail store “Beta” is in a geographical range of the predicted store, hence a significant increase of effort on the customer side may be prevented and the retail chain is able to outbalance their stores’ utilization.

Use case 2: Improve customer satisfaction

The above Fig. 3 shows an example of a different application of the proposed system. While the first scenario takes the store utilization under consideration,

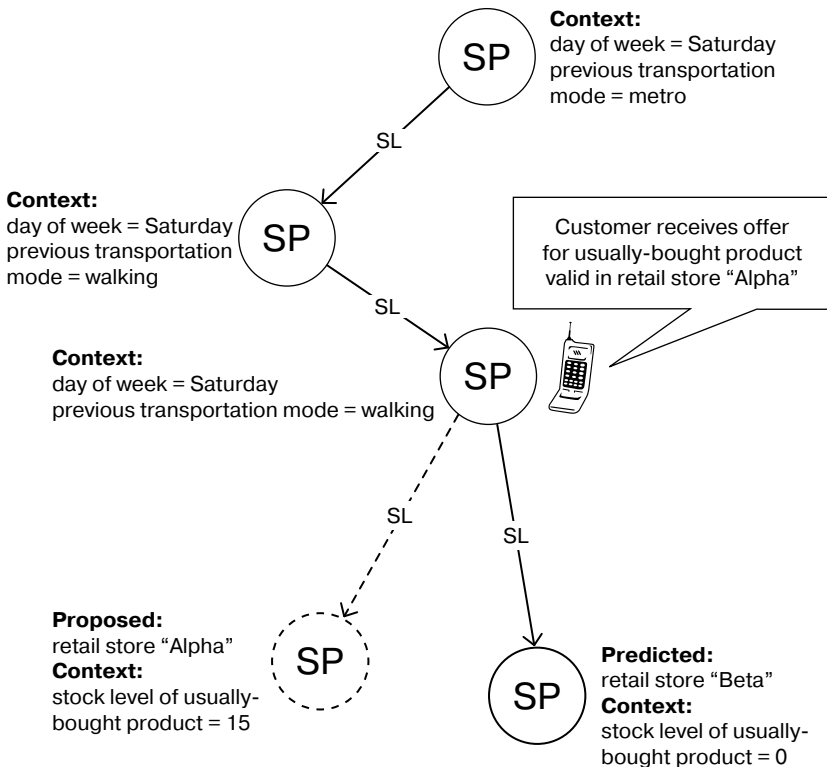

Fig. 3. Use case 2: Improving customer satisfaction

scenario 2 focuses on the inventory of the user’s usually-bought product inventory, hence the temporary unavailability of perspective products. As use case 2 illustrates, the users most probable sequence of stay points is predicted upon the historic location graph. The user receives an offer for retail store “Alpha” due to the fact that a usually-bought product is out of stock in retail store “Beta”. In this case the movement to the store of a competitor may be prevented, as the customer remains satisfied.

Use case 3: Improve competitive edge

In use case 3 (Fig. 4), the customer is intended to visit a competitor’s store, that is predicted by the application of the user’s historic location graph. In this scenario, the customer visits the locations, as a sequence of specific stay points in the men-

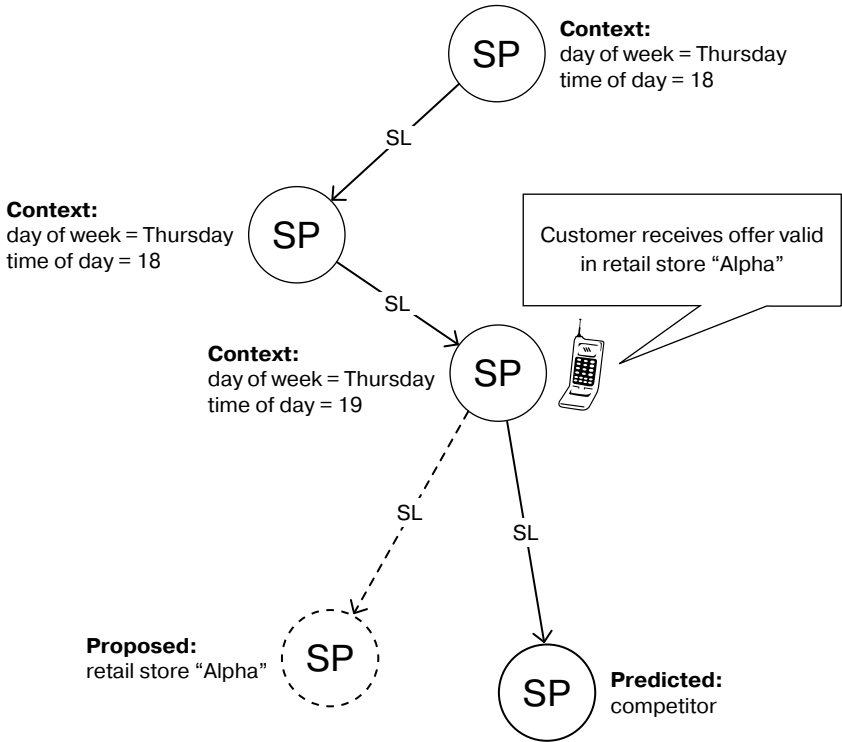

Fig. 4. Use case 3: Improving competitive edge

tioned order. Based on their predicted sequence of stay points, a visit of a competitor as the customer's next location is probable. On the way to the competitor's store the customer receives an offer valid in retail store "Alpha" and decides to claim the received offer. Instead of going to the competitor's store, the customer goes to retail store "Alpha".

Our concept for customer behavior management

The requirements which have been designed to state the needed data and methods:

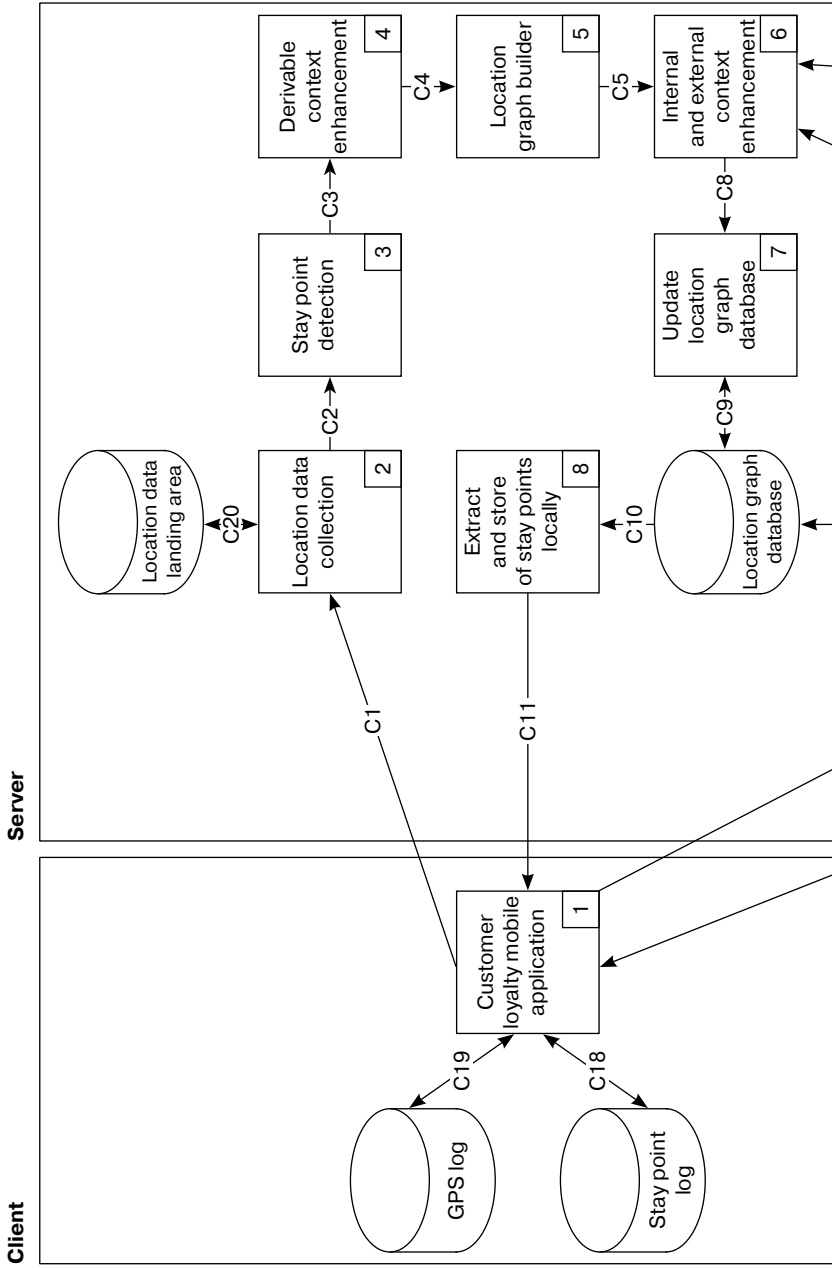
- the system shall track the users' movements and locations by the use of smart devices;
- the system shall predict the users' next location based on historic location data with the aid of performant algorithms;
- the system shall calculate routes to alternative locations of a store chain while considering the current perspective route and their end destination;
- the system should be able to semantically recognize and categorize already visited locations;
- the system shall decode locations to places, such as transportation, education, home, etc.;
- the system shall be aware of temporal aspects of users' movements;
- the system shall be aware of the store utilization and customer flow of every single store within a retail chain;
- the system shall calculate the optimal offer for the user which benefits him/her the most;
- the system shall have access to the data of already existing enterprise systems and data warehouses.

In order to fulfil the concept, we assume the application of different data sources which are already in use in common retail businesses. The data can be fetched from different ERP systems or existing data warehouses.

Architecture development for the proposed concept

Our proposed solution has been logically divided into 10 subsystems connected by external data sources (Fig. 5).

Each subsystem inherits its own dedicated logic and provides the possibility to be replaced by another module. Further, each module includes its own functions and algorithms. For example, the block 3 "Stay point detection" may be replaced by

Server

Client

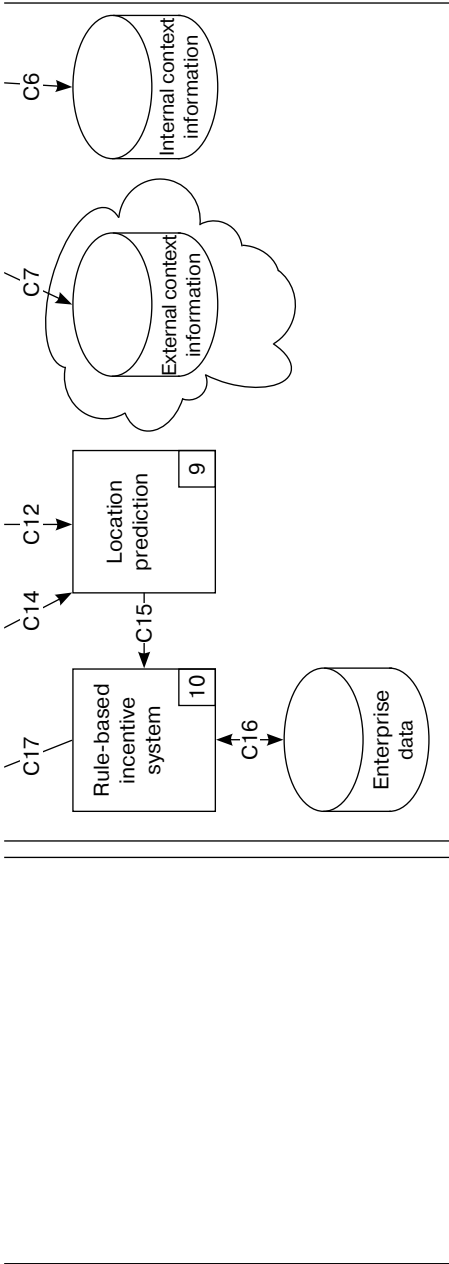

Fig. 5. Solution architecture of the proposed concept divided into 10 subsystems

another module (e.g. the application of a different clustering algorithm to determine stay points) as long it provides the same interfaces.

Analysis of strategic benefits

From the customers' perspective, when certain products are routinely bought, the absence of these products may influence the customers' satisfaction negatively. In future, customers may permanently change their buying behavior leading to a change to the competitors' alternative offerings. Further, the customer satisfaction may be increased by choosing a less crowded store. The prevention of high store traffic leads to an increase of individuals' service and care capabilities. Ultimately, the customer receives additional well-tailored incentives and offers at the appropriate time and location. Hence, a change in the initial customers' behavior will be rewarded and the appearance of possible extra efforts will be compensated (e.g. redirect to another store within the chain).

From the business perspective, the tracking and processing of customers' location data and mobility pattern enables businesses to add an unprecedented and innovative dimension to business' intelligence systems. By combining these data with numerous internal and external data sources, the amount of possible insights increases largely, as also the value for the businesses. Thus, inferences of the customers' lifestyles can be drawn and lead to extensive enhancements in product recommendation systems. For example, the repeated visit of gyms or other fitness facilities may give an indicator of the individuals' sportiness. Therefore, companies may send offers related to related leisure activities.

Delivering additional business value

Customers' mobility patterns may not solely drive additional value internally; retail businesses may create additional business models from customers' mobility. By extending the location graph model by purchased products at certain stores, insights about the buying behavior of customers and their lifestyle are generated. The combination of various location graphs of customers, who bought the same product of a specific manufacturer, would create heat maps showing where certain customer segments are located. Heat maps may be generated in different granularities on different scales (e.g. urban, region, country). The scales and the amount of customers would therefore determine the price depending on the manufacturers demand. By providing this information anonymously to manufacturers, enables those businesses to improve their offline marketing campaigns (e.g. promotion events). The effort for retail businesses delivering these heat maps and insights may be considered as marginal, since the data is already processed and available within the system. Therefore, retail businesses are able to acquire an additional source of revenue by synergizing

the suppliers demand for previously inaccessible insights and existing information of customers' mobility in combination with their purchase history.

Conclusions

A range of current technologies allows the tracking of the customer's mobility derived from smart devices. By enhancing loyalty programs with customers' mobility patterns, businesses are empowered to leverage the value of mobility as a resource. The proposed novel concept enhances current customer loyalty programs with efficient processing and storing of context-enhanced mobility patterns. The extensibility of property graphs, especially the proposed location graph model, allows the usage of derivable, internal and external data and sets this data into the right context. By separating information into stay nodes and connected visit nodes further leverages the reusability of existing stay nodes. In order to implement the concept, a solution architecture has been developed and includes 10 replaceable subsystems inheriting different algorithms.

Upon complete implementation of the concept, future customer loyalty applications are able to fully make use of the offline customer journeys. Furthermore, with the addition of a new dimension to intelligence systems, customer profiles are enriched. Consequently, also customers are able to benefit from the proposed concept.

The research has shown the usefulness of the utilization of mobility as a resource in customer behavior management and customer loyalty programs. Further, the research and implementation of remaining modules as well as the practical application of location prediction methods upon the proposed location graph model is proposed.

Offline stores such as retail stores, as discussed in this research, are not the only beneficial businesses. Under the assumption, that online stores and market places such as *Amazon* integrate the tracking of customers by a dedicated mobile application and process mobility patterns enhanced by context information, may create additional value for online businesses. Further, a mapping of all offline competitors via POI databases will enable online businesses to predict the customers' intention for shopping in brick-and-mortar stores. Therefore, online shops may propose to buy similar products offered in the predicted offline stores. As one can assume, the substitution of brick-and-mortar stores as we know today, may be drastically influenced in the long run. Further, the needed amount of dependent external systems (e.g. enterprise databases) is less for such a novel concept.

With the initial goal of the research, being the increase the customers' experience and satisfaction in retail business, the novel concept achieves the defined tasks and research questions.

References

Bar-David R., Last M. Context-Aware Location Prediction // Big Data Analytics in the Social a. Ubiquitous Context: 5th Intern. Workshop on Modeling Social Media, MSM 2014, 5th Intern. Workshop on Mining Ubiquitous a. Social Environments, MUSE 2014, and 1st Intern. Workshop on Machine Learning for Urban Sensor Data, SenseML 2014: Rev. Selected Papers. Beersheba: Springer Intern. Publ., 2016. P. 165–185.

Costa T. et al. You Are Here: Location Analytics and The Rebirth of Customer Experience. S.l.: s.n., 2014.

Lin M., Hsu W.-J. Mining GPS Data for Mobility Patterns: A Survey. Singapore: Elsevier, 2013.

Monatliche Verbrauchsausgaben der privaten Haushalte 2009/10 [Electronic resource] / Statistik Austria. 2011. URL: http://www.statistik.at/wcm/idc/idcplg?IdcService=GET_PDF_FILE&RevisionSelectionMethod=LatestReleased&dDocName=055851 (date of access: 27.04.2016).

Nerney C. Mobile Analytics Can Predict Customer Behavior, Build Loyalty // Mobile Business Insights [Electronic resource]. 2015. URL: <http://mobilebusinessinsights.com/2015/12/mobile-analytics-can-predict-customer-behavior-build-loyalty/> (date of access: 22.04.2016).

Predictive Analytics and Customer Lifetime Value: An Inside Perspective [Electronic resource] / SAS Inst., Inc. 2012. URL: https://www.sas.com/content/dam/SAS/en_us/doc/whitepaper1/predictive-analytics-customer-lifetime-value-105525.pdf (date of access: 27.04.2016).

The European Parliament and Council of the European Union: directive 95/46/EC of the European Parliament a. of the Council of 24 Oct. 1995 on the protection of individuals with regard to the processing of personal data a. on the free movement of such data. Luxembourg: s.n., 1995.

Ying J.J.-C., Lee W.-C., Tseng V.S. Mining Geographic-Temporal-Semantic Patterns in Trajectories for Location Prediction // ACM Transactions on Intelligent Systems a. Technology. 2013. Vol. 5. No. 1. P. 2.

XVII Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества [Текст] : в 4 кн. / отв. ред. Е. Г. Ясин ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. — 100 экз. — ISBN 978-5-7598-1568-6 (в обл.).
Кн. 4. — 538, [2] с. — ISBN 978-5-7598-1572-3 (в обл.). — ISBN 978-5-7598-1636-2 (e-book).

Сборник составлен по итогам XVII Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, организованной Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» при участии Всемирного банка и проходившей 19–22 апреля 2016 г. в Москве.

Рассматриваются следующие темы: социология, социокультурные процессы, социальная политика, развитие здравоохранения, развитие и проблемы образования, русский язык в многоязычном мире, инструментальные методы в анализе социальных и экономических процессов и др. Представлены также результаты проведенных в ВШЭ исследований социокультурных процессов, а также исследований в сферах социологии и образования.

Для социологов, политологов, экономистов, филологов, работников сфер здравоохранения и образования, а также студентов, аспирантов и преподавателей вузов. Книга может быть полезна всем, кто интересуется проблемами и перспективами формирования российской экономики.

УДК 330.101.5(063)
ББК 65.012

Научное издание

**XVII Апрельская международная научная конференция
по проблемам развития экономики и общества**

В четырех книгах

Книга 4

Зав. редакцией *Е.А. Бережнова*

Редактор *О.А. Каменкова*

Художественный редактор *А.М. Павлов*

Компьютерная верстка и графика: *Л.В. Маликина*

Корректор *О.А. Каменкова*

Подписано в печать 24.03.2017. Формат 60×88 1/16

Печать офсетная. Гарнитура Newton

Усл. печ. л. 32,7. Уч.-изд. л. 29,2. Тираж 100 экз. Изд. № 2104

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

101000, Москва, ул. Мясницкая, 20

Тел.: (495) 772-95-90, доб. 15285